

SELECTA

XX

SELECTA. Программа серии гуманитарных исследований, 2003–2012

1. *О. Р. Айратетов.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию. 1907–1917. М., 2003.
2. *В. А. Козлов.* «Где Гитлер?» Повторное расследование НКВД–МВД СССР обстоятельств исчезновения Адольфа Гитлера. 1945–1949. М., 2003.
3. *В. И. Молчанов.* Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. М., 2004.
4. *Кирилл Шевченко.* Лужицкий вопрос и Чехословакия: 1945–1948. М., 2004.
5. *Кирилл Шевченко.* Русины и Чехословакия: 1919–1939. К истории этнической инженерии. М., 2006.
6. *Ирина Глинка.* Дальше — молчание... : Автобиографическая проза о жизни долгой и счастливой. 1933–2003. М., 2006.
7. *И. В. Дубровский.* Институт и высказывание в конце Римской империи. М., 2009.
8. *Вугар Н. Сеидов.* Архивы Бакинских нефтяных фирм (XIX–начало XX вв.). М., 2009.
9. *Ю. А. Наумова.* Ранение, болезнь и смерть: русская медицинская служба в Крымскую войну 1853–1856 гг. М., 2010.
10. *Ольга Эдельман.* Следствие по делу декабристов. М., 2010.
11. *Горан Милорадович.* Карантин идей: лагеря для изоляции «подозрительных лиц» в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1919–1922 гг. М., 2010.
12. *И. В. Дубровский.* Очерки социальной истории средних веков. М., 2010.
13. *Л. Ф. Кацис, М. П. Одесский.* «Славянская взаимность»: Модель и топика. Очерки. М., 2010.
14. *В. Б. Каширин.* Взятие горы Маковка: неизвестная победа русских войск весной 1915 года. М., 2010.
15. *Анна Резниченко.* О смыслах имен: от философии языка — к языку философии. Русский контекст. М., 2011.
16. *М. А. Колеров.* Труд и война: военнопленные в экономике СССР (1944–1949). М., 2011.
17. Украина в 1918 году: сборник воспоминаний. М., 2011.
18. Сборники «Малая Русь» (1918): репринт и исследование. М., 2011.
19. *Алексей Тимофеев.* Партизаны, четники, комиты: Один век повстанческих традиций Западных Балкан. М., 2012.
20. *Кирилл Шевченко.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины (XIX–1 пол. XX вв.). М., 2012.
21. *Брюс Меннинг.* «Пуля — дура, штык — молодец»: Русская императорская армия, 1861–1914. М., 2012.
22. *М. А. Колеров.* Измена: «Вехи» и коммунизм: очерки по истории русской мысли (1918–1923). М., 2012.
23. *М. Йованович.* Над обломками Академии: Русский научный институт в Белграде (1928–1941). М., 2012.
24. *М. М. Шевченко.* Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг. как проблема внутренней политики и стратегии России. М., 2012.

В 2012 году издание серии прекращается

К. В. Шевченко

СЛАВЯНСКАЯ АТЛАНТИДА

КАРПАТСКАЯ РУСЬ И РУСИНЫ
В XIX–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВВ.

Москва
REGNUM
2010

УДК 94(=16) "18/19"
ББК 63.3 (49=411.4)5
Ш 37

*Дорогой жене Ирине
посвящается*

Серия SELECTA
под редакцией М. А. Колерова

Рецензенты:

Лаптева Л. П.,

доктор исторических наук,
профессор исторического факультета МГУ;

Айратов О. Р.,

кандидат исторических наук,
доцент исторического факультета МГУ;

Рандин А. В.,

кандидат исторических наук,
преподаватель Университета им. Коменского, Братислава, Словакия.

К. В. Шевченко.

Ш 37 Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX–первой половине XX вв. М.: Издательский дом «Регнум», 2010. 414 с. (SELECTA. XX)
ISBN 987-5-91887-007-5

УДК 94(=16) "18/19"
ББК 63.3 (49=411.4)5

ISBN 987-5-91887-007-5

© К. В. Шевченко. Текст
© М. А. Колеров. Составление и редакция серии
© А. А. Яковлев. Оформление

ВВЕДЕНИЕ

Этнокультурный ландшафт Центральной и Восточной Европы стал более разнообразным и пестрым за последние десятилетия. Современная этническая карта славянских народов отмечена нарастающим динамизмом и активностью альтернативных этнических идентичностей, которые свидетельствуют о неустойчивости и условности некоторых ранее общепринятых этнических категорий. Все более настойчиво заявляют о себе определенные историко-культурные области, население которых, обладая расплывчатой этничностью и неясным представлением о собственной национальной принадлежности, тем не менее не склонно отождествлять себя с приписываемыми ему традиционными этнонациональными категориями. Эти «этнически индифферентные группы»¹ представляют собой питательную почву для появления альтернативных этнокультурных движений и могут служить убедительной иллюстрацией к мысли Э. Геллнера о существовании большого числа «потенциальных» народов.² По словам Геллнера, вначале мы имеем дело лишь с бесконечными культурными различиями, которые не позволяют предсказать, какие именно из них станут этнообразующими критериями и положат начало отдельным народам.³ Мораване в Чехии,⁴ кашубы в Польше, русины в Словакии, Польше и на Украине, полешуки в Беларуси⁵ демонстрируют наиболее яркие примеры подобных ситуаций, ставя под сомнение традиционный взгляд на этнолингвистическую карту славянской части Европы.

¹ См.: *Lozoviuk P.* Etnicky indiferentní skupiny — obohacení, nebo hrozba? // *Střední Evropa*. 1994. №43. S. 21.

² См.: *Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford, 1983.

³ См.: *Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // *Путь*. М., 1992. № 1. С. 59.

⁴ После «бархатной» революции 1989 г. в Чехословакии возник ряд общественных и политических организаций, которые, апеллируя к историческим и культурным аргументам, заявляли о существовании отдельного от чехов моравского народа и пытались создать моравский литературный язык. Наиболее активно эту идею пропагандировала Моравская национальная партия, образованная в 1990 г. Судя по всему, в начале 1990-х гг. значительная часть населения Моравии сочувствовала этим идеям. Так, во время переписи в Чехословакии в 1991 г. 1 миллион 360 тысяч жителей Чехословакии указали «моравскую» национальность. См.: *Pernes J.* Pod moravskou orlicí aneb dějiny moravanství. Brno, 1996.

⁵ Часть коренного населения современного Полесья (юго-западная часть Беларуси и северо-западная часть Украины) заявляет о себе как о представителях отдельного полесского народа, отрицая свою общепринятую белорусскую или украинскую национальную принадлежность. В 1989 г. в Беларуси было создано общественно-культурное общество «Збудинне», которое отстаивало идею существования восточнославянского полесского народа, отличного от белорусов и украинцев. Идеологи полесского движения предпринимали попытки создать «западнополесский» литературный язык и пропагандировать его среди населения белорусского Полесья. См.: *Shevchenko K.* The Identity Crisis and Emergence of Alternative Ethnic Identities among the Eastern Slavs: the Case of the Poleshukhs // *Parallel Cultures. Majority/minority relations in the countries of the former Eastern Bloc*. Ashgate, 2001. P. 177–208.

По мнению современных этнологов, этническое самосознание, являющееся одной из специфических форм коллективной идентичности, занимает доминирующее положение в иерархии идентичностей современных индустриальных и постиндустриальных обществ, а мышление в этнонациональных категориях воспринимается представителями данных обществ как объективный и естественный процесс. Этническая идентичность рассматривается исследователями как «чувство принадлежности к одному народу, разделяемое всеми его членами и основанное на предполагаемом совместном опыте, который выражает часть коллективного опыта данной этнической группы».⁶ Важной чертой этнической идентичности является ее динамичный и постоянно меняющийся характер, что позволяет рассматривать данное явление как «комплекс процессов, посредством которых люди конструируют и реконструируют свою этничность... Этнические идентичности представляют собой не естественные факты, а культурные конструкции, которые подвержены изменениям».⁷

Питательной средой для процесса возникновения и развития этнических идентичностей, связанного с формированием и пропагандой новой системы ценностей, является нестабильность существующей социальной системы и любая форма общественной мобилизации. В «стандартной» ситуации альтернативные формы этнической идентичности обычно находятся в латентном состоянии, активизируясь, как правило, только в условиях социальных потрясений.⁸

Многие исследователи подчеркивают особое значение социальных факторов в процессе формирования этнических идентичностей, зачастую играющих более важную роль, чем объективно существующие культурные особенности. По мнению Т. Эриксона, «культурные различия между двумя группами не являются определяющей чертой этнического самосознания... Только в том случае, если культурные различия воспринимаются как нечто важное и социально значимое, они приобретают этническую окраску...».⁹ Сказанное имеет прямое отношение к современным этническим процессам в славянском культурном пространстве.

Предположения о том, что современные технологии, урбанизация, развитие массовой коммуникации и растущее взаимодействие различных культур приведут к стиранию культурных барьеров и постепенной нивелизации этнических различий, не подтвердились. Этнические различия «...оказались

⁶ *Weinreich P.* Variations in Ethnic Identity: Identity Structure Analysis // *New Identities in Europe*. Vermont, 1989. P. 72.

⁷ *Ibidem*. P. 45, 57.

⁸ *Lozoviuk P.* *Evropská etnologie ve středoevropské perspektivě*. Pardubice, 2005. S. 37, 45.

⁹ *Eriksen T. H.* *Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives*. L., 1993. P. 11–12.

устойчивыми в условиях перемен. Более того, они часто возникали в ходе тех самых процессов, которые, по мнению многих, должны были с ними закончить...».¹⁰ В восточнославянском этнокультурном пространстве, переживающем многочисленные социально-экономические и политические катаклизмы и страдающем от затянувшегося кризиса идентичности, сложились особенно благоприятные условия для активизации этнических процессов. Однако вопреки очевидной этнической близости и культурно-языковому родству восточнославянских народов, вектор данных этнических процессов, определяемый центробежными силами, направлен на дальнейшую фрагментацию и атомизацию восточнославянской общности.

Н. С. Трубецкой, сравнивая этнокультурную эволюцию славянско-го и романо-германского мира, отмечал, что в Западной Европе, вопреки глубоким культурным различиям, в итоге возобладали объединительные тенденции, завершившиеся формированием единых литературных языков, в то время как в восточнославянском культурном пространстве, изначально гораздо более однородном в культурно-языковом отношении, верх взяли центробежные силы. По словам Трубецкого, «...нет никаких оснований полагать, что два диалекта, даже сильно отличающиеся друг от друга, должны непременно развиться в два разных литературных языка... Любой из великих литературных языков Европы (французский, итальянский, английский, немецкий) доминирует на территории, которая в языковом отношении гораздо менее однородна, чем восточнославянская этническая группа. Различия между нижненемецким и верхненемецким или между диалектами северной Франции и Прованса не только намного сильнее, но и значительно старше, чем разница между украинским, белорусским и великорусским языками».¹¹

Тенденция к фрагментации славянского этнокультурного пространства находит свое выражение в феномене славянских литературных микроязыков, существующих наряду с общенациональными литературными языками и демонстрирующих в последнее время значительный потенциал дальнейшего расширения.¹² А. Дуличенко определяет литературные микроязыки как «форму существования языка (или диалекта), имеющую письменность и характеризующуюся нормализующими тенденциями, которые возникают как следствие функционирования литературно-письменной формы в рамках ... организованного литературно-языкового процесса».¹³ Живучесть славянских микроязыков А. Дуличенко объясняет не только сла-

¹⁰ *Ibidem*. P. 33.

¹¹ *Trubetzkoy N.* *The Common Slavic Element in Russian Culture*. Columbia University. 1952. P. 22.

¹² *Дуличенко А. Д.* Современная этноязыковая Микрославия: состояние и перспективы развития // *Плишкова А.* (ед.) *Русинский язык между двома конгресами*. Пряшів, 2008. С. 43.

¹³ Там же. С. 38.

бостью функционирования некоторых общенациональных литературных языков у славянских народов, но и особенностями этнического сознания, которое «формирует, хранит и охраняет, а в отдельные моменты и актуализирует свое этноязыковое пространство...».¹⁴ Для некоторых уровней этнического сознания именно микроязыки оказываются наиболее приемлемой и адекватной формой самовыражения. В истории славянских народов язык всегда играл особенно важную этнообразующую роль, занимая видное место в славянских национальных идеологиях.

По мнению ряда современных исследователей, объективно существующие культурные особенности и этнические различия представляют собой не более чем материал, «обрабатываемый в ходе идеологической работы... Три восточнославянские нации — русские, украинцы и белорусы — тоже не являются чем-то изначально предопределенным... Вполне возможной иной ход политических событий средневековья привел бы, наверное, к совершенно иной современной национальной карте Восточной Европы».¹⁵ Создание современных украинской и белорусской нации — «результат борьбы и труда интеллигентов и политиков, причем были другие интеллигенты и политики, борющиеся за внедрение ... общерусского сознания. ... Это — не борьба за то, чтобы некая объективно существующая общность «осознала себя» и «возродилась» (любимые термины всех националистов), а именно борьба за создание нации... из национально неопределенного материала, борьба, исход которой не был «предопределен» и разные исходы которой были бы одинаково «правильными» и «естественными», — полагают Д. Фурман и О. Буховец. — Белорусы могли исчезнуть, войти в состав русской нации, и это было бы не более «неестественным» ... актом «этноцида», чем, скажем, «растворение» провансальцев во французской нации, сицилийцев и сардинцев — в итальянской, баварцев — в немецкой».¹⁶ По наблюдению А. Миллера, было время, когда «... украинская и русская идентичности отнюдь не были взаимно исключающими... Кем является с точки зрения современных этнонациональных категорий основатель Киевского клуба русских националистов, уроженец и помещик Полтавщины Анатолий Савенко, даже в начале XX века считавший себя и русским, и малороссом?»¹⁷

¹⁴ Дуличенко А. Д. К типологии социолитературных стратегий в эпоху национального возрождения: областные — общенациональные литературные языки — всеславянские лингвопроекты // Историко-культурные и социолитературные аспекты изучения славянских литературных языков эпохи национального возрождения. М., 1993. С. 17.

¹⁵ Фурман Д., Буховец О. Белорусское самосознание и белорусская политика // Свободная мысль. М., 1996. № 1. С. 57–75.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Миллер А. Россия и Украина в XIX–начале XX вв.: непредопределенная история // Украина и Россия: общества и государства. Выпуск 1. М., 1997. С. 71.

Подобные сценарии и альтернативы имели место и у других славянских народов. Так, ныне общепринятое мнение о том, что чехи и мораване образуют единый народ, является сравнительно свежим продуктом процесса, протекавшего в XIX веке и получившего название «чешское национальное возрождение». Между тем культурно-историческое развитие Чехии и Моравии во многом разнилось и вплоть до конца XVIII–начала XIX вв. сохранялись серьезные предпосылки формирования отдельного от чешского моравского самосознания. Чешская идентичность населения Моравии полностью утвердилась лишь в конце XIX века.¹⁸ В отличие от чехов и мораван, у которых во второй половине XIX века окончательно сформировалось общее самосознание, отношения великороссов и малороссов, ставших позднее украинцами, определялись нарастающим этнокультурным размежеванием.

* * *

Ярким примером развития альтернативных этнических идентичностей у восточнославянских народов и уязвимости нынешнего деления восточнославянской общности на русских, украинцев и белорусов является русинское национальное движение, отрицающее общепринятое в период социализма и в современной Украине взгляд на карпатских русинов как на этнографическую разновидность украинцев. Русинское движение, динамично развивающееся в последние десятилетия и отличающееся масовостью, зрелостью и институциональной оформленностью, самим фактом своего существования опровергает ранее общепринятое мнение об украинской этнической принадлежности восточнославянского населения современного Закарпатья и северо-восточной Словакии.

Важная черта современного русинского движения заключается в том, что пропагандируемые им идеи и ценности актуализируют именно ту эпоху, когда существовало общерусское этническое самосознание, против которого боролись сторонники существования отдельного от русского украинского и белорусского народов. С приходом к власти большевиков и с образованием СССР общерусская концепция восточнославянской этнокультурной общности была запрещена и предана анафеме; русские, украинцы и белорусы были официально объявлены хотя и братскими, но отдельными народами. По словам белорусского исследователя А. Ю. Бендина, «произошло искусственное сужение инклюзивной формулы «русскости», основанной на вероисповедной и этнической общности великороссов, ма-

¹⁸ См.: Lozoviuk P. Moravanství a podoby jeho intersubjektívnych konštrukcií // Český lid. Etnologický časopis. Ročník 91/2004. № 3. S. 222–223.

лороссов и белорусов... В результате терминологической подмены этноним «русские», который применялся для православного славянского населения России, стал использоваться только по отношению к великороссам. Белорусизация земель, которые вошли в состав БССР, как и украинизация земель Советской Украины, упразднившая понятия «Малороссия» и «малороссы», раскололи общерусскую религиозно-этническую идентичность восточнославянских народов, положив начало формированию новой узкоэтнической идентичности белорусов и украинцев».¹⁹

Сформированная в советскую эпоху «узкоэтническая» украинская идентичность оказалась неустойчивой и подверженной этнокультурной коррозии, свидетельством чего и является нынешнее русинское движение. Именно эта «узкоэтническая» идентичность, унаследованная Украиной из советского прошлого, стала основным легитимирующим фактором современной украинской государственности. Русинское движение представляет собой иной тип восточнославянского самосознания и предлагает альтернативный взгляд на восточнославянскую общность, рассматриваемую в иной системе координат. Поскольку идеи, лежащие в основе русинского мировоззрения, ренимируют эпоху существования общерусского самосознания, когда украинская идентичность в ее современной форме еще не утвердилась, что подрывает идеологический фундамент современного украинского государства, категорическое неприятие русинского движения официальным Киевом выглядит логичным и предсказуемым.

После «бархатной революции» и падения социализма в Чехословакии в 1989 г., когда местное восточнославянское население северо-восточной Словакии получило возможность свободно заявлять о своей этнической принадлежности, оказалось, что более половины тех, кто ранее официально считались украинцами, заявили о себе как о русинах, возрождая свой традиционный этноним и систему ценностей. Согласно официальным данным за март 1991 г., к этому времени 17 197 жителей северо-восточной Словакии идентифицировали себя как «русины» и только 13 284 заявили о себе как об украинцах. При этом около 50 000 опрошенных указали русинский язык в качестве родного,²⁰ что может свидетельствовать о наличии значительного числа тех, кто говорит на русинских диалектах, но по разным причинам предпочитает указывать не русинскую, а чаще всего словацкую национальность. Определенную роль в этом играет то обстоятельство,

¹⁹ Бендин А. Ю. Проблемы этнической идентификации белорусов 60-х гг. XIX–начала XX вв. в современной историографии // Исторический поиск Беларуси. Альманах. Минск, 2006. С. 12–13.

²⁰ Paukovič V. Etnická štruktúra Slovenska, jej vývoj, demografické a sociálne charakteristiky // Sociologia. Časopis Sociologického Ústavu Slovenskej Akadémie Vied. Ročník 26. Bratislava, 1994. S. 425–431.

что многие русины «стыдятся за свое происхождение и выдают себя за словаков. Это неудивительно, поскольку в системе их воспитания отсутствуют все необходимые звенья, а в подсознании сохраняется закодированное чувство страха недавнего прошлого, страха переселения на Украину, о чем заявляли некоторые деятели прошлого режима...».²¹

Динамика численности русинов и украинцев в Словакии после 1989 г. говорит об успехах русинского движения. Если перепись 1991 г. в Словакии зафиксировала 17 197 русинов и 13 284 украинца, то по данным переписи, проведенной в мае 2001 г., в Словакии насчитывалось уже 24 201 русинов и лишь 10 814 украинцев. При этом 54 907 человек указали русинский язык в качестве родного, что более чем в два раза превышает количество указавших русинскую национальность.²² Таким образом, численность тех, кто идентифицирует себя как русин, за десятилетие с 1991 по 2001 гг. выросла в Словакии с 17 197 до 24 201, т. е. почти на 41%, в то время как численность украинцев снизилась с 13 284 до 10 814.

Большую роль в «пробуждении» русинской идентичности восточнославянского населения северо-восточной Словакии сыграла пропагандистская деятельность русинской общественной организации «Русинска Оброда» и ее активистов. Так, накануне последней переписи в Словакии редакция газеты «Народны новинки», органа «Русинской Оброды», выпустила листовки, обращавшиеся к населению с известными строками русинского будителя XIX в. А. Духновича, весьма изобретательно приспособленными для текущих пропагандистских нужд: «Я русин был, емь и буду, а при списованю людей у маю 2001 на то не забуду!». Листовки содержали фрагмент счетной анкеты, где в графах «национальность» и «родной язык» были поставлены крестики напротив категории «русинский». Русинские активисты энергично готовятся к следующей переписи населения в Словакии, намеченной на 2011 г. Уже к февралю 2009 г. «Русинская Оброда» разработала «Комплексный план акций до переписи населения», предполагающий активную пропагандистскую кампанию в местах проживания русинов в тесной координации со старостами деревень и местным духовенством под лозунгом «Быть русином не позор, а честь!».²³

По мнению некоторых исследователей и активистов русинского движения, реальная численность русинов в Словакии намного выше официальных словацких данных. Количество русинов в северо-восточной Словакии

²¹ András M. Súčasně postavenie Rusínov na Slovensku // Střední Evropa a Podkarpatská Rus. Edice statí, reportáží, vzpomínek a dokumentů. 16 svazek. Praha, 1997. S. 96.

²² Slovensko 2002. Súhrnná správa o stave spoločnosti. Bratislava, 2002. S. 196–197.

²³ Народны новинки. 19. III. 2009. Число 9–12.

оценивается ими в 120000 человек,²⁴ а число русинов в Закарпатской области Украины — приблизительно в 600000 человек.²⁵ По данным чешской публицистки Г. Немцовой, в начале 1990-х гг. в Закарпатье пропорция между русинами и украинцами составляла примерно 70% к 30% в пользу русинов.²⁶ Канадский профессор-славист П. Р. Магочи, один из наиболее авторитетных специалистов в области карпатоведения, оценивает примерное число русинов на Украине в 740000 человек, количество русинов в Словакии — в 130000 человек, в Польше — в 60000, в Сербии — в 25000, в США и Канаде — в 640000. Общее число карпатских русинов в мире, по мнению профессора Магочи, составляет около 1640000 человек.²⁷

Официальные цифры, отражающие численность русинов на Украине, существенно ниже. Результаты последней переписи на Украине, проведенной в декабре 2001 г., выявили только 10200 русинов, а также 672 лемков и 131 бойков; при этом этнические категории русинов, лемков и бойков были предусмотрены переписью лишь в качестве этнографических групп украинцев.²⁸ Русинские деятели подвергают сомнению данные последней украинской переписи, считая, что количество русинов в них сильно занижено. По независимым опросам, проведенным в Закарпатье русинскими организациями, число тех, кто считает себя русинами, составило около 22000–28000 человек.²⁹

Любопытные сведения о количестве русинов в Закарпатье были получены в ходе социологического опроса в Закарпатской области Украины 5–11 февраля 2006 г. Общий объем выборочной совокупности во время данного опроса составил 1500 респондентов. Отвечая на вопрос «С какой национальностью Вы себя идентифицируете?», 9% респондентов указали русинскую национальность.³⁰ Несмотря на игнорирование или крайне предвзятое освещение русинской тематики украинскими СМИ, достаточно большое число опрошенных в Закарпатской области (31%) осведомлено о деятельности русинской организации «Сойм подкарпатских русинов». Из числа тех, кто знает о деятельности данной организации, 7% полностью ее поддержи-

²⁴ Народны новинки. 19. III. 2009. Число 9–12.

²⁵ См.: Bugajski J. Nations in Turmoil. Conflict & Cooperation in Eastern Europe. Westview Press. Boulder–San Francisco–Oxford, 1993. P. 48–49.

²⁶ Němcová H. Velké problémy malé země // Listy. Ročník XXI. Číslo 2. 1991. S. 22–25.

²⁷ Магочій П. Р. Народ нивыдки. Ілюстрована історія карпаторусинов. Ужгород, 2007. С. 11.

²⁸ Kuzio T. The Rusyn Question in Ukraine: Sorting Out Fact from Fiction // Canadian Review of Studies in Nationalism. 2005. XXXII. P. 8.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Геворкян А. С. Три страны. Три мифа. Социально-экономические и политические трансформации Казахстана, Грузии, Украины. М., 2008. С. 129.

вают, 14% поддерживают частично, 9% не поддерживают и 70% затруднились с ответом на данный вопрос.³¹ Незначительное количество тех, кто считает себя русином, проживает и в Российской Федерации. В ходе последней все-российской переписи населения в 2002 г. 97 человек из общего числа опрошенных указало русинскую национальность.³²

Процесс русинского возрождения постепенно набирает силу не только в северо-восточной Словакии, но и в Закарпатской области Украины, где существует ряд русинских организаций, небезуспешно пропагандирующих среди местного населения идею отдельного, не имеющего ничего общего с украинцами русинского народа. С самого начала деятельность русинских организаций Закарпатья не ограничивалась только сферой культуры, распространяясь и на политику. Так, на конференции Общества Подкарпатских русинов 15 мая 1993 г. было образовано «временное правительство» Подкарпатской Руси во главе с профессором Ужгородского университета И. Туряницей. Временное правительство объявило себя «правопреемником прежнего правительства Подкарпатской Руси, насильственно ликвидированного Сталиным в 1945 г.»³³ В интервью Чешскому телеграфному агентству (ЧТК) в январе 1995 г. министр иностранных дел этого правительства Т. Ондик заявил в Братиславе, что конечной целью русинского движения является достижение независимости, но исключительно мирными средствами. Это вызывает острую реакцию местного Руха и украинских идеологов, которые обвиняют русинских активистов в предательстве украинской идеи, в сотрудничестве с «русской имперской разведкой» и в том, что «политрусиство все больше превращается в пятую колонну Кремля».³⁴

Русинский вопрос вообще является исключительно деликатной и болезненной темой в современной Украине, при обсуждении которой даже маститые украинские ученые дают волю эмоциям, скатываясь к откровенной брани и навешиванию идеологических ярлыков. Так, по словам О. Мишанича, «нынешний политический русинизм и его носитель — «карпатский русин» — не национальность, не национальное меньшинство и даже не этническая группа. Это — профессия. Позорная профессия предательства, запродажства и политиканства, сила зла, направленная против Украины. Это — форма имперского гнета на Украину, один из способов раскола украинского народа...»³⁵

³¹ Геворкян А. С. Три страны. Три мифа. Социально-экономические и политические трансформации Казахстана, Грузии, Украины. М., 2008. С. 119.

³² См.: <http://www.perepis2002.ru>

³³ Пряшовска Русь. 2. IV. 1998.

³⁴ Срібна земля-фест. 19–25 вересня 1996. №22.

³⁵ Мишанич О. Політичне русинство і що за ним. Ужгород, 1993. С. 17.

Как бы то ни было, но идея общности Закарпаття от остальной Украины довольно популярна среди местного населения. Именно Закарпатская область выступила инициатором фактической федерализации Украины, еще во время первых президентских выборов в Украине в декабре 1991 г. подавляющим большинством голосов (78%) высказавшись за предоставление Закарпаттю самоуправления. При этом более 80% жителей Берегово, места компактного проживания этнических венгров Закарпаття, проголосовали за создание венгерской автономной области с центром в г. Берегово. В ходе президентских выборов в Украине в ноябре–декабре 2004 г. и последовавшего за ними острого политического кризиса население Закарпаття вновь продемонстрировало отличие своих политических и идеологических предпочтений от соседней Галиции.

Результаты декабрьского референдума 1991 г. активно использовались лидерами русинского движения в пропагандистских целях. В заявлении Временного правительства Подкарпатской Руси 1 декабря 1993 г. в Ужгороде, подписанном главой правительства И. Туряницей и направленном президенту, парламенту и правительству Украины, содержалось требование «официально признать автономное государственное образование на территории нынешней Закарпатской области, восстановленное волеизъявлением народа — референдумом 1 декабря 1991 года». ³⁶ Противостояние между активистами русинского движения и официальными властями Украины периодически выплескивается на страницы местной прессы. Так, ужгородская газета «Русьська бисида» наряду с хроникой русинской культурной жизни информировала читателей о фактах дискриминации русинов со стороны украинских властей. В одном из номеров «Русьська бисида» сообщала об увольнении с работы русинского поэта и автора русинской грамматики И. Керчи украинскими националистами, о запрете властей назвать вокальный ансамбль ужгородского училища культуры именем «Русиночка», а также о противодействии ужгородской областной администрации участию русинов во встрече представителей нацменьшинств Украины под эгидой Европарламента. Газета даже заключала, что «Украина проводит в отношении русинов геноцид...». ³⁷

Нежелание украинских властей признать русинов в качестве отдельного народа становится одной из главных проблем современного русинского движения, поскольку большая часть русинов проживает на территории современной Закарпатской области Украины. В заявлении четвертого Всемирного Конгресса русинов, состоявшегося в 1997 г. в Будапеште, констатирова-

³⁶ Пряшовска Русь. 2. IV. 1998.

³⁷ Русьська бисида. Август 1998. Число 4 (8).

лось, что в то время как Югославия, Венгрия, Польша и Словакия признали русинов как отдельный народ, Украина не предприняла аналогичного шага, что явилось нарушением Рамочной Конвенции по защите национальных меньшинств и самой украинской Конституции. Четвертый Всемирный Конгресс русинов обратился к украинским властям с призывом признать русинов в качестве отдельного национального меньшинства. На заседании Всемирной рады русинов 14 марта 2003 г. в Ужгороде, посвященном положению русинов Подкарпаття, вновь подчеркивалось, что самой большой проблемой остается непризнание русинов Подкарпаття в качестве отдельного национального меньшинства правительством и государственными структурами Украины. ³⁸

7 марта 2007 г. Закарпатская областная рада приняла решение о признании национальности «русин» на территории Закарпаття и внесении ее в список национальностей, проживающих в области. Признание русинов в качестве отдельной национальности в Закарпатской области Украины было достигнуто благодаря активной деятельности русинских организаций и лоббированию интересов русинов во властных структурах США. Лидеры североамериканских русинских организаций встречались с представителями Госдепа США и конгрессменами, а также с влиятельным сенатором Д. Маккейном, членом комитета по зарубежным связям сената США, который лично передал пожелания русинов президенту Украины В. Ющенко. ³⁹

В то время как украинские политики и публицисты восприняли решение областной рады крайне негативно, русинская общественность Закарпаття приветствовала данный шаг, расценив его как своеобразную «дань» коренному населению области, отстаивающему свое право «быть народом, отобранное у карпатских русинов во время сталинизма и тоталитаризма». ⁴⁰ На девятом Всемирном конгрессе русинов 22 июня 2007 г. в Румынии признание русинов в качестве отдельной национальности в Закарпатской области Украины было отмечено как одно из главных достижений русинского движения в последние годы. Возглавлявший в то время Всемирную раду русинов П. Р. Магочи подчеркнул в своем выступлении на конгрессе, что в настоящее время двумя главными задачами русинов являются «школы и переписи населения». ⁴¹

Решение Закарпатской областной рады свидетельствует как об успехах русинского движения, так и о системных сбоях украинской государственной и пропагандистской машины, без видимых успехов пытающейся создать

³⁸ Народны новинки. 2. IV. 2003. Число 13–14.

³⁹ Народны новинки. 11. VII. 2007. Число 25–28.

⁴⁰ <http://www.uzhorod.ua/novosti/20432>

⁴¹ Народны новинки. 11. VII. 2007. Число 25–28.

из населения Украины, отличающегося значительным региональным своеобразием, единую украинскую «политическую нацию» с соответствующей «высокой культурой».⁴² Примечательно, что неудачи в создании украинской «политической нации» преследуют Киев не только на русскоязычном востоке и юге Украины, но и в самой западной Закарпатской области, которая, являясь частью украиноязычной Западной Украины по формально-языковым и географическим критериям, тем не менее существенно отличается от соседней Галиции по целому ряду параметров.

* * *

Историческая родина карпатских русинов — территория галицкой Лемковины и бывшей Угорской Руси (нынешние области юго-восточной Польши, северо-восточной Словакии и Закарпатская область Украины) на северных и южных склонах Карпат, объединенные историко-географическим термином «Карпатская Русь». Общая площадь Карпатской Руси составляет около 18000 кв. км, простираясь на 375 км от реки Попрад на западе до реки Тисы и ее притоков на востоке.⁴³

В культурно-языковом отношении русины представляют собой крайнюю западную часть того восточнославянского этнического массива, который впоследствии стал основой формирования украинского народа. Лишенные «собственного» государства и постоянно пребывая в составе других государственных образований в качестве национального и религиозного меньшинства, русины периодически становились объектом «этнокультурной инженерии» со стороны элиты тех стран, в состав которых они входили. В отличие от русинов Восточной Галиции и Буковины, которые постепенно восприняли украинскую идентификацию и стали украинцами, отказавшись от своего традиционного этнонима, русины галицкой Лемковины и Угорской Руси не только сохранили свою доукраинскую этническую идентичность, но и развили ее в ожесточенном идейном противостоянии с украинскими идеологами. Наиболее активная фаза этого противостояния приходится на период нахождения карпатских русинов в составе межвоенных Чехословакии и Польши, политика которых наложила сильный отпечаток на протекание и результаты этого процесса. Эволюция традиционной

⁴² Т. е. стандартизированная, формализованная и кодифицированная культура, передаваемая посредством и в условиях всеобщей грамотности. См.: *Gellner E. Nations and Nationalism*. P. 76.

⁴³ *Магочій П. Р. Етно-географічний і історичний перегляд // Русинський язык. Najnowsze dzieje języków słowiańskich*. Opole, 2004. С. 15.

доукраинской идентичности русинов, которая не только уцелела в противостоянии с ассимиляционной политикой венгерских и польских властей и с украинской идеологией, но и развилась в самобытную и богатую культуру, представляет интереснейшую страницу в славянской истории, до сих пор мало известную российскому читателю.

Карпатские русины не только никогда не имели своего собственного государства, но и никогда не входили в какое-либо единое административное образование. Находясь в составе Австро-Венгерской империи до 1918 г., русины были административно разделены между австрийской частью империи Габсбургов (Галиция и Буковина) и ее венгерской частью (Угорская Русь, т. е. современное Закарпатье и северо-восточная Словакия). Современные русины населяют четыре исторические области, входящие в настоящее время в состав разных государств. Помимо Закарпатской Украины (Подкарпатской Руси) и северо-восточной Словакии (Пряшевской Руси) русины проживают на территории Польши (помимо исторической области русинов-лемков — Лемковины, занимающей северные склоны Карпат в юго-восточной Польше, это также Силезия и некоторые области северной Польши, куда в 1947 г. в ходе операции «Висла» польские власти депортировали русинов-лемков). Кроме того, русины проживают на территории северной Румынии (область Марамарош). Наряду с этими четырьмя регионами, образующими достаточно компактную территорию, островки компактного проживания русинов встречаются в северо-восточной Венгрии, в Хорватии и в сербской Воеводине. Русины, переселившиеся на территорию Воеводины еще в XVIII в., испытали сильное культурно-языковое влияние сербов и сейчас значительно отличаются от своих карпатских соплеменников, сохраняя, впрочем, русинское самосознание. В результате массовой миграции карпатских русинов в Северную Америку в конце XIX–начале XX вв. сложилась многочисленная карпаторусинская община в США и Канаде, насчитывающая примерно 650 тысяч человек. Наибольшее количество русинов проживает в Украине, в Северной Америке, в Словакии и в Польше. По оценкам экспертов, общая численность русинов в настоящее время составляет чуть более полутора миллионов человек.⁴⁴

Этноним «русин», имеющий давнюю историю, восходящую к эпохе Киевской Руси, проделал сложную эволюцию, еще в начале XX в. означая население гораздо более обширной области, чем в настоящее время. Вплоть до конца XIX–начала XX вв. русинами называли себя и жители нынешней Галиции и Буковины, которые после окончательной победы украинской ориентации приняли самоназвание «украинец». С распространением укра-

⁴⁴ *Магочій П. Р. Народ нив ыдкы. Ілустрована історія карпаторусинов*. С. 11.

инской идентификации в Восточной Галиции связано и становление самосознания русинов-лемков, которые не восприняли украинскую ориентацию своих восточных соседей — русинов Восточной Галиции. Термин «лемко» (производное от наречия «лем», широкого распространенного в русинских диалектах) появляется уже в начале XIX века, но в качестве этнонима этот термин стал употребляться с начала XX века. В это время местные русинские национальные деятели, обеспокоенные активизацией украинского движения в соседнем Львове, стали употреблять регионализм «лемко» в качестве самоназвания, чтобы отличить русинское население к западу от реки Сан, которое не приняло украинскую ориентацию, от русинов Восточной Галиции, постепенно становившихся украинцами. В культурном и политическом отношении лемки тяготели не к своим восточногалицким соседям-украинцам, а к русинам словацкой Пришевщины. Именно русины-лемки выступили инициаторами политического объединения с восточнословацкими русинами после Первой мировой войны, но их планы не были поддержаны на Парижской мирной конференции в 1919 г. После этой неудачи лемки образовали Лемковскую русинскую республику, которая существовала с декабря 1918 по март 1920 г.⁴⁵

Говоря о сути русинского вопроса, один из теоретиков и лидеров современного русинского движения канадский ученый-славист П. Р. Магочи в своем выступлении на 1 Всемирном конгрессе русинов в восточнословацком местечке Медзилаборце в марте 1991 г. подчеркнул, что русины (за исключением русинов Воеводины) все еще не могут рассматриваться как отдельный народ. «Вопрос о том, станут ли русины отдельным народом или лишь частью какого-либо другого народа, — считает Магочи, — и составляет суть так называемой «русинской проблемы».⁴⁶

Целенаправленная работа по кодификации русинских диалектов, созданию и распространению собственного литературного языка, возрождение специфически русинского взгляда на историю и русинских символов прошлого, критика социализма, во время которого отрицалось само существование русинского народа,⁴⁷ — таковы отличительные черты современного русинского движения, которое уже достигло определенных успехов.

⁴⁵ См.: *Magocsi P. R. The Ukrainian Question Between Poland and Czechoslovakia: The Lemko Rusyn Republic (1918–1920) and Political Thought in Western Rus'-Ukraine // Nationalities Papers. XXI. 2. N. Y., 1993. P. 95–105.*

⁴⁶ Русин. 1991. № 2. С. 2.

⁴⁷ Согласно официальной точке зрения властей СССР и социалистической Чехословакии, все русины считались украинцами. Сам термин «русин» был объявлен ошибочным, а русинское культурное наследие в целом рассматривалось как буржуазный пережиток реакционного и отсталого прошлого. См.: *Шеленець Й. Сене історії культури південнокарпатських українців // Oktober a ukrajinská kultura. Prešov, 1968. С. 84–85.*

Русины в Словакии имеют свою прессу, программы местного радио на русинском языке, музей современного искусства А. Варгола в г. Медзилаборце и драматический театр А. Духновича в г. Прешов (рус. Пряшив). С 1997–1998 учебного года русинский язык наряду со словацким стал языком преподавания в некоторых начальных школах северо-восточной Словакии. В Закарпатской области Украины, где до марта 2007 г. русины не были признаны отдельным народом, функционирует несколько десятков воскресных русинских школ.

В качестве народов со сходной исторической судьбой и в качестве примеров для подражания современные русинские идеологи рассматривают галисийцев и каталонцев в Испании, бретонцев и эльзасцев во Франции, а также фризов в Голландии, которые «используют свой язык в официальной сфере» и поэтому способны «придать русинам оптимизм».⁴⁸ Одним из главных достижений русинского движения стала кодификация русинских диалектов северо-восточной Словакии и создание на этой базе русинского литературного языка, отмеченное на торжественной церемонии в Братиславе в 1995 г. В 2000 г. был кодифицирован язык русинов-лемков в Польше. В дальнейшем планируется кодификация русинских диалектов других областей проживания русинов и в перспективе создание на их основе общерусинского литературного языка (так наз. «койне»). Избранная русинскими деятелями стратегия создания общерусинского литературного языка базируется на опыте 40-тысячного ретороманского меньшинства в Швейцарии, которое в течение 50 лет имело 6 вариантов литературного языка и только в 1982 г. сформировало на этой основе единый ретороманский литературный язык.⁴⁹ Свидетельством успешного развития русинского языка стала докторская диссертация А. Плишковой о проблемах кодификации русинского языка, успешно защищенная в ноябре 2006 г. в Словацкой Академии Наук в Братиславе и написанная на литературном русинском языке. Работа А. Плишковой стала первой диссертацией на русинском языке, что свидетельствует о большом потенциале использования литературного русинского языка в академической сфере.

Между тем, по мнению многих авторитетных ученых-славистов, прежде всего украинских, восточнославянское население Закарпатья и северо-восточной Словакии в лингвистическом и этнографическом отношении можно считать частью украинского народа. Что же побуждает идеологов русинского движения отрицать принадлежность к украинцам и стремиться к обособлению и созданию собственного народа? Суть проблемы заключа-

⁴⁸ Народны новинки. 2. XII. 1992.

⁴⁹ *Плішкова А. (ед.) Русинський язык меджі двома конгресами. Пряшів, 2008. С. 4.*

ется в том, что на протяжении всего периода отрицания самого существования русинского этноса (этот период начался с включением Закарпатья в состав СССР в 1945 г. и после прихода коммунистов к власти в Чехословакии в 1948 г.) основными критериями принадлежности к народу считались такие формальные признаки, как язык и этнографические особенности. Именно это определило директивное решение Коминтерна и компартии Украины, принятое еще в 1920-е гг., о том, что все русины — украинцы, которое и было реализовано на практике в ЧССР, Польше и Советском Союзе после Второй мировой войны. Что же касается этнического самосознания, этого, по мнению многих современных исследователей, главного критерия, определяющего существование народа, то оно попросту не принималось во внимание. Этническое самосознание и является ключом к ответу на вопрос о причинах русинского движения. Несмотря на действительно несомненную языковую и этническую близость восточнославянского населения Словакии и Закарпатья к своим собратьям в Восточной Галиции и на Буковине, этническое самосознание и национальная идеология карпатских русинов развивались в других условиях и в ином направлении.

Основные черты современного русинского движения, которое трактует русинов как четвертый восточнославянский народ, отличный от украинцев, во многом оформились в межвоенный период в Чехословакии и Польше, в состав которых входили тогда карпатские русины. Возникновение особой русинской идентичности, отличной от преобладавших ранее русофильских и украинофильских воззрений, было результатом сложного взаимодействия ряда культурных и социально-политических факторов, а также особенностей внутренней политики чехословацких и польских властей в межвоенный период.

Современный чешский историк В. Дубек, анализируя чешскую политику в Австро-Венгрии в начале XX в., писал, что чешские политические деятели интерпретировали славянскую взаимность «исключительно с точки зрения политической целесообразности и чешских интересов... Чешская политика, пребывая в состоянии ежедневной конфронтации с немецким элементом в Чехии и Австрии, тяжело переносила культурное, экономическое и прочее превосходство, демонстративно проявляемое немецкими националистами. Подобный травмирующий опыт ... компенсировался в ... отношениях с остальными, еще более слабыми и культурно менее развитыми народами монархии. Кичась ореолом признанного центра славянства в Австро-Венгрии, чешские политики временами проявляли чувство превосходства в отношении своих потенциальных славянских союзников».⁵⁰

⁵⁰ Dobeck V. T. G. Masaryk a česká slovanská politika 1882–1910. Praha, 1999. S. 72–73.

Эта меткая психологическая характеристика в известной степени относится и к деятельности чешских политиков после образования независимой Чехословакии, где их комплексы в полной мере проявились и в сфере межнациональных отношений, став одной из причин неудач как судетонемецкой, так и словацкой политики Праги. По отношению к русинам эта политика трансформировалась в причудливую смесь откровенного культуртрегерства, слегка маскируемого славянской риторикой, и основанных на конъюнктурных соображениях непоследовательности и дилетантизма, что в итоге стало причиной системных сбоев русинской политики Праги, сыграв контрпродуктивную роль в истории самой Чехословакии.

* * *

Известный русский историк Н. И. Кареев, выступая в 1901 г. с публичной лекцией во Львове, справедливо заметил, что «русская наука занимается историей других народов больше, чем какая-либо другая».⁵¹ Это безусловно верное наблюдение в меньшей степени касается карпатских русинов, которые в сравнении с остальными славянскими народами были обделены вниманием российских ученых. Отчасти это можно объяснить тем, что в XIX в. русины, находясь в тени других народов, заявляли о своем национальном существовании не столь настойчиво и активно, как другие славяне; отчасти тем, что с середины 1920-х гг. русины были признаны международным коммунистическим движением частью украинцев и поэтому не рассматривались в советской историографии в качестве отдельного этноса. Внимание к русинам и к их историческому прошлому стало расти лишь с конца 1980–начала 1990-х гг., по мере того как эта тема переставала быть запретной.

В качестве объекта изучения русины занимали маргинальное положение не только в отечественном, но и в западном славяноведении. Американский исследователь Е. Русинко, констатируя недостаток внимания к русинской литературе со стороны западных славистов, объясняет это традиционной организацией академической науки в соответствии с существующими нациями-государствами или общепризнанными языками, что лишает русинскую литературу соответствующей ниши в устоявшемся ряду академических дисциплин. «Находящаяся на перекрестке государств, культур и языков, русинская литература плохо вписывается в существующую классификацию, основанную на политическом, географическом

⁵¹ Slovanský přehled. 1901. Ročník III. S. 341.

или языковом принципе»,⁵² — замечает Е. Русинко. Сказанное в полной мере относится и к изучению истории карпатских русинов.

Особый интерес русских историков XIX в. вызывала ранняя история русинов и время их появления в области к югу от Карпатского хребта. В начале 40-х гг. XIX в. Н. И. Надеждин в своей «Записке о путешествии по южно-славянским странам» поддержал мнение русинских историков об автохтонности русинского населения, которое, как они полагали, заселило территории к югу от Карпат задолго до прихода мадьярских племен.⁵³ К этой же точке зрения склонялся известный русский славист В. И. Ламанский, затронувший проблему расселения русинов в своей работе «О Славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании».⁵⁴ В то же время известный лингвист А. И. Соболевский солидаризировался с мнением А. Куника о том, что русины не могли появиться в Паннонии раньше мадьяр,⁵⁵ опередив тем самым венгерских историков-ревизионистов, высказавших подобную точку зрения в конце XIX в.

Большое внимание раннесредневековой истории карпатских русинов уделял русский историк И. П. Филевич, в конце XIX–начале XX вв. работавший в Варшавском университете. Констатируя, что «Угорская Русь составляет окраину русского мира, по-видимому, вовсе не участвовавшую в его исторической жизни»,⁵⁶ Филевич рассматривал историю карпатских русинов в общевосточнославянском контексте, интересуясь, в частности, тем, «каким образом проникло сюда русское имя, если Угорская Русь, по-видимому, не входила в состав древнерусской державы?»⁵⁷ И. П. Филевич полагал, что восточнославянское население, сформировавшее позднее Киевскую Русь, пришло из Карпатского региона. В своей работе «Очерк Карпатской территории и населения» Филевич, опираясь на данные языкознания и топонимики, в частности на большое число географических названий, производных от корня «рус» в южной Польше, восточной Венгрии и северо-восточной Румынии, пришел к выводу о том, что территория, населенная восточными славянами в Карпатском регионе в раннее средневековье, была значительно большей. Впоследствии занимаемая восточными славянами область резко сократилась в результате ассимиляции. «Диалектология словац-

⁵² *Rusinko E.* Straddling borders: Literature and Identity in Subcarpathian Rus'. University of Toronto Press, 2003. P. 4–5.

⁵³ *Надеждин Н.* Записка о путешествии по южно-славянским странам // Журнал Министерства Народного Просвещения (далее — ЖМНП). Т. 34. СПб., 1842. С. 103.

⁵⁴ *Ламанский В.* О Славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859. С. 62.

⁵⁵ *Соболевский А.* Как давно Русские живут в Карпатах и за Карпатами // Живая Старина. Т. 4. СПб., 1894. С. 524–526.

⁵⁶ *Филевич И.* Угорская Русь и связанные с нею вопросы и задачи русской исторической науки. Варшава, 1894. С. 2.

⁵⁷ Там же.

ко-русского этнографического рубежа, названия от корня рус, рассеянные в большом количестве в пределах всей нынешней Угрии и Румынии, живые и поныне следы этнографического перерождения»,⁵⁸ — писал И. П. Филевич в 1895 г.

Среди дореволюционных русских славистов активнее всего русинской проблематикой занимался ученик В. И. Ламанского А. Л. Петров, уделивший в своих исследованиях особое внимание вопросам этнографии Угорской Руси и границам распространения карпаторусских диалектов.⁵⁹ Эмигрировав после революции 1917 г. в Прагу, Петров продолжал активно заниматься средневековой историей русинов и пришел к выводу о том, что в силу неблагоприятных естественно-географических причин русины стали заселять территорию к югу от Карпат лишь с конца XII в.,⁶⁰ что нанесло сильный удар по широко распространенной теории автохтонности русинов.

Основателем научного карпатоведения в отечественной славистике по праву считается профессор Московского университета Ф. Ф. Аристов, автор фундаментального трехтомного исследования «Карпато-русские писатели».⁶¹ В 1916 г. из печати вышел только первый том данного труда; публикации двух последующих томов, уже подготовленных к изданию, помешали война и революция. Ф. Ф. Аристов, будучи убежденным сторонником общерусского единства, рассматривал творчество карпаторусских писателей с точки зрения принадлежности карпатских русинов и их литературы к единому русскому народу и общерусской культуре. К сожалению, после Октябрьской революции 1917 г. труды Аристова по карпаторусской проблематике оказались невостребованными и не были опубликованы. В частности, в рукописях остались такие фундаментальные труды ученого, как «История Карпатской Руси» и «Угорская Русь в прошлом и настоящем». С ростом интереса к карпаторусским сюжетам в современной России личность Ф. Ф. Аристова и его богатое научное наследие вновь становятся востребованными. В 1999 г. в Москве было основано Общество друзей Карпатской Руси имени Ф. Ф. Аристова. Ранее, в 1995 г., при содействии дочери Ф. Ф. Аристова Т. Ф. Аристовой была издана обзорная работа Ф. Ф. Аристова о литературном развитии Угорской Руси.⁶²

Большое внимание к языку и литературе карпатских русинов проявлял и известный русский славист В. А. Францев, после революции 1917 г. эмигри-

⁵⁸ *Филевич И.* Очерк Карпатской территории и населения // ЖМНП. СПб., 1895. С. 212.

⁵⁹ См.: например: *Петров А.* Статьи об Угорской Руси. СПб., 1906.

⁶⁰ *Петров А.* Древнейшие грамоты по истории карпаторусской церкви и иерархии 1391–1498. Прага, 1930. С. 7.

⁶¹ *Аристов Ф. Ф.* Карпато-русские писатели. Исследования по неизданным источникам. Том первый. М., 1916.

⁶² *Аристов Ф. Ф.* Литературное развитие Подкарпатской (Угорской) Руси. М., 1995.

рировавший в Чехословакию и заинтересовавшийся данными сюжетами во многом под влиянием острого культурно-языкового противоборства украинофилов и русофилов в Подкарпатской Руси.⁶³ В своих работах по истории литературного языка русинов В. А. Францев отмечал, что «с самого начала того знаменитого умственного движения, которое началось и в Угорской Руси под влиянием событий и идей 1848 г., обновленная угро-русская письменность определенно и решительно высказалась за единый русский литературный язык».⁶⁴

Что касается современных ему перипетий языковой борьбы в Подкарпатской Руси в составе Чехословакии в межвоенный период, то Францев полагал, что «для ... Подкарпатской Руси представлялись лишь два пути решения вопроса о литературном языке: ... или примкнуть без оговорок к литературной жизни малорусской (украинской) и слиться с нею ... , или избрать органом своей письменности высокоразвитый язык большой русской литературы, общее создание всех творческих сил русского народа. ... Этот вопрос должна решить русская общественность Подкарпатской Руси, сила ее национального сознания и глубина исторического познания. ... Третий путь, которому следуют в наше время известные литературные и ученые круги Подкарпатской Руси, не желающие окончательно примкнуть к одному или другому течению, надо ныне признать бесполезным, ... не давшим в прошлом и не обещающим теперь никаких достойных восхищения плодов...».⁶⁵

Поскольку в СССР существование русинов как особого этноса отрицалось, советские историки в своих работах по истории Закарпатья трактовали местное восточнославянское население как априори украинское, уделяя главное внимание государственно-правовому и социально-экономическому положению Закарпатья в составе различных государств. Редким примером внимания советских деятелей к проблемам национальной идентичности восточнославянского населения Закарпатья была статья наркома образования УССР и идеолога советской украинизации Н. Скрипника. В своей статье Скрипник, исходя из тезиса о реакционности русинских традиционалистов-русофилов и ложности их интерпретации национальной принадлежности карпатских русинов, с удовлетворением констатировал успехи украинизации тогдашней Подкарпатской Руси, входившей в состав Чехословакии,

⁶³ См.: Францев В. К вопросу о литературном языке Подкарпатской Руси. Ужгород, 1924; Францев В. Из истории борьбы за русский литературный язык в Подкарпатской Руси в половине XIX ст. Ужгород, 1930.

⁶⁴ Францев В. К вопросу о литературном языке Подкарпатской Руси. Ужгород, 1924. С. 3.

⁶⁵ Францев В. Из истории борьбы за русский литературный язык в Подкарпатской Руси в половине XIX ст. Ужгород, 1930. С. 2.

и заслуги компартии в этом процессе.⁶⁶ Присоединение данного региона к УССР в 1944–1945 гг. единодушно оценивалось советскими историками как закономерное и естественное событие, имевшее исключительно положительные последствия.

Хотя после распада СССР интерес к русинской проблематике в России возрос, а существовавшие ранее запреты исчезли, авторы последних монографий по истории Закарпатья в большей степени касаются истории данной территории, а не проживающего на ней восточнославянского населения и его идентичности. Опубликованные недавно фундаментальные исследования В. Марьиной и А. Пушкаша,⁶⁷ основанные на ранее недоступных обширных архивных материалах, содержат много новых ценных данных, касающихся положения Подкарпатской Руси в составе межвоенной Чехословакии и того места, которое данный регион занимал в советской и чехословацкой внешней политике во время и после Второй мировой войны.

Фундаментальная монография А. Пушкаша анализирует все многообразные аспекты положения Подкарпатской Руси в составе межвоенной Чехословакии и в составе Венгрии в 1939–1944 гг., включая социально-экономическое положение региона, политическую ситуацию в Подкарпатье, политику чехословацких властей в отношении своей самой восточной провинции, а также место Подкарпатья во внешнеполитических проектах Венгрии и Польши. Автор высказывает обоснованно критическую оценку целого ряда аспектов политики Праги в отношении Подкарпатья, упрекая чехословацких лидеров, в частности, в том, что в вопросе автономии Подкарпатской Руси они с самого начала «кривили душой».⁶⁸ Еще более критически Пушкаш отзываясь о социально-экономической политике Праги в Подкарпатском регионе, отмечая, что чехи рассматривали Подкарпатскую Русь исключительно в качестве «источника сырья для чешской промышленности и рынка сбыта чешских товаров».⁶⁹

Работа В. В. Марьиной содержит детальный анализ места Закарпатской Украины (Подкарпатской Руси) в политике Бенеша и Сталина в 1939–1945 гг. Опираясь на солидную источниковую базу, автор прослеживает эволюцию чехословацких и советских взглядов на судьбу Подкарпатской Руси во время Второй мировой войны, показывает механизмы присоединения этой области к СССР, а также сопутствующие этому процессу многочисленные

⁶⁶ Скрипник М. Національні відродження в сучасних капіталістичних державах на прикладі Закарпатської України // Прапор марксизму. 1928. № 1 (2).

⁶⁷ Марьиная В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. М., 2003; Пушкаш А. Цивилизация или варварство. Закарпатье 1918–1945. М., 2006.

⁶⁸ Пушкаш А. Указ. соч. С. 69.

⁶⁹ Там же. С. 85.

сложности и противоречия. Весьма рельефно показана гибкость позиции Бенеша в вопросе принадлежности Подкарпатской Руси. В зависимости от времени и обстоятельств позиция чехословацкого президента в данном вопросе разительно менялась, варьируясь от заявлений о том, что Чехословакия не откажется от Подкарпатской Руси «ни при каких обстоятельствах» до признания возможности вхождения Подкарпатья в состав СССР ради установления общей чехословацко-советской границы.⁷⁰ В. В. Марьина удачно характеризует Бенеша как «мастера политического торга, чутко угадывавшего намерения партнера (или противника) по игре и стремившегося извлечь из этого пользу для себя...».⁷¹ В целом автор успешно справился с поставленной задачей — «создать по возможности объективно-всестороннюю картину истории присоединения Закарпатской Украины (Подкарпатской Руси) к СССР (УССР)».⁷²

Однако при всех своих достоинствах и новаторском характере упомянутые работы Пушкаша и Марьиной, во-первых, концентрируются только на истории Закарпатской Украины (Подкарпатской Руси), оставляя за скобками другие области, населенные карпатскими русинами; во-вторых, в них очень мало места уделено вопросам национальной идентичности местного восточнославянского населения и ее эволюции. Именно эти пробелы призвана восполнить данная работа, в которой сделана попытка проследить состояние и последующее развитие идентичности карпатских русинов, входивших в межвоенный период в состав Чехословакии и Польши.

Первые попытки русинских историков осмыслить историческое прошлое своего народа относятся к концу XVIII–первой половине XIX века. Главной чертой ранних трудов русинских историков, среди которых выделялись работавшие в России И. Орлай и Ю. Венелин, наследие которых является частью общерусской культуры, были утверждения об автохтонности русинского населения к югу от Карпат, мысль о принятии православия русинами еще в ходе миссии Мефодия, а также идея единства карпатороссов с другими ветвями русского племени. Так, Ю. Венелин подчеркивал неразрывное единство Южной и Северной Руси и родство карпатороссов с населением остальных частей Руси. Сожалея о раздробленности ранее единых русских земель, Венелин выступал за принятие единого общерусского литературного языка для всех восточных славян. Схожие мысли высказывали русинские общественные и политические деятели середины и второй половины XIX века, в частности А. Добрянский, который отмечал принадлеж-

⁷⁰ Марьина В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. С. 22–23.

⁷¹ Там же. С. 35.

⁷² Там же. С. 165.

ность русинских земель Киевской Руси в раннее средневековье и являлся убежденным сторонником принятия русского литературного языка.⁷³

Наибольшей активностью карпатоведение отличается в Северной Америке, где исторически сложилась многочисленная русинская диаспора и где длительное время существовали более благоприятные условия для изучения истории и культуры карпатских русинов, чем в Европе. По мнению канадского историка-слависта П. Р. Магочи, одного из наиболее авторитетных специалистов по истории русинского народа, «период с 1918 по 1945 гг. стал временем истинного ренессанса для Подкарпатской Руси, когда могли быть разработаны все элементы русинской национальной идеологии».⁷⁴ В отличие от Венгрии, в составе Чехословакии «русин не должен был стремиться стать венгром. Славянская культура и славянское братство стали общепринятыми идеалами, хотя было не всегда ясно, в каких конкретных формах это найдет свое проявление... Русинская интеллигенция, полностью усвоив славянскую идентичность, оставалась в неведении относительно того, должна ли ее культура и национальность считаться русской, украинской или какой-либо еще...».⁷⁵

Касаясь культурно-языковой политики чехословацких властей по отношению к карпатским русинам, Магочи отмечал, что «первоначально чехословацкое правительство отдавало предпочтение украинской ориентации, что вызывало сопротивление русофилов. ... Поскольку местный язык считался чехами разновидностью украинского языка Галиции, было признано целесообразным импортировать учителей и учебные пособия из этой провинции...».⁷⁶ Вместе с тем, по мнению канадского исследователя, «чешская политика импорта учебников и учителей из Галиции ... не была причиной языкового спора в Подкарпатской Руси. Семена противоречий были засеяны во второй половине XIX века, когда наметился разрыв между теми национальными лидерами, которые использовали русский литературный язык, и теми, кто склонялся к более широкому использованию местных диалектов. По сути, до 1918 г. только растущая мадьяризация удерживала лингвистические споры в зачаточном состоянии. В условиях демократической Чехословакии эта проблема вышла на поверхность... Было бы несправедливо обвинять чешское правительство или галицких эмигрантов в инициации языкового спора в Подкарпатской Руси в 1920-е годы».⁷⁷ Если оставить

⁷³ См.: напр.: Добрянский А. О западных границах Подкарпатской Руси со времен св. Владимира // ЖМНП. Т. 208. СПб., 1880. С. 134–159.

⁷⁴ Magocsi P. R. The Shaping of a National Identity. Subcarpathian Rus', 1848–1948. Cambridge (Mass.), 1979. P. 75.

⁷⁵ Ibidem. P. 17.

⁷⁶ Ibidem. P. 137.

⁷⁷ Ibidem. P. 137–138.

в стороне спорный вопрос о непосредственных виновниках «инициирования языкового спора», все равно нельзя не отметить изрядную лепту, вольно или невольно внесенную чешскими властями в его дальнейшую эскалацию, что признается и современными чешскими исследователями, которые отмечают, что в 1920-е гг. официальная Прага всемерно поддерживала в Подкарпатской Руси украинское направление.⁷⁸

Анализируя противоборство различных идентификационных моделей среди русинов, П. Р. Магочи пришел к выводу о том, что все три ориентации — русофильская, украинофильская и русинофильская — имели теоретические шансы на успех, который «зависел от того, в какой степени правящие власти и местная интеллигенция были в состоянии прийти к согласию относительно проведения четкой и последовательной национальной политики».⁷⁹

П. Р. Магочи отмечал существенную разницу в положении русинов Подкарпатской Руси, являвшейся отдельной административной единицей в составе межвоенной Чехословакии, и русинов Прешовской области (Пряшевская Русь), вошедших в состав Словакии в качестве национально-меньшинства и подвергавшихся ассимиляционному давлению местных властей. В отличие от Праги, словацкие власти не поддерживали украинское направление, которое не смогло пустить корни среди русинского населения северо-восточной Словакии, что обусловило определенные различия в эволюции подкарпатских и восточнословацких русинов. В своей борьбе против ассимиляционной политики словацких властей русины Словакии к концу 1930-х гг. достигли некоторых успехов, что выразилось в возросшем количестве русинских школ и в создании Русской гимназии в 1936 г. в г. Прешов (рус. Пряшив).⁸⁰

Наибольшим достижением карпатоведения, обобщающим и синтезирующим все самые свежие открытия в данной области, стала публикация в 2002 г. в Канаде фундаментальной «Энциклопедии русинской истории и культуры» под редакцией П. Р. Магочи и И. Попа. В 2005 г. вышло исправленное и дополненное издание данного труда.⁸¹ Энциклопедия включает обширный материал, удобно изложенный в алфавитном порядке в более чем 1100 отдельных статьях, посвященных самым разным аспектам истории и культуры карпатских русинов, в том числе информацию об отде-

⁷⁸ Svoboda D. *Ukrajinská otázka v českém meziválečném myšlení a politice // Slovanský přehled*. 2008. № 4. S. 548.

⁷⁹ Magocsi P. R. *The Shaping of a National Identity...* P. 271.

⁸⁰ Magocsi P. R. *The Rusyn-Ukrainians of Czechoslovakia. A Historical Survey*. Wien, 1983. P. 40.

⁸¹ *Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition/Edited by Paul Robert Magocsi and Ivan Pop*. University of Toronto Press, 2005.

льных деятелях, организациях, политических партиях, средствах массовой информации, а также исторических событиях и терминах. Подавляющее большинство материалов в энциклопедии (четыре пятых объема) написано П. Р. Магочи и И. Попом; автором большинства статей, касающихся русинов-лемков и Лемковины, является Б. Горбал.

Украинские исследователи, признавая большой вклад энциклопедии в изучение карпатских русинов, в то же время упрекают авторов данного труда в том, что они исходят из трактовки всего восточнославянского населения Карпатского региона как априори русинского, не оставляя места украинцам.⁸² Однако аналогичный упрек с еще большим основанием можно переадресовать украинским ученым, которые, наоборот, исходят из априори украинской этнической принадлежности восточнославянского населения Карпат, распространяя данный взгляд и на XIX век, когда этноним «украинец» в современном значении этого слова не существовал, а местные русины имели смутное представление об Украине и украинцах.

Русинские историки и общественные деятели межвоенного периода были критически настроены по отношению к политике чехословацких властей в русинском вопросе, обвиняя чехословацкое политическое руководство в лицемерии и в невыполнении своих обещаний о предоставлении автономии Подкарпатья.⁸³ Представитель русофильской части русинской интеллигенции Н. А. Бескид, не отвергая официальную чехословацкую теорию о добровольности присоединения карпатских русинов к Чехословакии, считал это вынужденным решением, принятым под давлением неблагоприятных обстоятельств, прежде всего вследствие неспособности России, ослабленной революционными потрясениями, объединить все этнические русские земли, к которым Н. А. Бескид относил и Карпатскую Русь, в рамках единого государства.⁸⁴

Крайне негативная оценка политики Чехословакии в отношении карпатских русинов содержится в работах карпаторусского политика и общественного деятеля А. Геровского, внука известного «будителя» угорских русинов А. Добрянского. А. Геровский, вынужденный покинуть Чехословакию в 1927 г. из-за преследований чехословацких властей и переселиться сначала в Югославию и позднее в США, обвинял Прагу в несоблюдении обещания предоставить автономию Подкарпатья, в политической и культурно-языко-

⁸² Kuzio T. *The Rusyn Question in Ukraine: Sorting Out Fact from Fiction // Canadian Review of Studies in Nationalism*. 2005. XXXII. P. 8.

⁸³ См.: Бескид Н. *Карпатская Русь. Пряшев, 1920; Exposé Dr. G. I. Žatkoviča, bývešeho gubernatora Podkarpatskoj Rusi, o Podkarpatskoj Rusi. Homestead, 1921.*

⁸⁴ Бескид Н. *Указ. соч.*

вой дискриминации русинов, в навязывании им украинской идентичности, а также в социально-экономической эксплуатации Подкарпатья.⁸⁵

Аналогичные обвинения в адрес Праги высказывались и на страницах русинской прессы в Чехословакии и в Северной Америке, в том числе в «Американском Русском Вестнике», одном из главных печатных изданий многочисленной русинской диаспоры в США. Последовательная и жесткая критика политики чехословацких властей в русинском вопросе на страницах «Американского Русского Вестника» привела к тому, что в середине 1930-х гг. чехословацкий МИД запретил распространение «Вестника» в Чехословакии. В номере от 9 мая 1935 г. редакция «Вестника» выражала удивление данными действиями чехословацких властей и, защищая свое право на критику чехословацких правительственных кругов, замечала, что подобное распоряжение «оправдывает тех, кто говорит об отсутствии свободы слова в Чехословакии».⁸⁶ В проведении «колониальной» и ассимиляционной политики в Подкарпатской Руси чехословацкие власти постоянно обвиняла и украинофильская «Карпатська правда», орган местного подкарпатурского отделения коммунистической партии Чехословакии.⁸⁷

Современные русинские деятели склонны к в целом положительной оценке периода нахождения Подкарпатской Руси в составе Чехословакии, особенно отмечая ее «демократическое законодательство» и подчеркивая, что пребывание в составе ЧСР «создало цивилизованные условия свободно-политического, экономического, социального и культурного развития».⁸⁸ Невыполнение Прагой своих обещаний о предоставлении русинам широкой автономии русинские авторы оправдывают целым рядом внутренних и внешних причин, зачастую повторяя аргументы чехов (нехватка собственной интеллигенции и недостаток квалифицированных кадров среди русинов; опасения чехословацкого руководства, что предоставление автономии полумиллиону русинов вызовет аналогичные требования со стороны трех миллионов судетских немцев и более чем полумиллиона венгров, поддерживаемых Германией и Венгрией).⁸⁹ Вместе с тем русинские авторы констатируют энергичную кампанию украинизации русинов Подкарпатской Руси в межвоенной Чехословакии в первую очередь в сфере образования, обращая при этом внимание на весьма благоприятные условия, создан-

⁸⁵ См.: Геровский А. Карпатская Русь в чешском ярме // Пути истории. Общерусское национальное, духовное и культурное единство на основании данных науки и жизни/Под редакцией О. А. Грабаря. Т. I. Нью-Йорк, 1977. С. 227–259.

⁸⁶ Amerikansky Russky Vestnik. Homestead, PA. May 9, 1935. № 19.

⁸⁷ Карпатська правда. 21 лютого 1927. Число 8.

⁸⁸ Krivskij I. Vliv ukrajinských emigrantů na podkarpatorusínskou komunitu // Vznik ČSR a Podkarpatská Rus. Sborník z mezinárodní konference v Praze. Praha, 1999. S. 23.

⁸⁹ См.: Годьмаш П., Годьмаш С. Подкарпатская Русь и Украина. Ужгород, 2003. С. 81.

ные чехословацкими властями для украинских эмигрантов в особенности в 1920-е годы. «Удивительно, но факт, — недоумевают П. и С. Годьмаш, — что при президенте Чехословакии Масарике, которого почему-то так ненавидят национал-радикалы Галичины, были созданы особые условия для политэмигрантов прежде всего из Галиции... Для получения высшего образования в Праге был создан Украинский свободный университет, который содержался на госбюджете Чехословакии... Кроме того, в г. Подебрады была создана Украинская хозяйственная академия и даже Педагогический институт имени Драгоманова».⁹⁰

Прямой связи между кампанией украинизации русинов и целенаправленной политикой чехословацких властей П. и С. Годьмаш не усматривают, возлагая всю вину за этот процесс на «галицких политэмигрантов», а также на поддерживаемых Москвой местных коммунистов, стоявших на украинофильских позициях. Архивные материалы и публикации межвоенной русинской прессы, свидетельствующие о прямой поддержке украинофилов со стороны государственных структур Чехословакии, позволяют существенно дополнить и скорректировать эту точку зрения, которая необоснованно отводит чехословацким властям роль стороннего наблюдателя в русинско-украинском противостоянии.

Взгляд украинских исследователей на карпатских русинов и их культурное наследие с самого начала отличался категорическим неприятием приверженности русинов идее общерусского единства. Трагедия карпатских русинов как украинцев с «неправильным» и «неразвитым» национальным самосознанием, украинские историки воспринимали доминирующую среди русинской интеллигенции русофильскую идеологию как затянувшуюся и достойную сожаления историческую ошибку. Подобные мысли четко выразил один из первых украинских исследователей угорских русинов галичанин В. Гнатюк, с сожалением констатировавший в 1899 г., что «угорских русинов отличает русофильство (представляющее, по моему мнению, препятствие для их национального развития). По этой причине Угорская Русь является, очевидно, единственным краем в Европе, где интеллигенция вплоть до конца XIX века не смогла возродиться в национальном отношении и понять, кем она, собственно говоря, является...».⁹¹

В своей интерпретации исторического прошлого русинов украинские историки с подкупающей непосредственностью прибегают к своего рода терминологической «машине времени», механически перенося современные им понятия в эпоху, когда обозначаемые ими явления попросту не существо-

⁹⁰ См.: Годьмаш П., Годьмаш С. Подкарпатская Русь и Украина. Ужгород, 2003. С. 84.

⁹¹ Hnat 'uk V. Rusíni v Uhrách // Slovanský přehled. 1899. Ročník I. S. 220.

вовали. Так, патриарх украинской историографии М. С. Грушевский сделал удивительное историко-географическое «открытие», умудрившись обнаружить «Угорскую Украину» уже в XIX веке. Грушевский уверенно оперировал терминами «Угорская Украина» и «украинцы» применительно к Угорской Руси и ее восточнославянскому населению в XIX веке,⁹² т. е. в то время, когда местные русины имели весьма смутные представления об Украине и не подозревали о том, что они — украинцы, проживающие в Угорской «Украине».

Стремление украинских историков во что бы то ни стало доказать «украинскость» карпатских русинов не только в XX, но и в XIX вв., заставляет их прибегать к неуклюжим и зачастую курьезным терминологическим трюкам. Пожалуй, именно это можно считать главной отличительной чертой и одновременно недостатком трудов украинских исследователей. Так, в своих фундаментальных «Очерках новейшей истории украинцев Восточной Словакии», построенных на обширной источниковой базе, украинский историк из Словакии И. Ванат пишет о «широких массах украинского населения по обеим сторонам Карпат»⁹³ в XIX в., хотя в это время украинское самосознание у карпатских русинов отсутствовало. Характеризуя программу известного политического деятеля угорских русинов А. Добрянского в 1860-е гг., И. Ванат указывает, что она включала требования «закарпатоукраинского воеводства по сербскому образцу» и «отдельного закарпатоукраинского сейма»,⁹⁴ хотя термин «закарпатоукраинский» в лексике А. Добрянского и других деятелей Угорской Руси полностью отсутствовал. Приписывая украинские политические цели А. Добрянскому и трактуя его как украинского политического деятеля, украинские историки выглядят, по меньшей мере, нелепо. Добрянский был убежденным русофилом и сторонником общерусского единства, считавшим как малороссов, так и карпатских русинов частью единого русского народа и выступавшим против украинского движения и создания украинского литературного языка, воспринимая это как проявление сепаратизма.

Заметные неудобства испытывают украинские ученые и с оценкой карпаторусского культурного наследия XIX века, созданного на смеси церковнославянского и русского языков (так называемое «язычие») и проникнутого идеей единения с Россией и русской культурой. «Закарпатские «будители» XIX века ... создавали литературу, которая хоть и получила название карпаторусской, но все же принадлежала к украинской литературе», — такую

⁹² См.: напр.: Грушевский М. Иллюстрированная история Украины. М., 2001.

⁹³ Ванат І. Нариси новітньої історії українців Східної Словаччини. І. 1918–1938. Словацьке педагогічне видавництво в Братиславі. Відділ української літератури в Пряшеві. 1990. С. 25.

⁹⁴ Там же. С. 24.

сбивчивую и не вполне вразумительную трактовку карпаторусской литературы дает О. Мишанич, признающий в то же время, что «процесс формирования украинской модели культуры Закарпатья завершился в 20–30 годы XX века».⁹⁵ Подобным недугом страдали и советские историки. Советская «Краткая история Чехословакии», перечисляя проживавшие в межвоенной Чехословакии народы, приводит «461 тысячу украинцев»⁹⁶ вопреки тому факту, что в чехословацких переписях эти люди определяли себя в основном как русины или русские. По данным чехословацкой переписи 1930 г., число тех, кто указал именно «украинскую» национальность на территории Подкарпатской Руси, составило лишь немногим более двух тысяч человек.

Украинский взгляд на положение русинов в межвоенной Чехословакии прямо противоположен русинскому. Представители русинов, в целом позитивно оценивая пребывание Подкарпатской Руси в составе Чехословакии, отрицательную сторону этого периода времени усматривают в активной украинизации русинского населения. В отличие от них, украинские авторы, трактуя русинов как априори украинцев с «неправильной» самоидентификацией и «не разбуженным» украинским национальным самосознанием, обвиняют чехословацкие власти в поддержке «политического русинства» и «удушении национального самосознания украинцев».⁹⁷ Гневные обвинения в адрес чехословацких властей в «удушении» украинского национального самосознания вряд ли справедливы по двум причинам. Во-первых, «душить украинское самосознание» было невозможно по причине его полного отсутствия у подавляющего большинства русинского населения Подкарпатской Руси и особенно северо-восточной Словакии. Во-вторых, как будет показано ниже, чехословацкие официальные лица, опираясь преимущественно на формально-языковые критерии, также рассматривали русинов как часть украинского народа. При этом чехословацкие власти, исходя из собственных политических и культурных приоритетов, способствовали украинизации русинского населения не столь активно и прямолинейно, как этого хотелось бы украинским деятелям. Очевидно, несоответствие между собственными ожиданиями и практическими действиями чехословацких властей и порождало у украинских идеологов ощущение того, что политика Праги имела антиукраинскую направленность.

В то же время украинские исследователи обоснованно обращают внимание на явные ассимиляторские тенденции в политике Чехословакии по отношению к Подкарпатской Руси в межвоенный период. Так, по мнению

⁹⁵ Мишанич О. Політичне русинство і що за ним. С. 14, 16.

⁹⁶ Краткая история Чехословакии. М., 1988. С. 298–299.

⁹⁷ Сірка Й. Розвиток національної свідомості лемків Пряшівщини у світлі української художньої літератури Чехословаччини. Мюнхен, 1980. С. 14.

современных украинских историков из Словакии, «чехословацкие власти всячески тормозили развитие культурно-национальной жизни украинского Закарпатья, ... откладывали решение национального вопроса, ... проводили такую политику в отношении существовавших ориентаций, чтобы ни одна из них не пропала, но и не одержала победу... Поддерживая языковую неразбериху, ... власти на самом деле проводили в Закарпатье активную чехизацию образования и государственной администрации».⁹⁸

Большой интерес к истории карпатских русинов, прежде всего к положению русинов в межвоенной Чехословакии, проявляют после 1989 г. словацкие историки. Самым заметным явлением словацкого карпатоведения стала монография П. Шворца «Заколдованная земля. Подкарпатская Русь 1918–1946», переведенная впоследствии и на чешский язык. Обоснованно констатируя, что население Подкарпатья не смогло взять в собственные руки решение своей судьбы и всегда оставалось лишь «объектом политических игр и манипуляций»,⁹⁹ П. Шворц детально анализирует все многообразные аспекты положения Подкарпатья в составе межвоенной Чехословакии, включая обстоятельства присоединения Подкарпатской Руси к ЧСР, проблемы административного устройства и границы Подкарпатья со Словакией, а также социально-экономическое и политическое положение и борьбу русинов за автономию. Говоря об идентичности карпатских русинов, автор подчеркивает, что вопрос их национальной принадлежности оставался открытым во второй половине XIX–первой половине XX вв. и что хотя русины ориентировались на идеологию и культуру России, этнически с русскими они себя не отождествляли.¹⁰⁰ Вызывает недоумение то обстоятельство, что автор тщательно избегает упоминаний о том, что русинская интеллигенция в XIX в. была убежденной сторонницей идеи общерусского единства, считая карпатских русинов частью единого русского народа, включающего великороссов, малороссов и белорусов. П. Шворц обходит стороной данный сюжет даже анализируя деятельность крупнейших русинских национальных деятелей середины и второй половины XIX в. А. Духновича и А. Добрянского, бывших убежденными сторонниками и пропагандистами общерусского культурного единства. Большое место автор уделяет констатации низкого уровня жизни и экономической отсталости русинского населения, а также мадьяризации местной интеллигенции, подчеркивая при этом, что словаки побуждали русинов к национальной деятельности.¹⁰¹ Говоря о населении Угорской Руси

⁹⁸ Бача Ю., Ковач А., Штець М. Чому, коли і як? Запитання й відповіді з історії і культури русинів-українців Чехословаччини. Пряшів–Київ, 1992. С. 33–34.

⁹⁹ Švorc P. Zakletá zem. Podkarpatská Rus 1918–1946. Praha, 2007. S. 8.

¹⁰⁰ Ibidem. S. 17.

¹⁰¹ Ibidem. S. 25.

в XIX в., П. Шворц наряду с этнонимом «русин» непременно употребляет этноним «украинец»,¹⁰² хотя в то время украинское самосознание у восточно-славянского населения Карпатской Руси практически отсутствовало.

Русины и Подкарпатская Русь занимают устойчивое место в чешском массовом сознании, которое склонно особенно выделять период нахождения Подкарпатья в составе Чехословакии, трактуя это как один из самых успешных и благоприятных эпизодов в истории русинского народа. Чехословацкая историография и публицистика межвоенного периода исходили из идеи об освободительной и одновременно культуртрегерской миссии чехов в Подкарпатской Руси, подчеркивая безальтернативность и добровольность вхождения карпатских русинов в состав Чехословакии.¹⁰³ Подобный подход основывался на политико-публицистическом наследии первого чехословацкого президента Т. Г. Масарика, указывавшего на соглашение с американскими русинами о вхождении Подкарпатья в состав чехословацкого государства и на исключительно добровольный характер присоединения русинских областей к Чехословакии. По словам Масарика, «освобождение Подкарпатской Руси было положено нашим соглашением в Америке и продолжилось занятием данной территории нашим доблестным войском».¹⁰⁴

Представители украинской, в том числе украинской советской историографии, наоборот, подчеркивали стремление карпатских русинов к воссоединению с Украиной и трактовали вхождение Подкарпатья в состав ЧСР как результат закулисной политики чехословацкой политической элиты, поддержанной странами Антанты. Этой точки зрения придерживался один из первых украинских исследователей данного вопроса М. Творидло, опубликовавший в 1924 г. в Вене работу под псевдонимом «Ортоскоп», в которой содержалась критика общепринятой в Чехословакии версии о добровольном присоединении Подкарпатья к Чехословакии и об освободительной миссии чехов и словаков на данной территории.¹⁰⁵ Брошюра Ортоскопа, опирающаяся на богатый фактический материал, отражавший деятельность созданных карпатскими русинами народных рад в 1918–1919 гг., была крайне неудобной для чехословацкой пропаганды. Распространение данной брошюры в Чехословакии было запрещено чехословацкими властями.¹⁰⁶

Идеализированный образ межвоенной Чехословацкой республики и президента Масарика создают эффект очков с розовыми стеклами, через

¹⁰² Ibidem. S. 19–22.

¹⁰³ См.: Beneš E. Reč o problému podkarpatoruském a jeho vztahu k Československé republice. Užhorod, 1934; Krofta K. Podkarpatská Rus a Československo. Praha, 1935.

¹⁰⁴ Masaryk T. G. Cesta demokracie. I. Praha, 1934. S. 135.

¹⁰⁵ Ортоскоп. Державні змагання Прикарпатської України. Відень, 1924.

¹⁰⁶ Vanam I. Нариси новітньої історії українців Східної Словаччини. С. 14.

которые чешское общественное мнение рассматривало и продолжает рассматривать положение русинов в составе межвоенной Чехословакии. В целом чехи обнаруживают устойчивую тенденцию к идеализации положения русинов в межвоенной республике и к акцентированию внимания на социально-экономическом прогрессе и прочих успехах, достигнутых русинами в рамках Чехословакии. По утверждению одного из чешских авторов, «двадцать лет нахождения Подкарпатской Руси в Чехословакии нельзя рассматривать как нечто случайное. В 1919–1939 гг. было доказано, что и в крае, сохраняющем пережитки феодализма, могут быть проведены реформы и осуществлены глубокие общественные перемены. Чехословакия ввела здесь образование для девяти национальных общин; радикальный поворот произошел в сфере здравоохранения; удалось снизить смертность среди детей; успешно решалась проблема безграмотности...; основывались новые заводы и фабрики при поддержке чешского капитала...; развивались политические, культурные, спортивные организации как гражданский фундамент демократии ...».¹⁰⁷ Подобная лестная оценка своего влияния на русинов широко распространена в чешском обществе.

Столь впечатляющий альтруизм чехов должен был бы осчастливить русинское население, однако знакомство с источниками, в том числе с русинской публицистикой межвоенного периода, свидетельствует скорее о недовольстве и раздражении русинов самыми разными аспектами пражской политики. Безусловно, влияние Чехословакии на русинов имело свои несомненные плюсы и положительные стороны, но они были не единственным и вряд ли главным компонентом реальной политики Праги в отношении Подкарпатской и Пряшевской Руси. Действительное положение русинов в Чехословакии мало походило на идиллическую картинку, о чем свидетельствует большое количество критических и крайне нелестных отзывов в адрес русинской политики официальной Праги на страницах межвоенной русинской прессы.

Чешские исследователи и чешское массовое сознание склонны не замечать многочисленные проблемы и отрицательные стороны во взаимоотношениях чехословацких властей и русинов, поскольку это плохо вписывается в культуртрегерскую миссию «цивилизатора», усвоенную чешским обществом по отношению к своим восточным соседям и наложившую сильный отпечаток на русинскую политику чешской элиты. В рамках первой Чехословацкой республики не было реализовано самое главное обещание чешских политиков русинам о предоставлении Подкарпатской Руси широкой автономии. Бенеш, оправдывая несоблюдение Прагой своего обязательства предоставить автономию Подкарпатью, в течение всего межвоенного

¹⁰⁷ Hořec J. Poselství Podkarpatské Rusi // Střední Evropa a Podkarpatská Rus. Edice statí, reportáží, vzpomínek a dokumentů. 16 svazek. Praha, 1997. S. 10.

периода неизменно твердил об «отсталости русинского народа», которого было необходимо вначале «подготовить прежде всего культурно к самостоятельной политической жизни»,¹⁰⁸ к чему, по его словам, стремилось чехословацкое правительство. Хотя Бенеш еще в 1926 г. подчеркивал, что автономия Подкарпатской Руси должна осуществиться «как можно скорее и в полной мере, сообразно с текстом мирного договора»,¹⁰⁹ в реальности Прага всячески затягивала решение данного вопроса. Русины Подкарпатья получили автономию лишь после Мюнхенского сговора в конце 1938 г., что было результатом не доброй воли, а политической слабости Праги, утратившей возможность открыто игнорировать требования русинской общечественности.

Между тем, по мнению венгерского исследователя И. Тота, «Чехословацкая республика могла бы дать автономию Подкарпатской Руси, если бы это было ее искренним желанием; тем более, что к этому Прагу обязывали не только международные договоры, но и собственная конституция... Однако пражские правящие круги оттягивали ее введение, ссылаясь на неготовность к этому русинского общества. В определенной степени, — признает венгерский исследователь, — подобная аргументация имела смысл, но правда заключалась и в том, что Прага не проявляла заметных усилий по ликвидации существующей экономической и политической отсталости... Чешской бюрократии казалось более удобным и выгодным удерживать эту отдаленную провинцию, присоединенную к Чехословакии без всяких этнических и исторических оснований, на уровне колонии».¹¹⁰

Критически отзывался о русинской политике Чехословакии и Я. Бугайски, по мнению которого, «хотя отношение Праги к русинскому и украинскому меньшинствам было в целом благоприятным, тем не менее, чехословацкое правительство строило централизованное государство, а не федерацию, управляя чешских чиновников и учителей в преимущественно аграрные восточные области. Подобная политика вызывала определенное недовольство местного населения, включая обвинения в пражском колониализме».¹¹¹ Культурно-языковая политика Праги в отношении русинского населения также имела ряд существенных изъянов, о чем и пойдет речь в этой книге.

После «бархатной революции» 1989 г. и падения социализма в Чехословакии русинская тема вызвала всплеск заинтересованного внимания со стороны чешской общественности. Определяющей доминантой этого интереса

¹⁰⁸ Бенеш Э. Проблема славянской политики (Славянофильство и славяне во время войны) // Воля России. Журнал политики и культуры. Прага, 1926. 10. С. 104.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Tóth I. Podkarpatsko: území na křižovatce zájmů // Střední Evropa a Podkarpatská Rus. Edice statí, reportáží, vzpomínek a dokumentů. 16 svazek. Praha, 1997. S. 35.

¹¹¹ Bugajski J. Nations in Turmoil. Conflict & Cooperation in Eastern Europe. P. 46.

были ностальгические настроения, связанные с идеализацией межвоенной Чехословакии и сетования по поводу политики «агрессивного и коварного» сталинского СССР, «отобравшего» у Чехословакии Подкарпатскую Русь после Второй мировой войны. «Речь шла о единственном случае после Второй мировой войны, когда государство-победитель было лишено 10% своей территории другим государством-победителем»,¹¹² — утверждает чешский исторический словарь.

Между тем образ Чехословакии как пассивной жертвы московского диктата в данном случае не совсем корректен, поскольку первым о возможности передачи Подкарпатской Руси Советскому Союзу заговорил сам Э. Бенеш, затронувший эту тему по собственной инициативе еще в сентябре 1939 г. в ходе беседы с советским послом в Великобритании Майским. Этот примечательный факт ускользает от внимания чешских исследователей, столь бескомпромиссных и цепких в разоблачении советской внешней политики. Во время переговоров с Молотовым 19 марта 1945 г. в Москве Бенеш остро нуждаясь в поддержке СССР в вопросе выселения судетских немцев из Чехословакии, вновь подтвердил готовность чехов уступить Подкарпатскую Русь (Карпатскую Украину) Советскому Союзу, предложив заключить договор о передаче Карпатской Украины СССР. В ходе беседы с Молотовым Бенеш отметил, что в течение 20 лет он никогда не считал вопрос Карпатской Украины «окончательно решенным». Здесь чехословацкий президент, демонстрируя свойственную ему политическую гибкость, явно кривил душой. Дело в том, что еще в 1934 г., будучи министром иностранных дел Чехословакии, в своей речи о карпаторусской проблеме Бенеш подчеркивал отсутствие реальной возможности присоединения Подкарпатской Руси к России или Украине в 1918 г. и невозможность «появления подобной перспективы в ближайшие столетия».¹¹³

24 марта 1945 г. Бенеш прямо заявил, что Карпатская Украина должна стать частью СССР и что он «не имеет возражений против установления советской системы в Чехословакии, поскольку самое главное заключается в освобождении от немецкого ига».¹¹⁴ Предложения Бенеша о присоединении Карпатской Украины к СССР в Москве были очень быстро услышаны; что касается введения советской системы в Чехословакии, с чем Бенеш выражал согласие 24 марта 1945 г., то эта примечательная инициатива чехословацкого демократа была тогда отклонена самим И. Сталиным.¹¹⁵ Нельзя

не отметить и то, что культурно-языковую почву для столь неприятного чехам «воссоединения» Подкарпатской Руси с Советской Украиной в течение межвоенного периода добросовестно готовила сама чешская политическая элита, в 1920-е гг. поддерживавшая украинофильское направление среди русинов Подкарпатья.

На фоне всплеска политической активности в Чехословакии после «бархатной революции» 1989 г. эпизодически возникали и весьма экстравагантные политические планы в отношении Закарпатской Украины со стороны некоторых чешских политиков. Так, лидер праворадикальной и националистической Республиканской партии Чехословакии — Объединения за Республику М. Сладек в начале 1990-х гг. неоднократно озвучивал идею о необходимости возвращения Закарпатской Украины в лоно Чехословацкой республики, аргументируя это «незаконностью» присоединения Закарпатья к СССР. В 1991 г. Сладек даже посетил закарпатский город Мукачево, где при большом стечении народа собственноручно развернул чехословацкий флаг и призвал к проведению референдума в Закарпатья, будучи уверенным в том, что большинство местных жителей выскажется за присоединение к экономически благополучной Чехословакии.

Подобные скандальные заявления с интересом воспринимались лидерами закарпатских русинов, недовольных централизаторской политикой Киева. Наиболее радикальные представители русинского движения в Закарпатской области в начале 1990-х гг. требовали провозгласить недействительным договор между ЧСР и СССР от 29 июня 1945 г. о передаче Подкарпатской Руси Советскому Союзу и восстановить юрисдикцию Чехословакии на территории Закарпатья в соответствии с Сен-Жерменским договором 1919 года. В конце октября 1991 г. активисты русинского движения прибыли в Прагу и, пытаясь добиться реализации своих политических требований, объявили бессрочную голодовку у памятника святому Вацлаву на Вацлавской площади в Праге. Однако, быстро разочаровавшись в позиции чехов, большинство участников акции вскоре прекратили голодовку и покинули чехословацкую столицу. Отношение официальной Праги к требованиям русинских радикалов в то время ясно обозначил тогдашний министр иностранных дел Чехословакии И. Динстбир, заявивший, что «правительство ЧСФР не может быть связано с судьбой Подкарпатской Руси».¹¹⁶ После распада федеративного чехословацкого государства и появления 1 января 1993 г. на политической карте Европы независимых Чехии и Словакии идея о возвращении Закарпатья Чехословакии окончательно потеряла актуальность.

¹¹² *Výkoupil L.* Slovník českých dějin. Brno, 2000. S. 452.

¹¹³ *Beneš E.* Řeč o problému podkarpatoruském a jeho vztahu k Československé republice. S. 25.

¹¹⁴ *Ströbinger R.* Dvakrát o Podkarpatské Rusi // *Střední Evropa a Podkarpatská Rus*. Edice statí, reportáží, vzpomínek a dokumentů. 16 svazek. Praha, 1997. S. 42–43.

¹¹⁵ *Ibidem.*

¹¹⁶ *Lidová demokracie*. 3. IX. 1991.

ГЛАВА 1

**КАРПАТСКИЕ РУСИНЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА:
КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА**

«Густое русское население в горах меж Попрадом на западе и верхней Тисой на востоке становится все жиже по мере уменьшения гористости края. Эту форму расселенности русских — густое население на севере и жиденькое на юге — можно понимать двояко: или жидкое население в равнине ... — случайные выходцы, что селились то промеж валахов, то промеж мадьяр, или, наоборот, русская территория, возгнанная теперь в горы, раньше расширялась глубоко в равнину. ... Как понимать появление православных мадьяр с языком Кирилла в церкви? О проповеди славянской церкви среди мадьяр никто ничего не скажет: в прозелитизме русские ... на Венгерской равнине неповинны. Православные мадьяры — это только омадьярившиеся русские, мадьярившиеся незаметно, веками. Диалектология словацко-русского этнографического рубежа, названия от корня рус, рассеянные в большом количестве в пределах всей нынешней Угрии и Румынии, живые и поныне следы этнографического перерождения...».

(Филевич И. Очерк карпатской территории и населения. С. 210–212).

По мнению большинства историков, карпатские русины являются потомками племен белых хорватов, занимавших в раннее средневековье обширные области к северу от Карпатского хребта и представлявших собой крайнюю западную часть гигантского восточнославянского этнического материка. Некоторые авторитетные современные исследователи полагают, что белые хорваты имели сармато-аланское происхождение и были изначально ираноязычными, постепенно ассимилировавшись в славянском окружении.¹¹⁷ Этноним «хорваты», также имеющий, скорее всего, иранское происхождение, «был известен в значительной части славянской ойкумены, распространившись, судя по всему, в результате миграций из какого-то древнего центра или центров».¹¹⁸ Союз племен «под названием Белая Хорватия

¹¹⁷ См.: Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition. P. 540.

¹¹⁸ Třeštík D. Vznik Velké Moravy. Moravané, Čechové a Střední Evropa v letech 791–871. Praha, 2001. S. 100.

создали в VI веке первоначально ираноязычные племена, населявшие северные склоны Карпат от верхнего течения Днестра вплоть до Лабы...».¹¹⁹ К VIII веку «белые хорваты были полностью ассимилированы славянами, у которых в Карпатском регионе уже было конкретное название — русины, — полагает Д. И. Поп. — Это дает нам право назвать Белую Хорватию VIII века славяно-русинским государством...».¹²⁰ Помимо белых хорватов в этногенезе карпатских русинов принимали участие раннеславянские племена, пришедшие на южные склоны Карпат в раннее средневековье вместе с гуннами и аварами, а также впоследствии славянизированные романо-язычные влады, пришедшие в Карпатский регион с юго-востока.¹²¹

Судя по всему, область расселения белых хорватов была частью прародины славян. «Для меня нет сомнений в том, что начальное развитие славян имело место на территории к северу от Карпат, — писал знаток славянских древностей академик Л. Нидерле. — Самая чистая и старая славянская топонимика в наибольшем объеме представлена к северу от Карпат, начиная от Вислы и далее на восток к Днепру, в Подолии, на Волинии и в Галиции. ... На юго-западе естественной границей славянской прародины был Карпатский хребет».¹²² Основатель отечественного карпатоведения Ф. Ф. Аристов также считал Карпаты «общеславянской прародиной, откуда в VII веке славянские племена расселились в разные стороны».¹²³ Один из патриархов русинской историографии М. Лучкай в своем шеститомном труде «История карпатских русинов», написанном в 1830-е гг., утверждал, что самими первыми обитателями Карпатского региона были славяне, а само слово «Карпаты» берет свое начало от славянских слов «горб», «горбатый», означающих возвышенность. Лучкай связывал этимологию этнонима «хорваты» с Карпатами, полагая, что славяне, населявшие эту область, получили свое имя от названия гор.¹²⁴

Осознание древности своих исторических корней и собственной особенности, основанной на прямой генетической связи с автохтонным раннеславянским населением Карпат, было присуще части русинских мыслителей и публицистов. Примечательно, что в начале XX века в ходе полемики о том, являются ли карпатские русины частью малороссов или великороссов, неко-

¹¹⁹ Konečný S. Rusini na prelome dvoch tisícročí // Plišková A. (ed.) Rusínská kultúra a školstvo po roku 1989. Prešov, 2008. S. 6.

¹²⁰ Поп Д. И. Раннефеодальные государства в Центральной Европе и подкарпатские русины // Карпатские русины в славянском мире. Актуальные проблемы. М.; Братислава, 2009. С. 236.

¹²¹ Magocsi P. R. The People from Nowhere. An Illustrated History of Carpatho-Rusyns. Uzhhorod, 2006. P. 37.

¹²² Niederle L. O kolébce národa slovanského. V Praze, 1899. S. 7, 11–13.

¹²³ Аристов Ф. Ф. Карпато-русские писатели. С. 1.

¹²⁴ См.: Лучкай М. Історія карпатських русинів. Т. I. Ужгород, 1999. С. 39.

торые русинские общественные деятели и публицисты высказывали мысль о русинах как о самостоятельной и наиболее древней ветви восточных славян. Так, одна из влиятельных и популярных русинских газет в Северной Америке «Народна Обрана» в заметке об истории Угорской Руси писала в июле 1917 г., что «наши предки не принадлежали ни к малорусской, ни к великорусской группе русского народа, но являлись первоосновой русского дерева... Другие ветви: как малорусская, так и великорусская — выросли на русском дереве лишь столетия спустя... Находятся историки..., стремящиеся без всякого исторического основания вести наше происхождение от украинской генеалогии... Такое утверждение является полностью ошибочным».¹²⁵

Топонимика современной Закарпатской области Украины, юго-восточной Польши, восточной Словакии и Венгрии, а также северной Румынии свидетельствует о восточнославянском этническом облике коренного населения этих территорий. Большое количество населенных пунктов этого региона содержит корень «русъ», являющийся надежным индикатором этнической принадлежности автохтонного населения. Так, среди населенных пунктов восточной Словакии можно встретить такие названия, как Руська Воля, Руська Поруба, Руськи Грабовец, Руська Быстра, Руськи Поток, Руська Нова Вес и др. Данные археологии и лингвистики позволяют говорить о том, что область расселения русинов в средние века была значительно более обширной, постепенно уменьшаясь в процессе ассимиляции. По мнению многих авторитетных ученых-славистов, включая П. Й. Шафарика и академика Л. Нидерле, «вся территория Восточной Словакии, в сущности, представляет собой словакизированную Русь».¹²⁶ Известный русинский историк, литературовед и общественный деятель Н. Бескид писал, что «так называемый» восточнословацкий язык, по сути, не существует, представляя собой лишь «испорченный» русинский язык. По словам Бескида, если убрать полонизмы и германизмы, то словарный состав восточнословацкого языка будет полностью соответствовать словарному составу языка карпатских русинов.¹²⁷ Помимо восточной Словакии, этническая территория русинов захватывала значительную часть современной южной Польши, Венгрии и Румынии. «Русская область распространялась далее на запад, где часть нынешней Словакии ранее была русской, — писал академик Л. Нидерле, — тянулась далее на юг в ныне венгерскую область и даже занимала значительную часть внутренней Трансильвании».¹²⁸

¹²⁵ Народна Обрана. Homestead, PA. July 1917. № 2.

¹²⁶ Slovanský svět. Praha. 1909. S. 93.

¹²⁷ Бескид Н. Карпаторуська правда // Николай Бескид на благо русинів/Зоставитель Мгр. Гаврил Бескид. Ужгород, 2005. С. 73–74.

¹²⁸ Niederle L. Slovanské starožitnosti. Praha, 1925. IV. S. 162–163.

Аналогичных взглядов придерживался известный русский ученый-славист И. П. Филевич, изучавший область расселения карпатских русинов в раннее средневековье и их взаимоотношения с соседними западнославянскими народами и с венграми. По мнению Филевича, «ход жизни и история до такой степени осложнили здесь племенные отношения, что обычная и наиболее верная мерка определения народности — язык — оказывается здесь не совсем пригодной... Забитое и приниженное в течение веков «быдло» только в церкви и молитве чувствовало себя человеком и ... с верой связывало свое национальное имя. Только вероисповедание, — резюмировал Филевич, — представляет на всем этом рубеже некоторый критерий для определения народности».¹²⁹ Исходя из того, что «русский элемент на западном пограничье не может считаться позднейшим этнографическим наслоением, ибо все историческое движение Руси было направлено на восток, а не на запад», и что «польское и мадьярское влияние никоим образом не могло содействовать усилению русского элемента», Филевич полагал, что «мы имеем полное право придавать особенное значение этнографическим намекам на значительно большее распространение русского элемента в занимающей нас части Карпатских гор».¹³⁰

Географическую особенность современного ему расселения карпатских русинов, основная масса которых населяла в основном горные районы, убывая по мере уменьшения гористости края,¹³¹ Филевич объяснял многовековой полонизацией русинов на северных склонах Карпат и их словакизацией и мадьяризацией к югу от Карпатского хребта. Одним из аргументов Филевича была ссылка на существование мадьяр-униатов, которые, по его мнению, являлись мадьяризированными русскими. «Диалектология словако-русского этнографического рубежа, названия от корня рус, рассеянные в большом количестве в пределах всей нынешней Угрии и Румынии, живые и поныне следы этнографического перерождения, — писал И. П. Филевич. — ...Если сопоставить географическую номенклатуру, обнаруживающую значительное количество названий от корня рус не только на правом, но и на левом берегу Вислы..., то получится ряд ... несомненных доказательств присутствия Руси в самых, по-видимому, коренных пределах Малой Польши. Перерождение значительной части русских хорватов в поляков мы

¹²⁹ Филевич И. П. Очерк карпатской территории и населения. С. 206.

¹³⁰ Там же. С. 208.

¹³¹ Ссылаясь на данные профессора Кочубинского, Филевич определял южные границы Угорской Руси течением реки Горнад в центральной части современной восточной Словакии вплоть до г. Кошице, откуда граница поворачивала на юго-запад до г. Мишкольц, к северу от которого «тянутся русские оазисы». Филевич также упоминал данные русского путешественника Броневского, отмечавшего, что еще в 1810 г. у г. Мишкольц «жили русские». См.: Филевич И. П. Указ. соч. С. 209–210.

можем ... иллюстрировать документально. Процесс этнографического перерождения на широком пространстве карпато-дунайской земли не может подлежать сомнению».¹³²

Впрочем, современные словацкие исследователи полагают, что русинское население в равнинных областях к югу от Карпатского хребта на территории современной восточной Словакии не является автохтонным, появившись здесь в результате более поздней русинской колонизации с севера, проходившей во второй половине XVII–XVIII вв.¹³³ По мнению П. Шолтеса, процесс ассимиляции русинов, оказавшихся в словацком и венгерском окружении, протекал очень быстро как по причине отсутствия каких-либо церковно-правовых ограничений на заключение браков между римскими католиками и грекокатоликами, так и вследствие растущих экономических и торговых контактов между русинами и их соседями в лице словаков и венгров.¹³⁴

Хотя Карпатские горы, отделявшие населенное белыми хорватами Закарпатье от остальных восточнославянских племен, создавали серьезное препятствие для установления власти Киевской Руси над этой территорией, на ранних этапах она была связана с восточнославянским культурным и политическим организмом. В историографии высказываются разные мнения по поводу конкретных форм этой связи. Русский историк И. П. Филевич, изучавший раннесредневековый период истории карпатских русинов, склонялся к мнению о том, что Угорская Русь, будучи «окраиной русского мира», судя по всему, не участвовала в его исторической жизни и, «по-видимому, не входила в состав древнерусской державы».¹³⁵ Советские и украинские историки стремились доказать территориальную принадлежность Закарпатья Киевской Руси. По словам П. П. Толочко, «Карпатские горы были русско-венгерским пограничьем, которое периодически принадлежало то одной, то другой стороне. В состав Галицкого княжества входила также Закарпатская Русь, издревле населенная восточными славянами».¹³⁶ Современные украинские историки из Словакии занимают довольно осторожную позицию в этом вопросе, констатируя, что «...наука еще не располагает достаточным количеством фактов о территориальной принадлежности закарпатских украинцев Киевской Руси... Что касается границ Киевской Руси в районе Кар-

¹³² Филевич И. П. С. 212, 214–215.

¹³³ См.: Šoltés P. Assimilačné procesy na slovensko-rusínskom etnickom pomedzí pred nástupom národných hnutí // Карпатские русины в славянском мире. С. 30.

¹³⁴ Там же. С. 31.

¹³⁵ Филевич И. П. Угорская Русь и связанные с ней вопросы и задачи русской исторической науки. С. 2–3.

¹³⁶ Толочко П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 120.

пат, то, скорее всего, естественным рубежом Киевской Руси был сам Карпатский хребет, ширина которого в некоторых местах достигала 100 км».¹³⁷

Украинские историки лемковского происхождения И. Красовский и Д. Солинко в своем кратком очерке истории русинов-лемков подчеркивают, что карпатские русины принимали участие в походе князя Олега на Царьград и что киевский князь Владимир присоединил земли белых хорватов к Киевской Руси. Во второй половине XI в. на реке Сан началось строительство города Санок, ставшего важным торговым и административным центром на западе Киевской Руси. По словам Красовского и Солинко, «русские поселения ... достигали Кракова и Жешува на севере...».¹³⁸

Канадский историк-славист П. Р. Магочи, отмечая тесные культурные и религиозные связи православных карпатских русинов с единой Киевской Русью и позже с Украиной и Россией, в то же время отрицал политическую принадлежность карпатских русинов к Киевской Руси. По словам Магочи, «Карпатская Русь всегда была составной частью Центральной Европы».¹³⁹

Вопрос о взаимоотношениях карпатских русинов и Киевской Руси в целом весьма политизирован и часто трактуется в зависимости от культурной ориентации и политических предпочтений заинтересованной стороны. Современные русинские публицисты отрицают связь Закарпатья с Киевской Русью, с энтузиазмом замечая, что на изданных в Чехии и Словакии картах Великой Моравии «Ужгород входит в ее состав».¹⁴⁰ Это представляет собой явное смещение акцентов в сравнении с русинскими политиками и публицистами начала XX века и межвоенного периода, которые были склонны рассматривать всех карпатских русинов как единый культурный организм и подчеркивали тесную связь русинов с «остальной Русью». Так, авторы «Меморандума русского конгресса в Америке», созданного «Союзом освобождения Прикарпатской Руси» 13 июля 1917 г. в Нью-Йорке, писали, что «...от своего появления в истории в 9 столетии до половины 14 столетия... Прикарпатская Русь составляла одно целое с остальной Русью не лишь в национальном отношении, как теперь, но она была тогда и политически соединена с русской державой и жила с ней одной общей политической жизнью».¹⁴¹

Очевидно, решение вопроса об отношении карпатских русинов к Киевской Руси требует дифференцированного подхода с учетом географической

¹³⁷ Бача Ю., Ковач А., Штець М. Чому, коли і як? Запитання й відповіді з історії і культури русинів-українців Чехословаччини. Пряшів–Київ, 1992. С. 8.

¹³⁸ Красовський І., Солинко Д. Хто ми, лемки... Популярний нарис. Львів, 1991. С. 11.

¹³⁹ Magocsi P. R. The People from Nowhere. An Illustrated History of Carpatho-Rusyns. P. 37.

¹⁴⁰ Годьмаш П., Годьмаш С. Подкарпатская Русь и Украина. С. 17.

¹⁴¹ Bratislava. Časopis učenej spoločnosti Šafaříkovy. 1931. Roč. 5. Číslo 3. S. 512.

специфики русинских земель. Если русинов, живших к югу от Карпатского хребта, от Киевской Руси отделяли горы, делая взаимную связь затруднительной, то русины с северных склонов Карпат изначально находились в более тесных контактах с Киевской державой. Политическое влияние Галицкого княжества распространялось на восточную часть области расселения русинов-лемков с городами Санок и Перемышль; западная часть Лемковины с самого начала оказалась связанной с польской государственностью.

Территории к югу от Карпатского хребта, т. е. современная Закарпатская область Украины и восточная Словакия, с XI века постепенно переходили под власть кочевых венгерских племен, которые, преодолев в конце IX в. Карпаты и нанеся поражение славянскому князю Лаборцу у г. Ужгород в 903 г., начали постепенно устанавливать господство над местным русинским населением. По сведениям мадьярского анонимного летописца XII века, Ужгород, бывший к приходу мадьяр столицей князя Лаборца, стал первой крепостью, взятой мадьярами без боя после их вторжения на придунайскую равнину. Мадьярская летопись сообщает, что Лаборец, бежавший от мадьяр в соседнюю крепость Землин, был пойман воинами венгерского князя Алмуса и повешен у реки, которая позднее получила имя убитого русинского князя. «Князь Алмус и его люди, войдя в крепость, принесли великим богам ... жертвы и пировали четыре дня, — повествует мадьярский анонимный летописец о действиях мадьяр после взятия Ужгорода. — На четвертый день князь Алмус созвал совет и, приняв присягу от всех своих людей, установил своего сына Арпада еще при своей жизни князем и повелителем».¹⁴²

Впрочем, традиционная венгерская историография и венгерские исследователи русинского происхождения, включая известного слависта А. Бонкало, полагали, что русины пришли на южные склоны Карпат уже после появления мадьяр на Паннонской равнине.

Ужгородская крепость впоследствии послужила венграм опорным пунктом, используя который они «постепенно распространили свою власть на всю придунайскую равнину и, завоевав ее, врезались клином между северными и южными славянами. Разъединив таким образом славян, они дали перевес германцам над славянами и тем самым дали всей мировой истории совершенно иное направление, чем она ... должна была принять, если бы славяне остались компактной массой...».¹⁴³ Личность князя Лаборца, которого многие историки считают не более чем легендарной фигурой, была впоследствии популяризирована и воспета в произведениях многих русинских литераторов и национальных деятелей, в частности в пьесах А. Кралицкого в 60-х гг. XIX века.

¹⁴² Цит. по: *Сова П.* Прошлое Ужгорода. Исторический очерк. Ужгород, 1937. С. 18.

¹⁴³ Там же. С. 21.

Первоначально кочевники-венгры не проявляли особого интереса к Закарпаты, отдавая предпочтение плодородным степям Придунайской низменности. Только в первой половине XI вв. при короле Стефане Венгерское королевство начинает окончательно утверждать свою власть над населенной словаками и русинами территорией к югу от Карпат. Существенная разница во времени между приходом мадьяр на Паннонскую равнину и окончательным включением русинских земель к югу от Карпат в состав Венгрии объясняется некоторыми историками тем обстоятельством, что русины, населявшие южные склоны Карпат, долгое время находились в политической зависимости от соседнего Галицкого княжества. «Особого внимания заслуживает то, что граница древней Венгрии в течение многих веков совпадала с русской этнографической границей, — констатирует русинский историк и краевед П. Сова. — Поневоле напрашивается вопрос, что мешало мадьярской государственности продвинуться в нашей области до Карпатского водораздела... Скорее всего, мешало этому наличие другой государственности, а именно Червонорусской, соседившей с Венгрией... Только после захвата поляками Галицкого королевства и его удельных частей (1340 г.) подпадает эта внезаселенная территория, как земля ничья, окончательно под мадьярскую власть».¹⁴⁴

Ф. Ф. Аристов отмечал значительное культурное влияние, оказанное славянами на мадьяр после их появления в Придунайской низменности, а также в целом гармоничные отношения мадьяр и карпатских русинов в начальный период их исторического сосуществования. «Первые угорские короли признавали за угро-русскими их религиозные, национальные и политические права... Оказав ... услуги мадьярам при занятии Угрии, угро-руссы долгое время несли сторожевую службу по охране границ государства; многие угро-руссы занимали также высокие должности при дворе. Любопытно отметить, что ... должности при угорском дворе носили славяно-русские названия, как, например, воевода, стольник, придворный пан, — писал Ф. Ф. Аристов. — Соединенный в одну область, угро-русский народ имел также национальное самоуправление, избирая своих чиновников под названием кенезиев и крайников... В религиозной области угро-руссы первоначально также пользовались полной свободой. Однако, по мере того, как Угрия подпадала под влияние латино-немецкого Запада, православные угро-руссы стали терпеть притеснения со стороны католического духовенства».¹⁴⁵

Русинское население южных склонов Карпат находилось в постоянном и прямом контакте со словацким этническим элементом, что приводи-

¹⁴⁴ Цит. по: *Сова П.* С. 34–35.

¹⁴⁵ *Аристов Ф. Ф.* Карпато-русские писатели. С. 11–12.

ло к взаимопроникновению языков и культур и постепенным ассимиляционным процессам. Сохранению русинами своего языка, культуры, обычаев и православной веры способствовала географическая изолированность русинских регионов, а также постоянный приток русинских колонистов с галицкой стороны Карпат. Миграция восточнославянского населения с севера на южные склоны Карпат продолжалась вплоть до XVI в., поддерживая русинский этнический элемент за Карпатами. Ощутимое влияние на этнический облик населения Карпатской Руси оказала валашская колонизация, продолжавшаяся в течение XV–XVI вв. Романоязычные валахи, занимавшиеся в основном скотоводством, быстро ассимилировались в славянском окружении.

Христианство начинает проникать в Карпатский регион во второй половине IX в. В период расцвета Болгарского царства при царях Борисе и Симеоне в IX–начале X вв. северо-западные границы Болгарии достигали бассейна реки Тисы, захватывая часть населенной русинами территории к югу от Карпат. Именно к этому времени относится распространение христианства среди населения Карпатской Руси. Местные народные легенды о том, что карпатские русины приняли христианство уже в 860-е годы от славянских просветителей Кирилла и Мефодия, которые по пути в Великую Моравию крестили Подкарпатскую Русь, нашли своих сторонников среди известных русинских историков. Данную точку зрения поддерживали основатели русинской историографии И. Базилович, А. Балудянский и М. Лучкай. Русинская историческая традиция связывала с миссией Кирилла и Мефодия и с деятельностью их учеников возникновение епархии с центром в Мукачево, а также епархии в Перемышле. «Семена христианской веры были принесены сюда ранее, чем к остальным русским. Славянские первоучители святые Кирилл и Мефодий еще более упрочили православную веру среди угро-русского населения»,¹⁴⁶ — подчеркивал Ф. Ф. Аристов. «Независимо от того, кто в действительности принес сюда христианство, нет сомнений в том, что христианство присутствовало в Карпатском регионе значительно раньше конца IX в., — отмечает П. Р. Магочи. — Поэтому некоторые историки указывают на то обстоятельство, что карпатские русины стали христианами более чем на столетие раньше остальных восточных славян, которые стали массово принимать христианство только после крещения Киевской Руси в 988 г.»¹⁴⁷ После разделения церквей в 1054 г. карпатские русины остались частью православного мира. Важную роль в укреплении православия в Карпатской Руси сыграл основанный в 1360 г. Мукачевский монастырь.

¹⁴⁶ Аристов Ф. Ф. С. 11.

¹⁴⁷ Magosci P. R. The People from Nowhere. An Illustrated History of Carpatho-Rusyns. P. 33.

Монголо-татарское нашествие, превратившее в руины некогда цветущие древнерусские княжества, оставило свой след и в Карпатах. Путь монголов в Центральную Европу в 1241 г. лежал в том числе и через карпатские перевалы, преодолев которые монголо-татарское войско разорило земли карпатских русинов. В результате монгольского нашествия территории к югу от Карпат подверглись опустошению и надолго обезлюдели. Численность населения медленно восстанавливалась за счет новой волны колонизации, которая поддерживалась венгерскими властями и в которой принимали участие не только русины и словаки, но и немцы, а также румыны. Плодородные южные области Закарпатья привлекали венгерских колонистов. Постепенно сложилось естественное разделение труда между венграми, которые населяли плодородные низменности Придунавья и Потисья, занимаясь земледелием, и русинами, жившими в горных областях и занятых добыванием древесины и лесными промыслами. Разделение труда и взаимные экономические потребности венгров, которым требовалась древесина, и русинов, нуждавшихся в продуктах земледелия, легли в основу легенды, утверждавшей, что Бог дал мадьяру плодородные земли низменностей, а русину — богатые лесом горы и обрек их тем самым на соседство и экономическую взаимозависимость.¹⁴⁸

Большую роль в политической истории карпатских русинов сыграл князь Федор Корятович, выходец из Великого Княжества Литовского, который, потерпев поражение во внутривосточной борьбе в Литве, вместе со своей дружиной пришел в Закарпатье из Подолии по приглашению венгерского короля во второй половине XIV века. По договоренности с венгерским королем Сигизмундом, Корятович уступил ему свои права на Подолию, получив взамен Мукачевское и Маковицкое владения. Резиденцией Корятовича стал мукачевский замок, имевший важное оборонительное значение в защите восточных рубежей Венгерского королевства. Ф. Корятович сыграл большую роль в укреплении православия в Угорской Руси и в поддержке православного монастыря Святого Николая в Мукачево. «Приход Корятовича поднял дух угро-русского народа, — писал Ф. Ф. Аристов. — К сожалению, князь Федор Корятович не упрочил своей власти в Угорской Руси...»¹⁴⁹ Князь Корятович и его приход в Угорскую Русь в интерпретации русинских историков стали одним из ключевых событий средневековой истории русинов, а личность князя была одной из самых популярных тем для русинских литераторов XIX века.

В первой половине XIV в. начинается постепенное наступление на позиции православной церкви в Карпатском регионе со стороны ка-

¹⁴⁸ Bonkalo A. The Rusyns. N. Y., 1990. P. 6–7.

¹⁴⁹ Аристов Ф. Ф. Карпато-русские писатели. С. 13.

толической церкви, что, в частности, проявилось в деятельности Ф. Другета и других представителей этого рода, выходцев из Италии. В 1317 г. Ф. Другет получил в дар от короля Венгрии г. Гуменне и другие обширные земельные владения в западной части Угорской Руси. По словам Н. Бескида, Другеты были призваны для подчинения «Лаборецкой Руси». Один из представителей этого рода, Гашпар Другет, нападал, грабил и разрушал церкви восточного обряда, убивая священников и подвергая насилию женщин.¹⁵⁰ Впоследствии тактика борьбы с православной церковью в регионе изменилась. Открытое насилие и жестокость уступили место изощренной социальной и моральной дискриминации и унижению восточной церкви. Н. Бескид писал, что храмы восточного обряда, подобно рабочему инвентарю, отдавались в аренду евреям, от милости которых зависело, состоится ли в церкви служба. За ключ от храма, как правило, взималась плата в 1 гульден. В храм можно было попасть только с разрешения пана или его представителя.¹⁵¹

В своей борьбе с православием в Карпатском регионе Другеты опирались на иезуитов, главным объектом миссионерской деятельности которых были прежде всего местные русины, придерживавшиеся восточного обряда. Впервые иезуиты появились в г. Гуменне в 1608 г., но уже в 1612 г., спустя всего четыре года, все богатые мещане Гуменне приняли римское католичество. В результате деятельности иезуитских миссионеров только в первые десятилетия XVII в. в римское католичество перешло несколько десятков русинских сел Гуменского панства, которые до этого придерживались восточного обряда.¹⁵²

Русины, жившие на северо-восточных границах Венгрии, выполняли пограничные функции и первоначально получали за это различные привилегии от венгерских монархов. Однако с начала XVI в. феодальные повинности распространяются и на приграничное русинское население, привилегии которого постепенно ликвидируются.

XVI век стал временем важных перемен в социально-экономической и религиозной жизни карпатских русинов. Польские духовные и светские феодалы проводили активную политику закрепощения русинов-лемков, населявших северные склоны Карпат. Принятые в 1514 г. венгерскими властями законы также устанавливали крепостные отношения. Однако реализация этих законов в Венгрии была затруднена после разгрома венгерского войска турками в битве у Мохача в 1526 г. и последующей инкорпорацией

¹⁵⁰ Бескид Н. Краснобрідські ярмарки // Николай Бескид на благо русинів. С. 86–87.

¹⁵¹ Бескид Н. С. 87–88.

¹⁵² См.: Тимкович Й. В. Юрій III Другет і неуспішна Краснобрідська «унія» в році 1614 // Русин. 2009. № 9. С. 4–5.

большей части венгерских земель в состав Османской империи. Северо-западная часть Венгрии вошла в состав державы Габсбургов.

«Второе издание крепостничества» и связанные с ним процессы, затронувшие в XVI в. территорию тогдашней северо-восточной Венгрии, способствовали социальной унификации местного населения и сближению русинов и словаков, которые оказались в одинаковых социально-экономических условиях. Это обстоятельство, а также почти полное отсутствие у русинов собственной аристократии и мещанства благоприятствовали активизации взаимных контактов и диффузии словацкого и русинского населения. Другим важным фактором, ускорившим этот процесс, стала Ужгородская церковная уния 1646 г., заключенная ровно 50 лет спустя после Брестской унии 1596 г.¹⁵³

Одной из важных причин церковной унии было быстрое распространение протестантизма в Польше и Венгрии в XVI веке и его растущее противостояние с католичеством, что очень беспокоило правящие круги этих стран. Именно поэтому воспитанник иезуитов польский король Сигизмунд III Ваза активно поддержал в 1592 г. инициативу части православных иерархов Речи Посполитой (львовского владыки Г. Балабана, луцкого епископа К. Терлецкого, пинского епископа Л. Пельчицкого и холмского епископа Д. Збируйского) о принятии унии с Римом. Другой важной причиной унии был низкий социальный статус местного православного духовенства, стремившегося поэтому к улучшению своего социально-экономического положения и к повышению значимости своей общественной роли. «В обстановке политического и конфессионального противостояния часть православных священников и епископов считала целесообразным прикнудить к официальной религии страны своего проживания, — полагает П. Р. Магочи. — Именно поэтому они решили принять церковную унию с католической церковью, признав папу римского в качестве своего главы».¹⁵⁴ Существенной причиной принятия унии было и стремление аристократии Речи Посполитой и Венгрии в конце XVI–начале XVII вв. ускорить ассимиляцию местного восточнославянского населения, подчинив православных русинов господствовавшей римско-католической церкви.

Брестская уния вызвала неприятие и протесты православного населения Речи Посполитой. Противниками унии выступили многочисленные и влиятельные православные братства Западной и Юго-Западной Руси. Расколов церковь и народ и резко усилив дискриминацию местного православного населения, уния положила начало ожесточенной религиозной борьбе

¹⁵³ См.: Haraksim L. K sociálnym a kultúrnym dejinám Ukrajincov na Slovensku do roku 1867. Bratislava, 1961.

¹⁵⁴ Magosci P. R. The People from Nowhere. An Illustrated History of Carpatho-Rusyns. P. 46.

и стала дополнительным источником межконфессиональных противоречий и растущей нестабильности Речи Посполитой.

Оценивая заключенную в 1596 г. в Речи Посполитой Брестскую церковную унию и ее последствия для местных русинов, лемковский историк И. Ф. Лемкин писал, что «Брестская уния была заключена в интересах шляхетской Польши для еще большего отрыва русского народа в Польше от России, хотя нельзя подозревать православных епископов в злом умысле... Духовенство и народ не хотели унии, многие боролись с ней... Львовская и Перемышльская епархии приняли унию очень поздно, а Лемковина еще позднее ... — с начала XVIII века. Последствия унии ... оказались вредными. Русский язык стал языком исключительно хлопским, а это было первым шагом к мадьяризации и германизации».¹⁵⁵ Развитие событий в Речи Посполитой оказало большое влияние на положение в соседней Венгрии.

24 апреля 1646 г. собравшиеся в часовне Ужгородского замка православные священники Угорской Руси заключили унию с Римом. Это событие, вошедшее в историю как Ужгородская церковная уния, положило начало существованию униатской церкви в Карпатском регионе Венгрии, подобно тому, как Брестская уния положила начало униатству на Западной Украине и в Беларуси. Ужгородская уния также распространялась медленно и с трудом, не имея массовой поддержки среди православного населения Венгрии. Примечательно, что две предпринятые до 1646 г. попытки провозгласить унию потерпели неудачу. Так, в 1614 г. православные верующие разогнали съезд пятидесяти православных священников, собравшихся в монастыре Красный Брод на территории современной восточной Словакии для заключения унии. В 1630-е годы планы заключить унию были сорваны протестантским князем Трансильвании Д. Ракоци, арестовавшим сторонника унии мукачевского епископа В. Тарасовича. «Сначала уния была принята только западной половиной карпаторусского народа...; восточная же его половина, подвластная семиградским князьям, упорно держалась «старой веры». Таким образом, и в среде нашего народа произошел нравственный раскол, вызвавший ... религиозную борьбу, — писал русинский историк П. Сова. — В этой борьбе, продолжавшейся добрую сотню лет, победила уния, что не обошлось без применения штыков и ... военно-полицейских принудительных мер».¹⁵⁶ Распространение унии в северо-восточной Венгрии стало возможным благодаря энергичной поддержке со стороны Габсбургов, которые были оплотом римско-католической церкви и контрреформации в Центральной Европе. Так, заключению Ужгородской унии в 1646 г. энергично содействовал

¹⁵⁵ Лемкин И. Ф. История Лемковины. Нью-Йорк, 1969. С. 88, 94.

¹⁵⁶ Сова П. Прошлое Ужгорода. С. 128.

австрийский император Фердинанд II (1637–1657). По словам Н. Бескида, задача Ужгородской унии состояла прежде всего в том, чтобы с ее помощью разорвать религиозную связь русинов с «остальным русским миром».¹⁵⁷

Ожесточенное противоборство между католической Австрией и протестантской Трансильванией в конце XVI–XVII вв. самым трагическим образом сказалось на положении Карпатской Руси, население которой оказалось между двумя враждующими сторонами. Русинские села часто разрушались или становились объектами грабежа во время военных действий, что вело к массовому исходу населения в более безопасные места. Многие русины, ожесточенные насилиями со стороны австрийских войск, поддерживали венгерских князей Трансильвании в их борьбе с Австрией. Так, во время крупнейшего антигабсбургского восстания под руководством трансильванского князя Ференца II Ракоци в 1703–1711 гг. большинство солдат его войска являлись русинскими крестьянами, а ядро повстанческого войска составил отряд из восьмисот казаков, предоставленный Ракоци сочувствовавшими ему польскими аристократами. По словам П. Сова, «знаменитое, длившееся полных восемь лет куруцкое восстание ... при некоторых условиях могло положить конец немецкому владычеству в дунайском бассейне и тем самым повернуть колесо истории в другую сторону, а именно в сторону славяно-русскую... В нем ... основную роль играл карпаторусский народ, надевшийся с оружием в руках выбороть себе свою правду. Участие карпаторусского народа в восстании уже само по себе в значительной степени обеспечивало ему успех, ибо закаленные в боях воинственные карпаторусские горцы представляли собой весьма ценный боевой материал».¹⁵⁸

Большая роль карпатских русинов в антигабсбургском восстании под руководством Ракоци отразилась в карпаторусском влиянии на тогдашнюю венгерскую общественную и культурную жизнь. Так, «вся мадьярская поэзия и музыка эпохи восстания, называемая «куруцкой», густо пронизана русскими, в частности, карпаторусскими мотивами, уцелевшими до наших дней».¹⁵⁹ Признание венграми заслуг карпатских русинов в борьбе Ракоци за независимость от Габсбургов и восстановление венгерской государственности нашло свое выражение в широко распространенной после восстания 1703–1711 гг. легенде о русинах как о наиболее верном племени Венгрии (*gens fidelissima*). Впоследствии эта легенда использовалась венгерскими историками и политиками в качестве одного из идеологических обоснований необходимости сохранения земель карпатских русинов в составе Венгерского государства. «На протяжении 700 лет своего проживания на склонах

¹⁵⁷ Бескид Н. З історії єдної селянської родини // Николай Бескид на благо русинів. С. 99.

¹⁵⁸ Сова П. Прошлое Ужгорода. С. 178–179.

¹⁵⁹ Там же. С. 180.

Карпат... у русинов развилось чувство принадлежности к Венгерской родине, — писал в 1940-е гг. крупный венгерский ученый-славист русинского происхождения А. Бонкало. — Всеми своими деяниями русины доказали, что они могут приносить жертвы во имя родины».¹⁶⁰ После поражения Ракоци, который в своей борьбе с Габсбургами пытался опереться на Россию и завязал сношения с Петром I, Австрия установила полный контроль над всей территорией Венгерского королевства, включая Карпатскую Русь. По меткому замечанию П. Сова, «сорвавшийся было с немецкого якоря мадьярский государственный корабль был взят опять на немецкий буксир».¹⁶¹

Грекокатолическое духовенство активно лоббировало свои интересы у Габсбургов. Император Леопольд I (1658–1705), стремясь повысить статус униатского духовенства, в 1692 г. освободил его от обязанности нести феодальные повинности наряду с крестьянами. В 1771 г. австрийская императрица Мария Терезия признала независимость Мукачевской епархии. Впоследствии были образованы новые грекокатолические епархии в Прешове (рус. Пряшив) в 1816 г. и в Хайдудороге в 1912 г. Грекокатолическая церковь получала существенную финансовую поддержку от австрийских властей. Во второй половине XVIII века в ведении грекокатолической церкви, возглавляемой епископом А. Бачинским, была сеть начальных школ, учительский институт и духовная семинария, в которой преподавались церковнославянский и русинский языки. В этих учебных заведениях воспитывалось новое поколение русинского грекокатолического духовенства, включая крупных русинских национальных деятелей и ученых И. Базилевича и М. Лучкая, которые в конце XVIII–начале XIX веков написали первые фундаментальные труды по истории карпатских русинов. Огромную роль в распространении просвещения среди русинов и в поднятии образовательного уровня русинских грекокатолических священников сыграл епископ А. Бачинский, возглавлявший Мукачевскую епархию в 1772–1809 гг. Многие исследователи считают А. Бачинского первым крупным национальным деятелем Подкарпатья. Современные русинские ученые усматривают в письменных документах канцелярии епископа Бачинского «первую целенаправленную попытку кодификации языка карпатских русинов».¹⁶²

Увеличив поддержку грекокатолической церкви, австрийские власти в то же время усилили контроль за духовной жизнью русинов и особенно их духовенства. Так, опасаясь нежелательного для Австрии культурного влияния России на карпатских русинов, Мария Терезия наложила запрет

¹⁶⁰ *Bonkalo A.* The Rusyns. P. 5.

¹⁶¹ *Сова П.* Указ. соч. С. 193.

¹⁶² *Плішкова А.* Русинський язык на Словеньску. Короткий нарис історії і сучасності. Пряшів, 2008. С. 15.

на ввоз книг из Российской империи, включая духовную литературу. Основанная в Вене для подготовки грекокатолических священников духовная семинария святой Варвары, по словам И. Ф. Лемкина, преследовала цель «превратить униатских священников в верных жандармов, которые бы убили в народе его стремление к объединению с единокровными братьями».¹⁶³

Стремление австрийских властей к установлению полного контроля над русинской духовной жизнью усилилось после 1772 г., когда в результате разделов Польши Австрия приобрела провинцию Галиция, населенную русинами. В условиях протяженной границы с Российской империей австрийские власти были озабочены широко распространенными прорусскими настроениями среди карпатских русинов, которые рассматривались в Вене как не вполне политически благонадежный этнический элемент. С 1772 г. вплоть до распада Австро-Венгрии в 1918 г. все карпатские русины были объединены в рамках империи Габсбургов, являясь составной частью входивших в состав Австрийской империи Венгрии и австрийской провинции Галиция.

Конец XVIII–первая половина XIX вв. были отмечены резким ростом венгерского национального самосознания, что быстро привело к национальной дискриминации невенгерских народов Венгерского королевства. По закону № 16, принятому в 1791 г., венгерский язык как предмет изучения вводился в учебные заведения Венгрии, а в 1792 г. его изучение стало обязательным на всей территории Венгерского королевства, кроме Хорватии и Семиградья. В 1805 г. венгерский был возведен в ранг вспомогательного официального языка, а в 1840 г. венгерский язык полностью заменил латынь в качестве официального языка. Закон № 2, принятый в 1844 г., объявлял венгерский языком обучения во всех учебных заведениях Венгрии. Языковые права невенгерских народов, составлявших около половины населения Венгрии, полностью игнорировались, что явилось одной из причин пробуждения их национального самосознания, дав «толчок к их национальному возрождению».¹⁶⁴

Усиление Австрии в конце XVII–первой половине XVIII вв. и аннексия империей Габсбургов части балканских владений Османской империи по условиям Пожаревацкого мирного договора 1718 г. способствовали расширению географии русинских поселений. Нуждаясь в ускоренном заселении отвоеванных у Турции земель, австрийские власти способствовали переселению на новоприобретенные территории населения из других частей империи, предоставляя ему экономические льготы. В 1745–1787 гг. на терри-

¹⁶³ *Лемкин И. Ф.* История Лемковины. С. 95.

¹⁶⁴ *Сова П.* Указ. соч. С. 283.

торию Бачки и Срема переселилось несколько тысяч русинов из северовенгерских комитатов Унг, Земплен, Шарош, Абауй, Берег и Марамарош (современные территории Закарпатской области Украины, восточной Словакии и северо-восточной Венгрии). Центрами бачванско-сремских русинов стали крупные села Руски Керестур и Куцура. Географическая оторванность от исторической родины способствовала тому, что «влияние интенсивных культурных и языковых процессов, проходивших в Галиции и Буковине в конце XIX века, на аналогичные процессы у бачванско-сремских русинов было ослабленным».¹⁶⁵ Свообразию русинского населения Бачки и Срема способствовало и их югославянское окружение, оказавшее большое влияние на материальную и духовную культуру русинов Воеводины.

* * *

В момент заключения Ужгородской унии подавляющее большинство священников и прихожан Мукачевской епархии были этническими русинами. В XIX в. под влиянием усилившихся ассимиляционных процессов культурно-языковой облик и национальный состав Мукачевской епархии начинает меняться. Тысячи грекокатоликов-русинов, проживавших в равнинных областях тогдашней северо-восточной Венгрии, постепенно принимали словацкую или венгерскую национально-языковую идентичность, сохраняя при этом грекокатолическую веру своих предков. В течение XIX в. были словакизированы или мадьяризированы компактные области проживания русинов вокруг г. Требишов, к югу от г. Свидник, а также к востоку от г. Кошице, г. Михаловце и г. Мишкольц на территории современной восточной Словакии и северо-восточной Венгрии. К началу XX в. грекокатолическая община Угорской Руси приобрела многонациональный облик, включая не только русинов, но и словаков, а также венгров, которые в основной своей массе были ассимилированными русинами. По данным специалистов, с 1841 по 1890 гг. на территории восточной Словакии 176 русинских сел было словакизировано; 37 сел мадьяризировано и лишь 1 словацкая деревня была русинизирована.¹⁶⁶

П. Р. Магочи полагает, что грекокатолическая церковь сыграла большую позитивную роль в истории русинского народа, в течение трех с по-

¹⁶⁵ Буркит И. Г. Формирование национального самосознания русинского населения Бачки и Срема // *Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX–начале XX вв.* М., 1991. С. 158.

¹⁶⁶ См.: *Korčák J. Etnický vývoj československého Potíší // Národnostní obzor.* III. Praha, 1933. S. 270.

ловиной столетий демонстрируя способность эффективно адаптироваться к меняющимся внешним условиям, не теряя при этом своей сути. По словам Магочи, «из всех вариантов христианства, которые играли и продолжают играть роль в Карпатской Руси, включая римское католичество, православие и протестантизм, ... именно грекокатолическая церковь проявила себя как идеальное воплощение русинской культуры ...».¹⁶⁷

Не отрицая колоссального значения грекокатолицизма в духовной жизни русинов и выдающейся роли униатского духовенства в культурном развитии русинского народа, нельзя не обратить внимание на то, что уния изначально задумывалась как инструмент подчинения восточнославянского населения Речи Посполитой и Венгрии господствующей римскокатолической церкви, а также на то, что темпы ассимиляции русинов ускорились после принятия унии. В период резко усилившейся мадьяризации во второй половине XIX в. грекокатолическое духовенство все хуже справлялось с задачами защиты языка и культуры русинского народа и нередко выступало в роли орудия ассимиляции русинов. Мадьяризация значительной части грекокатолического духовенства и принятие им венгерской культуры привели к тому, что русинское население «воспринимало грекокатолических священников как чуждый элемент, который отделяет от верующих социальная и национальная пропасть».¹⁶⁸

Все это дискредитировало грекокатолическое духовенство в глазах верующих и способствовало росту интереса к православию, являясь важной причиной участвовавших переходов в православную веру среди русинского населения. По словам украинского историка из Словакии И. Ваната, кампания за возвращение к православию была вызвана не только религиозными, но и социально-политическими причинами. Переход в православие «был направлен против венгерского правительства и мадьяризованного униатского духовенства ... — помощника правящих кругов в деле мадьяризации ...».¹⁶⁹ Несмотря на достаточно длительную культурно-историческую традицию и приобретенную видимость конфессиональной самодостаточности, униатство всегда рассматривалось инициировавшей его римскокатолической церковью в качестве утилитарно-второсортного явления — как эффективный инструмент управления коренным восточнославянским населением и одновременно как орудие его постепенной денационализации.

Эти тенденции со всей отчетливостью проявились во второй половине XIX в., что выразилось в усилении давления на униатов со стороны гос-

¹⁶⁷ *Magocsi P. R. Adaptačné bez asimilácie // Střední Evropa a Podkarpatská Rus. Edice statí, reportáží, vzpomínek a dokumentů.* 16 svazek. Praha, 1997. S. 22.

¹⁶⁸ *Švorc P. Zakletá zem. Podkarpatská Rus 1918–1946.* S. 126.

¹⁶⁹ *Ванат І. Нариси новітньої історії українців Східної Словаччини.* С. 30.

подствущей римскокатолической церкви, о чем писал такой авторитетный современник, как Иван Франко. Характеризуя непростые взаимоотношения униатов и римских католиков в Восточной Галиции, И. Франко отмечал в 1884 г., что если русины понимают под унией такое объединение восточной и западной церквей, которое, наряду с единством основных догматов, обеспечивает восточной церкви полную автономию в обрядах, то иезуиты именно в этом усматривают наибольший грех русинского духовенства. Франко констатировал стремление верхушки римскокатолической церкви, для которой уния перестала быть достаточной, «привести народ наш от унии к полному латинству и духовенство наше к целибату... Католицизм ... потребовал бы от русинов отречения от русской национальной истории с ее «гайдамацкими героями», ... от русской письменности — «московской гражданки», от русских праздников и, кто знает, может быть и от русского языка... Латинизация русинов, — подводил итог Франко, — означала бы отречение от русской народности, их ополячивание...».¹⁷⁰ Что же касается католичества как такового, то Франко откровенно характеризовал его как «заклятого врага славянства, который, возможно, принес ему больше вреда, чем все кровавые войны с мадьярами, немцами и татарами».¹⁷¹

Жалкое и подчиненное положение грекокатолической церкви в Галиции, отсутствие прихожан, латинская пропаганда со стороны костела, искажение обрядов и приближение униатского богослужения к католическому вызвали противодействие со стороны ряда грекокатолических священников во главе с И. Наумовичем. Это противодействие вылилось в мощное «обрядовое движение», направленное на очищение «во всей Галичине обряда Русской Церкви от всех латинских нововведений, которые в него примешались из-за нерадения духовенства и давления со стороны латинства».¹⁷² Примечательно, что сам И. Наумович, грекокатолический священник, впоследствии принявший православие, в своей апелляции к папе Льву XIII в 1883 г., протестуя против своего отлучения от церкви, характеризовал унию как средство «к преследованию чисто политических целей, в частности, к искоренению русского народа»¹⁷³, указывая в качестве доказательства на преследование церковнославянского языка и русских униатов, латинизацию богослужения и искажение обрядов.

¹⁷⁰ Франко І. Воскресіння чи погребіння // Франко Іван. Публіцистика. Вибрані статті. Київ, 1953. С. 67, 69–70.

¹⁷¹ Франко І. Католицький панславизм // Указ. соч. С. 32.

¹⁷² Мончаловский О. А. Жизнь и деятельность Ивана Наумовича. Львов, 1899. С. 20.

¹⁷³ Наумович И. Г. Апелляция к папе Льву XIII русского униатского священника местечка Скалат (Львовской митрополии в Галиции) Иоанна Наумовича против великого отлучения его от церкви по обвинению в схизме. Перевод с латинского языка. СПб., 1883. С. 54.

Анализируя положение униатской церкви в Галиции во второй половине XIX в. и причины ненависти к себе со стороны поляков, Наумович писал: «Врагам нашим, для которых восстановление царства польского имеет гораздо большее значение, чем воссоздание царства божия, не нравится..., что я, моими наставлениями и в школе, и при божественных службах, встаю против равнодушия к вере, упорно борюсь за чистоту апостольского обряда и древних обычаев греческой церкви в духе постановлений флорентийского собора..., что я не мог сносить того, чтобы русский народ греческого обряда ... преобразовывался в народ польский латинского обряда».¹⁷⁴ Протестуя против латинизации и искажения церковных обрядов грекокатолической церкви, Наумович указывал на их противоправность, ссылаясь на «постановления флорентийского собора», которые «ясно требуют, чтобы все установления греческой церкви сохранились в неизменном и неповрежденном виде... Однако все это не помогло нам, несчастным! — констатировал Наумович и заключал: — Мы из униатов стали едва терпимыми рабами поляков латинского обряда».¹⁷⁵

Ситуация в Угорской Руси была во многом схожей с положением в Галиции. Основное отличие заключалось лишь в том, что если давление римскокатолической церкви и поляков на галицких русинов-униатов преследовало цель их полонизации, то в Угорской Руси речь шла об ускоренной мадьяризации, которая резко усилилась после трансформации Австрийской империи в Австро-Венгрию в 1867 г. и в связи с широко отмечающимся в Венгрии в 1896 г. тысячелетием прихода мадьяр на Паннонскую равнину.

Один из лидеров русинского движения в восточной Словакии в межвоенный период доктор К. П. Мачик, отвечая в 1924 г. на упреки чехов в денационализации и мадьяризации русинской интеллигенции, одну из причин этого явления усматривал именно в том, что униатские священники русинов с самого начала считались «заместителями» мадьярского римскокатолического духовенства. После 1867 г. с ужесточением политики мадьяризации униатская церковь в Угорской Руси была поставлена под прямой надзор католических епископов; употребление русского языка грекокатолическими священниками преследовалось, что способствовало ускоренной денационализации русинской интеллигенции.¹⁷⁶ Большинство грекокатолического духовенства с готовностью играло отведенную ему венгерскими властями

¹⁷⁴ Наумович И. Г. Апелляция к папе Льву XIII русского униатского священника местечка Скалат (Львовской митрополии в Галиции) Иоанна Наумовича против великого отлучения его от церкви по обвинению в схизме. Перевод с латинского языка. СПб., 1883. С. 7.

¹⁷⁵ Там же. С. 26–27.

¹⁷⁶ Народная газета. 1924. №1.

роль инструмента денационализации русинского населения. Символом русинского мадяронства стал грекокатолический епископ Иштван Панкович, возглавлявший Мукачевскую епархию в 1867–1874 гг. В своей полемике с И. Сильваем, одним из представителей национально ориентированной русинской интеллигенции, И. Панкович предельно четко и откровенно сформулировал кредо русинских мадяронов, заявив, что «поскольку нами управляют мадяры, мы должны стать мадярами».¹⁷⁷

ГЛАВА 2

«Я русин был, есть и буду»

КАРПАТСКИЕ РУСИНЫ В XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.

«Я ... теперь занимаюсь составлением русской грамматики, но на великорусском; на нашей Угорской Руси большая часть ученых хочет принять эту письменность... В том деле украинском писал я господину редактору Дедицкому, чтобы они не кокетировали с Украиною; ... чтоб не позволяли раскол делать... Это упрямство против России и языка Русского, инспирированное поляками или фанатичными униатами...».

(Из письма профессора филологии ужгородской гимназии П. И. Яновича журналу «Словенин» от 6 июня 1864 г. // Францев В. К вопросу о литературном языке Подкарпатской Руси. С. 9–10)

«Наш русский народ, окруженный чужими, большей частью враждебно относящимися к нему народами, жил у подножия Карпат, в продолжение веков ... русской культурой и христианской верой, поддерживаемый непоколебимой верой в лучшее будущее, ожидаемое им с Востока, от его брата, Русского великана... Наш народ не переставал надеяться, что рано или поздно он непременно должен слиться хотя бы только культурно со своим могучим братом, родным ему по языку и вере. Эта чистосердечная мысль культурного единства с великим русским народом спасала нас до начала всемирной войны от полного народного ослабления...».

(Из меморандума депутации крестьянского сословия Подкарпатской Руси, преподнесенного президенту Т. Г. Масарыку 10 февраля 1920 г. // Archív Ústavu T. G. Masaryka (AÚTGM), fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1920, krabice 400)

XIX век занимает особое место в истории карпатских русинов. Именно в это время среди карпатских русинов появляется плеяда самобытных мыслителей и национальных деятелей, творческое наследие которых заложено

¹⁷⁷ Цит. по: *Magocsi P. R. The Shaping of a National Identity... P. 56.*

жило фундамент формирующегося русинского национального самосознания и национальной идеологии, в значительной степени предопределив направление последующего развития русинского народа.

Будучи составной частью восточнославянского культурно-языкового пространства, карпатские русины никогда не имели собственной устойчивой государственности и традиции пребывания в составе восточнославянских государственных образований и уже на заре своей политической истории оказались в составе Польши и Венгерского королевства, образовавшегося после прихода кочевых мажарских племен на Паннонскую равнину в конце IX века. Географическая изоляция русинов от своих восточнославянских соплеменников (труднопреодолимый в эпоху средневековья Карпатский хребет) дополнилась политической. Подобная изолированность в сочетании с жесткой ассимиляционной политикой польских, австрийских и венгерских властей, которая усилилась после Брестской (1596 г.) и Ужгородской (1646 г.) церковных уний, постепенно сформировали у русинов потребность в мощном славянском покровителе-единоверце, что стало одной из особенностей русинского менталитета. С формированием славянского самосознания у русинов роль духовного покровителя в их глазах естественным образом приобретает Россия, единственное к началу XIX века мощное и независимое славянское государство.

Глубокое и убежденное русофильство было характерно уже для первых поколений русинской интеллигенции, положивших начало русинскому национальному возрождению. Основой этого русофильства стала идея о существовании единого и неделимого русского племени от Карпатских гор до Тихого океана, одной из ветвей которого являлись карпатские русины. Появление этой теории среди русинских будителей было закономерно, поскольку сказались как близость языков, так и схожесть этнонимов, которая указывала на общие корни, уходящие во времена Киевской Руси. Кроме того, большое значение имело и конфессиональное родство — грекокатолическое духовенство русинов испытывало дискриминацию со стороны господствовавшей римскокатолической церкви и всегда помнило об изначально православном прошлом своих прихожан, тем более, что языком богослужений продолжал оставаться церковнославянский язык.

Большую роль в развитии образования и подъеме культурного уровня грекокатолического русинского духовенства в конце XVIII–начале XIX вв. сыграл епископ А. Бачинский, многогранная просветительская деятельность которого подготовила почву для появления целой плеяды самобытных русинских мыслителей и общественных деятелей. В 1799–1805 гг. И. Базилович издал свой фундаментальный труд «Короткое описание основания Василианского монастыря в Мукачево Федором Корятовичем, князем

Мукачево», который положил начало русинской историографии. В 1830 г. М. Лучкай на основе церковнославянской грамматики написал грамматику славяно-рутенского языка, получившую широкое признание среди филологов-славистов того времени. В 1843 г. М. Лучкай завершил свое шеститомное исследование «История карпатских русинов». Несмотря на то, что вплоть до конца XX века этот капитальный труд не был издан и существовал лишь в форме рукописи, его содержание было хорошо известно последующим поколениям карпаторусской интеллигенции, оказав большое влияние на формирование национального самосознания русинов в XIX веке.

В начале XIX в., когда в России в связи с открытием большого количества новых учебных заведений обнаружился острый недостаток профессорско-преподавательских кадров, многие представители русинской интеллигенции переселились в Российскую империю и успешно там работали, сыграв важную роль в развитии российской науки и просвещения.¹⁷⁸

Огромный вклад в становление русского образования, науки и культуры внесли русины по происхождению И. Орлай, бывший директор гимназии Безбородько в Нежине и лицея Ришелье в Одессе; М. Балудянский, ставший первым ректором Санкт-Петербургского университета; П. Лодий, возглавлявший философский факультет Санкт-Петербургского университета; а также известный историк-славист Ю. Венелин (Гуца), именем которого названа одна из улиц в Софии. Все они были убежденными сторонниками восточнославянского и общерусского единства. Так, И. Орлай, который первым попал в Российскую империю, сделал здесь успешную карьеру и был инициатором приглашения в Россию карпаторусских профессоров, подав соответствующую записку царскому правительству в 1803 г., считал, что все восточнославянские народы, включая карпатских русинов, являются частью единого русского народа.

«Орлай, Балудянский, Лодий и Венелин не только двигали вперед русскую науку и просвещение, но и являлись живым звеном, соединявшим Угорскую Русь с Россией. Они представляли собой как бы наглядное подтверждение того положения, что ... забытая и забитая Угорская Русь, — при благоприятных условиях, может сделать вклад даже в такую сравнительно богатую сокровищницу, какую представляет собой общерусская ... культура, — писал Ф. Ф. Аристов. — Все они стояли за национально-культурное единство русского народа от Карпат до Камчатки, а Ю. И. Венелин, как славист, возвышался мыслью до сознания о духовном единстве всего славянства. Наконец, надо иметь в виду личное влияние Орлая, Балудянского, Лодия и Венелина, которое они оказывали посредством устных бесед,

¹⁷⁸ См.: Байчура Т. Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. Словацьке педагогічне видавництво в Братіславі. 1971. С. 21.

советов и указаний на целый ряд деятелей России, начиная с высших правительственных кругов и кончая многими русскими учеными, писателями и журналистами».¹⁷⁹

Первоначально идея общерусского единства была четко сформулирована и обоснована малорусскими мыслителями и общественными деятелями. Опубликованный в 1674 г. в Киеве архимандритом Киево-Печерского монастыря Иннокентием Гизелем «Синописис» провозглашал историческое единство Великой и Малой Руси, единство всех ветвей русского народа и единую государственную традицию Киевской Руси. Именно киевский «Синописис» 1674 г. вплоть до второй половины XVIII в. являлся единственным пособием по истории России, оказав огромное концептуальное влияние на становление традиционной русской историографии. Взгляд «Синописиса» на единство Великой и Малой Руси нашел свое отражение во всех основополагающих обзорных трудах по истории России от Карамзина до Соловьева и Ключевского.¹⁸⁰ По справедливому замечанию А. Миллера, «культура, которую мы знаем сегодня как русскую, была создана в XVIII и в первой половине XIX в. совместными усилиями русской и украинской элит, если вообще возможно применение этих терминов более позднего происхождения к тому времени; или же, что более правильно, усилиями великорусской и малорусской элит. Именно с этим общим наследием и пришлось позднее бороться украинским националистам, включая М. Грушевского, который затратил много усилий на критику «традиционной схемы русской истории», возникшей в Киеве».¹⁸¹ К этому стоит добавить, что в концептуальную разработку «традиционной схемы русской истории», которой впоследствии объявили беспощадную войну украинские историки, внесли огромный вклад и карпаторусские ученые, оказавшие значительное воздействие и на русскую общественную мысль в целом. Так, историк Ю. Венелин (Гуца), стоявший «у колыбели русской славистики, ... оказал серьезное влияние не только на ход развития славистики в России, но и на отдельных ученых и писателей, в том числе на М. П. Погодина, К. С. Аксакова, А. С. Хомякова, О. М. Бодянского и др.».¹⁸² Стоит отметить, что Венелин был некоторое время учителем в семье Аксаковых, существенно повлияв на становление славянофильских взглядов братьев Аксаковых.

Известные русинские будители XIX в. развивали теорию принадлежности русинов к единому русскому племени. Самым видным представите-

¹⁷⁹ Аристов Ф. Ф. Литературное развитие Подкарпатской (Угорской) Руси. С. 16.

¹⁸⁰ См.: Miller A. The Ukrainian Question. The Russian Empire and Nationalism in the Nineteenth Century. Budapest–N. Y., 2003. P. 22.

¹⁸¹ Ibidem.

¹⁸² Байцур Т. Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. С. 168.

лем русинского возрождения XIX в. был грекокатолический священник, литератор и общественный деятель Александр Духнович, который надолго определил вектор национального развития карпатских русинов и заложил фундамент русинской литературной традиции.

Во время учебы в ужгородской гимназии Духнович, «чтобы избежать насмешек со стороны товарищей..., с удвоенной энергией принялся за изучение мадьярского языка и в короткое время настолько его усвоил, что мог уже совершенно свободно говорить по-мадьярски. Но одновременно с употреблением чужого языка А. В. Духнович начал забывать свой родной и, в конце концов, едва совсем не омадьярился... От национальной гибели его спасло услышанное впервые от деда семейное предание о древнерусском происхождении их рода».¹⁸³ Ранняя биография Духновича может служить символом нелегкого положения всей карпаторусской интеллигенции, которая, получая образование исключительно на венгерском языке и находясь в окружении доминирующей венгерской «высокой культуры», была вынуждена затрачивать колоссальные усилия не только на развитие культуры своего народа, но и на сохранение собственной этноязыковой принадлежности.

А. Духнович был создателем учения о высоком и низком стилях в литературе. К первому Духнович относил современный ему русский литературный язык, пропагандистом которого он выступал, ко второму — местные народные диалекты. Использование Духновичем двух стилей в своей литературной деятельности принципиальным образом отличалось от практики других славянских деятелей, в частности от практики его современников и коллег, словацких национальных будителей, которые создавали единый словацкий литературный язык на основе наиболее распространенного в Словакии диалекта.

Уникальность богатого творческого наследия Духновича состоит в том, что оно явилось объединяющим началом для всей русинской интеллигенции, предоставив возможность отыскать нужные аргументы в свою пользу представителям разных культурных ориентаций среди карпатских русинов — как традиционным русофилам, так и появившимся позднее украинофилам и сторонникам идеи существования отдельного русинского народа. Духнович «дал угро-русскому народу первый букварь, молитвенник, календарь, учебники, альманахи — на родном языке. Уважая народную речь, он дал образцы перехода от просторечия к письменному языку, без которого не может развиваться школа и литература».¹⁸⁴ Анализ деятельности Духновича позволил американскому слависту Е. Русинко сделать вывод о том, что «русин-

¹⁸³ Аристов Ф. Ф. Карпато-русские писатели. Александр Васильевич Духнович. Ужгород, 1929. С. 4.

¹⁸⁴ Избранные сочинения Александра В. Духновича. Унгварь-Ужгородь, 1941. С. 9.

ское возрождение середины XIX в. было по своей сути не сепаратистским, а глобальным, основываясь не на конфронтации, а на коммуникации...».¹⁸⁵

Стремясь привить народным массам «правильный», но не совсем понятный для них русский литературный язык, Духнович писал свои произведения так называемым «язычием», т. е. смесью церковнославянского и русского литературного языков со значительной долей местных диалектизмов. По сути, этот культурно-лингвистический эксперимент, направленный на распространение среди русинов русской «высокой культуры», которую русинские будители считали своей и которую, по их мнению, нужно было просто «освоить», был попыткой начать реализацию на практике идеи о принадлежности русинов к единому русскому народу. Именно эту цель преследовали многочисленные школьные учебники и пособия, написанные Духновичем. В этом же направлении работало и основанное Духновичем в 1850 г. Прешовское литературное общество, занимавшееся активной издательской деятельностью для русинов. Духнович был автором краткой грамматики русского языка, опубликованной в 1853 г. под названием «Сокращенная грамматика письменного русского языка». Целью этого издания была популяризация русского литературного языка среди русинов.

Будучи сторонником общерусского литературного языка для всех восточных славян, Духнович вместе с тем выступал за использование в литературном процессе богатого наследия церковнославянского языка. В то же время в своих произведениях, предназначенных для широких народных масс, как, например, в популярной пьесе «Добродетель превышает богатство», изданной в 1850 г., Духнович широко прибегал к использованию местных диалектов, хотя идеалом для него оставался русский литературный язык. «Кто из немцев, французов или англичан пишет так же, как говорит простолудин? Никто! — обосновывал свою позицию Духнович. — Мы должны освободиться от ошибок крестьянских вульгаризмов и не опускаться в трясину крестьянской фразеологии».¹⁸⁶

По мнению русинского литератора П. Федора, Духнович указал путь развития общерусского литературного языка на Подкарпатье и, основываясь на общерусской грамматике, пользовался местным словарем, чтобы постепенно приучить народ к общерусскому литературному языку.¹⁸⁷ Значение деятельности Духновича Ф. Ф. Аристов усматривал прежде всего в том, что если до него в литературе использовались церковнославянский, латинский и мадьярский языки, то Духнович «первый начал писать по-русски: сперва на местном наречии, а затем и на общерусском языке... Если Подкар-

¹⁸⁵ Rusinko E. Straddling borders. Literature and Identity in Subcarpathian Rus'. P. 17.

¹⁸⁶ Цит. по: Magocsi P. R. The Shaping of a National Identity... P. 50.

¹⁸⁷ См.: Федор П. Очерки карпаторусской литературы. Ужгород, 1929.

патская Русь (в противоположность Галичине и Буковине) вплоть до конца мировой войны не знала национального раскола и всегда отстаивала общерусское культурное единство, то этим она в значительной степени обязана плодотворной деятельности Александра Васильевича Духновича».¹⁸⁸

Авторитет Духновича и его произведений был настолько велик, что они стали краеугольным камнем формирующейся русинской национальной идеологии, а стихотворение Духновича «Я русин был, есмь и буду. Я родился русином...» было положено на музыку и стало национальным кредо русинов. Духновичу также традиционно приписывается и текст гимна карпатских русинов, начинающийся словами «Подкарпатские русины, оставьте глубокий сон...», хотя многие ученые выражают скептицизм по этому поводу. В целом современные исследователи не склонны переоценивать литературную значимость произведений Духновича, констатируя, что «поскольку его труды были прежде всего направлены на просвещение и образование широких масс, они имеют ценность только в контексте русинского национального возрождения».¹⁸⁹

«Я русин был, есмь и буду!» — это то решающее слово, которое изрекла на уста ... А. Духновича до дна души израненная Подкарпатская Русь в XIX столетии в свою защиту от мадьяризации тогдашнего режима, — писал один из русинских религиозных деятелей в сборнике, посвященном 120-летию юбилею самого известного русинского будителя. — Александр Духнович вложил в письменность Подкарпатской Руси народную идею, народную душу. Он положил широкую основу руськой письменности своей педагогической, поэтической и драматургической деятельностью».¹⁹⁰ По мнению словацкого исследователя Л. Гараксима, ориентация русинов на русскую культуру и принятие ими русского литературного языка, персонифицированные в личности Духновича, было совершенно естественным явлением в силу «локального характера и неразвитости» украинского языка в XIX веке.¹⁹¹

Представления Духновича об историческом прошлом русинского народа и о его взаимоотношениях с соседними народами наиболее рельефно отразились в его стихотворении «Русин», где он писал:

*О роде мой, роде,
Где твоя подоба,
Кто ввалив тя в ничто?
Кто поверг до гроба?*

¹⁸⁸ Аристов Ф. Ф. Карпато-русские писатели. Александр Васильевич Духнович. С. 24.

¹⁸⁹ Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition. P. 101.

¹⁹⁰ Др. Нярадій. Д. О. Александр Духнович // В память Александра Духновича 1803–1923. Ужгород, 1923. С. 9–11.

¹⁹¹ Haraksim L. Z dejin ukrajincov na vychodnom Slovensku. Martin, 1957. S. 20.

...

*Первые поляки,
Род иногда власный,
Выкоренить хотел
Вас — сам несогласный.*

...

*Похитила его
Запальчивость ума,
Як бежив злобою
Пышно без розума.
Мадьярам вы были
Всегда ненавистне,
В отечестве власном.
Чужим не известне.¹⁹²*

В своем письме в редакцию пражского журнала «Словенин» в 1862 г. А. Духнович весьма пессимистично отзывался об исторической судьбе и перспективах русинского народа: «Некогда самостоятельный, по горам карпатским в Венгрии живший и ... еще промыслом Божиим существующий народ русский, тиском соседних племен уничтожен, да и самого человечья права лишен... Оставило нас высшее сословие, слава прадедов наших перешла в чужие страны, и мы сей час остались без руководителей, лишены судьбе и бедности, и уже слава наша без надеждна лежит в темных могилах...».¹⁹³

Идеи А. Духновича были продолжены последующими поколениями русинской интеллигенции, выступавшей за культурное объединение восточных славян на основе принятия единого русского литературного языка. Деятели русинского национального возрождения XIX в. активно использовали русский литературный язык и ориентацию на русскую культуру как эффективное средство противостояния мадьяризации и сохранения национального самосознания. «Наша Угорская Русь, — говорил священник И. Раковский, один из самых известных русинских культурных деятелей середины XIX века, — никогда ни на минуту не колебалась заявить свое сочувствие к литературному единению с прочею Русью. У нас ... никогда и вопроса не было по части образования какого-нибудь отдельного литератур-

¹⁹² В память Александра Духновича 1803–1923. Ужгород, 1923. С. 13–14.

¹⁹³ Цит. по: Францев В. А. К вопросу о литературном языке Подкарпатской Руси. Ужгород, 1924. С. 7.

ного языка... Сия мысль столь овладела нашими писателями, что они ... были постоянными подвижниками великой идеи о всеславянском литературном соединении».¹⁹⁴ Идеи и творческое наследие Духновича оказали большое влияние и на интеллигенцию русинов-лемков в Западной Галиции. Большую роль в пробуждении национального самосознания русинов-лемков сыграло творчество крупнейшего лемковского литератора второй половины XIX века В. Хиляка, который писал свои произведения, публиковавшиеся в галицкой русофильской прессе и в российских журналах, на местной разновидности «язычия».

Русофильская традиция, заложенная творческим наследием русинских будителей XIX века, стала фундаментом национальной идентичности карпатских русинов и важным идеологическим обоснованием их борьбы за национальную самобытность в крайне неблагоприятных политических и социально-экономических условиях. «Наш русский народ, окруженный чужими, большей частью враждебно относящимися к нему народами, жил здесь, у подножия Карпат, в продолжение веков ... русской культурой и христианской верой, поддерживаемый непоколебимой верой в лучшее будущее, ожидаемое им с Востока, от его брата, Русского великана, — говорилось в меморандуме депутации крестьянского сословия Карпатской Руси, направленном президенту Масарику 10 февраля 1920 г. — Наш народ не переставал надеяться, что рано или поздно он непременно должен слиться хотя бы только культурно со своим могучим братом, родным ему по языку и вере. Эта чистосердечная мысль культурного единства с великим русским народом спасала нас до начала всемирной войны от полного народного ослабления...».¹⁹⁵

Впрочем, прорусская ориентация русинов длительное время имела односторонний характер, не встречая сколько-нибудь заметного понимания и поддержки в России. Отсутствие взаимности со стороны России в отношении карпатских русинов, входивших в состав Австрии, неудивительно, поскольку в первой трети XIX в. российские власти не оказывали поддержки даже населению Белоруссии и Правобережной Украины, которое и после вхождения в состав Российской империи продолжало подвергаться дискриминации со стороны польского католического духовенства и польской шляхты. «Мечтательное «полонофильство» Александра I, — отмечает М. Шевченко, — привело к тому, что православный народ Украины и Белоруссии, имевший позади более чем двухсотлетнюю историю борьбы за Православие, перед продолжавшимся прозелитическим нажимом польского

¹⁹⁴ Францев В. А. С. 3.

¹⁹⁵ Archiv Ústavu T. G. Masaryka (AÚTGM), fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1920, krabice 400. Меморандум, преподнесенный депутацией крестьянского сословия автономной Карпатской Руси.

католического духовенства и полонизаторскими устремлениями местных ... деятелей просвещения остался ... без должной поддержки государя и правительства Империи, в которой Православная Церковь официально имела статус господствующей...».¹⁹⁶ Ситуация стала меняться только при Николае I, который «в отличие от брата..., изначально рассматривал Западный край не как ареал неперемного доминирования польской культуры, а как исторические русские земли — древнее наследие Киевской Руси».¹⁹⁷

Важной причиной роста русофильских настроений среди карпатских русинов в середине XIX в. был опыт их знакомства с русской армией. Современники свидетельствовали, что местное славянское население современных Закарпатья и восточной Словакии восторженно встречало русскую армию под командованием генерала И. Ф. Паскевича, вступившую в пределы Австрийской империи летом 1849 г. по просьбе Габсбургов для подавления венгерского антигабсбургского восстания. На местных русинов произвело ошеломляющее впечатление то, что солдаты самой мощной армии в Европе «по-нашему говорят» и «по-нашему молятся». Все это резко контрастировало с венгерской пропагандой эмиссаров лидера венгерской революции Лайоша Кошута, изображавших русскую армию как неуправляемое полчище свирепых дикарей, одетых в звериные шкуры и сметающих все на своем пути. «Русские войска были встречены славянским населением Угрии с большим воодушевлением и восторгом, — писал русинский историк П. Сова. — Многие солдаты были поэтому даже убеждены, что они находятся все еще в России и все спрашивали, где же будет, наконец, земля неприятельская, мадьярская».¹⁹⁸

Сам А. Духнович вспоминал позднее, что наибольшей радостью в его жизни был момент, когда он в 1849 г. «впервые увидел славную русскую армию. Я не могу описать чувство восторга, которое возникло при виде первого казака на улице Прешова, — вспоминал А. Духнович. — Я плясал и плакал от радости...».¹⁹⁹ Впечатленные мощью Российской империи, в декабре 1849 г. русины-лемки даже отправили делегацию к императору Николаю I с просьбой о принятии их под российскую «опеку». Во главе делегации стоял М. Грында из села Шляхтово, одного из самых западных населенных пунктов Лемковины.²⁰⁰

Очень теплые воспоминания о пребывании русской армии в Словакии сохранил и лидер словацкого национального движения Людовит Штур.

¹⁹⁶ Шевченко М. М. Конец одного величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 98.

¹⁹⁷ Там же. С. 101.

¹⁹⁸ Сова П. Прошлое Ужгорода. С. 288.

¹⁹⁹ Цит. по: Magocsi P. R. The Rusyn-Ukrainians of Czechoslovakia. P. 25.

²⁰⁰ Moklak J. Lémkowszczyzna w Drugiej Rzeczypospolitej. Kraków, 1997. S. 22.

В своем письме И. И. Срезневскому 15 декабря 1850 г. из Вены Штур писал, что «с радостью лицезрел каждый славянский взор северных братьев на дунайских нивах... Начали исполняться слова песни «Ехал казак за Дунай». Русские победили мадьяр. Это знает Европа, знает каждый у нас. Русские войска очень хорошо относились к нашему народу... Особенно бросалась в глаза нашему народу дробота русских воинов, которую они особенно ярко проявляли по отношению к детям. Когда они видели бедного человека, они давали ему все, что имели: хлеб, мясо и водку. Русский народ ушел от нас, благословляемый нами, уважаемый венграми, а офицеры его ушли с ненавистью к немцам...».²⁰¹

Позднее представители украинофильского течения среди русинов связывали стремление русинских будителей принять русский литературный язык исключительно с победами русской армии над венгерскими повстанцами в 1849 г. Августин Волошин, один из наиболее влиятельных украинофилов в межвоенной Чехословакии, писал, что «Победа русской армии над мадьярскими повстанцами вызвала у подкарпатских русинов желание перейти на русский литературный язык. Но употребление этого языка, весьма отдаленного от народного диалекта, оказалось очень затруднительным, и уже в 1870-е годы мы сталкиваемся в журналах с попытками упростить литературный язык путем использования элементов народного языка... Когда же Россия помогла православным сербам и румынам добиться церковной автономии, а грекокатолических русинов, гораздо более близких России в смысле народности, оставила без поддержки..., русофильство среди русинов пошло на убыль...».²⁰² Другой видный представитель украинофилов филолог Иван Панькевич среди причин обращения русинов к русскому литературному языку помимо русских военных побед называл и «влияние венского кружка во главе с протоиереем русского посольства в Вене Раевским».²⁰³ Победы русской армии, опыт общения с русскими солдатами, которые «по-нашему говорят» и «по-нашему молятся», а также влияние венского кружка действительно способствовали подъему русофильских настроений среди карпатских русинов. Однако приверженность русинских будителей русскому литературному языку и корни русофильских настроений карпатских русинов лежали значительно глубже, что нашло свое выражение задолго до событий 1849 г. По справедливому замечанию П. Р. Магочи, «лидеры, воз-

²⁰¹ Славяне. Ежемесячный журнал Всеславянского комитета. 1944. №4. С. 23.

²⁰² *Vološin A.* Počátky národního probuzení na Podkarpatské Rusi // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi. V Bratislavě, 1936. S. 54.

²⁰³ *Dr. Pankevič I.* Jazyková otázka v Podkarpatské Rusi // Podkarpatská Rus. Obraz poměrů přírodních, hospodářských, politických, církevních, jazykových a osvětových. Praha, 1923. S. 147.

главившие национальное возрождение во второй половине XIX в., не возникли в вакууме, а являлись продуктами длительной исторической и культурной традиции».²⁰⁴

С революционными событиями 1848–1849 гг. в Австрийской империи связаны и первые проявления политической активности карпатских и галицких русинов, представители которых приняли участие в подготовке Славянского съезда, состоявшегося 2–12 июня 1848 г. в Праге. Делегаты русинского населения Галиции, представляя созданную во Львове Главную Русскую Раду (Головну Руську Раду), использовали Славянский съезд как трибуну для выражения своего недовольства галицкими поляками и предлагали разделить Галицию на Восточную (русинскую) и Западную (польскую) части. Предложение галицких русинов не нашло поддержки ни у поляков, ни у чешских делегатов съезда, ни у М. Бакунина, который полагал, что разделение Галиции может быть на руку «реакционной» австрийской бюрократии. Достигнутый на Славянском съезде компромисс между галицкими поляками и русинами предполагал сохранение административного единства Галиции, равенство поляков и русинов в языковых вопросах и предоставление униатскому русинскому духовенству равных прав с римскокатолическим духовенством. Решения Славянского съезда, который был прерван пражским восстанием, имели скорее декларативное значение, не оказав реального влияния на последующий ход событий в Австрии.

Интерес к Славянскому съезду проявили и представители угорских русинов во главе с Адольфом Добрянским, который, будучи депутатом венгерского парламента, активно боролся за равноправие русинского и словацкого населения северо-восточной Венгрии. Добрянский и его последователи рассматривали все русинское население Галиции, Буковины и северной Венгрии как единый народ и считали, что русины должны образовать единый административный округ, созданный по национальному принципу и входящий в состав реформированной Австрийской империи. Первоначально Добрянский приветствовал революцию 1848 г. в Венгрии и из чувства лояльности к Будапешту не принял участия в Славянском съезде в Праге в июне 1848 г., надеясь, что либеральное правительство Л. Кошута предоставит русинскому населению гражданские свободы. Однако эти надежды быстро развеялись. Когда в 1848 г. Добрянский был избран в венгерский парламент от словацкого округа Банска Быстрица, его мандат не был признан венгерскими властями, а сам он был обвинен ими в панславизме.

Венгерское революционное движение в Австрийской империи, сразу обнаружившее четкую антиславянскую направленность, вынудило славян-

²⁰⁴ Magocsi P. R. The Shaping of a National Identity... P. 21.

ские народы Венгрии сделать ставку на австрийские власти, которые остро нуждались в союзниках для подавления венгерского антигабсбургского восстания. Национальные деятели словаков и русинов связывали с Веней и с пришедшей ей на помощь Россией надежды на реализацию своих национально-культурных стремлений. Так, лидер угорских русинов А. Добрянский принял активное участие в венгерском походе русской армии «в качестве комиссара... При продвижении русских войск в глубь края Добрянский как комиссар освобождал из тюрем заключенных, назначал должностных лиц в занятых местах из соплеменников... Русские войска ... приветствовались везде с радостью южнокарпатским населением и славянами Венгрии как освободители и единокровные братья... Добрянский, присутствуя при капитуляции мадьярских войск у Вилагоша, принимал пленных и оружие сдавшихся. Этот успех русского оружия и поражение врага ... воспринималось населением Пряшевщины и южных склонов Карпат как счастливое завершение своей борьбы ... за свободу края...».²⁰⁵

В это время А. Добрянский выступил инициатором плана создания русинской административной единицы в рамках Австрийской империи, что нашло выражение в двух петициях австрийскому императору в январе и августе 1849 г. Некоторое время казалось, что планы Добрянского начинают воплощаться в жизнь. В октябре 1849 г. в условиях военного положения в Венгрии австрийские власти образовали ужгородский гражданский округ, в управлении которым большую роль играли местные русины, а в административной сфере некоторое время использовался русский язык. Сам Добрянский был назначен советником главы ужгородского округа. Хотя в марте 1850 г. ужгородский округ был упразднен, он создал важный прецедент, к которому русинские общественные деятели неоднократно обращались во второй половине XIX в., предлагая венгерскому правительству создать карпаторусскую автономную область. Любопытно, что и впоследствии в гораздо менее благоприятных условиях Добрянский активно отстаивал мысль не только административного объединения всех русинских территорий, но и их возможного отделения от Австро-Венгрии. Так, «в 1878 году накануне русско-турецкой войны Добрянский был вызван, как знаток славянского вопроса, на совещание в Петербург к Александру II, где он выступил с планом обмена между Россией и Австро-Венгрией русской Польши на южное Прикарпатье, а также Галичину и Буковину... В этом он видел разрешение вопроса о своей родине».²⁰⁶

²⁰⁵ Геровский Г. Историческое прошлое Пряшевщины // Пряшевщина. Историко-литературный сборник. Прага, 1948. С. 86.

²⁰⁶ Там же. С. 91.

Впрочем, украинские историки, включая патриарха украинской историографии М. С. Грушевского, склонны объяснять политические неудачи Добрянского исключительно его «ошибочной» внешнеполитической ориентацией. По мнению Грушевского, деятельность Добрянского обещала хорошие результаты, но «все испортило» его русофильство; «он был сторонник единства русского народа и вместо украинского языка (Ruthenische Sprache) вводил русский, распространял русское влияние. Поэтому венгерская аристократия, снова приобретая влияние в государственных делах, под впечатлением русской оккупации ... прежде всего обратилась против Добрянского. Скоро его отстранили от всего и все, что отзывалось русофильством в украинских землях, окружено было самым подозрительным надзором».²⁰⁷ В отличие от Грушевского, признававшего русофильство Добрянского и его приверженность идее общерусского единства, некоторые современные украинские историки приписывают Добрянскому совершенно чуждые ему украинские политические цели, указывая, в частности, на то, что в 1860–1861 гг. политическая программа Добрянского требовала создания «закарпатоукраинского воеводства» с отдельным «закарпатоукраинским сеймом».²⁰⁸

После подавления венгерской революции с помощью русской армии Вена не спешила выполнять свои обещания лидерам славянских национальных движений Венгрии. Разочарование и пессимизм венгерских славян политикой австрийских властей ярко выразил словак Людевит Штур. В своем письме И. И. Срезневскому 21 января 1851 г. Штур подробно сообщал о трудностях словацкого национального движения после подавления венгерской революции: «До сих пор мы кое-как жили под мадьярским ярмом... Теперь же, при немецком режиме, мы лишены всего и прозябаем... Немцы обещали нам после победоносной борьбы национальное равноправие. Мадьяры поражены, но равноправие наше выглядит как насмешка. Вместо господствовавшего до сих пор мадьярского языка у нас сейчас равноправны все языки, только не словацкий... В судах господствует ... мадьярский язык, в административной жизни — только немецкий... Словацкие деятели устранены от власти, унижены, преследуются... При этих обстоятельствах словацкий дух и дух братских племен ... поддерживается надеждой, что они вырвутся из состояния упадка. Уже во многих южнославянских газетах предлагался в качестве общего языка в одних газетах русский язык, а в других старославянский, — сообщал Штур. — Нашим старым догматом остается: с кем Бог, с тем и святые. А нам кажется, что Бог со святою Россией. В одном из наших церковно-католических журналов «Кирилл и Мефодий», издаваемом

²⁰⁷ Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. М., 2001. С. 501.

²⁰⁸ См.: Ванат І. Указ. соч. С. 24.

католическим священником Яном Поляриком, ... на православную церковь указывалось как на единственное средство для объединения католических и протестантских славян. За это ... автора заперли в монастырь к монахам ордена Франциска...».²⁰⁹ Положение русинского населения в составе венгерского государства было еще более тяжелым, чем положение словаков.

Одним из самых активных русинских общественных и политических деятелей в это время продолжал оставаться А. Добрянский, однако ему приходилось действовать во все более ухудшающихся условиях. В 1861 г. Добрянский был вновь избран в венгерский парламент, на этот раз от Кошицкого округа, но его мандат в очередной раз был отвергнут венгерскими властями. В это же время Добрянский вновь безуспешно выступил с планом административной реформы Венгрии, предложив разделить ее на пять национальных округов — немецко-венгерский, сербский, румынский, русинский и словацкий. В 1865 г. Добрянский был третий раз избран в венгерский парламент, где ему, наконец, разрешили приступить к выполнению депутатских обязанностей. Однако деятельность Добрянского в качестве сопредседателя Общества святого Василия в Ужгороде и одного из основателей Матицы Словацкой в Турчанском Св. Мартине в 1867 г. вызвала новые обвинения венгерских властей в панславизме. В итоге в 1869 г. Добрянский был вновь лишен депутатского мандата венгерскими лидерами.

* * *

Мощные прорусские настроения среди русинов выделялись даже на фоне общей русофилии, свойственной в то время всем славянским народам Австрийской империи за исключением поляков. Примерно в это время часть галицкой интеллигенции во Львове начинает активную работу по кодификации и созданию независимого от русского отдельного украинского литературного языка на основе местных восточногалицких диалектов. Примечательно, что Духнович, Добрянский, Павлович и другие деятели карпатских русинов крайне отрицательно отнеслись к попыткам создания украинского литературного языка, восприняв это как опасный сепаратизм. Так, А. Добрянский считал появление отдельного литературного языка у малороссов «предательской изменой» не только русского народа, но и всего греко-славянского мира. По мнению Добрянского, «южнорусский литературный сепаратизм мог стать причиной гибели некоторых окраинных ветвей славянства, ослабил бы его русский центр и, следовательно, стал бы ...

²⁰⁹ Славяне. Ежемесячный журнал Всеславянского комитета. 1944. №4. С. 23.

авангардом германизма в борьбе с греко-славянским миром».²¹⁰ Создаваемый в Галиции новый литературный язык Добрянский именовал «русско-польским», от которого «переход к чисто польскому не представлял бы уже никаких почти затруднений».²¹¹

В своем письме галичанам в 1863 г. А. Духнович осудил украинскую ориентацию, выразив удивление тем, как «чистый русский язык» галичан «мог превратиться в украинский».²¹² Отсюда, пожалуй, и можно вести отсчет началу существования двух различных национальных идеологий — украинской, которая, опираясь на поддержку австрийских властей, постепенно побеждала в Восточной Галиции, и русинской, по-прежнему преобладавшей в Карпатской Руси и сохранявшей верность идее общерусского единства и русскому литературному языку. С этого времени начинается все более заметное этнокультурное размежевание карпатских и галицких русинов, по сути единого ранее этноса, раскол которого был следствием разных культурно-политических условий, предопределивших различные векторы развития. Если Галиция со Львовом входила в австрийскую часть империи Габсбургов, то земли, населенные закарпатскими русинами, входили в венгерскую часть Австро-Венгрии, которая обладала значительной автономией во внутренней политике. Поддержка галицких украинофилов со стороны австрийских властей сыграла существенную роль в их окончательной победе над местными москвофилами, которые отстаивали те же идеи, что и представители карпатских русинов.

Впрочем, ни галицкие народовцы-украинофилы, ни их оппоненты-москвофилы долгое время не могли похвастаться особыми успехами в достижении декларируемых ими целей. В 1878 г. Иван Франко иронично замечал, что «галицкие народовцы уже давно кричат о независимости малорусского языка, но до сих пор для подтверждения этой независимости не издали ни словаря, ни грамматики...».²¹³ Не менее критично отзывался Франко и о галицких москвофилах, которые, «хотя издавна кричат о единстве «русского» языка и о необходимости введения великорусского литературного языка, ... сами до сих пор не умеют говорить по-великорусски, не знают абсолютно никого из ведущих великорусских писателей, ... а пишут таким языком, которого никто в мире не слышал и который сами великорусы должны переводить на великорусский».²¹⁴

²¹⁰ Аристов Ф. Ф. Карпато-русские писатели. С. 147–235.

²¹¹ Добрянский А. И. О современном религиозно-политическом положении австро-угорской Руси. М., 1885. С. 12.

²¹² Haraksim L. K sociálnym a kultúrnym dejinám Ukrajincov na Slovensku do roku 1867. S. 182.

²¹³ Франко І. Критичні письма про галицьку інтелігенцію // Франко Іван. Публіцистика. Вибрані статті. С. 3.

²¹⁴ Там же. С. 3–4.

Литературные попытки галицких москвофилов писать по-русски не встретили особого понимания и в самой России. Известный славист и литературовед А. Н. Пыпин отвергал «искусственный язык галицко-русских писателей», который он характеризовал как «нечто обоюдное, не выясненное, колеблющееся между двумя разными элементами... Пыпин находил, что язык той части галицко-русских писателей, которые желают писать на русском литературном языке, напоминает скорее язык Ломоносова, Сумарокова и других писателей XVIII века, чем язык Пушкина или Тургенева... К сожалению, — отмечал позднее В. А. Францев, — он не оценил по справедливости этих усилий писать по-русски, сблизиться с русскою литературою, он ... не пожелал признать, что тут важнее сама идея сближения, ...чем несовершенное осуществление этой мысли на практике».²¹⁵ Еще более критическое, часто нетерпимое отношение к стремлению русинов Австро-Венгрии использовать русский язык в своей литературной деятельности демонстрировали российские «революционные демократы», в частности Н. Г. Чернышевский, которые воспринимали это как проявление отсталости и реакции.

Впоследствии галицкие москвофилы упрекали русскую интеллигенцию в равнодушии к общественной и культурной жизни Галицкой Руси. Особое разочарование у галицких москвофилов вызывала позиция либеральной части русской интеллигенции, которая относилась к русофильскому направлению в Галиции с откровенным пренебрежением. «...Русская интеллигенция не знает и не понимает Галицкой Руси...»,²¹⁶ — с горечью заключал в феврале 1926 г. известный русофильский общественный деятель Галиции, узник австрийских концлагерей Терезин и Талергоф В. Р. Ваврик.

Добрим словом о позиции российских интеллигентов-прогрессистов отзывался М. С. Грушевский, писавший, что «прогрессивные представители русского общества в целом ряде вопросов почувствовали себя союзниками и единомышленниками украинцев и ... не раз выступали в защиту украинских нужд. Так, петербургский комитет грамотности в 1862 г. обратился к правительству с ходатайством о введении в народные школы Украины преподавания на украинском языке... Русские писатели, — с удовлетворением замечал Грушевский, — даже галицким сторонникам книжного славяно-русского языка давали советы бросить мертвый язык и держаться живого народного украинского языка».²¹⁷

Со временем украинская ориентация в Галиции усиливалась, что способствовало увеличению культурного разрыва между галицкими и карпат-

²¹⁵ Францев В. А. Из истории борьбы за русский литературный язык в Подкарпатской Руси в половине XIX столетия. С. 2.

²¹⁶ Русский голос. 12 февраля 1926. № 143.

²¹⁷ Грушевский М. С. Указ. соч. С. 504.

скими русинами. Примечательно, что попытки украинских культурных деятелей В. Гнатюка и М. Драгоманова установить в конце XIX в. контакты с «братьями» к югу от Карпат окончились разочаровывающим для них конфузом. Украинские активисты жаловались на резко отрицательное отношение к ним со стороны карпатских русинов.²¹⁸ В своей работе «Русины в Венгрии», опубликованной в чешском журнале «Словански пршеглед» в 1899 г., В. Гнатюк с сожалением констатировал, что отличительной чертой угорских русинов является москвофильство, препятствовавшее, по его мнению, их национальному развитию.²¹⁹ Описывая карпаторусскую интеллигенцию, Гнатюк не без иронии отмечал, что «самыми приятными воспоминаниями этих людей являются рассказы о походе русского войска. При этом у них горят глаза, улыбаются уста, озаряются лица. ... По их убеждению, все славяне должны стать русскими».²²⁰

Различные технологии этнической инженерии в Галиции, призванные трансформировать русинскую национальную идентичность, отождествляющую себя с Россией и пользовавшуюся русским этимологическим письмом, и привить населению новую антирусскую идентичность начинают активно применяться австрийскими властями и местными польскими политиками с середины XIX века. Так, в 1852 г. австрийский император Франц Иосиф II приказал отвечать на обращения галицких русинов в органы власти на местном диалекте латинскими буквами. Инициаторами идеи «переформатирования» традиционной идентичности галицких русинов на антирусской основе стали галицкие поляки. Одним из непосредственных организаторов данного проекта был прибывший в 1848 г. в Галицию польский эмигрант из Франции Г. Яблонский, выходец с Украины. Яблонский, хорошо знакомый с украинофильским движением в России, считал, что галицким полякам целесообразнее не отрицать национальность галицких русинов, пытаться их колонизировать, а прививать им сознание собственной национальной особенности и враждебности к великороссам с целью последующего использования русинов Галиции в борьбе с Россией. Практическим выражением данных намерений стало основание в мае 1848 г. украинофильского общества «Руский Собор» и издание газеты «Дневник Руский» («Dnewnyk Ruskij»), во главе которой встали И. Вагилевич и Г. Яблонский.²²¹ Примечательно, что «Дневник Руский» печатался в основном латиницей и занимал откровенно пропольские позиции, внушая галицким русинам идеи враждебности к России

²¹⁸ См.: *Magocsi P. R. The Shaping of a National Identity...* P. 60–63.

²¹⁹ *Hnat'uk V. Rusini v Uhráč // Slovanský přehled. 1899. Ročník I. S. 220.*

²²⁰ *Ibidem.*

²²¹ См.: *Соколов Л.* Вопрос о национальной принадлежности галицких русинов в 1848 году // www.edrus.org/content/view/236/47/

и выступая против разделения Галиции на польскую и русинскую части. Таким образом, «самые первые проявления политического украинофильства в Галиции были инициированы поляками и ... имели своей целью использование русинов в качестве орудия для обеспечения польских интересов как во внутренней, так и во внешней политике».²²² Однако инициативы «Русского Собора» не получили поддержки русинского населения Галиции, оставшись в то время маргинальным политическим проектом. Впоследствии эстафету этнокультурной инженерии в Галиции подхватили австрийские власти.

В 1859 г. наместник Галиции польский граф А. Голуховский выступил с инициативой перевода письменности местных русинов на латинскую графику и введения в местные русинские школы латиницы с целью ограничить растущее влияние русского литературного языка, популярность которого среди галицких русинов, по мнению Голуховского, представляла угрозу для Австрийского государства. Подобный шаг галицкого наместника, помимо стремления ограничить культурное влияние России, объяснялся еще и тем, что «доносами на москвофильство в Галиции он открывал полякам путь к реабилитации в глазах австрийского правительства за их революционные выступления, что позволило бы полякам окончательно завладеть всей Галицией».²²³ Австрийское правительство и министр просвещения граф Тун полностью поддержали предложение Голуховского.

Для разработки конкретных мер по введению латиницы была создана специальная комиссия в составе ведущих русинских деятелей Галиции, двух немецких чиновников аппарата наместника и чиновника австрийского Министерства просвещения чеха Й. Йиречека (зятя известного чешского будителя П. Й. Шафарика), на которого была возложена основная задача по разработке латинской графики для галицких русинов. Возложение столь деликатной обязанности на чеха было вызвано стремлением австрийских властей выглядеть максимально нейтральными в данном весьма щекотливом вопросе и избежать обвинений со стороны галицких русинов в колонизации, которые были бы неизбежны, если бы подобная миссия была возложена на поляка.²²⁴

Йиречек, не имевший необходимого филологического образования, тем не менее рьяно взялся за выполнение поставленной задачи и, проконсультировавшись с лингвистами, за короткое время создал латинскую графику, переход на которую, по его мнению, привел бы к отрыву галицких русинов от церковнославянской культурной традиции и от русского литературного языка, способствуя развитию особой идентичности русинского

²²² См.: *Соколов Л.* Вопрос о национальной принадлежности галицких русинов в 1848 году // www.edrus.org/content/view/236/47/

²²³ *Сімович В.* Йозеф Йречек і українська мова (до азбучної завершення 1859 р.). Прага, 1933. С. 1.

²²⁴ Там же. С. 2–3.

населения Восточной Галиции. Однако план латинизации русинского населения Галиции закончился тогда полным провалом из-за энергичного сопротивления галицко-русинских общественных деятелей, справедливо воспринявших инициативу австро-польских властей как «польскую интригу» и «покушение на руську народность и тысячелетнюю культурную традицию». Против латинизации высказалось и большинство русинских членов созданной австрийскими властями комиссии.

Неудачей закончилась и предпринятая сразу после этого попытка реформы местной кириллицы, из которой власти намеревались убрать сразу несколько букв, в том числе «ъ», что также преследовало цель отдалить русинскую письменность от русского литературного языка. В результате противодействия галицко-русинской интеллигенции эта реформа была отменена в 1861 г. Примечательно, что, рассуждая о необходимости введения латиницы или реформирования кириллицы для лучшего отражения фонетических особенностей языка галицких русинов, Йиречек очень высоко отзывался об украинской «Грамматике» Кулиша, опубликованной в 1857 г. в Петербурге.²²⁵ Впоследствии в своем этнокультурном эксперименте по выражению украинцев из галицких русинов австрийские и польские власти сделали ставку именно на «Грамматику» П. Кулиша и добьются серьезных успехов на поприще этнокультурной инженерии.

Впрочем, вопреки широко распространенным штампам советской и украинской историографии, становлению и распространению украинского литературного языка в немалой степени способствовала и политика властей Российской империи. В первые годы царствования Александра II, отмеченные либерализмом, были возвращены из ссылки Н. Костомаров, П. Кулиш и чуть позднее Т. Шевченко — лидеры разгромленного в 1847 г. Кирилло-Мефодиевского общества, которые, по мнению исследователей, превратили малорусское романтическое украинофильство в «националистическую идеологию».²²⁶ Костомаров, сразу назначенный профессором Санкт-Петербургского университета и с энтузиазмом встреченный столичной прогрессивной общественностью, и Кулиш, занявшийся после возвращения из ссылки активной издательской деятельностью, получили достаточно широкие возможности для творческой самореализации.

В начале 1862 г. «в Москве и Санкт-Петербурге было возможно купить до шести видов украинских букварей, написанных разными авторами от Кулиша до Шевченко... Инструкция цензурным комитетам от 1858 г. предписывала при переиздании «Грамматики» Кулиша не печатать те части его труда,

²²⁵ Сімович В. С. 23.

²²⁶ Miller A. The Ukrainian Question... P. 52.

которые «были проникнуты украинским национальным духом». Однако власти никогда не могли подняться до понимания того, что сам факт публикации украинских учебников был гораздо важнее для распространения украинского национализма, чем запрет нескольких содержащихся в этих учебниках сепаратистских идей, — справедливо замечает А. Миллер. — Власти не только способствовали распространению украинских пособий; они также выделили через Министерство просвещения пятьсот рублей на издание украинских пособий для начальных школ.²²⁷

В связи с польским восстанием 1863–1864 гг. российские власти, опасаясь распространения польского влияния на восток и его возможных связей с украинофильским движением, приняли ряд административных мер, направленных на ограничение украинофильской пропаганды. Впрочем, административное подавление украинского движения в Российской империи было непоследовательным, бессистемным и плохо организованным, встречая к тому же сопротивление влиятельной в российских столицах либеральной общественности. Примечательно, что самыми последовательными и убежденными противниками украинской пропаганды часто выступали сами малороссы — носители общерусской национальной идентичности, что с горечью признавал Кулиш. Что касается российских властей, то в своем отношении к украинскому вопросу они демонстрировали как близорукость и организационную немощь, так и острый дефицит понимания происшедшего. По словам А. Миллера, «на всех уровнях имперской власти от министра до рядового цензора «малороссийское особничество» рассматривалось прежде всего как проявление ... местного регионального патриотизма, как ... пережиток старины, обреченный отойти в прошлое, но не как начало современного украинского национализма, каковым в действительности была деятельность Шевченко, Кулиша, Костомарова и других активистов их поколения».²²⁸

Запретительные меры «имели для правительства противоположные желаемым последствия... Украинофильское направление не угасло, а только углубилось морально-психологическое отчуждение его приверженцев от российской жизни, вызвав в следующем поколении поворот от этнографического культурничества к формированию национально-политических целей, — полагает И. В. Михутина. — Лишенная соответствующих возможностей на родине, значительная часть украинской интеллигенции переместила свою общественную, научную активность и печатно-издательские дела за границу, преимущественно в Галицию, что многократно повысило роль внешне-политического фактора в самом неблагоприятном для Петербурга варианте...

²²⁷ Ibidem. P. 63.

²²⁸ Ibidem. P. 55.

Иной линии в отношении восточных славян придерживалось правительство Дунайской империи... Оно не пыталось повернуть вспять этнокультурное ... развитие русинского населения... Запретительным мерам Вена предпочла регулирование данного процесса в нужном для себя направлении». ²²⁹

Позднее в ходе полемики с украинофилами карпаторусские русофилы постоянно указывали на участие австрийских властей в создании и распространении украинского литературного языка и в формировании отдельной украинской идентичности в качестве иллюстрации своего тезиса об искусственном и антиславянском характере украинского движения. Так, лидер Русской Народной партии в Словакии и один из ведущих русофилов межвоенной Чехословакии К. П. Мачик писал в 1925 г., что «Австрии было невыгодно русское самосознание в Галиции и ... австрийское правительство рука об руку с польской шляхтой всеми силами старается создать из русского населения Восточной Галиции особый, отличный от русского, народ с отдельной культурой и особым языком... Известный чешский патриот д-р К. П. Крамарж в книжке о внешней политике сообщает следующий любопытный эпизод: будучи еще молодым..., он работал в Венских архивах, где познакомился с некоторыми чиновниками Министерства просвещения. Пригласив одного из них на прогулку за город, он получил отказ и на вопрос, чем же он так занят в министерстве, услышал ответ: «Не могу, мы должны наспеш делать украинскую грамматику...». ²³⁰

Инициаторами этнокультурных экспериментов, направленных на отрыв галицких русинов от русского литературного языка и русской культуры, в большей степени выступали галицкие поляки, влиявшие в этом вопросе на Вену. Отношение австрийских властей к галицким русинам было переменчивым, определяясь внутривосточной конъюнктурой и внешнеполитическими соображениями. Так, в период революционных потрясений в Австрийской империи Вена, опасаясь польского революционного движения, шла на уступки русинам, используя их в качестве противовеса галицким полякам. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. Австрия заняла враждебную позицию по отношению к России, что негативно сказалось на положении русинов Восточной Галиции.

В своем анализе религиозно-политического положения в Галиции в 1885 г. А. И. Добрянский отмечал, что «пока в Австро-Венгрии предводительствовали... немцы, не нуждаясь в союзе с другими народами (1849–1868 гг.), наш народ, вопреки крамолам влиятельного польского графа Голуховского, обузданного немцами же, развивался благополучно, так как развитию его

²²⁹ Мухоморова И. В. Украинский вопрос в России (конец XIX–начало XX вв). М., 2003. С. 31–32.

²³⁰ Др. Мачик К. П. Беседа об украинизме и украинском вопросе // Народная газета. 1925. № 3.

не препятствовало, а способствовало правительству, составленное преимущественно из немцев. У нас явилась многочисленная интеллигенция среди мирян, которой ранее лишили нас поляки, мы основали наши газеты... У нас открылись многочисленные приходские училища...; открыты были и средние учебные заведения с преподаванием русского языка. Благополучие нашего народа пошатнулось, когда стало колебаться решающее влияние немцев и они стали нуждаться в союзниках, какими и навязались им оппортунисты-поляки. Уговоренные своими новыми союзниками, немцы перестали поддерживать нас... Систематическое осуществление проектов, составленных для совершенного истребления русского народа, началось лишь по прекращении немецкого влияния». ²³¹

Угорские русины следили за перипетиями языковой борьбы в соседней Галиции и за австрийской политикой искоренения русского литературного языка и русского самосознания у галицких русинов с тревогой и беспокойством, прекрасно осознавая, что это означает непосредственную угрозу и для них самих. «В исходе 1850-х годов ... злейшим гением для Галицко-русской братии нашей был гр. Агенор Голуховский, наместник Галичины, а в 1859 году министр внутренних дел Австрии. У него зародилась роковая мысль уничтожить кириллицу у австрийских русских ... и завести латинское а-бе-цадло, — писал в своих «Воспоминаниях» А. Ф. Кралицкий, известный беллетрист и публицист Угорской Руси второй половины XIX века, печатавшийся в закарпатских и галицких периодических изданиях. — Не будь тогда в Галичине таких народолюбивых мужей, какими были Яхимович, Куземский, Головацкий, Петрушевич и др., это легко удалось бы полякам... Коноводом всей этой мнимой реформы был чех Йиречек. Быть может, заметит кто-нибудь: ведь это не касается нас, закарпатских русских. Ничуть нет. Душевную пищу тогда получали мы из Галичины. Газету, книги оттуда получали. Стало быть, уничтожится кириллица в соседстве, повлекла бы она пропажу ее и у нас...». ²³²

Русинская общественность Угорской Руси активно выступала против аналогичных планов мадярских властей и мадяронов ввести латинскую графику в письменность закарпатских русинов. Подобные планы возникали во второй половине XIX века, когда после трансформации Австрии в Австро-Венгрию в 1867 г. политика мадяризации славянских народов Венгрии резко усилилась. В своей острой полемической статье «Неужели писати нам абецадлом» известный поэт и публицист Угорской Руси второй половины XIX века Ю. И. Ставровский-Попрадов, осуждая планы перевода русинской

²³¹ Добрянский А. И. О современном религиозно-политическом положении австро-угорской Руси. М., 1885. С. 10–11.

²³² Кралицкий А. Ф. Воспоминания // Пряшевщина. Историко-литературный сборник. С. 195–196.

письменности на латиницу, вопрошал: «Неужели мы иначе не можем преуспевать в культуре, но только так, если изменим сами себе? ... Если вместо своей совершенной и языку нашему как нельзя лучше соответствующей кирилловской азбуки примем языку нашему несоответствующие латинские знаки... Если бы алфавит годилось для нашего языка, святые Кирилл и Мефодий ... не искали бы новых письмен для славянского языка, — замечал Ставровский-Попрадов и подводил итог. — Кирилловские буквы, нам ... родные, переменить на чужие — значило бы изменить себе...».²³³

Политика австрийских властей, направленная на культурное отчуждение русинов от России и русского литературного языка, находила свое выражение в административном навязывании местного диалекта в качестве литературного языка и в открытой дискриминации тех русинских печатных изданий, которые использовали русский литературный язык и пытались отстаивать идею единого русского литературного языка для всех русинов. Так, литературное издание галицких русинов «Зоря Галицкая», издававшаяся в 1850-е гг., подвергалась давлению австрийских властей за «чрезмерное использование московских слов».²³⁴ «Церковная Газета», издававшаяся общественным и культурным деятелем закарпатских русинов И. Раковским на литературном русском языке с 1856 г., была вскоре приостановлена, а затем закрыта австрийскими властями. В письме Я. Головацкому 1 июня 1858 г. Раковский так объяснял причины приостановки «Церковной Газеты»: «Декретом здешнего Генерального Губернаторства, мною 9 мая полученным, мне приказано было пользоваться малорусским, а не великорусским языком при издании ее, под опасением немедленного прекращения концессии и конфискации первого номера, который выйдет после сего запрещения на великорусском языке».²³⁵

Поскольку Раковский и после вынесенного ему предупреждения пытался прибегать к русскому литературному языку, судьба его издания была предопределена. Объясняя причины закрытия властями своего издания, Раковский в декабре 1858 г. писал, что «Церковный Вестник» (*так после приостановки была переименована «Церковная Газета»*. — К. Ш.) «в глазах правительства ... становился колючим тернием, ... угрожающим безопасности государства. Не находя в содержании его ничего против законов, оно заблагорассудило отрешить меня от должности единственно на том основании, что я, несмотря на сделанный мне уже по сему предмету выговор, продолжаю пользоваться русским языком».²³⁶

²³³ Ставровский-Попрадов Ю. И. Неужели писати нам алфавитом? // Пряшевщина. Историко-литературный сборник. С. 198.

²³⁴ Францев В. А. Из истории борьбы за русский литературный язык в Подкарпатской Руси в половине XIX столетия. С. 23.

²³⁵ Там же. С. 23

²³⁶ Там же. С. 49.

Впрочем, борьба с русским печатным словом в Австрийской империи имела длительную и устойчивую традицию. Так, опасаясь, что русская православная литература может представлять «идеологическую угрозу» для австрийских русинов, австрийские власти еще в конце XVIII в. запретили приобретение печатной продукции в России без специального разрешения, хотя собственных кириллических типографий в Австрии в то время не существовало и книги из Российской империи продолжали ввозиться контрабандой.²³⁷

С изобретением украинской фонетической письменности Пантелеймоном Кулишом (так наз. «кулишивка»), созданной в противовес русской этимологической письменности, австро-польские этнокультурные технологи в Галиции получили новое эффективное орудие воздействия на самосознание местного населения. Известно, что сам П. Кулиш крайне негативно реагировал на использование созданного им алфавита поляками для углубления культурно-языкового раскола между малороссами и великороссами. Характеризуя состояние польского общества Восточной Галиции во второй половине XIX в., А. И. Добрянский метко замечал, что «все польские чиновники, профессора, учителя, даже ксендзы стали заниматься по преимуществу филологией, не мазурской или польской, — нет, но исключительно нашей русской, чтобы при содействии наших изменников создать новый русско-польский язык, от которого переход к чисто польскому не представлял бы уже никаких почти затруднений».²³⁸

Если в Российской империи развитию украинской фонетической письменности ставились серьезные преграды («запреты украинского языка» в 1863 и 1876 гг. русскими властями)²³⁹ были в первую очередь запретами не столько украинского языка как такового, сколько запретами фонетичес-

²³⁷ См.: Magocsi P. R. The Shaping of a National Identity... P. 28.

²³⁸ Добрянский А. И. О современном религиозно-политическом положении австро-угорской Руси. С. 12.

²³⁹ Стремление властей Российской империи гомогенизировать родственные восточнославянские диалекты, подведя их под общий знаменатель русского литературного языка, было схоже с аналогичной политикой французских властей, насаждавших литературный французский язык и беспощадно искоренявших многочисленные диалекты (patois). В отличие от России, во Франции, где власти действовали более продуманно, решительно и последовательно и где административный аппарат был более эффективным, а общественное мнение поддерживало политику властей, эти попытки увенчались успехом. По словам А. Миллера, «трактуя украинский так же, как французы трактовали patois, а это естественная позиция для сторонников концепции триединой русской нации, российские власти запрещали использование украинского в администрации, школе... в чем совершенно не отличались от властей французских. Иначе говоря, преследования украинского языка в Российской империи выделяются своей жестокостью только на фоне отношения ... российских властей к языкам других народов империи, но не на фоне французского опыта. Система наказаний и издевательств, которым подвергались во французской школе ученики, сказавшие хоть слово на patois, повергла бы в ужас ... российских преподавателей». См.: Миллер А. Россия и Украина в XIX–начале XX вв.: непредопределенная история. С. 78.

кого правописания), то австрийские власти энергично способствовали распространению «кулишивки» в Галиции. В 1892 г. при поддержке польских политиков школьная рада Галиции приняла решение о введении украинского фонетического письма («кулишивки») в систему местного образования. Это решение вызвало волну недовольства среди преобладавших тогда в Галиции москвофилов. Помимо москвофильских культурных обществ в кампании протеста приняли участие и многочисленные галицкие сельские общины. Вопреки массовым протестам русинского населения, украинское фонетическое правописание было не только оставлено в учебных заведениях Галиции, но и введено на территории Буковины. По мере того, как выпускники галицких школ, воспитанные на украинском фонетическом алфавите, вступали в общественную жизнь, сфера применения русского этимологического письма сужалась за счет расширения сферы украинского. По мнению современных галицко-украинских исследователей, именно благодаря русофильская Галиция достаточно быстро превратилась в «украинский Пьемонт».²⁴⁰

Любопытно, что к методам этноязыковой инженерии в славянском культурном пространстве активно прибегал и Берлин. Так, в протекторате Богемия и Моравия, образованном Гитлером после окончательной оккупации Чехии в марте 1939 г., немецкие власти активно поддерживали этническую и культурно-языковую неоднородность населения и поощряли региональные моравские диалекты²⁴¹ с целью ослабить влияние чешского литературного языка и нарушить единство чешского национального самосознания.

В своей интерпретации древнегреческого мифа о царе Кадме, посеявшем зубы дракона, из которых впоследствии выросли воины, канадский социолог М. Маклюэн сравнивал зубы дракона с буквами фонетического алфавита, который, сменив доалфавитное письмо, по мнению Маклюэна, способствовал становлению новых форм общественного устройства. Здесь очевидна аналогия с украинским фонетическим алфавитом, также выступившим в роли своего рода «зубов дракона», которые очень быстро дали всходы в виде воинов и резко ускорили становление новой украинской нации. Впрочем, стараниями опытных садовников, присматривающих за всходами в своем саду, эти воины никогда не представляли собой самостоятельную и самодостаточную силу, выступая лишь в подчиненной роли пушечного мяса в венских и берлинских внешнеполитических проектах,

²⁴⁰ См.: *Чорновол І.* Польсько-українська угода 1890–1894 рр. Львів, 2000.

²⁴¹ См.: *Mezihorák F.* Hry o Moravu. Separatisté, iredentisté a kolaboranti 1938–1945. Praha, 1997.

а форма этих воинов варьировалась от мундиров галицких сичевых стрельцов до военнослужащих дивизии СС «Галичина».

Соперничество между украинофилами и москвофилами в Галиции и Буковине за влияние на местное население во второй половине XIX века проявлялось в деятельности различных обществ и имело ярко выраженный пропагандистско-публицистический уклон. Длительное время тон в этой борьбе задавали москвофилы.

По инициативе галицкого грекокатолического священника и просветителя И. Наумовича русофильски настроенная русинская интеллигенция, во второй половине XIX века доминировавшая не только среди русинов-лемков Западной Галиции, но и среди русинов Восточной Галиции, по примеру словенского общества св. Могора основала в 1874 г. в Коломые Общество им. М. Качковского, которое после переезда во Львов стало одним из главных центров распространения русофильской идеологии среди русинов Галиции. Общество было названо в честь галицкого чиновника Михаила Качковского, который, симпатизируя местным русофилам, за счет собственных сэкономленных средств оказывал финансовую поддержку культурным предприятиям русофилов-галичан. Общество основывало свои читальни в русинских деревнях Галиции и издавало популярный журнал «Наука», а также разнообразную литературу для народа с использованием традиционного этимологического письма. Цель Общества им. Качковского заключалась в распространении «наук, нравственности, трудолюбия, трезвости, бережливости, гражданского сознания и всяческих добродетелей среди русского народа Австрии».²⁴² К 1912 г. Общество им. М. Качковского имело 800 читален во всей Галиции, из них 109 на территории Лемковины. Примечательно, что русофильски настроенные эмигранты-русины в Северной Америке продолжили просветительские традиции Общества им. Качковского, организовав читальни этого общества в штатах Коннектикут и Пенсильвания.²⁴³

Активизация украинофилов в конце XIX–начале XX вв. постепенно ослабила популярность Общества им. Качковского в Восточной Галиции, однако в Западной Галиции среди русинов-лемков это общество длительное время сохраняло свое влияние. В то же время украинское культурное общество «Просвита», созданное в 1868 г. во Львове для пропаганды украинской идеи среди русинов Галиции и для борьбы с местным русофильством и «сепаратизмом», завоевав к началу XX века определенную популярность в Га-

²⁴² *Магочи П. П.* Культурные институции как инструмент национального развития в XIX в. в Восточной Галиции // *Славянские и балканские культуры XVIII–XIX вв.: Советско-американский симпозиум.* М., 1990. С. 124.

²⁴³ *Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition.* P. 223–224.

лиции, не имело широкой поддержки среди населения Лемковины и было практически неизвестно русинам Угорской Руси.

Популярность русофильских идей и успешная деятельность Общества им. Качковского в Галиции вынудили австрийские власти перейти к методам полицейского и судебного преследования политически негодных москвофилов. В 1882 г. австрийские власти организовали «процесс Ольги Грабарь», дочери А. Добрянского, поводом для которого послужил массовый переход в православие жителей русинского села Гнилички, прошение для которых с просьбой о переходе в православие составлял И. Наумович. Кроме О. Грабарь были арестованы ее отец А. Добрянский, а также несколько видных представителей галицкого русофильства, включая В. Площанского и И. Наумовича. Арестованным было предъявлено обвинение в панславизме, государственной измене и в стремлении оторвать Галицию, Буковину и Северную Венгрию от австрийской державы. Наумович также обвинялся в «возбуждении симпатий» к России и «распространении отвращения» к австрийским «политическим учреждениям и церковной унии».²⁴⁴ Хотя прокурор требовал вынесения смертного приговора для О. Грабарь и других подсудимых, обвинение в государственной измене провалилось из-за отсутствия необходимых доказательств. Вместе с тем суд присяжных признал Площанского, Наумовича и нескольких крестьян виновными в нарушении общественного спокойствия, приговорив их к нескольким месяцам тюремного заключения. Наиболее строгий приговор был вынесен И. Наумовичу. Помимо шестимесячного предварительного заключения, Наумовичу пришлось отсидеть в тюрьме еще восемь месяцев.

Вскоре после выхода из тюрьмы в октябре 1885 г. Наумович принял православие, а в 1886 г. переселился с семьей в Россию, где продолжил свою публицистическую и общественную деятельность, попытавшись организовать переселение в Россию галицких крестьян, которые в то время массово эмигрировали в Северную Америку. Наумовичу удалось договориться с российскими властями о льготных условиях продажи земли (по 5 р. за десятину в рассрочку) галицким переселенцам на Кубани — в Новороссийском и Сухумском округах. Однако в 1891 г., вернувшись из поездки по местам возможного поселения галичан, Наумович внезапно заболел и умер в больнице в Новороссийске. Странные обстоятельства болезни и смерти Наумовича дали галицким русофилам основания для подозрений в том, что Наумович, деятельность которого представляла большую опасность для грекокатолической церкви и австрийских властей, был отравлен.²⁴⁵

²⁴⁴ Мончаловский О. А. Жизнь и деятельность Ивана Наумовича. Львов, 1899. С. 75.

²⁴⁵ См.: Пашаева Н. Мифы украинства: И. Г. Наумович как общественный, политический и религиозный деятель Галичины второй половины XIX века // Вестник Юго-Западной Руси. 2006. № 1.

В конце XIX–начале XX вв. происходит резкая активизация украинского движения в Восточной Галиции и на Буковине. Множество недорогих печатных изданий в простой и доступной широким массам форме тиражировали требуемые идеи, втолковывая разницу между «русскими» и «руськими» и формируя тем самым новые мыслительные и поведенческие стереотипы. «Наши люди все хорошо знают, что Русин — это одно, а Москаль — что-то другое. Однако же Москаль также называют себя «русскими» и чтобы отличаться от нашего «руського» пишут два «с»... Наши кацапы хвалят Москалей и говорят, что Москаль — это настоящий «русский» народ и что мы должны принять их язык, ибо московский язык хороший, а наш — только «российское наречие», — обрушивались на местных москвофилов авторы брошюры «Русины а Москаль», изданной в 1911 г. в Черновцах. — Это утверждение кацапов — неправда».²⁴⁶ Здесь же было опубликовано повествование о поездке в Киев двух галичан, которые делились своими крайне неблагоприятными впечатлениями от России, жалуюсь на бюрократический произвол, взяточничество и на проблемы с устройством в киевские гостиницы, которые не хотели селить у себя австрийских подданных без полицейского разрешения. Разочарование от знакомства с российскими реалиями так повлияло на одного из героев очерка, что он «изменился и стал убежденным противником москвофильства...».²⁴⁷

Наряду с ростом пропагандистской деятельности украинофилов, в конце XIX в. происходит резкая активизация и институализация украинской научной жизни в Австро-Венгрии. Возникшее во Львове в 1873 г. Научное общество им. Шевченко развернуло ширококомасштабную издательскую деятельность, выпуская периодические и тематические издания научного и научно-популярного характера. Особый размах деятельность Научного общества им. Шевченко приобрела с появлением в Восточной Галиции М. Грушевского, получившего в 1894 г. престижное место профессора истории Львовского университета и определявшего редакционную политику общества им. Шевченко. Избранный австрийскими властями на роль творца украинской концепции истории Юго-Западной Руси, Грушевский получил от Вены серьезные материальные и организационные ресурсы для осуществления своих проектов. Примечательно, что только работа в качестве редактора литературно-научного сборника, издававшегося обществом им. Шевченко, к которой И. Франко приступил в 1898 г., позволила ему регулярно получать приличную зарплату и существенно улучшить свое материальное положение.²⁴⁸ Высокий литературный и научный уровень Франко и его кол-

²⁴⁶ Русины а Москаль. Видавництво політичного товариства «Руска Рада». Чернівці, 1911. С. 3.

²⁴⁷ Там же. С. 81.

²⁴⁸ См.: Daniš M., Nevrlý M. Ivan Franko. Život a dielo. Prešov, 2009. S. 131.

лег использовался Грушевским в собственных целях. В 1906 г. Франко был вынужден отказаться от работы в издательстве Научного общества им. Шевченко поскольку «журнал общества превратился в рупор его тогдашнего редактора М. Грушевского».²⁴⁹ Позднее галицкие русофилы, характеризуя содержание и направленность научной работы Грушевского, констатировали, что все его научные проекты полностью соответствовали политическим интересам Австро-Венгрии и координировались из Вены.²⁵⁰

Несмотря на усиление украинской пропаганды в конце XIX–начале XX вв., русофильские идеи по-прежнему пользовались широкой поддержкой среди населения Галиции и особенно Угорской Руси. На рубеже XIX–XX вв. это проявилось в массовом переходе в православие тысяч русинов-грекокатоликов. Зачастую в православие переходили целые села. Опасаясь роста православного движения, австрийские власти запретили в 1912 г. паломничество галичан в Почаевскую лавру на территории соседней Волыни и все чаще прибегали к репрессиям в отношении к перешедшим в православие русинам. «Террор ... распространился по всей Подкарпатской Руси, породившей великое множество новых мучеников и исповедников, — писал Г. Рачук, характеризуя положение православных русинов в Австро-Венгрии в начале XX века. — Одно слово, одна православная книга, одно нежелание ходить в униатский храм могли послужить предлогом для штрафа, избиения, ареста, всяческих издевательств и даже для убийства».²⁵¹

Православное движение в Галиции и в Угорской Руси в начале XX в. успешно развивалось благодаря подвижнической деятельности архиепископа Волынского Антония (Храповицкого), который, считая Галицкую и Карпатскую Русь неотъемлемой частью единого русского народа, предпринимал колоссальные усилия, направленные на поддержку и распространение православия среди русинов Австро-Венгрии и на противостояние униатству. По инициативе Антония при московской Духовной Академии был учрежден Комитет, занимавшийся изданием «Почаевских листков об унии», которые большими тиражами печатались в почаевской типографии. По инициативе Храповицкого были восстановлены и превращены в места паломничества могилы православных казаков, погибших в борьбе с польскими оккупантами. Антоний также высказывал идею о целесообразности возрождения малороссийского православного казачества и его расселения по периметру юго-западных границ Российской империи. Архиепископ Антоний сыграл огромную роль в воспитании целой плеяды церковных деятелей, которые впоследствии успешно распространяли православие в Галиции и в Угор-

²⁴⁹ Ibidem.

²⁵⁰ Русский голос. 10 октября 1926. № 174.

²⁵¹ Рачук Г. Подвижник Руси Карпатской Архимандрит Иов (Кундря). М., 2008. С. 21.

ской Руси. Примечательно, что успешная деятельность Антония настолько обеспокоила униатскую церковь и австрийские правящие круги, что те, используя имевшиеся у них рычаги давления на российские власти, добились перевода Антония в Харьков.

По мнению исследователей, при ином складывании внешнеполитической ситуации в Восточной Европе вектор этнокультурного развития галицких русинов мог приобрести совершенно другую направленность. «Определенно можно сказать, что Вена разрабатывала планы использования галицийских русинов в борьбе с панславистской пропагандой Петербурга и что в некоторых случаях эти планы обсуждались и координировались с поляками, — отмечает А. Миллер. — Д.-П. Химка, наиболее авторитетный из современных специалистов по истории Галиции, вообще считает, что, если бы Россия получила Восточную Галицию после Венского конгресса или даже оккупировала ее в 1878 г. в ходе Балканского кризиса, «украинская игра была бы закончена не только в Галиции, но и в надднепрянской Украине».²⁵²

Эффективным инструментом формирования украинского самосознания стало создание украинского литературного языка, что в целом имело очень важные последствия для всего восточнославянского культурного пространства. Касаясь взаимоотношений русского литературного языка и украинского языка, Н. Трубецкой замечал, что русский литературный язык возник в результате естественного и органичного симбиоза церковнославянского языка и местных восточнославянских диалектов, подчеркивая при этом исключительно большую роль киевских ученых в формировании русского литературного языка и русской культуры в целом. По словам Трубецкого, представители «всех основных восточнославянских диалектов приняли участие в развитии общерусского литературного языка, ... который в своей церковнославянской части в большей степени принадлежит к украинской сфере, чем к великорусской».²⁵³

Становление современного украинского литературного языка во второй половине XIX в., наоборот, основывалось на полном отказе от церковнославянской традиции, что одновременно означало разрыв со всем ранее накопленным культурным наследием, тесно связанным с церковнославянским языком. Именно эта особенность украинского культурного движения стала одним из главных объектов критики со стороны русинских русофилов. «Украинская интеллигенция ... порвала с церковнославянской культурной традицией и стала создавать литературный язык, полностью основан-

²⁵² Миллер А. Россия и Украина в XIX–начале XX вв.: непредопределенная история. С. 76–77.

²⁵³ Trubetzkoy N. The Common Slavic Element in Russian Culture. P. 24.

ный на народных диалектах и как можно меньше напоминающий русский язык, — писал Н. Трубецкой. — ... Связь с длительной литературной традицией дает значительные преимущества русскому языку. Прежде всего это внешняя единообразность, постоянство и стабильность, основанные на длительной устоявшейся традиции и не зависящие от народных диалектов. Это становится очевидным при сравнении с теми языками, которые не имеют подобных традиций и развились из разговорных диалектов. В еще большей степени это касается литературного украинского языка, где нестабильность столь велика, а различия столь важны, что под общим названием украинского языка практически существует несколько языков, сильно отличающихся друг от друга, — галицийский, буковинский, карпаторусский, восточноукраинский...».²⁵⁴

Одна из причин характерных для современной Украины этнокультурной фрагментации и сепаратизма, создающих серьезные преграды в создании единой украинской политической нации и украинской «высокой культуры», заключается именно в этих особенностях создания современного украинского литературного языка. Похожие принципы сейчас воспроизводятся представителями альтернативных этнокультурных движений, бросающих вызов «украинской идее» и выступающих по отношению к ней в роли своеобразного «исторического бумеранга». Сделав упор на важности разговорных диалектов в процессе языкового строительства, современные этнокультурные движения следуют той самой логике, которой в свое время пользовались их украинские предшественники, отстаивавшие в XIX в. право на собственный литературный язык. Вызов, брошенный украинскому языку со стороны русинского и полесского движений, выглядит так же естественно и логично, как и аналогичные шаги, предпринятые деятелями украинского национального движения в XIX в., которые похожим образом бросали в то время вызов русскому литературному языку.

* * *

Если русины Галиции, ставшие во второй половине XIX в. объектом этнокультурной инженерии австрийских и польских властей, боролись с полонизацией, то русины Угорской Руси подвергались интенсивной мадьяризации. После трансформации Австрийской империи в Австро-Венгрию в 1867 г. политика мадьяризации славянских народов Венгрии резко усиливается. Юридической основой для ужесточения ассимиляционной политики венгерских властей стал принятый в 1868 г. в Венгрии закон номер XLIV,

²⁵⁴ Ibidem. P. 29.

провозглашавший всех граждан Венгрии единой и неделимой венгерской нацией. Признание существования в Венгрии только венгерской нации включало юридические основания для создания каких-либо организаций национальных меньшинств.

Печальные результаты последовательной политики денационализации славянских народов Венгрии сказались к концу XIX–началу XX веков. Если в 1874 г. на территории восточной Словакии (венгерские области Спиш, Шарыш и Земплин) существовало 237 начальных школ, использовавших русинский язык в обучении, то к 1906 г. число таких школ упало до 23. С начала XX в. политика мадьяризации приобрела еще более агрессивные формы, затронув прежде всего сферу образования. Так, обучение русинскому языку в начальных школах ограничивалось лишь общим знакомством с кириллицей и чтением церковных книг. «В конце XIX столетия ... на южных склонах Карпат умирало всякое проявление национальной жизни. Выходившие тут русские газеты прекращались одна за другой...», — писал известный карпаторусский исследователь Г. Геровский. — Мрачная картина удушья была завершена школьным законом графа Аппоньи 1907 года, когда обучение на мадьярском языке было предписано даже для церковно-приходских школ».²⁵⁵

Ассимиляция русинского населения Венгрии была вызвана не только усилившейся мадьяризацией, но и словакизацией. Чешский ученый-славист Л. Нидерле, комментируя данные венгерской переписи 1900 г., констатировал прогрессирующую словакизацию русинского населения северо-восточной Венгрии. Сравнивая результаты венгерской переписи 1900 г. с данными предыдущей переписи, проведенной в Венгрии на десять лет раньше, Нидерле отмечал, что за это время 49 русинских деревень словакизировались, в то время как лишь 27 словацких деревень русинизировались, т. е. темпы словакизации были почти в два раза выше.²⁵⁶ Не исключая определенного влияния административного фактора на данные переписи, Нидерле, тем не менее, связывал основную причину ассимиляции русинов с недостаточной устойчивостью их национального самосознания в области русинско-словацкого этнического пограничья, что отмечали и другие наблюдатели, включая украинского исследователя В. Гнатюка.²⁵⁷

Перед началом Первой мировой войны началась кампания по изменению славянских названий русинских населенных пунктов в Угорской

²⁵⁵ Геровский Г. Историческое прошлое Пряшевщины // Пряшевщина. Историко-литературный сборник. С. 91.²⁵⁶ Niederle L. K sporu o ruskoslovenské rozhrání v Uhrách // Slovanský přehled. 1903. Ročník V. S. 346–348.²⁵⁷ Niederle L. Ještě k sporu o ruskoslovenskou hranici v Uhrách // Slovanský přehled. 1904. Ročník VI. S. 260.

Руси на чисто венгерские. Наряду с политикой мадьяризации венгерские власти предпринимали усилия для ослабления традиционно сильных русофильских настроений среди русинского населения. С этой целью всячески пропагандировалась идея особности русинов как отдельного народа, не имеющего ничего общего с русскими. Для борьбы с влиянием церковно-славянского и русского литературного языков в 1880 г. при поддержке Будапешта был издан русинско-венгерский словарь профессора Л. Чопея, который также являлся автором школьных пособий, написанных исключительно на местных русинских диалектах. На рубеже XIX–XX вв. в творчестве некоторых представителей нового поколения русинских литераторов, среди которых были Е. Сабов, А. Волошин, Ю. Жаткович и др., начинает проявляться некоторое дистанцирование от русофильских традиций своих предшественников и большая ориентация на местные разговорные диалекты и фольклор, что являлось предвестником будущих языковых споров. Однако вследствие усиления мадьяризации русинская культурная жизнь едва теплилась и новые тенденции в литературе оставались в зачаточном состоянии.

С конца XIX в. вплоть до окончания Первой мировой войны русинское национальное движение было практически заморожено. Особенно сильно в это время мадьяризация затронула русинскую и словацкую интеллигенцию. К началу XX вв. угроза полной ассимиляции не только русинов, но и словаков становится вполне реальной. «Истреблением церковнославянского языка надеялись стереть память о русском происхождении народа... Мадьярское господство основывалось в нашем краю на двух началах — алкоголь и невежество»,²⁵⁸ — вспоминал в 1925 г. один из активистов русинского движения в северо-восточной Словакии.

Политика мадьяризации самым неблагоприятным образом отразилась и на положении русинов Воеводины. Венгерские власти стремились полностью изолировать русинов Воеводины и Угорской Руси от этноязыковых и культурных процессов, протекавших в соседней Галиции. Географическая оторванность Воеводины от исторических земель Карпатской Руси значительно облегчала эти планы. 6 мая 1896 г. венгерские власти запретили распространение печатной продукции львовской «Просвиты» в землях венгерской короны. В 1898 г. в Воеводине «почти все русинские церковно-приходские школы были превращены в государственные, где преподавание велось на венгерском языке...».²⁵⁹

²⁵⁸ Народная газета. 1925. № 10.

²⁵⁹ Буркут И. Г. Формирование национального самосознания русинского населения Бачки и Срема // Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX–начале XX вв. М., 1991. С. 159–160.

Резкое усиление национального гнета в сочетании с тяжелыми социально-экономическими условиями привело к массовой эмиграции карпатских русинов в Северную Америку. В период с 1894 до 1914 гг. «эмиграция из Угорской Руси и галицкой Лемковины в Америку приняла массовый характер. Голод гнал безземельную и безработную молодежь из бедных крестьянских хат в Карпатах за океан — в богатую Америку. За это двадцатилетие, — отмечал представитель карпаторусской эмиграции в США, — из многих сел галицкой Лемковины и западных областей Угорской Руси (Пряшевщины) переселилось в Америку до 50% всех жителей. Первые карпаторусские эмигранты перенесли в Америке очень трудные условия жизни. Не владея английским языком, ... они могли получить только самую тяжелую и низкооплачиваемую работу. Но по сравнению с голодным существованием дома, под произволом венгерских и австрийских властей, жизнь в Америке представлялась им прямо благодатью...».²⁶⁰

Австро-венгерские власти и местные помещики с беспокойством следили за растущей эмиграцией русинов за океан, опасаясь возможного дефицита дешевой рабочей силы. Для замедления темпов эмиграции власти «ужесточали паспортный режим, тянули с оформлением необходимых бумаг... В газетах и брошюрах была начата пропагандистская кампания против эмиграции».²⁶¹ Последствия массовой эмиграции в Северную Америку оказали большое влияние на все стороны жизни карпатских русинов. Благодаря эмиграции, экономическое положение русинов «поправилось». Эмигранты присылали на родину доллары, за которые приобреталась земля, ремонтировался инвентарь и улучшалось хозяйство... Изменялся характер селянина, росла его самостоятельность, уверенность, расширялся кругозор...».²⁶² В результате массовой эмиграции за океан в Северной Америке образовалась многочисленная и влиятельная карпаторусская диаспора, которая сыграла важную роль в политическом решении судьбы карпатских русинов после Первой мировой войны.

Общественно-политическая ситуация и культурные процессы в Галиции и Угорской Руси оказывали сильное воздействие на умонастроения русинской диаспоры в Северной Америке, среди которой также зародилось украинофильское направление, вступившее в полемику с доминировавшими там русофилами. Накал дискуссий в североамериканской русинской прессе особенно возрос с началом Первой мировой войны. В июле 1917 г. «Народна обрана», одна из популярных русинских газет в США, полемизируя с укра-

²⁶⁰ Кичура С. Карпаторусская эмиграция в США // Славяне. Ежемесячный журнал Всеславянского комитета. 1943. № 4. С. 25.

²⁶¹ Лемкин И. Ф. История Лемковины. С. 116.

²⁶² Там же. С. 114.

инофилами и мадьяронами, подчеркивала экономические и технические достижения России. «Эти факты показывают угро-русам, что Россия не такая дикая страна, как ее изображают ... наши мадьяронские паны, — писала «Народна обрана». — Мы можем гордиться тем, что такая славная держава есть державой наших братьев по крови... Мы не должны бояться России..., но, наоборот, должны просить, чтобы она освободила нас, своих заблудших и настрадавшихся братьев...».²⁶³

Антивенгерские настроения среди карпаторусской эмиграции в США в полной мере стали проявляться только к концу Первой мировой войны, когда поражение Центральных держав стало очевидным. Ранее проявление подобных настроений среди русинской диаспоры в Америке тормозилось тем обстоятельством, что австро-венгерское правительство с помощью своего посольства и консульств в США пристально следило за общественно-политической активностью американских русинов и словаков, стараясь влиять на них в духе лояльности Венгрии посредством промадьярски настроенной части грекокатолического духовенства.²⁶⁴

Как и в соседней Галиции, формой протеста против политики венгерских властей стало все более частое обращение угорских русинов к православию, что жестоко преследовалось официальным Будапештом. Один из наиболее крупных и скандальных антирусинских политических процессов в Венгрии состоялся в 1913–1914 гг. в Мармарош-Сигете, где 98 русинским крестьянам было предъявлено обвинение в стремлении отделить Угорскую Русь от Венгрии в сотрудничестве с православной церковью и Россией. 32 человека на основании этого надуманного обвинения было осуждено к многолетнему тюремному заключению и крупным денежным штрафам. Авторы «Меморандума» Русского конгресса в Америке, созданного «Союзом Освобождения Прикарпатской Руси», в июле 1917 г. писали, что «не лишь за политические стремления и народные идеи, но и за религиозные убеждения русский народ в Прикарпатье подвергался жестокому преследованиям. Крестьяне в Угорской Руси, за нежелание остаться при уни и папизме, были приговорены в Мармарош-Сигете к долгим годам тюрьмы...».²⁶⁵

Новый виток преследований и ассимиляционного давления на русинское население со стороны австро-венгерских властей наступил во время Первой мировой войны. Летом 1915 г. венгерское правительство создало специальную комиссию грекокатоликов, призванную внести изменения в церковную литературу, ввести грегорианский календарь и заменить кириллический алфавит латиницей. Хотя эти попытки потерпели неудачу, ма-

²⁶³ Народна Обрана. Homestead, PA. July 1917. № 2.

²⁶⁴ Švorc P. Zakletá zem. Podkarpatská Rus 1918–1946. S. 25–27.

²⁶⁵ Bratislava. Časopis učenej spoločnosti Šafaříkovy. 1931. Roč. 5. Číslo 3. S. 514.

дьяронские иерархи грекокатолической церкви, включая главу Прешовской епархии епископа И. Новака и главу Мукачевской епархии епископа А. Паппа, по собственной инициативе стали заменять кириллицу венгерской латиницей в школах и в церковной прессе.²⁶⁶

Начало XX века было отмечено нарастанием противостояния между русофильской интеллигенцией и украинофилами Восточной Галиции, которые пользовались существенными преференциями со стороны австрийских властей. Для усиления украинского влияния на грекокатолическое духовенство Галиции и для подрыва позиций русофилов по инициативе австрийских властей был затруден прием в духовные семинарии Галиции лиц русофильской ориентации, значительная часть которых была уроженцами Лемковины. Так, в 1911 г. из сорока лемков — кандидатов на поступление в духовную семинарию в Перемышле — был принят лишь один.²⁶⁷ Воспитанники духовной семинарии во Львове русофильской ориентации подвергались травле и издевательствам со стороны господствовавших там украинцев. В 1912 г. русские воспитанники Львовской духовной семинарии «дважды были вынуждены ночью бежать из семинарии, чтобы спасти свою жизнь перед одичавшими товарищами-украинцами».²⁶⁸

Начало Первой мировой войны повлекло ширококомасштабные репрессии австрийских властей против русинов-лемков, что стало одной из самых трагических страниц истории лемковского народа. «Вся Лемковина была покрыта виселицами, на которых гибли ее лучшие сыны»,²⁶⁹ — писал лемковский историк. С сентября 1914 по весну 1915 гг. русские войска занимали большую часть территории австрийской Галиции, включая территорию Лемковины, где, в отличие от Восточной Галиции, русская армия встретила доброжелательное отношение местного населения. После ухода русской армии австрийские военные власти арестовали около пяти тысяч лемков, подозреваемых в шпионаже в пользу России, в основном представителей интеллигенции, которые были брошены в австрийский концлагерь Талергоф неподалеку от Граца. Значительная часть узников Талергофа погибла, не выдержав издевательств и нечеловеческих условий содержания. По сути, в Талергофе был ликвидирован цвет лемковской русофильской интеллигенции, а сам концлагерь вошел в историческую память лемков как символ мученичества за народность и веру.²⁷⁰ Другим символом мученичества русинов-лемков стал уроженец западной Лемковины молодой православный священник Максим

²⁶⁶ Magosci P. R. The Shaping of a National Identity... P. 72.

²⁶⁷ Лемкин И. Ф. История Лемковины. С. 119.

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ Лемкин И. Ф. С. 139.

²⁷⁰ См.: Талергофский альманах. Львов, 1930.

Сандович, призывавший лемков к возвращению в лоно православия. М. Сандович и вся его семья, включая отца, мать, брата и беременную жену, были арестованы австрийскими властями сразу после начала войны. 6 сентября 1914 г. М. Сандович без суда и следствия на глазах престарелого отца и жены был расстрелян во дворе тюрьмы в г. Горлице. Его беременная жена была интернирована в концлагерь Талергоф, где она родила сына. Впоследствии Максим Сандович был канонизирован как Святой Максим.²⁷¹

После трагических событий 1914–1915 гг. среди лемков широко распространилось мнение о том, что в трагедии Талергофа виновны украинофилы, доносившие австрийским властям на своих идеологических врагов-русофилов. «По лемковским селам под видом торговцев иконами ... ходили украинские провокаторы и вели с селянами разговоры на политические темы, выдавая себя за друзей русского народа, — писал И. Ф. Лемкин. — У селян выясняли политические взгляды, все записывали, а потом отсылали властям. Таким образом был составлен список «moskalofilow»... На основе этого списка в начале войны была арестована вся лемковская интеллигенция и сотни селян...».²⁷² Больше всего от австрийских репрессий пострадали лемки, однако преследования со стороны австро-венгерских властей коснулись всех областей, населенных карпатскими русинами. «Как только Австро-Венгрия объявила войну России, — сообщали в июле 1917 г. североамериканские русинские деятели — авторы «Меморандума Русского Конгресса в Америке», — более 30000 русских людей ... в Галичине, Буковине и Угорской Руси были арестованы, избиты австрийскими жандармами, полицией и войском, подвергнуты неопишным мучениям и заключены в концентрационные лагеря... Талергоф, Терезиенштадт, Куфштейн, Шпильберг... и др. В одном лишь Талергофе ... их умерло 1500 человек от побоев, болезней и голода... Над мирным населением в Прикарпатской Руси немцы и мадьяры издевались таким нечеловеческим образом и сделали над ним столько насилий и зверств, что они ни в чем не уступают зверствам турок в Армении... Лишь за первые девять месяцев войны немцы и мадьяры расстреляли и повесили в Галичине, Буковине и Угорской Руси 20000 людей. Сколько русского народа перевешали они во время своего наступления в 1915 и вообще в продолжение 1915, 1916 и 1917 годов, не поддастся никакому исчислению».²⁷³ Дочь Ф. Ф. Аристовой Т. Ф. Аристовой, ссылаясь на показания очевидцев, вспоминала, что «только в одном селении Камен-Броды в Галичине палачи через единственную петлю повесили 70 крестьян на глазах их матерей, жен,

²⁷¹ Magosci P. R. The People from Nowhere. An Illustrated History of Carpatho-Rusyns. P. 67.

²⁷² Лемкин И. Ф. История Лемковины. С. 119.

²⁷³ Меморандум Русского Конгресса в Америке. 13 июля 1917 года, Нью-Йорк // Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931. Roč. 5. Číslo 3. S. 515–516.

детей, а затем убитых докалывали штыками».²⁷⁴ По словам русского журналиста, посетившего Львов сразу после его взятия русскими войсками, «быть арестованным и отведенным в военно-полевой суд, заседавший в каждом местечке, считалось счастьем, ибо в большинстве случаев палачи казнили на месте. Казнили врачей, юристов, писателей, художников, не разбирая ни положения, ни возраста».²⁷⁵

Осмысливая трагедию русинского народа во время Первой мировой войны и роль в ней местных украинцев, галицкие общественные деятели-русофилы писали впоследствии, что «в то время как ... террор в Бельгии или других странах всецело объясним одним фактором — войной..., в отношении Прикарпатской Руси этого недостаточно. Война тут была лишь удобным предлогом, а подлинные причины этой позорной казни зрели у кого-то в уме самостоятельно... Исключительным объектом ... австро-мадьярских жестокостей ... было русское народное движение, т.е. сознательные исповедники национального и культурного единства малороссов со всем остальным русским народом... Прикарпатские «украинцы» были одним из главных виновников нашей народной мариологии во время войны. В их низкой и подлой работе необходимо искать причины того, — отмечали галицкие русофилы, — что карпато-русский народ вообще, а наше русское национальное движение в частности с первым моментом войны очутились в пределах Австро-Венгрии ... на положении казнимого преступника».²⁷⁶ Впрочем, некоторые польские историки, столь трепетные и чуткие к страданиям собственного народа, ставят под сомнение страдания русинов во время Первой мировой войны, по меньшей мере бестактно рассуждая о «мифе мариологии» и о «легенде Талергофа».²⁷⁷

К началу Первой мировой войны проавстрийская украинская ориентация в Восточной Галиции уже пустила достаточно глубокие корни. Мощная волна верноподданнических манифестаций, прокатившаяся в Австро-Венгрии в поддержку правящей династии в конце июля 1914 г., затронула не только собственно австрийские и венгерские земли, но и славянские народы дунайской монархии, включая галицких русинов. Вечером 30 июля 1914 г. во Львове толпа местных русинов «двинулась к городской площади, распевая патриотические песни. Оркестр исполнял гимн австрийских народов и марш Радецкого; народ пел гимн с обнаженной головой... Вышед-

²⁷⁴ Аристов Т. Ф. Федор Федорович Аристов и карпаторусская проблема // Аристов Ф. Ф. Литературное развитие Подкарпатской (Угорской) Руси. М., 1995. С. 10.

²⁷⁵ Голос Москвы. 8 (21) октября 1914 г. №231. С. 4.

²⁷⁶ Военные преступления Габсбургской монархии 1914–1917 гг. Галицкая Голгофа. Книга I. Trumbull, Conn. 1964. С. 9.

²⁷⁷ См.: Moklak J. Republiki łemkowskie 1918–1919 // Wierchy. Kraków., 1994. Rok 59. S. 66.

ший на балкон наместник поблагодарил манифестантов за их лояльность, на что народ ответил громогласным: «Да здравствует Австрия! Да здравствует наш император!»²⁷⁸ Переполненные пламенным австрийским патриотизмом львовяне вряд ли предполагали в то время, что уже через несколько месяцев Галиция будет занята русской армией. Однако связанные с этим мрачные ожидания галичан не оправдались. Чешские газеты со ссылкой на жителей западной Галиции сообщали о в целом корректном поведении русской армии. Так, заняв город Санок, «русские не жгли и не грабили...; не было проявлений какого-либо явного насилия... Впрочем, не обошлось без некоторых связанных с казаками инцидентов, за что их виновники были отстеганы нагайками... В деревнях русские реквизировали скот и зерно, но в большинстве случаев за это платили...».²⁷⁹

Разница между карпатскими русинами и украинцами Восточной Галиции проявилась в их отношении к русской армии, которая с осени 1914 до весны 1915 гг. занимала австро-венгерские территории, населенные русинами. Если австрийские воинские части, сформированные из украинских «сичевых стрельцов» Галиции, оказывали русским войскам наиболее ожесточенное сопротивление,²⁸⁰ то после преодоления Карпат части русской армии встретили доброжелательное отношение карпатских русинов, которые не только помогали русским продовольствием, но и добровольно вступали в русскую армию. Русины часто сообщали русскому командованию о перемещениях австро-венгерских подразделений. В г. Бардейов местные русины раздавали листовки, призывавшие население помогать русским войскам. В ходе отступления русской армии в ее состав влилось много добровольцев из числа карпатских русинов. Только в Воловецком округе вместе с русскими войсками ушли 238 человек.²⁸¹ Весьма сочувственное отношение русская армия встретила и со стороны русинов-лемков Западной Галиции, населявших территории к западу от реки Сан.

Однако и в Восточной Галиции, несмотря на успехи поддерживаемого здесь Веной украинского движения, русофилы продолжали оставаться влиятельной общественной силой, что проявилось после занятия Восточной Галиции русской армией. Так, 9 (22) сентября 1914 г. назначенный генерал-губернатором Галиции граф Г. А. Бобринский принял в своей резиденции во Львове делегацию представителей 19 галицко-русских культурно-просветительных и экономических обществ во главе с доктором В. Ф. Дудыкевичем, бывшим депутатом галицкого сейма и одним из лидеров Русской

²⁷⁸ Čas. 1.08.1914. Číslo 213.

²⁷⁹ Lidové noviny. 26.10.1914. Číslo 296.

²⁸⁰ Тарнович Ю. Люстрована історія Лемківщини. Львів, 1998. С. 217–225.

²⁸¹ Ванат І. Указ. соч. С. 33.

народной партии Галиции, выступавшей с позиций общерусского единства и борющейся с украинским движением. Представители галицких русинов выразили радость в связи с освобождением от австрийского ига и заявили о своих верноподданнических чувствах по отношению к императору Всероссийскому. 15 (28) сентября 1914 г. Николай II в телеграмме генерал-губернатору передал Высочайшую благодарность депутатам русинских организаций.²⁸² По свидетельству М. М. Пришвина, посетившего Восточную Галицию осенью 1914 г., в тылу русской армии было абсолютно безопасно даже в самых «мазепинских местах». Пришвин отмечал, что «почти нигде не было войск, даже разъездов, патрулей, и везде было так, как будто едешь по родной земле, способной нести крест татарского и всякого ига».²⁸³

Во время кратковременного пребывания Галиции под контролем русской армии галицкие политики-руссофилы развернули энергичную деятельность по созданию «карпато-русской добровольческой дивизии — в противоположность поддерживаемому Австрией украинскому движению».²⁸⁴ Активное участие в этом приняли ранее приговоренные австрийским судом к смерти депутаты австрийского парламента галицкие русофилы Курилович и Марков, помилованные австрийцами только благодаря заступничеству испанского короля. Однако когда эта задача уже была близка к выполнению, «русская армия отступила из Галиции; затем последовала революция в России. Эти два события не позволили создать отдельную карпато-русскую добровольческую дивизию...».²⁸⁵

После отступления русской армии русины подверглись массовым преследованиям со стороны австрийских властей. Главной жертвой преследований стали подозревавшиеся в политической неблагонадежности русинское духовенство и русофильская интеллигенция, представители которой были брошены в австрийские концлагеря. В результате массовых репрессий со стороны австро-венгерских властей погибли тысячи русинов. Примечательно, что представители украинской историографии предпочитают не заострять внимание на этой трагической странице в истории карпатских русинов. Те же из украинских историков, кто коротко упоминает об этом, стремится возложить всю ответственность за страдания русинского народа исключительно на «москвофилов», из-за которых «народ, осужденный за государственную измену, оказался в австрийских островах смерти».²⁸⁶

²⁸² Утро России. 16 (29) сентября 1914 г. № 222. С. 2.

²⁸³ Речь. 2 (15) ноября 1914 г. № 296. С. 2.

²⁸⁴ Archiv Ústavu T. G. Masaryka (AÚTGM), fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1918, krabice 400. Report of members of Russian National Council of Carpatho-Russia.

²⁸⁵ Ibidem.

²⁸⁶ Тарнович Ю. Люстрована історія Лемківщини. С. 249.

Массовые репрессии против русинского населения, осуществлявшиеся в крайне жестоких формах, позволяют говорить о том, что антирусинская политика австро-венгерских властей с началом Первой мировой войны начала приобретать формы геноцида. Главной жертвой австро-венгерского террора стала русофильская часть русинского общества, которая в результате широкомасштабных репрессий была сильно ослаблена, а в Восточной Галиции даже перестала существовать как культурный слой, что облегчило окончательную победу поддерживаемых Веней украинофилов.

Трагический опыт массового преследования русинского населения австро-венгерскими властями во время Первой мировой войны вызвал рост антиавстрийских и антивенгерских настроений среди карпатских русинов и радикализировал русинских политиков, которые все чаще связывали политическое будущее русинского народа с выходом из состава Австро-Венгрии. Неблагоприятный для Центральных держав ход Первой мировой войны создавал питательную почву для подобного рода настроений. Инициативу радикального решения русинского вопроса взяли на себя влиятельные политические организации американских русинов, которые, в отличие от своих соотечественников в Австро-Венгрии, имели возможности для активной политической деятельности.

ГЛАВА 3

РАСПАД АВСТРО-ВЕНГРИИ И КАРПАТСКИЕ РУСИНЫ В 1918–1919 ГГ.

«Весь Карпаторусский народ неуклонно желает освобождения Прикарпатской Руси от чужого владычества и ... воссоединения ... Прикарпатской Руси, в ее этнографических границах, с ее старшей сестрой, великой, демократической Россией... Пусть не будет больше двух Русей: Руси свободной и Руси Подъяремной, но да будет единая нераздельная, могучая, свободная Русь».

*(Меморандум Русского Конгресса в Америке.
13 июля 1917 года, Нью-Йорк // Bratislava.
Časopis učené společnosti Šafaříkovy.
1931. Roč. 5. Číslo 3. S. 517–518).*

«Мы ... чувствуем и сознаем себя ... гражданами единого, великого Русского Государства, не признаем на нашей земле никакой мадьярской, польской, габсбургско-украинской и какой бы то ни было чужой власти ...».

*(Меморандум Народного Совета Русского Прикарпатья.
26 декабря 1918 года, город Санок // Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy.
1931. Roč. 5. Číslo 3. S. 530).*

«Все, что было до 1914 года, для всех нас вчерашний день. ... Этот год глубоко и резко надламывает жизнь каждого из нас и завершает ту политическую, духовную и культурную эпоху, которая началась для всей Европы примерно в середине прошлого столетия»,²⁸⁷ — писал в 1915 г. чешский литератор Ф. Крейчи, предчувствуя драматичные последствия начавшейся войны и выражая чувства многих своих современников.

Первая мировая война и последовавший за ней распад Австро-Венгрии осенью 1918 г. в корне изменили государственно-правовое положение карпатских русинов. Если до 1918 г. русины находились в рамках одного государства — империи Габсбургов, то после ее распада русинское население оказалось в составе нескольких новорожденных государств, возникших

²⁸⁷ Цит. по: Urban O. České a slovenské dějiny do roku 1918. Praha, 2000. S. 263.

на ее месте. Бывшая Угорская Русь, занимавшая ранее северо-восточную часть Венгрии, на территории которой проживало наибольшее количество карпатских русинов, вошла в состав Чехословакии. Русины-лемки, проживавшие на северных склонах Карпат в Западной Галиции, оказались в составе Польши. Русины Воеводины вошли в состав Югославии. Часть русинского населения оказалась также в составе Румынии и Венгрии.

Независимая Чехословакия, возникшая 28 октября 1918 г. на обломках Австро-Венгерской империи, была скорее результатом благоприятного для чешских политиков стечения внешнеполитических обстоятельств, прежде всего поражения Германии и Австро-Венгрии в войне и благосклонности Антанты, чем итогом последовательной и целенаправленной национально-освободительной борьбы. По словам Ф. Пероутки, «элемент радикализма стал проникать в чешскую политику только тогда, когда это позволила конъюнктура. До тех пор, пока сохранялась возможность победы Австро-Венгрии, оппортунизм чешской политики был неистребимым явлением».²⁸⁸

Несмотря на периодическую критику и колкости в адрес Австро-Венгрии, чехи были одним из самых лояльных народов империи Габсбургов. Дилемма между чешскими национальными чувствами и служением Вене и габсбургской династии зачастую решалась чешским чиновничеством по формуле одного из гашековских героев, говорившего поручику Лукашу: «Останемся чехами, но никто не должен об этом знать...». До начала Первой мировой войны «все влиятельные политические силы в Чехии рассматривали Австро-Венгрию как весьма удобное государственное образование для достижения своих политических, социально-экономических и культурных целей... В отличие от немцев, югославов, румын и итальянцев, чехи не были охвачены влиянием объединительного движения собственного национального большинства, образовавшего свое собственное государство за пределами Австро-Венгрии. Как финансово-промышленные круги, так и социал-демократы ... считали Австро-Венгрию экономически жизнеспособным и выгодным государственным образованием, в рамках которого ... было возможно достижение прогресса».²⁸⁹

Именно поэтому большинству чехов была чужда мысль о возможности краха Австро-Венгрии, а радикализм чешских политиков отличался «умеренностью и аккуратностью», ограничиваясь лишь планами демократизации и федерализации дунайской монархии. 13 июля 1914 г. чешская пресса в качестве курьеза упомянула опубликованное одной сербской газетой

²⁸⁸ *Peroutka F.* Budování státu 1918–1923. V Praze, 1998. S. 17.

²⁸⁹ Sborník dokumentů k vnitřnímu vývoji v českých zemích za 1. světové války 1914–1918. Svazek I. V Praze, 1993. S. 3.

предсказание о гибели австро-венгерской империи в 1917 году.²⁹⁰ Между тем показавшееся тогда чехам фантастическим пророчество ошиблось лишь на один год в предсказании судьбы империи Габсбургов, которая исчезла с политической карты Европы в 1918 году.

После начала Первой мировой войны проавстрийские инстинкты чешских народных масс, выраженные в расхожей формуле «я австриец и чех», в сочетании с расчетливостью, услужливостью и творчески-наступательным конформизмом большинства чешской интеллигенции проявились в охватившей чешские земли эпидемии доносов и стукачества, волна которых «превысила все существовавшие ранее границы и привела к богатым полицейским уловам».²⁹¹ Полицейский осведомитель Бретшнейдер из романа Гашека «Похождения бравого солдата Швейка», следивший за политической благонадежностью посетителей пражских пивных, был не менее знаковой фигурой тогдашнего чешского общества, чем сам Швейк.

Русофильские настроения среди чешских солдат австрийской армии были переменной величиной, которая варьировалась в зависимости от положения на фронтах, достигая апогея во время русских побед и резко падая в периоды русских поражений. Так, массовая добровольная сдача в плен чешских военнослужащих имела место только в период наибольших военных успехов русской армии весной 1915 г. в Галиции, когда многим казалось, что территория Чехии вскоре будет занята русскими войсками. Проавстрийская лояльность многих чешских чиновников ничуть не помешала им стать ревностными чехословацкими патриотами после распада Австро-Венгрии и образования независимой Чехословакии. Упомянутый Гашеком в своем романе автор книги «Картинки из жизни нашего монарха», прославлявшей деяния императора Франца Иосифа, оказался востребованным и в масариковской Чехословакии, где он стал главным редактором пражского официоза, газеты «Чехословацкая республика».

В роли «отца чехословацкой независимости» Пероутка усматривал «стремление народа к свободе, ранее выраженное за границей и позднее дома», а в роли матери — «распад Австро-Венгерской империи».²⁹² Активное отцовское начало в виде «стремления к свободе» очень долго — вплоть до последнего года Первой мировой войны — проявляло себя в основном за рубежом в дипломатической деятельности Масарика и Бенеша, в то время как в самой Чехии подавляющее большинство политиков занимало пассивно-выжидательную и предельно расчетливую позицию, отваживаясь лишь на то, что позволяла делать без особого риска для собственного благополу-

²⁹⁰ Čas. 13.07.1914. Číslo 191.

²⁹¹ Sborník dokumentů k vnitřnímu vývoji v českých zemích za 1. světové války 1914–1918. S. 10.

²⁹² *Peroutka F.* Budování státu 1918–1923. S. 13.

чия складывающаяся обстановка. Облик, характер и границы чехословацкого государства определялись в кабинетах министров государств Антанты и зависели как от их расположения, так и от дипломатических талантов и политической интуиции Масарика и его окружения и от их способности находить общий язык с западными лидерами, оказываясь в нужное время в нужном месте. В то время как «поляки умудрялись вызывать раздраженные вздохи даже у своих сторонников, чехи грелись на солнце всеобщего согласия... Почти все в Париже любили чехов и восхищались их представителями... Бенеш и Масарик, подчеркивая глубоко укорененные демократические традиции чехов и их неприятие милитаризма, олигархии и крупного капитала, олицетворявших старые Германию и Австро-Венгрию, выглядели убедительно... В отличие от югославов и поляков чехи обладали еще и тем преимуществом, что говорили одним голосом...».²⁹³

Результаты деятельности Масарика и Бенеша за рубежом были, по сути, «талантливым политическим PR-продуктом. Масарику удалось элиминировать потенциально скользкие темы и, напротив, максимально оттенить выгодные для достижения поставленных им целей обстоятельства».²⁹⁴ Огромную роль в PR-проекте Масарика и в популяризации политической программы ранее почти неизвестных в странах Антанты чехословаков сыграло антибольшевистское восстание чехословацкого армейского корпуса в мае 1918 г. в Сибири. Как остроумно заметил современный российский исследователь А. Бобраков-Тимошкин, «завершись война годом раньше, «чехословацкий проект» мог бы остаться не более чем материалом для любителей альтернативной истории...».²⁹⁵

Благодаря установлению эффективной коммуникации с руководством Антанты и дипломатическим талантам Масарика и Бенеша чехословацкое государство возникло сначала на бумаге и лишь существенно позднее — в реальности. Так, чехословацкий Национальный Совет в Париже объявил себя правительством независимого чехословацкого государства и был признан Антантой уже 14 октября 1918 г., т. е. на две недели раньше, чем в действительности возникло возглавляемое этим правительством государство. Кабинетные условия рождения чехословацкого государства и его зависимость от Антанты наложили сильный отпечаток как на решение вопроса о территориальном составе и будущих границах Чехословакии, так и на ее последующую внешнеполитическую жизнеспособность.

²⁹³ *Macmillanová M.* Mírotvorci. Pařížská konference 1919. Praha, 2004. S. 235, 237.

²⁹⁴ *Бобраков-Тимошкин А.* Проект «Чехословакия». Конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1938). М., 2008. С. 36.

²⁹⁵ Там же. С. 19.

К территориям, которые должны были войти в состав чехословацкого государства, чешские политики относили как исторические земли короны чешской, так и Словакию в ее довольно размытых этнографических границах. Масарик также высказывал мысль о возможности присоединения к будущему чехословацкому государству территории Лужицы, ранее входившей в состав земель чешского королевства, если этого захотят сами лужицкие сербы. О присоединении к Чехословакии земель, населенных карпатскими русинами, первоначально не помышляли ни сами русины, ни чешские политики, воспринимавшие области карпатских русинов как территории, исторически принадлежащие России. Это подтверждает «как текст Конституции Славянской империи К. Крамаржа, так и меморандумы Масарика, включая его меморандум «Independent Bohemia», написанный в мае 1915 года. Карта будущего чехословацкого государства, которую Масарик представил в марте 1915 г. в Женеве, свидетельствует, что он предполагал включить в состав Чехословакии только малую часть будущей Подкарпатской Руси; при этом населенные русинами территории северо-восточной Словакии Масарик в состав Чехословакии не включал...».²⁹⁶ Но стремительное изменение международной обстановки и положения в России, присоединения к которой первоначально добивались карпатские русины, а также развитие событий в населенных русинами областях бывшей Австро-Венгрии заставило как чешских, так и русинских политических деятелей внести серьезные коррективы в свои первоначальные замыслы.

В отличие от Чехословакии, возникшей на территории, ранее полностью входившей в состав Австро-Венгрии, польские земли были разделены между Германией, Австро-Венгрией и Россией, что обусловило более сложные условия возрождения польской государственности, идею которой пытались использовать в своих интересах как Центральные державы, так и страны Антанты. В августе 1914 г. после выступления в Государственной Думе польских депутатов, выразивших верность союзу с Россией, великий князь Николай Николаевич издал манифест, в котором говорилось о необходимости объединения всех польских земель и создании автономной Польши в составе Российской империи.

В свою очередь, оккупировав Царство Польское, Германия и Австро-Венгрия в ноябре 1916 г. издали прокламацию, провозглашавшую создание польского государства — наследственной монархии, находящейся в союзе с Центральными державами. До избрания короля во главе провозглашенного государственного образования был поставлен Регентский совет, который в ноябре 1918 г. после военного поражения Германии и Австро-Венгрии

²⁹⁶ *Švorc P.* Zakletá zem. Podkarpatská Rus 1918–1946. Praha, 2007. S. 44.

передал власть Ю. Пилсудскому, ставшему «начальником» новорожденного польского государства и главнокомандующим польской армии.

Если ведущие чешские политики во главе с Масариком с самого начала ориентировались на Антанту, то среди польских политических деятелей имели место противоречия и раздвоенность. В то время как польские национальные демократы во главе с Р. Дмовским, считая главным врагом Германию, ориентировались на Россию, стремясь к объединению польских земель под российским контролем, польские социалисты и сторонники Пилсудского рассматривали поражение России как главное условие достижения польской независимости, первоначально поддерживая Центральные державы. За несколько лет до начала Первой мировой войны Пилсудский приступил к формированию польских легионов в Галиции, которые позднее приняли участие в войне с Россией на стороне Австро-Венгрии.

Определение границ польского государства носило значительно более сложный и затяжной характер, чем становление границ Чехословакии, которые определялись в соответствии с принципом чешских исторических границ и с принципом этнических границ в Словакии, который, впрочем, был серьезно нарушен в пользу Чехословакии. Национальные демократы во главе с Дмовским стремились к максимально однородному по этническому составу государству, однако поскольку в силу исторически и географически сложившихся причин это было трудноосуществимо, они считали, что Польша должна включать не только этнически польские районы, но и области с сильным польским этническим элементом. По мнению Дмовского, возрождающаяся Польша должна была включать австрийскую Польшу с Галицией и частью австрийской Силезии, немецкую Польшу с Познанщиной, Западной Пруссией, Гданьском, Верхней Силезией и южной частью Восточной Пруссии, а также российскую Польшу с Царством Польским, Ковенской, Виленской, Гродненской губерниями, частью Минской губернии и Волынью.²⁹⁷

Политический оппонент Дмовского Пилсудский, также демонстрируя изрядные территориальные аппетиты и усматривая главную опасность на востоке, считал целесообразным максимально ослабить Россию. Пилсудский стремился к воссозданию многонациональной Речи Посполитой в виде федерации Польши, Литвы и Белоруссии, которая находилась бы в военно-политическом союзе с Украиной, направленном против России.

Возрождение польской государственности «было одним из наиболее значительных событий на Парижской мирной конференции, которое явилось причиной бесконечных проблем».²⁹⁸ В вопросе польских границ,

²⁹⁷ См.: *Dmowski R. Polityka polska i odbudowanie państwa*. Warszawa, 1926. S. 447.

²⁹⁸ *Macmillanová M. Mírotvorci. Pařížská konference 1919*. S. 215.

который относился к наиболее сложным проблемам в послевоенной Европе, западные державы в качестве главного критерия выдвинули этнический принцип. Однако если при определении своих северных, западных и южных границ Польша была вынуждена считаться с провозглашенным в Версале этническим принципом, то граница на востоке определялась исключительно силой польского оружия и чередой польских военных авантюр, которые игнорировали тринадцатый пункт программы Вильсона, предполагавшего, что независимая Польша будет включать «беспорно» польские территории.

По справедливому замечанию М. Макмиллан, «найти в средней Европе какие-либо «беспорные» территории всегда было нелегко. Поляки все усложняли еще и тем, что не могли договориться друг с другом... После окончания войны в Польше было два потенциальных правительства в Париже и в Варшаве, а также два противостоящих друг другу вождя, каждый из которых имел свои вооруженные силы. Все это резко контрастировало с чехами, говорившими одним ясным голосом».²⁹⁹

* * *

В последние годы Первой мировой войны, когда поражение Германии и Австро-Венгрии становилось все более очевидным, многочисленная и влиятельная русинская эмигрантская община в США начинает играть все более заметную роль в решении политических судеб карпатских русинов. Первоначальные представления лидеров русинской эмиграции в США о послевоенном политическом устройстве своих соотечественников в Европе определялись сильными русофильскими настроениями, доминировавшими среди американских русинов.

В мае 1917 г. в Нью-Йорке был создан Союз Освобождения Прикарпатской Руси, главная цель которого была предельно четко выражена в его названии. 13 июля 1917 г. на конгрессе американских русинов, созванном Союзом Освобождения Прикарпатской Руси, был принят меморандум, «посвященный свободному русскому народу в России, русскому Учредительному Собранию и русскому правительству». Среди многочисленных подписантов этого документа были русинские политические организации Америки («Союз Освобождения Прикарпатской Руси», «Русская Народная Организация в Америке» и «Американско-Русская Народная Обрана»); русинские газеты, издававшиеся в США («Новая Русь», «Свет», «Правда», «Народная Обрана»,

²⁹⁹ *Ibidem*. S. 217–218.

«Американский Русский Вестник» и др.); а также русинские рабочие, культурные и религиозные общества («Соединение Греко-Католических Русских Братств», «Русское Православное Общество Взаимопомощи», «Греко-католическое Православное Соединение», «Американский Русский Сокол», «Русско-Галицкий Клуб», «Товарищество Русских Галичан» и многие другие). Кроме того, меморандум был подписан 51 представителем православного и грекокатолического духовенства, имевшим большое влияние на американских русинов.

Авторы меморандума констатировали, что «Великий русский народ в России уже сам скинул тяготы ненавистного старого режима и ... пользуется всеми благами свободы», подчеркнув при этом продолжающееся «тяжелое иноземное рабство четырех миллионов русских людей в исконно русских землях, находящихся еще в тяжелой австро-мадьярской неволе».³⁰⁰ Подробно остановившись на самых жестоких проявлениях антирусинской политики Вены и Будапешта и на страданиях русинского населения в Австро-Венгрии, авторы документа провозглашали: «Весь карпаторусский народ всей душой протестует против того, чтобы Прикарпатская Русь, под каким бы то ни было видом, входила в состав немецкой, мадьярской или будущей польской державы... Наоборот, — говорилось в меморандуме, — Русский Конгресс от имени всего своего народа торжественно и единодушно заявляет, что весь Карпаторусский народ неуклонно желает освобождения Прикарпатской Руси от чужого владычества и, при предоставлении ей широкого самоуправления, воссоединения ... Прикарпатской Руси, в ее этнографических границах, с ее старшей сестрой, великой, демократической Россией. Карпаторусский народ хочет быть в тесном единении с остальным русским народом, хочет жить с ним одной общей жизнью... Пусть не будет больше двух Русей: Руси свободной и Руси подъяремной, но да будет единая нераздельная, могучая, свободная Русь»³⁰¹.

Настроение участников Русского Конгресса удачно передал один из его организаторов и председатель Петр Гаталяк, который, вспоминая о событиях лета 1917 г., писал в 1930-е годы, что «это была настоящая революция в сердцах и в мыслях... Те, кто до этого времени боялись венгров, начали открыто агитировать за отделение Угорской Руси от Венгрии. Лозунг «дойой Венгрию» стал массовым... Было вполне естественно, что мы, как русские, хотели в то время присоединиться к России. Мне с большим трудом удалось убедить конгресс в том, чтобы присоединение Карпатской Руси к России было обусловлено предоставлением Карпатской Руси широкого самоуправ-

³⁰⁰ Меморандум Русского Конгресса в Америке. 13 июля 1917 года, Нью-Йорк // Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931. Roč. 5. Číslo 3. S. 512.

³⁰¹ Ibidem. S. 517–518.

ления...».³⁰² Самое первое проявление политической активности карпатских русинов, таким образом, апеллировало к единству с Россией и усматривало политическое будущее русинского народа в составе «великой, демократической» России, хотя и на условиях «широкого самоуправления». Примечательно, что лидеры американских русинов в это время практически отождествляли карпатских русинов с русскими и говорили не просто о единстве с русским народом, но о «воссоединении» с «великой, демократической Россией».

В годы Первой мировой войны русинская пресса в Северной Америке живо обсуждала возможные последствия войны, высказывая пожелание о том, чтобы земли карпатских русинов были присоединены к России. Газета «Народная Обрана», орган влиятельной среди североамериканских русинов «Американско-Русской Народной Обраны», отстаивая необходимость присоединения Карпатской Руси к России, писала в августе 1917 г., что «присоединение к русским владениям вотчин св. Владимира, Руси Червоной и Карпатской — утвердит на долгие века верховодящую роль России в славянстве, оспариваемую Австрией и Германией... Воссоединение Прикарпатской Руси диктуется ... не какими-нибудь корыстными целями, а целями этическими и стратегическими, целями самообороны... В Галиции был создан головной операционный базис против России... Там свили себе гнездо ... польские «ягеллоновцы», мечтающие о воскресении, с немецкой помощью, исторической Речи Посполитой со включением Бело- и Малороссии. Там дало буйные всходы семя «мазепинства», созданное для расчленения ... единого русского народа... Австрийский империализм, — заключала североамериканская «Народная Обрана», — был построен на «ягеллонстве» и «мазепинстве».³⁰³

Однако неустойчивость положения в России после Февральской революции и последующий приход к власти большевиков заставили американских русинов изменить свое первоначальное решение. Любопытно, что предостережения американским русинам по поводу их стремления связать судьбу Карпатской Руси с Россией были высказаны сотрудниками британского посольства в США. На встрече с русинскими деятелями британские дипломаты поставили под сомнение надежды американских русинов на стабилизацию положения в России после Февральской революции, предсказав анархию и хаос и высказав мысль, что Карпатской Руси было бы спокойнее в составе «другого государства, например, Польши». П. Гаталяк,

³⁰² Hatalák P. Jak vznikla myšlenka pripojiti Podkarpatskou Rus k Československu. Užhorod, 1935. S. 13–14.

³⁰³ Народна Обрана. Homestead, PA. August 7, 1917. №5.

вспоминая о контактах с британскими дипломатами, восторгался их способностью «видеть дальше, чем все остальные люди».³⁰⁴

Единодушие, с которым представители различных русинских обществ и организаций Америки, объединившись на Русском Конгрессе в июле 1917 г., выступали за присоединение карпатских русинов к России, было нарушено после прихода к власти в России большевиков. Это событие надолго спугало карты русинским политикам, многие из которых резко изменили свое отношение к России. «Славянские народы мира стонали под иноземным гнетом. Независимым, могучим и богатым был только один брат, великоросс. Надежда всех Славян сосредоточилась на России. Но все оказалось не так... Россия — не надежда, а стыд и погибель Славянства»³⁰⁵ — эмоционально писал 27 марта 1919 г. «Американский Русский Вестник». Общественные деятели американских русинов внимательно наблюдали за развитием ситуации на фронтах Первой мировой и за положением в Австро-Венгрии, пытаясь определиться в своих внешнеполитических предпочтениях.

«После длительных раздумий мы пришли к выводу о том, что строить планы в отношении независимого украинского государства было бы неверным, ... поскольку такое государство долго не продержится, — вспоминал П. Гаталяк. — Возможность присоединения к польскому государству мы вообще не рассматривали. Собственную независимость мы тоже всерьез не обсуждали... Мы не обладали ни армией, ни собственным чиновничеством; народ также не был подготовлен к независимости».³⁰⁶ Одним из первых мысль о создании славянского чехословацко-русинского государства высказал сам П. Гаталяк в начале 1918 г. в меморандуме секретарю чехословацкой Национальной Рады в Нью-Йорке К. Перглеру, который переправил этот документ Масарику, находившемуся в то время на юге России.³⁰⁷

30 мая 1918 г. лидеры «Американско-Русской Народной Обраны» в Питтсбурге обратились к Масарику с предложением принять русинские земли, включая территорию Галиции, в состав будущего Чехословацкого государства. Однако данная инициатива в то время оказалась неостребованной. После прихода к власти в России большевиков и начала гражданской войны доминировавшая ранее пророссийская ориентация большинства русинских организаций США резко ослабевает, уступая место новым внешнеполитическим приоритетам. Наряду с прочехословацкой, среди различных русинских организаций в Америке наметились и другие ориентации. Группа вокруг епископа Ортынского выступала за объединение русинов Гали-

³⁰⁴ Hatalák P. Jak vznikla myšlenka pripojiti Podkarpatskou Rus k Československu. S. 16–17.

³⁰⁵ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 27 marca, 1919. № 12.

³⁰⁶ Hatalák P. Jak vznikla myšlenka pripojiti Podkarpatskou Rus k Československu. S. 21.

³⁰⁷ Ibidem. S. 22.

ции, Угорской Руси и Буковины и за их вхождение в состав Украины. Проукраинская деятельность Ортынского в США встретила с ожесточенным сопротивлением русинского грекокатолического духовенства, настроенного в основном русофильски. «Американский Греко-Католический Союз» во главе с питтсбургским адвокатом Григорием Жатковичем первоначально склонялся к автономии русинов в рамках Венгрии. П. Гаталяк позднее упрекал Жатковича в провенгерских настроениях, которые изменились лишь к сентябрю 1918 г.

23 июля 1918 г. в г. Хоумстед (Homestead) была основана Американская Народная Рада угро-русинов, ведущую роль в которой вскоре стал играть Г. Жаткович. Новообразованный орган выражал интересы только той части русинской диаспоры США, которая состояла из уроженцев Угорской Руси, дистанцируясь от галицких лемков. 1 октября 1918 г. в Скрэнтоне Американская Народная Рада угро-русинов одобрила меморандум президенту США В. Вильсону о будущем политическом устройстве угорских русинов в Европе, автором которого был Г. Жаткович. Меморандум, коротко остановившись на истории угорских русинов и их современном положении в США и Европе, подчеркивал, что предки современных угорских русинов на протяжении веков «обладали правом на самоуправление, которое они постепенно утратили. То, что угро-русины заслуживали самоуправления, было признано самими венграми... Венгерская конституция 1868 г. гарантировала угро-русинам право на автономию, однако это право не было реализовано...»³⁰⁸

Первый пункт данного меморандума требовал признания Карпатской Руси независимым суверенным государством. Второй пункт предусматривал образование общего государства карпатских, галицких и буковинских русинов в случае невозможности создания карпаторусского государства. Наконец, третий пункт меморандума Жатковича содержал положение о том, что Карпатская Русь останется в составе Венгрии в качестве автономной единицы в том случае, если оба предыдущих пункта не будут реализованы. По вполне обоснованному мнению П. Гаталяка, меморандум Жатковича в действительности был хитростью, преследовавшей цель оставить Карпатскую Русь в составе Венгрии, поскольку требования какой-либо независимости русинов, содержащиеся в двух первых пунктах, были заведомо невыполнимыми.³⁰⁹

21 октября 1918 г. состоялась встреча Вильсона с руководством Американской Народной Рады угро-русинов, на которой американскому президенту был представлен подготовленный Жатковичем меморандум. Однако

³⁰⁸ Archiv Ústavu T. G. Masaryka (AÚTGM), fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1918, krabice 400. Memorandum from the American National Council of Uhro-Rusins, to His Excellency Woodrow Wilson, President of the United States of America.

³⁰⁹ Hatalák P. Jak vznikla myšlenka pripojiti Podkarpatskou Rus k Československu. S. 32.

положения меморандума не нашли поддержки у Вильсона. Президент США заявил, что Карпатская Русь будет отделена от Венгрии, порекомендовав русинским деятелям установить связь с чехами и словаками в форме автономии, поскольку возникновение независимого русинского государства было нереальным. Поняв внешнеполитические предпочтения американского президента, Жаткович установил контакты с Масариком, который к тому времени прибыл из России в США, где, пользуясь тесными связями с Вильсоном и другими американскими политиками, готовил учредительный съезд Среднеевропейского Союза угнетенных народов. Внешнеполитическая интуиция Масарика и его умение завязывать отношения с нужными политическими лидерами явились одним из существенных факторов, предопределивших возникновение независимого чехословацкого государства. «Вильсон, будучи философом, играл решающую роль, важность которой возрастала; Масарик, тоже философ, из всех чехов обладал наибольшей способностью правильно выбрать именно тот язык, который мог затронуть сердце американского президента, — отмечал Ф. Пероутка. — Контекст, в который он включил чешский вопрос и правду, право и демократию, в 1918 г. имел наибольшие дипломатические успехи».³¹⁰

Русины вошли в Среднеевропейский Союз угнетенных народов, приняв участие в учредительном съезде Союза, который состоялся в конце октября в Филадельфии. За три дня до провозглашения независимой Чехословакии, 25 октября 1918 г., лидеры Американской Народной Рады угро-русинов обратились к Масарику с предложением о присоединении подкарпатского русинского народа к чехословацкому государству на условиях автономии. В ходе контактов Масарика с представителями русинской диаспоры в США проявились противоречия между различными организациями карпатских русинов. Н. Пачута, президент Американско-Русской Народной Обраны, соперничавший с Американской Народной Радой угро-русинов, пытался предостеречь Масарика от контактов с данной организацией. В своем послании Масарику в октябре 1918 г. Пачута писал, что «Американская Народная Рада угро-русинов является продуктом грекокатолических священников Америки», созданным с единственной целью «сохранения привилегий церкви на исторической родине и привнесения религии в политику».³¹¹ По словам Пачуты, «почти все основатели этой организации лишь подставные лица, обязанные своим положением различным организациям, чьи требования они всегда были готовы выполнить».³¹² Отвергая обвинения Пачуты как ложные и необоснованные, Жаткович, в свою очередь, обвинял его в финан-

³¹⁰ *Peroutka F.* Budování státu 1918–1923. S. 41.

³¹¹ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1918, krabice 400.

³¹² *Ibidem.*

совых махинациях и выражал свое несогласие с тем, что Пачута называет угро-русинов «русскими из Венгрии».³¹³

Во время встречи делегации Американской Народной Рады угро-русинов с Масариком 28 октября 1918 г. было достигнуто принципиальное соглашение о присоединении населенных русинами областей северо-восточной Венгрии к Чехословакии. В ходе обсуждения деталей предстоящего объединения один из членов русинской делегации заявил, что русины требуют для себя территорию «от Попрада до Тисы», выразив при этом сомнение в возможности договориться о границах со словаками, поскольку на чехословацких картах они забрали себе «половину русинских земель». В ответ на это замечание Масарик лишь весьма туманно пообещал, что «границы будут определены удовлетворительным для русинов образом».³¹⁴

В 1921 г., вспоминая о своей встрече с Масариком 25 октября 1918 г. в Филадельфии, Г. Жаткович писал, что в ответ на вопрос о будущих границах Подкарпатской Руси Масарик ответил: «Границы будут установлены таким образом, что русины будут удовлетворены».³¹⁵ В этом же разговоре Масарик пообещал своим собеседникам-русинам, что если русины решат присоединиться к Чехословацкой республике, то они «образуют вполне автономное государство».³¹⁶ Подобные заявления из уст будущего чехословацкого президента способствовали появлению у русинских политиков завышенных ожиданий в отношении территории и статуса автономного русинского образования в составе Чехословакии. Так, на подготовленной в 1918 г. Жатковичем карте западная граница «Русинии» включала территорию венгерских жуп Спиш, Абау и Боршод, захватывая города Кошице и Левочу.³¹⁷ Территория автономной «Русинии» в представлении Жатковича и его сторонников почти в два раза превышала территорию образованной позднее в рамках Чехословакии Подкарпатской Руси. В любом случае в ходе переговоров русинских деятелей с Масариком в конце октября 1918 г. никаких письменных соглашений по вопросу будущей русинско-словацкой границы в составе Чехословакии заключено не было, что создало питательную почву для последующих споров русинских и словацких политиков по поводу границы между Подкарпатской Русью и Словакией.

Во время переговоров с лидерами североамериканских русинов в США Масарик был прежде всего заинтересован в принципиальной договореннос-

³¹³ *Ibidem.*

³¹⁴ *Magosci P. R.* The Shaping of a National Identity... P. 84.

³¹⁵ *Exposé Dr. G. I. Žatkoviča, bývšeho gubernatora Podkarpatskoj Rusi, o Podkarpatskoj Rusi. Homestead, 1921. S. 5.*

³¹⁶ *Ibidem.* S. 5.

³¹⁷ *Magosci P. R.* The People from Nowhere. An Illustrated History of Carpatho-Rusyns. P. 71.

ти о вхождении Угорской Руси в состав Чехословакии, прекрасно отдавая себе отчет в геополитической важности русинских областей для Чехословацкой республики. «Угро-русины предлагают федерацию с нашим государством, — сообщал Масарик в Париж Бенешу в своем письме 28 октября 1918 г., делясь итогами только что прошедших переговоров с представителями североамериканских русинов. — Если бы было возможно присоединить угро-русинов к нам, то мы стали бы соседями Румынии... Но в данном вопросе требуется осторожность, дабы не вызвать враждебной реакции со стороны украинцев в Галиции».³¹⁸ В следующем письме Бенешу из Нью-Йорка 7 ноября 1918 г. Масарик вновь констатирует: «Угро-русины хотят к нам... Они еще не разбужены, но представляют собой хороший материал... Тем самым мы получили бы связь с румынами».³¹⁹ Судя по письмам Масарика Бенешу, область карпатских русинов интересовала будущего президента Чехословакии в первую очередь как геополитически важный регион, обеспечивающий территориальную связь Чехословакии с союзной Румынией. Представления русинских политиков о территории и статусе будущей автономной русинской единицы Масарик, красноречиво отзывавшийся о русинах как о «хорошем», но «не разбуженном материале», вряд ли воспринимал всерьез, давая любые обещания, чтобы добиться согласия русинов на вхождение в состав Чехословакии.

12 ноября 1918 г. в Скрэнтоне (Scranton) Американская Народная Рада угро-русинов одобрила план вхождения угорских русинов в состав Чехословакии и предложение Жатковича о проведении референдума по этому вопросу среди проживавших в Америке угорских русинов. Данные планы были с энтузиазмом поддержаны Масариком. «Я с большим удовольствием узнал о том, что Вы готовите плебисцит по поводу присоединения к нашему государству, — писал Масарик Жатковичу 19 ноября 1918 г. из Нью-Йорка. — Конечно же, окончательные решения будут приняты нашими народами; отложенный вопрос о границе будет решен. Я надеюсь, что мы достигнем согласия... Я сделаю все, что в моих силах, для удовлетворения Ваших и наших национальных интересов. Я счастлив, что украинцы дружелюбно отнеслись к нашим переговорам».³²⁰ Судя по всему, во время своего пребывания в США Масарик стремился добиться положительного отношения украинцев к присоединению Угорской Руси к ЧСР, имея активные контакты не только с русинами, но и с представителями украинского движения. Об этом свидетельствует сохранившееся в его архиве большое количество визитных карточек украинских деятелей США с пометками, сделанными рукой Масарика.

³¹⁸ Hořec J. První kroky svobody. Podkarpatská Rus 1918–1920. Praha, 1999. S. 9.

³¹⁹ Ibidem. S. 10.

³²⁰ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1918, krabice 400.

Референдум состоялся во второй половине ноября 1918 г. уже после провозглашения независимой Чехословакии. Около 67% участников референдума высказались за присоединение к ЧСР, 28% — за присоединение к Украине, и только по 1% — за присоединение к Венгрии и большевистской России.³²¹ Голосование было непрямым; по предложению Жатковича, каждая русинская община или приход получали один голос на каждые десять своих членов. Серьезным изъяном механизма голосования было то, что в нем приняло участие менее половины существовавших в то время в США русинских общин и приходов. Так, из 837 приходов Грекокатолического Союза только 372 приняли участие в плебисците.³²² Кроме того, в голосовании не участвовали православные русины.³²³ Тем не менее, вопреки весьма спорной репрезентативности данного референдума, его итоги активно использовались впоследствии чехословацкими политиками как одно из главных свидетельств легитимности присоединения русинов к Чехословакии.

В отличие от американских русинов, прочехословацкой ориентации которых в известной степени способствовала «подсказка» президента Вильсона, процесс переориентации на Прагу карпатских русинов в Европе протекал значительно медленнее. В самой Венгрии русины стали проявлять политическую активность только осенью 1918 г. уже после распада Австро-Венгерской империи. В результате активизации русинского национально-государственного движения был образован целый ряд русинских народных рад, главными из которых были рады в Прешове (рус. Пряшив), Ужгороде и Хусте.

Прешовская Русская Народная Рада во главе с известным русофилом Антонием Бескидом, образованная 8 ноября 1918 г. Е. Невицким в восточнословацком г. Любовня и позднее перенесшая свою деятельность в Прешов (рус. Пряшив), первоначально обходила стороной вопрос о присоединении русинских земель к какому-либо государству. В своей декларации от 19 ноября 1918 г. Русская Народная Рада в Прешове, ссылаясь на пункты Вильсона, требовала «для русинов в этнографических границах право свободного самоопределения», «полную национальную свободу» и возможность изложить свои требования на мирной конференции. Кроме того, лидеры Прешовской Народной Рады протестовали против того, чтобы «нас по отдельности или против нашей воли к чужим народам присоединили».³²⁴ Авторы документа рассматривали карпатских русинов как часть единого русского

³²¹ Raušer A. Připojení Podkarpatské Rusi k československé Republice // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi. V Bratislavě. 1936. S. 63.

³²² Magocsi P. R. The Shaping of a National Identity... P. 85.

³²³ Švorc P. Op. cit. S. 48.

³²⁴ Bratislava. Časopis učení společnosti Šafaříkovy. 193 I. Roč. 5. Číslo 3. S. 524.

народа. «Мы... заранее протестуем против всякого ... стремления, которое бы могло подкарпатский народ наш русский разорвать или против его воли куда-либо включить, — говорилось в декларации. — Мы в этом вопросе хотим быть услышанными, как и другие народы, живущие в Угорском крае... Мы желаем полную свободу и полное самоопределение в наших этнографических границах».³²⁵ Декларация также призывала к единству всех русинов и к основанию в каждом селе сельских рад, которые должны были присоединиться к центральной русинской раде. О каком-либо стремлении присоединиться к Чехословакии в этом документе не упоминалось.

Активную политическую деятельность в это время развернули и северные соседи русинов Пряшевщины — русины-лемки, населявшие гористые карпатские области западной Галиции. 5 декабря 1918 г. в Лемковской Руси был образован Русский Совет Лемковщины, который с самого начала проявлял интерес к объединению русинов-лемков с угорскими русинами. 21 декабря 1918 г. на съезде в восточнословацком г. Кошице Русский Совет Лемковщины объединился с Прешовской Русской Народной Радой, в результате чего возникла единая Карпато-русская Народная Рада, выступавшая от имени не только угорских русинов Пряшевского края, но и от имени русинов-лемков. На съезде в Прешове 31 января 1919 г. Карпато-русская Народная Рада приняла решение о необходимости добиваться присоединения Подкарпатской Руси и Лемковской Руси к Чехословакии. Таким образом, вплоть до конца января 1919 г., т. е. до того момента, когда в Прешове стало известно о решении американских русинов присоединиться к Чехословакии, карпатские русины не обнаруживали какого-либо стремления войти в состав чехословацкого государства, подчеркивая вместо этого свое право на самоопределение и заявляя о необходимости общерусского единства.

Политическое движение на Лемковине с самого начала было ориентировано на Россию и на объединение с пророссийски настроенными угорскими русинами, а не с образованной в ноябре 1918 г. Западноукраинской Народной Республикой (ЗУНР). Принятое 5 декабря 1918 г. на съезде в западнолемковском городке Флоринка, в котором участвовали 500 делегатов от 130 лемковских сел, решение образовать самоуправляющуюся лемковскую административно-территориальную единицу, положило начало существованию Русской Народной Республики Лемков во Флоринке. Исполнительную власть данного административного образования представлял Начальный Совет во главе с грекокатолическим священником М. Юрчакевичем, а законодательную власть — Русса Рада во главе с адвокатом Я. Ка-

³²⁵ Ibidem. S. 525.

чмарчиком.³²⁶ Первыми шагами руководства лемковской республики было создание национальной гвардии и организация школ и кооперативов.³²⁷ В школах в качестве языка обучения вводился русский язык; в церковной сфере предпринимались попытки приблизить грекокатолическую литургию к православию.³²⁸

Во внешнеполитической сфере руководство лемковской республики стремилось к административному объединению карпатских и галицких русинов и к их совместному вхождению в состав России, апеллируя к опыту 1914–1915 гг., когда Галиция была занята русской армией. Неделю спустя после съезда во Флоринке лидеры лемковской республики присоединились к другим галицким политикам-русофилам, образовавшим в г. Санок Народный Совет Русского Прикарпатья, который, представляя население Червонной, Угорской и Буковинской Руси и надеясь на «восстановление порядка в Русском Государстве», в своем меморандуме от 26 декабря 1918 г. писал: «Царское правительство ... долго не обращало внимания на своих единокровных русских братьев в Прикарпатье. И только в последнее время, стараясь исправить свою роковую ошибку..., устами министра Сазонова ... провозгласило в 1914 г. присоединение Прикарпатья к великой Русской Империи. Имеем надежду, что Державная Русь останется в эту важную минуту верной своим словам... Мы, — завершали свое послание лидеры Народного Совета Русского Прикарпатья, — чувствуем и сознаем себя ... гражданами единого, великого Русского Государства, не признаем на нашей земле никакой мадьярской, польской, габсбургско-украинской и какой бы то ни было чужой власти ... и ожидаем, что победоносные коалиционные государства, поддерживая русский народ в его усилиях к восстановлению порядка в Русском Государстве, уже в непродолжительном времени дадут русскому народу Прикарпатья, как самой западной части этого государства, возможность избавиться от посягающих на его землю алчных соседей».³²⁹

Свою подпись под этим красноречивым документом поставили не только лидеры галицких русофилов и руководители лемковской республики во Флоринке, но и представители Прешовской Народной Рады (товарищи председателя Прешовской Народной Рады Е. Невицкий и М. Михалич), а также председатель Народной Рады в Золочеве И. Дрогомирецкий и председатель Народной Рады в Коломые Р. Кокотайло. Подписи руководителей

³²⁶ Magosci P. R. The Ukrainian Question Between Poland and Czechoslovakia: The Lemko Rusyn Republic (1918–1920) and Political Thought in Western Rus'-Ukraine // Nationalities Papers. XXI, 2. N. Y., 1993. P. 97.

³²⁷ Ibidem.

³²⁸ Moklak J. Republiki lemkowski 1918–1919 // Wierchy. Kraków, 1994. Rok 59. S. 68.

³²⁹ Bratislava. Časopis učení společnosti Šafaříkovy. 1931. Roč. 5. Číslo 3. S. 530.

народных рад из восточногалицких городов Золочева и Коломыи свидетельствовали о том, что русофильство продолжало сохранять свое влияние и в некоторых регионах Восточной Галиции, ставшей к тому времени бастионом украинского национального движения.

На съезде галицких русофилов в Санокке был выбран делегат на Парижскую мирную конференцию, которым стал юрист Д. Марков, бывший депутат австрийского и галицкого парламентов. Прибыв в Париж 21 февраля 1919 г., Д. Марков установил там контакты с лидерами американских русинов-галичан, в результате которых был образован Карпаторусский Комитет в Париже, развернувший бурную деятельность среди союзников. Цель комитета состояла в присоединении всей Карпатской Руси к России.³³⁰ Так, 25 марта 1919 г. Карпаторусский Комитет в Париже обнародовал декларацию, подчеркивавшую, что русский народ составляет большинство населения Галиции, Буковины и Закарпатья и стремится к присоединению к России. В декларации критиковался «польский империализм», а также «изобретенное немцами и не имеющее поддержки в народе украинское движение».³³¹ Однако единственными союзниками Карпаторусского Комитета в Париже были только русские политики, связанные с белым движением и не имевшие реального влияния на решения мирной конференции.

Деятельность Карпаторусского Комитета, представленного главным образом галицкими русофилами, была направлена на присоединение к России всей Карпатской и Галицкой Руси и претендовала на выражение интересов всех карпатских и галицких русинов. Это объективно противоречило целям делегации американских угро-русинов во главе с Жатковичем и Гардошем, которая вместе с чехословацкими представителями на мирной конференции добивалась присоединения Угорской Руси к Чехословакии. Из политических деятелей Угорской Руси наибольшую идейную близость к Карпаторусскому Комитету демонстрировал глава Прешовской Рады русофил А. Бескид, у которого по этой причине вскоре возникли разногласия с Жатковичем и его сторонниками.

Стремление к объединению с Россией было характерно и для оказавшихся в России карпатских и галицких русинов, в основном бывших военнослужащих австро-венгерской армии. 20 августа 1918 г. находившиеся в Челябинске русины образовали Союз Освобождения Прикарпатской Руси. 5–6 октября 1918 г. по инициативе Союза Освобождения Прикарпатской Руси в Челябинске был организован съезд представителей всех карпаторусских организаций в Сибири. Съезд, осудив планы создания независимого

³³⁰ *Horbal B. Sprawa łemkowska na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 r. // Wrocławskie Studia Wschodnie. Wrocław, 2004. S. 140–141.*

³³¹ *Ibidem. S. 143.*

украинского государства, определил своей главной задачей «освобождение Прикарпатской Руси от австрийского и немецкого ига» и «присоединение Прикарпатской Руси к России», констатируя, что отношение Прикарпатской Руси и остальной России будет определено общерусским законодательным собранием.³³² «Население Карпатской Руси постоянно вело борьбу за русские идеалы, — подчеркивалось в заключительной резолюции съезда. — На основании права народов на самоопределение съезд требует присоединения Прикарпатской Руси, т.е. Галиции, Буковины и северной Венгрии, населенных русским народом, к России. От имени карпаторусов, являющихся частью малорусских народов, съезд провозглашает, что создание независимого украинского государства смертельно как для малорусов, так и для великорусов...».³³³ На съезде была образована Центральная Карпаторусская Рада во главе с А. В. Копыстянским, задача которой состояла в достижении провозглашенных на съезде целей. Деятельность рады с самого начала была под контролем Министерства иностранных дел правительства Колчака и полностью зависела от его успехов.

Стремление к воссоединению с Россией, которое длительное время демонстрировали русинские политики, прежде всего лемки, оказалось иллюзией. Гражданская война в России вынудила лидеров лемковского движения сменить внешнеполитические приоритеты и переориентироваться на Чехословакию. Данные планы активно поддержала Карпато-русская Народная Рада в Прешове, лидер которой А. Бескид вместе с представителем лемков Д. Собиным 12 марта 1919 г. направил чехословацкому правительству меморандум, где констатировалась «угроза самому существованию русского народа Лемковины в условиях польских зверств» и выражалась просьба присоединить «северокарпатскую часть русской ветви» вместе с угро-русинами южных склонов Карпат к Чехословакии, где будет обеспечена их «свобода и автономная независимость».³³⁴ Меморандумы аналогичного содержания были отправлены 20 апреля 1919 г. Парижской мирной конференции и 1 мая 1919 г. — американскому президенту Вильсону.

В меморандуме, отправленном Вильсону Прешовской Карпато-русской Народной Радой, содержалась просьба «не разрывать карпатских русинов на части» и не отдавать северную лемковскую часть Карпатской Руси под польское господство, где «положение русинов лишь ухудшится».³³⁵ Меморандум констатировал, что вся Карпатская Русь является «одним недели-

³³² См.: *Harbul'ová L. Miesto karpatoruskej otázky v zahraničnopolitických plánoch vlády A. V. Kolčaka // Карпатские русины в славянском мире. С. 116–118.*

³³³ *Ibidem.*

³³⁴ *Horbal B. Sprawa łemkowska na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 r... S. 149.*

³³⁵ *Ibidem. S. 150.*

мым русским телом как в этнографическом, так и в географическом отношении» и обвинял Польшу в том, что «после развала Австрии, захватив часть Карпатской Руси, Лемковщину, органы польского правительства допускают те же насилия ... и зверства над беззащитным, отрезанным от мира русским населением, как во времена австрийского деспотизма, а во многих случаях гонения со стороны поляков превосходят австрийские».³³⁶

На встречах с президентом Чехословакии Масариком и премьером Крамаржем весной 1919 г. А. Бескид и другие русинские политики пытались убедить их в целесообразности присоединения к Чехословакии не только области угорских русинов, но и Лемковины. В своей телеграмме Масарику 27 апреля 1919 г. А. Волошин, один из лидеров Ужгородской Народной Рады и председатель Русского Клуба в Ужгороде, сообщал, что общее собрание Русского Клуба «стоит твердо» за единство Карпатской Руси, включая и «страдающих в польском ярме лемков... На предполагаемый раздел мы никогда не согласимся, — писал в телеграмме Масарику Волошин. — Только вместе с лемками мы можем свободно развиваться в границах нашей республики».³³⁷ Однако кроме дежурного сочувствия со стороны Масарики и Крамаржа добиться большего от чехословацких властей русинским лидерам не удалось. По мнению Б. Горбала, проблема Лемковины была для чехов лишь одним из инструментов давления на Варшаву в условиях чехословацко-польских споров по поводу Тешина, Оравы и Спиша.³³⁸

Планы территориального объединения лемков и угорских русинов и их совместного вхождения в состав Чехословакии в итоге так и не были реализованы, поскольку против этого выступило как правительство ЧСР, не желавшее обострять и без того напряженные отношения с Польшей, так и созданная 8 мая 1919 г. в Ужгороде Центральная Русская Народная Рада. Убежденным противником объединения с лемками был и лидер американских угро-русинов, будущий первый губернатор Подкарпатской Руси Г. Жаткович. Часть североамериканских русинских деятелей и некоторые руководители Центральной Рады в Ужгороде критиковали лидера восточнославянских русинов русофила А. Бескида за его настойчивое стремление объединиться с лемками, среди которых продолжала сохранять популярность идея присоединения к «единой неделимой России», что ставило под вопрос прочехословацкую ориентацию угорских русинов.³³⁹ Наиболее последовательным критиком связей лидера Прешовской Рады А. Бескида с лемками Галиции был влиятельный среди североамериканских русинов

³³⁶ Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931. Roč. 5. Číslo 3. S. 533.

³³⁷ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1919, krabice 400.

³³⁸ Horbal B. Sprawa łemkowska na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 r... S. 152.

³³⁹ Американский Русский Вестник. Гомстед, ПА. 19 декабря, 1919. № 1.

«Американский Русский Вестник». Так, 31 октября 1919 г. «Американский Русский Вестник» с осуждением писал, что «доктор Бескид и галицкие лемки оказались врагами Чехословацко-Русской Республики», обвиняя Бескида и его сторонников в намерении «оторвать Русинию от Чехословацко-Русской Федерации и присоединить ее к России».³⁴⁰

12 марта 1920 г. во Флоринке состоялся второй конгресс лемков, провозгласивший Я. Качмарчика президентом республики. Съезд поручил руководству республики возобновить контакты с Чехословакией для начала переговоров о возможности вхождения в ее состав. Однако польское руководство, отношения которого с Чехословакией были натянуты из-за пограничных споров в Силезии, решило положить конец существованию лемковского государственного образования, прочехословацкая ориентация которого воспринималась Варшавой более болезненно, чем прорусская. После 16-месячного существования республики лемков во Флоринке ее территория в конце марта 1920 г. была занята польскими войсками, а правительство арестовано.³⁴¹

Не только Прешовская, но и две другие русинские рады — Ужгородская и Хустская — первоначально не проявляли желания войти в состав Чехословакии. Более того, в отличие от Прешовской Рады, первоначально обходившей молчанием вопрос о присоединении к какому-либо из соседних государств, деятели Ужгородской Народной Рады открыто обнаруживали свои венгерские предпочтения, в то время как руководители Народной Рады в Хусте стремились присоединиться к Украине. Позднее чехи объясняли поведение Народной Рады в Хусте тем, что она «была изолирована от западных территорий и не получала информации об итогах плебисцита в Америке».³⁴² Вместе с тем очевидно, что Хустская Рада не могла не испытывать влияние соседней Восточной Галиции, где в ноябре 1918 г. была провозглашена Западноукраинская Народная республика (ЗУНР), рассматривавшая земли угорских русинов как часть украинских земель. Еще 19 октября 1918 г. образованная во Львове Украинская Народная Рада объявила угорских русинов составной частью своей этнографической области. После объединения ЗУНР с Украиной 22 января 1919 г. правительство объединенных украинских республик объявило о «соединении в одно целое» Восточной Галиции, Буковины, Угорской Руси и днепровской Украины. Тем самым «была совер-

³⁴⁰ Американский Русский Вестник. Гомстед, ПА. 31 октября, 1919. № 44.

³⁴¹ Magocsi P. R. The Ukrainian Question Between Poland and Czechoslovakia: The Lemko Rusyn Republic (1918–1920) and Political Thought in Western Rus'-Ukraine // Nationalities Papers. XXI, 2. N. Y., 1993. P. 98–100.

³⁴² Chmelář J. Politické poměry v Podkarpatské Rusi // Podkarpatská Rus. Obraz poměrů přírodních, hospodářských, politických, církevních, jazykových a osvětových. Praha. 1923. S. 186.

шена юридическая аннексия Подкарпатской Руси украинцами без аннексии фактической».³⁴³

Другой немаловажной причиной украинской ориентации части местных русинов (в основном гуцулов Раховского района Закарпатья) были материальные соображения. Гуцулы были административно разделены между австрийской Галицией (центром австрийских гуцулов был г. Коломия) и Венгрией (центром венгерских гуцулов было село Ясиня Раховского района Закарпатья). «Продукты питания в Галичине были дешевле, чем в гуцульском районе Венгрии, где не хватало пахотной земли. Поэтому жители гуцульского региона Мараморошского комитата Венгрии ездили за продуктами на базар в расположенную по соседству Коломью, т. е. в австрийскую Галичину, — отмечают П. и С. Годьмаши. — Не удивительно, что с распадом Австро-Венгрии не только умом, но и «желудком» гуцулы Венгрии хотели объединиться со своими соплеменниками — гуцулами в составе Галичины».³⁴⁴

В начале декабря 1918 г. в центре венгерских гуцулов селе Ясиня представители прилегавшего к Галиции гуцульского района, насчитывавшего около полутора десятка сел, образовали Гуцульскую Народную Раду, которая обратилась к лидерам провозглашенной в Галиции Западноукраинской республики (ЗУНР) с просьбой о присоединении. Поначалу проигнорировав просьбу венгерских гуцулов, руководство ЗУНР вскоре стало строить планы присоединения не только гуцулов, но и всей остальной русинской территории к югу от Карпат. Воспользовавшись бездействием и деморализацией венгерских властей, вооруженный отряд ЗУНР 14 января 1919 г. занял г. Рахов, в то время как другие воинские части ЗУНР попытались предпринять наступление на Ужгород и Мукачево. Попытки руководства ЗУНР присоединить территории венгерских русинов очень быстро провалились по причине крайне негативного отношения местного русинского населения к украинским войскам из Галиции, которые нередко занимались открытыми грабежами местного населения. По признанию одной львовской газеты, «везде на Венгерской Руси ... нападают на украинцев, ругают Петрушевича и открыто требуют русинских школ, носят трехцветные русинские бантики, а сине-желтые срывают и топчут».³⁴⁵ Опыт общения с галицкими отрядами ЗУНР заметно усилил антиукраинские настроения среди подкарпатских русинов. «Авантюрный план по насильственному присоединению русинской территории Венгрии к ЗУНР позорно провалился, — констатируют П.

³⁴³ Кржепинский И. Автономия Подкарпатской Руси // Восемь лекций о Подкарпатской Руси. Прага. 1925. С. 12.

³⁴⁴ Годьмаши П., Годьмаши С. Подкарпатская Русь и Украина. С. 55.

³⁴⁵ Там же. С. 62.

и С. Годьмаши. — Практически эти события заставили изменить свое мнение об Украине даже тех немногих русинов, которые были готовы на присоединение к ней».³⁴⁶

Что касается Хустской Народной Рады, то некоторые русинские деятели категорически не согласны с устоявшимся мнением о том, что 21 января 1919 г. съезд русинских делегатов в Хусте принял решение о присоединении к Украине. Ссылаясь на то, что оригиналы протоколов этого съезда до сих пор не найдены, они высказывают любопытную мысль о том, что написанный председателем этого съезда адвокатом М. Брацайко «по памяти» после Второй мировой войны протокол съезда был им сознательно сфальсифицирован под давлением советских спецслужб для обоснования вхождения Закарпатья в состав Украины. «Как этот написанный по памяти протокол, так и якобы принятое на Хустском «Всерусинском» съезде решение о присоединении к Украине сфальсифицированы уже после Второй мировой войны для того, чтобы аргументировать утверждения Москвы и Киева о вековечном стремлении русинов присоединиться к своей Матери-Украине».³⁴⁷ — полагают П. и С. Годьмаши. Как бы то ни было, но проукраинские настроения участников Народной Рады в Хусте, которая «высказалась за украинское решение проблем Подкарпатской Руси»,³⁴⁸ неоднократно отмечали в начале 1920-х годов и чехословацкие современники этих событий.

Если русины Пряшевской и Лемковской Руси долгое время сохраняли иллюзии о возможности присоединения к России, то ужгородские русины, имевшие наиболее тесные связи с венграми, не исключали вероятности достижения компромисса с Будапештом. Вплоть до января 1919 г. часть русинских политиков — представителей Ужгородской Рады — вела активные переговоры в Будапеште, обсуждая с венгерскими руководителями условия, на которых русины могли бы остаться в составе реформированного венгерского государства.

Провенгерские настроения лидеров Ужгородской Рады вызывали обеспокоенность словацких политиков. «Вы еще, милые русины, слова не сказали, а Унгварская Рада, которая ваши интересы защищать обязалась, вас уже разочаровала и предала, желая вас к мадьярам присоединить, чтобы народ русский и дальше под мадьярским правлением страдал, — писал 30 ноября 1918 г. в своем обращении к русинам председатель Словацкой Народной Рады в Турчанском Св. Мартине М. Дула. — Мы же, будучи славянами, как и вы, предоставим вам полную автономию как в церковных, так и в школьных де-

³⁴⁶ Годьмаши П., Годьмаши С. Подкарпатская Русь и Украина. С. 62

³⁴⁷ Там же. С. 63–64.

³⁴⁸ Chmelař J. Politické poměry v Podkarpatské Rusi // Podkarpatská Rus. Obraz poměrů přírodních, hospodářských, politických, církevních, jazykových a osvětových. S. 186.

лах. Ваши старые обряды и обычаи будут сохранены. Мы будем стараться, чтобы у вас были свои гимназии и чтобы как можно быстрее был открыт особый университет с русскими преподавателями...».³⁴⁹

В условиях распада Австро-Венгрии венгерские правящие круги предпринимали судорожные шаги, направленные на сохранение территориальной целостности Венгрии. Угорская Русь, имевшая важное стратегическое значение и населенная многочисленным венгерским меньшинством, представляла особый интерес для Будапешта. 21 декабря 1918 г. правительство графа Карольи опубликовало закон № X, который гарантировал угорским русинам территориальную автономию. Предполагалось, что автономная русинская область получит название «Руська Крайна» и что в качестве законодательного органа автономии будет создана Народная Рада (Совет). Исполнительным органом Руськой Крайны стало министерство по делам Руськой Крайны в Будапеште, представитель которого имел резиденцию в г. Мукачево. 5 февраля 1919 г. было назначено временное правительство Руськой Крайны во главе с О. Сабовым и А. Штефаном. В начале марта 1919 г. были проведены выборы в парламент Руськой Крайны и избрано 36 депутатов.

21 марта 1919 г., когда к власти в Венгрии пришли коммунисты, сместив правительство Карольи, была провозглашена Советская Руська Крайна, где вскоре состоялись выборы в Совет. В течение сорока дней своего существования Советская Руська Крайна «действительно имела культурную автономию; русинский язык получил официальный статус... Были изданы декреты о национализации промышленности и сельскохозяйственных земель; была создана русинская Красная Гвардия. Однако эти декреты распространялись только на незначительную часть территории Подкарпатской Руси, в основном вокруг г. Мукачево и Берегово. К середине апреля войска Чехословакии и Румынии вытеснили венгерскую Красную Армию из региона...».³⁵⁰

Нараставший внутривенгерский кризис в Венгрии не позволил венгерским политикам в полной мере реализовать на практике положения закона о создании Руськой Крайны. Провал венгерской инициативы, направленной на сохранение русинских земель в составе венгерского государства, был вызван и недоверием русинских деятелей к предложениям Будапешта. А. Волошин, принимавший активное участие в переговорах с венгерскими политиками в конце 1918 г., вспоминал: «Организовавшись в Народные Рады, мы приняли приглашение будапештского революционного правительства графа Карольи на переговоры о Руськой Крайне. Но как только появился закон о Руськой Крайне, консервативная мадьярская пресса обрушилась

³⁴⁹ Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931. Roč. 5. Číslo 3. S. 527–528.

³⁵⁰ Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition. P. 425.

на нас с резкими нападками, и мы увидели, что все это лишь пустые обещания. Поэтому мы требовали от правительства, чтобы автономия, как международный договор, была зафиксирована в мирном договоре. Но когда правительство Карольи с этим не согласилось, ... то в тот же день, 1 января 1919 г., мы посетили пана доктора Милана Годжу, тогдашнего посла Чехословакии в Будапеште, и просили его, чтобы Чехословакия заняла всю русскую территорию под Карпатами».³⁵¹ По признанию Волошина, только в конце января 1919 г. от чехословацких офицеров, посланных в Ужгород Масариком, русинские политики узнали о решении американских русинов присоединить земли карпатских русинов к Чехословакии.³⁵²

15 января 1919 г. чехословацкие войска вступили в Ужгород. Поступившее в конце января известие о результатах референдума в США, на котором большинство американских русинов проголосовало за присоединение их исторической родины к Чехословакии, оказало решающее влияние на местных русинских политиков. 31 января 1919 г. Карпато-русская Народная Рада в Прешове «как законная выразительница воли русского народа, живущего в северных комитатах бывшей Венгрии и в южных частях бывшей австро-галицкой провинции», выступила с заявлением о том, что, поскольку «присоединение этих земель к единой России неосуществимо, желаем жить долей и недолей братьев Чехословаков. Это желание совпадает с общим желанием 500000 карпаторуссов, эмигрантов в Америке, объявившим уже свою волю компетентным лицам. Славянская политика Чехословаков, их демократизм, непрерывные проявления ими симпатии к русскому народу ... дают нам полное ручательство национально-культурного и экономического свободного развития, — объясняли свой внешнеполитический выбор руководители Прешовской Карпато-русской Народной Рады. — Поэтому заявляем всему культурному миру, что с сегодняшнего дня считаем себя автономной русской частью Чехословацкой республики...».³⁵³

В этом же документе лидеры прешовских русинов выражали энергичный протест против действий «ненавистного нам польского империализма» и «сепаратизма украинских политиков», который был охарактеризован авторами документа как «явление временное, антиславянское, антикультурное, антисоциальное» и являющееся «плодом австро-германского империализма».³⁵⁴ Примечательно, что в своем заявлении Прешовская Карпато-русская Народная Рада сочла целесообразным подчеркнуть, что она выступает не только от имени угорских русинов Пряшевской Руси,

³⁵¹ Волошин А. Две политичне розмовы. В Ужгороде, 1923. С. 6–7.

³⁵² Там же. С. 7.

³⁵³ Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931. Roč. 5. Číslo 3. S. 532.

³⁵⁴ Ibidem.

но и от имени русинов-лемков, проживающих в «южных частях бывшей австро-галицкой провинции».

Вопрос о том, какие именно русинские области войдут в состав Чехословакии и каков будет статус данной территориальной единицы, решался на Парижской мирной конференции. Перед отъездом делегации американских русинов во главе с Г. Жатковичем в начале февраля 1919 г. на мирную конференцию в Париж, «Американский Русский Вестник», печатный орган влиятельного среди североамериканских русинов «Соединения Греко-Католических Русских Братств», опубликовал основные положения программы русинской делегации, которую она была намерена отстаивать на конференции. В представлении Г. Жатковича и его единомышленников, «уния угро-русинов с чехословаками будет означать для угро-русинов отдельное угро-русское государство, обладающее верховенством в местных делах. Официальным языком в этом государстве будет русский язык, употребляемый в школах и судах. Территория угро-русского государства будет состоять из следующих жуп: Спиш, Шариш, Абау, Земплин, Унг, Берег, Угоча и Мараморш».³⁵⁵

В феврале 1919 г. в Париже состоялась встреча представителя американских русинов Г. Жатковича и лидера Прешовской Карпато-русской Народной Рады А. Бескида. В ходе этой встречи была образована русинская комиссия, которая совместно с чехословацкой делегацией на мирной конференции представила план вхождения Подкарпатской Руси в состав Чехословакии как автономной области. В феврале 1919 г. во французской столице начались заседания комиссии по чехословацким вопросам, в состав которой входили представители США, Великобритании, Франции и Италии. На заседаниях комиссии обсуждались одиннадцать меморандумов чехословацкого руководства, авторами которых были министр иностранных дел Чехословакии Бенеш и премьер-министр Крамарж; однако при обсуждении меморандума № 6, посвященного «венгерским русинам», в насущный для русинских политиков вопрос о границах русинской области не было внесено никакой ясности.

В самом начале 1919 г. чехословацкие войска заняли территории бывших венгерских жуп Спиш, Шариш и Земплин, где проживало значительное количество русинского населения, которое, по мнению русинских политиков, должно было войти в состав русинской административно-территориальной единицы. Вопреки ожиданиям русинских лидеров, эти территории были вскоре отданы под юрисдикцию министра по делам Словакии в Братиславе, став частью Словакии. Позднее словацкие политики в своем

³⁵⁵ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 6 februara, 1919. № 5.

стремлении к сохранению территориального статус-кво отвергали любые предложения, направленные на ревизию восточной границы Словакии, что стало источником постоянных противоречий между русинскими лидерами и чехословацкими властями.

Следует отметить, что при решении вопроса о словацко-русинской границе в ходе конференции в Париже мнение русинских представителей совершенно не учитывалось. В своем донесении 20 января 1927 г. в МИД Чехословакии о механизме определения границы между Словакией и Подкарпатской Русью на Парижской конференции тогдашний посол ЧСР во Франции Осуски сообщил, что комиссия по делам Чехословакии после заседаний 27 и 28 февраля 1919 г. передала вопрос о словацко-русинской границе на рассмотрение подкомитета.³⁵⁶ К 26 марта 1919 г. подкомитет определил границу между Словакией и Подкарпатской Русью, начинавшуюся в 2 км восточнее г. Чоп и шедшую далее на северо-восток параллельно железной дороге Чоп–Ужгород–Перечин. Именно в таком виде комиссия по делам Чехословакии предложила данную границу руководству конференции. Совет министров иностранных дел союзных держав одобрил данную границу 8 мая 1919 г., а Высший Совет конференции — 12 мая 1919 г., после чего, по воспоминаниям Осуского, вопрос о границе уже не затрагивался. По свидетельству Осуского, «наибольшие проблемы» для чехов при определении границы создавала итальянская делегация, «выступавшая за то, чтобы оставить Подкарпатскую Русь в составе Венгрии».³⁵⁷ Представители карпатских русинов к обсуждению данного вопроса допущены не были. Делегаты Американской Народной Рады угро-русинов Жаткович и Гайдош не были членами чехословацкой делегации в Париже. Хотя А. Бескид как глава Прешовской Рады входил в состав официальной чехословацкой делегации на конференции, он не принимал участия в работе территориальной комиссии. По словам И. Ваната, «Бенеш не имел ни малейшего намерения посвящать его в тайны своей дипломатической игры в вопросе определения западной границы Закарпатья».³⁵⁸

8 мая 1919 г. в Ужгороде была созвана Центральная Русская Народная Рада, сформированная из представителей трех местных русинских рад — Прешовской, Ужгородской и Хустской. Этот высший русинский орган одобрил решение американских русинов и санкционировал вхождение русинских земель к югу от Карпатского хребта в состав Чехословакии. В Прагу была послана делегация Центральной Русской Народной Рады, состоявшая из 105 человек во главе с А. Бескидом, А. Волошиным и Г. Жатковичем, для пе-

³⁵⁶ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1928, krabice 403.

³⁵⁷ Ibidem.

³⁵⁸ Ванат I. Указ. соч. С. 67.

реговоров с руководством Чехословакии о деталях вхождения в состав ЧСР и о статусе Подкарпатья. Одним из самых важных вопросов для русинских политиков оставался вопрос о границе Подкарпатья со Словакией, который они надеялись решить на основании этнографического принципа, не подзревая в то время, что словацко-русинская граница уже определена на Парижской конференции не в пользу русинов.

То обстоятельство, что вопреки требованиям русинских политиков в состав Чехословакии вошли лишь угорские русины, в то время как западно-галицкие русины-лемки были вынуждены противостоять натиску Польши, вызывало острое недовольство части русинских лидеров, связанных с лемками. Еще до созыва Центральной Русской Рады, 1 мая 1919 г. Прешовская Народная Рада направила обращение президенту США Вильсону, выражая недовольство сложившейся ситуацией. «Одна часть Карпатской Руси, часть угорская, признана на мировой конференции как автономная часть Чехословацкой республики, — говорилось в обращении Вильсону, подписанном руководителями Прешовской Рады А. Бескидом, Д. Вислоцким, А. Цеханским, Д. Собиным и Вл. Туркиняком. — Но этим еще не исполнена воля Карпаторуссов, так как другая часть, часть австрийская, т. з. Лемковщина, отрезана старой австро-угорской границей от живого народного тела. А вся Карпатская Русь, это одно неделимое, русское тело как в этнографическом, так и в географическом отношении... За свои страдания не просят Карпато-руссы от мировой конференции ничего, одной справедливости! Просят, чтобы не были разорваны на части, чтоб не оставить часть Карпатской Руси под польским владением, так как в Польше их доля не только не улучшилась бы, но еще ухудшилась».³⁵⁹ Политика Польши получила резко отрицательную оценку руководителей Прешовской Рады. «После развала Австрии, захватив часть Карпатской Руси, Лемковщину, органы польского правительства допускают тех же насилий, гонений и зверств над беззащитным, отрезанным от мира русским населением, как во время австрийского деспотизма... Мы решительно протестуем против польских притязаний на какую бы то ни было часть Карпатской Руси, — завершали свое послание американскому президенту лидеры прешовских русинов, — протестуем против дележа карпатских земель, заселенных ... русским населением».³⁶⁰

Несмотря на протесты русинских политиков из Прешовской Рады, земли карпатских русинов остались разделенными между Чехословакией и Польшей, государственной границей между которыми стала бывшая административная граница в рамках Австро-Венгрии, отделявшая австрий-

³⁵⁹ Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931. Roč. 5. Číslo 3. S. 533–534.

³⁶⁰ Ibidem.

скую провинцию Галиция от Венгрии. Сен-Жерменский договор, подписанный 10 сентября 1919 г., юридически закрепил новые межгосударственные границы в этой части Европы и санкционировал вхождение Подкарпатской Руси в состав Чехословакии на условиях широкой автономии, оставив Лемковину Польше. Впрочем, среди русинских политиков изначально не было единства по поводу присоединения к Чехословакии, помимо Угорской Руси, еще и территории русинов-лемков. Если А. Бескид и другие представители Прешовской Рады, выступая и от имени Лемковины, поддерживали стремление лемков присоединиться к Чехословакии, то Г. Жаткович и другие руководители Центральной Русской Рады в Ужгороде были против этого. Данные противоречия стали одной из причин охлаждения отношений между Бескидом, с одной стороны, и Жатковичем и чехословацкими властями, с другой стороны, что повлияло на решение Праги первоначально сделать ставку на Жатковича.

Очень скоро внимание русинов, вошедших в состав чехословацкого государства, к судьбе русинов-лемков, оказавшихся под властью Польши, переключилось на собственное положение в ЧСР, где русинское население оказалось административно разделенным между Словакией и Подкарпатской Русью. Кроме того, конкретные проявления славянской политики чехословаков оказались не вполне соответствующими завышенным ожиданиям русинских лидеров, которые вскоре начали проявлять недовольство целым рядом аспектов политики официальной Праги.

Процесс присоединения Подкарпатья к Чехословакии был осложнен революцией в Венгрии, приходом к власти коммунистов во главе с Бела Куном и образованием в конце марта 1919 г. Венгерской Советской республики, которая предприняла энергичные попытки восстановить контроль над утраченными территориями. Стремление к восстановлению территориальной целостности Венгрии и возмущение требованиями Антанты от 20 марта 1919 г. об установлении новой демаркационной линии, которая должна была стать новой государственной границей Венгрии, оставившей в составе Чехословакии значительную часть этнических венгров, объединило венгерских националистов и коммунистов. Особый интерес лидеров венгерской революции вызывали восточная Словакия и Подкарпатская Русь как территории, позволявшие установить связь с большевистской Россией, что было существенным условием выживания Венгерской Советской республики.

Наступление венгерской Красной Армии, начатое 20 мая 1919 г., опрокинуло плохо организованные части чехословацкой армии, отступление которой местами переходило в паническое бегство. «Ход боевых действий обнаружил неполноценность тогдашней чехословацкой армии;... венгры продемонстрировали численное, материальное и психологическое

превосходство»³⁶¹, — признавал Ф. Пероутка. 2 июня 1919 г. венгерская армия взяла г. Нове Замки в южной Словакии; 6 июня — центр восточной Словакии г. Кошице; передовые отряды венгерских войск появились в окрестностях Братиславы. Вскоре около двух третей территории Словакии оказались под контролем венгерской Красной Армии. В восточной Словакии при поддержке венгров была провозглашена Словацкая Советская республика с центром в г. Прешов. Однако попытки венгерских революционеров начать создание сельскохозяйственных кооперативов и провести мобилизацию в Красную Армию встретили сопротивление местного населения.

15 июня 1919 г. последовала нота Антанты венгерскому правительству с требованием отвести войска за линию, определенную в качестве будущей границы между Венгрией и Чехословакией. 24 июня начался отвод венгерских войск с территории Словакии. К началу июля венгерская армия полностью очистила Словакию. Не только возникновение чехословацкого государства, но и последующее становление границ Чехословакии также проходило при решающем влиянии внешнего фактора — фактора Антанты. Победа Праги в борьбе с Венгрией была одержана не столько собственными силами, сколько апелляцией к союзникам и постоянным дипломатическим давлением Антанты на Будапешт.

* * *

Присоединение Подкарпатской Руси к Чехословакии было очень позитивно воспринято чехословацкими политиками и общественным мнением, переживавшими период радостной эйфории после обретения собственного государства. Отражением этих настроений стали популярные в межвоенной Чехословакии строки «От Ясины до Аша вся республика наша...». Эти географические названия указывали на впечатляющую протяженность нового чехословацкого государства, раскинувшегося на тысячекилометровое расстояние с Запада на Восток (Ясиня — большое гуцульское село в восточной части Подкарпатской Руси; Аш — городок в самой западной точке Чехословакии на границе с Германией). По остроумному наблюдению М. Макмиллан, территориальные очертания Чехословакии «напоминали головастика с головой на западе и хвостом, вытянувшимся далеко на восток между Польшей на севере и Австрией и Венгрией на юге».³⁶² Символично, что чешские земли и Моравия были расположены в западной, головной части этого длинного

³⁶¹ Peroutka F. Budování státu 1918–1923. S. 181.

³⁶² Macmillanová M. Mírotvorci. Pařížská konference 1919. S. 235.

головастика, в то время как Словакия и Подкарпатская Русь представляли собой хвост новообразованного государства.

Явные географические диспропорции новорожденного чехословацкого государства, длина которого во много раз превышала его ширину, дополнялись этническими диспропорциями. По данным переписи 1930 г., в Чехословакии проживало 14 миллионов 730 тысяч человек, из которых 9 миллионов 689 тысяч составляли «чехословаки», 3 миллиона 232 тысячи — немцы, 692 тысячи — венгры, 549 тысяч — русины, 357 тысяч — евреи и 81 тысячу — поляки. Любопытно при этом, что численность немцев, официально считавшихся национальным меньшинством, значительно превышала количество словаков, являвшихся наряду с чехами государствообразующим народом Чехословакии.

Чехи особенно подчеркивали добровольность вхождения русинов в состав Чехословакии, где «этот северо-восточный край бывшей Венгрии оказался не в результате захватнических аппетитов нашего народа, а по своему собственному решению».³⁶³ Присоединение русинов к Чехословакии было действительно добровольным решением, но оно было принято не в результате их изначального осознанного стремления, а выкристаллизовалось постепенно в ходе воздействия целого ряда факторов, которые сделали недостижимой первоначальную цель русинских лидеров — присоединение к России. В число факторов, вынудивших деятелей русинского движения изменить свои планы, входили революционный кризис и гражданская война в России, на которую вначале ориентировались русинские лидеры; влияние американских политиков и президента США Вильсона; а также поражение Австро-Венгрии в войне и последующие революция и дестабилизация положения в Венгрии. Кроме того, Чехословакия как славянская страна, лидеры которой декларировали идеи «славянской политики», была по ряду причин более приемлемой для русинов, чем любое другое из соседних государств. Мотивация, которой руководствовались русинские лидеры, принимая решение о присоединении к Чехословакии, была четко и ясно выражена в заявлении Прешовской Карпато-русской Народной Рады 31 января 1919 г., где прямо говорилось о том, что русины желают присоединения к Чехословакии постольку, «поскольку присоединение к единой России неосуществимо».³⁶⁴

Колоссальную ценность для чехословацких политиков представляло геополитическое положение Подкарпатской Руси, территория которой позволяла Чехословакии иметь общую границу с Румынией — союзником

³⁶³ Kadlec K. O právní povaze poměru Podkarpatské Rusi k republice Československé // Podkarpatská Rus. Obraz poměrů přírodních, hospodářských, politických, církevních, jazykových a osvětových. S. 9.

³⁶⁴ Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931. Roč. 5. Číslo 3. S. 532.

Праги по Малой Антанте. «Миссия Подкарпатской Руси в чехословацкой республике имеет особую важность, — писал в 1936 г. Я. Затлоукал. — Она служит связующим звеном со странами Малой Антанты, а также является мостом, соединяющим нас с Россией, что имеет стратегическое значение... Важность Подкарпатской Руси для нашей республики прекрасно осознают мадьяры, поляки и немцы, которые с помощью своих агентов все больше распространяют здесь семена беспорядков и смуты...».³⁶⁵

Хотя важность геополитического положения Подкарпатья для Чехословакии была моментально оценена официальной Прагой, чехословацкое руководство не в полной мере осознавало всю сложность социально-экономических, национальных и культурно-языковых проблем, определявших положение Подкарпатской Руси после Первой мировой войны. Поверхностность и дилетантизм в сочетании с культуртрегерскими амбициями чешских политиков распространялись не только на Подкарпатскую Русь, но и в значительной степени на Словакию, что сразу стало приводить к явным сбоям пражской «славянской политики». Реалии межвоенной ЧСР показали, что непоколебимая уверенность чешских политических деятелей в собственной монополии на правильное проведение «славянской политики», в отсутствии которой по отношению «к полякам и малороссам» Масарик обвинял Россию, была во многом необоснованной.

Так, уже первые контакты чешских чиновников и официальных лиц со словацким населением обнаружили не только элементарное незнание многими чехами словацких особенностей, но и их высокомерное отношение к местному населению и его культуре. Характеризуя поведение чехов в Словакии, Пероутка отмечал, что «некоторые чехи не обладали даже самыми примитивными знаниями и совершали такие психологические ошибки, как ниспровержение статуй святых... Антиклерикализм, который кое-кто из чешских энтузиастов стремился распространить в Словакии, ... был здесь новым явлением и вызывал неприятие не только у католиков, но и у протестантов. Часть радикально настроенных чешских учителей считала своим долгом зачеркивать слово бог везде, где оно встречалось. Некоторые фанатики подвергли такой обработке и учебные пособия...».³⁶⁶ Чехословацкий министр по делам Словакии В. Шробар, словак по национальности, признавал, что «чиновники, которые прибывают сюда из Чехии, ... допускают различные проступки... Многие чехи приходят сюда как на оккупированную территорию и думают, что здесь они могут пожить».

³⁶⁵ Dr. Zatloukal J. Za hlubším a objektivním poznáním Podkarpatské Rusi // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi. V Bratislavě, 1936. S. 9.

³⁶⁶ Peroutka F. Budování státu 1918–1923. S. 191.

Подобное отношение должно быть изменено»³⁶⁷. Неудивительно поэтому, что подобные формы чешского «культуртрегерства» в Словакии вызывали противодействие населения и создавали социальную базу для автономистского движения. Северо-восточные области Словакии, где значительную часть населения составляли русины, обладали еще большим этнокультурным своеобразием по сравнению с остальной Словакией. По словам С. Конечного, «Чехословацкое государство на северо-востоке Словакии вначале поддерживали лишь единицы. Ситуация изменилась только после занятия Прешова 27 декабря 1918 г.»³⁶⁸ Еще более серьезные культурные барьеры отделяли чехов от русинского населения Подкарпатья.

Отношения русинов, оказавшихся в составе Словакии, с местными словацкими властями были также небезоблачны с самого начала возникновения независимой ЧСР. Эйфория, возникшая в Словакии после обретения свободы, «проявилась в стремлении подавить все несловацкое, т. е. не только мадьяр и мадьяронов, но и русинское движение. Дали о себе знать попытки воспрепятствовать развитию русинского образования, а также в известной степени высокомерное отношение словацких чиновников, в основном из западной Словакии, к русинам и к их проблемам».³⁶⁹ В своем письме министру по делам Словакии В. Шробару 10 марта 1919 г. Масарик информировал его о предстоящей поездке в Подкарпатскую Русь представителей американских русинов Жатковича и Гардоша и просил предоставить им охрану и необходимую помощь. В этом же письме Масарик сообщал, что у него на приеме побывали два русина, которые «пришли жаловаться на грубое обращение со стороны словацких чиновников. Я убедительно прошу Вас дать строгое распоряжение всем жупанам и учреждениям на территории, населенной русинами, о необходимости как можно более приветливого обращения с русинами, — писал Масарик Шробару. — Территория русинов, связывающая нас с Румынией, представляет для нас большую важность и должна быть получена нами по-дружески...».³⁷⁰

Яромир Нечас, в 1920 г. работавший секретарем первого губернатора Подкарпатской Руси Г. Жатковича, в своем пространном письме президенту Масарику о ситуации в Подкарпатской Руси летом 1921 г. отмечал, что «русинские мужики никогда не интересовались общественной жизнью и вплоть до сегодняшнего дня являются, лишь с незначительными исключениями, полностью аморфной массой в политическом отношении. Чехословацкая

³⁶⁷ Ibidem.

³⁶⁸ Konečný S. Rusini na Slovensku a vznik Československého státu // Vznik ČSR 1918 a Podkarpatská Rus. Sborník z mezinárodní konference v Praze. Praha, 1999. S. 62.

³⁶⁹ Ibidem. S. 64.

³⁷⁰ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1919, krabice 400.

республика должна иметь в виду тот факт, что население, на которое она опирается и на основе которого она хочет построить новую Подкарпатскую Русь, в политическом смысле представляет собой абсолютно несознательный элемент..., легко доступный любой агитации. Необходимо расстаться с представлениями о том, что мужицкие массы в своей основе подчинены каким-либо политическим симпатиям или даже традициям. ... У русинских мужиков решающее значение имеют их материальные требования».³⁷¹ Касаясь отличительных черт карпаторусского мужика, Нечас указывал на сочетание широко распространенных антиеврейских настроений с экономической зависимостью от евреев, а также на непривычно глубокую для чеха религиозность русинов. Изумление Нечаса вызвало то, что в Хусте «даже большевистские вожди» регулярно посещали церковь, русинские социал-демократы «с почтением» приветствовали священников, а одно из антиклерикальных собраний в Ужгороде началось приветствием «Слава Иисусу Христу!».³⁷²

Оценка Нечасом интеллигенции Подкарпатья с точки зрения ее лояльности чехословацкой республике была крайне скептической, свидетельствуя о широко распространенном недоверии чехов к тем, кто получил высшее образование и сделал карьеру при венграх. «Подкарпатская интеллигенция, ... в своем подавляющем большинстве отравленная мадьярско-феодалным духом старого режима, старается сохранить свою прежнюю популярность и власть над народом, используя для этого любые средства, — такую нелестную характеристику местной русинской интеллигенции давал Нечас в послании Масарику. — Автохтонная интеллигенция, не только русинская, но и мадьярская, а также мадьярская ... еще не полностью утратила свое влияние. Она способна использовать в своих целях очень хорошее знание психологии мужика и его слабости».³⁷³

Главным критерием определения политической лояльности для чехов в 1920-е годы были отношения с прежним венгерским режимом. В этом смысле «отравленная мадьярско-феодалным духом» русофильская интеллигенция, многие представители которой получили образование и заняли видное общественное положение при венграх, вызывала наибольшее подозрение у чешских чиновников. Недоверие к местной, в основном русофильски настроенной русинской интеллигенции, побудило чехословацкие власти обратиться к украинофилам, многие из которых были эмигрантами из Галиции и которые первоначально казались Праге предпочтительнее с точки зрения политической благонадежности. Большое влияние на фор-

³⁷¹ Nečas J. Politická situace na Podkarpatské Rusi (Rok 1921). Praha, 1997. S. 6.

³⁷² Ibidem. S. 6–7.

³⁷³ Ibidem. S. 7–9.

мирование политики Праги в отношении Подкарпатской Руси оказал сам Я. Нечас, с 1921 по 1924 г. работавший в канцелярии президента республики, где он занимался вопросами Подкарпатья. Позднее Нечас был избран депутатом чехословацкого парламента от социал-демократической партии.

Почва для последующих противоречий между русинами и чехословацкими властями создавалась не только в силу естественных культурных различий, но и по причине изначального нежелания Праги решить вопрос административно-территориального объединения русинов в составе Чехословакии. Это нежелание отчетливо проявилось уже летом 1919 г. 22 июля 1919 г. Масарик отправил телеграмму в Париж Бенешу, информируя его о предстоящем приезде Жатковича и его намерении решить вопрос границ «Русинии» на мирной конференции. «Русины опираются на карту 1857 г., но она не может считаться надежной... Новая перепись населения только готовится. Пока же Антанта могла бы определить территории к северу от Ужгорода, которые споров не вызывают, — делился своими соображениями с Бенешем Масарик, демонстрируя явное нежелание идти на уступки Жатковичу в вопросе границ русинской автономии. — Необходимо констатировать временный характер границы и сослаться на то, что окончательное решение вопроса будет принято позже на переговорах. Когда Антанта определит границы, пан Жаткович будет в безопасности, поскольку его нельзя будет обвинить в том, что он продал русинов...».³⁷⁴

В ответном письме Масарику из Парижа 24 июля 1919 г. Бенеш информировал чехословацкого президента о том, что Антанта «хочет установить границы Русинии..., но это решение будет явно не в пользу русинов. Здесь всем ясно, что они не хотят, чтобы эти земли когда-либо достались Великой России. Поскольку они опасаются данной возможности, они отдают предпочтение словакам против русинов, — писал Бенеш, имея в виду руководство стран Антанты. — В результате этого без какой-либо моей директивы или участия, территориальная комиссия определила границу между словаками и русинами за счет последних таким образом, что весь ужгородский комитат отошел к Словакии».³⁷⁵ В этом же письме Бенеш ставил Масарику в известность о том, что он счел целесообразным прямо сообщить Жатковичу о нереальности территориальных планов русинских политиков, поскольку «союзники хотят пожертвовать русинами, а мы сами не можем пожертвовать словаками ради русинов. В итоге Жаткович изменил свой план. Он уже не хочет, чтобы вопрос о границах между нами и ними решала конференция, — писал Бенеш. — Вместо этого он предпочитает, чтобы решение было

³⁷⁴ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1919, krabice 400.

³⁷⁵ Ibidem.

принято в Праге смешанной словацко-русинской комиссией на основании этнографических данных». ³⁷⁶ Нежелание чехословацкого руководства удовлетворить территориальные требования русинов совпало с аналогичными соображениями Антанты. Однако надежды русинских политиков на то, что граница между словаками и русинами будет скорректирована в пользу русинов позднее на основе этнографического принципа в рамках двусторонних переговоров так и остались нереализованными в течение всего межвоенного периода.

К сложной и деликатной задаче интеграции в едином государстве столь отличающихся от чехов народов пражские чиновники, имевшие весьма поверхностное представление о Подкарпатской Руси, подошли с набором идеологических догм, позаимствованных из либеральной западноевропейской общественной мысли, а также с красивым, но туманным лозунгом «славянской политики», который был одним из декоративных элементов идеологического облика межвоенной Чехословакии. Все это плохо срабатывало в условиях Подкарпатья, где с самого начала образовался серьезный разрыв между декларативными заявлениями и реальными действиями чехословацкого руководства.

* * *

Распад Австро-Венгрии и образование новых государств на ее территории в корне изменили и государственно-правовой статус русинов Воеводины, до 1918 г. входившей в состав Венгрии. Русинское население Воеводины приняло активное участие в создании нового государства южных славян. 25 ноября 1918 г. в г. Нови Сад начала работу Великая Народная Скупщина Воеводины. В работе Скупщины приняли участие 757 делегатов, среди которых был 21 представитель воеводинских русинов. Скупщина приняла решение об объединении Воеводины с Сербией, а 1 декабря 1918 г. было образовано Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС), гражданами которого стали и русины Воеводины. ³⁷⁷

Однако вхождение в состав югославянского государства не было воспринято однозначно позитивно всем русинским населением Воеводины. Убежденным противником присоединения к Сербии стала значительная часть грекокатолического духовенства русинов Воеводины, провенгерские настроения которого проявились в том, что оно выступало за сохранение

³⁷⁶ Ibidem.

³⁷⁷ Рамач Я. Історія русинів південної Угорщини. Автореферат на здобуття наукового ступеня доктора історичних наук. Ужгород, 1995. С. 45–46.

Воеводины в составе Венгрии, не поддержав инициативу Великой Народной Скупщины о присоединении к Сербскому государству. Венгерской ориентации придерживался созданный в Будапеште по инициативе русинского грекокатолического духовенства Русский Народный Совет. Негативное отношение местного униатского духовенства к вхождению русинов Воеводины в состав Сербии сохранялось на протяжении всего межвоенного периода вплоть до нападения нацистской Германии на Югославию в апреле 1941 г. и последующей оккупации части Воеводины хортистской Венгрией. ³⁷⁸

³⁷⁸ Bilnja V. Rusini u Vojvodini. Prilog izučavanju istorije Rusina Vojvodine (1918–1945). Novi Sad, 1987. S. 25–26.

ГЛАВА 4

«Наша автономия существует лишь на бумаге»

**ПОДКАРПАТСКАЯ РУСЬ В СОСТАВЕ
ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1920–1930-Е ГОДЫ**

«Присоединение свершилось. Карпатская Русь вошла в состав земель Чехословацкой республики. Тысячу лет стонали мы, сыны сей русской земли, в мадьярской неволе, но, наконец, дождалась свободы...»

(Русская земля. 21 августа 1919. № 5)

«Наша родная земля, Подкарпатская и Пряшевская Русь, является сейчас долиной плача ... и ужасных страданий под жестоким и тираническим управлением чехов... Русский народ, который верил чехам, ... стал несчастным рабом на своей земле под невыносимым чешским игом...»

*(Amerikansky Russky Věstnik.
Homestead, PA. March 8, 1934. № 10).*

Процесс установления чехословацкого контроля над населенной русинами областью к югу от Карпат, протекавший в условиях военного противостояния с Венгрией и опиравшийся на Антанту, наложил серьезный отпечаток на основные черты правового статуса этой территории в составе Чехословакии.

6 июня 1919 г. представитель Антанты французский генерал Э. Эннок, командовавший чехословацкими войсками в регионе, своим приказом провозгласил военную диктатуру в подконтрольной ему западной части Подкарпатя. 19 августа 1919 г. местная русинская пресса с энтузиазмом сообщала о намеченном на 20 августа торжественном параде и смотре войск в Ужгороде в присутствии генерала Эннока и о запланированном после этого введении в должность представителя чехословацких властей доктора И. Брейхи, «административного шефа-губернатора нашей Карпатской Руси». ³⁷⁹ Это «будет историческим днем для целой Карпатской Руси и всего карпаторусского населения. Завтра ... будем праздновать в Ужгороде и целой Карпатской

³⁷⁹ Русская земля. 19 августа 1919. Сверхочередный выпуск.

Руси великое торжество свободы», ³⁸⁰ — писала 19 августа 1919 г. ужгородская газета «Русская земля». В ноябре 1919 г. режим военной диктатуры был распространен на большую часть территории Подкарпатской Руси, которая полностью перешла под чехословацкий контроль лишь в июне 1920 г. после вывода румынских оккупационных войск из восточных областей Подкарпатя. Военная диктатура в крае сохранялась вплоть до 1923 г.

Один из приказов генерала Эннока, изданный осенью 1919 г., требовал, чтобы все венгерские вывески в Ужгороде были заменены вывесками на одном из славянских языков. «В течение нескольких дней ... появился на улицах нашего города, знавшего до сих пор только мадьярские вывески, целый ряд «русских» вывесок, — вспоминала летом 1921 г. ужгородская газета «Карпатская Русь» и, критикуя плохое знание русского языка местным населением, приводила примеры этих вывесок. — «Повозка фабрикантъ», «Продажа Гробная Каменья», «Складъ и направа шияция машинъ» и т. д.» ³⁸¹ Газета констатировала, что высказанное тогда пожелание городскому управлению обратить внимание на недопустимость «небрежного и свободного» обращения с русским языком по прошествии более чем года так и не возымело действия. Впоследствии русинская пресса уделяла большое внимание теме русского языка и его употреблению в общественной и административной сфере.

Летом 1919 г. политическое руководство Чехословакии и представители карпатских русинов вели переговоры об организации администрации Подкарпатя и о границе между Словакией и Подкарпатской Русью. Однако надежды Г. Жатковича и других русинских политиков на присоединение к Подкарпатской Руси русинских земель, вошедших к тому времени в состав Словакии, оказались беспочвенными. Во время своего визита в Париж в конце июля 1919 г. Жаткович, рассчитывавший окончательно решить вопрос о границах Подкарпатя, узнал от Бенеша о том, что в пограничном споре между словаками и русинами Антанты полностью поддерживает словаков, опасаясь в будущем появления «Великой России» и возможного присоединения к ней автономной области подкарпатских русинов. ³⁸² В своем письме Масарику из Парижа 24 июля 1919 г. Бенеш с удовлетворением сообщал, что неблагоприятная по отношению к русинам позиция Антанты заставила Жатковича отказаться от идеи коррекции словацко-русинской границы на мирной конференции и согласиться с планом изменения этой границы на основе данных этнографии в ходе будущих переговоров в Праге. ³⁸³

³⁸⁰ Русская земля. 19 августа 1919. Сверхочередный выпуск.

³⁸¹ Карпатская Русь. 26. VIII. 1921. № 11.

³⁸² A ÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1919, krabice 400.

³⁸³ Ibidem.

Существует свидетельство о том, что граница между Словакией и Подкарпатской Русью была определена на мирной конференции в Париже значительно раньше лета 1919 года. В своем донесении в МИД Чехословакии 20 января 1927 г. чехословацкий посол во Франции Осуски, касаясь истории определения словацко-русинской границы, сообщал о том, что комиссия по чехословацким делам на мирной конференции в Париже определила границу между Словакией и Подкарпатской Русью в своем отчете от 26 марта 1919 года. В соответствии с этим документом, границу между Словакией и Подкарпатьем предполагалось установить «от точки в 2 км восточнее г. Чоп и далее на северо-восток параллельно железной дороге Чоп–Ужгород–Перечин, по водоразделу рек Уж и Латорица через высоты 978 и 992 и далее на север до главного Карпатского хребта...».³⁸⁴ По свидетельству Осуски, Совет министров иностранных дел союзных государств одобрил данное предложение еще 8 мая 1919 г. и Высший Совет конференции — 12 мая 1919 г. Впоследствии, по словам Осуски, руководство Парижской конференции вообще не касалось вопроса о границах между Словакией и Подкарпатской Русью. В своем донесении в чехословацкий МИД Осуски на основании имевшейся у него информации утверждал, что «чехословацкая делегация никогда не получала какого-либо письменного документа об установлении границы между Словакией и Подкарпатской Русью».³⁸⁵ Впрочем, словацкий историк П. Шворц утверждает, что о точной линии прохождения юго-западной границы Подкарпатской Руси Совет послов сообщил чехословацкой делегации на Парижской конференции 14 июня 1919 года.³⁸⁶ В любом случае Прага, судя по всему, в реальности располагала большим пространством в определении словацко-русинской границы, чем это допускали в своих переговорах с русинскими деятелями чешские политики, ссылавшиеся на позицию Антанты для обоснования выгодной для себя западной границы Подкарпатья.

Отношение русинских лидеров к проблеме определения границы между Словакией и Подкарпатьем было четко выражено в заявлении Центральной Русской Народной Рады в Ужгороде 7 августа 1919 года. Данное заявление Рады было реакцией на «агитацию против объединения всех русских земель», которая, по словам русинских деятелей, имела место со стороны «некоторых лиц» на «русских землях Спиша, Шариша, Земплина и Унга».³⁸⁷ «Справедливое разграничение русских и словацких земель должно быть

³⁸⁴ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1928, krabice 403. Důvěrné. Věc: hranice Podkarpatské Rusi.

³⁸⁵ Ibidem.

³⁸⁶ Švorc P. Op. cit. S. 274.

³⁸⁷ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatsk á Rus 1919, 22 A, krabice 403. Заявление Центральной Русской Народной Рады в Ужгороде 7 августа 1919 г.

произведено на основании исторических и этнографических данных, которые ясно доказывают, что все земли, населенные массами, принадлежащими к русско-католической церкви, должны считаться русскими, — говорилось в заявлении Центральной Русской Народной Рады, которое подписали Д. Вислоцкий и А. Волошин. — Славянская взаимность требует от только что освобожденного народа, чтобы он глубоко чувствовал благодарность и любовь к стомиллионному русскому народу, принесшему огромные жертвы для славянства... Русский народ, распространяя русскую культуру, не желает ни одного словака русифицировать...».³⁸⁸

Становление административных органов управления Подкарпатской Русью также не соответствовало ожиданиям русинских политиков, поскольку с самого начала решающую роль в этом процессе стали играть чешские чиновники, присланные из Праги. В конце июля 1919 г. чехословацкое руководство направило в Ужгород чешского чиновника доктора Я. Брейха, задача которого заключалась в организации гражданской администрации края. Впоследствии Я. Брейха был назначен администратором, возглавив новообразованную административную структуру.

«Граждане Карпатской Руси! Чехословацкая республика сдерживает свои обещания. Ее желание — дать вам самоуправление, которое даст вам возможность вернуться к правильной жизни и притом позволит вам сохранить свои национальные особенности. Поэтому, как только позволили обстоятельства, она передала в руки д-ра Брейхи гражданское управление Карпатской Русью. ... Имя д-ра Брейхи означает терпимость..., свободу, преданность, прогресс и справедливость».³⁸⁹ — писал 19 августа 1919 г. в своем обращении к населению генерал Эннок. Назначение Брейхи было первоначально с энтузиазмом встречено общественностью Подкарпатья. «Присоединение свершилось. Карпатская Русь вошла в состав земель Чехословацкой республики. Тысячу лет стонали мы, сыны сей русской земли, в мадьярской неволе, но, наконец, дождались свободы, — писал ужгородский еженедельник «Русская земля». — От всей души приветствуем доктора Брейху, который прибыл к нам ... завести порядок на нашей Карпатской Руси. Мы верим в его добрую волю, в его справедливость, в его доброжелательность...».³⁹⁰

В то время как русинская общественность приветствовала установление чехословацкого контроля над Подкарпатьем как национальное освобождение, местное венгерское и значительная часть еврейского населения воспринимали приход чехов как оккупацию и как временное явление. Высокопоставленный чехословацкий чиновник, посетивший Подкарпатье в ок-

³⁸⁸ Ibidem.

³⁸⁹ Русская земля. 19 августа 1919. Сверхочередной выпуск.

³⁹⁰ Русская земля. 21 августа 1919. № 5.

тябре 1919 г., сообщал в канцелярию президента республики о том, что мадьяры и мадяроны ведут активную пропаганду среди местного населения, утверждая, в частности, что «мадьярская пшеница лучше, чем чешская свобода».³⁹¹ По словам автора данного донесения, «евреи и мадьяры никого не бояться и открыто выступают против русских крестьян. ... Во время визита бабушки русской революции Брешко-Брешковской в Мукачево мадьяры и евреи распевали венгерский гимн и кричали, что здесь мадьярское государство, а не Карпатская Русь».³⁹²

Не желая вызывать отчуждение у местного населения и отталкивать русинских политиков от Праги, а также стремясь создать у русинской интеллигенции ощущение сопричастности к управлению краем, 12 августа 1919 г. правительство Чехословакии учредило временную директорию как совещательный орган при администраторе. Председателем директории был назначен Г. Жаткович. В состав данного органа также вошли вызывавшие доверие у чехословацкого руководства русинские политики А. Волошин, Ю. Брацайко, Ю. Гаджега, Э. Торонский и Е. Пуза. «Американский Русский Вестник», первоначально с энтузиазмом поддержавший присоединение Подкарпатя к Чехословакии, приветствовал создание директории и назначение Жатковича главой этого органа, оптимистично усматривая в этих шагах начало реализации русинской автономии. «Жаткович — президент Русинии! Наш Масарик!» — такими восторженными заголовками «Американский Русский Вестник» комментировал новости из Чехословакии, поместив на первой странице сообщение Жатковича Американской Народной Раде угро-русинов о том, что «чехословацкое правительство назначило меня Президентом Директории автономной Русинии».³⁹³ В сентябре 1919 г. Жаткович в качестве главы директории совершил поездку в США, где русинская диаспора устроила ему торжественный прием, встречая как фактического главу новообразованного русинского государства. Сообщая 18 сентября 1919 г. о состоявшемся незадолго до этого народном конгрессе американских русинов, «Американский Русский Вестник» писал, что «господин Жаткович, Президент Директории автономной Русинии, был принят бурными овациями».³⁹⁴

Эйфория и завышенные ожидания русинской общественности по поводу создания директории улетучились очень быстро. Директория оказалась декоративным органом без какой-либо реальной власти, призванным имитировать участие русинов в управлении собственным краем. Попытки

³⁹¹ A ÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1919, 22 A, krabice 403. Ze zprávy gen. insp. č. j. 4241 ze dne 30. října 1919.

³⁹² Ibidem.

³⁹³ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 14 augusta, 1919. № 31.

³⁹⁴ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 18 septembra, 1919. № 36.

директории оказывать влияние на военного диктатора и на гражданскую администрацию во главе с Брейхой оказались бесплодными. Крайне ограниченные функции директории вызвали растущее недовольство ее членом во главе с Г. Жатковичем.

10 сентября 1919 г. был подписан Сен-Жерменский мирный договор, несколько статей которого непосредственно касались положения Подкарпатской Руси в составе Чехословакии, определяя ее правовой статус и границы. В десятой статье Сен-Жерменского договора фиксировалось обязательство Чехословакии «создать на территории, населенной южно-карпатскими русинами, самоуправляющуюся единицу в границах, определенных ведущими союзными державами, которая будет иметь самую широкую автономную, совместимую с единством чехословацкого государства».³⁹⁵ Одиннадцатая статья Сен-Жерменского договора содержала положение о том, что «территория южно-карпатских русинов будет иметь автономный сейм, обладающий законодательной властью в языковых, образовательных и религиозных вопросах, а также в вопросах местного самоуправления и во всех остальных вопросах, которые будут ему делегированы законами чехословацкого государства. Губернатор русинской области будет назначаться президентом Чехословацкой республики и будет подотчетен русинскому сейму».³⁹⁶ В двенадцатой статье говорилось о согласии Чехословакии с тем, чтобы «чиновники на русинской территории были по возможности из местного населения».³⁹⁷ Наконец, тринадцатая статья Сен-Жерменского договора провозглашала, что «Чехословакия обеспечивает русинской области справедливое представительство в законодательном органе Чехословацкой республики, в который она направит своих депутатов, избранных в соответствии с конституцией Чехословацкой республики. Эти депутаты не будут иметь права голоса в чехословацком парламенте по законодательным вопросам, относящимся к компетенции русинского сейма».³⁹⁸ Современные исследователи высоко оценивают значение Сен-Жерменского договора в новейшей истории русинов. По мнению П. Р. Магочи, «Сен-Жерменский договор явился первым свидетельством признания русинов как особого народа, имеющего право на собственную автономию, в международном праве...».³⁹⁹ Впрочем, подавляющее большинство положений Сен-Жерменского договора, касающихся ста-

³⁹⁵ Traité entre Les Principales Puissances Alliées et Associées et La Tchéco-Slovaque Signé a Saint-Germain-en-Laye Le 10. Septembre 1919. Smlouva mezi čelnými mocnostmi spojenými a přidruženými a Československem podepsaná v Saint-Germain-en-Laye dne 10. září 1919. Příloha k tisku 1630. Zasedání Národního shromáždění československého roku 1919. S. 13.

³⁹⁶ Ibidem. S. 13.

³⁹⁷ Ibidem. S. 15.

³⁹⁸ Ibidem.

³⁹⁹ Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and expanded edition. P. 498.

туса русинской области в Чехословакии, так и не было воплощено в жизнь за весь период существования Первой Чехословацкой республики.

К ноябрю 1919 г. чехословацкое руководство разработало документ под названием «Генеральный статут», определявший основные принципы организации управления Подкарпатской Русью. Примечательно, что вначале авторы Генерального статута использовали по отношению к Подкарпатью термин «Прикарпатская Русь», лишь в конечной редакции документа поменяв его на общепринятый впоследствии термин «Подкарпатская Русь». Одной из главных причин данного терминологического изменения было желание чехословацких политиков дистанцироваться от галицких русинов-лемков, стремившихся войти в состав Чехословакии, поскольку политические лидеры лемков активно использовали термин «Прикарпатская Русь» по отношению к Лемковине. Министр внутренних дел Чехословакии А. Швегла в своих замечаниях по поводу текста предварительного «административного плана» русинской области осенью 1919 г. указывал, что везде, где появляется слово «Прикарпатская», должно использоваться слово «Подкарпатская», поскольку «лемки Галиции называют себя прикарпатскими русскими». ⁴⁰⁰ Однако Масарик не был полностью удовлетворен и термином «Подкарпатская Русь». В июле 1921 г. в своих заметках по поводу возможности принятия конституции Подкарпатя Масарик писал о том, что термин «Подкарпатская» не менее проблематичен, чем термин «Прикарпатская», поскольку с чисто географической точки зрения Галиция, находящаяся к северу от Карпат, тоже может считаться «Подкарпатской Русью». ⁴⁰¹ Масарик высказывал предположение, что будущий русинский сейм может изменить данное название. ⁴⁰²

Генеральный статут был обнародован 18 ноября 1919 г. в Ужгороде в форме прокламации. Первая часть статута почти дословно повторяла положения 10–13 статей Сен-Жерменского договора, определявших правовое положение русинской области в составе Чехословакии. Вторая часть статута, ссылаясь на решение территориальной комиссии Парижской мирной конференции, определяла границы русинской области в составе ЧСР. «Демаркационная линия между Словакией и русинами идет прямо от г. Чоп к северной части г. Ужгород (Унгвар) таким образом, что железная дорога остается Словакии, а Ужгород — Русинии, — говорилось в пункте «а» второй части Генерального статута. — Отсюда вдоль течения реки Уж (Унг) граница идет к Карпатам;

⁴⁰⁰ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1920, krabice 400. Suggested corrections to Rusin preliminary administration plan submitted by Dr. Svehla.

⁴⁰¹ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1922, krabice 401. Poznámky k návrhům o ústavě Podkarpatské Rusi.

⁴⁰² Ibidem.

вся территория к востоку от этой линии будет считаться автономной русинской областью». ⁴⁰³ Пункт «b» второй части статута констатировал, что «южная граница автономной русинской территории была определена мирной конференцией таким образом, что граница с Венгрией проходит от Чопа на юг; железная дорога от Чопа остается на русинской территории вплоть до Мармарош-Сигота, который принадлежит Румынии; далее граница идет вдоль Тисы на восток к северной границе, соответствующей границе между бывшей Венгрией и Галицией». ⁴⁰⁴ Пункт «с» касался наиболее болезненного для русинов вопроса возможной ревизии границы русинской области со Словакией. «Поскольку часть русинского населения на территории Словакии, определенной мирной конференцией, составляет меньшинство, — говорилось в статуте, — чехословацкое правительство рекомендовало представителям этих двух народов достичь соглашения о возможном присоединении части прилегающей русинской территории к русинской автономной области». ⁴⁰⁵

Третья часть статута, посвященная вопросам языка и названия автономной русинской области, провозглашала, что окончательное решение по этому вопросу примет русинский сейм. «Лучшее решение языкового вопроса будет заключаться во введении народного языка в школы в качестве языка обучения и в использовании этого языка в качестве официального, — констатировалось в третьей части Генерального статута. — В старших классах средних школ ... будет преподаваться великорусский язык. Было бы жаль, если бы русины не использовали богатства русской литературы, прежде всего переводной. Данное решение языковых споров соответствует предложению Петроградской Академии Наук, которая ... рекомендовала бывшему царскому правительству введение народного наречия в школы на Украине...». ⁴⁰⁶ Последний, четвертый раздел Генерального статута учреждал должность администратора, возглавляющего местный административный аппарат. По словам американского исследователя В. Маркуся, Генеральный статут «не вписывался в схему Сен-Жерменского договора, а ... созданное им военно-административное управление не имело признаков автономии». ⁴⁰⁷

Несмотря на попытки дирекции во главе с Жатковичем играть активную роль в формировании органов управления Подкарпатской Русью и влиять на политику Праги в отношении русинов, решающее слово в данном вопросе оставалось за чехословацким руководством, которое откро-

⁴⁰³ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1922, krabice 401. Generální Statut pro organizaci a administraci Příkarpatské Rusi.

⁴⁰⁴ Ibidem.

⁴⁰⁵ Ibidem.

⁴⁰⁶ Ibidem.

⁴⁰⁷ Маркусь В. Політично-правова еволюція Підкарпатської Русі в Чехословаччині // Zakarpatská Ukrajina v rámci Československa. Prešov. 2000. S. 13.

венно игнорировало позицию русинских деятелей. Основные положения Генерального статута, критически воспринятого Жатковичем, были разработаны главой чехословацкого Министерства внутренних дел А. Швеллой и администратором Я. Брейхой. Колоссальное влияние на содержание Генерального статута оказал Т. Г. Масарик, который 8 октября 1919 г., т.е. более чем за месяц до опубликования статута, изложил свои соображения по поводу чехословацкой политики в отношении Подкарпатской Руси в адресованном правительству секретном документе. В четвертом пункте упомянутого документа Масарик указывал на необходимость «предотвратить не только великорусскую, но и украинскую пропаганду. Это будет возможно в том случае, если языковой вопрос будет решен путем введения народного (малорусского) языка в школы в качестве языка преподавания, а также в качестве официального языка вообще, — делился своими соображениями с правительством Масарик. — В старших классах средних школ при необходимости может изучаться и великорусский язык. Было бы жаль, если бы русины не использовали культурное богатство русской литературы, в основном переводной».⁴⁰⁸ Примечательно, что значительная часть данного пассажа из документа, направленного Масариком правительству, практически дословно вошла в третий раздел Генерального статута, посвященный вопросам языка, разумеется, без упоминания о том, что планируемая чехословацким президентом поддержка «народного языка» была нужна Праге прежде всего в качестве средства нейтрализации не только великорусской, но и украинской пропаганды. В этом же документе Масарик высказывал тревогу по поводу того, что с «великорусской пропагандой связана и церковная православная пропаганда. И эта пропаганда, — выражал надежду Масарик, — сойдет на нет, если будет оберегаться народный язык при упомянутом уважительном отношении к литературному русскому языку...».⁴⁰⁹

Наиболее пространным и интересным в подготовленном Масариком документе был первый пункт, посвященный вопросам границ Подкарпатя. Напомнив о нежелании Антанты в Париже предоставить русинам более значительную территорию по политическим причинам, Масарик констатировал, что администрация столкнется с «важной проблемой соседства автономной области с частью территории Словакии, населенной русинским меньшинством. В культурном и национальном отношении это, безусловно, единое целое, — признавал Масарик, имея в виду Подкарпатье и населенные русинами области восточной Словакии, — но в административном отношении это единое целое будет разделено. ... Возникнет вопрос о вне-

⁴⁰⁸ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1919, krabice 400. Rusínsko. Naprosto důvěrné. Dne 8. října 1919.

⁴⁰⁹ Ibidem.

сении изменений в единую администрацию школьной системы... Особую проблему будут представлять финансы: будет ли автономная Русиния зависеть непосредственно от Праги или от Братиславы?»⁴¹⁰ Данный документ красноречиво доказывает, что уже в начале октября 1919 г., т.е. еще до опубликования Генерального статута, Масарик говорил об административном разделении русинских земель между Подкарпатской Русью и Словакией как об уже решенном вопросе, даже не упоминая о какой-либо возможности корректировки словацко-русинской границы в пользу русинов в будущем. Это говорит о том, что вторая часть Генерального статута, допускавшая возможность словацко-русинских переговоров для достижения соглашения о присоединении русинских территорий в Словакии к автономной русинской области, не выражала истинные намерения Праги и была призвана успокоить русинских политиков. «В данном вопросе чешские представители кривили душой, — обоснованно полагает А. Пушкаш. — Достаточно припомнить, как они с самого начала возникновения вопроса о возможном присоединении Подкарпатя к Чехословакии поспешно ... добились согласия стран Антанты и оккупировали территорию проживания русинов на запад от Ужгорода. Они знали, что словаки в этом вопросе русинам на уступки не пойдут...».⁴¹¹

Осенью 1919 г. отношения между директорией и чешскими политиками характеризовались нараставшими трениями. Свидетельством игнорирования Прагой попыток русинских деятелей принять участие в управлении Подкарпатьем является письмо Жатковича Масарику от 8 ноября 1919 г., в котором Жаткович подробно информирует президента Чехословакии о причинах задержки публикации «административного плана русинской области». По словам Жатковича, раздраженного пражской бюрократией, исправленный им в соответствии с пожеланиями Масарика план был с пятидневной задержкой представлен Бенешу, который принял Жатковича после его неоднократных напоминаний на пять дней позже ранее намеченного срока. Когда одобренный Бенешем план Жаткович передал министру внутренних дел Швелле, тот, пообещав представить данный план на заседание Совета министров к 5 ноября 1919 г., так и не выполнил своего обещания.⁴¹²

Отношения между ведущими русинскими политиками и официальной Прагой обострились еще больше в конце 1919–начале 1920 г., когда в связи с подготовкой конституции Чехословакии и в преддверии парламентских выборов директория активизировала свои усилия, направленные на достижение автономии и ревизию границы между Словакией и Подкарпат-

⁴¹⁰ Ibidem.

⁴¹¹ Пушкаш А. Цивилизация или варварство. Закарпатье 1918–1945. М., 2006. С. 69.

⁴¹² A ÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1919, krabice 400.

ской Русью. Ситуация осложнялась растущими культурно-национальными противоречиями между русинскими лидерами, среди которых постепенно оформились русофильское и украинофильское направления. 9 октября 1919 г. на заседании руководства Центральной Русской Народной Рады, которая 8 мая 1919 г. провозгласила объединение карпатских русинов с Чехословакией, произошел раскол на украинофильскую и русофильскую фракции. Раскол Центральной Русской Народной Рады наметился еще ранее, являясь следствием растущих политических и национально-культурных противоречий между Г. Жатковичем и А. Бескидом. Чехословацкие власти, стремясь подорвать авторитет и влияние Центральной Русской Народной Рады, которая имела все предпосылки стать основой формирования законодательной власти автономного Подкарпатья, умело способствовали росту этих противоречий. Так, поддерживая Жатковича и его сторонников, Прага в лице администратора Подкарпатья Брейхи в то же время заигрывала с их противником Бескидом, поддержав его поездку в США осенью 1919 г. для дискредитации Жатковича в глазах американской русинской диаспоры.⁴¹³

Ведущими представителями украинофилов, которые пользовались симпатиями Жатковича, стали А. Волошин, М. Брацайко и Ю. Брацайко. Руководителями русофильского направления были А. Бескид, А. Гагатко и И. Каминский. Вскоре представители двух направлений создали свои политические структуры, общественные и культурные организации и СМИ и повели друг с другом ожесточенную борьбу, апеллируя к чехословацким властям, которые первоначально отдавали предпочтение украинофильскому направлению. Один из лидеров украинофилов А. Волошин усматривал в деятельности русофилов главную причину «братских междоусобиц» и основное препятствие политической консолидации в Подкарпатской Руси, обвиняя галицких москвофилов во главе с А. Гагатко в стремлении объединить Центральную Русскую Народную Раду в Ужгороде с Карпатской Русской Радой галицких москвофилов.⁴¹⁴ Категорически против объединения с галицкими москвофилами был и Г. Жаткович, считавший это «ирредентистской тенденцией».⁴¹⁵

Примечательно, что украинофильская газета «Русин» издавалась по инициативе вице-губернатора Эренфельда на государственные средства, а в редакционный совет данного издания входили ведущие представители украинофилов А. Волошин, а также М. и Ю. Брацайко.⁴¹⁶ В свою очередь, русофильская «Русская земля» отзывалась резко негативно как об украинофилах, так и о Жатковиче, которого она обвиняла в мадяронстве. Критикуя

⁴¹³ Ванат І. Нариси новітньої історії українців Східної Словаччини. С. 90, 94.

⁴¹⁴ Русин. 25.02.1923. Число 11.

⁴¹⁵ Там же.

⁴¹⁶ См.: Тухий Ф. Ужгород 1923. Перечин, 1992. С. 27.

широко распространенные в то время проукраинские настроения в чешском обществе, «Русская земля» выражала сожаление в связи с тем, что «вся чешская печать, информированная ... мадяронско-украинской кликой, заговорила о великорусской агитации и ирреденте в Карпатской Руси» и обращала внимание чехов на то, что «действительно грозящая республике опасность» исходит не от русского народа, а со стороны «мадяров и мадяронов».⁴¹⁷

Недовольный систематическим игнорированием своих требований со стороны чешских властей, представителем которых в Подкарпатской Руси был администратор Я. Брейха, Жаткович от имени директории 4 января 1920 г. обратился к правительству с конфиденциальной просьбой о смещении Брейхи с должности администратора. «На основании своего решения от 22 декабря 1919 г. директория обращается к правительству Чехословацкой республики с тайной просьбой об отмене назначения доктора Брейхи на должность администратора Подкарпатской Руси, — говорилось в обращении директории к премьер-министру ЧСР В. Тусару, подписанном Жатковичем. — Одновременно просим назначить на его место какого-либо другого подходящего чиновника».⁴¹⁸ На заседании директории 22 декабря 1919 г. было также принято решение просить правительство о предоставлении возможности определить «15 граждан — уроженцев Подкарпатской Руси в качестве депутатов в парламент Чехословацкой республики».⁴¹⁹ Обращение с данной просьбой было в тот же день направлено директорией правительству Чехословакии.

Во время пребывания в Праге в конце января–феврале 1920 г. Жаткович, возглавлявший делегацию директории, обратился 14 февраля 1920 г. с письмом к главе чехословацкого правительства, в котором указывал на необходимость ревизии Генерального статута в связи с ситуацией в Подкарпатской Руси. «Директория с сожалением констатирует, что положение, сложившееся благодаря Генеральному статуту, не оправдало себя ... и директория как совещательный орган не может нести ответственность за временную администрацию... Генеральный статут не оправдал себя потому, что государственно-правовые принципы, на которых он был основан, не были всем в необходимой мере объяснены ... и без моего согласия были либо проигнорированы, либо существенно изменены при его написании»,⁴²⁰ — отмечал в своем письме правительству Жаткович, указывая на то, что при составлении Генерального статута мнение русинских политиков не было принято во внимание.

⁴¹⁷ Русская земля. 15 ноября 1919. №17.

⁴¹⁸ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1920, krabice 400.

⁴¹⁹ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1920, 22 A, krabice 403.

⁴²⁰ Ibidem.

В этом же письме Жаткович предлагал правительству официально подтвердить добровольность присоединения народа Подкарпатской Руси как народа, имеющего право на самоопределение, к Чехословакии задолго до подписания мирного договора. Кроме того, Жаткович предлагал правительству признать, что окончательное оформление автономного статуса Подкарпатя будет осуществляться исключительно законодательным путем чехословацким парламентом и русинским сеймом и что в ведение автономии будет включен максимально широкий круг вопросов. «До окончательного оформления автономного статуса к ведению автономии будут отнесены а). Вопросы внутреннего управления, включая администрацию, полицию, жандармерию, сельское хозяйство и аграрную реформу... б). Вопросы церкви и образования... с). Суды...»,⁴²¹ — предлагал Жаткович в своем письме правительству. Отдельный пункт в данном документе был посвящен проблеме западной границы Подкарпатя, которую Жаткович предполагал окончательно решить при содействии чехословацкого парламента и сейма Подкарпатской Руси.⁴²² Жаткович также выступал за переход бывшей государственной собственности Венгрии на территории Подкарпатя в собственность края.

Не получив внятного ответа от официальной Праги на свои предложения, 19 февраля 1920 г. директория подала в отставку. 29 февраля 1920 г. была принята конституция Чехословакии, которая повторила основные положения Сен-Жерменского договора в отношении Подкарпатской Руси «с некоторыми редакционными уточнениями в пользу центральной пражской власти. Но это особого значения не имело, поскольку обещание автономии ... осталось только на бумаге...».⁴²³

Широкие либеральные свободы и демократические институты, провозглашенные чехословацкой конституцией по примеру западных демократий, в отношении Подкарпатской Руси имели скорее декларативно-пропагандистский характер. Так, предусмотренный конституцией парламент (сейм) Подкарпатской Руси так и не был созван за все время существования Первой Чехословацкой республики. Характерной чертой взаимоотношений чехословацких властей и русинов в течение всего двадцатилетнего периода их нахождения в едином государстве было нарастающее разочарование русинов в Праге, вызванное невыполнением чехословацкими лидерами тех обещаний, которые щедро раздавались ими русинским деятелям в ходе переговоров о присоединении Подкарпатя к Чехословакии. Завышенные ожидания русинских общественных деятелей в отношении чехословацкой политики

⁴²¹ Ibidem.⁴²² Ibidem.⁴²³ Пушкаш А. Указ. соч. С. 71.

в своем большинстве не оправдались, что психологически способствовало распространению всеобщего разочарования, раздражения и обиды.

Основания для подобных настроений имели не только русины Подкарпатя, страдавшие от затянувшейся неопределенности своего статуса в рамках ЧСР, но и русины Словакии, оказавшиеся в положении национального меньшинства. Конституционные нормы, содержащиеся в шестой главе чехословацкой конституции, посвященной защите национальных меньшинств, провозглашали широкие гражданские и политические права представителей меньшинств, хотя о коллективных правах речь не шла и не исключались определенные ограничения в реализации декларированных прав. Конституционные нормы были сформулированы в самом общем виде, что позволяло органам власти обходить провозглашенные конституцией права.⁴²⁴ Впрочем, некоторые исследователи полагают, что правовое пространство, полученное русинами в Чехословакии в области политической и культурной деятельности, было настолько широким, что они не смогли использовать его в полной мере.⁴²⁵

Языковые права национальных меньшинств Чехословакии регулировались законом № 122/1920, принятым в феврале 1920 г., и конкретизировались последующим правительственным постановлением от 3 февраля 1926 г., в соответствии с которым государственным языком Чехословакии был провозглашен «чехословацкий» язык; при этом в местах, где численность национальных меньшинств составляла как минимум 20%, органы власти были обязаны принимать запросы населения и отвечать на них помимо государственного языка также и на языке соответствующего меньшинства. Чехословацкое законодательство при соблюдении некоторых условий также позволяло создавать школы, где языком обучения мог быть не государственный язык, а язык национального меньшинства.⁴²⁶

Однако практическая реализация предусмотренных чехословацким законодательством прав нацменьшинств в случае с русинами осложнялась целым рядом объективных и субъективных обстоятельств. Самыми важными из них были разный территориальный и правовой статус русинского населения (Пряшевская Русь в составе Словакии, русинское население которой было в положении национального меньшинства, и Подкарпатская Русь как отдельная административная единица), а также наличие нескольких соперничающих между собой идентификационных моделей среди русинов.

⁴²⁴ Konečný J. Rusíni na Slovensku a štátoprávne zmeny v Československu do roku 1938 // Střední Evropa a Podkarpatská Rus. Edice statí, reportáží, vzpomínek a dokumentů. 16 svazek. Praha, 1997. S. 100.⁴²⁵ Ibidem.⁴²⁶ Ibidem.

Большую роль играли и практические действия местных властей, которые, опасаясь венгерского ирредентизма и подрывной политики соседних государств, часто приносили формальное право в жертву национальным интересам Чехословакии.

Несмотря на проблемные отношения с Жатковичем, Прага была заинтересована в сотрудничестве с ним, поскольку положение в Карпатском регионе оставалось сложным, а Жаткович пользовался авторитетом не только в Подкарпатской Руси, но и среди влиятельной русинской диаспоры в США. После прошедших в апреле 1920 г. выборов в чехословацкий парламент, в которых население Подкарпатя, где еще не был отменен военный режим, участия не принимало, Прага вносит серьезные коррективы в свою политику в Подкарпатской Руси. В своих «Предложениях по изменению ситуации в Подкарпатской Руси», датированных 20 апреля 1920 г., президиум чехословацкого совета министров отмечал, что хотя прошедшие в конце января–феврале 1920 г. переговоры Жатковича, Брацайко и Торонского с чехословацким правительством оказались безрезультатными из-за вопроса о границах Подкарпатя, тем не менее в конце переговоров Жаткович согласился с точкой зрения правительства о том, что «объединение всех русинов может остаться их политическим идеалом, добиваться которого они смогут только конституционным путем. ... Заняв подобную позицию, доктор Жаткович сделал возможным дальнейшее с ним сотрудничество. Теперь есть возможность приступить к назначению губернатора Подкарпатской Руси в лице доктора Жатковича, — говорилось в «Предложениях» чехословацкого правительства. — Президиум совета министров предлагает назначить доктора Жатковича «временным» губернатором, поскольку окончательное назначение губернатора должно быть перенесено вплоть до выяснения отношений между автономной и центральной администрацией...».⁴²⁷

Констатируя необходимость отозвать Брейху по причине крайне напряженных отношений между ним и Жатковичем, правительственный документ определял сферу компетенции губернатора и вице-губернатора. «Отношение между губернатором и его заместителем должно быть определено как можно быстрее и таким образом, чтобы чехословацкое правительство с помощью вице-губернатора имело гарантированный и достаточный контроль и влияние на положение вещей»,⁴²⁸ — откровенно говорилось в «Предложениях» президиума чехословацкого совета министров. В документе также указывалось, что перед назначением Жатковича на должность временного губернатора было бы целесообразно устроить подписание им в президиуме

⁴²⁷ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1920, 22 A, krabice 403. Návrhy Presidia Ministerské Rady na úpravu poměru v Podkarpatské Rusi. Dne 20. dubna 1920.

⁴²⁸ Ibidem.

совета министров документа следующего содержания: «Принимая во внимание, что правительство республики внесло мою кандидатуру господину президенту на пост временного губернатора Подкарпатской Руси, в случае своего назначения обязуюсь отстаивать не только интересы Подкарпатской Руси, но и всей Чехословацкой республики. Я буду стремиться к тому, чтобы в народе Подкарпатской Руси крепло осознание принадлежности к Чехословацкой республике...».⁴²⁹

26 апреля 1920 г. правительство Чехословакии отменило Генеральный статут и сместило Я. Брейху с должности администратора. 5 мая 1920 г. Жаткович был назначен президентом на должность временного губернатора Подкарпатской Руси. Предполагалось, что эта должность просуществует до созыва русинского сейма, однако законодательный орган Подкарпатя был создан лишь в марте 1939 г. Наряду с должностью временного губернатора был учрежден пост вице-губернатора, который был призван гарантировать «достаточный контроль и влияние правительства Чехословакии на положение вещей» в Подкарпатской Руси. Вице-губернатор, на должность которого был назначен чешский чиновник П. Эренфельд, руководил всеми отделами гражданской администрации в Подкарпатской Руси, наряду с губернатором подписывал все официальные документы и замещал губернатора в случае его отсутствия. Возможные споры и разногласия между губернатором и вице-губернатором решались чехословацким правительством, которое, таким образом, получило в лице вице-губернатора эффективный инструмент контроля над губернатором.

Однако и в своей новой должности Жаткович продолжал испытывать трудности во взаимоотношениях с чехословацким правительством, главным образом в сфере коммуникации. «Ваше Превосходительство! ... С момента моего назначения правительство ни разу не вступило в контакт со мной ни устным, ни письменным образом, — писал Жаткович Масарику 7 июня 1919 г. из Праги. — Не предпринимается решительно никаких шагов против еврейской и мадьярской агитации... Мне должны были бы заранее предоставить возможность обмена мнениями с вице-губернатором Эренфельдом. Со стороны правительства не делается никаких попыток наладить сотрудничество...».⁴³⁰

Русинская общественность в США, уже успевшая разочароваться в чехословацкой политике в Подкарпатской Руси, восприняла новое назначение Жатковича с осторожным оптимизмом. «Губернатор Жаткович торжественно введен в должность 19 июня 1920 г. в Ужгороде, — информировал своих

⁴²⁹ Ibidem.

⁴³⁰ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1920, krabice 400.

читателей «Американский Русский Вестник». — Народ русский с великой радостью ... приветствовал своего губернатора. Мы радуемся от души, что наши братья хоть что-то получили из обещанного нам самоуправления». ⁴³¹

В качестве первого губернатора Подкарпатя Г. Жаткович постоянно поднимал вопрос об автономии и объединении русинских земель восточной Словакии с Подкарпатской Русью во время своих переговоров с пражскими чиновниками. Нотки недовольства позицией Праги в этом вопросе заметны уже в манифесте Жатковича жителям Подкарпатской Руси от 16 июня 1920 года. Призывая население Подкарпатя к «самой строгой лояльности» по отношению к Чехословакии и обещая употребить все влияние «своего уряда для общего блага Подкарпатской Руси и Чехословацкой республики», Жаткович с заметным разочарованием сообщал, что «окончательное решение границы Словакии и Подкарпатской Руси, которое по условиям Генерального статута оставлено было русинам и словакам, не осуществилось и передано на рассмотрение конституционному правительству и парламенту Чехословацкой республики и сейму Подкарпатской Руси». ⁴³²

Нежелание Праги пойти навстречу русинам как в вопросе предоставления автономии, так и в объединении прешовских русинов с Подкарпатской Русью вынудило Жатковича в марте 1921 г. подать в отставку. После безрезультатных переговоров с Прагой отставка Жатковича была принята Масариком, и 13 мая 1921 г. Жаткович отбыл в США. После отъезда Жатковича вся полнота власти в Подкарпатской Руси перешла в руки вице-губернатора П. Эрнфельда, который единолично управлял краем вплоть до назначения нового губернатора А. Бескида осенью 1923 г.

В своих воспоминаниях, написанных сразу после ухода с должности губернатора Подкарпатской Руси, Жаткович подчеркивал, что он принял должность губернатора с непременным условием сотрудничества со стороны чехословацкого правительства. «Однако я вынужден с сожалением констатировать, — отмечал в своих мемуарах Жаткович, — что обещанная помощь состояла в основном из обещаний, но не из дел». ⁴³³ Последней каплей, переполнившей чашу терпения Жатковича, явилось его пребывание в начале 1921 г. в отпуске в Татранской Ломнице на территории восточной Словакии, где он стал свидетелем антирусинской политики местных словацких властей в ходе проведения переписи населения. В руки Жатковича попал циркуляр жупана земплинской жупы Славика, в котором имелась оскорбившая Жатковича фраза о том, что «в Словакии нет ни русина, ни русинки. ...

⁴³¹ Американский Русский Вестник. Гомстед, ПА. 25 июня, 1920. № 25.

⁴³² Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931. Roč. 5. Číslo 3. S. 534–535.

⁴³³ Expos é Dr. G. I. Žatkoviča, bývšeho Gubernatora Podkarpatskoj Rusi, o Podkarpatskoj Rusi. Homestead. 1921. S. 33.

Поэтому очевидно, что все это является не русской, а мадяронской агитацией...». ⁴³⁴ Возмущенный подобным отношением словацких властей к русинскому меньшинству в Словакии, Жаткович эмоционально назвал такую политику «террористической». В качестве основной причины своего ухода в отставку Жаткович указал «утрату доверия в искренность и добрые намерения правительства». ⁴³⁵

Пражские чиновники, имевшие дело с Жатковичем, придерживались иной точки зрения, возлагая всю вину за конфликт на первого губернатора Подкарпатя. «Во время моего пребывания в Ужгороде ... при личном общении с доктором Жатковичем я пришел к печальному заключению о том, что это человек упрямый и своенравный, который не желает видеть невозможность исполнения своих требований и который подходит к неграмотному мужику Подкарпатской Руси с теми же мерками, что и к просвещенному и образованному американскому гражданину, — делился своими впечатлениями о Жатковиче его бывший сотрудник Нечас в письме Масарику в 1921 году. — Доктор Жаткович не хочет и не может понять, что для автономии нужен образованный и зрелый народ, который смог бы управлять самостоятельно». ⁴³⁶

Чехов больше беспокоил не столько уход Жатковича с поста губернатора, сколько то обстоятельство, что он, будучи убежденным сторонником быстрого введения автономии в Подкарпатской Руси, мог использовать в этих целях свои широкие связи в Америке. «Его опасность состоит в том влиянии, которое он имеет у американских русинов, располагающих мощными организациями и способных оказать акциям Жатковича финансовую поддержку», — предупреждал Нечас Масарика. Впрочем, главными причинами отставки Жатковича Нечас считал не столько его разногласия с чехами, сколько соображения личного и материального характера. По словам Нечаса, в США в качестве адвоката Жаткович зарабатывал в несколько раз больше денег, чем на посту губернатора Подкарпатской Руси; кроме того, его жена-американка настаивала на возвращении в США. ⁴³⁷ Опасения чехов впоследствии оправдались. Вернувшись в США, Жаткович неоднократно выступал с публичной критикой русинской политики чехословацких властей. Особый пропагандистский эффект имели мемуары Жатковича, предоставлявшие необходимые аргументы всем внутренним и внешним противникам чехословацкого государства. ⁴³⁸

Конфликт с Жатковичем и его последующий отъезд в США вызвал серьезную обеспокоенность в чехословацких политических верхах. Сразу после

⁴³⁴ Ibidem. S. 35.

⁴³⁵ Ibidem. S. 36.

⁴³⁶ Nečas J. Op. cit. S. 46.

⁴³⁷ Ibidem. S. 47.

⁴³⁸ Švorc P. Op. cit. S. 191.

отъезда Жатковича на родину Масарик подготовил документ, содержащий анализ возможных действий Жатковича и перечень мер, призванных нейтрализовать его деятельность. К замыслам Жатковича в Чехословакии Масарик относил «движение за автономию с возможной поддержкой из-за рубежа и со стороны Глинки», а к его замыслам за рубежом — «издание книги ... и работу в Америке». ⁴³⁹ Для нейтрализации влияния Жатковича в Подкарпатской Руси Масарик считал необходимым создание «коалиции аграриев и социал-демократов, а в случае невозможности этой коалиции — обеспечение пассивности русинских деятелей. Для этого необходимо провести совещание Швеллы с социал-демократами. Нужны срочные действия...». ⁴⁴⁰ Масарик также считал целесообразным парализовать действия Жатковича за рубежом как среди «американских украинцев», так и среди словаков, предусматривая возможность пригласить сотрудников британского и американского посольств в Подкарпатскую Русь. В этом же документе Масарик писал о необходимости поддержки украинофильской культурно-просветительной организации «Просвита» в Подкарпатской Руси, отмечая, что «министерство уже выделило на это 25000, но им необходимо 200000». ⁴⁴¹

Нейтрализации деятельности Жатковича был посвящен пространственный аналитический доклад сотрудника канцелярии президента Я. Нечаса, занимавшегося вопросами Подкарпатской Руси. Данный документ был представлен Масарику 2 декабря 1921 г. В своем докладе Нечас констатировал невозможность найти «надежных русинов», которых можно было бы послать в США для противодействия Жатковичу. По мнению Нечаса, наиболее эффективным методом противодействия деятельности Жатковича было бы наведение порядка и консолидация положения в Подкарпатской Руси. ⁴⁴²

Волнения чехословацких политиков по поводу возможного негативного воздействия Жатковича на имидж Чехословакии в США были обоснованными. Обстоятельства ухода Жатковича с поста губернатора и его последующее возвращение в Америку было критически воспринято русинской общественностью в США. «Почему он сделал это и ... что будет теперь? — такими вопросами задавался «Американский Русский Вестник», комментируя решение Жатковича подать в отставку. — На первый вопрос ответ дал сам губернатор 17 марта на чайном вечере, устроенном для русской интеллигенции. Тогда он сказал, что руки его связаны, и он не может работать для своего народа так, как он бы хотел... Мы видим, что наша автономия существует

⁴³⁹ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1922, krabice 401.

⁴⁴⁰ Ibidem.

⁴⁴¹ Ibidem.

⁴⁴² AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1922, krabice 401. Paralyzování činnosti Žatkovičovy v Americe. Dne 2. prosince 1921.

лишь на бумаге... Что касается губернаторства, то эта должность как явный символ нашей все еще невидимой автономии ни на минуту не должна оставаться пустой, а губернатором Подкарпатской Руси может быть только урожденный русин... Правительство также обязано передать в ведение Подкарпатской Руси всю Ужанскую и Земплинскую жупы...». ⁴⁴³

Чехословацкая политика в отношении Подкарпатя после ухода Жатковича определялась указанием Масарика о необходимости обеспечить «пассивность русинских деятелей» и была направлена на максимальную нейтрализацию возможных действий Жатковича по достижению автономии края. Пожелание «Американского Русского Вестника», чтобы место губернатора как символ автономии Подкарпатя «ни на минуту не оставалось пустым», не оправдалось. Чехословацкие власти в течение двух с половиной лет после отставки Жатковича не назначали губернатора, предпочитая управлять Подкарпатской Русью с помощью вице-губернатора Эрэнфельда и пытаясь создать за это время необходимые условия для обеспечения требуемой Масариком «пассивности русинских деятелей».

* * *

В своих донесениях в канцелярию президента республики в 1921–1923 гг. вице-губернатор Эрэнфельд подробно информировал о своих усилиях, направленных на консолидацию политической ситуации в Подкарпатской Руси и на объединение местных славянских партий. Особое внимание Эрэнфельд уделял сближению протежируемых им украинофильских партий, включая хлеборобскую партию М. Брацайко и А. Волошина и социал-демократическую партию Е. Пузы, с русофильскими политическими структурами А. Бескида и А. Гагатко. В своем донесении в канцелярию президента республики 16 июля 1921 г. Эрэнфельд сообщал о своей доверительной встрече с лидером Русской Центральной Народной Рады русофилом А. Бескидом, который, не проявив интереса к сближению с украинофилами, «выразил готовность к консолидации с чешскими партиями, в первую очередь с партией социалистов», и предложил провести агитационную кампанию, пропагандирующую «любовь между русским и чешским народом». ⁴⁴⁴ Бескид оценивал стоимость агитационной кампании в 20000 крон. В своем донесении Эрэнфельд высказывался за выделение Бескиду данной суммы. ⁴⁴⁵

⁴⁴³ Американский Русский Вестник. Гомстед, ПА. 8 апреля, 1921. № 15.

⁴⁴⁴ A ÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1921, 22 c, krabice 403.

⁴⁴⁵ Ibidem.

Во время своего визита в канцелярию президента 25 января 1923 г. Эренфельд доложил о том, что после длительных усилий ему удалось добиться создания коалиции славянских партий Подкарпатской Руси, включая селянско-республиканскую, хлеборобскую, социал-демократическую, консервативную партию Волошина, а также русофильские партии Бескида и Гагатко.⁴⁴⁶ Впрочем, известие Эренфельда о формировании коалиции славянских партий было поспешным и не означало стабилизации политической ситуации в Подкарпатье. Так, месяц спустя после доклада Эренфельда А. Волошин на страницах газеты «Русин» резко критиковал партию русофила Гагатко, обвиняя его в нападках на формируемый блок партий, в стремлении ввести великорусский язык в гимназии и в намерении упразднить то положение Генерального статута, в соответствии с которым «народный язык» должен был стать языком преподавания.⁴⁴⁷

П. Эренфельд так и не смог добиться создания широкой коалиции славянских партий. Неудачные для протезируемых Эренфельдом украинофильских партий итоги местных выборов, состоявшихся в сентябре 1923 г., предопределили закат его политической карьеры в Подкарпатской Руси. На местных выборах в Подкарпатской Руси в сентябре 1923 г. убедительную победу одержала карпаторусская земледельческая республиканская партия (аграрии), в состав которой вошли политические структуры русофилов А. Бескида, А. Гагатко и И. Каминского. Аграрии получили 666 мандатов (41,3% голосов), намного опередив поддерживаемых Эренфельдом социал-демократов (347 мандатов, 21,5% голосов) и украинскую хлеборобскую партию (102 мандата, 6,3% голосов).⁴⁴⁸ По мнению ужгородского еженедельника «Русская земля», за украинофильские партии голосовали главным образом выходцы из Галиции, осевшие в Подкарпатской Руси и получившие здесь чехословацкое гражданство.⁴⁴⁹ 13 ноября 1923 г. Эренфельд подал в отставку с поста вице-губернатора. В ходе состоявшейся в этот же день беседы в канцелярии президента Эренфельд признал, что его отставка вызвана давлением аграрной партии, представители которой предложили ему уйти самому, в противном случае пригрозив смещением с должности.⁴⁵⁰

Попытки официальной Праги «приручить» политические партии в Подкарпатской Руси, умерив их радикализм и переориентировав их с борьбы за автономию в более конструктивное по отношению к чехословацким властям русло, не были полностью успешными. Так, совершенно не оправда-

⁴⁴⁶ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1923/1, krabice 402.

⁴⁴⁷ Русин. 25.02.1923. Число 11.

⁴⁴⁸ Русская земля. 20 сентября 1923. № 36.

⁴⁴⁹ Там же.

⁴⁵⁰ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1923, 22 b, krabice 403.

лись прогнозы вице-губернатора Эренфельда о резком снижении популярности коммунистической партии в крае, которые он направлял в канцелярию президента республики в 1922 г.

Низкий уровень жизни и многочисленные социально-экономические проблемы в большей мере влияли на популярность различных политических партий в Подкарпатской Руси, чем пражская политическая инженерия. Самой популярной партией в регионе в течение практически всего межвоенного периода оставалась коммунистическая партия Чехословакии. В ходе парламентских выборов 1924 г. компартия получила в Подкарпатской Руси рекордное число голосов — 39,4%. Во время выборов в 1925 г. коммунисты получили 30,8% голосов; в 1929 г. — 15,2% голосов и в 1935 г. — 24,4% голосов избирателей. Второй по популярности была республиканская партия земледельцев и мелких крестьян (аграрная партия), получившая на выборах 1924 г. 6,4% голосов; в 1925 г. — 14,2% голосов; в 1929 г. — 29,1% и в 1935 г. — 19% голосов избирателей. Большим влиянием среди русинского населения Подкаратья пользовался Автономный Земледельческий союз, выражавший интересы русинских крестьян и русофильские настроенного грекокатолического духовенства и опиравшийся на русофильское культурно-просветительское общество имени А. Духновича. Если на выборах 1924 г. Автономный Земледельческий союз получил 8,4% голосов, то в 1925 г. число проголосовавших за союз возросло до 11,6%, а в 1929 г. — до 18,2%. В 1935 г. за Автономный Земледельческий союз проголосовало 13,9% избирателей. Определенным влиянием в Подкарпатской Руси пользовалась также чехословацкая социал-демократическая партия. Популярность всех остальных чехословацких политических партий, включая национальных социалистов и национальных демократов, была крайне низкой, распространяясь лишь на находившихся в Подкарпатской Руси чехов.⁴⁵¹ Специфика политических партий в Подкарпатской Руси определялась тем, что они формировались здесь в основном двумя путями: «расширением активности чешских и словацких партий, создававших здесь свои дочерние организации, и созданием партий в самом крае, деятельность которых ... носила локальный характер и часто выражала интересы ... отдельных национальных групп Подкарпатья: русинов, венгров и евреев».⁴⁵²

Разочарование политическими предпочтениями населения Подкарпатской Руси выразили 7 января 1927 г. близкие к официальной Праге

⁴⁵¹ См.: Brandeys J. Vývoj politických poměrů na Podkarpatské Rusi v období 1918–1935 // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi. V Bratislavě. 1936. S. 76–81.

⁴⁵² Lixmeij I. Українське питання в діяльності політичних партій Підкарпатської Русі (1919–1939 pp.) // Zakarpatská Ukrajina v rámci Československa (1918–1939). Prešov. 2000. S. 81.

и к группе Града «Лидове новины», с досадой констатировавшие, что «русинский народ, отдавая электоральные предпочтения коммунистам и автономистам, ... продемонстрировал сознательный отход от государственной идеи».⁴⁵³ Попытки чешских партий создать свои отделения в Подкарпатской Руси «Лидове новины» оценивали негативно, отмечая, что «отличительной чертой сотрудничества пражских партий с их подкарпатскими филиалами является абсолютная неоднородность их программ».⁴⁵⁴ По мнению «Лидовых новин», результатом борьбы пражских партий за «подкарпатского сельского пролетария» стало лишь «отклонение русинов от государственной идеи» и «участившиеся в последнее время античешские выступления».⁴⁵⁵

Вопрос о кандидатуре нового губернатора Подкарпатской Руси Прага решала в соответствии с указанием Масарика об обеспечении «пассивности русинских деятелей» и с учетом меняющихся условий на политической сцене Чехословакии. Назначение русофила А. Бескида, противника проукраинской политики чехословацких властей и оппонента Г. Жатковича, вторым губернатором Подкарпатской Руси осенью 1923 г., было связано с изменением политических декораций в Праге, где на смену правящим социал-демократам пришли аграрии. Стремление лидеров аграрной партии к консолидации политической ситуации в Подкарпатской Руси выразилось в некоторых уступках местным русофилам, результатом чего и стало назначение популярного среди русинов Бескида, который рассматривался правящими аграриями как наиболее подходящая фигура на должность губернатора. Реальная власть в крае, однако, с самого начала принадлежала не Бескиду, а представителю аграрной партии вице-губернатору А. Розсыпалу.

Помимо А. Бескида Прага рассматривала и другие кандидатуры на должность губернатора Подкарпатской Руси. Так, А. Нечас, курировавший вопросы Подкарпатской Руси в канцелярии президента, наряду с Бескидом рассматривал кандидатуру ужгородского жупана Желтвая, которому он отдавал предпочтение в качестве возможного губернатора Подкарпатя. В своей аналитической записке Нечас характеризовал Желтвая как представителя «автохтонного гнезда» в Ужгороде, которое отрицает как украинскую, так и великорусскую ориентацию. В языковом вопросе, по словам Нечаса, Желтвай занимал компромиссную позицию, исходя из того, что в Подкарпатье всегда будет существовать «двойной» язык — простой, используемый русинами в устном общении, и «окультуренный» язык интеллигенции, обогащенный великорусскими словами. «Хотя данную теорию жупана Желтвая трудно применить в реальной жизни, ее разделяет вся консервативная подкарпаторус-

⁴⁵³ Lidové noviny. 7. ledna 1927. Číslo 9.

⁴⁵⁴ Ibidem.

⁴⁵⁵ Ibidem.

ская интеллигенция старшего поколения, — признавал Нечас. — С партиями русской ориентации доктор Желтвай находится в состоянии доброжелательного нейтралитета; с партиями русинской ориентации — скорее в недоброжелательных отношениях».⁴⁵⁶ Умеренная культурно-языковая ориентация Желтвая больше устраивала Нечаса, чем ориентация Бескида, которого он характеризовал как рьяного сторонника великорусской ориентации.

Отмечая, что и Бескид, и Желтвай происходят из семей грекокатолических священников, занимают оппортунистическую позицию к правительству и являются членами аграрной партии, Нечас высказывался в пользу Желтвая на посту губернатора, аргументируя это тем, что умеренный Желтвай, в отличие от ярого приверженца великорусской ориентации Бескида, более приемлем для партий украинфильского направления. Кроме того, Нечас указывал на больший административно-управленческий опыт Желтвая, на его индифферентность, в отличие от Бескида, в вопросе ревизии границы между Словакией и Подкарпатской Русью, а также на большую энергичность и более развитые представительские качества Желтвая. «Коллебия и слабость доктора Бескида в Подкарпатской Руси общеизвестны, и над ними смеются»⁴⁵⁷, — подчеркивал Нечас. Вместе с тем Нечас рекомендовал «материально обеспечить» Бескида, предоставив ему несколько «хорошо оплачиваемых должностей», что, по мнению чешского чиновника, отвратило бы Бескида и его сторонников от оппозиционной деятельности.⁴⁵⁸ Несмотря на доводы Нечаса в пользу Желтвая, губернатором в итоге был назначен именно Бескид, который, судя по всему, стал компромиссной и наиболее приемлемой фигурой в этой должности для руководства аграрной партии и группы Града. В обмен на должность губернатора Бескид согласился уйти из руководства основанной им оппозиционной Русской Народной партии в Словакии и в целом снизить критику чехословацких властей.⁴⁵⁹

«Данным назначением правительство лишь исполнило свою элементарную обязанность, поскольку не заполнение такой важной ... представительской должности, как губернатор, в течение такого длительного времени было попросту скандалом, — комментировал назначение Бескида «Американский Русский Вестник». — Но нас радует, что на это место был назначен щирый традиционный русский человек. Надеемся, что его умение внесет порядок ... в ожесточенную партийную жизнь в Подкарпатской Руси».⁴⁶⁰

⁴⁵⁶ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1924, krabice 403. Kandidáti seljansko-republikánské strany na úřad guvernéra Podkarpatské Rusi.

⁴⁵⁷ Ibidem.

⁴⁵⁸ Ibidem.

⁴⁵⁹ См.: Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition. P. 37.

⁴⁶⁰ Американский Русский Вестник. Гомстед, ПА. 9 ноября, 1923. № 45.

Еще более оптимистично оценивала назначение Бескида русофильская «Русская земля». В статье под заголовком «Исполняется воля народа» «Русская земля» приветствовала на посту губернатора «всеми уважаемого и любимого, многолетнего деятеля на народной ниве Антона Григорьевича Бескида», назначенного «после долголетней борьбы, неудачного губернаторства д-ра Жатковича и почти трехлетнего владычества д-ра Эренфельда, под давлением воли народа...».⁴⁶¹

Со сменой руководства Подкарпатской Руси прежний полностью проукраинский курс Праги подвергся определенной корректировке в пользу русофилов, поскольку и губернатор Бескид, и вице-губернатор Розсыпал были противниками украинской ориентации. Тем не менее корректировка проукраинской политики Праги носила косметический характер, поскольку такая принципиально важная сфера, как образование и школьная политика, по-прежнему была под контролем украинофилов.

Спустя несколько месяцев после прихода в Подкарпатскую Русь нового руководства советник чехословацкого правительства доктор Франкенбергер в своем донесении в канцелярию президента 5 января 1924 г. констатировал общее ухудшение положения в Подкарпатской Руси по сравнению с предыдущим руководством. По словам Франкенбергера, «была упущена возможность достижения согласия между подкарпатскими партиями, которая существовала в первые месяцы после назначения доктора Бескида и доктора Розсыпала. ... Если вице-губернатор Эренфельд постоянно совещался с Волошиным, Брацкайко ... и другими представителями русинского направления, то вице-губернатор Розсыпал поддерживает контакты только с представителями великорусского направления... На третий день после своего назначения вице-губернатор Розсыпал вступил в конфликт с губернатором Бескидом, и отношения между ними остаются напряженными...».⁴⁶²

Сделав губернатором Бескида, Прага успешно добилась поставленной Масариком цели, заключавшейся в обеспечении «пассивности русинских деятелей». Занимая данный символический пост без реальной политической власти вплоть до своей смерти в июне 1933 г., Бескид «не предпринимал никаких попыток, чтобы изменить данное положение».⁴⁶³ Будучи губернатором Подкарпатской Руси, Бескид стремился избегать какой-либо конфронтации с Прагой, и предпринимаемые им действия были спорадическими, робкими и непоследовательными. В документе о положении в Подкарпатской Руси, который Масарик направил Швегле 5 марта 1927 г., упоминалось

⁴⁶¹ Русская земля. 22 ноября 1923. №45.

⁴⁶² AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1924, krabice 403. Informace Dra Frankenbergra o politické situaci na Podkarpatské Rusi.

⁴⁶³ Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition. P. 37.

о просьбах, с которыми Бескид 2 марта 1927 г. обратился в канцелярию президента республики. В первую очередь Бескид просил увеличить размер контролируемого им фонда со «100.000 крон до 200.000–300.000 крон».⁴⁶⁴ Бескид также просил расширить полномочия губернатора, аргументируя это тем, что данный шаг способствовал бы более уважительному отношению к институту губернаторства «прежде всего со стороны мадьяр». Кроме того, Бескид высказывал желание устроить на «первом этаже жупанского дома казино».⁴⁶⁵ В заключение Бескид, стремясь подчеркнуть свою лояльность Праге, заявлял о том, что он «полностью признает» то обстоятельство, что «сейм Подкарпатской Руси еще не может быть создан».⁴⁶⁶

Чрезмерная пассивность Бескида и его полная зависимость от местной чешской администрации создавали определенные неудобства для Праги, заинтересованной в поддержании авторитета государственной власти в крае. Ссылаясь на неназванного «знатока положения в Подкарпатье», Масарик писал Швегле, что в Подкарпатской Руси Бескида воспринимают как ставленника аграрной партии и поэтому не считают его достаточно объективным. «Он не встречается ни с народом, ни с депутатами. Вице-губернатор его не уважает и часто в ущерб государственному авторитету прямо над ним насмехается, — писал о Бескиде Масарик. — Исправить положение можно было бы таким образом: 1). Должности мелких чиновников заполнять выходцами из народа. 2). В учреждениях с русским народом дела вести по-русски и выдавать документы на русском языке; чешские чиновники часто ведут дела по-чешски... 3). Крайне вредит то обстоятельство, что чиновники легко и часто дают людям обещания, которые потом не выполняют...».⁴⁶⁷ В этом же документе Масарик неслучайно отзывался об органе чехословацкой администрации в Подкарпатской Руси газете «Подкарпатске Гласы», которая, как писал Масарик, «ведет себя крайне нетактично. ... Очень часто газета презрительно отзывается о необразованности народа и употребляет слово «Руснак», которое здесь не любят...».⁴⁶⁸

А. Бескид на посту губернатора не проявлял особой активности и в вопросе ревизии границы между Словакией и Подкарпатской Русью, хотя в начале 1920-х гг. в качестве главы оппозиционной Русской Народной партии он энергично выступал за присоединение населенных русинами областей Словакии к Подкарпатью. Умеренность Бескида в этом вопросе была очень удобна чехословацкому руководству, которое приняло новый администра-

⁴⁶⁴ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1927, krabice 403. Podkarpatská Rus.

⁴⁶⁵ Ibidem.

⁴⁶⁶ Ibidem.

⁴⁶⁷ Ibidem.

⁴⁶⁸ Ibidem.

тивный закон, вступивший в силу в 1928 г. В соответствии с законом, территория Чехословакии делилась на четыре провинции: Чехию, Моравию-Силезию, Словакию и Землю Подкарпатскую. Вопреки стремлению подкарпатских и прешовских русинов к воссоединению, данный закон утвердил и легализовал существовавшую границу между Словакией и Подкарпатской Русью, которая до этого считалась временной.

Закон заметно разочаровал русинскую общественность, надеявшуюся на территориальное объединение русинов. Более того, в ходе подготовки данного закона проявилось стремление части чехословацкого руководства административно отделить Ужгород от Подкарпатской Руси и передать его Словакии, что вызвало возмущение русинской общественности и политиков. «Новым законом хотят Ужгород и всю ужанскую жупу присоединить к Словакии, а столичным городом хотят сделать Мукачево, — писал по этому поводу «Американский Русский Вестник». — ... Все послы и сенаторы Карпатской Руси против этого покушения выступили единогласно...».⁴⁶⁹ Среди одной из причин данного «покушения» русинская пресса называла стремление партии Глинки присоединить Ужгород и прилегающий к нему район к Словакии.⁴⁷⁰

С административной реформой 1928 г. было связано учреждение новой должности — земского президента Подкарпатской Руси, который, являясь символом пражского централизма, полностью сосредоточил в своих руках все административные рычаги управления краем, сделав функции губернатора еще более декоративными. Земским президентом был назначен представитель аграрной партии А. Розсыпал, занимавший до этого пост вице-губернатора Подкарпатя. Данное назначение было сделано вопреки мнению некоторых чиновников канцелярии президента, указывавших на то, что при Розсыпале в Подкарпатской Руси случилось несколько громких афер, дискредитирующих Прагу, а также на то, что за время своего четырехлетнего пребывания в Подкарпатской Руси Розсыпал так и не научился «хотя бы несколькими вежливыми фразами по-русински или по-венгерски».⁴⁷¹

На аудиенции в канцелярии президента республики 7 ноября 1930 г. Бескид пытался убедить чехословацкое руководство в бесполезности должности земского президента. Бескид аргументировал, что «при правильном разделении компетенции губернатора и вице-губернатора в этой должности нет необходимости», указывая, что за семь лет пребывания на посту губернатора он «предоставил достаточно доказательств своей уступчивости, хотя правительство забрало почти все полномочия у губернатора и переда-

⁴⁶⁹ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. March 3, 1927. №9.

⁴⁷⁰ Ibidem.

⁴⁷¹ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1929, krabice 403. Otázka zemského presidenta Podkarpatské Rusi.

ло их вице-губернатору».⁴⁷² Здесь же Бескид даже заявил о своей готовности удовлетвориться отсутствием автономии и сейма при условии передачи в его компетенцию церковных и образовательных вопросов.⁴⁷³ Однако Прага в очередной раз проигнорировала доводы А. Бескида, утвердив должность земского президента. В беседе со словацким политиком и публицистом К. Сидором в начале 1930-х гг. А. Бескид сетовал на лишение его губернаторских полномочий, которые Прага передала земскому президенту.⁴⁷⁴

Кущые полномочия губернатора Подкарпатя и политика Праги, направленные на дальнейшее ограничение и без того скромных губернаторских прерогатив, были предметом постоянной критики русинских деятелей. В начале 1930-х годов особое возмущение русинской общественности вызвало ограничение прав губернатора в области назначения учителей в школы Подкарпатской Руси и передача этого права Министерству просвещения Чехословакии.⁴⁷⁵ «Губернатор при нынешнем положении ... является чиновником, носящим титул без компетенции, — резюмировал в июне 1933 г. «Карпаторусский голос», оценивая деятельность умершего 16 июня 1933 г. второго губернатора Подкарпатской Руси А. Бескида. — Мы уже пережили время, когда после отставки Жатковича место губернатора не было заполнено в течение двух лет... Выборы в автономный сейм откладываются, права губернатора переданы частью министерствам, частью земскому президенту. А. Г. Бескиду, лишенному возможности осуществлять свои автономные права, ничего больше не оставалось, как протестовать перед правительством и подавать требования, в ответ на которые получались только обещания, что «автономия проведется». А в то время ... школьный реферат антидемократическим способом продолжал украинизацию и денационализацию наших детей...».⁴⁷⁶

* * *

С начала 1930-х гг. отношение чехословацких властей к Подкарпатской Руси стало меняться. В условиях нарастающих противоречий с Венгрией, Польшей и Германией Прага начала демонстрировать все большую заинтересованность в своей самой восточной провинции, обеспечивавшей общую границу Чехословакии с Румынией — союзницей Праги по Малой Антанте. В одном из своих выступлений в 1933 г. Бенеш подчеркивал важную роль

⁴⁷² AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1926–1931, 22 d, krabice 403.

⁴⁷³ Ibidem.

⁴⁷⁴ Sidor K. Na Podkarpatskej Rusi. Úvahy, rozhovory a dojmy. Bratislava, 1933. S. 32.

⁴⁷⁵ См.: Карпаторусский голос. 18 мая 1932. №3.

⁴⁷⁶ Карпаторусский голос. 24 июня 1933. №137.

Подкарпатской Руси для Чехословакии в качестве моста, соединяющего ее с Малой Антантой, и констатировал, что Подкарпатье является неотъемлемой частью Чехословацкой республики. Возросшее внимание Праги к своей восточной провинции проявилось в том, что в 1934 г. Бенеш посетил Подкарпатскую Русь, сделав здесь заявление о важности Подкарпатя в чехословацкой внешней политике.

Усиление ирредентистских тенденций в набирающем силу украинском движении и его растущая ориентация на Берлин побудили Прагу к пересмотру политики благоприветствия украинофилам и одновременно к некоторым уступкам русофилам и представителям местного русиофильского направления. После того, как в 1935 г. Бенеш занял пост президента Чехословакии, данные тенденции в чехословацкой политике в Подкарпатской Руси заметно усилились.

После смерти второго губернатора Подкарпатской Руси А. Бескида в июне 1933 г. данный пост на протяжении двух лет оставался вакантным. В 1935 г. третьим губернатором Подкарпатской Руси был назначен греко-католический священник и русинский общественный деятель К. Грабарь, член правящей аграрной партии и представитель местной русинской ориентации, не участвовавший ни в русофильском, ни в украинском движении. Судя по всему, выбор Праги пал на Грабаря не только в силу его принадлежности к местной ориентации, но и по причине отсутствия у него каких-либо политических амбиций и решительности, что делало его весьма удобной фигурой, позволявшей Праге управлять Подкарпатьем без каких-либо препятствий со стороны губернатора. Подобно своему предшественнику в должности губернатора А. Бескиду, К. Грабарь «не предпринимал каких-либо реальных инициатив и ни в малейшей мере не изменил символический характер поста губернатора... Его полномочия как губернатора были несколько расширены в соответствии с законом № 172, принятым чехословацким парламентом в 1937 г., но в ходе политического кризиса 1938 г. Грабарь по сути оставался сторонним наблюдателем в борьбе между чехословацким правительством и радикальными группами различных национальных ориентаций за автономию».⁴⁷⁷

Решению Праги о назначении Грабаря губернатором предшествовала оживленная лоббистская деятельность русофилов и украинофилов, стремившихся добиться продвижения на данный пост своих представителей. Советник президента Чехословакии в вопросах Подкарпатской Руси И. Парканий сообщал 2 декабря 1932 г. в канцелярию президента о том, что русофильские партии выступают против планов назначения Грабаря губер-

⁴⁷⁷ Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition. P. 202.

натором Подкарпатской Руси. По словам Парканий, лидеры русофилов высказывались за кандидатуру К. Мачика, вице-президента верховного суда в Кошице и одного из лидеров Русской Народной партии в Словакии, которого они характеризовали как «доброего Славянина и верного гражданина республики».⁴⁷⁸

В свою очередь, представители украинофилов А. Волошин и С. Ключурак в меморандуме Масарику от 10 августа 1933 г. клеймили «режим покойного губернатора А. Бескида» за «национальную дезориентацию» местного населения и поддержку мадьяризации, высказываясь против возможного назначения на пост губернатора Подкарпатской Руси русофилов Бачинского и Каминского, которых они обвиняли в «дореволюционной ментальности» и «выпадах против народного языка».⁴⁷⁹ По мнению Волошина и Ключурака, на должность губернатора должен был быть назначен «русин, обладающий национальным самосознанием»,⁴⁸⁰ под которым они подразумевали украинскую идентичность. Грабарь, не принадлежавший ни к русофильскому, ни к украинофильскому лагерю, был удобен для Праги как компромиссная и нейтральная политическая фигура. Однако при этом Грабарь не имел никакого влияния на русофильское и украинофильское направления, что ограничивало контроль Праги над их деятельностью.

Середина 1930-х гг. в Подкарпатской Руси была отмечена активизацией движения за автономию провинции среди местных политических сил как русофильской, так и украинской ориентации. При этом «украинский лагерь не был таким радикальным, как некоторые русофильские круги; украинская сторона была готова на компромиссы с чехами».⁴⁸¹ Характерной чертой автономистского движения в Подкарпатской Руси в 1930-е гг. была его связь с соседними Польшей и Венгрией, которые стремились к дестабилизации положения в Чехословакии. Польские власти, поддерживавшие русофилов, были прежде всего заинтересованы в ослаблении украинского движения в Чехословакии, тесно связанного с Восточной Галицией, в то время как Будапешт вынашивал планы реванша, намереваясь вернуть себе утраченные после Первой мировой войны территории бывшего венгерского государства, вошедшие в состав Чехословакии. И Варшава, и Будапешт были заинтересованы в автономии Подкарпатя, что делало их естественными союзниками автономистского движения в Подкарпатской Руси.

⁴⁷⁸ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1932, krabice 403.

⁴⁷⁹ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1932, krabice 403. Memorandum v záležitosti obsazení místa guvernéra Podkarpatské Rusi.

⁴⁸⁰ Ibidem.

⁴⁸¹ Маркусь В. Політично-правова еволюція Підкарпатської Русі в Чехословаччині // Zakarpatská Ukrajina v rámci Československa. Prešov, 2000. S. 15.

Влиятельный в Подкарпатье Автономный Земледельческий Союз, лидер которого А. Бродий избирался депутатом чехословацкого парламента, в своей борьбе за автономию опирался на поддержку соседней Венгрии. Лидер Русской национально-автономной партии С. Фенцик, активный русофильский политик и глава общества им. А. Духновича, в своей борьбе с украинофилами и за автономию Подкарпатья пользовался поддержкой Польши, дипломатические представительства которой в Чехословакии финансировали политическую и издательскую деятельность Фенцика и подконтрольных ему структур.⁴⁸²

В качестве главы Русской национально-автономной партии и депутата парламента Чехословакии С. Фенцик активно боролся за автономные права Подкарпатской Руси. В направленной главе правительства Чехословакии М. Годже в конце 1935 г. интерpellации по поводу автономии Подкарпатья, Фенцик констатировал, что со времени подписания Сен-Жерменского договора прошло более 16 лет, но «автономия Подкарпатской Руси до сего дня не осуществлена... За истекший период времени не произведена даже подготовка для осуществления автономии. Вместо гарантированной международным договором и основными законами нашей республики «самой широкой автономии», управление нашим краем вверено земскому президенту, экспоненту централистских устремлений... Назначение губернатора, который по смыслу договора должен быть назначен Президентом республики из числа кандидатов, предложенных сеймом, и который должен отвечать сейму..., является нарушением основных законов».⁴⁸³ В этом же документе Фенцик характеризовал положение в сфере языка, образования и вероисповедания в Подкарпатской Руси как «полнейшую анархию, хаос и беззаконие», возлагая ответственность за подобное положение вещей на «вмешательство центральных органов» и напоминая, что все данные вопросы относятся к компетенции все еще отсутствующего в Подкарпатской Руси сейма. По словам Фенцика, трудности, обычно указываемые чехами в качестве причин задержки автономии, являются лишь «публицистическими увертками», поскольку в действительности нет никаких «серьезных препятствий для осуществления автономии».⁴⁸⁴

Особенно жесткой критике Фенцик подверг языковую политику Праги в Подкарпатской Руси. «К настоящему времени русский язык вытеснен из всех урядов и заменен чешским, что противоречит духу автономной части рес-

⁴⁸² Ванат І. Нариси новітньої історії українців Східної Словаччини. С. 251–252.

⁴⁸³ Интерpellации, поданные Председателю Совета министров и министрам Чехословацкой республики депутатом Народного Собрания доктором Степаном А. Фенциком. Издание Русской национально-автономной партии. Ужгород, 1936. С. 4.

⁴⁸⁴ Там же. С. 5–6.

публики, — констатировал Фенцик. — ... Попраны права населения и поруганы лучшие его чувства. Всем этим карпатороссы поставлены в положение худшее, чем даже меньшинства (мадьяры, евреи, поляки, немцы), которые пользуются в корреспонденции и в урядах своим языком...».⁴⁸⁵ Интерpellация критически отзывалась и об образовательной политике чехословацких властей, указывая на то, что после присоединения к Чехословакии «у нас начался языковой хаос, когда школьные власти стали под видом «местного народного языка» вводить искусственный язык украинский. Во многих школах продолжали преподавать на русском литературном языке, пока МШАНО (Министерство народного просвещения. — Прим. К. Ш.) не издало распоряжение 31.170–32-I-1, которым запретило употреблять неодобренные русские учебники...».⁴⁸⁶ Отвечая на данную интерpellацию, чехословацкий премьер М. Годжа лишь невнятно пообещал, что «будет продолжаться дальнейшее постепенное решение вопросов, находящихся в связи с автономией Подкарпатской Руси».⁴⁸⁷

Борьбу за предоставление автономии Подкарпатской Руси вел в это время Карпаторусский Союз в США, основанный А. Геровским, внуком А. Добрянского и крупным общественным деятелем Подкарпатья. А. Геровский, являясь лидером православного движения среди карпатских русинов, с самого начала своей политической деятельности в независимой Чехословакии энергично и бескомпромиссно боролся за автономию Подкарпатья на международной арене, вызывая острое недовольство официальной Праги. В 1925 г. на конгрессе национальных меньшинств в Женеве А. Геровский распространил среди делегатов материалы, обвинявшие чехословацкое правительство в невыполнении взятых на себя международных обязательств. Регулярно выступая с жесткой критикой чехословацких властей в международной прессе, Геровский обвинял Прагу в проведении «колониальной политики» в отношении Подкарпатья. Резко обострившиеся отношения с чешскими властями вынудили Геровского в 1926 г. эмигрировать в Югославию и в 1930 г. — в США, где он возглавил Карпаторусский Союз, объединивший широкие слои русинской диаспоры в Северной Америке. В 1930 г. Геровский направил в Лигу Наций меморандум, призывая руководство этой международной организации принудить Чехословакию к выполнению принятых

⁴⁸⁵ Интерpellации, поданные Председателю Совета министров и министрам Чехословацкой республики депутатом Народного Собрания доктором Степаном А. Фенциком. Издание Русской национально-автономной партии. Ужгород, 1936. С. 12–13.

⁴⁸⁶ Там же. С. 14–15.

⁴⁸⁷ Ответы на интерpellации, поданные Председателю Совета министров и министрам Чехословацкой республики депутатом Народного Собрания доктором Степаном А. Фенциком. Издание Русской национально-автономной партии. Ужгород, 1936. С. 83.

на себя обязательств в отношении Подкарпатья.⁴⁸⁸ Однако главе чехословацкого МИДа Бенешу, имевшему стойкую репутацию демократа и либерала в глазах западноевропейских политиков, удавалось нейтрализовать все жалобы русинских лидеров ссылками на различные объективные причины, препятствовавшие введению автономии.

Тем не менее активность русинских деятелей в США и критические материалы в отношении Чехословакии, регулярно появлявшиеся на страницах североамериканской русинской прессы, вызывали нервозность в Праге, которая для противодействия критике в свой адрес нередко прибегала к мерам, противоречившим имиджу Чехословакии как свободной и демократической страны. Так, весной 1935 г. чехословацкий МИД воспрепятствовал доставке газеты «Американский Русский Вестник», органа Соединения Грекокатолических Русских Братств в Северной Америке, своим читателям в Чехословакии. В открытом письме главе чехословацкого МИДа 9 мая 1935 г. редакция «Американского Русского Вестника» писала: «Чехословацкая почта получила распоряжение от правительства Чехословацкой республики, по которому наши газеты по неизвестной нам причине запрещены в Чехословакии. ... Такое распоряжение оправдывает тех, кто утверждает, что в Чехословакии нет свободы слова и печати. ... Такое распоряжение есть и знаком неблагодарности со стороны чехословацкого правительства, ибо эти газеты имеют заслуги ... в создании Чехословацкой республики... Эти газеты должны иметь право выразить мнение Американского Карпаторусского Народа..., хотя бы это мнение было не по вкусу правительственным кругам...».⁴⁸⁹

Редакция «Вестника» выражала сожаление в связи с тем, что «мы не всегда можем славить политику Чехословакии... Жизненные интересы Подкарпаторусского народа требуют от нас, чтобы ... мы выразили свое негодование, когда мы видим, что правительственные круги Чехословацкой республики не соблюдают условия Мирного Договора, в котором предусмотрена полная автономия для всех русских к югу от Карпат... Перед переворотом «Вестник» часто выступал против мадьярского правительства, но вопреки этому никогда мадьярское правительство не запрещало простую доставку нашей газеты на территорию тогдашнего мадьярского государства...».⁴⁹⁰

Под влиянием русинской диаспоры в Северной Америке и с целью объединения усилий в борьбе за автономию к середине 1930-х гг. произошло некоторое сближение позиций русофилов и украинофилов. В Подкарпатской Руси возобновила свою деятельность Центральная Русская Народная Рада, организовавшая 8 мая 1934 г. в Ужгороде съезд делегатов от русинского

⁴⁸⁸ *Vanat I.* Нариси новітньої історії українців Східної Словаччини. С. 251.

⁴⁸⁹ *Amerikansky Russky Viestnik.* Homestead, PA. May 9, 1935. № 19.

⁴⁹⁰ *Ibidem.*

населения Подкарпатья и Словакии. На съезде, созванном по поводу пятнадцатилетия присоединения Подкарпатской Руси к Чехословакии, была принята резолюция, отправленная президенту Масарику, в которой указывалось, что, несмотря на «добровольность» вхождения Подкарпатья в состав Чехословакии, чехословацкое правительство за 15 лет так и не выполнило своих международных обязательств по предоставлению автономии Подкарпатской Руси. Ссылаясь на положения Сен-Жерменского мирного договора, резолюция требовала введения автономии, созыва сейма, корректировки границы между Словакией и Подкарпатской Русью, расширения прав губернатора и признания русского языка официальным языком делопроизводства и обучения в Подкарпатской Руси.⁴⁹¹

После парламентских выборов в 1935 г., на которых аграрная партия в Подкарпатской Руси потеряла около трети голосов избирателей (10%), новый премьер-министр Чехословакии аграрий М. Годжа принял решение пойти навстречу требованиям русинских политиков в вопросе автономии. В декабре 1935 г. недавно назначенный губернатором Подкарпатья К. Грабарь сообщил о намерении президента Бенеша и премьера Годжи приступить к первому этапу введения автономии. Намерения Праги были с большими надеждами встречены русинской общественностью. 12 марта 1936 г. состоялось совместное заседание русофильской и украинофильской фракций Центральной Русской Народной Рады, на котором был одобрен меморандум об автономии Подкарпатья, направленный чехословацкому правительству.

Однако надежды русинской общественности на получение автономии в очередной раз оказались напрасными. Единственным реальным результатом обещаний Праги стал принятый чехословацким парламентом в июне 1937 г. закон № 172, лишь несколько расширявший полномочия губернатора, что явно не соответствовало ожиданиям русинов и было с разочарованием встречено русинской общественностью в Чехословакии и в США. «Подкарпатская Русь получила смертельный удар от правительства. Чешское правительство заявило, что пока — вместо автономии — расширит компетенцию губернатора Грабаря, — комментировал политику Праги «Американский Русский Вестник», возлагавший часть вины за происшедшее и на высокопоставленных русинских деятелей. — Губернатор со своей радой будут только советовать, а чехи и в будущем будут решать о нас без нас. В составлении этого проекта участвовали наши карьеристы др. Бачинский, украинофилы Ревай, др. Брашайко и, понятно, сам губернатор Грабарь».⁴⁹²

⁴⁹¹ *Vanat I.* Нариси новітньої історії українців Східної Словаччини. С. 253.

⁴⁹² *Amerikansky Russky Viestnik.* Homestead, PA. July 1, 1937. № 26.

Позднее А. Геровский, ссылаясь на экс-премьера Чехословакии М. Годжу, с которым он тесно общался во время Второй мировой войны в США, где Годжа был в эмиграции, вспоминал, что одним из наиболее принципиальных противников автономии Подкарпатя был глава католической народной партии Чехословакии монсиньор Шрадек, имевший большое влияние на Масарика и Бенеша. По воспоминаниям Геровского, ссылавшегося на Годжу, Шрадек и стоявшая за ним римско-католическая церковь опасались, что предоставление автономии Подкарпатской Руси может окончательно подорвать позиции грекокатолической церкви в регионе и привести к еще большему распространению православия.⁴⁹³

Управление Подкарпатской Русью в рамках чехословацкого государства игнорировало многие важные положения чехословацкой конституции и в известной мере выпадало из правового поля Чехословакии. Среди причин, объясняющих это обстоятельство, чешские авторы упоминают сложные социально-экономические, религиозные и культурно-языковые условия; низкий образовательный уровень населения, недостаток собственной интеллигенции, а также популярность леворадикальных сил.⁴⁹⁴ Довольно открыто отношение чехов к автономии Подкарпатской Руси выразил в 1921 г. в своем обстоятельном донесении президенту Масарику Я. Нечас. «В большей степени, чем мадьяры и евреи, добиваются автономии Подкарпатской Руси мадьяронская интеллигенция и все те автохтоны, которые считают, что их рождение в Подкарпатской Руси дает им право на ведущее положение... Поскольку в Подкарпатской Руси лишь незначительное число русинской интеллигенции и поскольку так называемая автохтонная интеллигенция происходит из мадьяризованных или мадьярских городов и не была воспитана на родном языке большинства народа, немедленное введение автономии ... означало бы в нынешних условиях передачу края в руки бывших венгерских чиновников и еврейства..., которые воспринимают нынешнее соединение Подкарпатской Руси с Чехословакией как временное явление..., — утверждал в своем письме Масарику Нечас. — Введение полной автономии в Подкарпатской Руси означало бы отказ от выполнения великой задачи, которую мы приняли на себя как освободители неграмотного и веками угнетаемого славянского населения...».⁴⁹⁵

Любопытно, что пятнадцать лет спустя Бенеш, занявший пост президента Чехословакии после смерти Масарика, объясняя опасность автономии

⁴⁹³ См.: Путиями истории. Общерусское национальное, духовное и культурное единство на основании данных науки и жизни / Под редакцией О. А. Грабаря. Том I. Нью-Йорк, 1977.

⁴⁹⁴ Peška P. K ústavnímu postavení Podkarpatské Rusi // Střední Evropa a Podkarpatská Rus. Edice statí, reportáží, vzpomínek a dokumentů. 16 svazek. Praha, 1997. S. 76.

⁴⁹⁵ Nečas J. Politická situace na Podkarpatské Rusi (Rok 1921). S. 45.

и невозможность ее введения в Подкарпатской Руси, повторил, по сути, те же аргументы. «Наряду с двумя третями славян треть населения Подкарпатской Руси составляют венгры и евреи, которые еще со времен прежнего режима занимают прочные политические и социальные позиции, — писал Бенеш в 1936 году, объясняя нежелание Праги предоставить автономии Подкарпатской Руси. — Поэтому можно легко представить, что при немедленном введении автономии возникла бы абсурдная и недемократичная ситуация, когда меньшинство получило бы власть над большинством... Только абсолютно не информированный человек может упрекать наше правительство в том, что в этих условиях не была введена автономия...».⁴⁹⁶ При всей кажущейся обоснованности данных аргументов нельзя не заметить, что пятнадцать лет — вполне достаточный срок как для подготовки квалифицированных и лояльных кадров из местного населения, так и для создания других предпосылок, необходимых для введения автономии. Все это подтверждает мнение тех, кто полагает, что чехословацкие власти целенаправленно тормозили создание условий для введения автономии, предпочитая управлять полностью подконтрольной им Подкарпатской Русью непосредственно из Праги.

Таким образом, предусмотренная Сен-Жерменским договором и конституцией Чехословакии автономия Подкарпатской Руси так и не была воплощена в жизнь за все время существования первой чехословацкой республики. Единственным элементом автономии, допущенным чехословацким руководством, была должность губернатора, лишенная, впрочем, реальной власти и в значительной степени декоративная, поскольку деятельность губернатора-русина эффективно контролировалась ставленником Праги в лице вице-губернатора-чеха.

Только в ходе внутривластных потрясений после Мюнхенского соглашения и образования второй чехословацкой республики Подкарпатская Русь получила долгожданную автономию осенью 1938 г. При этом первое автономное правительство Подкарпатской Руси во главе с А. Бродием вскоре было смещено на основании обвинений в провенгерской ориентации; второе правительство украинофила А. Волошина, переименовавшего Подкарпатскую Русь в Карпатскую Украину, было в большей степени ориентировано на Берлин, нежели на Прагу. Тем не менее это не спасло Карпатскую Украину от венгерской оккупации в марте 1939 г., последовавшей сразу после занятия Чехии и Моравии германским вермахтом и образования независимой Словакии.

⁴⁹⁶ Dr. Beneš E. Podkarpatská Rus z hlediska zahraničně-politického // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi. S. 18.

* * *

В социально-экономическом отношении Подкарпатская Русь имела ярко выраженный аграрный облик, заметно отставая от промышленно развитых Чехии и Моравии. Бедность, малоземелье, высокая безработица и широко распространенная неграмотность были самыми острыми социальными проблемами Подкарпатя и восточной Словакии, население которых и в рамках Чехословакии продолжало активно эмигрировать по экономическим причинам главным образом в Северную Америку.

Наибольшее развитие в Подкарпатской Руси получила лишь тесно связанная с сельским хозяйством лесная и лесобрабатывающая промышленность, в которой было занято около 12% трудоспособного населения. Социальная структура населения Подкарпатской Руси была довольно отсталой, отражая аграрный характер ее экономики. Если в целом более 40% самостоятельного населения Чехословакии было занято в промышленности, на транспорте и в торговле и только 37% — в сельском хозяйстве, то в Подкарпатской Руси удельный вес населения, занятого в промышленности, был примерно в четыре раза ниже, чем в чешских землях. В 1930 г. 83,1% русинов было занято в сельском и лесном хозяйстве и лишь 5,8% — в промышленности. В Ужгороде, культурном и административном центре Подкарпатской Руси, к 1918 г. русины составляли около 4% населения; к 1930 г. их численность возросла только до 25%;⁴⁹⁷ большинство городского населения по-прежнему составляли евреи и венгры.

Несмотря на пребывание в составе Чехословакии, русинское население Подкарпатской Руси, занятое в основном в сельском хозяйстве, как и во времена Австро-Венгрии, продолжало подвергаться интенсивной эксплуатации со стороны экономически господствующего венгерского и еврейского капитала. Чешская пресса в 1920-е гг. нередко затрагивала тему «мадьярско-го и еврейского засилья» и злоупотреблений в Ужгороде и других городах Подкарпатя и восточной Словакии. Так, в приложении к газете «Моравская Орлица» 8 декабря 1920 г. была опубликована статья о еврейском произволе по отношению к русинам в Ужгороде. В качестве примера в статье приводились сведения о том, что местные адвокаты-евреи за оформление паспорта в Америку, которое занимало всего несколько часов работы, требовали от бедных русинских крестьян по 1000–2000 крон, что было огромной суммой в тогдашней Чехословакии.⁴⁹⁸

⁴⁹⁷ Magocsi P. R. The Shaping of a National Identity... P. 15.

⁴⁹⁸ Státní Ústřední Archiv (SÚA), fond Ministerstvo zahraničních věcí — výstřížkový archiv, sign. 902, kart. č. 1759. Podkarpatská Rus — Zakarpatská Ukrajina 1919.

В гораздо большей степени, чем дискриминация русинского большинства венгерско-еврейским меньшинством, чехов беспокоила перспектива дестабилизации в этом стратегически важном для них регионе, который связывал Чехословакию с Румынией — союзником Праги по Малой Антанте. Чехословацкие политики не без оснований опасались, что введение автономии могло быть использовано сепаратистскими венгерскими и провенгерскими силами для подрыва чехословацких позиций в Карпатском регионе. Готовность Будапешта разыграть «подкарпатскую карту» проявилась уже в октябре 1921 г., когда венгерское правительство обратилось в Лигу Наций с жалобой на Чехословакию, подняв вопрос о несоблюдении Прагой своих международных обязательств по предоставлению автономии Подкарпатской Руси. Впрочем, снисходительное отношение тогдашнего «мирового сообщества» к масариковской Чехословакии позволило Праге без особых проблем оправдаться указанием на многочисленные трудности, которые препятствовали предоставлению автономии. Амбивалентность пражской политики в Подкарпатской Руси состояла в том, что, старательно декларируя либеральные свободы, пражские чиновники в то же время всячески их ограничивали, не вполне доверяя местному населению и опасаясь активизации ирредентистского движения, в первую очередь венгерского.

«Неграмотный, до недавнего времени жестоко эксплуатируемый народ лишь инстинктивно чувствовал свои насущные потребности, — описывал ситуацию в Подкарпатской Руси один из чешских современников. — Мадьяры вместе с евреями и в новых условиях держали в своих руках промышленность, торговлю и землю...; целый ряд чиновников не скрывал своих антигосударственных настроений. Чехословацкое правительство не могло не учитывать эти настроения. Его политика исходила из того, что прежде всего необходимо создать предпосылки для введения самоуправления».⁴⁹⁹ Однако процесс «создания предпосылок» для введения автономии растянулся практически на весь межвоенный период.

Социально-экономическая политика Праги в самой восточной провинции ЧСР была ориентирована прежде всего на обслуживание интересов крупного чешского капитала и в реальности практически не учитывала экономические потребности края. Требования политических деятелей Подкарпатской Руси о передаче во владение автономного края государственной собственности бывшего венгерского королевства было проигнорировано Прагой, которая способствовала переходу данной собственности в руки чешского и международного финансового капитала. По обоснованному мнению А. Пушкаша, чехословацкие власти рассматривали край как «источ-

⁴⁹⁹ Chmelář J. Politické poměry v Podkarpatské Rusi // Podkarpatská Rus. Obraz poměrů přírodních, hospodářských, politických, církevních, jazykových a osvětových. S. 187.

ник сырья для чешской промышленности и как рынок сбыта чешских товаров... На протяжении всего периода господства чехов в крае не было построено ни одного промышленного перерабатывающего предприятия...»⁵⁰⁰

Примечательной иллюстрацией социально-экономической политики чехословацких властей в Подкарпатье стали соляные шахты в Солотвино, на которых добывался значительный объем производившейся в Чехословакии соли. Однако на месте добычи соли власти не построили обрабатывающее предприятие, предпочитая вывозить соль «за многие сотни километров в Моравию, в Оломоуце и Жилине дробили ее, упаковывали и пускали в продажу втроедорога, в том числе и в Подкарпатье...»⁵⁰¹ Другим характерным примером экономической политики Чехословакии в Подкарпатской Руси стало введение чехами дискриминационных тарифов на железнодорожные перевозки из Подкарпатя в Чехию. Кроме того, «на товары (фрукты, виноград и др.), вывозившиеся из Подкарпатской Руси в Чехию, налоги и пошлины были в два–четыре раза выше, чем на товары, завозившиеся из Чехии в Закарпатье».⁵⁰² Вследствие дискриминационных экономических мер чехословацкого правительства и высоких транспортных тарифов сельскохозяйственные продукты из Подкарпатской Руси стоили дорого и были неконкурентоспособны на самом обширном рынке Чехословакии — в чешских землях.⁵⁰³ Присоединение Подкарпатской Руси к Чехословакии привело к кризису местной, и без того слаборазвитой, чугунолитейной и обрабатывающей промышленности, предприятия которой закрывались, не выдерживая конкуренции развитой чешской промышленности.⁵⁰⁴

Особую критику карпаторусских деятелей вызывало проведение аграрной реформы в Подкарпатской Руси. Еще 10 февраля 1920 г. депутация крестьянского сословия Подкарпатской Руси в обращении к Масарику требовала «наделения русского населения законным порядком хорошей земель, а пока это проведется, немедленной передачи арендуемых латифундий в прямую аренду земледельцам...».⁵⁰⁵ Однако в ходе проведения аграрной реформы в крае чешские власти преследовали в первую очередь собственные экономические и политические цели. По свидетельству главы американского Карпаторусского Союза А. Геровского, «чешское демократическое правительство отняло часть земель у мажарских панов, но только для того,

⁵⁰⁰ Пушкаш А. Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918–1945. С. 85.

⁵⁰¹ Там же. С. 86.

⁵⁰² Там же.

⁵⁰³ См.: Švorc P. Op. cit. S. 104.

⁵⁰⁴ Пушкаш А. Указ. соч. С. 86.

⁵⁰⁵ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1920, krabice 400. Меморандум, преподнесенный депутацией крестьянского сословия автономной Карпатской Руси.

чтобы передать их в руки чехов. Нашему хлеборобу от этих земель мало что досталось. ... Из земель, которые чешское правительство роздало, пришлось в среднем по 3,5 гектара каждому чеху, 3,5 гектара каждому еврею, 1,4 гектара каждому мажару, 1,2 гектара каждому немцу, 1,1 гектара каждому русскому. ... Таким образом, и тут ... русские люди на своей родной земле были поставлены чехами на последнее место...»⁵⁰⁶

В течение межвоенного периода заметно ухудшилось положение в таких традиционных для Карпатской Руси отраслях хозяйства, как садоводство, виноградарство и скотоводство. Одной из причин этого были новые международные границы, отрезавшие Подкарпатье от вошедшей в состав Польши Галиции, являвшейся традиционным потребителем сельскохозяйственной продукции Подкарпатя. Второй важной причиной упадка традиционных отраслей хозяйства региона была незаинтересованность чешских властей в их развитии. Так, в течение всего межвоенного периода на территории Подкарпатской Руси не было построено ни одного консервного завода, что препятствовало развитию местного садоводства. За время нахождения в составе Чехословакии в Подкарпатской Руси резко сократилось поголовье коней, свиней и овец.

Большие нарекания карпаторусских общественных деятелей и местного населения вызывала кадровая политика чешской администрации в Подкарпатской Руси, которая заключалась в создании максимально благоприятных условий для деятельности чешского бизнеса в крае и в продвижении этнических чехов на административные должности в регионе при игнорировании местного населения. Чехи, составлявшие лишь около 6% от общей численности населения Подкарпатя, занимали 65% всех имеющихся в крае чиновничьих должностей и обеспечивали около 25% торгового оборота Подкарпатской Руси.⁵⁰⁷

По свидетельству современников, чехи не давали заработать местному населению, предпочитая покупать все товары исключительно у чешских торговцев и ремесленников. Для чехов был издан специальный справочник со списком всех чешских торговцев и ремесленников в Подкарпатской Руси. Дискриминация русинов на рынке труда проявлялась, в частности, и в том, что даже домработниц и прислугу чешские чиновники предпочитали везти из Чехии и Моравии, игнорируя местных жителей. Сравнивая отношение к коренному населению Подкарпатя со стороны чешских и венгерских чиновников, управлявших краем до его вхождения в состав Чехословакии, многие русинские публицисты приходили к неблагоприятным для чехов выводам.

⁵⁰⁶ Геровский А. Карпатская Русь в чешском ярме. С. 227–259.

⁵⁰⁷ Svoboda D. Ukrajinská otázka v českém meziválečném myšlení a politice // Slovanský přehled. 2008. №4. S. 554.

Социально-экономическое положение русинов восточной Словакии было схожим с ситуацией в Подкарпатской Руси. По данным чехословацкой статистики, в 1921 г. 89,52% трудоспособного русинского населения Пряшевщины было занято в сельском и лесном хозяйстве, в то время как только 2,92% работало в промышленности и лишь 1,17% — в торговле, финансах и на транспорте. К середине 1920-х гг. занятость русинского населения восточной Словакии в горной, металлургической и текстильной промышленности заметно упала, опустившись ниже уровня 1900 г.⁵⁰⁸ По словам И. Ваната, экономической отсталость восточной Словакии от западных и центральных областей Словакии в межвоенный период не только не снизилась, но, наоборот, стала усиливающейся тенденцией.⁵⁰⁹

Одной из важных причин падения уровня жизни населения Подкарпатя и восточной Словакии в первые годы после присоединения к Чехословакии был разрыв традиционных экономических связей русинов с равнинной Венгрией, складывавшихся веками. В экономическом отношении русины, занимавшиеся животноводством и лесными промыслами, и венгры, занимавшиеся сельским хозяйством на плодородных равнинах Придунайской низменности, удачно дополняли друг друга. Падение уровня жизни русинов, вызванное разрывом экономических связей с Венгрией, использовалось в своих целях провенгерскими кругами, которые осенью 1919 г. убеждали местных русинов в том, что «мадьярская пшеница лучше чешской свободы».⁵¹⁰

В течение межвоенного периода в результате развернувшегося широкомасштабного строительства была улучшена инфраструктура и построены новые кварталы в крупных городах Подкарпатя, прежде всего в столице края Ужгороде. Однако, по замечаниям многих современников, главной причиной активного строительства в Ужгороде была не столько забота о местном населении и облике города, сколько стремление создать комфортные условия труда и отдыха для многочисленной армии чешских чиновников и членов их семей. Словацкий политик и публицист К. Сидор, посетивший Подкарпатскую Русь в начале 1930-х гг., писал о роскоши построенного в Ужгороде для чешских чиновников современного микрорайона Галаго, который резко контрастировал с убогими кварталами коренного населения Ужгорода.⁵¹¹ Глава американского Карпаторусского Союза А. Геровский, побывавший в Подкарпатской Руси в мае 1938 г., также констатировал

⁵⁰⁸ Ванат І. Нариси новітньої історії українців Східної Словаччини. С. 117.

⁵⁰⁹ Там же. С. 119.

⁵¹⁰ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1919, 22 A, krabice 403. Ze zprávy gen. insp. č. j. 4241 ze dne 30. října 1919.

⁵¹¹ Sidor K. Na Podkarpatské Rusi. Úvahy, rozhovory a dojmy. Bratislava, 1933. S. 49–50.

«ужасающую бедность» и полуголодное существование русского населения Подкарпатя, что особенно резко выделялось на фоне «прекрасных домов», выстроенных для чешских чиновников, и роскошной виллы вице-губернатора Мезника.⁵¹²

Частым явлением в Подкарпатской Руси был голод, который приобрел особый размах в начале 1930-х гг. в связи с мировым экономическим кризисом, затронувшим и Чехословакию. «Над целыми деревнями, прежде всего на Верховине, нависла угроза голода уже в ближайшее время, — писали в 1932 г. чешские публицисты в специально изданной брошюре о голоде в Подкарпатяе. — Есть места, где у людей запасов картофеля и капусты осталось максимум на 2–3 недели... Более 200000 людей в Подкарпатской Руси не может наесться хотя бы один раз в день... Голод открывает дорогу туберкулезу. Подкарпатская Русь остается единственным местом в Средней Европе, где все еще встречаются заболевания тифом...».⁵¹³

* * *

В этническом и религиозном отношении население Подкарпатской Руси было довольно пестрым. По данным чехословацкой переписи, проведенной в феврале 1921 г., на территории Подкарпатя в это время проживало 372500 лиц, относивших себя к «русской» национальности, 103690 венгров, 79715 евреев, 19775 «чехословаков» и 22051 представитель других национальностей, самыми многочисленными из которых были румыны (10810) и немцы (10326).⁵¹⁴ Среди господствующих конфессий наиболее многочисленными в это время были грекокатолики (329319), иудеи (93008), православные (60986), представители римскокатолической церкви (54985) и протестанты-евангелисты (61953).⁵¹⁵

С распадом Австро-Венгрии и вхождением карпатских русинов в состав Чехословакии в их среде началось массовое движение за возвращение к православию, что привело к резкому росту числа православных в Подкарпатской Руси в начале 1920-х годов. Православное движение в Подкарпатской Руси возглавил А. Геровский, внук карпаторусского «будителя» А. Добрянского и крупный русинский общественный деятель, а также православный священник А. Кабалюк.

⁵¹² Геровский А. Указ. соч.

⁵¹³ Hlad v Podkarpatské Rusi. V Praze. 1932. S. 3–4.

⁵¹⁴ Statistický lexikon obcí v Podkarpatské Rusi. Vydán ministerstvem vnitra a státním úřadem statistickým na základě výsledků sčítání lidu z 15. února 1921. V Praze. 1928. S. 35.

⁵¹⁵ Ibidem.

Если в 1910 г. среди подкарпатских русинов насчитывалось лишь 577 приверженцев православия, то к 1921 г. их число увеличилось до 60986, а к 1930 г. — до 112034.⁵¹⁶ Православное движение среди угорских русинов началось еще в конце XIX–начале XX вв. в составе Венгрии. Центром православия в Угорской Руси стало село Иза под г. Хуст. Стремясь воспрепятствовать распространению православия, венгерские власти организовали 29 декабря 1913–3 марта 1914 г. судебный процесс в Мараморош-Сиготе, на котором 94 русинских крестьянина, перешедших из грекокатоличества в православие, были обвинены в антигосударственной деятельности. 33 обвиненных были приговорены к различным срокам тюремного заключения и денежным штрафам. Наиболее суровый приговор был вынесен лидеру православного движения в Угорской Руси А. Кабалуку, приговоренному к четырем годам тюрьмы и крупному денежному штрафу. Только с падением венгерского режима и вхождением в состав Чехословакии русины получили возможность свободного выбора веры.

Массовый переход русинских грекокатоликов в православие объяснялся как национально-религиозными мотивами (с ликвидацией венгерского режима многие русины решили вернуться к «истинно русской» вере своих предков), так и чисто экономическими соображениями. Если в пользу грекокатолического священника русинские крестьяне должны были нести повинности в натуральной форме или в виде отработок (т. н. коблина и роковина), то православные священники этого не требовали. Переход в православие сопровождался ожесточенными имущественными спорами между православными и грекокатолическими общинами, в первую очередь за церкви и церковное имущество, которые часто приобретали насильственные формы.

Чехословацкий эмиссар и представитель чешской православной общины в Праге адвокат М. Червинка, посетивший Подкарпатскую Русь 5–12 ноября 1922 г. с целью изучения характера набиравшего там силу православного движения, в своем донесении в канцелярию президента республики писал: «Православное движение в тех областях Карпатской Руси, которые я посетил, возникло не по политическим причинам, поскольку подавляющая часть тамошнего народа о политике даже не думает... Движение это возникло на основе сохраненной в народе традиции, а также потому, что в свое время народ был обманут своими священниками и от православия, своей изначальной веры, приведен к унии. С получением свободы вероисповедания народ хочет вернуться к своей первоначальной вере как потому, что униатские священники были в основном помощниками его врагов и поработителей,

⁵¹⁶ Magocsi P. R. The Shaping of a National Identity... P. 179.

так и потому, что они возложили на народ невыносимое бремя своих материальных требований за выполнение церковных обрядов... Народ ненавидел своих священников и в своем ошибочном понимании свободы полагал, что настало время мести за угнетение».⁵¹⁷

Червинка, цель поездки которого заключалась также в решении вопроса об организации православного движения «в интересах чехословацкого государства», вину за случаи насилия в Подкарпатской Руси, вызванные борьбой православных и униатов, возлагал как на «недостаточную образованность народа», настроенного «самозваными вождями против государства», так и на местные чехословацкие власти, которые «не изучили характер православного движения и либо его недооценивали, либо переоценивали, либо рассматривали все движение как политическую агитацию».⁵¹⁸

Чехословацкие власти с самого начала относились к массовому переходу русинов в православие довольно настороженно, связывая это с усилением в Подкарпатской Руси великорусской пропаганды, которую Прага стремилась приостановить. В секретном документе, направленном в правительство Чехословакии 8 октября 1919 г., президент Масарик указывал на необходимость предотвратить «не только великорусскую, но и украинскую агитацию... С великорусской пропагандой, — писал в документе Масарик, — связана православная пропаганда. И эта пропаганда, имеющая политический характер, сойдет на нет, если отношение к народному языку (наречию) будет бережным...».⁵¹⁹

Поскольку массовый переход русинов в православие, особенно активный в восточной части Подкарпатской Руси, набирал силу, чехословацкое руководство предприняло попытку поставить этот процесс под свой контроль, создав православную церковь в Чехословакии во главе с архиепископом-чехом, резиденция которого находилась бы в Праге. Предполагалось, что православное население восточной Словакии и Подкарпатской Руси, находившееся в то время под юрисдикцией Сербской Православной церкви, станет частью этой православной чехословацкой церкви, а карпатские православные священники будут воспитываться в духе лояльности к Чехословакии в духовной семинарии в Праге.

Весной 1923 г. чехословацкое правительство приступило к осуществлению данного плана. По инициативе чехословацких властей к константинопольскому патриарху Мелетию был отправлен православный чех Савватий

⁵¹⁷ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1922, 22 b, krabice 403. Církev pravoslavná na Podkarpatské Rusi.

⁵¹⁸ Ibidem.

⁵¹⁹ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1919, krabice 400. Naprosto důvěrné. Rusínsko. Dne 8. října 1919.

Врабец из Праги, который до Первой мировой войны окончил в России духовную семинарию и дослужился до сана архимандрита. Константинопольский патриарх, идя навстречу пожеланиям Праги, возвел Савватия в сан архиепископа и издал декрет об учреждении чехословацкого архиепископства во главе с Савватием, в состав которого должна была войти Подкарпатская Русь. Подготовительная работа, позволившая чехам предпринять данный шаг, была проведена еще в ноябре 1922 г. в ходе поездки Червинки в Подкарпатскую Русь. Так, во время своей встречи с представителями 24 православных общин⁵²⁰ в Бедевле в восточной части Подкарпатья 9 ноября 1922 г. Червинка получил их согласие с тем, чтобы чешская православная община в Праге взяла их общины «под свою охрану и провела реорганизацию». Кроме того, по сообщению Червинки, представители 24 православных общин единогласно приняли его предложение о том, чтобы их «епископом стал глава чешской православной общины архимандрит о. Савватий», и уполномочили его сообщить «пану президенту республики, что православные карпаторусы были, есть и всегда будут верными гражданами Чехословацкой республики».⁵²¹ В этом же документе Червинка указывал канцелярии президента республики на важность как можно более быстрого введения архимандрита Савватия в сан архиепископа. По словам Червинки, после осуществления данного шага «можно с определенностью ожидать, что и другие православные общины Карпатской Руси присоединятся к нам и организацию всей православной церкви в Карпатской Руси можно будет провести единообразно, положив конец продолжающимся там беспорядкам».⁵²²

Касаюсь позиции Сербской Православной церкви, под юрисдикцией которой находилось православное население Подкарпатья, Червинка писал, что «поездки епископа нишского в Карпатскую Русь не принесли никаких положительных результатов в организационном смысле..., явившись причиной возникновения трений между отдельными группами православных...»⁵²³ В заключение Червинка сообщал о том, что отчет о результатах своей поездки он подал вице-губернатору Эренфельду и советнику министерства Пешеху, убедившись «в полном сходстве взглядов на данную проблему. Все организационные инициативы будут исходить от нашей общины, — указы-

⁵²⁰ По сообщению Червинки, на встрече с ним присутствовали делегаты православных общин из следующих населенных пунктов Подкарпатской Руси: Вулховце, Пудплеша, Буштина, Копашново, Бедевля, Чумалово, Секерница, Уйбарово, Дулгово, Теребля, Салдобош, Уйгово, Урмезиев, Грушово, Ганичи, Дубовое, Данилов, Тернова, Нересница, Терешва, Калина, Терешул, Дулово и Луг Широкий. См.: A ÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1922, 22 b, krabice 403. Cirkev pravoslavná na Podkarpatské Rusi.

⁵²¹ A ÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1922, 22 b, krabice 403. Cirkev pravoslavná na Podkarpatské Rusi.

⁵²² Ibidem.

⁵²³ Ibidem.

вал Червинка. — Вначале будут организованы приходы; после завершения данной работы будет проведена окончательная реорганизация православной церкви в качестве единой структуры для всей республики, включая Карпатскую Русь».⁵²⁴

Поездка Савватия в Константинополь и его возведение в сан архиепископа были, таким образом, первым пунктом плана, заранее разработанного Червинкой и чехословацкими властями. После возвращения Савватия из Константинополя чехословацкое правительство известило все православные общины в Подкарпатской Руси о том, что в соответствии с решением константинопольского патриарха они должны подчиниться архиепископу пражскому Савватию. Однако это вызвало активное противодействие как лидеров православного движения в Подкарпатской Руси, так и Сербской Православной церкви. Русофильски настроенные руководители православных общин Подкарпатья, недовольные проукраинской политикой чешских властей, относились к планам Праги крайне настороженно, усматривая в них попытки подчинить себе православную церковь и превратить ее в орудие чехизации и украинизации населения Подкарпатья. «Против архиепископа чешского Савватия, стремящегося подчинить себе карпаторусскую православную церковь, продолжают поступать протесты православных общин со всех уголков Карпатской Руси... Против Савватия выступили все общины Воловского округа, от которых недели две назад выманили признание Савватия, — сообщал 3 мая 1923 г. ужгородский еженедельник «Русская земля». — Савватиевские агенты в рясах ... имеют мало успеха, потому что народ им не верит. Они стараются повлиять на народ то обещаниями материальных благ, то угрозой, что уступающих жандармы заставят подчиниться Савватию...».⁵²⁵

Следует отметить, что, пытаясь поставить под свой контроль православное движение среди карпатских русинов, Прага стремилась в то же время завоевать доверие и грекокатолического духовенства, настроенного в значительной степени провенгерски. Поскольку массовый переход населения в православие лишил значительную часть часть грекокатолических священников их привычных доходов и поскольку Прага, учитывая настроения населения, официально отменила повинности в пользу униатской церкви в виде коблины и роковины законом № 290/20, принятым в мае 1920 г., чехословацкие власти оказывали грекокатолическому духовенству значительную материальную помощь из государственного бюджета.⁵²⁶ Так, в ходе беседы в канцелярии президента республики 25 января 1923 г. вице-губернатор Подкарпатской Руси П. Эренфельд ходатайствовал о том,

⁵²⁴ Ibidem.

⁵²⁵ Русская земля. 3 мая 1923. № 16.

⁵²⁶ Ванат I. Нариси новітньої історії українців Східної Словаччини. С. 156.

чтобы гражданское управление Подкарпатья немедленно выплатило грекокатолическим священникам по бтысяч крон «в качестве залога за их службу». Эрнфельд подчеркивал, что как можно более быстрое решение этого вопроса диктуется «политическими причинами».⁵²⁷ По словам Эрнфельда, в местном бюджете была предусмотрена отдельная статья расходов на материальную поддержку грекокатолического духовенства Подкарпатья, составившая значительную сумму в 2410000 крон.⁵²⁸

Тогдашний глава правительства Сербии Н. Пашич, будучи убежденным русофилом, энергично выступил в защиту традиционных прав Сербской Православной церкви в Подкарпатской Руси. Центральный Исполнительный Комитет Православных Общин Подкарпатья во главе со своим председателем А. Геровским выразил протест чехословацкому правительству. В ходе своего визита в Белград А. Геровский обратился за поддержкой к сербскому патриарху и к Пашичу. Во время пребывания в Константинополе Геровский сообщил константинопольскому патриарху о непризнании Карпаторусской Православной церковью Савватия своим архиепископом. Общественность Подкарпатья была уверена в том, что «спор о юрисдикции Сербского или Константинопольского патриарха в Карпатской Руси» был инспирирован вице-губернатором Эрнфельдом.⁵²⁹ Однако в действительности Эрнфельд был лишь одним из технических исполнителей данного проекта, подлинными инициаторами которого находились не в Ужгороде, а в Праге. Сопrotивление православной общественности Подкарпатья и поддержка сербов вынудили чехословацкое руководство признать, что православное население Подкарпатской Руси по-прежнему находится под защитой и управлением Сербской Православной церкви.

Тем не менее попытки Праги поставить православную церковь в Карпатской Руси под свой контроль продолжались. Чехословацкие власти всячески препятствовали деятельности в Подкарпатской Руси представителя Сербской Православной церкви епископа Нишского Досифея, которой однажды по надуманному поводу был даже арестован чехословацкой полицией на железнодорожной станции в Хусте и несколько часов продержан в полицейском отделении, несмотря на дипломатический статус епископа. В марте 1927 г. глава Центрального Исполнительного Комитета Православных Общин А. Геровский, активно выступавший против планов Праги и добивавшийся автономии Подкарпатья, был лишен чехословацкого гражданства и впоследствии был вынужден покинуть Подкарпатскую Русь. Пер-

⁵²⁷ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1923/1, krabice 402. Záznam ze dne 25. ledna 1923.

⁵²⁸ Ibidem.

⁵²⁹ Русская земля. 6 декабря 1923. № 47.

воначально А. Геровский переехал в Югославию, где продолжал выступать с критикой политики чехословацких властей в отношении Подкарпатья. Чехословацкое правительство требовало изгнания А. Геровского из Югославии, но Белград отказался пойти навстречу Праге в этом вопросе.

В борьбе против Чехословакии А. Геровский использовал Лигу Наций. В частности, 20 сентября 1929 г. А. Геровский опубликовал в Швейцарии документ, критиковавший чехословацкие власти за несоблюдение своих обязательств по отношению к русинам, обвинявший Прагу в обращении с Подкарпатской Русью как с «заморской колонией» и свидетельствовавший о масштабных финансовых злоупотреблениях министра иностранных дел Чехословакии Э. Бенеша. Данный документ был разослан делегациям стран-членов Лиги Наций и позже опубликован в одной из югославских газет. Однако в ответ на предложение А. Геровского привлечь его к суду Бенеш предпочел «не заметить» столь серьезных обвинений и не доводить дело до судебного разбирательства. В январе 1930 г. А. Геровский переехал в США, где вскоре по его инициативе был создан Карпаторусский Союз, который, являясь представителем американских русинов как православного, так и грекокатолического вероисповедания, активно боролся за предоставление автономии Подкарпатской Руси.

После неудачи с Савватием Прага сделала ставку на епископа Горазда, который был рукоположен в епископы в Белграде в 1921 г. для чехов из Моравии, перешедших из римского католичества в православие. Впоследствии, с согласия Сербского Синода, Горазд возглавил православных чехов в Чехии, Моравии и Силезии. Сменив Савватия, Горазд, желая стать главой православной церкви в Чехословакии, стал предпринимать попытки поставить православные общины в Подкарпатье под свой контроль. Деятельность и амбиции Горазда поддерживались и направлялись чиновниками канцелярии президента Чехословакии и, судя по всему, непосредственно самим Масариком. 21 марта 1923 г. в своем конфиденциальном письме Я. Нечасу, занимавшемуся вопросами Подкарпатской Руси в канцелярии президента, епископ Горазд писал: «Я был бы признателен, если бы Вы послали мне короткое сообщение о том, как пан президент представляет возможность новой независимой церковной организации и есть ли надежда на скорое одобрение устава, который будет составлен через 2–3 недели. ... Разумеется, я буду рассматривать это как полностью конфиденциальную информацию. В своем письме Вам даже не надо упоминать о пане президенте — Вы могли бы представить его взгляд как свой. Я это пойму. Позиция пана президента была бы для меня директивой в переговорах с доктором Червинкой...».⁵³⁰ Содержание письма

⁵³⁰ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1923/1, krabice 402. Dopis biskupa Pavlíka ing. Nečasovi.

говорит о том, что Масарик, не желая, впрочем, этого афишировать, играл значительно более важную роль в планах реорганизации православной церкви в Подкарпатской Руси и в Чехословакии в целом, чем это принято считать. По сути, направление деятельности чехословацких властей по созданию единой православной церкви в Чехословакии под контролем Праги с включением в ее состав православных общин Подкарпатья была определена Масариком, который в конфиденциальном документе, направленном в правительство 8 октября 1919 г., прямо упомянул о том, что «церковная организация будет требовать единства».⁵³¹

Активность Горазда вызвала противодействие Сербии. Постановлением архиерейского собора Сербская Православная церковь запретила епископу Горазду какое-либо вмешательство в дела православной церкви в Карпатской Руси. В феврале 1930 г. чехословацкое правительство без согласия Сербской Православной церкви и карпаторусских православных общин опубликовало организационный устав для православной церкви в Карпатской Руси, предусматривавший создание автокефальной Чехословацкой Православной церкви с включением в нее Карпатской Руси и ставивший православную церковь в крае в полную зависимость от чехословацких чиновников и полиции. Так, получить приход мог только священник, имеющий полицейское свидетельство о благонадежности. Кроме того, устав предусматривал организацию отдельной православной церкви в Пряшевской Руси (так называемая «Словацкая Епархия»).

Новый устав вызвал возмущение православных в Подкарпатской Руси и карпаторусской эмиграции в Америке. Крайне негативно к новому уставу отнеслись в политических и церковных кругах Югославии. Архиерейский собор Сербской Православной церкви, состоявшийся в октябре 1930 г. в Сремских Карловцах, отказался принять устав, опубликованный чехословацким правительством. Собор высказался за сохранение венгерского устава 1868 г., принятого для Сербской Православной церкви в Венгрии. Более того, сербские епископы сочли, что прежний венгерский устав 1868 г. дает православной церкви в Карпатской Руси больше прав и свобод, чем новый чехословацкий устав. В конце концов чехословацкие власти были вынуждены окончательно смириться с независимостью православных общин Подкарпатской Руси от Праги. В 1931 г. была образована православная Мукачевско-Пряшевская епархия под юрисдикцией Сербской Православной церкви.

В своих воспоминаниях А. Геровский приводил факты открытой поддержки униатской церкви в Подкарпатской Руси чехословацкими властями, которые, в частности, предоставляли значительную материальную по-

⁵³¹ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1919, krabice 400. Naprosto důvěrné. Rusínsko. Dne 8. října 1919.

мощь униатам. В то же время материальная помощь православной церкви была значительно меньше. Ссылаясь на М. Годжу, видного чехословацкого политика, занимавшего пост премьер-министра ЧСР во второй половине 1930-х гг., Геровский указывал, что Масарик и Бенеш поддерживали униатов и препятствовали православию в Подкарпатской Руси, поскольку были заинтересованы в политической поддержке со стороны чешских клерикалов в лице влиятельной народной партии монсиньора Шрамека, тесно связанного с Римом и занимавшего министерские посты в каждом чехословацком правительстве. По воспоминаниям Геровского, Годжа, находясь после Мюнхенского сговора в эмиграции в Нью-Йорке и являясь убежденным оппонентом Бенеша, утверждал в частных беседах, что одной из главных помех в вопросе автономии Подкарпатья был именно Шрамак, сотрудничавший с Масариком и Бенешем только при условии их поддержки униатской церкви и отказа от предоставления автономии Подкарпатья.⁵³² Чешские католики во главе со Шрамеком опасались, что предоставление автономии Подкарпатской Руси еще больше усилит позиции православной церкви и ослабит влияние грекокатоликов в Карпатском регионе.

⁵³² См.: Пути истории. Общерусское национальное, духовное и культурное единство на основании данных науки и жизни. Под редакцией О. А. Грабаря. Том I. Нью-Йорк. 1977.

ГЛАВА 5

**«Русский народ не достиг того,
что ему было обещано»**

**ПОЛОЖЕНИЕ РУСИНОВ СЛОВАКИИ
В 1920–1930-Е ГОДЫ**

«Радость недолго продолжалась. ... Наш народ был разделен территориально на Пряшевскую и Подкарпатскую Русь. Как одна часть, так и другая не процветают, но гниют. Одну из них чехизируют, другую — словакизируют наши чехословацкие славянофилы...».

(Парох Эмилий Левканич, 15 мая 1928 г. // Народная газета. 1928. № 10).

«В Пряшевской Руси двухсоттысячный русский народ не получил еще свои культурные права, хотя состоит он из коренного населения. Словаки должны примириться с существованием двухсот тысяч русских на Словакии, ибо это будет актом славянской братской справедливости. ... Для сорока тысяч живущих в Югославии словаков есть ... словацкая гимназия. Почему бы не могло так быть и у нас? Какая радость настала бы среди русского народа в Чехословакии, если бы наш господин президент Масарик во имя славянской солидарности воззвал правительство для удовлетворения культурных требований русского народа на Словакии...».

(Народная газета. 1933. № 4).

Контроль Праги над северо-восточными областями Словакии, значительную часть населения которых составляли карпатские русины, был установлен лишь в конце декабря 1918 г., т. е. спустя два месяца после провозглашения независимой Чехословацкой республики. Именно в это время чехословацкие легионы под командованием французских генералов стали занимать населенные русинами северные районы Спишской, Шаринской и Земплинской жуп. Идеи чехословацкой государственности были поначалу малознакомы и чужды подавляющему большинству местного населения, причем не только русинам, но и словакам. Интеллигенции с разви-

тым словацким самосознанием «было в этой области мало... Чехословацкое государство в северо-восточной Словакии вначале поддерживали лишь единицы; ситуация изменилась только после занятия Прешова 27 декабря 1918 г.».⁵³³ Характеризуя местное население, чехословацкий этнограф Гусек отмечал в 1925 г., что о национальном самосознании большинства жителей восточной Словакии нельзя было говорить, поскольку «люди жили либо семейным эгоизмом, либо региональным патриотизмом, либо племенным сознанием, главными компонентами которого были вера и язык. Только меньшая часть населения развила более широкое национальное самосознание».⁵³⁴

Специфика положения русинского населения в межвоенной Чехословакии заключалась в отсутствии обещанного чехословацкими политиками административно-территориального единства населенных русинами областей. Новая административная граница между Словакией и Подкарпатской Русью, начинавшаяся в 2 км восточнее г. Чоп и проходившая по реке Уг (Уж), разделила компактно населенную русинами территорию на две части, оставив значительную часть русинского населения (более 100000 человек) в составе Словакии. В отличие от русинов Подкарпатской Руси, русины восточной Словакии оказались в роли национального меньшинства без собственного административного образования и какой-либо автономии. Права словацких русинов регулировались параграфом № 6 конституции Чехословакии, который гарантировал каждому национальному меньшинству право пользоваться родным языком в общественной сфере и в прессе. В тех регионах, где проживало «значительное количество граждан», относящихся к национальным, религиозным или языковым меньшинствам, разрешалось использование родного языка в сфере образования.⁵³⁵

Языковые права национальных меньшинств Чехословакии регулировались законом № 122/1920, принятым в феврале 1920 г., и конкретизировались последующим правительственным постановлением от 3 февраля 1926 г., в соответствии с которым «государственным языком» Чехословакии был провозглашен «чехословацкий» язык. В местах, где численность национальных меньшинств составляла как минимум 20%, органы власти были обязаны принимать запросы населения и отвечать на них помимо государственного языка также и на языке соответствующего национально-го меньшинства. «Суды, учреждения и прочие органы республики, компетенция которых распространяется на судебный округ, где в соответствии

⁵³³ Konečný S. Rusíni na Slovensku a vznik československého státu // Vznik ČSR 1918 a Podkarpatská Rus. Sborník z mezinárodní konference v Praze. Praha, 1999. S. 62.

⁵³⁴ Цит. по: Lozoviuk P. Evropská etnologie ve středoevropské perspektivě. S. 51.

⁵³⁵ Ústava Československé Republiky. Praha, 1921. S. 30–32.

с последней переписью проживает как минимум 20% граждан, языком которых не является чехословацкий язык..., — говорилось в законе, — обязаны принимать от представителей этого меньшинства документы на их языке. Решения по их делам должны выдаваться не только на чехословацком языке, но и на том языке, на котором документы были поданы».⁵³⁶ Примечательно, что данный закон увязывал языковые права национальных меньшинств с их численностью в судебных округах, границы которых определялись властями.

По данным чехословацкой переписи, проведенной в феврале 1921 г., количество тех, кто указал «русскую» национальную принадлежность на территории Словакии, составило 85628 человек. Всего в Словакии в это время насчитывалось 2012538 представителей «чехословацкой» национальности, 634627 венгров, 139880 немцев, 70522 еврея и 11466 представителей других национальностей.⁵³⁷ В конфессиональном отношении в Словакии к февралю 1921 г. насчитывалось 2124700 представителей римско-католической церкви, 193671 грекокатолик, 382823 протестанта-евангелиста, 143950 протестантов-реформистов, 135879 иудеев и 16025 представителей других конфессий и неверующих.⁵³⁸

Значительная разница между числом, указавших «русскую» национальность (85628) и количеством грекокатоликов (193671), дала основание русинским общественным деятелям для утверждений об искусственно заниженной словацкими властями численности русинского населения в Словакии. По мнению русинских политиков и общественных деятелей, принадлежность к грекокатолической церкви была более надежным индикатором этнической принадлежности и точнее отражала действительную численность русинов в Словакии.

Среди населенных пунктов восточной Словакии с преобладавшим русинским населением были г. Снина (16853 представителя «русской» национальности; 5697 представителей «чехословацкой» национальности и 1154 еврея); г. Медзилаборце (13586 «русских»; 1502 «чехословака» и 1557 евреев), и г. Свидник (8328 «русских»; 5968 «чехословаков» и 752 еврея).⁵³⁹ Примечательно, что во многих крупных населенных пунктах восточной Словакии количество грекокатоликов значительно превышало число указавших «русскую» национальность. Особенно заметной эта разница была в городах равнинной части юго-восточной Словакии. Так, в восточнословацком г. Миха-

⁵³⁶ *Kárník Z.* České země v éře první republiky I. Praha, 2000. S. 110–111.

⁵³⁷ *Statistický lexikon obcí na Slovensku* vydaný ministerstvom vnútra a štatným úradom štatistickým na základe výsledkov sčítania ľudu z 15. února 1921. V Prahe, 1927. S. 173.

⁵³⁸ *Ibidem.* S. 173.

⁵³⁹ *Ibidem.* S. 172.

ловце к февралю 1921 г. проживало 3094 «русских», но 12021 грекокатолик. В г. Собранце в это же время было зафиксировано 4804 «русских», но 16954 грекокатоликов.⁵⁴⁰ Данные цифры подтверждают мысль русского историка И. Филевича о лучшей сохранности русинского этнического элемента в горных областях Карпат и о быстрых темпах ассимиляции русинского населения на равнине к югу от Карпатского хребта.⁵⁴¹

В социально-экономическом отношении северо-восточная часть Словакии вместе с соседней Подкарпатской Русью отнеслась к наиболее отсталым регионам межвоенной Чехословакии. Ведущей отраслью экономики в этой части Словакии было сельское хозяйство; крайне слабо развитая промышленность была представлена лишь несколькими небольшими предприятиями по переработке древесины. Подавляющее большинство местного русинского населения (около 89%) было занято в сельском хозяйстве. Лишь около 3,5% местных русинов работали в промышленности или занимались различными ремеслами.⁵⁴² В отличие от регионов западной и средней Словакии, занятость в промышленности восточной Словакии к 1926 г. не только не увеличилась, но, напротив, упала до уровня 1900 года. После вхождения в состав Чехословакии экономическая отсталость восточной Словакии не только от чешских земель, но и от западной Словакии продолжала возрастать в течение всего межвоенного периода.⁵⁴³

По мнению П. Магочи, положение русинов восточной Словакии было отмечено тремя отличительными чертами: 1). Нерешенный вопрос единства с Подкарпатской Русью и постоянные трения со словаками по поводу политической лояльности, цензуры, языка обучения в школах. 2). Тяжелая экономическая ситуация, еще более ухудшившаяся после экономического кризиса 30-х годов. 3). Культурное возрождение, принесшее с собой проблему приемлемой национальной идентичности.⁵⁴⁴

Еще в процессе переговоров о присоединении русинских земель к Чехословакии русинские лидеры получили заверения чехословацких политиков в том, что населенные карпатскими русинами области образуют в составе ЧСР единую административно-территориальную единицу с широкой автономией. Хотя с образованием Чехословакии это обещание пражских политиков было не выполнено, поскольку значительная часть населенных русинами земель вошла в состав Словакии, чехословацкие власти, стремясь

⁵⁴⁰ *Ibidem.*

⁵⁴¹ *Филевич И.* Очерк карпатской территории и населения. С. 210–211.

⁵⁴² *Konečný S.* Rusíni na Slovensku a vznik československého štátu // *Vznik ČSR 1918 a Podkarpatská Rus.* Sborník z mezinárodní konference v Praze. S. 57–58.

⁵⁴³ *Vanam I.* Нариси новітньої історії українців Східної Словаччини. С. 119.

⁵⁴⁴ *См.: Magocsi P. R.* The Rusyns-Ukrainians of Czechoslovakia. P. 36.

успокоить русинское общественное мнение, не исключали возможности изменения административной границы между Словакией и Подкарпатской Русью с учетом пожеланий русинов. Подобная возможность была зафиксирована в Генеральном статуте, принятом в ноябре 1919 г., что стимулировало активность русинских политиков в этом направлении. Ревизия словацко-подкарпатурской границы и воссоединение русинов Пряшевской Руси с русинами Подкарпатской Руси было принципиальным пунктом всех русинских требований, объединявшим русинских политиков независимо от их культурно-языковой ориентации. Инициатор присоединения карпатских русинов к Чехословакии и первый губернатор Подкарпатской Руси Г. Жаткович постоянно поднимал вопрос об автономии и объединении русинских земель, вошедших в состав Словакии, с Подкарпатской Русью во время своих переговоров с пражскими чиновниками. Нежелание Праги пойти навстречу русинам в этих вопросах вынудило Жатковича в марте 1921 г. уйти в отставку.

Если Масарик в ходе переговоров с Жатковичем в США осенью 1918 г. не скупился на обещания требуемых русинами границ и широких автономных прав будущей русинской автономной области в Чехословакии, то словацкие политики, со своей стороны, в самом начале становления независимой ЧСР старались нейтрализовать венгерское политическое влияние на русинов и расположить к себе русинских лидеров щедрыми обещаниями. Так, 30 ноября 1918 г. Словацкая Народная Рада в Турчанском Св. Мартине издала обращение «Братья, русины!», в котором, критикуя провенгерскую позицию тогдашней Ужгородской Рады, призывала русинов «как свободный народ к нам присоединиться», обещая «полную автономию в церковных и в школьных делах», собственные гимназии и даже «университет с русскими преподавателями», а также строительство железных дорог и фабрик, чтобы «русский народ приобрел благополучие».⁵⁴⁵ Однако по мере того, как присоединение карпатских русинов к Чехословакии становилось свершившимся фактом, чешские и словацкие политики забывали о своих сделанных ранее щедрых обещаниях.

Проблемы во взаимоотношениях словацких властей и русинов стали проявляться уже весной 1919 года. В своем письме министру по делам Словакии В. Шробару 10 марта 1919 г. Масарик упоминал о том, что побывавшие у него на приеме два представителя русинского населения «жаловались на грубое обращение со стороны словацких чиновников. Я настоятельно прошу Вас дать строгий приказ учреждениям и жупанам на территории, населенной русинами, обращаться с русинским населением как можно бо-

⁵⁴⁵ Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931. Roč. 5. Číslo 3. S. 527–528.

лее гуманно, — обращался к Шробару Масарик. — ... Русинская территория, соединяющая наше государство с Румынией, представляет для нас особую важность и должна быть приобретена нами по-дружески».⁵⁴⁶

Эйфория, вызванная в Словакии полученной свободой, «проявилась в стремлении подавить все несловацкое, т. е. не только мадьяр и мадьяронов, но и русинское движение... Стремление затормозить развитие русинского образования с помощью законов Аппоньи и определенное пренебрежительное отношение словацких чиновников, в основном из западной Словакии, к русинам и к их проблемам вскоре вышли на первый план...».⁵⁴⁷ Так, в начале мая 1919 г. учителя многих русинских школ в восточной Словакии получили извещение от местного школьного инспектора об окончании своей педагогической деятельности к 3 мая 1919 года. Формальным основанием подобного решения, которое применялось не только в отношении венгерских, но и русинских учителей, была неспособность сдать экзамен по словацкому языку. 24 июля 1919 г. глава Центральной Русской Народной Рады А. Бескид обратился к главе правительства Чехословакии В. Тусару с протестом против данных действий словацких властей. Русинская пресса в Словакии, разочарованная положением дел в области просвещения, проводила параллель между прежней образовательной политикой Будапешта, направленной на мадьяризацию невенгерских народов Венгрии, и образовательной политикой словацких властей в отношении русинов Чехословакии, подчеркивая ее ассимиляционную направленность.⁵⁴⁸

Однако наиболее острой проблемой словацко-русинских отношений с самого начала стал вопрос о границе Словакии с автономной русинской административной единицей. Поездка Г. Жатковича в июле 1919 г. на мирную конференцию в Париж и его контакты с чехословацким политическим руководством не помогли решить вопрос словацко-русинской границы в выгодном для русинов направлении. Энергичные усилия по решению данной проблемы с самого начала предпринимал и лидер русинов восточной Словакии А. Бескид. Так, 24 августа 1919 г. Бескид направил чехословацкому правительству меморандум под названием «Карпаторусский вопрос в Чехословацкой республике», в котором предложил, чтобы частью автономного карпаторусского образования помимо жуп Уж, Берег, Угоча и Мараморш, вошедших в состав Подкарпатской Руси, были также восточнословацкие жупы Шариш и Земплин, а также любовнянский район жупы Спиш. В случае, если бы мирная конференция делегировала право решения вопроса

⁵⁴⁶ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1919, krabice 400.

⁵⁴⁷ Konečný S. Op. cit. S. 64.

⁵⁴⁸ Русь. Пряшев, дня 13 октября 1921. № 1.

о словацко-русинской границе Чехословакии, Бескид предлагал устроить в указанных восточнословацких жупах референдум.⁵⁴⁹

Пользуясь поддержкой тогдашнего администратора Подкарпатской Руси доктора Брейхи, Бескид выступил инициатором переговоров между представителями русинов и словаков по поводу границы между Подкарпатской Русью и Словакией. Переговоры состоялись в конце сентября 1919 г. в Праге. В состав словацкой делегации входили депутат И. Грушовский, редактор Й. Шкультеты, а также профессора К. Хотек и И. Дворский. Русинскую делегацию представляли А. Бескид, О. Невицкий, А. Волошин и Е. Пуза. В ходе переговоров Бескид предложил присоединить к автономной Подкарпатской Руси территорию всей Земплинской жупы, северную часть Шаришской жупы и Старолюбовнянский округ Спишской жупы. Словацкая делегация была готова пойти на частичные уступки; И. Грушовский от имени словацкой делегации заявил о намерении словацкой стороны изложить свою позицию в письменной форме. Однако в итоге никакой договоренности достигнуто не было, поскольку «Масарик порекомендовал Грушовскому ... не давать никаких письменных обязательств по поводу урегулирования вопроса о границе».⁵⁵⁰ Словацкая пресса позже сообщала, что словацко-русинские переговоры закончились неудачей по причине «максималистских» требований русинской стороны.⁵⁵¹

Недовольство русинов территориальной раздробленностью русинских земель стало проявляться уже с осени 1919 г., когда во многих русинских населенных пунктах восточной Словакии состоялись массовые выступления населения с требованием единства всех русинских областей. В октябре 1919 г. в г. Гуменне (жупа Земплин) состоялось народное собрание, участники которого выразили протест «против отделения земплинской и других западнорусских жуп от автономной Подкарпатской Руси» и потребовали «справедливого соединения всех округов с русским населением в единую автономную область».⁵⁵²

Политический оппонент Жатковича и лидер восточнословацких русинов русофил А. Бескид выступал в это время в защиту национальных прав русинов в Словакии и энергично поддерживал требования автономии и объединения всех русинских земель. По инициативе А. Бескида и под патронажем лидера чехословацких национальных демократов К. Крамаржа, заинтересованного в распространении влияния своей партии на восточные регионы Чехословакии, в мае 1919 г. в г. Прешов (рус. Пряшив) была создана

⁵⁴⁹ *Konečný S.* Op. cit. S. 67.

⁵⁵⁰ *Ванат І.* Нариси новітньої історії українців Східної Словаччини. С. 90–91.

⁵⁵¹ Там же. С. 91.

⁵⁵² *Amerikansky Russky Viestnik.* Homestead, PA. 16 oktobra, 1919. № 40.

Русская Народная партия в Словакии. Данная партия отстаивала традиционные русофильские взгляды, трактуя карпатских русинов как составную часть единого русского народа и выступая за принятие русского литературного языка, за административно-территориальное объединение и автономию русинов в рамках ЧСР и в защиту культурно-языковых прав русинского населения Словакии.

Русская Народная партия с самого начала стала организатором массовых выступлений русинского населения восточной Словакии в борьбе за свои права. Руководители Русской Народной партии были одними из инициаторов направленного в апреле 1922 г. в Лигу Наций меморандума с требованием территориального объединения русинов Подкарпатья и восточной Словакии, проведения выборов в парламент Подкарпатской Руси и обеспечения автономии Подкарпатья. В ответ на это требование чехословацкое руководство заявило о неготовности и недостаточной зрелости Подкарпатской Руси к введению автономии. Впоследствии этот аргумент в различных версиях постоянно использовался чехами для полемики с теми, кто обвинял Прагу в невыполнении обязательства по предоставлению автономии Подкарпатью.

В 1921 г. в сенат Чехословакии был избран первый представитель русинов Словакии русофил Ю. Лажо, который продолжал ставить вопрос о русинском единстве, а также требовал представительства русинов в местных органах власти и знания русского языка местными чиновниками. В начале 1920-х гг. А. Бескид и возглавляемые им политические структуры в лице Русской Народной партии и Центральной Народной Рады направили ряд меморандумов правительству Чехословакии и президенту Масарику, в которых содержались требования автономии Подкарпатской Руси, изменения русинско-словацкой границы и обеспечения прав русского языка как в Подкарпатской Руси, так и в русинских областях восточной Словакии. Русинские политические деятели восточной Словакии пытались привлечь внимание международной общественности к положению русинов в Чехословакии. 10 апреля 1922 г. лидеры Русской Народной Рады в Прешове направили конференции Лиги Наций в Женеву «меморандум подкарпатского русского народа», в котором содержалась резкая критика в адрес чехословацких властей. «Наш живой организм разрезан на две части рекой Уж; условия жизни невыносимы по обеим сторонам, — говорилось в меморандуме. — Об автономной жизни нет и не может быть слова... Три года народ живет под военной диктатурой. Цензура газет и писем ... предпринимается с невиданной строгостью...».⁵⁵³

⁵⁵³ *Американский Русский Вестник.* Гомстед, ПА. 28 апреля, 1922. № 17.

По инициативе Бескида и его сторонников организовывались массовые выступления русинского населения, на которых принимались соответствующие резолюции. Так, в середине июня 1922 г. в восточнословацком местечке Медзилаборце состоялся многочисленный митинг русинского населения. «В митинге приняло участие около трех тысяч человек, — сообщал «Час» 15 июня 1922 года. — Среди выступавших были доктор Бескид, доктор Гагатко и доктор Каминский... Все выступавшие протестовали против действий пражского и братиславского правительства. В принятых резолюциях содержались следующие требования: присоединение западных русинских жуп к автономной Подкарпатской Руси; введение русского литературного языка в учреждения и школы; обеспечение доступа местного населения к государственной службе».⁵⁵⁴

Бюро негодования как в Подкарпатской Руси, так и среди русинов восточной Словакии вызвало постановление чехословацкого правительства № 280/22 от 21 сентября 1922 г. о передаче 43 русинских сел Ужгородской жупы в состав Словакии в рамках создания нового административного образования — Кошицкой жупы. Данное решение чехословацкого правительства, по признанию Я. Нечаса, явилось «грубой тактической ошибкой», которая способствовала переходу в оппозицию политических партий Подкарпатя и распространению недоверия к чехам среди местной общественности.⁵⁵⁵ Борьба против данного постановления стала дополнительным объединяющим фактором для русинского движения в восточной Словакии.

Кульминацией национальных выступлений русинов Словакии стал национальный конгресс карпаторуссов, состоявшийся 23 ноября 1922 г. в Прешове. «Национальный русский конгресс одобряет резолюции, принятые на собраниях общественности в гг. Медзилаборце, Гуменне, Стакчин, Станчин, Веляты и Свидник и направляет их правительству и президенту Чехословацкой республики с требованием немедленного исполнения содержащихся в резолюциях требований карпаторусского народа, — говорилось в решениях национального конгресса карпаторуссов. — Конгресс протестует против создания так называемой Кошицкой жупы, поскольку это предшествует окончательному определению границы между Подкарпатской Русью и Словакией ... и требует отмены правительственного решения о присоединении 43 карпаторусских сел Ужгородской жупы к Словакии... Конгресс требует скорейшего назначения губернатора Подкарпатской Руси, который может быть только карпаторусским уроженцем русской национальности... Конгресс протестует против всех централистских мер, предпринимаемых

⁵⁵⁴ Čas. 15.07.1922.

⁵⁵⁵ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1923/1, krabice 402.

чешскими и словацкими чиновниками... Конгресс требует, чтобы установление окончательной границы между Подкарпатской Русью и Словакией было проведено с учетом этнографических, исторических и географических факторов и протестует против того, чтобы переговоры об этих вопросах велись без нас...».⁵⁵⁶ В отдельном пункте конгресс выражал протест «против украинизации Подкарпатской Руси в языковой, образовательной и прочих сферах».⁵⁵⁷

Политическая активность русинов Пряшевского края очень болезненно воспринималась словацкими властями, общественностью и прессой. Крайне негативная оценка русинского конгресса, состоявшегося 23 ноября 1922 г. в Прешове, содержалась в газете «Словенски виход». Газета обрушилась с резкой критикой на участников съезда за их «античехословацкие настроения», определив характер этого мероприятия как «антигосударственный». Особое недовольство автора статьи о русинском конгрессе вызвало требование русинской общественности расширить границы Подкарпатской Руси «вплоть до Попрада», а также ее критическое отношение к отправке словацких учителей в русинские села, где они, по мнению русинской интеллигенции, «словакизируют русский народ». Газета обвиняла русинов в «неспособности оценить» усилия чехословацких властей, «стремящихся преодолеть отсталость местного населения».⁵⁵⁸

Напряженность в словацко-русинских отношениях и политическая активность русинов восточной Словакии в начале 1920-х гг. вызывали озабоченность в Праге. В конфиденциальных документах некоторые высокопоставленные чехословацкие чиновники были вынуждены частично признать обоснованность русинских требований, критически отзываясь о политике словацких властей в отношении русинского меньшинства. Чиновник канцелярии президента Я. Нечас, комментируя один из меморандумов лидеров русинского движения в восточной Словакии, писал 12 января 1922 г., что «острый и разочарованный тон Русской Народной Рады в Прешове вызван главным образом нетактичными действиями словацких властей. Вместо того, что использовать более мягкие методы и удовлетворять потребности русинов Земплинской, Шаршской и Спишской жуп, словаки стремятся словакизировать все население быстро и радикальными средствами... Своими жесткими действиями словаки добиваются прямо противоположных результатов, сами вызывая русинский вопрос в восточной Словакии».⁵⁵⁹

⁵⁵⁶ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1922, krabice 401. Resoluce veľkého národného kongresu Karpatorusů, konaného dne 23. listopadu 1922 v Prešově.

⁵⁵⁷ Ibidem.

⁵⁵⁸ Bohuň E. Poznámky k rusinskému sjezdu // Slovenský východ. 26.11.1922.

⁵⁵⁹ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1922, krabice 401. Poznámky k memorandu

Одним из оправдавших себя методов, использовавшихся Прагой для снижения политической активности русинов восточной Словакии, была кадровая политика. Стремление ослабить русинское движение в восточной Словакии было одной из важных причин назначения лидера восточнословацких русинов А. Бескида вторым губернатором Подкарпатской Руси осенью 1923 года. В ответ на данное назначение и связанные с ним статусные и материальные выгоды А. Бескид согласился уменьшить критику чехословацких властей и выйти из руководства Русской Народной партии в Словакии.⁵⁶⁰ Следует отметить, что ранее Прага эффективно использовала А. Бескида и его сторонников для противодействия Г. Жатковичу.

Вопреки стремлению подкарпатских и пришевских русинов к воссоединению, новый административный закон, вступивший в Чехословакию в силу в 1928 г., окончательно утвердил и легализовал существовавшую границу между Словакией и Подкарпатской Русью, которая до этого считалась временной. В соответствии с законом 1928 г., территория Чехословакии делилась на четыре провинции: Чехию, Моравию-Силезию, Словакию и Землю Подкарпаторусскую; при этом границей между Словакией и Подкарпатской Русью оставалась прежняя административная граница, в которую внесли незначительные изменения, но которая по-прежнему оставляла русинские земли Пришевской Руси в составе Словакии. Обещания пражских политиков изменить словацко-подкарпаторусскую границу в пользу русинов в очередной раз оказались нарушены, что вызвало сильное разочарование среди русинских общественных деятелей.

Более того, в ходе подготовки к принятию нового административного закона проявилось стремление некоторых чехословацких политиков урезать территорию Подкарпатской Руси, передав западные районы Подкарпатя вместе с Ужгородом Словакии, что вызвало бурю возмущения среди русинской общественности в Чехословакии и русинской диаспоры в США. «Чехи намереваются ограбить Подкарпатскую Русь. Они хотят забрать и сам Ужгород и передать его Словакии. Подобно подлому мяснику, они режут тело нашего народа»,⁵⁶¹ — такими эмоциональными заголовками комментировал «Американский Русский Вестник» намерения пражских политических кругов. «Новым административным законом пражское правительство намеревается раз и навсегда похоронить наши автономные права и ... похоронить на века нашу русскость... С помощью нового закона хотят присоединить к Словакии Ужгород и всю ужанскую жупу и сделать столицей Мукачево... Все депутаты и сенаторы Карпатской Руси единогласно выступили

против этого»,⁵⁶² — писал «Американский Русский Вестник» 3 марта 1927 г. Хотя планы по передаче Ужгорода в состав Словакии в итоге реализованы не были, дискуссия вокруг этого вопроса стала дополнительным источником напряженности в словацко-русинских отношениях и катализатором недовольства русинов политикой Праги.

* * *

Важным фактором, усиливавшим стремление восточнословацких русинов к воссоединению с Подкарпатской Русью, была внутренняя политика словацких властей, прежде всего политика в области образования, с самого начала обнаруживавшая все более явные ассимиляторские тенденции. В 1922 г. Министерство образования в Братиславе приняло решение о переходе с венгерского языка обучения в начальных грекокатолических школах восточной Словакии на словацкий язык. В 1874 г. в период нахождения этих территорий в составе Венгрии русинский язык использовался в 237 начальных школах, и, если бы соблюдалось положение чехословацкой конституции о защите национальных меньшинств, по меньшей мере именно это количество школ должно было стать русинскими. Однако начиная с 1923–1924 учебного года лишь в 95 начальных школах восточной Словакии использовался русинский язык, что свидетельствовало об интенсивной словакизации системы образования в русинских областях Словакии.⁵⁶³

Ассимиляционное давление на русинское население восточной Словакии, когда власти настойчиво побуждали местное население идентифицировать себя как «чехословаков», проявилось в способе проведения и результатах переписей населения. Уже в августе 1919 г. была проведена предварительная перепись населения в Словакии, в ходе которой лишь 93411 жителей заявили о себе как о русинах. Это количество было на 16% меньше, чем число русинов на той же территории, зафиксированное венгерской довоенной переписью 1910 г., в соответствии с которой на территории восточной Словакии проживало 111280 русинов. Русинские общественные деятели резко критиковали проведение предварительной переписи 1919 г. словацкими властями, которые старались полностью исключить из этого процесса местную русинскую интеллигенцию. Счетные комиссары «оказывали влияние на население утверждениями о том, что русины не получают продовольственную помощь в виде муки и сахара... Временами счетные ко-

Ústředního Výboru Ruské Národní strany v Prešově.

⁵⁶⁰ Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition. P. 37.

⁵⁶¹ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. February 10, 1927. №6.

⁵⁶² Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. March 3, 1927. №9.

⁵⁶³ См.: Magocsi P. R. The Rusyns-Ukrainians of Czechoslovakia. P. 37.

миссары использовали методы политического шантажа, чем приблизились к прежней венгерской практике, когда счетчики имели инструкцию действовать так, чтобы русинов было как можно меньше...».⁵⁶⁴

Последующая перепись населения в Чехословакии в 1921 г. зафиксировала лишь 85628 русинов на территории Словакии, что было даже меньше результатов предварительной переписи 1919 г. Явно заниженное количество восточнословацких русинов в чехословацких переписях по сравнению с предшествовавшим периодом в значительной степени было результатом давления местных чиновников. Дискриминация со стороны чехословацких властей в ходе переписей облегчалась тем, что часть местного населения, опасаясь за возможные неблагоприятные последствия венгерской оккупации и нахождения в составе Словацкой Советской республики, центр которой в июне 1919 г. находился в Прешове, легко принимала «чехословацкую» самоидентификацию, поскольку это могло быть интерпретировано властями как проявление политической лояльности.

Формулировки вопросов, задававшихся в ходе переписей местному населению, предоставляли чехословацким властям дополнительную возможность интерпретировать этническую принадлежность жителей восточной Словакии в выгодном для себя смысле. Так, в ходе переписей населения в Чехословакии в 1921 и 1930 годах задавался вопрос о национальности, а не о родном языке, как это было во время предыдущих венгерских переписей. Между тем вопрос о родном языке позволял более точно определить этническую принадлежность населения, в то время как вопрос о национальной принадлежности нередко запутывал респондентов, которые при ответе зачастую указывали гражданство, а не национальность. Отвечая на вопрос о своей национальности, респондент имел возможность выбора из заранее определенных вариантов ответов, предусматривавших «чехословацкую национальность», а также немецкую, мадыарскую, «русскую», еврейскую или какую-либо «другую». Категория «чехословацкой национальности» в ходе переписи на территории Словакии нередко вводила в заблуждение респондентов русинской национальности, выступая в качестве приемлемого варианта ответа для тех, кто не считал себя словаком, но имел чехословацкое гражданство. В результате часть русинского населения, являясь гражданами Чехословакии, выбирала «чехословацкую» национальность, путая гражданство и этническую принадлежность. При этом ситуация осложнялась тем, что словацкие власти были склонны трактовать всех указавших «чехословацкую национальность» на территории Словакии как словаков.

⁵⁶⁴ Konečný S. Op. cit. S. 70.

Возможность манипуляций в ходе переписи облегчалась низким образовательным и общекультурным уровнем значительной части русинского населения. По меткому замечанию И. Ваната, «перепись населения в восточной Словакии проходила в тяжелой атмосфере борьбы за несознательные, нерешительные и зависимые от государства души. Часто счетчики определяли национальность тем, что ставили перед русином книгу, напечатанную кириллицей, и если русин не мог ее читать (что было естественно после запрета кириллицы венгерскими властями), то его записывали словаком».⁵⁶⁵ Примечательно, что особенно резкое снижение численности русинов по сравнению с предыдущими переписями чехословацкая статистика фиксировала в «приграничных районах Шаришской и Спишской жуп, где разоренное войной население в наибольшей степени подвергалось давлению государственно-бюрократической машины... Новые статистические данные были призваны подтвердить словацкий национальный характер вышеуказанных жуп... Данными доказательствами чехословацкие власти хотели поставить все точки над «i» в территориальном вопросе».⁵⁶⁶

Аналогичную политику в ходе переписи населения чехословацкие власти проводили и в Тешинской Силезии, где компактно проживало многочисленное польское меньшинство, являвшееся причиной напряженных отношений между Чехословакией и Польшей. Незадолго до проведения переписи в 1921 г. представитель чехословацких властей в г. Опава Й. Шрамек в своем письме в МВД ЧСР прямо подчеркивал, что «в ходе переписи мы должны обеспечить как можно более высокое количество чехословаков, чтобы тем самым показать за границе нашу силу...».⁵⁶⁷

Многочисленные злоупотребления в ходе переписи населения обостряли отношения между словацкими властями и русинской общественностью, испытывавшей все большее разочарование от пребывания в составе чехословацкого государства. «Словаки... — наши ближайшие по крови и духу славянские братья и соседи. С ними соединяет нас тяжкая, тысячелетняя неволя, в которой держали нас ... мадьяры ... Мы, руснаки, добровольно присоединились к Чехословацкой республике, и мы надеялись, что заживем с нашими братьями-словаками в добром славянском согласии... К сожалению, так не случилось, — писала 3 ноября 1921 г. издававшаяся в Прешове газета «Русь». — Уже три года мы свободны, а в русских селах школы закрыты, русского урядника ... не найдешь, нашу веру и язык мало уважают, в урядах его не признают. Наши братья-словаки дошли до того, что заявили: «Русского народа в Шарише, Земплине и Спише нет». При недавней переписи в отно-

⁵⁶⁵ Ванат I. Указ. соч. С. 111.

⁵⁶⁶ Там же. С. 113.

⁵⁶⁷ Baran J. Spor o Těšínsko a jeho důsledky // Dějiny a současnost. 2009. № 11. S. 19.

шении к нам совершили страшную несправедливость. Чисто русские села записали словацкими. Высокие словацкие урядники вели агитацию против русского народа. наших патриотов ... словацкие газеты называли мадяро-нами... Братья-словаки, что это значит? — вопрошала прешовская «Русь». — Опомнитесь! Словаками мы никогда не будем, а Вы напрасно лишь посеете раздор между двумя братскими славянскими народами».⁵⁶⁸

Перегибы словацких властей в ходе переписи в феврале 1921 г. признавали и пражские чиновники. «Перепись населения, на которую Русская Народная партия в Прешове жалуется больше всего, проводилась противозаконно, что вызвало возмущение даже среди ранее индифферентно настроенных русинов, — отмечал 12 января 1922 г. сотрудник канцелярии президента республики Я. Нечас. — Если бы словаки действовали более осторожно и ... справедливо, то они могли бы достичь своей цели легче, чем применяя столь агрессивные методы».⁵⁶⁹

Административное навязывание властями «чехословацкой» идентификации населению восточной Словакии было связано и со стремлением окончательно «словакизировать» местных словаков, разговорные диалекты которых (спишский, шаринский и земплинский) заметно отличались от словацкой литературной нормы, что создавало предпосылки для культурно-языкового сепаратизма. Некоторые местные деятели отстаивали идею существования отдельного восточнословацкого («словацкого») народа, что находило поддержку в соседней Венгрии. В декабре 1918 г. была даже провозглашена независимая восточнословацкая республика с центром в Кошице, которая вскоре была ликвидирована чехословацкими властями.⁵⁷⁰ Культурно-языковые особенности местного русинского и восточнословацкого населения, создававшие питательную почву для сепаратистских настроений, и напряженные отношения с Венгрией, стремившейся использовать это в своих интересах, вызывали повышенное внимание чехословацких властей, которые активно боролись с проявлениями локального своеобразия, пытаясь гомогенизировать местное население в духе лояльности к чехословацкой государственности.

Если русинская пресса и общественные деятели оспаривали результаты переписи 1921 г., считая, что словацкие власти искусственно занизили количество русинов в восточной Словакии, то словацкая пресса, апеллируя к результатам переписи, наоборот, подчеркивала незначительную численность русинов и необоснованность их требований. «В Земплине 11,6%

⁵⁶⁸ Русь. Пряшев, дня 3 ноября 1921. №№ 2–3.

⁵⁶⁹ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1922, krabice 401. Poznámky k memorandu Ústředního Výboru Ruské Národní strany v Prešově.

⁵⁷⁰ Magocsi P. R. The Rusyns-Ukrainians of Czechoslovakia. P. 38–39.

русинов, в Шарише 22,5%, в Спише 9,4%, — писал 31 мая 1921 г. «Словенски денник». — Заявления о том, что на территории Словакии живет более 300000 русинов, являются ... тенденциозными и пропагандистскими».⁵⁷¹

Результаты второй переписи населения в Чехословакии, проведенной 1 декабря 1930 г., были более благоприятны для русинов. В соответствии с данными этой переписи, число указавших «русскую» национальность на территории Словакии составило 91079 человек,⁵⁷² что было несколько выше данных переписи 1921 г., зафиксировавшей 85628 русинов. Количество грекокатоликов в Словакии к декабрю 1930 г. составило 213721 человек, что также было выше данных предыдущей переписи 1921 г., зафиксировавшей 193671 грекокатолика.

Однако демографические и этнокультурные процессы, протекавшие в населенных пунктах северо-восточной Словакии с преимущественно русинским населением, были неблагоприятны для русинов. Так, если в г. Снина в 1921 г. проживали 16853 представителя «русской» национальности и только 5697 «чехословаков», то в 1930 г. их численность непропорционально возросла, составив 19891 и 11388 соответственно. Если в г. Медзилаборце в 1921 г. проживали 13586 «русских» и лишь 1502 «чехословака», то в 1930 г. их количество составило 14944 и 2860 соответственно.⁵⁷³ Таким образом, динамика изменения численности «чехословаков» и представителей «русской» национальности в крупных русинских населенных пунктах восточной Словакии складывалась не в пользу русинов, поскольку количество «чехословаков» росло значительно более быстрыми темпами, чем число русинов.

Чехословацкая пресса нередко обнаруживала тенденцию ставить под сомнение само существование русинов как отдельного самобытного народа и стремилась представить их лишь как этнографическую разновидность восточных словаков с неразвитой или «неправильной» национальной идентичностью. Например, «Час» трактовал русинское национальное самосознание как «результат венгерской пропаганды, которая изобрела новую русинскую национальность в качестве противовеса развивающемуся словацкому движению, искусственно разжигая ненависть между грекокатоликами и римскими католиками... Грекокатолики не принимали участия в национальном движении, их опыты выступали против словаков, а когда была изобретена новая народность, руснацкая, дело раскола было завершено...».⁵⁷⁴

⁵⁷¹ Slovenský denník. 31. V. 1922.

⁵⁷² Štatistický lexikon obcí v krajine Slovenskej vydaný ministerstvom vnútra a štátnym úradom štatistickým na základe výsledkov sčítania ľudu z 1. decembra 1930. V Praze, 1936. S. XVIII–XX.

⁵⁷³ Ibidem. S. XVII–XVIII.

⁵⁷⁴ Čas. 8.3.1921.

С особой тревогой «Час» писал о русинском требовании ревизии границы между Подкарпатской Русью и Словакией. «Насколько мы информированы, — с удовлетворением заключал «Час», — в управлении восточными жупами не предполагается никаких изменений. Правительство решительно настроено противостоять русинским требованиям. Граница между Словакией и Подкарпатской Русью пока меняться не будет».⁵⁷⁵ Стремясь доказать «искусственность» русинов, «Час» утверждал, что диалект восточнословацких русинов более похож на словацкий, чем на русский или украинский языки. В качестве примера «Час» ссылался на некую русинскую листовку, которая распространялась в русинских областях северо-восточной Словакии перед переписью населения и утверждала, что численность русинов в Словакии составляет двести тысяч человек. Листовка была написана латинскими буквами. На этом основании «Час» доказывал, что язык листовки «с некоторыми оговорками можно считать восточнословацким диалектом» и что азбуку русинское население почти не понимает.⁵⁷⁶

Для дискредитации русинского движения и его лидеров чехословацкая пресса часто поднимала тему денационализации и мадьяризованности русинской интеллигенции, ставя под сомнение ее право выступать в качестве полномочного представителя русинского народа. Это вызывало активное противодействие на страницах русинской прессы. Так, лидер Русской Народной партии в Словакии доктор К. Мачик, отвечая на статью в газете «Словенски виход», упрекавшую ужгородских семинаристов за общение на венгерском языке и русинскую интеллигенцию в целом за утрату «русского национального чувства», объяснял это крайне тяжелым положением русинов в Венгрии, где православие и позже униатство «были только терпимы», в то время как словаки «принадлежали к господствующей религии».⁵⁷⁷

Тема «венгерского засилья» в Словакии и Подкарпатской Руси и потенциальной опасности венгерского ирредентизма и большевизма была очень популярна в чешской прессе в 1920-е гг., которая связывала угрозу ирредентизма с автономистскими устремлениями русинов и словаков. Особенно часто в этой связи чешские газеты критиковали Словацкую людovou партию А. Глинки за чехофобию и за то, что чехи воспринимали как «скрытое мадьяронство».⁵⁷⁸ Раздражение многих чешских журналистов вызывал и «полностью венгерский» облик Ужгорода и других подкарпатских и восточнословацких городов.

⁵⁷⁵ Ibidem.

⁵⁷⁶ Čas. 22.3.1921.

⁵⁷⁷ Народная газета. 1924. № 1.

⁵⁷⁸ Státní Ústřední Archiv (SÚA), fond Ministerstvo zahraničních věcí — výstřížkový archiv, sign. 871, kart. č. 1740. Slovensko — národnosti 1920–1932.

В январе 1926 г. большой шум в чехословацкой и русинской прессе вызвала скандальная информация об участии высокопоставленных венгерских чиновников в изготовлении фальшивой валюты, которая впоследствии переправлялась за границу в соседние с Венгрией государства для финансирования деятельности провенгерских сил. «Мадыарские высшие урядники делали фальшивые гроши с согласия мадыарского правительства... За фальшивые гроши проводили мадыары свою пропаганду в других державах, — сообщал орган аграрной партии в Подкарпатской Руси «Карпаторусский вестник». — Фальшивомонетки искусно изготовляли французские франки и чехословацкие 500-кronовые банкноты... В огромных массах изготовленные фальшивые гроши перевозил за границу полковник Jankovics, у которого после ареста были найдены мадыарские дипломатические паспорта... Враги славянства не брезгают самыми подлыми средствами для организации раздора!»⁵⁷⁹ Аферу высокопоставленных венгерских фальшивомонетчиков чехословацкие и русинские публицисты расценили как «яркое выражение мадыарской ирриденции... Мадыары подписали мирные договоры, но в действительности они их не признают и ... всюду выступают против них, — обвинял Будапешт «Карпаторусский вестник». — Мадыария по окончании мировой войны явилась осиным гнездом беспокойных элементов...».⁵⁸⁰

Проявления открытой ассимиляционной политики со стороны чешских и особенно словацких властей вызывали многочисленные протесты русинской интеллигенции. «Нет в республике ни одной такой народности, которая бы подвергалась таким экспериментам... Эксперименты языковые, политические, административные, религиозные, — это общее явление... Чем дальше продолжают эти ненормальные явления, тем глубже тонут наши экономические, культурные и национальные интересы»,⁵⁸¹ — критически комментировала русинскую политику чехословацких властей в октябре 1925 г. «Народная газета», выражая взгляды руководства Русской Народной партии в Словакии. «Пока мы ссоримся, изобретаем разные компромиссы, сочиняем несуществующие «русские», «русинские», «материнские» и прочие языки, на наших русских территориях спокойно и систематически вводятся чешские и словацкие школы ... и самым грубым образом нарушаются наши автономные права»,⁵⁸² — замечал один из русофильских публицистов. В 1930 г. «Народная газета» даже сделала вывод о том, что «отдаленная от Карпатской Руси Чехия менее опасна соседней Словакии, которая уничтожает нашу карпаторусскую культуру на оторванной Пряшевщине

⁵⁷⁹ Карпаторусский вестник. 7 января 1926. № 2.

⁵⁸⁰ Карпаторусский вестник. 13 января 1926. № 3.

⁵⁸¹ Народная газета. 1925. № 21.

⁵⁸² Народная газета. 1926. № 19.

хуже мадьяр... По словацкой теории, в Словакии нет русских, а есть только грекокатолические словаки, которые должны быть ословачены, какие бы методы ни применялись...»⁵⁸³

Крайне негативное отношение к русинской политике чехословацких властей демонстрировали и представители русинской диаспоры США. Русинская пресса в Северной Америке регулярно публиковала острые критические материалы о положении русинов в Словакии и в Подкарпатской Руси. «Дорогие братья и сестры! Вы ... присоединили нас к Чехословакии, думая, что сделаете из нас свободный народ. Но наоборот, сейчас наш народ, как на Подкарпатской, так и на Пряшевской Руси является народом подъяремным, — говорилось в «Письме из Пряшевской Руси», опубликованном в «Американском Русском Вестнике» 14 марта 1929 г. — Вы в далекой Америке не знаете вкус ... нашего горького рабства... Чехословакия принесла нам не свободу, но рабство. На русскую школу не получили мы ни цента, а президент Масарик дал на еврейскую гимназию в Мукачево 600000 чешских крон...»⁵⁸⁴ Подобная политика чехословацких властей стимулировала стремление русинов восточной Словакии к воссоединению с Подкарпатской Русью. Все русинские конгрессы в восточной Словакии требовали ревизии границы с Подкарпатской Русью, использование русского литературного языка в школах и в общественной жизни, а также привлечение представителей местного населения к работе в органах государственной власти.⁵⁸⁵

Важное место в общественной жизни русинов Словакии занимало движение за возвращение к православию, которое, достигнув больших успехов в 1920 г. в соседней Подкарпатской Руси, охватило в 1921 г. и русинские области северо-восточной Словакии. Во главе православного движения в Подкарпатской Руси стояли А. Геровский и православный священник из села Иза А. Кабалуку; в восточной Словакии распространение православия энергично поддерживал представитель местного русинского населения сенатор Ю. Лажо. В 1923 г. по приглашению Ю. Лажо в восточнословацкий г. Свидник прибыл православный монах В. Максименко, ставший впоследствии идейным вождем православного движения в регионе. Центром распространения православия среди словацких русинов стал монастырь в селе Ладомирово, имевший собственную типографию, где печаталась газета «Православная Русь». Впоследствии православие распространилось в ряде русинских сел восточной Словакии (Вагринец, Крайне Чорне, Крайня Порубка, Вышний Верлих, Грабске, Варадка и др.).⁵⁸⁶ Во второй половине 1920-х гг. право-

⁵⁸³ Народная газета. 1930. № 1.

⁵⁸⁴ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. March 14, 1929. № 11.

⁵⁸⁵ См: Slovenský denník. 31.5.1922; Slovenský východ. 26.11.1922.

⁵⁸⁶ Ванат I. Указ. соч. С. 158.

славное движение в восточной Словакии продолжало развиваться. К концу 1920-х гг. православная церковь в Словакии насчитывала 12500 прихожан. Православные приходы возникли в русинских селах Бардейовского, Сабиновского, Медзилаборского и Снинского округов. Православные общины северо-восточной Словакии входили в состав Мукачевско-Пряшевской епархии.

В отличие от Подкарпатской Руси, где чешские власти пытались использовать православное движение в своих целях, власти восточной Словакии с самого начала рассматривали распространение православия как прямую угрозу своим интересам, воспринимая православное движение как мощный идеологический инструмент объединения русинов Подкарпатя и Словакии. Характер опасений словацкого руководства в связи с распространением православия удачно передал кошицкий жупан в своем обращении в Министерство просвещения Чехословакии, указывая в нем, что «каждому, кто знаком с местной обстановкой, ясно, что неминуемо наступит то время, когда православие будет означать стремление присоединить край к России, станет источником российской ирреденты».⁵⁸⁷ Словацкие власти стремились любыми путями воспрепятствовать расширению православия среди русинов восточной Словакии. Так, власти Свидницкого района в начале 1920-х гг. запрещали православным выполнять религиозные обряды в грекокатолических храмах под предлогом наведения порядка.⁵⁸⁸

Грекокатолическая церковь восточной Словакии также стремилась парализовать православное движение в регионе. Кроме того, определенные круги грекокатолической иерархии пытались «украинизировать» структуры грекокатолической церкви в восточной Словакии по примеру Галиции, сделав их инструментом распространения украинской идеологии среди местных русинов. Именно эту цель преследовал епископ Д. Нярадий, сторонник главы грекокатолической церкви Восточной Галиции А. Шептицкого, назначенный Ватиканом в августе 1922 г. администратором Прешовской епархии. Нярадий, проукраински настроенный уроженец русинского населенного пункта Руски Керестур в сербской Воеводине, энергично содействовал деятельности ордена василиан, боровшегося с русофильской идеологией и распространявшего украинскую пропаганду в восточной Словакии. Нярадию удалось организовать переезд 34 украинских священников и учителей из Восточной Галиции в восточную Словакию, где они включились в украинскую пропаганду среди местных русинов. Однако проукраинская деятельность Нярадия с самого начала натолкнулась на категорическое не-

⁵⁸⁷ Ванат I. Указ. соч. С. 159.

⁵⁸⁸ Там же.

приятие русинского населения и большинства местного грекокатолического духовенства, настроенного русофильски. «Враги русского народа послали нам украинского бискупа, чтобы он засеял между нами зерно несогласия. Мы знаем, что епископ Nyágyády приложит все усилия, чтобы нас разбить. Но мы, русские жители Земплина, Шариша и Спиша, обязаны показать, что нас разбить не удастся»,⁵⁸⁹ — писала в ноябре 1922 г. прешовская газета «Русь», отражая настроения местной русинской общественности. Русинская пресса восточной Словакии резко критиковала Нярадия за проукраинскую политику в культурной сфере, в частности за его призывы вступать в украинскую «Просвиту» и основывать отделения «Просвиты» в местных русинских селах. «Мы никогда не согласимся, чтобы церковная власть ... нас украинизировала...»,⁵⁹⁰ — подчеркивала прешовская «Русь». В 1927 г. в должности администратора Прешовской епархии Д. Нярадия сменил П. Гойдич, русинская ориентация которого больше соответствовала настроениям местного населения и духовенства.

Политика руководства грекокатолической церкви в Словакии в большой степени зависела от позиции Ватикана, которая в 1920-е гг. проделала определенную эволюцию. В начале 1920-х гг. Ватикан, пытаясь проникнуть и расширить свое влияние в СССР, прежде всего в УССР, делал ставку на грекокатолическую церковь и полностью поддерживал галицкого митрополита А. Шептицкого. Вскоре, однако, политика Ватикана, направленная на всемерную поддержку грекокатолической церкви, вступила в противоречие с интересами Варшавы, обеспокоенной украинским национальным движением в Восточной Галиции и его распространением на Лемковину. В борьбе с Шептицким польским властям удалось привлечь на свою сторону папского нунция в Варшаве кардинала Ратти. После смерти римского папы Бенедикта XV в январе 1922 г. и последующего избрания римским папой кардинала Ратти, который стал папой Пием XI, католическая церковь начинает в большей степени учитывать государственные интересы Польши и Чехословакии, в то время как украинское движение и митрополит Шептицкий теряют поддержку Ватикана.

Это, в частности, нашло свое выражение в том, что Ватикан поддержал намерение чехословацких властей сместить главу Прешовской епархии епископа Нярадия, активная проукраинская деятельность которого вызвала неприятие местной русинской общественности и опасения словацких политиков. Вместо Нярадия главой Прешовской епархии Ватикан назначил ужгородского священника П. Гойдича, которому чехословацкие власти дали

⁵⁸⁹ Русь. Пряшев, дня 16 ноября 1922. № 37.

⁵⁹⁰ Русь. Пряшев, дня 4 января 1923. № 1.

понять, что они хотели бы видеть деятельность нового главы словацких грекокатоликов в большей степени соответствующей государственным интересам Чехословакии.

С самого начала П. Гойдич проявил себя оппонентом украинского движения и убежденным сторонником местного русинского культурно-национального направления. На открытии выставки русской культуры в Прешове 8 июня 1927 г. Гойдич в присутствии кошицкого жупана заявил, что он «не русский и не украинец, а русин, который желает тут жить и умереть».⁵⁹¹ Сказанное можно считать своеобразным культурно-национальным кредо главы Прешовской грекокатолической епархии, которая стала одним из основных идеологических центров русинского движения.

Наряду с воздействием на грекокатолическую церковь в выгодном для себя направлении, словацкие власти всемерно поддерживали католический прозелитизм в областях северо-восточной Словакии в качестве дополнительного инструмента ассимиляции местных русинов. Антиподом ордена василиан в Словакии являлся орден редемптористов, который противостоял украинской пропаганде в регионе и способствовал полной латинизации обрядов грекокатолической церкви, стремясь к словакизации местного русинского населения. В начале 1920-х гг. редемптористы основали в Словакии три монастыря — в Стропковце, Подолинце и у Тренчина, которые были призваны стать оплотом словацкой национальной идеи в регионе.⁵⁹²

Таким образом, в отличие от Подкарпатской Руси, грекокатолическая церковь в восточной Словакии не стала орудием украинской пропаганды в силу преимущественно русофильской ориентации местного духовенства, а также по причине негативного отношения местных властей к деятельности украинофилов. Данное обстоятельство стало одной из причин растущих различий между положением в Подкарпатской Руси и в русинских областях северо-восточной Словакии.

* * *

Если в Подкарпатской Руси украинский фактор становился все более заметным явлением общественной жизни, то в северо-восточной Словакии, наоборот, все попытки украинской пропаганды потерпели неудачу, а русинские традиционалисты к концу 1930-х гг. добились ощутимых успехов

⁵⁹¹ Ванат I. Указ. соч.. С. 167–168.

⁵⁹² Там же. С. 161.

в культурно-языковой и образовательной области. Борьба восточнословацких русинов за свои культурно-языковые права носила упорный и последовательный характер, выражаясь в постоянном давлении на словацкие власти. Особое место в этой борьбе занимали усилия, направленные на расширение сферы образования на русском языке и увеличение числа русских школ.

Так, во время заседания окружного комитета (*местный орган власти*. — К. Ш.) восточнословацкого городка Стропков 22 ноября 1932 г. местный активист Русской Народной партии А. Ванюга направил властям три интерpellации, две из которых непосредственно касались культурно-национальных и языковых прав русинского населения. Первая интерpellация обращала внимание властей на то, что в данном районе находится «80 чисто русских и 20 смешанных сел», и требовала введения преподавания на русском языке в русских селах. Вторая интерpellация напоминала местным властям о принятом еще в 1929 г., но так и не выполненном решении о том, чтобы печати в русских селах были как на латинице, так и на кириллице.⁵⁹³

Успехи, достигнутые в борьбе за национально-языковые права русинского населения, широко освещались и пропагандировались на страницах русинской прессы. «Героическому примеру села Чирча Сабиновского округа последовало Грабское Бардеевского округа под ведением своего учителя и при поддержке Русской Народной партии, которое все целиком подписало просьбу к Министерству народного просвещения в деле смены преподавательского языка словацкого на русский, — сообщала «Народная газета» 7 января 1933 года. — Акция ведется на основании данных ... переписи и ввиду ее обоснованности может рассчитывать на успех. За этими селами пусть поднимаются и другие русские села, чтобы планомерно в русских школах водворился язык русский».⁵⁹⁴

Активное участие в отстаивании национальных прав русинов принимало русинское грекокатолическое духовенство. «Наш передовой культурный работник о. Эмилий Левканич, русский священник из села Чирча, — информировала «Народная газета», — ... обратился в органе грекокатолических священников со специальным воззванием к своим алтарным братьям священникам, чтобы по его примеру начали тоже в своих селах акцию за русские школы и по примеру села Чирча посылали прошения прямо на руки господина министра Дерера...».⁵⁹⁵

Во главе борьбы восточнословацких русинов за свои культурно-национальные права стоял епископ П. Гойдич и руководство Прешовской епархии. В 1930 г. Гойдич обратился в отдел Министерства просвещения в Братисла-

⁵⁹³ Народная газета. 1933. №№ 1–2.

⁵⁹⁴ Народная газета. 1933. №№ 1–2.

⁵⁹⁵ Народная газета. 1933. № 3.

ве с просьбой разрешить обучение на «карпаторусском языке» в русинских селах восточной Словакии. С аналогичными просьбами Гойдич дважды обращался непосредственно к президенту Масарику в марте 1932 г. и в июне 1934 г. Благодаря настойчивости и активности Гойдича и грекокатолического духовенства акция по переходу со словацкого языка обучения на русский язык в русинских школах восточной Словакии с 1932 г. приобрела массовый характер. В 1933 г. около 100 местных русинских школ присоединились к требованию о переходе на русский язык обучения.⁵⁹⁶ Современные русинские исследователи подчеркивают, что Гойдич, отрицая как украинский, так и русский литературные языки, «основу будущего русинского литературного языка усматривал в живых народных говорах. Однако попытки Гойдича стандартизировать язык на практике были непоследовательными...».⁵⁹⁷

В своей пропагандистской борьбе за образование на русском языке русинские публицисты часто апеллировали к опыту других славянских стран, ставя их политику по отношению к национальным меньшинствам в пример чехословацким властям. «В Пряшевской Руси двухсоттысячный русский народ не получил еще свои культурные права, хотя состоит он из коренного населения. Словаки должны примириться с существованием двухсот тысяч русских на Словакии, ибо это будет актом славянской братской справедливости, — писал 5 февраля 1933 года один из русинских публицистов. — ...Для сорока тысяч живущих в Югославии словаков есть ... словацкая гимназия. Почему бы не могло так быть и у нас? Какая радость настала бы среди русского народа в Чехословакии, если бы наш господин президент Масарик во имя славянской солидарности воззвал правительство для удовлетворения культурных требований русского народа на Словакии, как ... Петро царь сербский выступил в деле словацкой гимназии в Югославии. Такое благородство было бы лучшим укреплением нашего государства».⁵⁹⁸

Попытки словацких властей расширить применение словацкого языка в сфере образования восточнословацких русинов встречали энергичный и хорошо организованный отпор русинской интеллигенции. Так, бурю негодования среди русинской общественности вызвало распоряжение школьного инспектора бардеевского округа от 10 декабря 1934 г. о переходе с русского языка обучения на словацкий на занятиях богословием. «Протестуем», «Неслыханное распоряжение бардеевского школьного инспектора», «Буря негодования в русских селах»⁵⁹⁹ — такими заголовками встретила решение словацкого чиновника русинская пресса. «Русская общественность еди-

⁵⁹⁶ Плішкова А. Русинський язык на Словеньску. Пряшів, 2008. С. 46.

⁵⁹⁷ Там же. С. 45.

⁵⁹⁸ Народная газета. 1933. № 4.

⁵⁹⁹ Народная газета. 1935. № 1–2.

нодушно протестует против распоряжения преусердного школьного инспектора... Во время самой большой мадьяризации в наших селах катехизис учили ... всегда по-русски. Это наше право, на которое не смели посягнуть даже мадьярские уряды, теперь оспаривает школьный инспектор, — писала «Народная газета», комментируя решение словацких властей. — Возмущение охватило весь округ. В самом Свиднике 27 декабря состоялось многолюдное собрание, на котором сошло только священника 23 человека и те вместе с народом решительно выступили против посягательства на наши прадедовские права и на нашу русскую религию». ⁶⁰⁰

Активность, наступательность и последовательность русинских деятелей в отстаивании национальных прав своего народа вызывали опасения у словацкой общественности и прессы. Ситуация осложнялась наличием в северо-восточной Словакии большого числа словаков грекокатолического вероисповедания, которых словацкие власти считали коренными словаками, а русинские идеологи — словакизированными русинами. Так, один из лидеров Русской Народной партии в Словакии доктор Иван Жидовский писал в 1935 г., что «карпатороссы всех ориентаций сходятся в одном — ... население грекокатолического вероисповедания на Словакии по происхождению русское... Число грекокатоликов и православных должно бы быть свыше 200000. Словаков восточного обряда никогда не было. По официальной статистике, было ... признано только 45% русскими...». ⁶⁰¹

Разница между официально признанным в Словакии количеством русинов и числом грекокатоликов была очень большой, что создавало питательную почву для различных спекуляций. В своем отчете о положении русинов в Словакии в 1930 г. полицейский комиссариат Прешова, показывая бесосновательность русинских требований, ссылаясь на данные официальной переписи. «На территории, которую некоторые русинские патриоты называют «Пряшевской Русью», проживает 421996 чехословаков, 94000 русинов, 102161 мадьяр, — говорилось в отчете полицейского комиссариата Прешова. — Из этого количества (в 1921 г.) было 379801 представителей римскокатолического вероисповедания и 187128 грекокатолического вероисповедания». ⁶⁰² Русинские политики, настаивавшие на том, что число русинов в восточной Словакии составляло примерно 200000 человек, исходили из количества грекокатоликов. В свою очередь, словацкие деятели оспаривали мнение о русинской этнической принадлежности всего грекокатолического населения Словакии. Полемицируя с русинскими нацио-

⁶⁰⁰ Народная газета. 1935. № 1–2.

⁶⁰¹ Др. Жидовский И. Наше положение в Чехословакии // Народная газета. 1935. № 26.

⁶⁰² SÚA, fond PMR, inv. č. 654, sign. 294, kart. č. 150. Úprava národních a politických poměrů na Rusi a Slovensku.

нальными деятелями в данном вопросе, словацкий политик К. Сидор писал, что «словаки также могли принять православие и позже перейти в грекокатоличество... Принятие православия и позже греческого католицизма не может быть привилегией только русского народа под Карпатами...». ⁶⁰³

Соперничество словаков и русинов за влияние на грекокатолическое население северо-восточной Словакии протекало довольно остро. «Обращаем внимание наших властей на опасность русинской пропаганды на востоке Словакии, в первую очередь между гражданами грекокатолического вероисповедания, которых стремятся убедить в том, что каждый грекокатолик должен быть русским, — с озабоченностью писала словацкая газета «Словенска политика». — Русинская пропаганда распространяется из Прешова и Ужгорода и уже достигает Спиша. Опасность русинской пропаганды представляется очень серьезной. Мы сами несем за это вину. Например, в течение 15 лет мы так и не смогли подготовить словацкий учебник для грекокатолических школ, поэтому и в словацких школах ученики грекокатолического вероисповедания должны обучаться по русским учебникам... Эту пропаганду должна нейтрализовать Словацкая Лига своей более активной деятельностью среди грекокатолического населения». ⁶⁰⁴

В свою очередь, русинские публицисты с тревогой писали об активизации деятельности Словацкой Лиги в русинских районах северо-восточной Словакии, обвиняя ее в стремлении ассимилировать русинское население. Так, X конгресс Словацкой Лиги, состоявшийся 8–10 июня 1934 г. в г. Спишска Нова Вес в восточной Словакии, был полностью посвящен «русинскому вопросу». В опубликованной на основе резолюций конгресса брошюре констатировалась «опасность русинского движения в восточной Словакии, которое ведет к русификации словацких грекокатоликов и к присоединению некоторых областей восточной Словакии к Подкарпатской Руси». ⁶⁰⁵ Представители Словацкой Лиги, в частности, предлагали создать отдельное епископство для словацких грекокатоликов во главе с епископом-словаком. Во второй половине 1930-х гг. отдел пропаганды Словацкой Лиги организовал несколько манифестаций за права словацких грекокатоликов и приступил к поискам более подходящей словакам кандидатуры на должность главы Прешовской грекокатолической епархии в лице этнического словака. Однако попытки сменить руководство Прешовской епархии закончились неудачей. Во главе грекокатоликов восточной Словакии продолжал оставаться П. Гойдич, убежденный сторонник самобытности русинского народа. ⁶⁰⁶

⁶⁰³ Sidor K. Na Podkarpatskej Rusi. Úvahy, rozhovory a dojmy. Bratislava, 1933. S. 94–95.

⁶⁰⁴ Slovenská politika. 24. XI. 1933. № 267.

⁶⁰⁵ Плишкова А. Русинский язык на Словеньску. С. 46.

⁶⁰⁶ Там же. С. 47.

Систематические усилия Русской Народной партии в Словакии и грекокатолической епархии в Прешове, направленные на сохранение и развитие традиционной русинской культуры, и их постоянное давление на словацкие власти привели к заметному росту числа русинских школ. К 1938 г. в восточной Словакии насчитывалось уже 168 русинских начальных школ; еще в 43 местных школах русинский язык преподавался как предмет. Большое значение для развития культуры и образования прешовских русинов имела деятельность Объединения русской молодежи на Словакии, благодаря усилиям которого в 1936 г. в Прешове была открыта Русская гимназия с преподаванием на русском литературном языке.⁶⁰⁷

В противоборстве с украинофилами традиционалисты-русофилы восточной Словакии не только сохранили свое влияние на местное русинское население, но и значительно его усилили. К концу 1930-х гг. доминирующее положение русофилов в русинских районах Словакии было очевидным. В январе 1938 г. чешские «Лидовые новины» констатировали полностью русофильскую ориентацию всего русинского населения восточной Словакии, подчеркивая, что русский литературный язык в это время был языком преподавания в большинстве местных начальных школ (около 60), а также в гимназии, в учительском институте и в семинарии в Прешове.⁶⁰⁸ Украинские ученые были вынуждены признать, что в силу сложившихся культурных и политических условий «Пряшевщина стала ... оплотом русофильства и политического русинизма, что очень тормозило национальное возрождение украинского населения...».⁶⁰⁹

Усиление влияния русофилов на русинское население Словакии стало возможным благодаря их умелой и продуманной культурно-языковой политике, которая сочетала как традиционную русофильскую идеологию, так и определенные уступки местным особенностям в практической плоскости. Так, орган восточнословацких русофилов «Народная газета», наряду с пропагандой русского литературного языка среди русинов, в 1930-е гг. стала все чаще помещать на своих страницах материалы, написанные местными русинскими диалектами. Полицейский комиссариат г. Прешова, характеризуя различные течения среди восточнословацких русинов, еще в 1930 г. отмечал эволюцию местных русофилов в русинском направлении. «Великорусское направление в современных условиях мы считаем направлением чисто идейным, которое до сих пор не принесло никаких практических результатов, — сообщали руководители прешовской полиции в своем донесении в Прагу в августе 1930 г. — Общество имени А. Духновича на терри-

⁶⁰⁷ *Magocsi P. R. The Rusyn-Ukrainians of Czechoslovakia...* P. 40–41.

⁶⁰⁸ *Lidové noviny.* 18.1.1938.

⁶⁰⁹ *Сірка Й.* Указ. соч. С. 14.

тории восточной Словакии ведет свою деятельность исключительно в русинском духе».⁶¹⁰

Во второй половине 1930-х гг. местные русинские общественные деятели в целом оптимистично оценивали состояние и перспективы русинского движения как в восточной Словакии, так и в Подкарпатской Руси. «Все же по сравнению с прошлым народное самосознание у нас растет, — констатировал в августе 1935 г. доктор Иван Жидовский, один из лидеров Русской Народной партии Словакии. — ... Заметно растет национальная сознательность русских масс... Пряшевская Русь ... снабжает Подкарпатскую Русь значительным притоком интеллигенции... Национальная сознательность на Пряшевщине прогрессирует, хотя грекокатолическое епископство в народных делах выступает сдержанно... Быстрому выкристаллизованию национальной твари (*облика*. — *К. Ш.*) русского населения мешают значительно колеблющаяся политика пражских факторов, но на самой Подкарпатской Руси соотношение сил между русскими и украинцами ... еще сильнее в пользу русских».⁶¹¹

⁶¹⁰ SÚA, fond PMR, inv. č. 654, sign. 294, kart. č. 150. Úprava národních a politických poměrů na Rusi a Slovensku.

⁶¹¹ *Др. Жидовский И.* Наше положение в Чехословакии // *Народная газета.* 1935. №26.

ГЛАВА 6

**«Украинские стремления
поддерживаются
членами правительства»**

**КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВЛАСТЕЙ
ЧЕХОСЛОВАКИИ В РУСИНСКОМ ВОПРОСЕ
В 1920–1930-Е ГОДЫ**

«Государственная типография, переданная в наше распоряжение, не имела ни одного украинского наборщика и почти не располагала типографским материалом, который нам пришлось просить в Праге... Первую украинскую газету в Ужгороде набрали и напечатали чехи...»

(Тихий Ф. Ужгород 1923. С. 27).

«Украинское движение было создано на Подкарпатской Руси искусственно, благодаря широкой моральной и материальной его поддержке со стороны некоторых высших инстанций...»

(Карпатский свет. 1931. №№ 5–6–7. С. 1207).

«На Подкарпатской Руси голод, а правительство вместо того, чтобы побольше заботиться о голодающих, миллионы выбрасывает на украинизацию Подкарпатской Руси. «Просвита» уже третий миллион получает, а голодающий русский народ с отчаянием просит помощи...»

(Карпаторусский голос. 13 августа 1932. № 69).

Невыполнение обещаний о предоставлении Подкарпатской Руси автономии и территориальном объединении русинов, а также недовольство ассимиляторскими тенденциями чехословацких властей было далеко не единственным источником недовольства русинов политикой Праги. Еще одним серьезным раздражителем стала национально-языковая и культурная политика чехословацких властей по отношению к русинам Подкарпатской Руси и северо-восточной Словакии. Если национальные права русинов северо-восточной Словакии зачастую не соблюдались и нарушались, то практические действия пражских чиновников в Подкарпатской Руси сра-

зу стали обнаруживать определенные проукраинские тенденции, что вызывало категорическое неприятие местной русофильской интеллигенции.

Общее направление чехословацкой политики в Подкарпатской Руси определил президент Масарик, представления которого о карпатских русинах вообще и Подкарпатской Руси в частности были довольно поверхностными, плохо соответствуя его имиджу интеллектуала и знатока славянских народов. «Как католики, они резко отрицательно относились к великорусскому и православному течению и по тем же причинам отвергали украинцев. Кроме того, они были против галицких малорусов, — такую не вполне точную и вразумительную характеристику русинам давал Масарик в своих воспоминаниях. — В языковом отношении они были в самом начале развития литературного языка, придерживаясь своего наречия с правописанием более историческим, нежели фонетическим, что отличало их от украинцев. Что касается языка, то я одобрил введение малорусского языка в школы и учреждения... При этом я обращал внимание на то, что малорусский язык должен быть развит на основе местного языка писателями этого народа; я опасался языковой мешанины; искусственного языкового синкретизма...».⁶¹² Опасения Масарика оправдались довольно быстро — в известной степени благодаря определенной им самим культурной политике в Подкарпатской Руси.

Что касается русофилов, традиционно преобладавших среди карпаторусской интеллигенции и трактовавших карпатских русинов как часть единого русского народа от Карпат до Тихого океана, то Масарик с самого начала отводил им скромную роль культурно-национального меньшинства в Подкарпатской Руси. «...Я не видел причин противодействовать развитию русофильского направления в качестве меньшинства, равно как и развитию других меньшинств»⁶¹³, — писал в своих мемуарах Масарик.

Генеральный статут, принятый чехословацким правительством 18 ноября 1919 г., предполагал решить языковую проблему в Подкарпатской Руси введением «народного языка» в сферу образования и в общественную сферу. Судя по всему, данное положение Генерального статута появилось по инициативе Масарика, который в документе, направленном в правительство 8 октября 1919 г., подчеркивал необходимость предотвращения как великорусской, так и украинской агитации путем введения в школы и в официальную сферу местного «народного (малорусского) языка».⁶¹⁴

Русофильская общественность Подкарпатья с самого начала восприняла языковые постановления Генерального статута как «тяжелый удар

⁶¹² Masaryk T. G. Světová revoluce. Za války a ve válce 1914–1918. Praha, 1925. S. 300–303.

⁶¹³ Ibidem.

⁶¹⁴ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1919, krabice 400. Naprosto důvěrně. Rusínsko. Dne 8. října 1919.

по национально-культурной жизни Карпатской Руси», особенно критикуя недопущение русского литературного языка в административную сферу. Отождествление галицкого украинского языка с карпаторусским наречием чешскими властями русофилы считали «грубым подлогом», утверждая, что между украинским языком и говором Карпатской Руси нет никакой связи.⁶¹⁵

В противоположность русофилам, чешские ученые и правительственные чиновники с самого начала рассматривали местное восточнославянское население как этнографическую часть украинцев, говорящую на диалекте украинского языка. В ответ на запрос чехословацкого правительства академия наук Чехословакии подготовила специальный документ, в котором утверждалось, что языком местного населения является украинский язык, который и должен использоваться в Подкарпатской Руси. В протоколе заседания чехословацких ученых-славистов, посвященного языку преподавания в Подкарпатской Руси, которое состоялось 4 декабря 1919 г., говорилось: «1). В вопросах языка необходимо в первую очередь учитывать мнение местных деятелей. 2). Местный диалект не должен быть поднят на уровень литературного языка; вместо этого в качестве языка преподавания необходимо принять литературный украинский язык с этимологическим правописанием... При этом осознание связи с русским языком не должно стираться, поэтому рекомендуется обучение русскому языку, а также словацкому и чешскому языку, в высших учебных заведениях. Профессор Нидерле полностью поддержал эти решения».⁶¹⁶ Выводы чешских славистов о необходимости введения украинского языка в Подкарпатской Руси, таким образом, исходили в первую очередь из формально-лингвистических критериев, оставляя за скобками вопрос этнического самосознания русинов. При этом заявленная во втором пункте необходимость введения украинского языка противоречила первому пункту, декларировавшему важность учета мнения местных деятелей, настроенных в своем большинстве русофильски. Единственной важной уступкой местной языковой традиции было сохранение традиционного этимологического письма, так как фонетический украинский алфавит был совершенно незнаком местному населению.

Из присутствовавших на заседании 4 декабря 1919 г. чехословацких ученых-славистов большинство, включая профессоров Поливку, Бидло, Кадлеца, а также А. Черного, заявило об украинской этноязыковой принадлежности карпатских русинов и о необходимости введения в крае укра-

⁶¹⁵ См.: Геровский А. Борьба чешского правительства с русским языком // Пути истории. С. 93–97.

⁶¹⁶ SÚA, fond Předsednictvo Ministerské Rady (PMR), inv. č. 588, sign. 223, kart. č. 131. Zápis o poradě konané dne 4. prosince 1919 o vyučovacím jazyku v Podkarpatské Rusi.

инского литературного языка, осудив традиционное русинское «язычие» как искусственный язык. Из принявших участие в заседании ученых-славистов только Сухи и профессор Махал поставили вопрос об отношении живых карпаторусских диалектов к украинскому литературному языку. По словам Сухи, если карпаторусские диалекты относятся к малорусскому языку так же, как словацкий язык к чешскому, то могут быть основания для создания отдельного языка.⁶¹⁷

Проукраинская ориентация чешских академических кругов была не только результатом чисто научных соображений, но и настроений в чехословацких политических верхах, где после ухода лидера национальных демократов русофила К. Крамаржа с поста премьер-министра большое влияние приобрели социал-демократы, сочувствовавшие украинскому национальному движению. Довольно рельефно настроения данных политических кругов выразил близкий к руководству социал-демократов Я. Нечас. В своей брошюре «Угорская Русь и чешская журналистика», изданной в 1919 г., Нечас резко критиковал чехословацких русофилов и высказывался за активную проукраинскую политику Праги, обосновывая это тем, что к Чехословакии, «окруженной со всех сторон врагами, из всех соседей по-дружески относятся только украинцы... Мы не должны замкнуть круг своих врагов!»⁶¹⁸ Примечательно, что главный проводник проукраинской политики Праги П. Эрнфельд после своей отставки с поста вице-губернатора Подкарпатской Руси в ноябре 1923 г., отвечая на упреки своих оппонентов в исключительной поддержке только украинского направления в крае, ссылался на получение от правительства «прямого приказа» в этом отношении, который он последовательно претворял в жизнь.⁶¹⁹ Проукраинскую позицию занимало и руководство чешской католической церкви, прежде всего пражский архиепископ Ф. Кордач и оломоуцкий архиепископ Л. Пречан, которые были сторонниками идеи объединения славян в католической церкви и оказывали поддержку некоторым кругам украинской эмиграции.⁶²⁰

Я. Нечас, являясь в 1920-е гг. сотрудником канцелярии президента и оказывая серьезное влияние на формирование политики Праги в русинском вопросе, решительно выступал за решение языкового вопроса в Подкарпатской Руси по сценарию Восточной Галиции. Нечас был убежденным противником традиционной карпаторусской письменности, которую он считал полностью искусственной, и сторонником принятия украинского

⁶¹⁷ Ibidem.

⁶¹⁸ Nečas J. Uherská Rus a česká žurnalistika. V Užhorodě. 1919. S. 5.

⁶¹⁹ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1923, 22 b, krabice 403.

⁶²⁰ Svoboda D. Ukrajinská otázka v českém meziválečném myšlení a politice // Slovanský přehled. 2008. №4. S. 549.

литературного языка. Подобные взгляды высокопоставленного чешского чиновника полностью соответствовали настроениям украинофилов, но крайне негативно воспринимались представителями карпаторусской интеллигенции, настроенной в основном русофильски.

На заседании 4 декабря 1919 г. академия наук Чехословакии приняла решение о том, что в качестве языка преподавания в Подкарпатской Руси необходимо принять литературный украинский язык с этимологическим правописанием. Использование традиционного русинского этимологического письма при переходе на украинский язык было вызвано практическими соображениями, главным образом тем, что немедленное введение незнакомой русинам украинской фонетической письменности в образовательные и общественные учреждения Подкарпатской Руси было невозможно. «Перед нашим приходом на Подкарпатскую Русь на Граде состоялось совещание под председательством пана президента, на котором нам было вменено в обязанность беречь местный народный язык и избегать всего, что могло бы оскорбить национальные чувства народа. Когда был издан Генеральный статут ... чешская Академия наук получила задание установить грамматические правила и правописание местного языка... Было принято решение о том, что подкарпатский язык является языком малорусским и поэтому на Подкарпатской Руси должен употребляться украинский язык, — сообщил бывший вице-губернатор Подкарпатской Руси П. Эренфельд в своем письме президиуму чехословацкого кабинета министров в 1924 г. — Принимая во внимание то, что местное население незнакомо с фонетическим алфавитом и что под влиянием церковнославянского языка оно привыкло к этимологическому алфавиту, необходимо использовать этимологию вместо фонетики... В этом направлении я проводил языковую политику». ⁶²¹ В этом же письме бывший вице-губернатор сообщил о том, что в 1920 г. в соответствии с данным научным подходом он поручил доктору Панькевичу подготовить грамматику для местных школ, которая была издана и распространена в школах Подкарпатской Руси при прямом содействии Министерства просвещения Чехословакии.

В конце своего донесения правительству Эренфельд изложил еще один весомый аргумент в пользу принятого решения. «Для нас, чехов, в этом вопросе не менее важны политические соображения. Местный русинский язык гораздо ближе чешскому, нежели русский. Чех может его легко освоить; каждый русин тоже понимает чеха, если он говорит медленно. Почему мы должны отдалять от себя подкарпатских русинов, вместо того, чтобы наоборот приближать их к чешскому и словацкому языку? — задавал риторический

⁶²¹ SÚA, fond Předsednictvo Ministerské Rady (PMR), inv. č. 588, sign. 223, kart. č. 131. Jazyková otázka na Podkarpatské Rusi 1920–1938.

вопрос высокопоставленный чешский чиновник. — Решением здесь является малорусский язык с этимологическим правописанием. Тем самым мы сделаем шаг навстречу местным элементам, приблизим Подкарпатскую Русь остальной республике и выстроим стену как против Украины, так и против России». ⁶²²

Аналогичная мысль была высказана и в программе деятельности Министерства просвещения Чехословакии на 1922 г., где откровенно говорилось о том, что «выбор направления (русского, украинского или местного) является вопросом политики, а не языкознания... С точки зрения чехословацких государственных интересов предпочтительным является местный язык, так как после стабилизации положения в России или на Украине Подкарпатская Русь отошла бы в будущем какому-либо из этих государств... Наоборот, поддержка местного языка, предполагающая существование малого народа, отделенного от русских и украинцев литературно-языковым барьером, не будет способствовать развитию центробежных тенденций, и связь с чехословацким государством будет сильнее...». ⁶²³

Таким образом, часть чехословацких официальных кругов демонстрировала сознательное стремление закрепить и углубить культурно-языковые различия русинов как с русскими, так и с украинцами. Однако в дальнейшем интерес к практической реализации этого подхода в большей степени проявляли власти восточной Словакии, опасавшиеся украинского сепаратизма, в то время как в Подкарпатской Руси при поддержке пражских чиновников активно протекала кампания украинизации. В целом трактовка карпатских русинов чехословацкими официальными лицами и академическими кругами как части украинского народа с некоторыми этнографическими и историческими особенностями была близка точке зрения украинских идеологов, считавших русинов украинцами, у которых было необходимо «пробудить» отсутствовавшее у них украинское самосознание. Но если украинские деятели были настроены «будить» украинское самосознание более решительно и радикально, то чехословацкие политики предпочитали постепенный и естественный процесс, учитывавший прежде всего чехословацкие национальные интересы, а также местные особенности.

Поддержка украинофилов со стороны чехословацких властей, в наибольшей степени проявившаяся в 1920-е гг., объяснялась несколькими причинами. Во-первых, украинофилы поначалу казались Праге более предпочтительными в качестве противовеса угрозе венгерского ирредентизма. Поведение русофильской интеллигенции во время оккупации

⁶²² Ibidem.

⁶²³ Цит. по: Ванат І. Українське питання на Пряшівщині в період домюньхенської Чехословащини (1919–1939) // Дружно вперед. 1969. №5. С. 8.

восточной Словакии и Подкарпатской Руси венгерской Красной Армией в 1919 г. породило у Праги сомнения в ее политической лояльности. Некоторые русофилы были настроены провенгерски, что вызывало подозрения у чехословацких властей и широко использовалось украинофилами для дискредитации своих оппонентов. Так, представители украинофильского течения прямо обвиняли русофильских деятелей в пособничестве мадьярам и мадьяронам,⁶²⁴ хотя один из лидеров украинофильского направления в межвоенной Чехословакии А. Волошин до вхождения Подкарпатя в состав ЧСР был весьма лояльным венгерским гражданином. Кроме того, возглавляемая Волошиным Ужгородская Рада, в отличие от Прешовской и Хустской Рад, первоначально исходила из возможности сохранения русинских земель в составе Венгрии.

Во-вторых, в противоположность консервативным русофилам, украинофилы были идеологически близки левым политическим силам, имевшим большое влияние в межвоенной Чехословакии. «Национально-освободительная» и «возрожденческая» риторика украинских идеологов была понятна и с сочувствием воспринималась чехословацкой политической элитой, воспитанной в «антиимперском духе» и в традициях поклонения собственным «национальным будителям». Так, в своих публицистических выступлениях Я. Нечас и его социал-демократические единомышленники высказывали мысль о том, что только проукраинская политика в Подкарпатской Руси соответствует интересам чехословацкого государства, окруженного со всех сторон врагами, и что такие ведущие чешские национальные деятели как Гавличек, Челаковский, Палацкий и др. признавали существование отдельного украинского народа.

Украинофилы энергично поддерживались значительной частью чехословацкого истеблишмента и такими влиятельными политическими партиями межвоенной Чехословакии, как социал-демократы, коммунисты и в некоторой степени аграрии, которые позже пересмотрели свое отношение к украинофилам, заняв прорусофильскую позицию. Проукраинские симпатии были характерны и для влиятельной католической народной партии. Украинский социал-демократический публицист Бочковский, проживавший в Праге, сумел установить личный контакт с президентом Масариком сразу после его возвращения в Чехословакию. Позиция Масарика, «который с большим пониманием относился к украинским требованиям, сделала возможным приезд членов дипломатической миссии Украинской Народной Республики в Прагу...».⁶²⁵

⁶²⁴ См.: например: *Волошин А.* Две политичне розмовы. В Ужгороді, 1923. С. 8–9.

⁶²⁵ *Zilynskij B.* Ukrajinci v Čechách a na Moravě (1894) 1917–1945 (1994). Praha, 1995. S. 19.

Уже упоминалось о том, что стойкие симпатии к украинцам испытывал и Я. Нечас, в первой половине 1920-х гг. курировавший вопросы Подкарпатской Руси в канцелярии президента Чехословакии. Летом 1921 г. в своем письме Масарику Нечас давал положительную характеристику политическим партиям Подкарпатя украинского направления, в число которых в то время входили партия хлеборобов М. Брацайко, русинская социал-демократическая партия, а также народная партия А. Волошина. Один из лидеров хлеборобской партии, видный украинофил М. Брацайко, был охарактеризован Нечасом как «интеллигентный и добрый Русин» и «один из лучших людей Подкарпатской Руси».⁶²⁶ О Волошине Нечас тоже отзывался в целом благоприятно, отмечая, что он «просвещенный священник, усердный, трудолюбивый и энергичный, любящий свой народ и его язык, но при этом — фанатичный грекокатолик. ... Ранее в качестве руководителя семинарии он лояльно и оппортунистически относился к венграм, так же как сейчас он оппортунистически относится к нам. ... Но мадьяроном считать его нельзя, поскольку вся его прошлая и нынешняя работа принадлежит русинскому народу».⁶²⁷ Следует отметить, что впоследствии Волошин пользовался симпатией и прямой поддержкой президента Масарика. В аналитической записке о положении в Подкарпатской Руси, подготовленной в канцелярии президента республики 30 октября 1929 г., отмечалось, что «Масарик и Бенеш идут навстречу украинскому направлению в Подкарпатской Руси» и что «президент прямо покровительствует Волошину».⁶²⁸

Партии русофильского направления Нечас оценивал более критически. Так, Карпаторусский Земледельческий союз во главе с доктором И. Каминским был заклеямен Нечасом как «мадьяронская партия, которая главным условием своего сотрудничества ... ставит принятие на работу всех бывших мадьярских чиновников и прочие невообразимые требования, выполнение которых означало бы ... восстановление старого режима». Глава партии русофил Каминский, по мнению Нечаса, «большой демагог, человек крайне изворотливый и опасный... Он сохраняет видимость лояльности к республике, но существует сильное подозрение, что его агитация за немедленное введение автономии поддерживается зарубежными силами...».⁶²⁹ Русофильскую Трудовую партию во главе с эмигрантом-москвофилом из Галиции доктором Гагатко Нечас упрекал в стремлении «расширить на Подкарпатской Руси те религиозные и языковые споры, которые бушевали в Восточной Галиции

⁶²⁶ *Nečas J.* Politická situace na Podkarpatské Rusi (Rok 1921). Praha, 1997. S. 11.

⁶²⁷ *Ibidem.* S. 19–20.

⁶²⁸ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1929, krabice 403. Podkarpatská Rus. FX-30. IX. 1929.

⁶²⁹ *Nečas J.* Op. cit. S. 20–21.

20–30 лет назад и закончились полной ликвидацией старорусского режима и победой материнского языка. Др. Гагатко и прочие члены партии в своих старославянских представлениях о России ... не воспринимают никакие серьезные аргументы, — резюмировал Нечас. — К республике ... они лояльны лишь в том случае, если полностью принимаются их взгляды».⁶³⁰

После работы в канцелярии президента республики Нечас был избран депутатом парламента от социал-демократической партии, а во второй половине 1930-х годов занимал пост министра по социальным вопросам, продолжая оказывать влияние на политику Праги в Подкарпатской Руси. Благодаря близким связям с чехословацкими социал-демократами, контролирующими Министерство просвещения, «многие украинцы смогли получить важные посты в Министерстве просвещения...».⁶³¹

Целенаправленную политику украинизации в сфере образования проводил Й. Пешек, возглавлявший школьный отдел Министерства просвещения Чехословакии в 1919–1924 гг. и широко привлекавший украинских эмигрантов из Галиции в качестве учителей и работников просвещения в Подкарпатской Руси. Ярво выраженная проукраинская образовательная политика Й. Пешака, который по этой причине имел крайне негативную репутацию у русофильской интеллигенции, была охарактеризована Я. Нечасом в 1921 г. как «правильная» и «абсолютно профессиональная».⁶³² Сменивший Пешака на этом посту Й. Шимек отдавал предпочтение бывшим чешским legionерам, что означало прекращение режима наибольшего благоприятствования украинцам. Волошиновская «Свобода», сожалея о частичном пересмотре проукраинской политики чехословацкой администрации первой половины 1920-х гг., замечала, что «если бы продолжалась та политика, которая проводилась в течение первых пяти лет..., то по всей вероятности языковой спор был бы у нас почти полностью решен».⁶³³

Впрочем, словацкий политик и публицист К. Сидор, посетивший Подкарпатье в начале 1930-х гг., констатировал доминирование украинофилов в сфере образования в крае. По словам К. Сидора, «школьное управление на Подкарпатской Руси на стороне украинцев... Можно сказать, что главным направлением в Подкарпатской Руси является сейчас украинское направление».⁶³⁴ Учитывая все сказанное, нельзя не признать, что постоянные жалобы русофилов на насильственную украинизацию, осуществля-

⁶³⁰ Ibidem. S. 23.

⁶³¹ Tejchmanová S. Dokument o ukrajinské emigraci v meziválečném Československu // Slovanský přehled. 1992. №2. S. 193.

⁶³² Nečas J. Op. cit. S. 61.

⁶³³ Свобода. 21 октября 1930. Число 40.

⁶³⁴ Sidor K. Na Podkarpatskej Rusi. Úvahy, rozhovory a dojmy. Bratislava, 1933. S. 53–54.

емую через сферу образования вопреки воле подавляющего большинства населения, «когда все учительские конгрессы большинством в 80 и 98% высказались за планомерное введение в школы Подкарпатской Руси русского литературного языка»⁶³⁵ были вполне обоснованны.

Однако политика официальной Праги в Подкарпатской Руси, заключающаяся в открытой поддержке украинофилов, находила понимание далеко не у всех чехословацких политических деятелей. Одним из критиков русинской политики чехословацких властей был лидер партии национальных социалистов Вацлав Клофач, который раньше других чешских политиков усмотрел в украинском движении в Подкарпатье потенциальную опасность сепаратизма. «Мы не должны были бы иметь сейчас все эти языковые споры, поскольку они возникли лишь тогда, когда после роспуска украинской петлюровской армии многочисленные галицкие активисты стали активно у нас селиться. С самого начала я понимал, что это государственный вопрос и что все эти споры не имеют отношения к филологии, — писал Клофач в середине 1930-х гг. — Изучение русского языка ... означало для меня проявление любви и возможности для народа иметь доступ к глубокому роднику русской культуры... Москва и Петроград далеко, с их стороны для нас нет никакой опасности. Но достаточно взглянуть на широко распространяемые открытки, где карта Великой Украины поглотила не только Подкарпатскую Русь, но и восточную Словакию, чтобы понять, откуда исходит политическая опасность для нашего государства».⁶³⁶

В наибольшей степени русофилы были идеологически близки национально-демократической партии К. Крамаржа, с которой они поддерживали тесные и доверительные отношения. Так, в третьем съезде национально-демократической партии, состоявшемся в мае 1925 г. в Брно, принял участие и почетный председатель Русской Народной партии в Словакии доктор К. П. Мачик. В своей речи на съезде Мачик заявил, что «мы питаем чувство глубокого уважения и преданности к личности истинного, искреннего друга русского народа, вождя не только национально-демократической партии, но проповедника и вождя славянской солидарности доктора К. П. Крамаржа».⁶³⁷

Решения третьего съезда чешских национальных демократов по поводу Подкарпатской Руси полностью соответствовали взглядам русофилов. «Должен быть положен конец языковой анархии, русский язык должен быть введен в школах и в общественных урядах. В литературном русском языке должны

⁶³⁵ Карпатский свет. 1931. №№ 5–6–7. С. 1207–1208.

⁶³⁶ Kľofáč V. Můj pohled na Podkarpatskou Rus // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání... S. 90–91.

⁶³⁷ Народная газета. 1925. №10.

быть заведены обязательные учебники, — говорилось в решениях, принятых на съезде национально-демократической партии. — Во всех средних и специальных школах, а также в школах городских должно быть заведено обязательное обучение чехословацкому штатному языку; в мадьярских средних и специальных школах должно быть заведено обучение русскому языку».⁶³⁸ Кроме того, участники съезда высказали требование финансовой поддержки русофильского общества имени Духновича со стороны государства. Однако национально-демократическая партия не играла сколько-нибудь заметной роли в политической жизни межвоенной Чехословакии и не могла оказать серьезного влияния на положение в Подкарпатской Руси.

Поддержка украинского движения со стороны Праги в известной степени объяснялась и внешнеполитическими соображениями. Крайне напряженные отношения Чехословакии с Польшей в межвоенный период вызывали у чехословацких властей потребность в поддержании контактов с активистами украинского национального движения в Польше. В свою очередь, украинские идеологи в ходе этих контактов стремились оказать влияние на чехов, побудив их к более решительным действиям в проукраинском духе. Во время своего пребывания в Варшаве 23 февраля 1921 г. депутат чехословацкого парламента от социал-демократической партии доктор Винтр встретился в посольстве Чехословакии с представителем украинского движения в Польше доктором Л. Ганкевичем. В своем донесении чехословацкому правительству о ходе этой беседы Винтр сообщал, что Ганкевич проинформировал его о крайне напряженных отношениях галицких украинцев с поляками, которых украинцы считают оккупантами, и о надеждах галичан на Украину; при этом среди галичан распространено мнение, что «пока Украина под большевиками, будущее Восточной Галиции неопределенно». Отметив, что Подкарпатская Русь в составе Чехословакии является «светлым пятном» для галицких украинцев, Ганкевич, тем не менее, высказал чехословацкому парламентарии упрек в том, что «чехи в недостаточной мере стремятся заслужить доверие местного населения. Система образования имеет недостатки. Украинских учителей мало, ... учебники в Праге печатаются на ужасном языке... Сейчас издается книга, которую Волошин издал еще при мадьярах на плохом языке; сейчас Волошин отказывается от этой книги как неудачной, но чехословацкое правительство ее распространяет».⁶³⁹ Безапелляционность, с которой украинский активист Ганкевич назвал «ужасным языком» традиционную русинскую этимологическую письменность и настоятельно рекомендовал чехам внести измене-

⁶³⁸ Народная газета. 1925. №10

⁶³⁹ SÚA, fond Předsednictvo Ministerské Rady (PMR), inv. č. 418, sign. 37–40, kart. č. 57. Zpráva posl. Dra Wintra o zájezdu do Varšavy 23 února 1921.

ния в систему образования в украинском духе, ярко иллюстрирует нетерпимое и пренебрежительное отношение украинских идеологов к культурному наследию русинов и их нежелание учитывать какие-либо культурные особенности русинского населения.

Важным аспектом проукраинской политики Праги в 1920-е гг. были отношения чехословацких властей с грекокатолической церковью. Любопытно, что осенью 1921 г. визит в Прагу совершил глава украинских грекокатоликов Восточной Галиции граф А. Шептицкий. Данное событие было крайне негативно и настороженно воспринято русинскими общественными деятелями. «Украинство есть злая хворь, как рак на теле: сожрет любовь, сожрет силу и все, что русский народ ... связывает, — эмоционально комментировала визит Шептицкого в Прагу прешовская газета «Русь». — Если ... муха сядет на дохлятину, то перенесет хворь и на другую живность. Точно так эту германскую хворь переносит польский граф Шептицкий, который ... пускает яд в Славянство. Прибыл он в Чехию и наговорил чехам, что для Чехии есть только одно спасение: Украинство».⁶⁴⁰

Последующие действия чехословацких властей дают основания полагать, что взгляды и рекомендации галицких украинцев оказали существенное влияние на русинскую политику Праги. Судя по всему, сыграли свою роль связи А. Шептицкого с чешскими католическими кругами, в том числе с влиятельным чехословацким политиком, главой католической народной партии монсиньором Шрамеком, имевшим большое влияние на Масарика и Бенеша. Известный общественный и церковный деятель Подкарпатской Руси А. Геровский, хорошо информированный о хитросплетениях чехословацкой внутренней и внешней политики, отмечал всемерную поддержку украинской пропаганды в Карпатской Руси католической церковью. А. Шептицкого Геровский считал «главным проводником римской политики в западнорусских краях. Возглавляя греко-католическую церковь в Галичине с ее тремя с половиной миллионами душ уже больше сорока лет, он совершенно украинизировал ее, — писал А. Геровский в конце 1930-х гг. — Он распоряжается в русских униатских монастырях в Карпатской Руси, которые изъяты из ведения местных русских епископов и подчинены ордену базилиан в Галичине. Благодаря этому, эти монастыри, в которые он насадил своих монахов из Галичины, являются центрами украинской пропаганды в Карпатской Руси... Две церковные учительские семинарии в Ужгороде, находящиеся в ведении униатской церкви, воспитывают в украинском духе учителей для начальных школ Подкарпатской Руси».⁶⁴¹

⁶⁴⁰ Русь. Пряшев, дня 13 октября 1921. Год I.

⁶⁴¹ Геровский А. Борьба чешского правительства с русским языком // Путями истории. С. 93–124.

Примечательно, что после пребывания А. Шептицкого в чехословацкой столице на территории Подкарпатья резко активизировалась деятельность монашеского ордена василиан из Галиции, который содействовал распространению украинской пропаганды в регионе, используя разветвленные структуры грекокатолической церкви. Особую роль в распространении украинской культурной ориентации играла миссионерская, образовательная и издательская деятельность василиан. Опираясь на эффективную сеть церковных образовательных учреждений, василиане способствовали появлению молодого поколения грекокатолических священников-украинофилов в Подкарпатской Руси из числа местного населения.

* * *

С присоединением Подкарпатской Руси к Чехословакии перед Прагой встала проблема обеспечения новых территорий надежными, политически лояльными и профессионально подготовленными кадрами, нехватка которых ощущалась особенно остро в сфере образования и местного самоуправления. Старое чиновничество, в основном венгры и евреи, не пользовалось доверием чехословацких властей. Кроме того, часть венгерских государственных чиновников после вхождения Подкарпатской Руси в состав Чехословакии предпочла эмигрировать в Венгрию.

Для обеспечения учительскими кадрами открывавшихся в Подкарпатской Руси народных школ с преподаванием на местном «народном» языке, чехословацкие власти обращались за содействием к представителям интеллигенции из числа украинских и, в меньшей степени, русских эмигрантов. Так, в сентябре 1919 г. правительство Чехословакии обратилось к руководителям украинских воинских подразделений из Галиции, штаб которых находился в Северной Чехии, с предложением выделить учителей для подкарпатских русских школ. Галичане отдавали себе отчет в важности пропагандистской и просветительской работы среди карпатских русинов. Большое количество галицких украинцев отправилось вскоре работать преподавателями в отдаленные районы Подкарпатской Руси, где «учителя из Галиции чувствовали себя вольготно, находясь вдалеке от контроля органов власти и рядом со своей Галичиной».⁶⁴² Географическая близость к Галиции была важным фактором, привлекавшим галицких эмигрантов в Подкарпатскую Русь, где они имели возможность «нелегально переходить практически неохраняемую границу с Польшей и навещать в Галичине своих родственников...».⁶⁴³

⁶⁴² *Годьмаш П., Годьмаш С.* Подкарпатская Русь и Украина. С. 82.

⁶⁴³ Там же.

Под контролем украинских эмигрантов из Галиции постепенно оказалась не только значительная часть народных школ, но и некоторые гимназии, в том числе созданная чехословацкими властями русинская учительская гимназия в центре этнических венгров г. Берегово. После вхождения Подкарпатья в состав Чехословакии венгерские госслужащие покинули Берегово, где освободилось здание местной венгерской школы, на базе которой и была образована русинская гимназия. По признанию одного из преподавателей береговской гимназии галичанина В. Пачовского, система образования в Подкарпатской Руси развивалась с ориентацией на Галицию, в чем большую роль сыграли галицкие эмигранты, пользовавшиеся поддержкой чехословацких властей.⁶⁴⁴

По свидетельству А. Геровского, в сфере образования в Подкарпатской Руси господствовал хаос. В имевшихся в Подкарпатской Руси четырех гимназиях, находившихся в Ужгороде, Мукачево, Хусте и Берегово, лишь малая часть предметов преподавалась по-русски и по русским учебникам; некоторые предметы преподавались по-украински, в то время как большая часть предметов преподавалась по-чешски и по чешским учебным пособиям.⁶⁴⁵ Культурно-национальная ориентация учебных заведений зависела от их руководства и от профессорско-преподавательского состава. Помимо упомянутой гимназии в Берегово, галицкие преподаватели задавали тон и в ужгородской гимназии, директором которой «в течение 15 лет был галичанин Алискевич, враждебный к русскому языку, который украинизировал эту гимназию».⁶⁴⁶ Важную роль в распространении украинской пропаганды и в подготовке украинских учительских кадров для Подкарпатья сыграли поддерживавшиеся чехословацким правительством две церковные учительские семинарии в Ужгороде (мужская и женская) при местной грекокатолической епархии. В этих учительских семинариях, готовивших учителей для начальных школ, по инициативе грекокатолического духовенства в качестве языка обучения был введен украинский литературный язык, а процесс обучения полностью определялся представителями Восточной Галиции.

Вместе с тем чехословацкие власти всячески препятствовали участию представителей русской эмиграции в Чехословакии в общественной жизни Подкарпатской Руси, в первую очередь стремясь не допустить русских эмигрантов в образовательную сферу Подкарпатья. Многочисленные общественные и образовательные структуры русской эмиграции, возникшие в 1920-е гг. в Праге в результате инициированной чехословацким руководством «Русской акции», не смогли распространить свою деятельность на Подкарпатскую Русь. Так, например, планы русских эмигрантов в Чехословакии и русофильской

⁶⁴⁴ *Годьмаш П., Годьмаш С.* Подкарпатская Русь и Украина. С. 83.

⁶⁴⁵ *Герровский А.* Указ. соч.

⁶⁴⁶ Там же.

общественности Подкарпатъя создать филиал Русского народного университета в Ужгороде в 1930 г. были отклонены чехословацкими властями.⁶⁴⁷ В 1936 г. представитель русофильской общественности Подкарпатъя и депутат парламента ЧСР доктор С. Фенцик обратился к чехословацкому руководству с предложением выделить финансовые средства для размещения русских эмигрантов в Подкарпатской Руси для их последующего трудоустройства в сфере образования и в администрации края, однако правительство Чехословакии отвергло данное предложение.⁶⁴⁸ Явное нежелание Праги использовать русских эмигрантов в образовательной деятельности в Подкарпатской Руси выглядило особенно красноречиво на фоне того обстоятельства, что русская эмиграция в ЧСР в 1920-е гг. имела колоссальный интеллектуальный потенциал и была представлена большим количеством видных ученых, часто не имевших возможности полной творческой самореализации.

Организация учебного процесса в Подкарпатской Руси с самого начала имела четко выраженный проукраинский уклон. Так, авторами одобренных чехословацким Министерством просвещения учебников по языку, использовавшихся в начальных и средних учебных заведениях Подкарпатъя в 1922–1923 учебном году, были украинский филолог из Галиции доктор В. Бирчак и представитель местной русинской интеллигенции А. Волошин, ставший убежденным украинофилом сразу после вхождения Подкарпатской Руси в состав Чехословакии.⁶⁴⁹ Впоследствии в школах Подкарпатской Руси повсеместно использовалась «Грамматика», написанная украинским филологом из Галиции доктором Панькевичем и одобренная чехословацким Министерством просвещения.

С самого начала подготовленные украинофилами учебные пособия, протезируемые чехословацкими властями, вызывали категорическое неприятие местных учителей, настроенных в большинстве русофильски. 14 февраля 1922 г. в Мукачево состоялся съезд учителей Подкарпатской Руси, на котором была образована комиссия для пересмотра использовавшихся в школах учебников. Однако школьный отдел чешской администрации Подкарпатской Руси проигнорировал решения съезда и рекомендации комиссии, критиковавшей использование украинофильских учебников. «Украинского языка и грамматики у нас никто не знал. Их завели до нас Пешек и Панькевич»,⁶⁵⁰ — констатировал в марте 1922 г. «Американский Русский Вестник», критикуя образовательную политику чехословацких властей.

⁶⁴⁷ Chinyavaeva E. Russian emigres and Czechoslovak society: uneasy relations // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945. Sborník studií-2. V Praze, 1994. S. 59.

⁶⁴⁸ Ibidem.

⁶⁴⁹ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1923/1, krabice 402.

⁶⁵⁰ Американский Русский Вестник. Гомстед, ПА. 31 марта 1922. № 14.

Одним из главных критериев, определявших отбор учебников чехословацкими чиновниками для учебных заведений Подкарпатъя, была политическая лояльность и благонадежность. Так, в донесении школьного отдела Подкарпатской Руси в канцелярию президента республики весной 1923 г. указывалось, что главной причиной недопущения учебника русофила Вислоцкого в школы Подкарпатъя было «отсутствие в них упоминаний о Чехословацкой республике, о президенте Масарике и о присоединении Подкарпатской Руси к Чехословакии».⁶⁵¹ В то же время учебники, написанные галицким украинцем В. Бирчаком, в большей степени устраивали чешских чиновников школьного отдела, поскольку в них имелись выдержанные в требуемом духе статьи «о президенте Масарике, о Коменском, о браницких рыцарях и о Градчанах», что, по мнению авторов документа, «способствовало воспитанию общегосударственного чувства у учеников».⁶⁵²

Одной из ключевых фигур в распространении украинской идентичности среди русинов Подкарпатъя был видный украинский филолог, автор украинофильской грамматики и профессор ужгородской гимназии И. Панькевич, получивший в начале 1920-х гг. карт-бланш от чехословацких властей на создание учебного пособия по языку для школ Подкарпатской Руси в соответствии с рекомендациями чехословацкой академии наук. Доктор И. Панькевич, уроженец Галиции, где он принимал активное участие в украинском национальном движении в качестве секретаря львовского общества «Просвита», до прибытия в Ужгород преподавал в Вене и Праге. Министерство просвещения Чехословакии приняло его на работу в качестве референта в созданный тогда школьный отдел министерства. Главная задача Панькевича заключалась в создании учебников для местного русинского населения. Начальник школьного отдела Й. Пешек, занимавший эту должность в 1919–1924 гг. и энергично поддерживавший назначения галицких эмигрантов-украинцев на должности учителей и работников сферы просвещения, ввел «Грамматику» Панькевича, опубликованную в 1922 г., в качестве обязательного учебного пособия во все школы Подкарпатъя, что сразу вызвало многочисленные протесты русофильской интеллигенции. Так, орган русофильского «Учительского Товарищества Подкарпатской Руси» газета «Народна школа» постоянно критиковала протезируемые чехословацкими властями языковые учебные пособия и призвала пражских министров прекратить издательство «над нашим языком».⁶⁵³

Согласно рекомендациям чешской Академии наук, «Грамматика» Панькевича, написанная этимологическим письмом и учитывавшая местные раз-

⁶⁵¹ A ÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1923/1, krabice 402.

⁶⁵² Ibidem.

⁶⁵³ Народна школа. Мукачево, сентября 30. 1924. № 7.

говорные диалекты, была тем не менее ориентирована на украинские грамматические нормы и, по сути, готовила местное население к постепенному принятию украинского литературного языка. Примечательно, что данное учебное пособие Панькевича было написано на основе верховинских и мараморошских говоров восточной части Подкарпатья, наиболее близких к украинскому языку Восточной Галиции.⁶⁵⁴ «Хотя сторонники украинской ориентации критически относились к грамматике Панькевича, поскольку она не соответствовала грамматическим правилам украинского литературного языка, — отмечал один из украинских деятелей, — эта грамматика в целом сыграла очень позитивную роль».⁶⁵⁵

Будучи последовательным сторонником перехода подкарпатских русинов на украинский литературный язык, Панькевич тем не менее прекрасно отдавал себе отчет в невозможности его немедленного введения в Подкарпатской Руси. Поэтому его «Грамматика», опубликованная в 1922 г., была своего рода компромиссом, совмещавшим галицко-украинскую грамматическую основу с традиционным этимологическим письмом и местными карпатскими диалектизмами. Примечательно, что в последующих изданиях своей «Грамматики» в 1927 и 1936 гг. Панькевич, сохраняя традиционную русинскую орфографию, целенаправленно избавлялся от карпато-русинских диалектизмов, последовательно вводя все больше элементов украинского литературного языка.⁶⁵⁶ В то же время русофильская грамматика Сабова, истинным автором которой был русский эмигрант А. Григорьев, созданная в противовес украинофильской грамматике Панькевича, вплоть до 1936 г. отвергалась чехословацкими властями в качестве учебного пособия для местных школ вопреки мнению большинства русинских учителей и общественности, выступавших за русский язык обучения и за русские грамматика.

«Грамматика» И. Панькевича, фактически подготавливавшая местное население к переходу на украинский литературный язык, пользовалась благосклонностью и постоянной поддержкой Министерства просвещения Чехословакии и вплоть до конца 1930-х гг. являлась официальным учебным пособием во всех школах на территории Подкарпатской Руси. Судя по всему, одна из причин стойкой симпатии чехословацких чиновников к «Грамматике» Панькевича заключалась в том, что в процессе ее написания автор стремился угодить чехам, вводя элементы чешской терминологии в свое

⁶⁵⁴ Кушко Н. Літературні стандарти русинської мови: історичний контекст і сучасна ситуація // Plišková A. (zost.) Jazyková kultúra a jazyková norma v rusinskom jazyku. Prešov. 2007. S. 40.

⁶⁵⁵ Клочурак С. До громадської діяльності д-ра Панькевича в Закарпатській Україні // Науковий Збірник музею української культури в Свиднику. 1969. № 4. С. 260–261.

⁶⁵⁶ См.: Magocsi P. R. The Shaping of a National Identity... P. 139.

пособие. Отвергая критику своей «Грамматики» со стороны русофильского «Учительского Товарищества Подкарпатской Руси», Панькевич в своем письме чехословацкому правительству в 1924 г. выражал несогласие с обвинениями в игнорировании существующих грамматик и в «насаждении неологизмов и полонизмов», обращая внимание высокопоставленных пражских чиновников на то, что все его терминологические нововведения больше всего соответствуют именно чешским грамматикам.⁶⁵⁷

Вместе с тем использование многочисленных альтернативных «грамматик», написанных русофилами, искусственно ограничивалось чехословацкими властями вопреки постоянным протестам русофильской интеллигенции, влияние которой на местное население было поначалу большим, чем влияние украинофилов. Так, языковая комиссия, состоявшая из представителей местной интеллигенции, в ноябре 1927 г. подавляющим большинством высказалась за преподавание в школах на русском языке: четыре члена комиссии отдали предпочтение русскому как языку обучения и только два — украинскому.⁶⁵⁸

Орган русофильского культурно-просветительного общества имени А. Духновича «Карпатский свет», критикуя политику чехословацких властей в области образования, обращал внимание на то, что «все учительские конгрессы высказывались большинством за преподавание на литературном русском языке. Но ... создается поколение языковых, а значит, и культурно-национальных калек. Все это зависит от учебников, которые министерство народного просвещения, вопреки целому ряду научных отзывов, указывающих на их полное несовершенство, все же нашло уместным не только рекомендовать, но и признать единственными для преподавания... Неужели из нас желают воспитать вместо русских людей, солидарных своему государству, украинствующих ирриденгов ...? — вопрошал «Карпатский свет». — Весь мир преклоняется перед русской культурой, все знают Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, но кто знает украинских гениев? Где они?»⁶⁵⁹

В своей борьбе против украинофильской политики Праги русофилы апеллировали к традиционному культурному наследию карпатских русинов. Выступая против введения украинского литературного языка в учебные заведения Подкарпатской Руси, последовательно осуществлявшегося чешской администрацией, один из представителей местной русофильской интеллигенции, школьный инспектор И. Гусьнай подчеркивал существование собственной карпаторусской языковой традиции, обращая внимание

⁶⁵⁷ SÚA, fond Předsednictvo Ministerské Rady (PMR), inv. č. 588, sign. 223, kart. č. 131. Jazyková otázka na Podkarpatské Rusi 1920–1938.

⁶⁵⁸ Народная газета. 1927. №17.

⁶⁵⁹ Карпатский свет. 1929. №№ 5–15. С. 615–616.

на то, что «у нас карпаторусский литературный язык уже был и есть».⁶⁶⁰ По словам Гусьная, «сознательная карпаторусская интеллигенция стояла без изъятия на точке зрения культурного единства с прочим 100-миллионным русским народом. Литературный язык Пушкина, Гоголя, Тургенева был и литературным языком карпатороссов».⁶⁶¹ Полемизируя с Нечасом и другими чехами, считавшими необходимым введение в Подкарпатской Руси украинского языка в силу его близости местным диалектам, Гусьная ссылаясь на пример Западной Европы, в частности Германии, где баварцы или саксонцы учат не местные диалекты, а существенно отличающийся от них литературный немецкий язык. Критикуя стремление Праги изолировать русинов от русского литературного языка, Гусьная проводил параллель между диалектами в сфере влияния русского литературного языка и чешского литературного языка, указывая чехам на гипотетическую возможность ганацкого языкового сепаратизма и утверждая, что в этом случае чехи непременно апеллировали бы к примеру западноевропейских народов, имеющих общий литературный язык для весьма сильно отличающихся друг от друга диалектов.⁶⁶²

Наряду с воспитанием учеников, большое внимание уделялось и влиянию на учителей в украинском духе. В начале 1923 г. по инициативе школьного отдела во главе с Пешексом на государственные средства стал издаваться журнал «Подкарпатска Русь», редактором которого стал И. Панькевич. Целью журнала было предоставление местному учительству материалов, которыми оно могло бы «пользоваться при обсуждении явлений природы и национальной жизни в прошлом и настоящем».⁶⁶³

Данный журнал, публиковавший на своих страницах популярные исторические, этнографические, литературные и филологические материалы, последовательно проводил мысль об «украинскости» карпатских русинов и их единстве с галицкими украинцами. Большую роль в этом играл сам Панькевич. Так, в своей заметке о подкарпато-русском диалектологическом словаре Панькевич писал о местном диалекте как о составной части «горского малорусского или украинского языка» и употреблял термины «закарпатские русины» и «украинцы» исключительно в качестве синонимов, стремясь приучить местную интеллигенцию к малоизвестному в то время в Подкарпатской Руси этнониму «украинец».⁶⁶⁴ Журнал «Под-

⁶⁶⁰ Гусьная И. Языковой вопрос в Подкарпатской Руси. Книгопечатня «Св. Николая» в Пряшеве. 1921. С. 3.

⁶⁶¹ Там же. С. 4.

⁶⁶² Там же. С. 20.

⁶⁶³ Подкарпатска Русь. Часопись присвячена для познания родного краю. 1923. Число 1. С. 1.

⁶⁶⁴ Там же. С. 24–25.

карпатска Русь», используя привычный для русинов традиционный этимологический алфавит, в то же время активно вводил в употребление лексику украинского литературного языка, следуя направлению, заданному «Грамматикой» Панькевича.

С назначением осенью 1923 г. А. Бескида губернатором Подкарпатской Руси и с уходом вице-губернатора Эрэнфельда административная поддержка украинофилов со стороны чехословацких властей уменьшилась, однако в сфере образования, на которую в силу ограниченности своих прерогатив губернатор практически не имел влияния, доминирование украинофилов сохранялось. Примечательно, что губернатор Бескид, в целом лояльный к пражскому руководству, наибольшее недовольство выражал широкими кадровыми полномочиями Министерства просвещения, требуя прекращения его монополии в сфере назначения учителей в Подкарпатской Руси. Данную тему Бескид неоднократно затрагивал в ходе своих контактов с высокопоставленными чешскими чиновниками, в том числе во время своего визита в канцелярию президента республики 7 ноября 1930 г.⁶⁶⁵ Однако никаких шагов навстречу губернатору Подкарпатской Руси в этом вопросе Прага не сделала.

Русинская пресса выступала с постоянной критикой кадровой политики чехословацких властей в области образования и обращала внимание на засилье галицких украинцев среди работников просвещения в Подкарпатской Руси. В феврале 1934 г. «Карпаторусский голос» информировал своих читателей о том, что львовская газета «Діло» призывает галичан занимать учительские места в школах Подкарпатя, сообщая об объявленном школьным отделом Ужгорода конкурсе на 183 места «управителей школ» и 412 учительских мест. «Так как на «Закарпатье» недостаток местной интеллигенции, газета предлагает галицким украинцам занимать места учителей на Подкарпатской Руси, — комментировал статью в львовской газете «Діло» «Карпаторусский вестник» и с иронией заключал: — Газета, вероятно, имеет хороших информаторов из «шкільного реферату», если так точно знает, сколько учительских мест не заполнено! Приехать на Подкарпатскую Русь и приобрести гражданство ... галицким украинцам не тяжело...».⁶⁶⁶ Русофильская пресса Подкарпатя постоянно требовала «освободить наши карпаторусские школы и уряды от засилия украинствующих эмигрантов», утверждая, что «свободные места в школах и урядах на Подкарпатской Руси должны быть предоставлены карпатороссам».⁶⁶⁷

⁶⁶⁵ A ÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1926–1931, 22 d, krabice 403.

⁶⁶⁶ Карпаторусский голос. 8 февраля 1934. № 483.

⁶⁶⁷ Карпаторусский голос. 14 марта 1934. № 510.

* * *

Проукраинская направленность политики чехословацкой администрации в Подкарпатской Руси в 1920-е гг. проявлялась не только в сфере просвещения, но и в отношении к местным средствам массовой информации, к культурным и общественным организациям, а также к экономическим структурам.

Представители чехословацкой администрации поддерживали и финансировали издание украинских газет. В ноябре 1922 г. вице-губернатор П. Эренфельд принял решение «издавать за государственные средства украинскую газету».⁶⁶⁸ Главным редактором газеты был назначен чешский филолог-славист Ф. Тихий, по инициативе которого газета, учитывая местные традиции, стала называться «Русин». По воспоминаниям Ф. Тихого, заседания редакционного совета газеты, в который входили лидеры местных украинофилов доктор Ю. Брацайко, глава ужгородской «Просвиты» М. Брацайко и А. Волошин, проходили в резиденции губернатора. Ф. Тихий писал в своих мемуарах, что «государственная типография, переданная в наше распоряжение, не имела ни одного украинского наборщика и почти не располагала типографским материалом, который нам пришлось просить в Праге... Первую украинскую газету в Ужгороде набрали и напечатали чехи...».⁶⁶⁹

Русофилы обращали внимание на сомнительные, с их точки зрения, лица, которые нашли работу в данной газете. «Пан доктор Кирилл Трыльовский, организатор галицко-украинско-австрийских «сичевых стрельцов» и вешатель чехословацких легионеров, удостоился стать сотрудником правительственного «Русина», — иронично замечала «Русская земля». — Не стыдно ли чехам — редакторам «Русина», что они попали в такую «честную» компанию?»⁶⁷⁰ С приходом к руководству Подкарпатской Русью русофила Бескида и стоящей за ним аграрной партии финансирование украинофильского «Русина», вопреки протестам местных социал-демократов и других проукраинских сил, было прекращено. Последний номер этой газеты вышел 31 декабря 1923 г.

Эффективным инструментом распространения украинской идентичности среди карпатских русинов стала многосторонняя деятельность культурно-просветительного общества «Просвита», созданного 9 мая 1920 г. в Ужгороде при поддержке чехословацкой администрации по образцу львовской «Просвиты», сыгравшей большую роль в распространении украинского са-

⁶⁶⁸ Тихий Ф. Ужгород 1923. Перечин, 1992. С. 27.

⁶⁶⁹ Там же. С. 28.

⁶⁷⁰ Русская земля. 2 августа 1923. № 29.

мосознания в Восточной Галиции в конце XIX–начале XX вв. Инициаторами создания «Просвиты» в Ужгороде были местные украинофилы Ю. Брацайко, А. Волошин, С. Ключурак, а также уроженец Галиции филолог И. Панькевич, имевший ценный опыт работы в качестве секретаря львовской «Просвиты».

Поначалу, стремясь завоевать популярность среди местного населения, «Просвита» предпочитала не афишировать свою украинофильскую ориентацию и даже избегала использовать термины «Украина» и «украинский».⁶⁷¹ В организационном отношении «Просвита» состояла из ряда секций, ответственных за издательскую деятельность, литературу и науку, библиотеки, театры и музеи. Одним из важнейших направлений деятельности «Просвиты» была организация сельских чтений. Больших успехов «Просвита» добилась в издательской деятельности. Все публикации «Просвиты» в 1920-е гг. придерживались традиционного этимологического правописания и были близки местным русинским диалектам, однако с 1930-х гг. все более активно внедрялся украинский литературный язык.

С момента своего возникновения в мае 1920 г. «Просвита» пользовалась щедрой материальной поддержкой чехословацких властей. В своих заметках о положении в Подкарпатской Руси в мае 1921 г. Масарик в числе требуемых мер упоминал и о необходимости финансовой поддержки «Просвиты», констатируя, что на нужды «Просвиты» «министерство (какое именно министерство, Масарик не уточнял. — К. Ш.) дало 25000, но им необходимо 200000».⁶⁷² В 1930 г. чехословацкое правительство выделило «Просвите», оказавшейся в тяжелом материальном положении, один миллион крон в качестве финансовой помощи. Комментируя это обстоятельство, русофильская пресса утверждала, что без щедрой правительственной поддержки украинское движение в Подкарпатской Руси было бы обречено на провал. «Удивляемся, почему чехословацкое правительство не предоставит украинцев своей судьбе. ... Без его помощи давно бы об украинцах на Подкарпатской Руси не было бы и помину, — писала в 1930 г. «Народная газета». — Поведение правительства, поскольку оно не проявляет равной щедрости по отношению к русскому культурно-просветительному обществу «Александр Духнович», не может рассматриваться иначе как пристрастие к украинизму...».⁶⁷³ В 1936 г. в своей статье о «Просвите» И. Панькевич с благодарностью писал, что чехословацкое государство «с самого начала существования «Просвиты» относилось к ее деятельности с теплым участи-

⁶⁷¹ Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and expanded edition. P. 404.

⁶⁷² AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1922, krabice 401.

⁶⁷³ Народная газета. 1930. № 3.

ем и предоставляло ей всевозможную поддержку на театральную, издательскую, библиотечную и музейную деятельность».⁶⁷⁴

Широкая финансовая помощь украинофилам со стороны правительственных структур Чехословакии вызывала крайне негативную реакцию русофильской интеллигенции. «На Подкарпатской Руси голод, а правительство вместо того, чтобы заботиться о голодающих, миллионы выбрасывает на украинизацию Подкарпатской Руси. «Просвита» уже третий миллион получает, а голодающий русский народ с отчаянием просит помощи, — с осуждением писал «Карпаторусский голос» в августе 1932. — Не будет безразлично узнать ... те суммы, которые поглотила украинизация... Импортирование двух «филологов» из Вены и Львова в школьный отдел в 1920 г. ... сса 50000 кч (*крон чехословацких*. — К. Ш.). Издание «грамматики» Панькевича и «читанок» Бирчака сса 200000 кч. Украинская пропаганда (желтые напоминания пишущим по-русски, разъезды референтов для уговоров несдавших учителей, директоров, профессоров...) сса 50000. Принимание на лучшие места одних украинцев (директора гимназий, гражданских школ, школьные инспекторы, учителя, профессора...) в течение 12 лет не менее 10800000 кч... Украинский театр «Просвита», который некому было посещать, за 6 лет сса 2000000 кч. Субвенции «Просвите» свыше 2 миллионов кч... Покупка украинской литературы из-за границы ... сса 5000000... Получается 26 миллионов и 400000 кч., — подводил итог «Карпаторусский голос» и задавал риторический вопрос: — Какой получился результат украинизации за эти десятки миллионов? При последней народной переписи украинцами записалось 2355 человек, а около 450000 человек нашего народа признало себя русскими. ... Однако нельзя сказать, что от украинизации нет пользы. Экспоненты украинизма построили себе виллы, накопили огромные капиталы, получают тысячи на курорты от украинских обществ».⁶⁷⁵

Украинофильские экономические и финансовые структуры также получали существенную помощь со стороны чехословацких властей, причем с просьбой о поддержке лидеры украинофилов часто обращались прямо к Масарику. В меморандуме на имя Масарика от 28 ноября 1931 г. А. Волошин, подробно описав экономические трудности Подкарпатского банка в Ужгороде, поддерживавшего украинское движение в Подкарпатской Руси, подобострастно и в самых верноподданнических выражениях просил чехословацкого президента взять решение данной проблемы под свое «отеческое

⁶⁷⁴ *Dr. Pankevič I.* Spolek «Prosvisa» v Užhorodě // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi. Redigoval Dr. Jaroslav Zatloukal. V Bratislavě, 1936. S. 300.

⁶⁷⁵ Карпаторусский голос. 13 августа 1932. № 69.

крыло».⁶⁷⁶ Волошин, в частности, предлагал Масарику отдать распоряжение Министерству финансов о выделении Подкарпатскому банку 15 миллионов крон в качестве низкопроцентного кредита. Примечательно, что Масарик весьма оперативно отреагировал на данную просьбу Волошина и вскоре лидеру подкарпатских украинофилов был обещан 15-миллионный кредит на льготных условиях.⁶⁷⁷ О столь щедрой финансовой поддержке со стороны госструктур ЧСР русофилы могли только мечтать.

Впрочем, некоторые украинские ученые, отрицавшие само существование русинов, не замечали проукраинский крен в политике межвоенной Чехословакии, интерпретируя ее исключительно как поддержку «политического русинства, который чехословацкие правящие круги вытащили из идеологического арсенала» и который «служил удушению национального самосознания украинцев. Русинство означало языковую и культурную оторванность от украинского народа, денационализацию, т.е. чехизацию и словакизацию украинцев Закарпатья и Пряшевины».⁶⁷⁸ То очевидное обстоятельство, что «душить украинское национальное самосознание» было весьма затруднительно по причине его полного отсутствия у большинства русинов Подкарпатья и особенно северо-восточной Словакии, украинские ученые попросту игнорировали.

Галицкие интеллигенты воспринимали русинов Подкарпатья как пассивный объект своей культурно-просветительной миссии. Влияние галичан затрагивало различные сферы общественной жизни Подкарпатской Руси. Особое внимание уделялось местной молодежи, которой галицкие интеллектуалы самыми разнообразными способами пытались привить украинское самосознание. «Галичане М. Демчук и Л. Бачинский создали молодежную организацию пластунов..., которые на практике осваивали те навыки, которые были необходимы оуновцам в борьбе с местными поляками в Галичине. Профессор В. Бирчак через галицких политэмигрантов-поэтов ... помогал молодым литераторам-русинам писать на украинском языке. С помощью галичан молодой русинский поэт В. Гренджа-Донской ... в 1924 г. издал впервые в истории Подкарпатской Руси книжечку «Квіти з терном» на украинском языке. С помощью галичан, — отмечают П. и С. Годьмаши, — украиноязычными поэтами и писателями стали Ю. Боршош-Кумятский, Ф. Могиш, И. Колос и другие, поскольку их произведения издавались на средства Украины».⁶⁷⁹

⁶⁷⁶ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1931, krabice 403. Memorandum Centrální Ruské Národní Rady v Užhorodě týkající se křivdy přičiněné Podkarpatským Rusinům na poli hospodářském.

⁶⁷⁷ Ibidem.

⁶⁷⁸ *Сірка Й.* Розвиток національної свідомости лемків Пряшівщини у світлі української художньої літератури Чехословащини. Мюнхен, 1980. С. 14.

⁶⁷⁹ *Годьмаш П., Годьмаш С.* Указ. соч. С. 83.

Примечательно, что представители украинской интеллигенции из Галиции в 1920-е гг. были востребованы не только в Чехословакии, но и на Советской Украине, где в то время проводилась масштабная кампания украинизации. В условиях нехватки кадров профессиональных «украинизаторов» и критического отношения к украинизации со стороны значительной части населения, руководство УССР, в первую очередь один из ведущих идеологов украинизации нарком просвещения УССР М. Скрипник, прибегало к услугам галичан, которые в 1920-е гг. заняли ряд руководящих постов в области просвещения, науки и культуры. Так, директором Украинского института лингвистического просвещения в Киеве был выходец из Галиции И. М. Сияк, запрещавший говорить в стенах института на русском языке. Привлечение галицкой интеллигенции властями Советской Украины к сотрудничеству вызывало отторжение у русскоязычной интеллигенции и городского населения и в целом «создавало напряженность в обществе». ⁶⁸⁰ В то время как политика украинизации на Советской Украине критически оценивалась русофильской прессой Подкарпатской Руси, местные украинофилы, прежде всего коммунисты и социал-демократы, отзывались о ней исключительно позитивно.

В свою очередь, национальные процессы в Подкарпатской Руси в 1920-е гг. М. Скрипник оценивал весьма положительно, трактуя распространение украинской идентичности в Подкарпатье исключительно как результат успешной национальной политики коммунистической партии. «Видно, что в национальном отношении, ... в восприятии Закарпатья как части украинской нации наступила настоящая революция, — писал Скрипник в 1928 г. — Несколько лет работы коммунистической организации ... в этой стране — и наступил переворот во взглядах. Украинское население Закарпатья сейчас действительно осознает себя украинским...». ⁶⁸¹ Хотя вывод Скрипника о полном принятии украинской идентичности населением Подкарпатья был поспешным и весьма далеким от реальности, нарком просвещения УССР был, безусловно, прав в том, что компартия сыграла важную роль в распространении украинского самосознания в этом регионе.

Постоянно прибегая к услугам украинцев-галичан, игравших особенно важную роль в сфере образования в Подкарпатской Руси, чехословацкие власти в то же время избегали использовать представителей многочисленной русской эмигрантской общины Чехословакии в качестве преподавателей в учебных заведениях Подкарпатья. Отношение чехословацких властей к российским эмигрантам в вопросе трудоустройства было вообще доволь-

⁶⁸⁰ Борисенко Е. Феномен советской украинизации. М., 2006. С. 136–137.

⁶⁸¹ Скрипник М. Національне відродження в сучасних капіталістичних державах на прикладі Закарпатської України // Прапор марксизму. № 1 (2). 1928. С. 219, 230.

но жестким. Русским эмигрантам «разрешалось работать только в русских организациях, финансируемых МИДом; они не пользовались равными правами на местном рынке труда. В марте 1928 г. Чехословакия приняла закон, охраняющий местный рынок труда. В соответствии с законом, право на трудоустройство имели лишь те иностранцы, которые прибыли в Чехословакию до 1 мая 1923 г. ... Те, кто приехал в страну после 1 мая 1923 г., мог получить разрешение на работу только в исключительных случаях... Чехословакия предоставила русским студентам возможность завершить образование, но возможности найти после этого работу были крайне ограничены, особенно в государственных заведениях... Эмигрантам было запрещено заниматься мелким бизнесом. Русские были в числе тех, кого увольняли в первую очередь». ⁶⁸² Символично, что в 1922 г. из работавших в Подкарпатской Руси учителей-эмигрантов 79 были украинцами и только 29 — русскими. ⁶⁸³ Между тем в условиях широко распространенной неграмотности русинского населения личность учителя и задаваемое им направление культурно-языковой ориентации часто играли решающую роль в процессе первичной социализации и становлении идентичности молодого поколения.

С растущим влиянием украинофилов в Подкарпатской Руси их противостояние с русофилами заметно возросло к началу 1930-х гг., зачастую выходя за рамки идеологической полемики и принимая форму открытого насилия. Так, 1 июня 1930 г. во время празднования «Дня русской культуры» в Ужгороде студент Ф. Тацинец, воспитанник галицкой политэмигрантки С. Новакивской, преподававшей в ужгородской гимназии, совершил неудачное покушение на видного представителя русофилов и автора русофильской грамматики Е. Сабова, открыв по нему стрельбу из пистолета. Украинофильская пресса в лице волошиновской «Свободы» возложила основную вину за происшедшее не на Тацинца, а на «провокации» со стороны русофилов, которые «оскорбляли наше народное направление». ⁶⁸⁴

Радикализация украинского движения в Чехословакии и его связь с Германией стали вызывать растущую озабоченность чехов, которые в середине 1930-х гг. были вынуждены внести коррективы в свою политику в отношении украинцев, введя ряд ограничений на их деятельность. В письме президенту Масарику 29 января 1931 г. лидер национальных социалистов и заместитель председателя сената Чехословакии В. Клофач призывал Масарику внимательно изучить весь материал следствия по делу Тацинца и обра-

⁶⁸² Chinyeva E. Russian Émigrés: Czechoslovak Refugee Policy and the Development of the International Refugee Regime between the Two World Wars // Journal of Refugee Studies. Vol. 8. No. 2. 1995. P. 159.

⁶⁸³ Magocsi P. R. The Shaping of a National Identity... P. 170.

⁶⁸⁴ Свобода. 12 июня 1930. Число 24.

щал внимание чехословацкого президента на другие случаи насилия со стороны украинских радикалов, напоминая о традиционном германофильстве галицких украинцев. Клофач особенно подчеркивал усиливающиеся ирредентистские тенденции в украинском движении.⁶⁸⁵ К своему письму Масарику Клофач в качестве иллюстрации растущей опасности украинского движения для Чехословакии прилагал открытку с изображенной на ней картой Украиной, которая была популярна среди украинской диаспоры Чехословакии. Помещенная на открытке карта Украины захватывала всю Подкарпатскую Русь и северо-восточную Словакию, простираясь от городов Кошице и Перемышль на западе до Волги и Северного Кавказа на востоке.⁶⁸⁶

Со второй половины 1920-х гг. в сфере образования в Подкарпатской Руси проступают все более явные чехизаторские тенденции, которые выражались в резком росте числа чешских школ в крае, несмотря на то, что чехи составляли здесь крайне незначительную часть населения. Последовательная чехизация Подкарпатя в области просвещения вызвала ожесточенную критику русинской прессы как в Чехословакии, так и Северной Америке. «Чехословацкое правительство на Подкарпатской Руси за 10 лет для русинов поставило не больше 10 народных школ; наоборот, открыло и построило для детей чешских чиновников, жандармов, служащих и жидов около 200 чешских школ. Эти чешские школы все державные, которые содержатся за счет государственного бюджета»,⁶⁸⁷ — констатировал в июле 1930 г. «Американский Русский Вестник».

Против чехизации Подкарпатя энергично выступала как русофильская пресса, так и украинофильская «Карпатська правда», орган местной компартии, которая обвиняла Прагу в проведении политики ассимиляции, а местные политические партии — в поддержке этой политики.⁶⁸⁸ Констатируя, что «чехизация затапливает наши города и села», «Карпатська правда» выступала за отмену традиционной этимологической письменности, за немедленное введение в школы украинского литературного языка и призывала русинское население края к бойкоту чешских школ.⁶⁸⁹

Один из творцов русинской политики Праги Я. Нечас отдавал себе отчет в растущем недовольстве чехизаторскими тенденциями среди населения Подкарпатской Руси. В своем конфиденциальном письме Масарику Нечас делился своими соображениями о том, как избежать возможных эксцессов и одновременно сделать процесс чехизации более эффективным. «Вопрос

⁶⁸⁵ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1931, krabice 403.

⁶⁸⁶ Ibidem.

⁶⁸⁷ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. July 31, 1930. № 31.

⁶⁸⁸ Карпатська правда. 8 вересня (сентября) 1929. Число 14.

⁶⁸⁹ Карпатська правда. 26 вересня (сентября) 1929. Число 17.

чехизации Подкарпатя вызывает горечь у местного населения. В крае уже насчитывается 71 чешская школа, часто в тех местах, где вообще нет чешских детей. В школьном отделе официальным языком является только чешский, что вызывает обоснованную неудовлетворенность..., — писал Нечас Масарику 13 апреля 1928 г. — Предпринимаемыми мерами чехизировать Подкарпатскую Русь невозможно. Однако умеренными и тактичными мерами можно было бы добиться проникновения и распространения чешского языка в Подкарпатской Руси (отправкой русинских детей на учебу в Чехию, размещением военнослужащих из Подкарпатской Руси в чешских землях и, наоборот, чешских солдат в гарнизонах Подкарпатя, введением обязательного чешского языка со второго класса во всех народных школах) ...».⁶⁹⁰

* * *

Представители русинов Словакии также воспринимали чехословацкую политику в Подкарпатской Руси как прямую поддержку украинофилов. Лидер Русской Народной партии в Словакии доктор Мачик писал, что «украинизация Подкарпатской Руси вызывает единодушное негодование всего населения; народ называет украинцев поляками и предпочитает оставить своих детей неграмотными, чем заставить их учиться такому языку... Будущее нашего народа в России, — утверждал Мачик. — По-видимому, украинские стремления поддерживаются некоторыми членами правительства. Причина этого абсолютно непонятна для нашего населения: русского чувства в нем невозможно искоренить никогда, никакими средствами...».⁶⁹¹

Не менее критически относились к политике Чехословакии в русинском вопросе представители русинской диаспоры в Северной Америке. «В Подкарпатской Руси везде господствуют иностранцы, которые пануют над русским населением... Чешские офицеры и украинские авантюристы-легионеры заправляют во всех учреждениях, не имея никакой квалификации. Наша же интеллигенция, наши ученые русские сыны не имеют возможности заработать на кусок хлеба»,⁶⁹² — писал в феврале 1927 г. «Американский Русский Вестник» в статье под красноречивым названием «Как плачет Подкарпатская Русь?».

Культурно-национальная политика официальной Праги уже к середине 1920-х гг. воспринималась многими деятелями русинского движения

⁶⁹⁰ A ÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1928, krabice 403. Podkarpatská Rus — zpráva Ing. Nečas.

⁶⁹¹ Народная газета. 1925. №3.

⁶⁹² Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. February 24, 1927. №8.

как пагубное экспериментирование над русинским народом. «Нет в республике ни одной такой народности, которая бы подвергалась таким экспериментам..., — говорилось в предвыборном обращении Русской Народной партии «К нашему Русскому Народу» в октябре 1925 г. — Эксперименты языковые, политические, административные, религиозные... — это общее явление... Чем дальше продолжают эти ненормальные явления, тем глубже тонут наши экономические, культурные и национальные интересы».⁶⁹³

В 1920-е гг. русинская пресса как в восточной Словакии, так и в Подкарпатской Руси уделяла все большее внимание критике чехословацких властей, политика которых вызывала растущее разочарование среди русинской интеллигенции. В своем открытом письме президенту Масарику в 1928 г. представитель русофильской интеллигенции парох Эмилий Левканич писал: «В моих ушах звучат исторические слова Ваши, господин Президент: «Я русский народ люблю и буду всегда вам на помощи». Сначала все показывалось к наилучшему. Славянский общелюбимый вождь К. Крамарж с самой большой охотой начал реорганизацию нашего края. Но эта радость не долго продолжалась... Началась австрийская система: «Divide et impera». Наш народ был разделен территориально на Пряшевскую и Подкарпатскую Русь. Как одна часть, так и другая не процветают, но гниют. Одну из них чехизируют, другую — словакизируют наши чехословацкие славянофилы. В Подкарпатской Руси — 18 тысяч чешских урядников... Школьный отдел — как будто уже нет ни одного соответствующего русского человека — чисто чешский. Корреспонденция ведется на чешском языке. В Пряшевской Руси, где 200000 русского населения, нет ни одной русской гимназии... Кто будет защищать нашу славянскую республику, — задавал вопрос автор письма, — если так легкомысленно выбрасывают славянский русский элемент из штатотворного фронта?»⁶⁹⁴ Письмо Левканича может служить иллюстрацией общего разочарования русинских общественных деятелей опытом своего нахождения в составе Чехословакии. Если консерваторы-руссофилы были недовольны культурно-языковой политикой Праги, то местные коммунисты, бывшие самыми радикальными приверженцами украинской ориентации, помимо критики ассимиляционной политики чехословацких властей, обвиняли Прагу в социально-экономической эксплуатации Подкарпатской Руси, заявляя, что «правительство ведет себя у нас как в завоеванной колонии».⁶⁹⁵

Критический тон русинской прессы, недовольной политикой чехословацких властей, усилился в 1930-е гг. Наибольшей критике со стороны русо-

⁶⁹³ Народная газета. 1925. №21.

⁶⁹⁴ Народная газета. 1928. №10.

⁶⁹⁵ Карпатська правда. 10 липня (июля) 1927. Число 28.

филов подвергалась проукраинская политика Праги в Подкарпатской Руси и ассимиляционная политика словацких властей по отношению к русинам Пряшевщины. Пытаясь объяснить смысл политики Праги в русинском вопросе, общественные деятели Подкарпатья приходили к неутешительному выводу о том, что предпринимаемые чешскими властями меры способствуют культурно-языковому противостоянию среди русинов и сознательно направлены на создание управляемого хаоса в Подкарпатской Руси, что позволяет оттягивать предоставление краю обещанной автономии и проводить политику ассимиляции местного русинского населения. Так, по словам известного карпаторусского общественного деятеля А. Геровского, лично знакомого со многими ведущими чехословацкими политиками и пражской политической кухней, «на Карпатской Руси искусственная украинизация начала проводиться... насильственными мерами чехословацкого правительства, которое видело в этом средство для отсрочки введения автономии и ослабления национально-культурных сил карпаторусского народа».⁶⁹⁶

Некоторые русинские политики даже проводили параллель между политикой Праги в русинском вопросе и политикой австрийских властей в отношении русинов Восточной Галиции во второй половине XIX–начале XX вв. По мнению А. Геровского, которое разделялось и многими другими представителями русинской интеллигенции, «украинизацией ... чехословацкое правительство преследовало троякую цель. Прежде всего тут была цель внутренне-политическая, которая, с одной стороны, сводилась к тому, чтобы внести раскол в среду местного русского населения и вызвать междоусобный бой. С другой стороны, в Праге полагали, что русский литературный язык сделал бы невозможной чехизацию или словакизацию, в то время как преподавание на разных диалектах..., а также и на украинском языке, ... облегчило бы чехизацию... Иностранно-политические цели пражского правительства были скопированы с австрийской политики в восточной Галиции. Как венское правительство создало в восточной Галиции обособление русского населения от России путем создания нового литературного языка, так же и чехословацкое Министерство иностранных дел мечтало сделать из Карпатской Руси базу для украинской политики на востоке...».⁶⁹⁷

К началу 1930-х гг. результаты русинской политики чехословацких властей стали проявляться все более отчетливо. Среди русинов восточной Словакии продолжали господствовать традиционные русофильская и русинская ориентации, граница между которыми была зачастую размыта; попытки активистов украинского движения развернуть украинскую про-

⁶⁹⁶ Геровский А. Указ. соч.

⁶⁹⁷ Там же.

паганду в Словакии закончились неудачей как вследствие противодействия местной русинской интеллигенции, так и по причине настороженного отношения словацких властей к украинскому движению. В Подкарпатской Руси, где украинофилы пользовались поддержкой официальной Праги, украинская ориентация, пропагандируемая галицкими эмигрантами и местными коммунистами, встретила понимание у части местной интеллигенции; противостояние русофилов и украинофилов постепенно приобретало все более острые формы, распространяясь на все сферы жизни Подкарпатской Руси и оказывая серьезное влияние на внутривнутриполитическую ситуацию.

Русинские деятели не скрывали своего разочарования и раздражения политикой чехословацких властей в Подкарпатской Руси. В 1931 г. ведущие представители подкарпатских русинов, поддержанные некоторыми общественными и политическими деятелями Чехословакии, обратились к обществу Подкарпатя и Чехословакии с «Декларацией культурных и национальных прав карпаторусского народа», в которой был затронут весь спектр самых злободневных для подкарпатских русинов проблем и высказано отношение русинской интеллигенции к политике официальной Праги.

«Русские люди Подкарпатской Руси! Братья Чехи и Словаки! ... На основании мирного договора и конституционной грамоты ЧСР Подкарпатская Русь должна получить особое автономное управление, в котором культурные и национальные дела будет решать сейм. Поскольку сейм еще не создан, постольку культурно-национальная жизнь Подкарпатской Руси регулировалась в административном порядке правительством ЧСР...», — говорилось в декларации. — Мы признаем, что в области административного управления и особенно в отношении хозяйственно-промышленном Подкарпатская Русь сделала значительный шаг вперед, однако в то же самое время в культурно-национальном смысле, а в особенности в области школьного дела, мы со скорбью и возмущением должны констатировать не только полное пренебрежение некоторых высших урядов к мнению основной ... на Подкарпатской Руси части населения, но и противодействие ходу развития, основанному на традиции и воле народа. В течение более чем десяти лет посредством школ проводится украинизация нашего края, решительно противоречащая воле народного большинства, — подчеркивали авторы декларации. — Украинское движение было создано на Подкарпатской Руси искусственно, благодаря широкой моральной и материальной его поддержке со стороны некоторых высших инстанций». ⁶⁹⁸

⁶⁹⁸ Карпатский свет. 1931. № 5–6–7. С. 1207.

Столь суровый приговор, «со скорбью и возмущением» вынесенный русинскими национальными деятелями официальной Праге, имел под собой самые веские основания. «Все учительские конгрессы ... высказались за планомерное введение в школы Подкарпатской Руси русского литературного языка. Языковая комиссия 1926 года, пропорционально избранная, подтвердила это решение. Выборы в парламент дали соотношение в пользу русской ориентации 6:1. Народная перепись 1930 года показала, что при наличии примерно 400000 русских вся украинская нация на Подкарпатской Руси ограничена 2355 лицами, — приводили убедительные доказательства авторы документа. — Общество им. Духновича в настоящее время по официальной статистике имеет 230 читален, в то время как «Просвета» только 70... Министерство Школ и Народного просвещения до сих пор не одобрило ни одного русского учебника, а в отношении грамматики Е. С. Сабова в течение семи лет не дало ответа, несмотря на ежегодно повторяющиеся просьбы о ее одобрении. Одобренные украинские учебники, — подводили итог русинские деятели, высказывая свое отношение в том числе и к официально признанной украинофильской грамматике Панькевича, — представляют научный абсурд, ... изобилуют явным противоречием карпаторусской культурно-национальной традиции... Язык, покровительствуемый министром, не имеет за собой никакого культурного богатства, так как не только карпаторусские, но и вообще русские или украинские писатели на языке школ Подкарпатской Руси не писали...». ⁶⁹⁹

Декларацию со столь жесткой и нелицеприятной оценкой действий чехословацких властей подписали руководители Общества имени А. Духновича, представители Учительского товарищества Подкарпатской Руси, сенаторы Э. Бачинский, В. Клофач, Фр. Мерта, И. Цурканович, а также депутаты чехословацкого парламента А. Гайн, И. Куртяк, К. Прокоп, В. Щерецкий, И. Заяц. Среди подписантов были представители народно-демократической партии, национальных социалистов, Автономного Земледельческого Союза, Трудовой партии и Русской Народной партии.

Главные положения «Декларации культурных и национальных прав карпаторусского народа» были поддержаны русинской общественностью и легли в основу резолюций Всенародного Карпаторусского Конгресса, состоявшегося в Мукачево 9 октября 1932 года. Карпаторусский Конгресс, в работе которого приняли участие более 2000 делегатов, представлявших 297 русинских сел и 923 различных обществ и организаций Подкарпатской Руси, прошел под знаком резкой критики как украинофилов, так и политики чехословацких властей. Лозунги участников конгресса отличались радика-

⁶⁹⁹ Карпатский свет. 1931. №№ 5–6–7. С. 1208–1209.

лизмом и воинственностью. «Украинская атака отбита. Селяне демонстрируют: да живет русский язык! Долой украинцев! Бог дал нам язык, и не Дереру его взять (*Дерер — министр просвещения Чехословакии. — К. Ш.*). Украинцев выгнали из Галиции за преступления, а МШАНО дает им воспитывать русских детей... (*МШАНО — Министерство школ и народного просвещения Чехословакии. — К. Ш.*). Если грекокатолический епископ не желает утратить епархию, он должен прекратить украинизацию»,⁷⁰⁰ — под такими примечательными лозунгами проходила работа Всенародного Карпаторусского Конгресса. Главные требования принятых на конгрессе резолюций предусматривали прекращение поддержки украинофилов со стороны властей и переход на русские учебные пособия в сфере образования, а также более широкое представительство русинов в работе административных органов Подкарпатской Руси.

Борьба русинской интеллигенции с чехословацкими властями за введение русских учебников в школы Подкарпатской Руси была затяжной и носила ожесточенный характер. Летом и осенью 1932 г. в русинской прессе прошла массовая кампания за русские учебные пособия; на страницах русинских газет публиковались многочисленные требования с мест об устройстве русских школ, которые направлялись непосредственно в Министерство просвещения Чехословакии. Под давлением русинской общественности руководство Министерства просвещения было вынуждено дать устное обещание разрешить обучение в школах по русским учебникам, однако это обещание откровенно и целенаправленно саботировалось. Наряду с устным обещанием Министерство просвещения издало прямо противоречащее ему распоряжение № 31.170/32-1/1, в соответствии с которым из школ удалялись «не получившие официального одобрения» учебники, т. е. те самые «русские учебники, введенные учительством на основании устных заверений господина министра... Чаша терпения добровольно присоединившегося к ЧСР русского народа ... переполнена»,⁷⁰¹ — писал русинский публицист. В сентябре 1932 г. карпаторусская делегация добилась встречи с министром просвещения Дерером в Праге и передала ему меморандум с требованием допустить в школы русские учебники. Несмотря на очередные обещания министра, члены делегации остались недовольны результатами встречи. Переговоры «с министром Дерером и его мнение по вопросу о языке делегация признала неудовлетворительными».⁷⁰²

Многообразие проблем, с которыми русинское общество Подкарпатя столкнулось в начале 1930-х гг. потребовало создания нового печатного ор-

⁷⁰⁰ Карпаторусский голос. 11 октября 1932. № 113.

⁷⁰¹ Карпаторусский голос. 24 августа 1932. № 76.

⁷⁰² Карпаторусский голос. 16 сентября 1932. № 95.

гана. С 1 мая 1932 г. в Ужгороде при поддержке губернатора Подкарпатской Руси А. Бескида начала выходить ежедневная русинская газета «Карпаторусский голос», издававшаяся на литературном русском языке. «В карпаторусской общественной жизни давно чувствовалась необходимость издания независимой ... русской ежедневной газеты, которая верно и беспристрастно выражала бы волю карпаторусского народа... На почве лояльности к республике и взаимного понимания трех государственных народов — чехов, словаков и карпатороссов — мы будем обсуждать все вопросы как Подкарпатской Руси, так и державы, — писал в первом номере «Карпаторусского голоса» ее редактор доктор И. Каминский. — ... Будем бороться за права и равноправие русского языка, за русскую школу и культуру по вековым традициям нашего народа... На основании мирного договора и конституционной грамоты требуем признания равноправия карпаторусского чиновничества... во всех государственных ведомствах... На автономной Подкарпатской Руси в руководящих урядовых местах карпаторуссы должны иметь первенство. В школьной политике ... не могут иметь места ни покровительство чешским или словацким школам в русских селах, ни поддержка украинизации, явления, которое решительно осуждено самыми широкими массами карпаторусского народа. Будем стараться отстранить те ошибочные, иногда тенденциозные мнения, которые о нашем карпаторусском народе не раз появлялись в туземной и заграничной печати, представляя Подкарпатскую Русь в виде какой-то темной, дикой, некультурной области, обижая карпаторусский народ».⁷⁰³

Особое место в своей редакционной статье Каминский уделил отношению с украинофилами. «В борьбе украинского направления с русским, — писал Каминский, — наше отношение ясно: мы украинцев считаем своими братьями-русскими, и языковой спор для нас не является причиной к тому, чтобы мы друг друга не любили. Наоборот, самые жизненные вопросы нашего народа заставляют украинцев и нас искать сближения и совместной работы для общего блага нашего народа».⁷⁰⁴ Поиски «сближения» и «совместной работы» были продиктованы возросшим стремлением подкарпатских русинов получить давно обещанную чехословацкими властями автономию, в которой были заинтересованы как русофилы, так и украинофилы. Проблема автономии Подкарпатя продолжала активно обсуждаться на страницах русинской прессы, которая упрекала чехов в искусственном затягивании решения этого вопроса, в «бесправии» губернатора Подкарпатской Руси и в игнорировании интересов русинского населения.

⁷⁰³ Карпаторусский голос. 1 мая 1932. № 1.

⁷⁰⁴ Там же.

Довольно типичным явлением общественной жизни была ожесточенная газетная полемика, в ходе которой русинская пресса остро реагировала на недружественные выпады в адрес русинов и Подкарпатской Руси на страницах чешских и словацких газет, напоминая чехам обо всех не выполненных ими обещаниях. Так, гневную отповедь «Карпаторусского голоса» вызвала перепечатанная в чешской прессе статья некоего голландского журналиста, изображавшего карпаторусский народ «глупым, темным, ленивым, пьянствующим» и заявлявшего, что «президент Масарик свыше десяти лет борется с этими недостатками русина, который к его благородству относится апатически». Особое возмущение русинских журналистов вызвало то обстоятельство, что чехословацкий официоз «Чехословенская республика», поместивший эту статью на своих страницах, солидаризировался с обвинениями в адрес русинов. Реагируя на эту статью, «Карпаторусский голос» писал: «Республика получила территорию Подкарпатской Руси со всеми богатствами бесплатно, а взамен она обязалась осуществить автономию. Тринадцать лет прошло от дня присоединения, но автономии нет, карпаторусского законодательного сейма нет, карпаторусский губернатор не имеет компетенции... Наоборот, Прага поместила в Подкарпатскую Русь большое количество чешских чиновников..., ввела администрацию на чешском языке, учреждает в русских селах чешские школы, для чешских урядов построила множество дорогих зданий ... и свободно распоряжается карпаторусским национальным имуществом, каким являются огромные леса, соляные копи, полонины и пр.»⁷⁰⁵

Многие русинские деятели указывали на обстановку психологического дискомфорта, которую ощущали вокруг себя русофильски настроенные русины в Чехословакии. «К сожалению, в нашей республике русский народ не достиг всего того, что ему было обещано ... и, можно сказать, считается последним из народов. У нас нехорошая рекомендация быть сознательным русским, русофильство как-то вызывает ироничную улыбку, человек такого заказа считается отсталым, — делился своими наблюдениями с читателями лидер Русской Народной партии в Словакии К. П. Мачик и язвительно заключал: — По-видимому, немцы ближе стоят к сердцу официальных кругов...».⁷⁰⁶ Время от времени негодование русинской общественности вызывали некоторые чешские литературные произведения и кинофильмы о Подкарпатской Руси, где, по мнению русинской прессы, всячески смаковалась культурная отсталость русинов, изображавшихся экзотическими дикарями, и подчеркивалось цивилизующее влияние чехов на население Подкарпатья.

⁷⁰⁵ Карпаторусский голос. 15 июня 1932. № 24.

⁷⁰⁶ Народная газета. 1933. №№ 1–2.

* * *

Если русофильские круги обвиняли чехословацкие власти в поддержке украинофилов, то представители украинского направления, прежде всего коммунисты, были недовольны ассимиляторскими тенденциями в политике Праги и ее попытками чехизировать местное население. Со второй половины 1920-х гг. эти обвинения особенно часто появлялись на страницах печатного органа коммунистов Подкарпатской Руси газеты «Карпатська правда», которая издавалась на литературном украинском языке. «Начался новый школьный год, а вместе с ним и новая волна чехизации»,⁷⁰⁷ — писала «Карпатська правда» 8 сентября 1929 г., возлагая главную вину за политику чехизации на господствовавшую в Подкарпатской Руси партию аграриев. «На борьбу против чехизации... Чехизация затапливает наши города и села. Чешские школы растут, как грибы после дождя. Местная буржуазия не способна бороться против чехизации. За саботаж чешских школ!» — под такими примечательными заголовками вышел номер «Карпатської правды» 26 сентября 1929 г. «Год за годом растет число чешских школ, не только в городах, но и в селах, ... хотя в селах нет чешских детей... В селе Голубинном нет ни одного чешского ребенка, но чешская школа существует уже три года. В Чернике нет ни одного ни чешского, ни еврейского ребенка, а чешская школа имеется, — приводила примеры ассимиляторской политики чехословацких властей «Карпатська правда». — Чехизируют украинских детей насильно, так как украинской школы нет и селяне должны посылать своих детей в чешскую школу, поскольку иначе их наказывают. Коммунистическая партия призывает трудящиеся массы к решительной борьбе против чехизации, которая является средством укрепления чехословацкого империализма в Закарпатье. Не просьбами, не делегациями, а саботажем чешским школам мы можем бороться с чехизацией образования: не пускать ни одного ребенка в чешскую школу, требовать школ с преподаванием на родном языке. Долой чехизацию! Долой чешские школы! Долой чешский империализм!»⁷⁰⁸

Обеспокоенность русинской общественности ростом количества школ с чешским языком обучения была обоснованной. Если в 1920 г. в Подкарпатской Руси было 22 чешские школы, то к 1938 г. их число увеличилось до 188, что намного превышало образовательные потребности проживавшего в Подкарпатской Руси чешского населения, подавляющее большинство которого составляли чиновники и члены их семей.⁷⁰⁹

⁷⁰⁷ Карпатська правда. 8 вересня (сентября) 1929. Число 14.

⁷⁰⁸ Карпатська правда. 26 вересня (сентября) 1929. Число 17.

⁷⁰⁹ Magosci P. R. The Shaping of a National Identity... P. 169.

С июня 1932 г. языковые споры в Подкарпатской Руси приобретают более сложный и ожесточенный характер, выражаясь не только в традиционном противостоянии украинофилов и русофилов, но и в сопротивлении русинской общественности возросшему ассимиляционному давлению чехословацких властей. В известном смысле можно утверждать, что с начала 1930-х годов и русофилы, и украинофилы вели борьбу на два фронта — как друг против друга, так и против ассимиляционной политики властей. Причиной обострения языковых споров стало принятое в мае 1932 г. постановление языкового Сената Высшего Административного Суда Чехословакии, в соответствии с которым «чехословацкий» язык как официальный государственный язык был объявлен «имеющим преимущество» на территории Подкарпатской Руси перед языком местного населения до окончательного решения языкового вопроса будущим сеймом Подкарпатской Руси.

Решение Высшего Административного Суда было воспринято как очередное наступление на культурно-языковые права русинов и вызвало негодование всей русинской общественности независимо от ее культурно-национальной ориентации. «Карпатороссы не являются народом меньшинственным, все же они, как и меньшинства, не могут требовать, чтобы административные ведомства и суды выносили решения по их прошениям исключительно на языке русском... Язык внутреннего производства судов и административных урядов есть язык чехословацкий. Это решение Административного Суда поразит весь карпаторусский народ, который, как народ свободный, добровольно присоединился к Чехословацкой республике под условием, что за ним будет признано право на широчайшее ... самоуправление, — писал «Карпаторусский голос». — Мирный договор и конституционная грамота Чехословацкой республики эту «широчайшую автономию» гарантировали прежде всего на поле русского языка... Решение Административного Суда совершенно расходится с всеобщим мнением карпатороссов, которые считают себя народом государственным, создавшим Чехословацкую республику вместе с чешским и словацким народами. ... Если словацкий язык имеет характер государственного языка и считается равноправным с чешским, то язык карпаторусского народа тоже должен быть признан языком государственным тем более, что мирный договор и конституционная грамота гарантировали русскому языку широчайшие автономные права».⁷¹⁰

Еще более резко на решение Высшего Административного Суда Чехословакии отреагировали украинофилы-коммунисты. «Чешские империалисты решили более последовательно чехизировать Подкарпатье. Высший Административный Суд постановил, что официальным государственным

⁷¹⁰ Карпаторусский голос. 1 июня 1932. № 14.

языком на Подкарпатье должен быть чешский язык...», — комментировала решение чехословацких властей «Карпатська правда». — В наших селах уже основано более 200 чешских школ. Чехизаторы ... оправдывались тем, что ... чешские школы просят местное население. Ни для кого не секрет, что представители чешской буржуазии получали подписи на просьбы об открытии чешских школ от корчмарей, которым в награду за подписи выдавали лицензии. ... Сами уряды уже чехизируют население. Хочешь добиться результата — говори с паном урядником по-чешски, а то он рассердится и вопроса не решит».⁷¹¹

В своей борьбе с ассимиляционной политикой властей русинская интеллигенция обращалась к опыту словаков. Большой отклик в Подкарпатской Руси вызвал протест 130 словацких писателей против реформы словацкого правописания, призванной приблизить словацкий язык чешскому в рамках создания «общего чехословацкого языка». Протест словацких писателей был поддержан на собрании Матицы Словацкой 12 мая 1932 г., после чего «сторонники чехословацкой ориентации покинули собрание. ... Итак, не только в Подкарпатской Руси, но и в Словакии идет борьба за язык. Словаки считают, что они имеют свой язык, созданный не без влияния русской грамматики, и не хотят превращать его в чехословацкий, — делился своими мыслями по поводу чешско-словацкого языкового спора «Карпаторусский голос». — Вопросы культуры не могут подчиняться политическим заданиям. Не может и карпаторусский народ отказаться от своего сокровища — своего языка и заменить его импортным украинским или приблизить к чешскому».⁷¹²

Отрицательная реакция чехов на отказ словаков реформировать словацкое правописание для сближения своего языка с чешским вызвала оживленно-язвительные отклики русинов. «Чешские правительственные газеты резко высказались против этого сепаратистского, в случае признания наличия «чехословацкого» народа, уклана. ... В отношении к словакам правительство стоит на точке зрения допустимости литературно-языкового сближения. ... Однако единого чехословацкого языка еще нет..., он только в проекте на будущее, — писал «Карпаторусский голос», упрекая чехословацкие власти в политике двойных стандартов, заключавшейся в поддержке чехословацкого культурно-языкового единства и в одновременном препятствовании общерусскому единству. — Русский литературный язык, общий всем русским племенам — явление, не подлежащее сомнениям. До сих пор только незначительная часть малорусского племени, и то несвободная в своих решениях, по-

⁷¹¹ Карпатська правда. 26 червня (юнія) 1932. Число 27.

⁷¹² Карпаторусский голос. 2 июня 1932. № 15.

желала оторваться от прочего русского народа и наскоро изобрела так называемый украинский литературный язык. И эта попытка отрыва, не имевшая в прошлом Подкарпатской Руси никакой традиции, ... ныне является основой деятельности ШО (*школьного отдела*. — К. Ш.) на Подкарпатской Руси».⁷¹³

С начала 1930-х гг. в условиях возросшей чехизации русинские деятели резко активизировали пропаганду русского языка и русской культуры. «Говорите всюду по-русски! — призывали русинские газеты. — В урядах, в торговых, в кофейнях требуйте русские надписи... Национальное будущее и развитие русской культуры зависит от нас самих. Только твердое национальное самосознание укрепит нас. Гордитесь тем, что вы русские, и никогда не забывайте об этом».⁷¹⁴ Подобные призывы регулярно появлялись на страницах русинской прессы в 1930-е годы.

С середины 1930-х гг. чехословацкие власти в Подкарпатской Руси начинают вносить некоторые коррективы в свою культурно-языковую политику, пересматривая отношение к украинофилам и стремясь в большей степени учитывать местные особенности. Это нашло свое проявление в дискуссии о языке, на котором различные чехословацкие официальные органы в Подкарпатской Руси издавали свои материалы для местного населения. В письме президиума земельного управления Подкарпатской Руси в Ужгороде руководству Министерства просвещения от 7 октября 1935 г. сообщалось: «Поскольку о так называемом языковом вопросе в Подкарпатской Руси автономный сейм до сих пор не принял решения, ... земельное управление в Ужгороде, как и другие государственные учреждения в Подкарпатской Руси, издает свои «Официальные Известия», «Земельный Вестник» для Подкарпатской Руси и прочие официальные печатные материалы в соответствии с положениями Генерального статута на том языке, который употреблялся на этой территории до революции, т. е. на языке «status quo». На этом языке бывшее венгерское правительство издавало свои официальные материалы и законы, тем самым признав официальный характер этого языка (русский/малорусский язык с этимологическим правописанием, т. е. язык народа). После установления контроля над данной территорией ... земельное управление Подкарпатя использовало этот язык как официальный и продолжает придерживаться этого вплоть до настоящего времени, невзирая на влияние украинских и русских эмигрантов, которые сюда переселились и принесли с собой свои старые языковые и культурные споры, — указывалось в письме президиума земельного управления Подкарпатской Руси. В то же время авторы документа с явным неудовольствием отзывались

⁷¹³ Карпаторусский голос. 10 августа 1932. № 66.

⁷¹⁴ Карпаторусский голос. 25 апреля 1933. № 89.

о проукраинской ориентации чешских чиновников местного школьного отдела. — «Официальный Вестник» школьного отдела земельного управления вплоть до настоящего времени издавался на украинском языке с искусственным правописанием... Школьный отдел ... поступил правильно, изменив свою предыдущую ничем не обоснованную позицию и приспособив издание своего Вестника к той форме, в которой издаются все остальные официальные публикации, с самого начала использовавшие традиционный язык местного русинского народа...».⁷¹⁵

Таким образом, в отношении чешских властей к ситуации в Подкарпатской Руси имела место определенная раздвоенность. Если чешские чиновники Министерства образования и школьного отдела отдавали явное предпочтение украинскому направлению, то остальные были склонны в большей степени учитывать местные особенности. Однако даже наиболее проукраински ориентированный школьный отдел земельного управления Подкарпатской Руси был вынужден частично пересмотреть свою позицию и внести коррективы в свою деятельность с учетом культурно-языковых особенностей Подкарпатской Руси.

Примечательным было и поведение Высшего Административного Суда Чехословакии, который 26 июня 1935 г. «принял решение № 5. 136/33 о том, что в соответствии с законом языком славянского населения Подкарпатской Руси является язык русинский, русский (малорусский), а национальность этого населения определяется как русская (малорусская). Любое другое обозначение, например украинский язык, является в соответствии с законодательством в правовом отношении недопустимым...».⁷¹⁶ Решение Высшего Административного Суда делало заметный шаг навстречу русофильской интеллигенции Подкарпатской Руси, отрицавшей существование отдельного украинского народа. Вместе с тем подобный вердикт означал вмешательство Высшего Административного Суда в сферу компетенции будущего парламента Подкарпатской Руси, которому, в соответствии с законодательством, отводилось право принятия окончательного решения вопроса о языке и национальности местного населения. Русофильская общественность, судя по всему, не ожидавшая подобного развития событий, приветствовала решение Высшего Административного Суда. «Американский Русский Вестник», назвав данное решение «сенсационным», отмечал его «чрезвычайное значение» и констатировал, что оно «показывает властям путь решения языкового вопроса».⁷¹⁷

⁷¹⁵ SUA, fond PMR, inv. č. 588, sign. 223, kart. č. 131. Jazyková otázka na Podkarpatské Rusi 1920–1938.

⁷¹⁶ Ibidem.

⁷¹⁷ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. August 8, 1935. № 32.

Серьезная уступка русофильской интеллигенции была сделана и в области просвещения. В октябре 1936 г. чехословацкие власти после многолетних усилий русофильской общественности наконец рекомендовали русофильскую грамматику Сабова в качестве учебного пособия для школ Подкарпатской Руси. По словам П. Р. Магочи, «признание «грамматики» Сабова чехословацкой администрацией в 1936 г. было попыткой смягчить недовольство и пойти навстречу многочисленным требованиям ввести русский язык в школьную систему Подкарпатской Руси».⁷¹⁸

Наряду с определенными реверансами в сторону русофилов, Прага проявляла возросшую заинтересованность в поддержке русинофильского течения в противовес как украинофилам, так и русофилам. В 1930-е гг. чехословацкими властями были предприняты некоторые шаги в этом направлении. Так, с 1934 г. в Подкарпатской Руси началось радиовещание на местном русинском диалекте. В 1936 г. при поддержке чехословацкого правительства был создан подкарпатский национальный театр, представление которого также проходили на местном диалекте. Появился ряд публикаций и печатных изданий, подчеркивавших самобытность и оригинальность Подкарпатской Руси и населявшего ее народа; с этой же целью в середине 1930-х гг. при поддержке властей была создана Матица Подкарпаторусская. Тем не менее в целом поддержка Прагой русинофильской ориентации носила расплывчатый и бессистемный характер; целенаправленных попыток создать отдельный русинский литературный язык чехословацкие власти также не предпринимали. «Пражская политика «русинизма» не являлась тщательно разработанной программой..., — отмечал П. Р. Магочи. — В ответ на возросшую политическую напряженность в Подкарпатской Руси..., «русинизм» выступал в роли компромисса, который в лучшем случае мог способствовать распространению доверия и уважения к чехословацкому государству у населения Подкарпатской Руси».⁷¹⁹

Возросшая ориентация Праги на русинофильское направление нашла свое выражение в кадровой политике. В 1935 г. губернатором Подкарпатской Руси был назначен грекокатолический священник Константин Грабарь, сторонник русинофильской ориентации, который пробыл на этом посту вплоть до 1938 г. Изменение акцентов в русинской политике чешских властей и личность К. Грабаря вызвали критические отзывы русофильской общественности. «В Праге при МШАНО (*Министерство школ и народного просвещения*. — К. III.) открыт новый карпаторусский отдел, где шефом отделения назначен доктор Славик, — сообщал в сентябре 1934 г. «Карпа-

⁷¹⁸ Magocsi P. P. The Shaping of a National Identity... P. 140.

⁷¹⁹ Ibidem. P. 223.

торусский голос» и, выражая взгляды русофилов, констатировал: — ... Направление нового отдела — русинско-украинское, т.е. полная денационализация Подкарпатской Руси. Это новое направление, по-видимому, вполне соответствует намерениям назначения губернатором грекокатолического священника о. Константина Грабаря».⁷²⁰

Главной причиной пересмотра чехословацкими властями своей проукраинской политики были возросший к середине 1930-х гг. радикализм украинского движения и его все более явная ориентация на Берлин. Уже с конца 1920-х гг. чешская пресса обращала внимание на усиление сепаратистских и античехословацких тенденций в украинском движении, критикуя официальную Прагу за проукраинскую политику. Примечательно, что газета «Подкарпатские гласы», отражавшая взгляды чехословацкой администрации в Подкарпатской Руси, в октябре 1929 г. с тревогой констатировала усиливающийся сепаратизм украинцев, связанный с Германией.⁷²¹

Вместе с тем в условиях продолжавшегося противостояния различных культурно-языковых ориентаций в Подкарпатской Руси, среди части чешской бюрократии крепло убеждение в том, что лучшим решением языковых проблем была бы чехизация и словакизация местных русинов. По откровенному выражению одного чешского чиновника, «поскольку Подкарпатская Русь в экономическом смысле является крайне отсталой, а в политическом смысле — необразованной и непросвещенной, наиболее целесообразным было бы способствовать естественной ассимиляции русинов со словаками и чехами. ... Так как русины не имеют своей культуры, литературы и языка, с точки зрения государства было бы выгодным чехизировать и словакизировать этот полумиллионный славянский народ».⁷²² Подобные настроения среди части чешской бюрократии, которые не были секретом для русинов, а также явные проявления ассимиляционной политики в виде экспансии чешских школ, отталкивали от Праги как русофилов, так и украинофилов, создавая питательную почву для распространения античехословацких настроений в Подкарпатской Руси.

* * *

Заметно окрепшее к концу 1920-х гг. в Подкарпатской Руси украинское национальное движение все сильнее политизировалось и радикализировалось, вызывая озабоченность чехословацких властей и прессы. Так, после

⁷²⁰ Карпаторусский голос. 8 сентября 1934. № 646.

⁷²¹ Podkarpatské hlasy. 31.10.1929.

⁷²² Цит. по: Magocsi P. R. The Shaping of a National Identity... P. 227.

убийства С. Петлюры в 1926 г. на пражском Жофине состоялась массовая траурная церемония, в которой участвовало 53 украинских обществ и организаций, включая те, которые декларировали критическое отношение к украинскому национализму. Поведение украинской диаспоры в ходе данной акции вызвало обеспокоенность чехословацких органов безопасности.⁷²³

Больше всего чехов беспокоили отчетливые античехословацкие тенденции украинского движения и его усиливавшаяся ориентация на Германию. Предсказания русинской прессы, еще в начале 1920-х гг. обращавшей внимание чехов на потенциальную опасность украинского движения для чехословацкого государства, начинали сбываться. «Народни листы», сообщая 13 июля 1929 г. о съезде украинской молодежи в Ужгороде, подчеркивали, что это мероприятие имело четкую античехословацкую направленность. «Украинизация ... при поддержке министерства иностранных дел, коммунистов и социал-демократов и вопреки предостережениям чехословацкой национальной демократии расширилась до опасных масштабов, — констатировали «Народни листы». — Сейчас правительственные чиновники вынуждены вносить коррективы в свою деятельность по причине крайней опасности украинизации... В наибольшей степени это направление поддерживается народной партией во главе с Волошиным... Украинизм вновь доказал, что от него нельзя ожидать какой-либо благодарности чешскому чиновничеству... Украинский нарыв может означать в будущем и отторжение Подкарпатской Руси к Украине, если наступят какие-либо потрясения в средневропейской политике»,⁷²⁴ — проницательно замечали еще в 1929 г. «Народни листы». Активизацию украинских националистов в Подкарпатской Руси отмечала в конце 1920-х гг. и коммунистическая «Карпатська правда», писавшая, что «в Чехословакии до недавнего времени трезубец ограничивался лишь Прагой, присматриваясь к украинской трудовой эмиграции. Но теперь он идет полным маршем и к нам в Закарпатье».⁷²⁵

Орган влиятельной аграрной партии Чехословакии «Венков» в статье под примечательным названием «Ирредентизм в восточной Словакии», опубликованной 17 апреля 1930 г., сообщал об аресте шести украинских студентов, занимавшихся в населенных русинами областях Словакии «ирредентистской» пропагандой. Арестованные местной полицией студенты оказались «членами украинской военной организации. Задача этой организации состоит в подготовке создания Великой Украины, в состав которой должны также войти Подкарпатская Русь и восточная Словакия вплоть до Попрада, — писал «Венков». — На допросе арестованные выразили свое

⁷²³ Svoboda D. Op. cit. S. 550.

⁷²⁴ Národní listy. 13.7.1929.

⁷²⁵ Карпатська правда. 23 червня (юнія) 1929. Число 3.

удивление тем, что в Словакии их арестовали за деятельность, к которой полицейские органы Подкарпатской Руси, где они находились до этого, относились терпимо и воздерживались от какого-либо вмешательства».⁷²⁶

Весьма примечательно на активизацию и радикализацию украинского движения в Подкарпатской Руси отреагировала газета «Подкарпатске гласы», выражавшая взгляды чехословацкой администрации в Подкарпатской Руси. Подводя итоги чехословацкой политики в отношении русинов, «Подкарпатске гласы» признавали 31 октября 1929 г., что «десять лет назад» чехословацкие власти начали административно поддерживать украинское направление, которое помимо этого также получало весомую поддержку со стороны социал-демократов и коммунистов. Констатируя, что за прошедшие десять лет украинское движение в Подкарпатской Руси пустило корни, «Подкарпатске гласы» с тревогой отмечали нарастание сепаратистских тенденций в рамках первоначально лояльного украинского течения, которое все более уверенно эволюционировало в направлении сотрудничества с врагами Чехословакии.⁷²⁷

Еще более откровенно об опасности украинского движения в Подкарпатской Руси говорили лидеры чехословацких национальных демократов и национальных социалистов, которые с самого начала демонстрировали критическое отношение к проводившейся официальной Прагой политике поддержки украинофилов. В своем обращении к девятому общему собранию Общества имени А. Духновича в 1932 г. лидер чехословацкой национально-социалистической партии В. Клофач писал: «Дорогие русские друзья! ... Я признаю его (*языковой вопрос* — К. Ш.) все еще гжучим, но считаю обязанностью правительства ... прекратить политику страуса, при которой не желают видеть причин нынешнего языкового хаоса и того факта, что при наличии ошибочных распоряжений некоторых пражских урядов растет движение, которое направлено решительно против нашего государства, а по своим методам уже является ирредентой. Я соглашаюсь с теми, — писал Клофач, — кто в языковом вопросе стоит на платформе Ваших старших национальных будителей и кто эту традицию защищает от протезирования галицкого жаргона, прекрасно понимая заранее, чего не могут понять официальные ответственные деятели, — сколь опасные последствия для государства должно иметь это легкомысленное протезирование...».⁷²⁸ В письме Масарику 29 января 1931 г. Клофач, являвшийся в то время вице-спикером чехословацкого сената, обращал внимание президента Чехословакии на опасность «ирредентистских тенденций» в украинской пропаган-

⁷²⁶ Venkov. 17.4.1930.

⁷²⁷ Podkarpatisk é hlasy. 31.10.1929.

⁷²⁸ Карпатский свет. 1932. № 6. С. 1322–1323.

де. В качестве иллюстрации Клофач прилагал к своему письму популярную среди украинской диаспоры в ЧСР открытку с картой «Великой Украины», включавшей на западе Подкарпатье и часть восточной Словакии, а на востоке — среднее Поволжье и предгорья Северного Кавказа.⁷²⁹ Клофач, приводя как пример покушение украинского радикала на Сабова, напоминал Масарику о германофильстве «панов из Галиции», которые «вносят раздоры в Подкарпатскую Русь».⁷³⁰ По словам Клофача, последняя перепись населения показала, что в количественном отношении украинцы в Подкарпатской Руси «нижег собой не представляют, но, несмотря на это, их ставят во главе учреждений и они отравляют политическую и судебную систему...».⁷³¹

Украинскую угрозу территориальной целостности Чехословакии и близорукую политику чехословацких властей продолжала активно обсуждать русофильская пресса. «Наступление ведется с двух сторон границы ради завладения обеими сторонами Карпат, — писал о целях украинского движения «Карпаторусский Голос» в заметке под названием «Украинцы страшны не столько нам, сколько республике». — И вот этому-то движению старательно помогают органы чехословацкой власти. Только ничем не оправдываемая слепота и нежелание видеть грозное будущее могут объяснить ту политику, которая велась и ведется тринадцать лет на Подкарпатской Руси. Не платоническая любовь к карпатороссам, но государственные интересы должны заставить правительство прекратить политику... содействия разрушительным элементам в виде украинизации», — заключал «Карпаторусский голос».⁷³²

В связи с ростом тревожных для Праги тенденций в украинском движении чехословацкие власти со второй половины 1930-х гг. начинают ограничивать политическую деятельность украинцев, все активнее прибегая к частичной высылке украинских эмигрантов из Подкарпатской Руси в Польшу. Одна из украинских газет, сообщая о насильственном выселении украинских эмигрантов из Чехословакии, в основном с территории Подкарпатской Руси в Польшу, критиковала действия Праги, напоминая чехам, что руководство Украинской Народной Республики в 1917 г. не только позволило Масарику формировать чехословацкие легионы на территории Руси, но и предоставило для этого необходимые средства.⁷³³ В марте 1932 г. Министерство внутренних дел Чехословакии запретило распространение периодических изданий ОУН на территории Подкарпатья.⁷³⁴

⁷²⁹ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1931, krabice 403.

⁷³⁰ Ibidem.

⁷³¹ Ibidem.

⁷³² Карпаторусский голос. 25 августа 1932. № 77.

⁷³³ Новий час. 25. 4.1936.

⁷³⁴ Svoboda D. Op. cit. S. 551.

Тревоги чехов по поводу эволюции украинского движения в опасном для Чехословакии направлении были обоснованными. С конца 1920-х гг. ориентация украинского движения на Германию усиливается. В феврале 1929 г. в Вене на съезде представителей украинских националистических организаций была создана Организация украинских националистов (ОУН). С приходом в 1933 г. к власти в Германии национал-социалистов во главе с Гитлером началось активное сотрудничество спецслужб нацистской Германии, главным образом гестапо и абвера, с ОУН, которая эффективно использовалась немецкими властями не только в их антипольской, но и в античехословацкой деятельности.

Одним из направлений этой деятельности стала засылка украинских националистов из Галиции в Подкарпатскую Русь для ведения украинской пропаганды среди местной молодежи и создания массового украинского националистического движения. Примечательно, что представитель украинских националистов Ю. Химинец, действовавший в Подкарпатской Руси в качестве главы местного филиала ОУН, в своих мемуарах с разочарованием вспоминал, что «в первой половине тридцатых годов с русинской интеллигенцией Закарпатье тяжело было даже говорить о необходимости национальной борьбы, так как русинская интеллигенция не знала, с кем и во имя чего бороться».⁷³⁵ «Украинская карта» в Подкарпатской Руси стала особенно активно разыгрываться Берлином с 1937 г., когда наряду с дипломатическим давлением на Чехословакию в связи с судетонемецким вопросом Германия стала использовать в своих интересах как сепаратистское движение в Словакии, так и украинофилов в Подкарпатской Руси.

Для активизации украинского националистического движения в Чехословакии ОУН и созданный при ней Провод украинских националистов (ПУН), занимавшийся координацией действий с немецкими спецслужбами, способствовали переезду в Подкарпатскую Русь большого количества украинских националистов из Галиции. В ноябре 1937 г. при ПУН был образован особый штаб, координировавший действия галичан-эмигрантов в Чехословакии. После убийства главы ОУН Е. Коновальца советскими спецслужбами в 1938 г. руководителем ОУН при поддержке немцев стал А. Мельник, имевший тесные связи с германским абвером. С оккупацией Австрии Германией в марте 1938 г. и с возросшим давлением Берлина на Чехословакию активность связанных с Германией украинских националистов в Подкарпатской Руси резко возрастает.

В октябре 1938 г. глава подкарпаторусского филиала ОУН Ю. Химинец был вызван на переговоры в Берлин, где обсуждалось создание на террито-

⁷³⁵ Цит. по: *Годьмаш П., Годьмаш С.* Указ. соч. С. 86.

рии Подкарпатской Руси полувоенной «Организации народной обороны Карпатская Сич», которую предполагалось использовать для последующего захвата власти в Подкарпатской Руси. Костяк «Карпатской Сичи», созданной при активной финансовой и организационной поддержке германских спецслужб, составляли выходцы из Галиции, главным образом имевшие боевой опыт бывшие офицеры Украинской галицкой армии. Поскольку массовой базы для набора рядовых членов «Карпатской Сичи» в Подкарпатской Руси не было, в начале октября 1938 г. ОУН организовала массовые беспорядки в Галицком воеводстве Польши, которые сопровождалась столкновениями местных украинцев с польской полицией. Цель этой акции состояла в том, чтобы спровоцировать волну нелегальной эмиграции галицких украинцев в Подкарпатскую Русь. Спасаясь от преследований польской полиции, многие галичане по совету оуновцев нелегально переходили польско-чехословацкую границу и оседали в соседней Подкарпатской Руси, получившей к этому времени статус автономии. Прибывавшие на территорию Подкарпатья галичане пополняли ряды «Карпатской Сичи». По словам П. и С. Годьмашей, «фактически заказчиками спецопераций в Подкарпатской Руси были спецслужбы фашистской Германии, а ОУН ... эти заказы с усердием исполняла».⁷³⁶

Усиление украинофилов в Подкарпатской Руси и большое число перебравшихся в Подкарпатья эмигрантов-галичан настолько обострили отношения между соперничающими направлениями в вопросе языка преподавания, что Министерство просвещения Чехословакии провело в Подкарпатской Руси в сентябре 1937 г. школьный референдум. Цель референдума состояла в получении ответа на вопрос о том, какой язык обучения предпочитают родители учащейся молодежи для своих детей.

Несмотря на возросшее влияние украинофилов, результаты референдума подтвердили преобладание традиционного русофильства над украинской ориентацией. За обучение в школах по русофильской грамматике Е. Сабова, которой чехословацкие власти постоянно ставили палки в колеса, высказались в 313 школах, в то время как за украинофильскую грамматику И. Панькевича, официально поддерживаемую чехами, проголосовали в 114 школах, главным образом в приграничных с Галицией гуцульских районах Подкарпатья. Вполне оправданным выглядит мнение, объясняющее подобный результат школьного референдума в «высокогорных, граничащих с Галичиной районах» тем, что «учителей — русинов не хватало; в то же время туда охотно шли учителям-политэмигранты из Галичины... Родители на референдуме голосовали, исходя из реальных возможностей обеспечения их школ учителями».⁷³⁷

⁷³⁶ Цит. по: *Годьмаи П., Годьмаи С.* Указ. соч. С. 86.

⁷³⁷ Там же. С. 91.

Школьный референдум, который был запоздалой попыткой реверанса чехословацких властей, напуганных активизацией украинского движения, в сторону русофилов, наряду с сохранявшимся преобладанием русофильства, показал и возросшую силу, динамизм и хорошую организацию украинофилов. Так, в ответ на неутешительные для них результаты школьного референдума украинофилы при активном участии «Просвиты» организовали и провели 17 октября 1937 г. массовый митинг в Ужгороде с требованием повсеместного введения в русинских школах Подкарпатской Руси украинского языка преподавания. В митинге приняли участие в основном представители тех регионов, которые проголосовали за обучение на украинском языке. По утверждению П. и С. Годьмашей, проукраинский митинг в Ужгороде в октябре 1937 г. «был организован на средства Берлина и Москвы местными сторонниками оуновцев и коммунистов».⁷³⁸ Одним из главных ораторов на митинге был видный деятель коммунистического движения, депутат чехословацкого парламента от компартии Олекса Борканюк, что свидетельствовало о сближении позиций украинофилов-коммунистов и украинских националистов.

Данная акция украинцев вызвала возмущение русофильских кругов. В своей интерпелляции главе правительства ЧСР по поводу манифестации украинцев в Ужгороде 17 октября 1937 г. лидер Русской национально-автономной партии С. Фенцик обращал внимание Праги на то, что в ходе украинской акции «в демагогической форме были выражены протесты против действующих демократических законов нашей Республики, в особенности против языкового закона 17/1926, согласно которому русский язык является официальным языком Подкарпатской Руси, и против закона 172/1937, согласно параграфу 6 которого русские учебники должны быть допущены в карпаторусских школах...».⁷³⁹ Фенцик напоминал главе чехословацкого правительства о решении Высшего Административного Суда от 28 июня 1935 г., «не признающего за украинцами и украинским языком никаких прав в Подкарпатской Руси» и выражал удивление в связи с присутствием на украинской манифестации представителей местной власти, что придавало данному мероприятию «характер законности».⁷⁴⁰ В этом же документе Фенцик задавал главе правительства риторический вопрос о том, «знает ли Господин Председатель Совета министров о грубом нарушении указанных

⁷³⁸ Цит. по: *Годьмаи П., Годьмаи С.* Указ. соч. С. 92.

⁷³⁹ Манифест Русской национально-автономной партии. Интерпелляции и открытые письма Председателю Совета министров и министрам, земскому вице-президенту и вице-губернатору Подкарпатской Руси Д-ра Степана А. Фенцика, депутата парламента. Ужгород, 1938. С. 416–417.

⁷⁴⁰ Там же.

законов» и считает ли он нужным «предпринять соответствующие меры к тому, чтобы ... не подвергался оскорблениям и травле карпаторусский народ?»⁷⁴¹

Однако украинские учителя и работники просвещения, успевшие занять прочные позиции в школьной системе Подкарпатья, откровенно саботировали итоги референдума, большинство участников которого высказалось в пользу русских учебников. В конце 1937 г. лидер Русской национально-автономной партии С. Фенцик направил несколько дополнительных интерpellаций министру просвещения Чехословакии, обращая его внимание на многочисленные случаи преследований преподавателей-карпатороссов со стороны школьных инспекторов-украинцев, а также на противодействие украинских учителей введению русских учебников.⁷⁴² Неспособность властей обеспечить выполнение решений референдума свидетельствовала о том, что Прага постепенно утрачивала рычаги контроля над общественно-политической ситуацией в Подкарпатской Руси. Особенно ярко это проявилось в 1938 г. с усилением движения за автономию среди судетских немцев, словаков и карпатских русинов.

⁷⁴¹ Манифест Русской национально-автономной партии. Интерpellации и открытые письма Председателю Совета министров и министрам, земскому вице-президенту и вице-губернатору Подкарпатской Руси Д-ра Степана А. Фенцика, депутата парламента. Ужгород, 1938. С. 418.

⁷⁴² Там же. С. 424–431.

ГЛАВА 7

«Чи мы сьны...»

РУСИНЫ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ: РУСОФИЛЫ, УКРАИНОФИЛЫ И РУСИНОФИЛЫ

«Украинские стремления чужды каждому нашему мужику. Украинизация Подкарпатской Руси вызывает единодушное негодование всего населения...»

(Народная газета. 1925. № 3).

«Мы русский народ, ... наш язык русский, наша культура, наш дух, наши традиции суть русские... Рак украинизма никогда не расширится на теле русского народа... Мы русские люди ... и сие наше имя никогда не изменим на украинцев».

(Amerikansky Russky Vestnik.

Homestead, PA. August 29, 1929. № 34.)

«До войны никто из нас даже не слышал о подобной чудовищности, что мы украинского происхождения... Это украинское чудовище появилось у нас неожиданно...»

(Народная газета. 1930. № 2).

«Мы, русины, племя малорусское, которое сейчас называется украинским... Царизм ... не смог русифицировать русинов-украинцев на Украине. В еще меньшей степени это может получиться у некоторых наших русификаторских обществ».

(Свобода. 21 февраля 1929. № 8).

Этнокультурные процессы среди карпатских русинов в межвоенный период проходили под знаком противоборства нескольких идентификационных моделей. Главными представителями данных моделей были русофилы, трактовавшие русинов как наиболее западную ветвь единого русского народа от Карпат до Тихого океана, и украинофилы, считавшие русинов этнографической частью украинского народа с недостаточно «разбуженным» украинским самосознанием, которое они считали своим долгом «пробудить». В рамках русофильского направления постепенно сформировалось

третье, русинофильское течение, считавшее русинов не частью русских или украинцев, а отдельным восточнославянским народом.

В своей культурно-национальной деятельности и в борьбе за влияние на местное население русофилы и украинофилы опирались на собственные культурно-просветительские общества и средства массовой информации, пользуясь поддержкой идеологически близких политических партий Чехословакии. Симпатии официальной Праги в 1920-е гг. были на стороне украинофилов. Левая часть чешского политического спектра, близкая Граду и президенту Масарику, а также чешские католические круги в целом занимали проукраинские позиции. Более консервативные политические силы Чехословакии придерживались русофильской ориентации.⁷⁴³

Основной организационной и идеологической структурой, развивавшей и координировавшей украинское движение в Подкарпатской Руси, стало культурное общество «Просвита», созданное в мае 1920 г. в Ужгороде по примеру львовской «Просвиты» выходцами из Галиции и местными украинофилами при поддержке тогдашнего губернатора Подкарпатской Руси Г. Жатковича и чешской администрации. Активная деятельность «Просвиты», направленная на «пробуждение» у местного русинского населения отсутствовавшего у него в то время украинского самосознания, вызвала решительное противодействие русофилов. В 1923 г. в противовес «Просвите» русофилы создали культурное общество имени А. Духновича, объединившее русофильски настроенную часть интеллигенции Подкарпатя.

Зарождение и растущее влияние украинского культурного фактора в Подкарпатской Руси, представлявшего собой совершенно новое явление, ранее неизвестное местному населению, в условиях межвоенной Чехословакии было вызвано несколькими обстоятельствами. В первую очередь это было связано с влиянием соседней Галиции. Неудачный исход борьбы Западно-украинской Республики (ЗУНР) с Польшей и последующее вхождение Восточной Галиции в состав польского государства вызвали массовую эмиграцию галицких украинцев в соседнюю Чехословакию. Пользуясь благоприятным отношением Праги, многие галичане осели на территории Подкарпатя и активно включились в украинскую пропаганду, стремясь «пробудить» у этнически близкого им местного русинского населения украинскую самоидентификацию.

Межвоенная Чехословакия «стала главным европейским центром украинских беженцев. Здесь возникли десятки украинских образовательных и научных структур. ... Среди беженцев выделялись 4 тысячи солдат Украинской галицкой армии, которые, спасаясь от наступавшей польской армии,

⁷⁴³ См.: *Svoboda D.* Ukrajinská otázka v českém meziválečném myšlení a politice // *Slovanský přehled*. 2008. № 4. S. 549.

отступили в мае 1919 г. на территорию Подкарпатя. Для их размещения был выделен заброшенный лагерь для военнопленных в Немецком Яблонем...».⁷⁴⁴ Архивные материалы свидетельствуют о том, что в начале 1930-х гг. официальное количество украинцев, имевших статус эмигрантов в ЧСР, составляло около 6000 человек. Примерно 30% из них были выходцами из Галиции.⁷⁴⁵ Учитывая то, что в начале 1920-х гг. число украинских эмигрантов-галичан в ЧСР было намного больше, чем в 1930-е гг., и что «идеология украинского национализма в значительной степени формировалась на территории Чехии и Моравии»,⁷⁴⁶ большое влияние украинской интеллигенции из Галиции на ситуацию в Подкарпатской Руси становится очевидным.

По воспоминаниям одного из украинских эмигрантов, «когда в июле 1919 г. полк Крауса из украинской галицкой армии пришел в Подкарпатскую Русь, много галичан осталось здесь на постоянное жительство. Они развернули украинскую пропаганду и учредили общество «Просвита»... Русины-автохтоны объявили себя руським народом и основали общество имени А. Духновича... Русины разделились на два враждебных лагеря, а чехословацкое правительство использовало это разделение, поддерживало и тех, и других, а когда русины начали добиваться автономии, чехословацкие власти отказывали и требовали, чтобы до получения автономии русины пришли между собой к согласию».⁷⁴⁷ А. Геровский в своих воспоминаниях утверждал, что чехословацкое правительство специально допустило на территорию Карпатской Руси «остатки украинской армии во главе с австро-немецким майором Краусом» с целью украинизации населения Подкарпатя. По сведениям А. Геровского, солдаты и офицеры этой армии в течение многих лет состояли на содержании чехословацкого правительства.⁷⁴⁸ Благоприятное отношение Праги к представителям украинского национального движения из Галиции в значительной мере было вызвано напряженными отношениями с Варшавой и стремлением чехословацких властей опереться на галицких украинцев в противостоянии с Польшей. Хотя Чехословакия формально не признала ЗУНР, с конца 1918 г. правительство ЗУНР имело в Праге свое неофициальное представительство во главе с профессором С. Смаль-Стоцким, которого позднее сменил К. Левицкий. Более того, правительства Чехословакии и ЗУНР подписали торговый договор, который предусматривал

⁷⁴⁴ *Ibidem*. S. 548.

⁷⁴⁵ *Tejchmanová S.* Dokument o ukrajinské emigraci v meziválečném Československu // *Slovanský přehled*. 1992. № 2. S. 184.

⁷⁴⁶ *Svoboda D.* Op. cit. S. 550.

⁷⁴⁷ *Кміцікевич Я.* 1919 рік на Закарпатті. Спогад // Науковий збірник музею української культури в Свиднику. 1969. № 4. С. 391.

⁷⁴⁸ *Геровский А.* Борьба чешского правительства с русским языком // *Пути истории*. С. 93–124.

поставки чешского оружия для галицких украинцев в обмен на поставки нефти из дрогобычско-бориславского месторождения. С ведома Праги в армии ЗУНР служили некоторые чехословацкие офицеры, что вызывало болезненную реакцию польских властей.⁷⁴⁹ Символично, что ведущие представители и теоретики украинского движения в Подкарпатской Руси, включая филологов И. Панькевича, В. Бирчака и других, были не местными уроженцами, а эмигрантами из Галиции. Со временем украинофилам удалось привлечь на свою сторону часть русинской интеллигенции Подкарпатя.

С самого начала культурные и политические приоритеты украинофилов вызвали острое неприятие и враждебное отношение русинских традиционалистов. Украинофилы настаивали на принятии украинской фонетической орфографии, что вступало в противоречие с традиционной русинской этимологической системой письма, близкой церковнославянскому и русскому литературному языку. Кроме того, идеологический и культурный облик украинофильского течения в его радикальном галицком варианте предполагал полный и категорический отказ от традиционных русинских ценностей и культурного наследия, отмеченных глубокой русофилией, преклонением перед Россией и русской культурой и верностью идее «единого русского племени от Карпат до Тихого океана». Полная противоположность традиционной русинской и новой для карпатских русинов украинской идеологии создавала питательную почву для постоянного противоборства, приобретавшего довольно радикальные формы.

Пропагандируемые украинофилами идеи и ценности воспринимались представителями русофильской русинской интеллигенции как нечто нелепое, чуждое и враждебное. «До войны никто из нас даже не слышал о подобной чудовищности, что мы украинского происхождения... Это украинское чудовище появилось у нас неожиданно, — писала в 1930 г. «Народная газета» и с осуждением заключала: — ... Хотят нас убедить, что нам нет дела до России, ибо мы — русины — украинцы...».⁷⁵⁰

Полемика украинофилов и русофилов, доминировавшая в русинской прессе в течение всего межвоенного периода, затрагивала весь спектр мировоззренческих вопросов, ярко отразив такую особенность традиционного русинского мировосприятия, как приверженность идее восточнославянского единства и историческому наследию Киевской Руси. Русофилы рассматривали Россию как прямую преемницу Киевской Руси, исходя из существования единого русского народа в составе великороссов, малороссов и белорусов. Русофильская пресса в Подкарпатской Руси и восточной Слова-

⁷⁴⁹ Svoboda D. Op. cit. S. 540.

⁷⁵⁰ Народная газета. 1930. №2.

кии поддерживала, развивала и всячески пропагандировала идею общерусского единства, включая «южных русских» и белорусов. «Название «русский» не свойственно только одному великоросскому племени, но в равной мере принадлежит и южноруссам, и белорусам; оно является родовым понятием, объединяющим всю совокупность видовых понятий, — утверждал В. Вилинский в своей статье «Корни единства русской культуры». — Несмотря на разделение прежде единой русской земли, ... ни в Северо-Восточной, ни в Юго-Западной части ее не забывалось бывшее общим для обеих частей имя Русь».⁷⁵¹

Карпатские русины рассматривались местными русофилами как малая, самая западная ветвь общерусского дерева, сохранившаяся только благодаря духовной связи с Россией. «В славянском мире немало есть исторических примеров, когда славянская ветка, занесенная в чужестранную пустыню, погибала в песках, — писал В. К. Могильницкий, представитель союза карпаторусской молодежи «Возрождение» в Праге. — ... Сколь счастливы мы — карпатороссы. И причиной тому является то обстоятельство, что наша веточка все еще держится и питается соками великого русского дерева. Как только мы допустим объявить себя «самостоятельным» племенем, как только оторвемся мы от животельной традиции наших достопамятных предков, ... мы погибнем».⁷⁵²

Наибольшим радикализмом в полемике с украинофилами отличалась русинская пресса в восточной Словакии. Если представители украинского течения доказывали «украинскость» русинов, то русинские традиционалисты-руссофилы отрицали само существование украинцев как отдельного народа. Печатный орган Русской Народной партии в Словакии «Народная газета» постоянно публиковала острые полемические статьи, утверждавшие, что украинское национальное движение было не более чем искусственным феноменом, изобретенным в Берлине и Вене с целью расколоть русский народ и ослабить его единство.

Председатель Русской Народной партии в Словакии доктор Мачик, выражая взгляды русофильской интеллигенции, рассматривал Украину только как географическую часть России и отрицал существование отдельного украинского народа. На страницах «Народной газеты» Мачик утверждал, что все украинское движение представляет собой не более чем «предательские устремления определенных кругов» подорвать единство русского народа и подчинить его иноземному игу. «Австрии было невыгодно русское самосознание в Галиции, и вот австрийское правительство рука об руку

⁷⁵¹ Карпатский свет. 1928. №4. С. 68.

⁷⁵² Карпатский свет. 1928. №№ 1–2–3. С. 32.

с польской шляхтой ... старается создать из русского населения Восточной Галиции особый, отличный от русского, народ с отдельной культурой и особым языком..., — писал доктор Мачик. — ... На помощь к этому стремлению приходят иезуиты. Под видом реформы ордена св. Василия поместили там иезуитов, которые старались создать особый язык, всем славянским языкам чуждый, язык украинский, устраивали в Галиции интернаты, в которых воспитывали в желательном для них духе новую интеллигенцию... Доктор К. П. Крамарж сообщает следующий любопытный эпизод: ... он работал в венских архивах, где познакомился с чиновниками Министерства народного просвещения. Пригласив одного из них на прогулку за город, он получил отказ и на вопрос, чем же он так занят в министерстве, услышал ответ: «Не могу, мы должны наспеть делать украинскую грамматику». Славянский мир боролся за свободу, а «самостийники» организовывали в Галиции легионы для борьбы против России... Все стремление этой партии (а не народа, ибо особого украинского народа не существует), — резюмировал доктор Мачик, — разбить единство русского народа и подвергнуть его чужому игу... У нас в бывшей Венгрии не найти ни одного мужика, который бы назвал себя украинцем, а не русским. Здесь у нас не было ни одного писателя, который бы примкнул к украинизму. Украинские стремления чужды каждому нашему мужику. Украинизация Подкарпатской Руси вызывает единодушное негодование всего населения».⁷⁵³

Яркой иллюстрацией отношения русинской интеллигенции к украинской пропаганде в 1920-е гг. может служить статья студента Пражского университета Н. Калиняка, который писал в «Народной газете», что «Украина не может представлять собой ... краины в национальном смысле, а прямо название это происходит от территорий в юго-западной части России... Как и у других народов, так и в нашем русском народе нашлись юдаши, фарисеи, которые продали свое русское убеждение за деньги и таким образом появились «лже-украинцы», купленные за австро-венгерские короны... Так называемые украинцы должны были удирать со своим атаманом Петлюрой куда кто мог. Этой армии некоторая часть попала в нашу республику, которая их принимала в гости, не зная, кто они такие. Это те же самые, которые на русских позициях убивали чешкословенских легионеров».⁷⁵⁴ Редакция «Народной газеты» и русофильски настроенные русинские деятели часто обращали внимание чехословацкой общественности на то, что амбициозные внешнеполитические планы украинских политиков могут со временем поставить под угрозу территориальную целостность Чехословакии

⁷⁵³ Народная газета. 1925. №3.

⁷⁵⁴ Народная газета. 1924. №1.

и что во время Первой мировой войны украинские военные формирования сражались на стороне Германии, против которой воевали чехословацкие легионеры.

Особое внимание представители русофильского направления уделяли полемике с украинофилами в области истории и филологии, на что была направлена их основная издательская и публицистическая деятельность. Общество им. Духновича издавало большое количество брошюр и популярной литературы, рассчитанной на массового читателя, которая пропагандировала традиционные русофильские взгляды, основанные на идее общерусского культурно-языкового единства, и, опираясь на русофильскую трактовку истории, полемизировала с украинофилами.

Одним из главных направлений публицистической деятельности русофилов было отстаивание культурного и языкового единства всех восточных славян, обоснование тезиса о принадлежности карпатских русинов к единому русскому народу и критика взглядов украинофилов в этом вопросе. «Сохранив основу русской культуры, угро-россы при первой же возможности потянулись к общерусской культуре для полного слияния с нею. Национальное пробуждение угро-россов во второй половине XIX в. характеризуется именно этими стремлениями... Малая ветвь русского народа в ½ миллиона душ, живущая в неблагоприятных материальных условиях, не может сама развивать самостоятельную культуру. Отстояв свое национальное достоинство от наступавшего мадьяризма, ... эта ветвь может развиваться только ... восстановив культурное единство с остальной Русью».⁷⁵⁵ — писал представитель русофильского направления Н. Павлович.

Обосновывая необходимость единого общерусского литературного языка для всех восточных славян, Н. Павлович, как и другие идеологи русофилов, ссылаясь на опыт западноевропейских народов. «Вершина русской культуры есть русский литературный язык, общий для всей Руси. Все великие народы имеют один литературный язык, сколько бы наречий не было в их разговорном языке. Так дело обстоит у немцев, французов и других народов, — утверждал Павлович. — При этом у некоторых народов различные наречия отличаются одно от другого значительно больше, чем мы видим это в русском языке. ... Жители Прованса говорят так, что парижане их совсем понять не могут. Но, тем не менее, литературный язык у французов один, общий для всех ветвей французского народа. Этому общему французскому языку учат во всех французских школах. ... У нас, русских, тоже есть свой общий всем частям народа литературный язык».⁷⁵⁶ Русофилы Подкарпатья

⁷⁵⁵ Павлович Н. Русская культура и Подкарпатская Русь. Ужгород, 1926. С. 12–13.

⁷⁵⁶ Там же. С. 15.

постоянно подчеркивали, что в создании и развитии русского литературного языка и литературы принимали участие не только великороссы, но и все остальные «ветви русского народа» в лице малороссов и белорусов, и что русский язык является одним из «главнейших достижений русской культуры».⁷⁵⁷

Большое место в публицистической деятельности русофилов занимала критика украинского литературного языка и истории его создания; при этом русофильские публицисты постоянно указывали на важную роль австрийских властей и польской администрации Восточной Галиции в становлении и распространении украинского языка. Один из наиболее последовательных критиков украинского движения А. М. Волконский, в 1920-е гг. бывший профессором «Pontificum Institutum Orientalium Studiorum» в Риме, в своей брошюре «В чем главная опасность? Малоросс или украинец?», опубликованной Обществом им. Духновича в 1929 г., утверждал, что украинский язык был рожден «в первые годы текущего века при сотрудничестве австрийских канцелярий. Основной мыслью при его выработке было добиться несходства его с русским языком. Потому в словарь его были включены многочисленные польские, немецкие, латинские корни; потому он полон искусственно, по польским и немецким образцам, придуманных новообразований» (слова Ягича)... Украинский язык гениальное политическое достижение, но филологическое уродство»⁷⁵⁸ — резюмировал А. М. Волконский.

Однако вину за последующее этнокультурное и языковое размежевание между малороссами и великороссами Волконский возлагал не только на австро-польские козни в Галиции, но и на недалевидную политику Санкт-Петербурга. «Малорусский литературный язык русскому единству не противоречит. ... На горе России этого в Петербурге многие не понимали: Валувевскими циркулярами загнали естественное малороссийское краелюбие — по ту сторону границы, — утверждал Волконский. — Там, под австрийско-германо-польским воздействием, оно приобрело по отношению к российской империи изменнический оттенок. Тогда и породили украинский язык — орудие расчленения России и русского народа».⁷⁵⁹ В своей критике украинского языка и методов его создания русофильские публицисты апеллировали к мнению тех авторитетных ученых-славистов, которые придерживались схожих с русофилами взглядов. Так, критикуя крупного украинского филолога, черновицкого профессора Смаль-Стоцкого и его украинскую «грамматику», изданную в 1914 г. во Львове научным обществом

⁷⁵⁷ Павлович Н. Русская культура и Подкарпатская Русь. Ужгород, 1926. С. 16.

⁷⁵⁸ Волконский А. М. В чем главная опасность? Малоросс или украинец? Ужгород, 1929. С. 4–5.

⁷⁵⁹ Там же. С. 6.

имени Шевченко, один из русофильских публицистов ссылался на мнение ведущего авторитета в области славянской филологии профессора Ягича, считавшего украинский язык лишь «тенденциозным экспериментом».⁷⁶⁰

Особое место представители русофильского направления уделяли исследованию происхождения и последующей эволюции термина «Украина» и этнонима «украинец». На основании анализа исторического материала русофильские деятели делали вывод о том, что «никогда ни народа, ни государства с сознанием и наименованием украинского народа, украинского государства, не было. Название «Украина» употреблялось как имя нарицательное, в значении область, край, пограничье..., но никогда не служило для обозначения национальной принадлежности. ... И в эпоху литовско-польскую, и козацко-гетманскую предки малороссов всегда называли себя русскими ... и никаких украинцев в современном смысле не знали...»⁷⁶¹

Последовательная и настойчивая пропаганда украинофилами нового для карпатских русинов этнонима «украинец», которое они старались распространить среди населения Подкарпатья, воспринималось русофилами как стремление окончательно стереть в сознании местного населения ощущение родства с русским народом, которое отражалось в самоназвании, содержащем корень «рус». «Чтобы выразить стремление к самостоятельности и в самом названии, ... часть малороссов стала употреблять в новейшее время для обозначения своей национальной принадлежности термины «украинец», «украинский», чтобы таким образом совершенно уничтожить сознание родства и племенного единства, которое выражалось в общности названия: Русь, русский. ... Эта тенденция выражена в записке Наукового Товариства им. Шевченко во Львове, которую галицко-украинские деятели в 1915 г. подали австрийскому правительству в подкрепление своего требования переименовать галицко-русское население в «украинцев», — отмечал русофильский публицист и резюмировал: — Название «украинец» необходимо для того, чтобы внушить малороссам мысль инородчества по отношению к русскому народу, чтобы порвать всякую историческую связь даже в самом названии...»⁷⁶²

Русофилы критиковали украинских публицистов и ученых за то, что они, требуя замены этнонима «русский» термином «украинский», не замечают «или заметить не желают несоблюдения выдвинутого ими самими требования» учитывать общепринятое в науке правило, «согласно которому всякий

⁷⁶⁰ Зоркий Н. Доказано ли научно существование вполне самостоятельного «украинского языка»? Ужгород, 1924. С. 11–12.

⁷⁶¹ Панас И. К вопросу о русском национальном имени. (По поводу меморандума галицких украинофилов о замене народного имени «русин» термином «украинец».) Ужгород, 1934. С. 36, 12.

⁷⁶² Там же. С. 8–12.

народ должно называть таким именем, каким он сам себя называет...».⁷⁶³ Русофилы здесь имели в виду навязывание этнонима «украинец» малороссийскому населению, которое само продолжало называть себя «русским».

Вместе с тем, говоря о зарождении и развитии сепаратистского движения среди малороссов, многие русофильские публицисты вину за инициирование и поддержку этого процесса возлагали не только на австрийские власти, но и на часть великорусской интеллигенции, которая своей деструктивной деятельностью способствовала отчуждению малороссов и великороссов. «Споры о древности малороссов в Киевской области, о вопросе, кто создал первую русскую историю и литературу, обострившиеся в 1850-х годах, когда против Максимова и других малороссов выступили Срезневский, Лавровский и особенно Погодин, много содействовали стремлению отдалить как можно больше оба племени, — писал И. О. Панас. — Характерно, что именно великороссы указывали на различия между великороссами и малороссами, в то время как малороссы подчеркивали сходство обоих русских племен...».⁷⁶⁴

«Грехи Петербурга», способствовавшие эволюции малороссийского самосознания в неблагоприятном для общерусского единства направлении, подчеркивал и А. М. Волконский, упрекавший российские власти в неспособности дать свободу местному говору, что, по его мнению, привело к «обострению самостийных течений».⁷⁶⁵ Тем не менее главным фактором развития украинской идеологии, противостоящей идее общерусского единства, русофильские деятели считали политику австрийских властей в Восточной Галиции, которая, по мнению некоторых русофилов, была в мягкой форме и с некоторыми модификациями продолжена Прагой в отношении карпатских русинов.

Представители русофильской интеллигенции крайне негативно воспринимали любые проявления общественно-политической активности украинцев и болезненно реагировали на факты поддержки украинофилов со стороны чехословацких властей. Так, в 1921 г. союз подкарпатских студентов «Возрождение» в Праге направил правительству Чехословакии меморандум, в котором выражал протест против перенесения украинского университета из Вены в Прагу и призывал чехословацкие власти создать вместо этого русский университет.⁷⁶⁶

⁷⁶³ Панас И. К вопросу о русском национальном имени. (По поводу меморандума галицких украинофилов о замене народного имени «русин» термином «украинец».) Ужгород, 1934. С. 12.

⁷⁶⁴ Там же. С. 6–7.

⁷⁶⁵ Волконский А. М. В чем главная опасность? Малоросс или украинец? С. 3.

⁷⁶⁶ S ÚA, fond Předsednictvo Ministerské Rady (PMR), inv. č. 588, sign. 223, kart. č. 131. Jazyková otázka na Podkarpatské Rusi 1920–1938.

Активнейшее участие в полемике с украинцами принимали москвофилы Галиции, прекрасно информированные о развитии украинской идеологии на галицких землях и о роли австрийских и польских властей в этом процессе. В октябре 1926 г. орган галицких москвофилов львовский «Русский голос» опубликовал большую статью о патриархе украинской историографии и крупном украинском политике М. С. Грушевском, доказывая, что научные проекты Грушевского полностью соответствовали политическим интересам Австро-Венгрии и координировались из Вены. «М. С. Грушевский являлся учеником историка В. Б. Антоновича, поляка по происхождению, неумолимого врага русской державы. Кандидатура его на Львовскую кафедру была принята Веней и поляками по рекомендации последнего»,⁷⁶⁷ — писал «Русский голос». При поступлении на австрийскую службу в качестве профессора Львовского университета Грушевский «обязался проводить в жизнь заранее выработанную в Вене сложную политическую программу, имевшую в виду втянуть не только правобережную, но и левобережную Малороссию в сферу влияния придунайской монархии... Задачей миссии Грушевского во Львове являлась работа в трех направлениях: 1). Создать украинский литературный язык, возможно менее похожий на русский. 2). Переделать историю Малороссии так, чтобы она перестала быть частью истории русского народа. 3). Образовать ядро украинской интеллигенции с таким умонастроением, при котором она считала бы Россию «великою тюрьмою народов...».⁷⁶⁸ Москвофилы признавали, что Грушевский взялся за дело «с необычайным рвением» и за 20 лет своей деятельности во Львове сумел достичь «громданных результатов». Давая оценку научным изысканиям патриарха украинской историографии, «Русский голос» писал: «Вряд ли в исторической науке можно подыскать другой пример столь наглого и бессовестного извращения истории, какой представляют собою исторические труды М. С. Грушевского...».⁷⁶⁹

* * *

К украинофильскому направлению в Подкарпатской Руси относилась часть местного грекокатолического духовенства, а также левые политические партии в лице социал-демократов и коммунистов, которые, расходясь в политических вопросах, были едины в трактовке местного восточнославянского населения как части украинского народа.

⁷⁶⁷ Русский голос. 10 октября 1926. № 174.

⁷⁶⁸ Там же.

⁷⁶⁹ Там же.

Украинофильское течение среди русинов было намного моложе русофильского и, в отличие от русофилов, не могло опираться на традиционное русинское культурное наследие по причине его русофильского характера. Главным преимуществом украинофилов было их обращение к «естественному праву» и к очевидной близости карпатских русинских диалектов к украинскому языку, что позволяло считать русинские говоры частью украинского языка. В интерпретации украинских активистов в Подкарпатской Руси это означало в первую очередь «право народа на создание своей собственной литературы на родном наречии».⁷⁷⁰

Стремясь к историческому обоснованию украинофильских идей, представитель украинофилов филолог из Галиции В. Бирчак писал, что если русское направление подкарпатской литературы опирается на русофильские традиции будителей XIX века, то украинофилы продолжают традиции XVII и XVIII веков, когда среди русинов появились «произведения в основном религиозного характера, написанные на разговорном народном языке».⁷⁷¹ Начало противостояния русофилов и украинофилов Бирчак относил еще к 60-м годам XIX века, когда в карпаторусском журнале «Свет», издававшемся на карпаторусском «язычии» (т.е. на смешанном русско-церковнославянском языке) было опубликовано письмо в редакцию, автор которого под псевдонимом «верховинец» критиковал «непонятный» язык «Света» и требовал, чтобы журнал был написан «по-нашему».⁷⁷²

Если русофилы ссылались на авторитет профессора Ягича, настроенного критически по отношению к украинскому языку, то украинофилы постоянно апеллировали к мнению тех ученых-славистов, которые считали русинские говоры диалектом украинского языка. Этой точки зрения придерживались не только украинские филологи, но и авторитетные чешские слависты, включая академика Нидерле. Позиция украинофилов в известной степени отражала растущее осознание частью русинов своего языкового и этнического родства с украинцами, национальная идеология которых, однако, была абсолютно несовместима с традиционным русинским мировоззрением и системой ценностей.

В своей практической деятельности, направленной на «прививку» украинского самосознания русинскому населению, идеологи подкарпатских украинофилов стремились учитывать приверженность местного населения сложившемуся культурному наследию. Немедленное введение украинского фонетического алфавита, который значительно отличался от традици-

⁷⁷⁰ *Birčák V.* Dnešní stav podkarpatské literatury // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání... S. 193.

⁷⁷¹ *Ibidem.*

⁷⁷² *Ibidem.*

онного русинского, было проблематично. Осознавая это, более умеренная часть украинофилов прибегла к тактике постепенной украинизации местного населения с учетом его культурного своеобразия, что в целом нашло поддержку у чехословацких властей. Так, «Грамматика» для местных школ была написана филологом из Галиции Панькевичем, который, тем не менее, ориентировался на местные диалекты и использовал традиционный этимологический алфавит как более привычный для местного населения. Вместе с тем подкарпатские русины рассматривались Панькевичем и другими украинскими идеологами как этнографическая разновидность украинцев, своеобразия которой было продуктом как исторического развития, так и местных географических условий. «Подкарпатская Русь в этническом и языковом отношении является частью украинской языковой группы, дальше всего выступающей в юго-западном направлении, — писал И. Панькевич. — ... Историческое развитие выделило язык подкарпатских русинов в особую группу в славянской семье... Горная среда обитания всегда тормозила темпы языковых процессов... Язык подкарпатских русинов представляет собой один из диалектов украинского языка».⁷⁷³

«Грамматика» Панькевича, задуманная как промежуточный шаг и своего рода тактический маневр в процессе перехода к украинскому фонетическому алфавиту, достаточно успешно сыграла отведенную ей роль. Учебник, автором которого был другой влиятельный представитель украинофилов В. Бирчак, пытался перебросить мост от традиционных русинских к новым украинским ценностям, помещая в одном сборнике стихи убежденно-го русофила Духновича, отрицавшего существование украинского народа, и стихи украинских поэтов. Подобное соседство выглядело крайне неестественно и высмеивалось русофилами. Участники юбилейного собрания русофильского культурно-просветительского общества имени А. Духновича, состоявшегося в начале 1929 г. в Ужгороде, констатировали, что «все учительские конгрессы высказывались большинством за преподавание на литературном русском языке. Но ... создается поколение языковых, а значит, и культурно-национальных калек. Все это зависит от учебников, которые Министерство просвещения, вопреки целому ряду научных отзывов, указывающих на их полное несовершенство, все же нашло уместным не только рекомендовать, но признать единственными для преподавания. Возьмите «Читанку», составленную господином Бирчаком: там есть несколько стихов Духновича, ... а дальше украинские авторы с какими-то гетманами, Украинами и пр.»⁷⁷⁴ — иронизировали представители русофилов.

⁷⁷³ *Dr. Pankevič I.* Jazyková otázka v Podkarpatské Rusi // Podkarpatská Rus. Obraz poměrů přírodních, hospodářských, politických, církevních, jazykových a osvětových. S. 130–131.

⁷⁷⁴ Карпатский свет. 1929. № 5 (15). С. 615–616.

Одним из наиболее последовательных украинофилов из числа местных русинов — уроженцев Подкарпатя — был грекокатолический священник и глава народной партии Августин Волошин, проделавший сложную мировоззренческую эволюцию от яркого противника украинской идеи до убежденного сторонника украинской ориентации. С начала 1920-х гг. Волошин уже был активным украинофилом, хотя еще в 1909 г. он в весьма резких выражениях осуждал «страшную заразу украинизма»⁷⁷⁵ в Галиции. Причины столь радикальной смены ориентиров, судя по всему, заключались не только в национальном «пробуждении», в результате которого Волошин осознал себя украинцем, но и в конъюнктурных соображениях.

Органом местных народовцев-украинофилов была издаваемая Волошиным и украинофильским грекокатолическим духовенством Подкарпатя еженедельная газета «Свобода», которая первоначально использовала традиционное русинское «язычие» с ориентацией на местные диалекты, постепенно вводя все больше элементов украинского литературного языка. «Свобода», выступавшая с позиций воинствующего грекокатолицизма, настойчиво пропагандировала идею культурной и языковой особенности русинов от великороссов, одновременно проводя мысль о тождественности русинов и украинцев. Если русофилы исходили из существования единой общерусской культуры и единого русского народа в составе великороссов, малороссов и белорусов, то украинофилы изображали Россию исключительно в роли врага и всячески подчеркивали культурно-языковые различия между великороссами и малороссами, постепенно заменяя термин «малоросс» этнонимом «украинец».

«Мы не стремимся к какому-то панскому, но чужому нам змосковщениому язычию... Мы знаем, что история уже давно развела нас и великороссов и что объективная наука это признала, — писала «Свобода» в феврале 1923 г. — Царская централизованная политика России стремилась подчинить нашу культуру, остановить развитие нашего языка. Царская Россия о нас не заботилась. После 1849 г. она могла бы легко обеспечить нам народную свободу, но этого не сделала, так как это не служило целям централизации».⁷⁷⁶

Основной пафос волошиновской «Свободы» был направлен против русского литературного языка и его использования в Подкарпатской Руси; при этом всячески подчеркивалась чуждость и непонятность русского языка местному населению. Так, сообщая о заседании «Просветительского комитета» в Ужгороде в феврале 1923 г., на котором выступавшие говорили по-русски, «Свобода» заостряла внимание на том, что собравшиеся на засе-

⁷⁷⁵ Болдижар М. Закарпаття між двома світовими війнами: факти, події, люди, оцінки. Ужгород, 1996. С. 93.

⁷⁷⁶ Свобода. 18 февраля 1923. Число 6.

дание русины «не понимали ни единого слова» и требовали «толмача». «Мы не хотим украинизацию, но протестуем против того, чтобы «наши просветители» говорили по-московски»,⁷⁷⁷ — цитировала «Свобода» реплики участников мероприятия из числа местных жителей.

Сам А. Волошин часто выступал на страницах «Свободы» в роли публициста, пропагандируя украинские идеи и национальные символы среди русинов. «Сине-желтое знамя с давних пор было знаком нашей народной индивидуальности. ... Наш народ очень любит эти цвета. Синее небо и золотой колос — это радость и утеха для земледельца, — писал 13 декабря 1923 г. в одной из своих статей А. Волошин и тут же, проверяя собственное утверждение о «всенародной» любви к этим цветам, продолжал: — Нашлись большие, глупые или злые люди, которые против этого знака посмели выступить. ... При въезде нового губернатора ... *(речь идет о втором губернаторе Подкарпатской Руси А. Бескиде, который сменил на этом посту Г. Жатковича. — К. Ш.)* они разорвали наш флаг и даже свергли его в болото... То же самое сделали прихвостни реакции и в Мукачево».⁷⁷⁸

Стремясь всячески дискредитировать своих оппонентов-русофилов и все, связанное с Россией, украинофилы часто обвиняли русских в связях с мадьярами. «Ряд российских генералов, офицеров, отставных политиков ... получают периодическую финансовую поддержку от мадьярского правительства, — сообщала «Свобода» в июне 1923 г. — В Будапеште есть ... войсковая миссия генерала Врангеля, официально признанная мадьярским правительством. Эмигранты-монархисты из России находят теплый прием у мадьярской интеллигенции, особенно приближенной к урядовым кругам».⁷⁷⁹ Данные упреки украинофилов имели под собой определенные основания. Любопытно, что о теплом приеме, оказанном ему в Венгрии, вспоминал позднее А. И. Деникин. «Не раз в Венгрии мне пришлось встречаться с бывшими врагами, участниками войны ... и всегда эти встречи были искренно радостны. Особенно дружелюбное отношение проявили к нам офицеры ... 38-й гонведной дивизии, с которой судьба несколько раз столкнула на полях сражений Железную дивизию, — писал А. И. Деникин. — В Первой мировой войне сохранялись еще традиции старого боевого рыцарства...».⁷⁸⁰

Со временем язык «Свободы» становился ближе к нормам украинского литературного языка. Отдельные авторы, публиковавшиеся в «Свободе», среди которых был известный украинофил М. Брацайко, писали свои статьи на чистом украинском литературном языке. Наряду с этим «Свобода»

⁷⁷⁷ Свобода. 25 февраля 1923. Число 7.

⁷⁷⁸ Свобода. 13 декабря 1923. Число 48.

⁷⁷⁹ Свобода. 6 июня 1923. Число 21.

⁷⁸⁰ Деникин А. И. Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953. С. 339.

все более последовательно и открыто заявляет об «украинскости» карпатских русинов. «Мы, русины, племя малорусское, которое сейчас называется украинским, — просвещала «Свобода» своих читателей в 1929 г. — ... Царизм при помощи всего административного аппарата и преследований ... не смог русифицировать русинов-украинцев на Украине. В еще меньшей степени это может получиться у некоторых наших русификаторских обществ».⁷⁸¹ Объектом постоянных нападок «Свободы» были русофилы восточной Словакии. Печатный орган партии Волошина часто обвинял «кацапов Пряшевщины» в приверженности «духу цареславного православия»⁷⁸² и в незнании истории и литературы своего народа.

Лагерь украинофилов был неоднороден. Наряду с более умеренными грекокатолическими кругами во главе с Волошиным, которые не желали сразу рвать с традиционным русинским «язычием» и этимологическим письмом, склоняясь к постепенному распространению украинской идентичности среди местного населения, существовали радикальные украинофилы в лице коммунистов, которые выступали за немедленное введение украинского литературного языка. Именно коммунистические газеты были одними из первых в русинском культурном пространстве, отказавшимися от традиционного этимологического письма и ставшими использовать украинский фонетический алфавит.⁷⁸³ «Весь украинский народ пишет фонетикой (т. е. так, как говорят) ... Сохранение этимологии отделяет нас от всего украинского народа, — писала «Карпатська правда» в январе 1927 г. — Это нужно не нам, а чешской буржуазии, которая хочет нас изолировать и чехизировать».⁷⁸⁴ Кроме того, коммунисты уже в 1920-е гг. постоянно употребляли термин «Закарпатская Украина» вместо общепринятого тогда названия «Подкарпатская Русь».

Более последовательная в своей «украинскости» коммунистическая «Карпатська правда», с середины 1920-х гг. издававшаяся на литературном украинском языке, обвиняла Волошина и прочих «попов» в недостаточно четкой национальной ориентации, а также в прислуживании «чехизаторам» и «русификаторам». «Попы-народовцы из «Свободы» выслуживаются перед чехизаторами. Утверждение, что принципом «Свободы» является писать чистым народным языком — неправда, — заявляла «Карпатська правда». — Читайте «Свободу», и вы найдете там ... массу церковнославянизмов, словакизмов, чехизмов и русизмов. ... Придерживаясь этимологии, сам Волошин

⁷⁸¹ Свобода. 21 февраля 1929. Число 8.

⁷⁸² Свобода. 29 августа 1929. Число 35.

⁷⁸³ Штець М. Борьба за литературную мову українців Східної Словаччини у 1919–1945 рр. // Oktober a ukrajinská kultura. Prešov, 1968. S. 284.

⁷⁸⁴ Карпатська правда. 2 січня (января) 1927. Число 1.

поддерживает тех ... реакционеров, которые до сих пор мечтают о единой неделимой матушке-России. Наша этимология не отличает нас от российской этимологии, на которой держится вся российская реакция. Тем самым Волошин и иже с ним поддерживают и оправдывают не только чехизаторские, но и русификаторские эксперименты...».⁷⁸⁵

Обвинения коммунистов в адрес волошинцев в поддержке «русификаторов» были явно незаслуженными, поскольку враждебное отношение к русскому языку и культуре было примерно в равной степени присуще как коммунистическим, так и грекокатолическим украинофилам. Презрительные эпитеты «русопяты», «реакционеры», «кацапы», «москальчуки» и пр., употреблявшиеся в качестве синонимов, нередко появлялись как на страницах грекокатолической «Свободы», так и коммунистической «Карпатської правды». Однако даже наиболее последовательные сторонники украинской ориентации в лице коммунистов были вынуждены фактически признать, что украинский литературный язык не был полностью понятен подкарпатским русинам. Так, украинские названия месяцев и некоторые другие непонятные русинам украинские слова редакции «Карпатської правды» дублировала в скобках традиционными русинскими названиями, приучая русинов к литературному украинскому языку.

Обвиняя русофильское направление в стремлении «русифицировать» Подкарпатье, коммунисты вместе с тем утверждали, что введение плохо понятного местному населению русского языка способствует политике чехизации Подкарпатской Руси. «Русификация помогает, а украинизация препятствует чехизации»,⁷⁸⁶ — писала «Карпатська правда». В свою очередь, представители русофилов указывали на то, что введение в Подкарпатской Руси украинского языка, находящегося в стадии становления и не имеющего за собой, в отличие от русского языка, глубокой, стабильной и богатой литературной традиции, облегчает чешским властям денационализацию карпатских русинов.

В поэтической форме суть воззрений русинских украинофилов эмоционально выразил один из первых украиноязычных поэтов Подкарпаття Василь Гренджа-Донський, который в своем стихотворении «Мы украинцы», написанном в 1927 г., с гордостью провозглашал «украинскость» карпатских русинов:

*Чи ми є, ми не ганьбимся,
Знайте: ось чий ми сини:
Ми українцями зevamoся!
А не «руснацькі русини».*

⁷⁸⁵ Карпатська правда. 2 січня (января) 1927. Число 1

⁷⁸⁶ Карпатська правда. 21 липня (юлій). 1929. Число 7.

Мировоззренческое противоборство русофилов и украинофилов затронуло и многочисленную русинскую диаспору в Северной Америке. Активным и убежденным противником украинофилов и украинской пропаганды был популярный среди американских русинов «Американский Русский Вестник», орган влиятельного «Соединения Грекокатолических Русских Братств». «Здесь украинские газеты тенденциозно называют нас прикарпатскими украинцами, а нашу родную землю «Прикарпатской Украиной». Мы очень хорошо знаем те не столь давние времена, когда все нынешние украинцы назывались галицийскими руснаками и понятия не имели о том, что значит слово украинец, — с иронией писал «Американский Русский Вестник» в феврале 1930 г. — Мы знаем, что украинизм есть творение немецкой политики, которая не хотела, чтобы подкарпатский и галицийский русский народ объединился и... добился свободной национальной жизни. Немецкая политика и гроши сотворили в Галиции украинизм на стыд и поругание русского народа».⁷⁸⁷

Касаясь собственной позиции в полемике русофилов и украинофилов, «Вестник» подчеркивал, что «газета наша, как орган нашей русской организации, всегда будет на страже и...энергично выступит против тех, кто ... против воли народа нашего переменить бы хотел наше честное русское имя... Мы русский народ, ... наш язык русский, наша культура, наш дух, наши традиции суть русские... Есть среди нашего народа в старом краю несколько украинских авантюристов... Волошин, Брацайко и их компания могут быть уверены, что рак украинизма никогда не расширится на теле русского народа... Мы русские люди ... и сие наше имя никогда не изменим на украинцев».⁷⁸⁸

* * *

В своем соперничестве с русофилами украинофилы опирались на благоприятное отношение и поддержку со стороны официальных кругов. Открытая поддержка украинофилов чехословацкими властями проявилась в их отношении к русофильскому обществу имени А. Духновича и к украинофильскому обществу «Просвита». В 1930 г. правительство Чехословакии выделило «Просвите», оказавшейся в тяжелом финансовом положении, один миллион крон помощи. Комментируя этот факт, «Народная газета» утверждала, что без правительственной поддержки украинцы в Подкарпатской Руси не имели бы никаких шансов на выживание. «Удивляемся, почему че-

⁷⁸⁷ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. February 27, 1930. №9.

⁷⁸⁸ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. August 29, 1929. №34.

хословацкое правительство не предоставит украинцев своей судьбе, — говорилось в заметке с характерным названием «Бальзамирование трупа», опубликованной в «Народной газете», — без его помощи давно бы об украинцах на Подкарпатской Руси не было бы и помину. Поведение правительства, поскольку оно не проявляет равной щедрости по отношению к русскому культурно-просветительскому обществу «Александр Духнович», не может рассматриваться иначе как пристрастие к украинизму».⁷⁸⁹ О щедрой материальной помощи чехословацкого государства «Просвите» с самого начала ее деятельности с благодарностью писал И. Панькевич.⁷⁹⁰

В отличие от украинофильской «Просвиты», созданное в противовес ей русофильское общество имени А. Духновича пользовалось гораздо меньшей материальной поддержкой чехословацких официальных кругов. Примечательно, что в начале 1920-х гг. президент Масарик передал на нужды общества «Просвита» 100000 крон, в то время как общество имени Духновича получило от него всего 50000, т.е. в два раза меньшую сумму.⁷⁹¹ Заинтересованность Масарика в материальной поддержке «Просвиты» проявилась с самого начала ее создания. Так, в документе, направленном чехословацкому правительству в мае 1921 г. сразу после отставки Г. Жатковича с поста губернатора Подкарпатской Руси, Масарик указывал на необходимость материальной помощи «Просвите». В этом же документе Масарик писал, что «Просвита» уже получила от правительства 25000 крон, но ей необходимо 200000.⁷⁹²

Русофилы, почувствовав в «Просвите» идейного оппонента, с самого начала воспринимали ее деятельность как попытку украинизации русинского населения. «Товарищество «Просвета» есть не культурное общество, а политическое, посредством которого украинствующие Брацайки, Волошины ... хотят построить «самостийну Украину» на нашей русской земле, — комментировала в январе 1923 г. цели «Просвиты» прешовская газета «Русь». — ... Панове «украинцы»! Не забывайте, что вы уже не в Австрии... Лучшее всего будет, если вы поставите крест на «Питкарпатську Украину» и вернетесь назад до Галиции...».⁷⁹³

Несмотря на преференции украинофилам со стороны Праги, русофильское общество имени Духновича, основанное в 1923 г., в целом пользовалось значительно большей поддержкой среди местного русинского

⁷⁸⁹ Народная газета. 1930. №3.

⁷⁹⁰ Dr. Pankevič I. Spolek «Prosvita» v Užhorodě // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání... S. 300.

⁷⁹¹ Карпатский свет. 1930. №№1–2. С. 772.

⁷⁹² AŮTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1922, krabice 401.

⁷⁹³ Русь. Пряшев, дня 4 января 1923. Год III.

населения, чем украинофильское общество «Просвита». Так, в середине 1930-х гг. общество «Духнович» имело 315 общественных читален и насчитывало 21000 постоянных членов, в то время как в распоряжении «Просвиты» было 223 читальни и около 15000 членов.⁷⁹⁴ Однако данные цифры свидетельствуют одновременно и о колоссальном прогрессе украинофильского течения, учитывая, что изначально украинская самоидентификация была практически неизвестна местному русинскому населению. Сильной стороной украинофилов, привлекавшей к ним симпатии социально активных слоев населения, в первую очередь молодежи, было их внимание к насущным социально-экономическим вопросам, особенно актуальным в Подкарпатской Руси.

Рост украинского культурного влияния был тесно связан не только с деятельностью украинофильской части грекокатолического духовенства, но и с усилением местных коммунистов, являвшихся самой популярной партией в Подкарпатской Руси, население которой страдало от многочисленных социально-экономических проблем. С середины 1920-х гг. местные коммунисты, подчиняясь партийной дисциплине (в соответствии с решениями международного коммунистического движения все русины были признаны украинцами), стали сторонниками украинского направления и одними из первых приступили к изданию своих периодических изданий на украинском литературном языке. Если галицкие эмигранты в своей украинизаторской деятельности опирались на поддержку государственных структур Чехословакии и на помощь из соседней Галиции, то проукраинская пропаганда коммунистов поддерживалась всей мощью международного коммунистического движения во главе с СССР. Власти Советской Украины, где в то время также проходила кампания украинизации, принимали самое деятельное участие в разработке и реализации механизма украинизации русинского населения Подкарпатя.

В январе 1926 г. на совещании представителей компартии Украины, галицкой краевой организации компартии Польши и подкарпаторусского комитета компартии Чехословакии обсуждался вопрос украинизации русинов и активизации коммунистического движения в Карпатском регионе с последующим присоединением Галиции и Подкарпатской Руси к Советской Украине. В ходе совещания «было принято решение о том, что Украина будет нелегально, по линии Коминтерна, обучать в Харьковском коммунистическом университете имени Артема русинов-коммунистов украинскому языку и методам нелегальной коммунистической деятельности. Одновременно компартия Украины будет финансировать двуязычную газету «Карпатская

⁷⁹⁴ См.: *Dr. Nedzelskij E.* Spolek A. V. Duchnovyče; *Dr. Pankevč I.* Spolek «Prosvita» v Užhorodě // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání... S. 298–300.

правда» (издаваемую на венгерском и русинском языках), но с непреложным условием, чтобы в дальнейшем эта газета издавалась только на украинском языке. Поскольку в Подкарпатской Руси не было среди местного населения человека, который бы знал украинский язык и справился бы с должностью редактора украиноязычной газеты, то из Галичины в Ужгород был направлен галичанин-коммунист О. Бодан.⁷⁹⁵

Нарком просвещения и один из главных идеологов кампании украинизации в УССР М. Скрипник был удовлетворен украинизаторской деятельностью коммунистов в Подкарпатской Руси. В своей статье в журнале «Знамя марксизма» в 1928 г. Скрипник несколько поспешно констатировал «полный переворот взглядов» местного населения, которое, по его словам, «возродилось» и стало действительно «осознавать себя украинским».⁷⁹⁶ В своей статье Скрипник отводил коммунистам ведущую роль в украинизации Подкарпатя, с удовлетворением отмечая, что в национальном вопросе компартия заставила пойти за собой не только социал-демократов, но и некоторые москвофильские и клерикальные организации. Примечательно, что в своей статье Скрипник с видимым удовольствием цитировал клерикальную грекокатолическую «Свободу» А. Волошина, в которой один из ее читателей подчеркивал необходимость принятия фонетического украинского правописания и борьбы с «москализмами» в языке. Именно этот пассаж из «Свободы» пришелся по вкусу идейному вождю украинских коммунистов и вдохновителю кампании украинизации в УССР.⁷⁹⁷

Украинофилы Подкарпатя, таким образом, располагали несравнимо большими материальными ресурсами, чем русофилы, опираясь не только на галицких эмигрантов, поддерживаемых чехословацкими властями, но и на мощное коммунистическое движение во главе с СССР. Поддержка украинофилов Подкарпатя со стороны советских властей резко критиковалась русофилами. «Выходит на Подкарпатской Руси коммунистическая газета «Карпатская правда», которая до 1924 г. печаталась по-русски, но позже из Харькова было получено приказание печатать ее по-украински, — писал «Карпаторусский голос». — Эту газету никто не читает, ... между обывателями из-за украинского языка она не находит отзыва. Мы удивляемся, что на советские деньги на Подкарпатской Руси ведется украинская политика...».⁷⁹⁸ По иронии судьбы, Россия, к которой постоянно апеллировали русинские русофилы, трансформировавшись в СССР, энергично содействовала искоре-

⁷⁹⁵ *Годьмаш П., Годьмаш С.* Указ. соч. С. 86.

⁷⁹⁶ *Скрипник М.* Національне відродження в сучасних капіталістичних державах на прикладі Закарпатської України // Прапор марксизму. 1928. № 1 (2). С. 230.

⁷⁹⁷ Там же. С. 219.

⁷⁹⁸ Карпаторусский голос. 18 января 1933. № 12.

нению традиционного русофильского самосознания русинов и его замене на украинское.

Русинские деятели вообще обращались к теме СССР довольно часто и, как правило, в очень критическом ключе. За исключением коммунистической «Карпатской правды», освещавшей все происходящее в Советском Союзе только в розовых тонах, остальная русинская пресса была настроена в отношении к СССР крайне негативно. Объектом критики была не только национальная политика в СССР, составной частью которой являлась кампания украинизации в УССР в 1920-е гг., но и советская идеология в целом, а также социально-экономический курс советского руководства.

«Одна шестая часть земной суши, занятая еще недавно Российским государством, в настоящее время носит название... «СССР». Но произошла не только перемена в названии, а произошла коренная перемена в сущности..., во всех отношениях общественной жизни и быте народном, — писал «Карпаторусский голос». — В настоящее время над русским народом ... производится опыт наподобие опытов над животными, производимых в медицине и носящих там название «вивисекции». Опыт, проводимый чуждому народу людьми..., опыт бесконечно тягостный... 14 лет происходит этот опыт, и 14 лет тягчайшие страдания испытывает русский народ под игом коммунистов».⁷⁹⁹

Особое неприятие русинских публицистов вызывала крестьянская политика Москвы. «В России коммунисты обещали селянству землю, но когда пришли к власти, забрали самые лучшие владения в свои руки и сделали из них государственные хозяйства (совхозы), которыми управляют комиссары и относятся к селянству хуже, чем прежние помещики»,⁸⁰⁰ — писал в январе 1926 г. орган республиканской земледельческой партии в Подкарпатской Руси «Карпаторусский вестник». «Коммунистическая партия ... есть коренным неприятелем земледельца, ей нужно его большинство и его сила только для приобретения власти, — утверждал «Карпаторусский вестник», критикуя СССР и одновременно полемизируя с местными коммунистами. — Как только коммунистическая партия этой власти достигает (например, в России), то она уже не нуждается в мирном селянском обывателе ... и начинает его ужасно притеснять, дерет из села 20 шкур для того, чтобы насытить и обогатить свою лингарско-жидовскую армию и своих городских агитаторов».⁸⁰¹

Русинская пресса очень подробно информировала о негативном опыте тех, кто побывал в Советском Союзе. «На днях возвращается из России коло-

⁷⁹⁹ Карпаторусский голос. 1 мая 1932. № 1.

⁸⁰⁰ Карпаторусский вестник. 7 января 1926. № 2.

⁸⁰¹ Карпаторусский вестник. 12 февраля 1926. № 7.

ния из 30 коммунистических семей из Годонина..., которые в прошлом году уехали в «советский рай» искать лучшую долю, — говорилось в заметке «Горькое возвращение колонистов из коммунистического рая». — Большевики сделали своим лингарско-жидовским управлением в России полный развал всей экономической жизни. Селянству живется в России хуже, чем во всех других странах...».⁸⁰² Русинская пресса пристально следила за внутривосточной обстановкой в СССР, особенно выделяя примеры сопротивления населения властям. Так, 3 января 1933 г. «Карпаторусский голос» со ссылкой на консульское донесение из Ростова-на-Дону сообщил о крупном антисоветском восстании кубанских казаков у станции Тихорецкая, которое было подавлено, участники казнены, а 18000 местных жителей были высланы на север.⁸⁰³

Крайне негативно русинские деятели отзывались о кампании украинизации, которая активно проводилась властями Советской Украины в 1920-е гг. Особую критику русинов вызывали насильственный и жесткий административный характер украинизации, а также личность одного из главных советских «украинизаторов» Л. М. Кагановича. Сворачивание украинизации в начале 1930-х гг. было положительно воспринято общественным мнением Подкарпатской Руси, в то время как украинская пресса Галиции с возмущением отреагировала на данный поворот в политике Кремля по отношению к УССР. Издававшаяся во Львове газета «Вперед», орган украинской социал-демократической партии, реагируя на смерть главного идеолога советской украинизации Скрипника, обвиняла Москву в окончательном переходе на позиции «собирателя русских земель» и в полной утрате интереса к «игре в украинскую государственность», и без того предназначенной главным образом «на экспорт».⁸⁰⁴ Негодуя по поводу «русотяпского курса московского центра», украинская пресса в Галиции связывала со смертью Скрипника начало «беспощадного похода московского империализма на Украину» и клеймила «харьковских русотяпов» за то, что «жертвами их террора» были в основном работавшие или учившиеся в УССР выходцы из Галиции и Волыни.⁸⁰⁵

Со временем русофилы были вынуждены признать рост популярности украинофилов в Подкарпатской Руси. В 1931 г. орган общества им. Духновича «Карпатский свет» заявлял, что «если принять во внимание исключительную материальную и моральную поддержку украинского движения со стороны некоторых высших инстанций, то можно сказать, что попытка украинизации потерпела полное поражение». Но одновременно с этим «Карпатский свет» выражал сожаление в связи с тем, что все должности

⁸⁰² Карпаторусский вестник. 5 марта 1926. № 10.

⁸⁰³ Карпаторусский голос. 3 января 1933. № 2.

⁸⁰⁴ Вперед. Львів, серпень 1933. Число 3.

⁸⁰⁵ Там же.

в сфере народного образования всецело находятся «в руках украинствующих; реальная гимназия, учительская семинария в Ужгороде воспитывают исключительно в украинском духе; кроме того и в других средних школах имеются преподаватели украинского направления, не желающие подчиняться воле большинства... Поощрение украинизации школы и населения... затронуло уже наше семейное благополучие. Дети восстают на родителей ... Русские учителя! Мы призываем Вас вводить русские учебники и обучать по ним детей..., — взывал «Карпатский свет». — Господа редакторы! ... Русские люди! Вы сами должны стремиться придать Вашим городам и селам русский вид... Братья Чехи и Словаки! Мы надеемся, что Вы признаете законность наших требований».⁸⁰⁶ Это эмоциональное обращение, в котором отчетливо проступали нотки отчаяния, было фактическим признанием успехов украинофилов, противоречившим предыдущему утверждению о полном банкротстве украинского движения.

Противостояние русофилов и украинофилов временами выходило за рамки идеологических дискуссий и газетной полемики, принимая форму открытого террора против оппонентов. Особую склонность к подобному методу выяснения отношений демонстрировали галицкие национальные радикалы. Так, 1 июня 1930 г. во время празднования «Дня русской культуры» в ужгородском театре студент Ф. Тацинец, идеологически «обработанный» и подготовленный галицкой политэмигранткой Ст. Новакивской, преподававшей в ужгородской гимназии, открыл стрельбу из револьвера по профессору той же гимназии престарелому о. Е. Сабову. Покушение на Е. Сабова, видного представителя русофильской интеллигенции и автора русофильской грамматики, оказалось неудачным, поскольку террорист от волнения в спешке не смог попасть в свою жертву. На суде «Новакивская признала, что с помощью теракта думала поднять в русинах Подкарпатской Руси националистическое движение против русификации украинского Подкарпатя. В итоге теракт только усилил в Подкарпатской Руси антигалицкий синдром».⁸⁰⁷ Представители украинофилов как из грекокатолического, так и из коммунистического лагеря стремились возложить вину за происшедшее на русофилов. «Покушение, совершенное Тацинцом 1 июня 1930 г., ... все еще не полностью расследовано... Ясно только то, что провокации, которыми организаторы съезда духновичевцев оскорбляли наше народное направление ... стали главной причиной, вызвавшей нервозность с обеих сторон»,⁸⁰⁸ — писала волошиновская «Свобода».

⁸⁰⁶ Карпатский свет. 1931. №№ 5–6–7. С. 1208–1209.

⁸⁰⁷ Годьмаш П., Годьмаш С. Указ. соч. С. 87.

⁸⁰⁸ Свобода. 12 июня 1930. Число 24.

Тон комментариев коммунистической «Карпатской правды» также свидетельствовал о полном отсутствии симпатий к жертве преступления. «Арестованный Тацинец заявил в полиции, что он хотел убить Сабова как представителя русофильского направления и как главу общества имени Духновича, поскольку считает, что это политическое направление (т.е. москвофиль) вредит развитию украинского народа в Закарпатье, — писала «Карпатська правда» в статье под названием «Неудачная попытка убить попа Сабова». — ... Мы относимся к данному случаю со всей серьезностью и объясняем происшедшее с нашей пролетарской точки зрения. ... Внимание привлекает не сам факт неудачного покушения на Сабова, а политическая почва, на которой вырос данный выстрел».⁸⁰⁹

Попытка убийства Сабова вызвала гневную реакцию русинской общности в Северной Америке. «Покушение украинского студента на жизнь архидьякона Е. Сабова. Выпущенная пуля потеряла цель и не ранила самого большого патриота Подкарпатской Руси. Разъяренный русский народ хотел линчевать взбесившегося украинского убийцу. ... Патер Волошин в великом страхе скрывается от гнева народа» — под такими заголовками сообщал своим читателям о трагическом происшествии в Ужгороде «Американский Русский Вестник», особенно подчеркивавший, что Волошин был вынужден признать Тацинца своим воспитанником и допустить существование в Подкарпатской Руси тайной украинской организации под названием «Меч и кровь».⁸¹⁰ Позже, информируя своих читателей о том, что Тацинец был признан виновным в покушении на жизнь Сабова и получил три года тюрьмы, «Американский Русский Вестник» выражал сожаление по поводу невозможности привлечь к ответственности и наказать украинских редакторов. По словам «Вестника», украинские журналисты «своими дикими писаниями создают атмосферу покушений и полагают, что за стрельбу в стариков русского убеждения надо давать еще награду».⁸¹¹

Развитие событий в Подкарпатской Руси оказывало самое непосредственное воздействие на положение в восточной Словакии. Рост украинского влияния в Подкарпатской Руси вызывал растущую тревогу у местной русинской интеллигенции. В отличие от русинов Подкарпатя, которые управлялись непосредственно из Праги, словацкие русины зависели от местных словацких властей, которые, опасаясь потенциальной угрозы украинского сепаратизма, не поддерживали украинофилов. Соперничество русофилов и украинофилов в восточной Словакии протекало поэтому в более естественных условиях.

⁸⁰⁹ Невдала спроба вбити попа Сабова // Карпатська правда. 8 червня (юнія) 1930. Число 22.

⁸¹⁰ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. June 26, 1930. № 26.

⁸¹¹ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. April 16, 1931. № 16.

С тревогой наблюдая за успехами украинского движения в Подкарпатской Руси, русинская интеллигенция в Словакии образовала единый и монолитный антиукраинский фронт, активно препятствуя украинской пропаганде и противодействуя назначению украинофилов на ведущие посты в области образования и культуры. Словацкие власти, информируя чехословацкий кабинет министров о съезде общества грекокатолических учителей Прешовской епархии, состоявшемся 16 апреля 1931 г. в Прешове, сообщали о том, что «участники съезда единодушно высказались против «украинизма» и выслали делегацию к епископу Гойдичу с требованием общества грекокатолических учителей сместить с должностей нескольких влиятельных украинофилов».⁸¹² Среди лиц проукраинской ориентации, вызывавших особое недовольство русинских учителей восточной Словакии, были названы директор местного учительского института М. Мачевич, профессор учительского института Е. Андрейкович, а также Д. Зубрицкий, Й. Дюлай и Е. Бихари.⁸¹³

Почти каждый номер местной «Народной газеты» содержал ярко выраженные антиукраинские полемические материалы, которые изображали украинское направление в роли злейшего врага России, славян и Чехословакии. Русская Народная партия Словакии, издававшая «Народную газету», активно использовала антиукраинскую пропаганду во внутривосточной борьбе и была одной из самых популярных партий среди восточнословацких русинов. «Настало время и для нас, карпатороссов, подводить итоги достигнутому за старый год, — писала «Народная газета» 4 января 1929 г. — Уничтожено сектанство. Враги ... старались нас поделить на «руснаков», «руссинов», «украинцев» и «москалей»..., но и на этом грязном поле наш народ вышел с победой... Выиграны выборы — насколько важны окружные и краевые выборы, каждый знает. Тут наш народ проявил изумительную стойкость и, несмотря на происки врагов, держался при своей Русской Народной партии. Теперь в каждом округе и в краевом заступительстве в лице доктора К. П. Мачика и учителя М. Жатковича будем иметь своих защитников. Эти выборы принесли нам пользу ту, — подчеркивала «Народная газета», — что убит змеиный зародыш украинства и латинизации».⁸¹⁴

Корреспондент «Американского Русского Вестника», побывавший в конце 1930 г. в культурном центре словацких русинов г. Прешов, с удовлетворением отмечал национальную стойкость местных русинов и под-

⁸¹² SÚA, fond PMR, inv. č. 654, sign. 294, kart. č. 150. Úprava národných a politických poměrů na Rusí a Slovensku

⁸¹³ Ibidem.

⁸¹⁴ Народная газета. 1929. №1.

черкивал, что «Пряшев есть и будет русским, а не словацким центром».⁸¹⁵ По словам «Вестника», главную роль в сохранении и «процветании русскости» в Прешове играли местные «русские вожди» и «русские профессора», надлежащим образом воспитывавшие русскую молодежь.⁸¹⁶ Полный провал попыток украинской пропаганды в северо-восточной Словакии был поэтому вполне закономерен.

В 1930 г. небольшая группа интеллектуалов — украинофилов во главе с Д. Зубрицким — основала в Прешове местное отделение украинофильского общества «Просвита». Однако все попытки основать отделения «Просвиты» в русинских селах восточной Словакии потерпели неудачу, и «зарождавшееся украинское движение не смогло получить развития».⁸¹⁷ Д. Зубрицкий сразу после начала своей деятельности в Словакии оказался в числе тех украинофилов, которые вызывали особое недовольство местной русинской интеллигенции. Съезд общества грекокатолических учителей в Прешове в апреле 1931 г. потребовал смещения Зубрицкого и других видных украинофилов с занимаемых должностей. В известной степени нишу украинофилов в восточной Словакии заняло русинское течение, которое подчеркивало важность местных особенностей активнее, чем русофилы, не отрицая в то же время традиционного культурного наследия русинов.

* * *

Хотя идеологический и культурный облик украинского движения был неприемлем для русофилов, апелляция украинофилов к «естественному праву» и к очевидной близости карпатских диалектов и украинского литературного языка была сильным аргументом, который оказывал заметное влияние на позиции русофильской интеллигенции. В свою очередь, русофилы также стремились в большей степени учитывать местные особенности. Ключевая идея русинских будителей XIX в. о принадлежности русинов к единому русскому народу претерпела в это время некоторые изменения. Во время мадьярского господства, когда национальная жизнь русинов была сильно ограничена, наивная романтическая русофилия вполне соответствовала духовным запросам русинского населения. Кроме того, само существование могучей Российской империи с высокоразвитой культурой выступало в роли естественного ориентира для русинов. Несравнимо большая идеологическая и культурная свобода в рамках Чехословакии, а также

⁸¹⁵ Amerikansky Rusky Viestnik. Homestead, PA. January 15, 1931. № 3.

⁸¹⁶ Ibidem.

⁸¹⁷ Magosci P. R. The Rusyns-Ukrainians of Czechoslovakia. P. 43.

возросшие коммуникация и социальная мобильность населения сделали затруднительным сохранение всех старых догм в прежнем виде, тем более что на месте идеализировавшейся русинскими будителями России возник идеологически чуждый СССР. Архаичная и в определенной степени искусственная «высокая культура» русинских будителей XIX в. с их консервативной фразеологией и ориентацией на церковнославянский и русский литературный языки вступала в противоречие с растущим влиянием народной «низкой культуры». Это было особенно заметно в сфере образования, где потребность преподавания на понятном широкому массам языке становилась все острее. Кроме того, традиционный объект поклонения русинской интеллигенции в виде России перестал существовать, превратившись в культурно чуждый коммунистический СССР, поддерживавший идею о русинах как о части украинцев.

Под давлением обстоятельств и для сохранения своего влияния на население русофилы были вынуждены учитывать существующие языковые реалии и вносить изменения в свой литературный язык, малопонятный простым русинским крестьянам, приближая его русинским говорам за счет более активного использования местных диалектизмов. Постепенное осознание различий между «собственно русскими» и карпатскими русинами со стороны русофилов проявлялось в том, что часть русофильской интеллигенции стала все последовательнее отделять русских в России от «русских» в Подкарпатской Руси и восточной Словакии. Так, один из лидеров русофильского течения С. Фенцик называл русских «старшими братьями», а многие русофилы все последовательнее использовали этноним «карпаторусские» по отношению к местному населению,⁸¹⁸ имея в виду прежде всего этнокультурные и языковые отличия между русскими и карпатскими русинами.

Е. Сабов, другой влиятельный представитель русофильского течения, отражая определенные сдвиги и противоречия в среде русофильской интеллигенции, писал, что «наш народ признает свою принадлежность к тому же племени, что и русские, но для нас наиболее важен наш язык... Нам не нужен ни русский, ни украинский языки, наоборот, нам нужен наш собственный язык также и в прессе. Наш народ ориентирован русофильски, не украинофильски. Если показать нашим людям русскую книгу, они встретят там незнакомые слова. Но если показать им украинскую книгу, то они даже не станут ее читать, они скажут: «Это на польском...».⁸¹⁹ Декларируя принадлежность карпатских русинов к тому же «племени», что и русские, Сабов в то же время высказывался за использование «собственного языка»

⁸¹⁸ Карпатский свет. 1930. №№ 1–2. С. 770.

⁸¹⁹ Sabov E. Literární jazyk Podkarpatské Rusi // Podkarpatská Rus. Obraz poměří přírodních, hospodářských, politických, církevních, jazykových a osvětových. Praha, 1923. S. 127–128.

в прессе. Даже самые убежденные сторонники русофильской ориентации на страницах «Народной газеты», издававшейся в Словакии, вопреки своим постоянным декларациям об общерусском единстве, часто предпочитали называть местное население «карпаторусами» и прибегать к использованию местного диалекта, тем самым косвенно признавая отличие местного населения от «настоящих русских».

Примечательно, что «Народная газета» периодически выражала сожаление в связи с плохим знанием русского литературного языка местной интеллигенцией и настойчиво пропагандировала русский литературный язык среди русинов. «Сколько времени и энергии израсходовано на борьбу за родной русский язык в Подкарпатской Руси..., а все напрасно: дело не только не пошло вперед, но, наоборот, пошло назад»,⁸²⁰ — сожалел русофильский публицист. В одной из редакционных статей «Народной газеты» говорилось, что «многие из культурных представителей нашего народа заняли по отношению к русскому языку отрицательную позицию только потому, что они этого языка не знают... Занимая враждебную или, в лучшем случае, безразличную позицию по отношению к русскому языку, многие наши интеллигенты мешают возможности проникновения настоящего русского языка в народные массы. Мы в каждом номере «Народной газеты» будем помещать популярные лекции русского языка, размещая материал таким образом, что из газеты можно будет вырезать отдельные части, из которых составится впоследствии целая книга-учебник... Наступает такое время, когда применяемые до сих пор средства борьбы за русский язык ... являются недостаточными и когда необходимо перестать петь песни, а бороться со злом реально».⁸²¹ Активизация русофилов восточной Словакии, ставших пропагандировать русский язык и русскую литературу еще более энергично, в известной мере была реакцией на заметные успехи украинофилов в соседней Подкарпатской Руси.

Русофилы были вынуждены идти на уступки местным культурным и языковым особенностям, поскольку это было необходимым условием усиления своего влияния на местное население и более эффективного противостояния украинофилам. Ориентация на местные особенности постепенно обусловила появление третьего, собственно русинофильского течения, которое трактовало русинов не как часть русских или украинцев, а как отдельный восточнославянский народ. В наиболее яркой форме русинское течение проявило себя в северо-восточной Словакии. Зарождение русинского течения происходило главным образом в рамках русофилов и было

⁸²⁰ Народная газета. 1926. №19.

⁸²¹ Там же.

представлено русинским грекокатолическим духовенством восточной Словакии. Формирование русинского течения опиралось на определенную традицию. Первые подобные тенденции проявились уже во второй половине XIX в., когда венгерские власти, стремясь создать противовес русофильству русинских будителей, всячески культивировали локальный патриотизм и местные особенности.

В условиях межвоенной Чехословакии русинское течение явилось реакцией на новую ситуацию, когда, с одной стороны, происходило осознание серьезных различий между русинами и русскими местной русофильской интеллигенцией, а с другой стороны, проявлялось ее острое нежелание отказаться от традиционной системы ценностей и заменить ее чуждым ей мировоззрением украинофилов. Представители русинского течения предложили свой оригинальный ответ на принципиальный вопрос о том, кем же являются русины, вызывавший яростные споры русофилов и украинофилов. По мнению лидеров русинского течения, русины являлись отдельным восточнославянским народом, отличным и от украинцев, и от русских. Главным выразителем подобных взглядов являлась Прешовская грекокатолическая епархия во главе с епископом П. Гойдичем.

Мировоззренческую суть русинского течения удачно выразил сам Гойдич, публично заявивший о себе: «Я не являюсь ни русским, ни украинцем. Я — русин...».⁸²² В своем донесении руководству чехословацкого Министерства внутренних дел, которое 19 августа 1930 г. было также направлено кабинету министров ЧСР и канцелярии президента республики, полицейский комиссариат Прешова характеризовал русинофильское течение как «крайне клерикальное, представителем которого является сам епископ Гойдич, отстаивающий мнение о том, что восточнословацкие русины не должны использовать в своей письменности ни великорусскую этимологию, ни украинскую фонетику, а должны ориентироваться исключительно на фонетику русинскую, т.е. необходимо создать русинский литературный язык в соответствии с народными говорами (на основе шарышского диалекта)».⁸²³ В этом же документе полицейский комиссариат Прешова уделил пристальное внимание анализу украинофильского направления, «цели которого выражены более четко, чем у великорусского направления и которое опирается на теорию об идентичности русинского и украинского народа. Тайной целью украинского движения, — подчеркивалось в полицейском донесении, — является объединение всех малорусов в единую могучую Украину с присоединением к ней Восточной Галиции, Подкарпатской Руси и по воз-

⁸²² Цит. по: *Bajcura I.* Ukrajinská otázka v ČSSR. Východoslovenské vydavateľstvo. 1967. S. 53.

⁸²³ SÚA, fond PMR, inv. č. 654, sign. 294, kart. č. 150. Úprava národních a politických poměrů na Rusi a Slovensku.

можности также восточной Словакии. Это направление мы считаем особо важным...».⁸²⁴

Представители русинофильского течения в Словакии предпринимали практические попытки создать отдельный литературный язык. Однако стремление некоторых русинских деятелей, включая епископа Гойдича, создать русинский литературный язык на основе диалектов русинского населения северо-восточной Словакии было непоследовательным, не имело систематического характера и не привело к кодификации данного языка.⁸²⁵ На практике русины восточной Словакии продолжали широко использовать традиционное карпаторусское «язычие». Эта, по выражению И. Байцуры, «забавная смесь» стала официальным языком в народных церковных школах, находившихся под контролем грекокатолического духовенства. Любопытно, что значительно больших успехов в создании собственного литературного языка добились немногочисленные русины Воеводины. В 1923 г. уроженец Руского Керестура Г. Костельник опубликовал свою «Граматику бачванско-русского языка», которая сыграла решающую роль в становлении литературного языка русинов Воеводины. Успешный литературно-языковой опыт воеводинских русинов не был востребован представителями русинов Словакии. Возможной причиной этого было как значительно большее влияние русофильской традиции и русского литературного языка на словацких русинов, так и украинофильские взгляды Г. Костельника, считавшего язык воеводинских русинов лишь диалектом украинского языка, что противоречило взглядам доминировавших в восточной Словакии русофилов.

Следует отметить, что некоторые авторитетные слависты, включая В. А. Францева, скептически относились к возможности «третьего пути» в решении русинского вопроса. Так, Францев, бывший свидетелем языковой борьбы и противоборства идентичностей среди русинов, писал в 1930 г., что «для Подкарпатской Руси представляется лишь два пути решения вопроса о литературном языке: она могла или примкнуть без оговорок к литературной жизни малорусской (украинской) и слиться с нею..., или избрать органом своей письменности высокоразвитый язык большой русской литературы, общее создание всех творческих сил русского народа... Этот вопрос должна решить русская общественность Подкарпатской Руси, сила ее национального сознания и глубина исторического познания».⁸²⁶ По мнению Францева, «третий путь, которому следуют в наше время известные литературные и ученые круги Подкарпатской Руси, не желающие окончательно примкнуть

⁸²⁴ Ibidem.

⁸²⁵ См.: *Плійшкова А.* Русинський язык на Словенську. Пряшів, 2008. С. 45.

⁸²⁶ *Францев В. А.* Из истории борьбы за русский литературный язык в Подкарпатской Руси в половине XIX столетия. Ужгород, 1930. С. 2.

к одному или другому течению, надо ныне признать бесполезным..., не давшим в прошлом и не обещающим теперь никаких достойных восхищения плодов. Тот особый язык, который носит ныне официальное название подкарпатского русского языка, ... является достойным забвения пережитком...».⁸²⁷ Сам В. А. Францев был убежденным сторонником решения вопроса о языке Подкарпатской Руси в рамках общерусского литературного единства, подчеркивая, что общественность Угорской Руси с самого начала «определенно и решительно высказалась за единый русский литературный язык».⁸²⁸

Русофильское и русинофильское течения были во многом похожи. Представители и того, и другого направления поддерживали местные традиции и существующие языковые нормы, отличаясь лишь в расстановке акцентов. Так, отделение русофильского общества «Духнович» в северо-восточной Словакии по своей направленности было скорее русинским, чем русофильским. В своем официальном заявлении руководство восточнословацкого отделения общества «Духнович» обозначило цели своей деятельности следующим образом: «1). сохранение единства карпаторусского народа, 2). развитие культуры на основе местных традиций, 3). местный традиционный язык должен быть признан в качестве литературного, 4). все остальные направления должны быть отброшены и должны рассматриваться как «личные амбиции», 5). любое навязывание чуждых направлений — как «галицко-украинского», так и «русского» должно рассматриваться как ... не имеющее смысла».⁸²⁹ Примечательно, что данное заявление относилось к разряду «чуждых» не только «галицко-украинское», но и «русское» направление, обращалось к местному населению не как к «русским», а как к «карпаторусскому народу» и декларировало необходимость признания «местного традиционного языка» в качестве литературного.

Сходство русофильского и русинофильского течений проявлялось в том, что «многие представители местной ориентации выступали за принятие русской культуры... В обоих случаях принятие русской культуры оставалось мечтой, оба течения использовали «язычие» различных версий..., оба течения связывали национальные особенности, национальное самосознание и местную культуру с религией, оба течения отрицали существование украинской нации и культуры».⁸³⁰ Самой яркой чертой русинофильского течения, роднившей его с русофилами, была ориентация на местное культур-

⁸²⁷ Францев В. А. Из истории борьбы за русский литературный язык в Подкарпатской Руси в половине XIX столетия. Ужгород, 1930. С. 2.

⁸²⁸ Францев В. А. К вопросу о литературном языке Подкарпатской Руси. Ужгород, 1924. С. 3.

⁸²⁹ Русское слово. 1931. № 2. С. 5.

⁸³⁰ Рудловчак О. Літературні стремління українців Східної Словаччини у 20–30 роках нашого століття // *Oktober a ukrajinská kultura*. Prešov, 1968. S. 146.

ное наследие. Представители грекокатолического духовенства восточной Словакии бережно относились к местной литературной традиции и постоянно подчеркивали, что ее основателями были крупнейшие карпаторусские будители Павлович, Духнович и Ставровский-Попрадод.⁸³¹

В отличие от русинов Подкарпатья, главная задача восточнословацких русинов заключалась в противостоянии ассимиляционной политике со стороны государства. Наиболее влиятельные в восточной Словакии русофилы требовали введения русского литературного языка в школы и в общественную жизнь, рассматривая это как главный инструмент в борьбе против словакизации. В то же время русофилы были вынуждены признать, что местное русинское население, включая интеллигенцию, недостаточно хорошо владеет русским языком. В условиях, когда само национальное существование русинов оказалось под вопросом, многие представители местной интеллигенции, наряду с более интенсивной пропагандой русского языка, приходили к мысли о том, что самым эффективным способом противостоять ассимиляции является использование того наречия, на котором говорит местное население.

Именно эта мысль стала дополнительной причиной появления русинофильского течения, представленного не только грекокатолическим духовенством Пряшевщины, но и местным отделением русофильского общества «Духнович». Подобная эволюция русофилов из местного отделения общества «Духнович» была вполне естественной в условиях Словакии. Заметную роль в формировании русинофильского направления сыграла политика местных словацких властей, отношение которых к украинофилам с самого начала было гораздо сдержаннее, чем отношение официальной Праги.

Еще в 1920-е гг., когда Прага поддерживала украинское направление в Подкарпатской Руси, местные словацкие власти относились к украинофилам довольно прохладно, рассматривая их деятельность как потенциально опасную для чехословацкого государства. В августе 1930 г. руководители местной полиции в Прешове предостерегали Министерство внутренних дел Чехословакии, указывая на то, что секретная цель украинского течения состоит в создании Великой Украины с Галицией, Подкарпатской Русью и, возможно, восточной Словакией и обращая внимание Праги на «особую важность» этого направления.⁸³² В то же время представители местной полиции с большим интересом отнеслись к русинскому течению и к намерению епископа Гойдича создать особый русинский язык на основании местных

⁸³¹ Русское слово. 1930. № 15. С. 3.

⁸³² S ÚA, inv. č. 654, sign. 294, fond PMR, kart. č. 150. Úprava národných a politických poměrů Rusi a Slovensku.

диалектов.⁸³³ К подобным выводам приходили и некоторые руководители чехословацкой администрации в Подкарпатской Руси. Еще в 1924 г. в письме президиуму чехословацкого кабинета министров бывший вице-губернатор Подкарпатской Руси Эренфельд подчеркивал, что «для нас, чехов, ... местный русинский диалект является самым близким. Чех может легко его освоить и наоборот... Почему мы должны возводить барьер между Чехословакией и русинами и почему бы нам, наоборот, не сделать русинский язык ближе чешскому и словацкому? Тем самым мы пошли бы навстречу местным силам, сделали бы русинов ближе нашей республике и отгородились бы стеной и от Украины, и от России».⁸³⁴

Однако данные пожелания не были реализованы на практике в Подкарпатской Руси, где пражские чиновники в целом поддерживали украинофилов. В отличие от чехов, словацкие власти предприняли некоторые практические шаги, направленные на развитие именно местного русинского языка, а не русского или украинского. Так, «Народная газета» выражала возмущение по поводу того, что в некоторых русинских селах словацкие власти разрешали учителям начальных школ преподавать на местном русинском диалекте, препятствуя при этом обучению на русском литературном языке.⁸³⁵ «Господин Капральчик для шаршских словаков не позволил бы в школах учить шаршское наречие, но ввел бы наречие западных словаков»,⁸³⁶ — с возмущением критиковала двойные стандарты словацких властей в области просвещения «Народная газета». Русофилы упрекали словацких чиновников в том, что они способствуют распространению словацкого литературного языка среди прешовских словаков, но препятствуют распространению русского литературного языка среди прешовских русинов.

Со временем русинская политика словацких властей, расходившаяся с политикой Праги в Подкарпатской Руси в целом ряде аспектов, способствовала появлению некоторых специфических черт словацких русинов, отличавших их от русинского населения Подкарпатья. Самое важное отличие этнокультурной ситуации русинских областей Словакии от Подкарпатской Руси состояло в том, что среди словацких русинов получили развитие только русофильская и русинская ориентации, в то время как украинская пропаганда так и не завоевала популярность среди местного русинского населения.

Изолированности русинов северо-восточной Словакии от их подкарпатских соплеменников способствовала не только новая администра-

⁸³³ Ibidem.

⁸³⁴ SÚA, inv. č. 588, sign. 223, fond PMR, kart. č. 131. Jazyková otázka na Podkarpatské Rusi 1920–1938.

⁸³⁵ Народная газета. 1929. № 4.

⁸³⁶ Там же.

тивная граница по реке Уг (Уж), отделявшая Словакию от Подкарпатской Руси, но и созданная в начале XIX века отдельная грекокатолическая епархия с центром в Прешове. Данное автономное церковное образование имело колоссальное влияние на духовную и культурную жизнь всего русинского населения северо-восточных областей Словакии, которое оставалось под влиянием местного грекокатолического духовенства, настроенного в своем подавляющем большинстве русофильски. Грекокатолическое духовенство Подкарпатья, относившееся к епархии с центром в Мукачево, испытывало сильное влияние соседней Восточной Галиции и в значительной степени симпатизировало украинофилам. Другой важной чертой русинских областей северо-восточной Словакии, отличавших их от Подкарпатской Руси, было отсутствие здесь мощного коммунистического движения и влиятельной коммунистической прессы, которая внесла весомый вклад в формирование украинской идентичности у русинов Подкарпатья.

Зарождение новой идентификационной модели среди карпатских русинов в лице собственно русинофильского течения было критически воспринято как русофилами, так и украинофилами. Вполне естественно, что те черты русинофильского течения, которые сближали его с русофилами, вызывали резкую критику украинофилов. Русинская ориентация характеризовалась украинскими деятелями как «неестественное и враждебное национальная идея» явление. Сторонники русинской культурной ориентации обвинялись украинофилами в «изоляциизме» и в приверженности русско-церковнославянскому языку, который, по мнению украинофилов, был «искусственно изобретен кучкой местных интеллигентов, погруженных в старые традиции»,⁸³⁷ и поэтому был совершенно чужд простому народу.

С критикой русинофильского течения выступали и русофилы. «Народная газета», например, отрицала само существование «так называемых русинов» и обвиняла представителей русинской ориентации в том, что они являются «скрытыми пособниками» украинофилов. Так, «Народная газета» обрушилась с резкой критикой на статью в газете «Русское слово», автор которой утверждал, что «родовое племя» местного восточнославянского населения не «российское», а русинское. «О таком племени еще никто не слышал, что он сам отлично знает, — писала «Народная газета». — Мы знаем, что этому священнику хочется назвать себя украинцем, но «и хочется, и... да мамка не велит». Вот потому он и прикрывается русинством».⁸³⁸ Характеризуя печатный орган Прешовской грекокатолической епархии газету «Русское слово», которая поддерживала русинофильское направление, «Народная газета»

⁸³⁷ Слово народа. 1932. № 5. С. 2.

⁸³⁸ Народная газета. 1929. № 1.

обвиняла ее в «тихом» пособничестве «украинско-волошиновской партии», отмечая, что «большинство наших священников получают ее только потому, что она ... является урядовой».⁸³⁹

С осуждением русинской ориентации, представители которой были и в США, неоднократно выступал «Американский Русский Вестник», считавший, что деятельность сторонников данного направления подрывает единство русского народа. Главным объектом критики «Вестника» было «Русинское элитное общество», созданное в г. Кливленд русинским греко-католическим священником Ганулей, который пропагандировал идеи этнокультурной общности русинов.⁸⁴⁰ Намерения и практическая деятельность представителей русинофильского течения воспринимались русофилами как дополнительное препятствие на пути к их главной цели — распространению русского литературного языка и русской культуры среди местного населения.

⁸³⁹ Народная газета. 1929. №1.

⁸⁴⁰ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. January 23, 1930. №4.

ГЛАВА 8

«Лемки ошиблись в своих надеждах»

ПОЛОЖЕНИЕ РУСИНОВ-ЛЕМКОВ В МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ

«С самого раннего периода своей истории население Лемковины всегда называло свою народность русской. Названия Русь, русский, русин ... и по сегодняшний день связаны с лемковским народом, который хранит их как наибольшую святыню...»

(Лемкин И. Ф.⁸⁴¹ История Лемковины. С. 120).

«Лемковщина ... была до войны настолько затуманена московфильством, что казалась навсегда потерянной для украинской идеи... Украинцы были очень слабо организованы на Лемковщине и поэтому имели очень слабое влияние на население...»

(Тарнович Ю. Глюстрована історія Лемківщини. С. 248).

Русины-лемки⁸⁴² — самая западная часть восточнославянской этноязыковой общности. Историческая территория лемков, занимавшая северные склоны Карпатского хребта, глубоким клином вдавалась в западнославянскую область, отделяя поляков на севере от словаков на юге. Географическая изолированность и оторванность от других восточнославянских народов, горная среда обитания и влияние западнославянских соседей — поляков и словаков — обусловили этнокультурную специфику русинов-лемков, сохранивших многие архаичные черты традиционной восточнославянской

⁸⁴¹ Лемкин И. Ф. — литературный псевдоним И. Полянско (1888–1978), лемковского священника, журналиста, историка и общественного деятеля русофильской ориентации. См.: Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition. P. 389.

⁸⁴² Определение точной численности русинов-лемков затруднено трагической судьбой этого народа. В 1945 г. около 60% всех лемков было переселено с их исторической родины в северных предгорьях Карпат Западной Галиции на Советскую Украину, где все лемки были официально причислены к украинцам. В 1947 г. оставшаяся часть лемков в рамках операции «Висла» была насильственно депортирована польскими властями в западные области современной Польши. По данным канадского профессора-слависта П. Р. Магочи, в настоящее время численность лемков в Европе составляет около 150 тысяч человек, из них 90 тысяч на Украине и около 60 тысяч в Польше. Кроме того, из примерно 650 тысяч карпатских русинов, проживающих в Северной Америке, значительную часть составляют лемки. См.: Magocsi P. R. The People from Nowhere. An Illustrated History of Carpatho-Rusyns. Uzhhorod, 2006. P. 11.

культуры, но в то же время испытавших большое влияние западнославянского окружения. Представители лемковской интеллигенции к наиболее типичным чертам русинов-лемков относили «привязанность к своей истории, традициям и вере», консерватизм и «высоко развитое чувство чести и справедливости», отмечая, что национальный характер лемков представляет собой «тип первобытного славянина».⁸⁴³

Многовековой опыт проживания в часто репрессивном иноязычном и иноконфессиональном окружении и постоянная борьба за сохранение собственной национальной и религиозной идентичности сформировали у лемков прочное осознание своей принадлежности к восточнославянскому миру и приверженность восточному христианству. Именно русины-лемки дольше всего сохраняли общерусское самосознание, считая себя частью единого русского народа и сопротивляясь распространению украинской идеологии.

Традиционная область проживания русинов-лемков на северных склонах Карпат в Западной Галиции на востоке ограничена верхним течением реки Сан, которая отделяет территории, населенные лемками, от украинцев Восточной Галиции. На западе область расселения лемков достигала верховьев рек Попрад и Дунаец, доходя до г. Новы Сонч. Северными соседями лемков были поляки. Этнографическая граница между поляками и русинами-лемками, практически не менявшаяся с середины XIX века, проходила вдоль линии южнее городов Грыбув, Горлице и Рыманув. Южной границей Лемковины являлся невысокий в этой области Карпатский хребет, отделявший русинов-лемков Галиции от угорских русинов, населяющих южные склоны Карпат. Протяженность этнической территории лемков вдоль северных склонов Карпат составляла примерно 150 км в длину и несколько десятков километров в ширину, достигая около 60 км в самом широком месте.

Русский историк И. П. Филевич, ссылаясь на распространенность восточнославянской топонимики на территории южной и юго-восточной Польши, полагал, что в раннее средневековье карпатские русины занимали значительно большую область проживания, которая впоследствии уменьшилась в результате польской колонизации и последующего «этнографического перерождения» местного восточнославянского населения. «Если ... сопоставить географическую номенклатуру, обнаруживающую значительное количество названий от корня Рус, не только на правом, но и на левом берегу Вислы..., то получится ряд разнообразных, несомненных доказательств присутствия Руси в самых, по-видимому, коренных пределах Малой Польши, — отмечал И. П. Филевич. — Перерождение значительной части

⁸⁴³ Лемкин И. Ф. История Лемковины. С. 27.

русских хорватов в малополяков мы можем ... иллюстрировать документально. Процесс этнографического перерождения на широком пространстве карпато-дунайской земли не может подлежать сомнению».⁸⁴⁴

Составляя практически единую в этнографическом отношении самую западную ветвь восточнославянского этноязыкового массива,⁸⁴⁵ русины-лемки и угорские русины (т. е. русины современной северо-восточной Словакии и Закарпатской области Украины) уже на заре своей политической истории оказались в составе разных государств. Если русинское население к югу от Карпат постепенно вошло в состав Венгрии, возникшей после прихода кочевых мажарских племен в Паннонию в конце IX века, то восточная часть Лемковины до XIV века входила в состав Галицкого княжества, а с 1340 до 1772 гг. находилась в составе Речи Посполитой. Западная часть Лемковины с самого начала входила в состав Польши. В 1772 г. с присоединением польской Галиции к Австрийской империи все карпатские русины были объединены в рамках государства Габсбургов, где русины-лемки оказались в составе австрийской провинции Галиция, а русины, населяющие южные склоны Карпат, в составе Венгерского королевства.

С самого начала своего пребывания в составе Польши русины-лемки стали объектом жесткой и последовательной ассимиляционной политики польских властей, стремившихся полонизировать и латинизировать восточнославянское население Лемковины, зачастую прибегая к открытым репрессиям и насилию. Дискриминационная политика польских властей и аристократии проявлялась прежде всего в преследовании православной церкви в Северокарпатском регионе, являвшейся основой национальной и религиозной идентичности местного русинского населения. Польские феодалы часто захватывали православные церкви, разрушали их или превращали в католические костелы. Так, в XVI веке к подобной практике широко прибегала польская аристократка К. Ваповска, владевшая обширными землями на территории Лемковины. Примечательно, что в быденном сознании лемков и в лемковской литературе XIX века стереотипизированный образ поляка ассоциировался с национальным унижением и полонизацией.⁸⁴⁶

Усиление конфессионального и национального давления на восточнославянское население Польши и Венгрии, выразившееся в заключении

⁸⁴⁴ См.: Филевич И. П. Очерк Карпатской территории и населения. С. 214–215.

⁸⁴⁵ Русинские общественные и культурные деятели, употребляя термин «Карпатская Русь», подразумевали под ним прежде всего область Северных Карпат, населенную русинами-лемками, и территорию к югу от Карпат, населенную русинами современной восточной Словакии и Закарпатья. Область проживания словацких русинов иногда называли также южной Лемковиной, но термин «лемко» в качестве самоназвания закрепился только за русинским населением северных склонов Карпат.

⁸⁴⁶ Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition. P. 388.

Брестской (1596 г.) и Ужгородской унии (1646 г.), создало потребность в мощном славянском покровителе-единоверце, в роли которого для карпатских русинов с начала XIX века все активнее выступает Россия. Пророссийские симпатии русинов-лемков проявились уже в период конфедерации во второй половине XVIII века, когда лемки оказывали поддержку сражавшимся против польских конфедератов русским войскам. Это вызвало репрессии против лемковского населения со стороны поляков. В середине и второй половине XIX века среди интеллигенции русинов-лемков и угорских русинов большое распространение получают русофильские идеи, трактовавшие карпатских русинов как наиболее западную ветвь единого русского народа от Карпат до Тихого океана. Особую роль в распространении данных идей на Лемковине сыграли местные грекокатолические священники, недовольные растущей полонизацией и латинизацией обрядов грекокатолической церкви.

Пророссийские настроения среди карпатских русинов усилились после 1849 г., когда через области, населенные русинами, прошла русская армия под командованием генерала И. Ф. Паскевича, посланная императором Николаем I на подавление венгерской революции. Впечатленные мощью Российской империи, в декабре 1849 г. русины-лемки отправили делегацию к императору Николаю I с просьбой о принятии их под российскую «опеку». Во главе делегации стоял М. Грында из села Шляхтово, одного из самых западных населенных пунктов Лемковины.⁸⁴⁷ Однако Николай I не принял делегацию лемков, судя по всему, не желая обострять отношения с Австрией.

Большое влияние на лемковскую интеллигенцию в это время оказало национальное возрождение угорских русинов, прежде всего многосторонняя деятельность А. Духновича, бывшего убежденным сторонником принадлежности карпатских русинов к единому русскому народу. Подобно национальным «будителям» угорских русинов, известный лемковский литератор второй половины XIX века В. Хиляк писал свои произведения так называемым «язычием», т. е. смесью русского и церковнославянского языков и местных диалектов. По мнению современных лемковских ученых, произведения В. Хиляка, большая часть которых была написана в 1870–1880-е годы, сыграли огромную роль в развитии самосознания русинов-лемков. Значение В. Хиляка для национальной культуры лемков сравнимо с ролью А. Духновича в национальной жизни угорских русинов.

По инициативе галицкого грекокатолического священника и просветителя И. Наумовича русофильски настроенная русинская интеллигенция, во второй половине XIX века доминировавшая не только среди русинов-лемков Западной Галиции, но и среди русинов Восточной Галиции, основа-

⁸⁴⁷ Moklak J. *Ł emkowszczyzna w Drugiej Rzeczypospolitej*. Kraków, 1997. S. 22.

ла в 1874 г. в Коломые Общество им. М. Качковского для противодействия созданной в 1868 г. во Львове украинской «Просвите». После переезда во Львов Общество им. М. Качковского стало одним из главных центров поддержки и распространения русофильской идеологии среди русинов. Общество основывало свои читальни, ссудные и сберегательные кассы и общества трезвости в русинских деревнях Галиции, а также издавало популярный журнал «Наука» и разнообразную литературу для народа. Наиболее прочные позиции общество имело на территории Лемковины. К 1912 г. Общество им. М. Качковского насчитывало 800 читален во всей Галиции, из них 109 на территории Лемковины. Примечательно, что русофильски настроенные эмигранты-русины в Северной Америке продолжили просветительские традиции Общества им. Качковского, организовав читальни этого общества в штатах Коннектикут и Пенсильвания.⁸⁴⁸

Если в Восточной Галиции активизация украинского движения негативно сказывалась на популярности Общества им. Качковского, то среди русинов-лемков это общество длительное время сохраняло свое влияние. В то же время украинское культурное общество «Просвита», созданное в 1868 г. во Львове для пропаганды украинской идеи, не имело широкой поддержки среди населения Лемковины. Первая читальня «Просвиты» на Лемковине была создана только в 1892 г. Для повышения эффективности украинской пропаганды среди лемков львовская «Просвита» образовала в 1911 г. специальную «Лемковскую комиссию», основная функция которой заключалась в распространении украинской литературы и в увеличении количества читален на Лемковине. Благодаря деятельности комиссии, число читален «Просвиты» на Лемковине к началу Первой мировой войны возросло до 22, однако русофильство продолжало доминировать среди местного населения.⁸⁴⁹ Первоначальные попытки украинской пропаганды на Лемковине были в целом неудачными. Так, первая украинская газета для лемков «Підгірський дзвін», издававшаяся в Саноке и позднее в г. Новы Сонч с января до ноября 1912 г., прекратила свое существование из-за отсутствия читателей. Заметно расширить свое влияние на Лемковине «Просвита» смогла только в 1932–1936 гг. уже в условиях межвоенной Польши.⁸⁵⁰

С распространением украинской этнической идентичности в Восточной Галиции в конце XIX–начале XX вв. связано и окончательное становление самосознания русинов-лемков, которые не только не восприняли украинскую ориентацию своих восточных соседей — русинов Восточной

⁸⁴⁸ Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition. P. 223–224.

⁸⁴⁹ Ibidem. P. 404.

⁸⁵⁰ Люзьяк М. Поширення української книги товариством «Просвіта» на Лемківщині у 30-х роках XX ст. // Вісник Львівського Університету. Серія історична. 1999. Вип. 34. С. 487.

Галиции, но и решительно выступили против нее. Термин «лемко» (производное от широко распространенного в местных русинских диалектах наречия «лем», которое переводится как «лишь», «только») появляется уже в начале XIX века, однако в качестве этнонима данный термин стал широко употребляться лишь с начала XX века. В это время русинские национальные деятели Лемковины, встревоженные успехами украинского движения в соседнем Львове, стали использовать регионализм «лемко» в качестве самоназвания, чтобы таким образом отличить русинское население к западу от реки Сан, большинство которого не приняло украинскую самоидентификацию, от русинов Восточной Галиции и Буковины, постепенно становившихся украинцами. В культурном и политическом отношении русины-лемки тяготели не к своим восточногалицким соседям-украинцам, а к угорским русинам современной северо-восточной Словакии. Именно политические лидеры русинов-лемков выступили инициаторами объединения всех земель Карпатской Руси и ее присоединения к России после Первой мировой войны, но их планы не были поддержаны на Парижской мирной конференции в 1919 г.

Галицко-украинские идеологи, провозглашая Лемковину исконной частью украинских земель, а лемков — органичной частью украинского народа, «постоянно борющейся за объединение с Украиной»,⁸⁵¹ в то же время с сожалением признавали, что «Лемковина затуманена москвофильством» и что «украинцы почему-то боялись селиться среди лемков... Их отпугивал лемковский язык, отдаленность от Восточной Галиции и недоступность гор».⁸⁵² Особую тревогу и беспокойство украинских деятелей вызывало то обстоятельство, что Лемковина «на протяжении многих лет была воспитана разными агитаторами в москвофильском духе и все надежды возлагала на могучую Россию».⁸⁵³ По словам Ю. Тарновича, «противники внушили несознательному народу такую ненависть не только к украинской идее, но и к самому названию «Украина», что народу по сей день приходится бороться с этим дурманом».⁸⁵⁴

Среди причин распространения и доминирования русофильства среди лемков некоторые исследователи называют идеологическое влияние соседней России, власти которой, стремясь «наказать» Австрию за антирусскую позицию в Крымской войне, проводили активную пропаганду среди населения Лемковины во второй половине XIX века. В рамках этой пропагандистской кампании российские власти «выделяли средства на из-

⁸⁵¹ Красовський І. Лемківщина у боротьбі за об'єднання з Україною. Нью-Йорк, 1964. С. 5.

⁸⁵² Тарнович Ю. Ілюстрована історія Лемківщини. Львів, 1998. С. 249.

⁸⁵³ Там же. С. 248.

⁸⁵⁴ Там же.

дание газет, на содержание агитаторов и на покрытие расходов на обучение лемковской молодежи в российских православных семинариях».⁸⁵⁵ Особую роль в распространении православия и в подготовке кадров православного духовенства для австрийской Галиции сыграла Почаевская Лавра, возглавляемая в начале XX века архимандритом В. Максименко, а также волынский архиепископ А. Храповицкий, занимавший эту должность в 1902–1914 гг. и бывший одним из идеологов и организаторов пропаганды православия среди русинского населения Австро-Венгрии. Большое значение имела издательская деятельность Почаевской Лавры. «Почаевский листок», печатавшийся в лаврской типографии, переправлялся через австро-венгерскую границу в Галицию и успешно распространялся там местными русофильскими деятелями.⁸⁵⁶

Действенным инструментом распространения русофильских идей и православия среди русинов-лемков стала миссионерская деятельность Русской Православной церкви в Северной Америке, которая была особенно успешна среди многочисленной карпато-русской диаспоры. В отличие от римскокатолической церкви, с пренебрежением относившейся к византийскому обряду русинов-грекокатоликов, «русская церковь принимала своих давно потерянных братьев ... с распростертыми объятиями... Царские власти давали средства на пенсии для духовенства и на строительство церквей. Чувство обретения родины нашло выражение в корреспонденции со старым краем, куда из Северной Америки стали поступать финансовые средства и издания, пропагандировавшие православие и русофильство...».⁸⁵⁷

Важным средством поддержания и развития русофильского самознания лемковской интеллигенции стали так называемые «русские бурсы», которые являлись общежитиями для студентов-лемков, обучавшихся в польских учебных заведениях, и одновременно играли роль самоуправляющихся образовательных и культурных организаций, где проходила социализация лемковской молодежи. Бурсы были мощным инструментом формирования интеллигенции русинов-лемков, поскольку помимо проживания и питания они обеспечивали студентам атмосферу воспитания и образования в патристическом духе. Примечательно, что самые известные культурные деятели Лемковины в межвоенный период были воспитанниками бурс.⁸⁵⁸ Первая

⁸⁵⁵ Best P. J. Moskaloфильstwo wśród ludności Lemkowskiej w XX wieku // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace historyczne. MLXXXVIII. Z. 103. S. 144.

⁸⁵⁶ Moklak J. Lemkowszczyzna w Drugiej Rzeczypospolitej. S. 28.

⁸⁵⁷ Best P. J. Moskaloфильstwo wśród ludności Lemkowskiej w XX wieku. S. 145.

⁸⁵⁸ Duc'-Fajfer O. Lemkovský jazyk v edukačnom systéme Poľska // Plišková A. (ed.) Rusínska kultúra a školstvo po roku 1989. Prešov, 2008. S. 220.

«русская бурса» была создана в 1898 г. в г. Новы Сонч на западе Лемковины. До начала Первой мировой войны были основаны еще три бурсы, две из которых находились в г. Санок и одна в г. Горлице. Все «русские бурсы», заподозренные австрийскими властями в изменнических настроениях и про-русских симпатиях, были закрыты с началом войны, а часть их персонала и студентов арестована.

Начало XX века было отмечено нарастанием противостояния между лемковской русофильской интеллигенцией и украинцами Восточной Галиции, которые пользовались существенными преференциями со стороны австрийских властей. Для усиления украинского влияния на грекокатолическое духовенство Галиции и для подрыва позиций русофилов по инициативе австрийских властей был затруднен прием в духовные семинарии Галиции лиц русофильской ориентации, значительная часть которых к началу XX века была уроженцами Лемковины. Так, в 1911 г. из сорока лемков — кандидатов на поступление в духовную семинарию в Перемышле — был принят лишь один.⁸⁵⁹ По словам современника и очевидца описываемых событий, воспитанники духовной семинарии во Львове русофильской ориентации подвергались постоянной травле и издевательствам со стороны господствовавших там украинцев. В 1912 г. русские воспитанники Львовской семинарии «дважды были вынуждены ночью бежать из семинарии, чтобы спасти свою жизнь перед одичавшими товарищами-украинцами... Русские воспитанники духовной семинарии во Львове пережили трудные времена. Требовалась большая сила духа, чтобы перенести все издевательства со стороны украинцев...».⁸⁶⁰

Начало Первой мировой войны повлекло широкомасштабные репрессии австрийских властей против русинов-лемков, что стало одной из самых трагических страниц истории лемковского народа. Преследования русофильской лемковской интеллигенции австрийскими властями начались с первых дней войны еще до вступления русской армии в Галицию. Так, «русская бурса» в г. Новы Сонч была закрыта австрийскими властями еще 4 августа 1914 г. Администрация и студенты, проживавшие в бурсе, были арестованы, а ее имущество конфисковано. Подобная участь постигла и другие «русские бурсы» на Лемковине. Однако это было лишь началом репрессий, маховик которых раскручивался все сильнее.

«Вся Лемковина была покрыта виселицами, на которых гибли ее лучшие сыны... Найденная в лемковской хате книжечка издательства Качковско-го была для австрийского жандарма доказательством того, что ее обладатель

⁸⁵⁹ Лемкин И. Ф. История Лемковины. С. 119.

⁸⁶⁰ Там же.

является москвофилом и его необходимо наказать»,⁸⁶¹ — писал лемковский историк — очевидец описываемых событий. С сентября 1914 по весну 1915 гг. русские войска занимали большую часть территории австрийской Галиции, включая территорию Лемковины, где, в отличие от Восточной Галиции, русская армия встретила доброжелательное отношение местного населения. После отступления русской армии австрийские военные власти арестовали около 5 тысяч лемков, подозреваемых в шпионаже в пользу России, в основном представителей интеллигенции, которые были брошены в австрийский концлагерь Талергоф неподалеку от Граца. Значительная часть узников Талергофа погибла, не выдержав издевательств и нечеловеческих условий содержания. По сути, в Талергофе был ликвидирован цвет лемковской русофильской интеллигенции, а сам концлагерь вошел в историческую память русинов-лемков как символ мученичества за народность и веру.⁸⁶² По данным И. Ф. Лемкина, всего в Талергофе находилось несколько десятков тысяч узников со всей Галиции, из них около 5 тысяч составляли лемки. «Наибольшим катом талергофских мучеников, — писал И. Ф. Лемкин, — был украинец, австрийский офицер Чировский, который своими издевательствами над беззащитными превзошел всех немцев...».⁸⁶³

Другим символом мученичества русинов-лемков стал уроженец западной Лемковины молодой православный священник Максим Сандович, призывавший лемков к возвращению в лоно православия. Незадолго до начала Первой мировой войны М. Сандович арестовывался австрийскими властями по обвинению в шпионаже в пользу России, но в июне 1914 г. был освобожден по решению суда во Львове. М. Сандович и вся его семья, включая отца, мать, брата и беременную жену, были арестованы австрийскими властями сразу после начала войны. Утром 6 сентября 1914 г. М. Сандович без суда и следствия на глазах престарелого отца и жены был расстрелян во дворе тюрьмы в г. Горлице. Его беременная жена была интернирована в концлагерь Талергоф, где она родила сына. Впоследствии Максим Сандович был канонизирован Польской Православной церковью как Святой Максим.⁸⁶⁴ Место захоронения М. Сандовича в лемковском селе Ждыня к югу от г. Горлице является объектом паломничества лемков и православных верующих.

После трагических событий 1914–1915 гг. среди лемков широко распространилось мнение о том, что в трагедии Талергофа виновны украино-филы, доносившие австрийским властям на своих идеологических врагов-

⁸⁶¹ Лемкин И. Ф. История Лемковины. С. 130, 139.

⁸⁶² См.: Талергофский альманах. Львов, 1930.

⁸⁶³ Лемкин И. Ф. Указ. соч. С. 142.

⁸⁶⁴ Magosci P. R. The People from Nowhere. An Illustrated History of Carpatho-Rusyns. P. 67.

русофилов. «По лемковским селам под видом торговцев иконами... ходили украинские провокаторы и вели с селянами разговоры на политические темы, выдавая себя за друзей русского народа, — писал И. Ф. Лемкин. — У селян выясняли политические взгляды, все записывали, а потом отсылали властям. Таким образом был составлен список «moskalofilow»... На основе этого списка в начале войны была арестована вся лемковская интеллигенция и сотни селян...».⁸⁶⁵

Больше всего от австрийских репрессий пострадали лемки, однако преследования со стороны австро-венгерских властей коснулись всех областей, населенных карпатскими русинами. «Как только Австро-Венгрия объявила войну России, — сообщали в июле 1917 г. североамериканские русинские деятели — авторы «Меморандума Русского Конгресса в Америке», — более 30000 русских людей ... в Галичине, Буковине и Угорской Руси были арестованы, избиты австрийскими жандармами, полицией и войском, подвергнуты неопишным мучениям и заключены в концентрационные лагеря...: Талергоф, Терезиенштадт, Куфштейн, Шпильберг ... и др. В одном лишь Талергофе ... их умерло 1500 человек от побоев, болезней и голода ... Над мирным населением в Прикарпатской Руси немцы и мадьяры издевались таким нечеловеческим образом и сделали над ним столько насилий и зверств, что они ни в чем не уступают зверствам турок в Армении... Лишь за первые девять месяцев войны немцы и мадьяры расстреляли и повесили в Галичине, Буковине и Угорской Руси 20000 людей...».⁸⁶⁶

Осмысливая трагедию карпатских русинов во время Первой мировой войны и роль в ней местных украинцев, галицкие общественные деятели-русофилы впоследствии писали: «Еще не раздалась первые выстрелы на поле брани, ... как бесконечные тысячи представителей нашего народа сгонялись со всех уголков Прикарпатья в тюрьмы. В то время как террор в Бельгии или других странах всецело объясним одним фактором — войной..., в отношении Прикарпатской Руси этого недостаточно. Война тут была лишь удобным предлогом, а подлинные причины этой позорной казни зрели у кого-то в уме самостоятельно... Исключительным объектом ... австро-мадьярских жестокостей ... было русское народное движение, т. е. сознательные исповедники национального и культурного единства малороссов со всем остальным русским народом... Прикарпатские «украинцы» были одним из главных виновников нашей народной мартирологии во время войны. В их низкой и подлой работе необходимо искать причины того, — отмечали галицкие русофилы, — что карпато-русский народ

⁸⁶⁵ Лемкин И. Ф. История Лемковины. С. 119.

⁸⁶⁶ Меморандум Русского Конгресса в Америке. 13 июля 1917 года, Нью-Йорк // Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931. Roč. 5. Číslo 3. S. 515–516.

вообще, а наше русское национальное движение в частности с первым моментом войны очутились в пределах Австро-Венгрии ... на положении казнимого преступника».⁸⁶⁷

Впрочем, некоторые польские исследователи склонны преуменьшать и ставить под сомнение страдания карпатских и галицких русинов во время Первой мировой войны, по меньшей мере бестактно рассуждая о «мифе мартирологии», из которого выросла впоследствии «легенда Талергофа».⁸⁶⁸

* * *

Трагический опыт массового преследования русинского населения австро-венгерскими властями вызвал рост антиавстрийских настроений среди русинов, которые связывали политическое будущее своих земель с выходом из состава Австро-Венгрии. Первоначально русинские политики, представленные лидерами карпаторусской эмиграции в США, выступали за «воссоединение ... Прикарпатской Руси, в ее этнографических границах, с ее старшей сестрой, великой, демократической Россией»,⁸⁶⁹ что было отражено в Меморандуме Русского Конгресса в Америке 13 июля 1917 года. Однако большевистская революция и гражданская война в России, а также успешная дипломатическая деятельность Масарика и Бенеша, завоевавших симпатии стран Антанты, заставили русинских политиков внести существенные коррективы в свои планы. 12 ноября 1918 г. Американская Народная Рада угро-русинов в Скрантоне одобрила план вхождения угорских русинов в состав Чехословакии на условиях широкой автономии, санкционировав проведение референдума по этому вопросу среди проживавших в США угорских русинов. В ходе референдума 67% его участников высказались за присоединение к ЧСР, 28% — за присоединение к Украине и лишь по 1% — за присоединение к Венгрии и большевистской России.⁸⁷⁰ Ориентация русинских политиков в США на Чехословакию была впоследствии поддержана русинскими народными радами, образованными осенью 1918 г. на территории Угорской Руси, прежде всего Русской Народной Радой в Прешове во главе с известным русофилом А. Бескидом.

⁸⁶⁷ Военные преступления Габсбургской монархии 1914–1917 гг. Галицкая Голгофа. Книга I. Trumbull, Conn. 1964. С. 9.

⁸⁶⁸ См.: Moklak J. Republiki Iemkowskie 1918–1919 // Wierchy. Kraków, 1994. Rok 59. S. 66.

⁸⁶⁹ Меморандум Русского Конгресса в Америке. 13 июля 1917 года, Нью-Йорк // Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931. Roč. 5. Číslo 3. S. 517.

⁸⁷⁰ Rau šer A. Připojení Podkarpatské Rusi k Československé Republice // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi. V Bratislavě, 1936. S. 63.

Вместе с тем ориентация на Россию длительное время сохраняла популярность среди русинских общественных деятелей. Так, образованный в августе 1918 г. местной колонией русинов в Челябинске Союз Освобождения Прикарпатской Руси на своем съезде 5–6 октября 1918 г. провозгласил необходимость освобождения Прикарпатской Руси в составе Галиции, Буковины и Угорской Руси от «австрийского и немецкого ига» и ее присоединения к России. Данной позиции Союз Освобождения Прикарпатской Руси придерживался вплоть до разгрома Колчака, правительство которого поддерживало идею присоединения всей Карпатской Руси к России.⁸⁷¹

Первые проявления политической активности на галицкой Лемковине с самого начала были ориентированы на Россию и на объединение с угорскими русинами, а не с Западноукраинской Народной Республикой (ЗУНР), провозглашенной в ноябре 1918 г. во Львове. 5 декабря 1918 г. на съезде в западнолемковском городке Флоринка, в котором участвовало 500 делегатов от 130 лемковских сел, было принято решение образовать самоуправляющуюся лемковскую административно-территориальную единицу с собственной исполнительной властью (Начальный Совет во главе с грекокатолическим священником М. Юрчакевичем) и законодательной властью (Русская Рада во главе с адвокатом Я. Качмарчиком).⁸⁷² Созданное административное образование положило начало существованию Русской народной республики лемков во Флоринке. Первыми шагами руководства лемковской республики было создание национальной гвардии и организация школ и кооперативов.⁸⁷³ В школах в качестве языка обучения вводился русский язык; в церковной сфере предпринимались попытки приблизить грекокатолическую литургию к православиям.⁸⁷⁴

Во внешнеполитической сфере руководство лемковской республики, которое состояло из убежденных русофилов, стремилось к административному объединению русинов по обе стороны Карпатского хребта, созданию единого государственного образования Карпатская Русь и к ее последующему вхождению в состав России, апеллируя к опыту 1914–1915 гг., когда Галиция была занята русской армией. Если вхождение в состав России было главной целью лидеров лемковской республики, то вхождение Лемковины в состав Польши являлось для них наименее приемлемым вариантом, которого они стремились любыми способами избежать.

⁸⁷¹ *Horbul'ová L.* Miesto karpatoruskej otázky v zahraničnopolitických plánoch vlády A. V. Kolčaka // Карпатские русины в славянском мире. С. 116–118.

⁸⁷² *Magosi P. R.* The Ukrainian Question Between Poland and Czechoslovakia: The Lemko Rusyn Republic (1918–1920) and Political Thought in Western Rus'-Ukraine // Nationalities Papers. XXI, 2. N. Y., 1993. P. 97.

⁸⁷³ *Ibidem.*

⁸⁷⁴ *Moklak J.* Republiki lémkowskie 1918–1919 // Wierchy. Kraków. 1994. Rok 59. S. 68.

Сразу после съезда во Флоринке руководство лемковской республики присоединилось к другим галицким политикам-русософилам, образовавшим в г. Санок Народный Совет Русского Прикарпатья, который, надеясь на «восстановление порядка в Русском Государстве», в своем меморандуме от 26 декабря 1918 г. писал: «Царское правительство ... долго не обращало внимания на своих единокровных русских братьев в Прикарпатье. И только в последнее время, стараясь исправить свою роковую ошибку..., устами министра Сазонова ... провозгласило в 1914 г. присоединение Прикарпатья к великой Русской Империи. Имеем надежду, что Державная Русь останется в эту важную минуту верной своим словам... Мы, — завершали свое послание лидеры Народного Совета Русского Прикарпатья, — чувствуем и сознаем себя ... гражданами единого, великого Русского Государства, не признаем на нашей земле никакой мадьярской, польской, габсбургско-украинской и какой бы то ни было чужой власти, протестуем против всяких империалистических посягательств других народов на нашу землю...».⁸⁷⁵ Наряду с представителями Угорской Руси, Галиции и Буковины, свою подпись под этим красноречивым документом поставили и руководители лемковской республики во Флоринке в лице Я. Качмарчика, М. Юрчакевича и Д. Собина.

На съезде галицких русофилов в Санокке был выбран делегат на Парижскую мирную конференцию, которым стал юрист Д. Марков, бывший депутат австрийского и галицкого парламентов. Прибыв в Париж 21 февраля 1919 г., Д. Марков установил там контакты с лидерами американских русинов-галичан. В результате этих контактов был образован Карпаторусский Комитет в Париже, который развернул бурную деятельность среди союзников, пытаясь добиться от них присоединения всей Карпатской Руси к России.⁸⁷⁶ 25 марта 1919 г. Карпаторусский Комитет в Париже обнародовал декларацию, подчеркивавшую, что русский народ составляет большинство населения Галиции, Буковины и Закарпатья и стремится к присоединению к России. В декларации критиковался «польский империализм», а также «изобретенное немцами и не имеющее поддержки в народе украинское движение».⁸⁷⁷ Однако единственными союзниками Карпаторусского Комитета в Париже были только русские политики, связанные с белым движением и не имевшие влияния на решения мирной конференции.

Национальное движение русинов-лемков развивалось в сложных условиях становления польского государства, которое вело непрерывные военные действия против своих соседей на востоке, стремясь установить

⁸⁷⁵ Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931. Roč. 5. Číslo 3. S. 530.

⁸⁷⁶ *Horbal B.* Sprawa lémkowska na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 r. // Wrocławskie Studia Wschodnie. Wrocław, 2004. S. 140–141.

⁸⁷⁷ *Ibidem.* S. 143.

наиболее выгодные для себя границы. Военные усилия Варшавы энергично поддерживались польской дипломатией на мирной конференции в Париже. Действия польского руководства часто становились причиной головной боли для собравшихся в Париже лидеров великих держав. Военный советник американской делегации на мирной конференции Т. Блисс в частном письме, делаясь своими впечатлениями от дипломатической деятельности в Париже представителей новых государств, возникших в Европе после Первой мировой войны, писал, что «как только эти, ранее неведомые народы, всплывают на поверхность, они тут же норовят вцепиться в горло друг другу. Они подобны комарам — так же коварны с момента появления».⁸⁷⁸ Сказанное очень удачно характеризует в первую очередь действия Польши.

Стремление к воссоединению с Россией, которое длительное время демонстрировали лемковские политики, оказалось иллюзией. Гражданская война в России, военные успехи Польши на Востоке и состояние дел на мирной конференции в Париже вынудили лидеров лемковского движения сменить внешнеполитические приоритеты и переориентироваться на Чехословакию. Уже в конце декабря 1918 г. представители лемков отправились в Прагу с целью прозондировать возможность вхождения Лемковины в состав Чехословакии. В конце декабря 1918 г. члены руководства лемковской республики установили контакты с Русской Народной Радой в Прешове. На совместном заседании представителей Прешовской Русской Народной Рады и Флоринской Русской Народной Рады Лемковины 21 декабря 1918 г. в г. Кошице было принято решение о слиянии этих рад в единую Карпато-русскую Народную Раду с центром в Прешове.

12 марта 1919 г. лидер Прешовской Рады А. Бескид вместе с представителем лемков Д. Собиным направил чехословацкому правительству меморандум, в котором констатировалась «угроза самому существованию русского народа Лемковины в условиях польских зверств» и выражалась просьба присоединить «северокарпатскую часть русской ветви» вместе с угорскими русинами южных склонов Карпат к Чехословакии, где будет обеспечена их «свобода и автономная независимость».⁸⁷⁹ Меморандумы аналогичного содержания были отправлены 20 апреля 1919 г. Парижской мирной конференции и 1 мая 1919 г. — американскому президенту Вильсону. В меморандуме, отправленном Вильсону Прешовской Народной Радой, содержалась просьба «не разрывать карпатских русинов на части» и не отдавать северную лемковскую часть Карпатской Руси под польское господство, где «положение русинов лишь ухудшится».⁸⁸⁰ На встречах с президентом

⁸⁷⁸ *Macmillanová M. Mírotvorci. Pařížská konference 1919. Praha, 2004. S. 74.*

⁸⁷⁹ *Horbal B. Sprawa łemkowska na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 r. S. 149.*

⁸⁸⁰ *Ibidem. S. 150.*

Чехословакии Масариком и премьером Крамаржем весной 1919 г. А. Бескид и другие русинские политики пытались убедить их в целесообразности присоединения к Чехословакии не только области угорских русинов к югу от Карпат, но и галицкой Лемковины. В своих попытках добиться присоединения Лемковины к Чехословакии А. Бескид рассчитывал на русофильские настроения К. Крамаржа. Однако кроме дежурного сочувствия со стороны Масарика и Крамаржа добиться большего от чехословацких властей русинским лидерам не удалось. По мнению Б. Горбала, проблема Лемковины была для чехов лишь одним из инструментов давления на Варшаву в условиях чехословацко-польских споров по поводу Тешина, Оравы и Спиша.⁸⁸¹

Планы территориального объединения лемков и угорских русинов и их совместного вхождения в состав Чехословакии в итоге так и не были реализованы. Против этого выступило как правительство ЧСР, не желавшее обострять и без того крайне напряженные отношения с Польшей, так и созданная 8 мая 1919 г. в Ужгороде Центральная Русская Народная Рада. Отражая настроения официальной Праги, социал-демократический политик и публицист Я. Нечас писал в 1919 г., что «при всем нашем сочувствии к лемкам, оставленным на произвол польским властям, мы должны исходить из реалий. Только политическое дитя может в сложившейся ситуации строить планы отрыва Лемковины от Западной Галиции и ее присоединения к Чехословакии. Спор вокруг Тешина, Оравы и Спиша показал нам силу и влияние поляков на мирной конференции...».⁸⁸²

Убежденным противником объединения с галицкими лемками был и лидер американских угро-русинов, будущий первый губернатор Подкарпатской Руси Г. Жаткович, не разделявший русофильских убеждений политических лидеров Лемковины. Часть североамериканских русинских деятелей и некоторые руководители Центральной Рады в Ужгороде критиковали лидера восточнословацких русинов русофила А. Бескида за его настойчивое стремление объединиться с лемками, среди которых продолжала сохранять популярность идея присоединения к «единой неделимой России», что ставило под вопрос прочехословацкую ориентацию угорских русинов.⁸⁸³

Русинская общественность Словакии резко критиковала чехословацкое руководство за нежелание включить в состав ЧСР территорию лемков, объясняя это опасениями чехов и словаков в связи с возможным усилением русинов, что произошло бы в случае объединения русинов-лемков с угорскими русинами. «Лемки ... самые твердые русские люди и поэтому всякие

⁸⁸¹ *Ibidem. S. 152.*

⁸⁸² *Necas J. Uherská Rus a česká žurnalistika. V U žhorodě. 1919. S. 15.*

⁸⁸³ *Американский Русский Вестник. Гомстед, ПА. 19 декабря 1919. №1.*

мадяроны ненавидят лемков. ... На Парижской конференции требовали лемки объединения, но паны их высмеяли. Паны не хотели, чтобы мы были в одном доме и галицкую часть оставили полякам, — писала в ноябре 1921 г. прешовская газета «Русь». — Не хотели принять галицких лемков и словаки, ибо боялись, что если нас будет больше, то мы не позволим над собой издеваться».⁸⁸⁴

Примечательно, что при решении вопроса об официальном наименовании вошедшей в состав Чехословакии Русинской области к югу от Карпатского хребта чехословацкие политики предпочли термин «Подкарпатская Русь» ранее широко использовавшемуся термину «Прикарпатская Русь», объясняя это прежде всего тем, что термин «Прикарпатская» использовался лемковскими политическими деятелями. Так, в своей служебной записке по поводу организации администрации Подкарпатя осенью 1919 г. министр внутренних дел Чехословакии А. Швехла подчеркивал, что «вместо слова «Прикарпатская» надо использовать слово «Подкарпатская», поскольку лемки Галиции называют себя «Прикарпатскими» русскими».⁸⁸⁵ Данная терминологическая замена таким образом была призвана подчеркнуть различие между подкарпатскими русинами в составе Чехословакии и русинами-лемками, вошедшими в состав Польши.

После неудачной попытки присоединиться к Чехословакии лидеры лемковской республики вновь стали рассматривать возможность присоединения к России, однако в разгар гражданской войны данная инициатива не имела под собой никакой реальной почвы. 12 марта 1920 г. во Флоринке состоялся второй конгресс лемков, в котором приняло участие 600 делегатов. Конгресс образовал правительство республики (Русский Уряд), провозгласил Я. Качмарчика президентом республики и поручил руководству республики возобновить контакты с Чехословакией для начала переговоров о возможности вхождения в ее состав. Однако польское руководство, отношения которого с Чехословакией были натянуты из-за пограничных споров в Силезии, решило положить конец существованию лемковского государственного образования, прочехословацкая ориентация которого воспринималась Варшавой более болезненно, чем прорусская. Чехофильские настроения среди лемков Варшава трактовала как непосредственную угрозу территориальной целостности польского государства.⁸⁸⁶ После почти двухгодичного существования республики лемков во Флоринке ее территория в конце марта 1920 г. была занята польскими войсками, а руководство

⁸⁸⁴ Русь. 3 ноября 1921. №№ 2–3.

⁸⁸⁵ AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1920, krabice 400. Suggested Corrections to Rusyn preliminary Administration Plan Submitted by Dr. Svehla.

⁸⁸⁶ Moklak J. Republiki lemkowski 1918–1919. S. 74.

в лице Я. Качмарчика, Д. Хиляка и Н. Громосьяка арестовано.⁸⁸⁷ Впоследствии Качмарчик, Хиляк и Громосьяк были освобождены, поскольку суд решил, что они действовали, выполняя «волю народа».

Помимо Лемковской республики во Флоринке, имевшей ярко выраженный русофильский характер, 4 ноября 1918 г. в Дольном Вислоке в восточной части Лемковины была провозглашена Лемковская республика в Команче, руководство которой, придерживаясь проукраинской ориентации, заявило о намерении объединиться с соседней Западноукраинской Народной Республикой (ЗУНР), образованной 1 ноября 1918 г. во Львове. Если республика во Флоринке была образована представителями 130 лемковских деревень, то республика в Команче объединяла только 35 лемковских сел восточной Лемковины, которая испытывала сильное влияние соседней Восточной Галиции. Несмотря на то, что в состав Команчской республики входило лишь несколько десятков деревень, в ней были созданы собственные полицейские формирования численностью от 800 до 1000 человек. Польские власти, обеспокоенные украинской ориентацией руководства республики в Команче в условиях военного противостояния с ЗУНР, уже в середине ноября 1918 г. направили туда войска, которые полностью ликвидировали данное государственное образование к январю 1919 г. В ходе акции было убито несколько лемковских активистов.⁸⁸⁸

* * *

Пребывание лемков в составе межвоенной Польши было отмечено как дискриминационной политикой польских властей в отношении восточнославянского населения Лемковины, так и ростом украинского влияния из соседней Восточной Галиции, встречавшего ожесточенное сопротивление со стороны лемковской интеллигенции. «Когда после войны была провозглашена независимая польская держава, лемки с воодушевлением восприняли этот факт, поскольку надеялись, что в славянской державе им будет лучше, чем в немецко-австрийской. Но лемки ошиблись в своих надеждах»,⁸⁸⁹ — констатировал И. Ф. Лемкин.

Если в период нахождения Галиции в составе Австро-Венгрии местная польская администрация оказывала содействие украинскому движе-

⁸⁸⁷ Magosci P. R. The Ukrainian Question Between Poland and Czechoslovakia: The Lemko Rusyn Republic (1918–1920) and Political Thought in Western Rus'-Ukraine // Nationalities Papers. XXI, 2. N. Y., 1993. P. 98–100.

⁸⁸⁸ Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition. P. 291.

⁸⁸⁹ Лемкин И. Ф. Указ. соч. С. 154.

нию в качестве противовеса галицким москвофилам, то с окончательной победой украинского направления в Восточной Галиции, распадом Австро-Венгрии и образованием независимой Польши ситуация изменилась. Усилившееся украинское движение в Восточной Галиции и его национально-государственные амбиции, которые выразились в стремлении к созданию независимой Украины, вступили в антагонистическое противоречие с национальными интересами Варшавы. В этих условиях польские власти были вынуждены внести существенные коррективы в свою политику, стремясь воспрепятствовать попыткам украинских деятелей распространить украинскую пропаганду из Восточной Галиции в преимущественно русофильскую Лемковину.

По официальным данным, общая численность русинов-лемков в Польше составляла к 1931 г. около 130 тысяч человек, проживавших в 180 преимущественно лемковских деревнях и в нескольких десятках смешанных лемковско-польских сел.⁸⁹⁰ Первая мировая война и связанный с ней трагический опыт оказали существенное влияние на мировосприятие русинов-лемков. Если возвратившиеся из России военнопленные-лемки, познакомившись с российскими реалиями, нередко переосмысливали теорию о принадлежности карпатских русинов к единому русскому народу, то бывшие узники австрийских концлагерей, наоборот, еще больше утверждались в своих прорусских симпатиях и в неприятии украинского движения.⁸⁹¹ В межвоенный период среди русинов-лемков постепенно оформились три основных культурно-национальных ориентации: москвофильская, считавшая русинов-лемков частью единого русского народа; старорусинская (или русинофильская), склонная трактовать лемков как отдельный восточнославянский народ, и украинофильская, рассматривавшая лемков как часть украинского народа с не до конца «разбуженным» украинским самосознанием. В целом среди населения Лемковины продолжали доминировать русофильские настроения, что нашло свое выражение в деятельности лемковской республики во Флоринке, русофильское руководство которой в условиях невозможности присоединения к России длительное время пыталось добиться вхождения в состав Чехословакии вместе с угорскими русинами, стремясь любыми путями избежать присоединения к Польше.

Неприятие польского государства и осознание исторической связи с Россией проявилось на Лемковине в ходе переписи населения в 1921 г., когда некоторые представители лемковской общественности заявляли, что «польская перепись не распространяется на лемков», и указывали «рос-

⁸⁹⁰ Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition. P. 293.

⁸⁹¹ См.: Moklak J. *Lemkowszczyzna w Drugiej Rzeczypospolitej*. Kraków, 1997. S. 36.

сийское подданство».⁸⁹² Примечательно, что в некоторых районах Лемковины, в частности в Горлицком, местные польские власти издали распоряжение, в соответствии с которым в ходе переписи местные лемки могли быть записаны только как «русины» или «украинцы», но не как «русские». Это вызвало протесты лемковской русофильской интеллигенции, недовольной запретом заявить о себе как о «русском человеке».⁸⁹³

Украинское национальное движение, мало популярное на преимущественно русофильской Лемковине, стремилось распространить украинскую идентичность среди русинов-лемков еще с конца XIX века. Украинское грекокатолическое духовенство Восточной Галиции и львовское культурно-просветительное общество «Просвита» являлись главными орудиями украинской пропаганды на Лемковине. По словам И. Лемкина, «украинский сепаратизм врвался на Лемковину посредством украинских священников, которых посылали сюда не ради слова Божьего, а для пропаганды украинской самостоятельности».⁸⁹⁴ Первые отделения украинской «Просвиты» на Лемковине были созданы в начале XX века еще до Первой мировой войны. Так, филиал «Просвиты» в г. Новы Сонч возник в 1902 г.; филиалы в г. Санок и в г. Ясло — в 1903 г. Однако главный идейный оппонент «Просвиты» — русофильское общество им. Качковского, имевшее к 1912 г. 109 читален на территории Лемковины, — пользовалось значительно большей популярностью среди местного населения.

Массовые репрессии в отношении лемковской русофильской интеллигенции, предпринятые австрийскими властями в ходе Первой мировой войны, ослабили позиции русофилов на Лемковине, что создало более благоприятные условия для деятельности украинских организаций. Падение ЗУНР в июле 1919 г. и установление Варшавой своего контроля над Восточной Галицией привело к миграции наиболее деятельных представителей украинской интеллигенции из Восточной Галиции как в чехословацкую Подкарпатскую Русь, так и в западные области польской Галиции, в том числе на Лемковину. Украинские мигранты на Лемковине часто устраивались на работу в качестве учителей, занимая места учителей-лемков, погибших во время австрийских репрессий. В это же время имел место и значительный наплыв в лемковские области молодого поколения украинского грекокатолического духовенства из Восточной Галиции, занимавшего приходы тех лемковских священников-русофилов, которые стали жертвами преследований со стороны властей Австро-Венгрии. Галицкие москвофилы, отмечая рост интереса к Лемковине со стороны украинских общественно-

⁸⁹² Ibidem. S. 146.

⁸⁹³ Русь. 3 ноября 1921 г. №2–3.

⁸⁹⁴ Лемкин И. Ф. Указ. соч. С. 125.

политических структур и украинской прессы в 1920-е гг., объясняли это стремлением украинцев воспользоваться тяжелым положением Лемковины для распространения в ней украинской идеологии. Украинцы «решили, что настало время, когда русскую Лемковщину, не оправившуюся еще после австро-немецкого и украинского военного террора, ... можно деморализовать национально, насаждая в ней отраву украинского сепаратизма...»,⁸⁹⁵ — писал в апреле 1927 г. орган галицких москвофилов «Русский голос».

В межвоенный период «Просвита» усилила свою роль одного из важнейших инструментов распространения украинской идеологии среди русинского населения Лемковины. В 1918–1923 гг. в связи с нерешенным статусом Восточной Галиции и крайне напряженными отношениями между украинским движением и польским государством деятельность «Просвиты» на Лемковине была жестко ограничена. После решения Совета Послов в марте 1923 г. о польской территориальной принадлежности Восточной Галиции значительная часть украинского общества вступила на путь легальной борьбы, признав польскую государственность, что проявилось в последующей активизации «Просвиты» на Лемковине.

Программа «Просвиты» уделяла особое внимание культурно-просветительной работе в тех областях, население которых обладало слабым украинским самосознанием. К числу таких областей руководство «Просвиты» относило Холмщину, Подляшье, Полесье, а также Лемковину. Вопреки широко распространенному мнению о том, что в межвоенный период все восточнославянское население трех юго-восточных воеводств II Речи Посполитой (по официальной терминологии того времени «Восточной Малопольши») приобрело украинское самосознание, в реальности «активными носителями украинского самосознания были примерно 300–400 тысяч человек, остальные считали себя русинами, «тутейшими», «местными», «греко-католиками», руськими или просто затруднились с определением своей идентичности».⁸⁹⁶

29 сентября 1926 г. во Львове состоялась конференция «Просвиты», посвященная методам работы этой организации на Лемковине. На конференции был образован особый комитет по делам Лемковины, задача которого состояла в активизации и координации работы «Просвиты» среди населения.⁸⁹⁷ В результате львовской конференции заметно активизировалась работа филиалов «Просвиты» в г. Новы Сонч и Санок. Во второй половине

⁸⁹⁵ Русский голос. 10 апреля 1927. № 198.

⁸⁹⁶ Матвеев Г. Ф. Русинский вопрос в Чехословакии и Польше в межвоенные годы // Карпатские русины в славянском мире. С. 96.

⁸⁹⁷ Moklak J. Ukraiński ruch narodowy na Łemkowszczyźnie w Drugiej Rzeczypospolitej // Krakowskie Zeszyty Ukrainoznawcze. Tom III–IV. Kraków, 1995. S. 340–342.

1920-х годов существенно возросло количество читален «Просвиты» на территории Лемковины. Так, в 1924 г. было открыто 8 читален «Просвиты»; в 1925 г. — 5 читален; в 1926 г. — 11 и в 1927 г. — 12 читален.⁸⁹⁸

Одним из главных направлений деятельности «Просвиты» на Лемковине было распространение украинской литературы и периодических изданий культурной и социально-экономической направленности. «Просвита» бесплатно обеспечивала лемковское население такими периодическими изданиями на украинском языке, как «Неділя», «Мета», «Сільський господар», «Світ дитини» и пр.⁸⁹⁹ Однако, несмотря на масштабные организационные и материальные инвестиции «Просвиты» в культурно-просветительские проекты на Лемковине, распространение украинской идентичности среди местного населения проходило крайне медленно. Один из руководителей «Просвиты», анализируя в 1932 г. положение на Лемковине с точки зрения распространения здесь украинской идентичности, признавал, что «в лемковских селах Кросненского района украинского самосознания почти не существовало».⁹⁰⁰ Некоторые идеологи украинского движения предлагали использовать организации лемков-эмигрантов в Америке для усиления эффективности украинской пропаганды на Лемковине, поскольку местное население было очень восприимчивым к мнению русинской диаспоры за океаном в общественно-политических вопросах.⁹⁰¹

Украинская пресса оказалась достаточно действенным инструментом распространения украинской идентичности среди части русинов-лемков. Весьма эффективно роль транслятора украинской идеологии на Лемковине играла газета «Наш Лемко», издававшаяся в 1934–1939 гг. при финансовом содействии лемковской комиссии «Просвиты» во Львове. В 1939 г. число подписчиков газеты составило 2262.⁹⁰² В своей пропагандистской деятельности редакция «Нашего Лемко» учитывала местные реалии и особенности психологии жителей Лемковины, что позволило газете приобрести определенную популярность среди лемков. Материалы газеты настойчиво пропагандировали мысль о том, что русины-лемки являются органичной частью украинского народа. Эффективным пропагандистским приемом, использовавшимся журналистами «Нашего Лемко», было обращение к аудитории от имени их земляка-лемка, который «прозрел» и осознал свою принадлежность к украинской нации. В одном из номеров газеты «Наш Лемко» за 1935 г.

⁸⁹⁸ Ibidem.

⁸⁹⁹ Люзьяк М. Поширення української книги товариством «Просвіта» на Лемківщині у 30-х роках XX ст. // Вісник Львівського Університету. Серія історична. 1999. Вип. 34. С. 488.

⁹⁰⁰ Там же. С. 487.

⁹⁰¹ Там же.

⁹⁰² Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition. P. 345.

была помещена заметка «К национальному воскресению. Как я стал национально сознательным». Автор заметки, уроженец Лемковины, вспоминал о своем первоначально негативном отношении к украинцам в молодости, которое было результатом влияния социального окружения, осуждавшего украинцев за «искажение письменности» и за «отдачу наших» в австрийские концлагеря.⁹⁰³ Встреча с земляком-лемком, который открыто заявил о своей украинской принадлежности и посоветовал читать «исторические украинские повести», чтобы «познать историю своего народа», произвела мировоззренческий переворот в душе автора заметки, «познавшего правду» и увидевшего, что «наши родные братья-украинцы трудятся во благо всего украинского народа».⁹⁰⁴ Воздав хвалу украинским организациям и обществам на Лемковине, автор обрушился с критикой на «москалей», которые «убедили нас перейти в православие ... и хотят уничтожить нацию на Лемковине», и призвал «братьев лемков-украинцев» подписываться на «Нашего Лемко», поскольку данная газета является «нашим защитником, учителем и советчиком».⁹⁰⁵

В этом же номере газеты «Наш Лемко» была помещена заметка о предстоящей 20-летней годовщине битвы под Горлицей. «Немецкая и австрийская армии после мощной артподготовки прорвали российский фронт и нанесли тяжелый удар царским войскам. Русская армия должна была тогда бежать далеко на восток почти до Збруча. В годовщину этой славной битвы на место боевых действий приезжает много немцев, австрийцев и венгров, участвовавших в этом сражении. В Горлице прибудут целые поезда из Германии и Венгрии...»,⁹⁰⁶ — писал в апреле 1935 г. «Наш Лемко», ясно демонстрируя свои национальные и политические предпочтения. Во второй половине 1930-х гг. в связи с активизацией политики Варшавы, направленной на ограничение украинской пропаганды и на изоляцию Лемковины от украинской Восточной Галиции, активность украинских организаций на Лемковине заметно снизилась, что, в частности, выразилось в уменьшении количества читален «Просвиты» в лемковских деревнях.

Политика польских властей по отношению к Лемковине определялась, с одной стороны, стремлением опереться на местных москвофилов как на противовес украинскому движению, что было особенно актуально до решения Совета Послов Антанты о признании Восточной Галиции частью Польши 14 марта 1923 года. С другой стороны, Варшава стремилась держать лемковских русофилов в определенных рамках, препятствуя с их по-

⁹⁰³ Наш Лемко. Львів. 28 квітня 1935. Число 9 (33).

⁹⁰⁴ Там же.

⁹⁰⁵ Там же.

⁹⁰⁶ Там же.

мощью украинскому влиянию на Лемковину, но одновременно не давая им усилиться и всячески способствуя полонизации лемковского населения. Примечательно, что на западе Лемковины польская администрация, опасаясь доминирующих там москвофилов, склонялась к поддержке украинцев, в то время как на востоке Лемковины, где влияние украинской пропаганды давало некоторые результаты, польские власти поддерживали русофилов против украинцев.

Лемковский корреспондент прешовской газеты «Русь», сообщая о злоупотреблениях польских властей на западной Лемковине в ходе переписи населения в 1921 г., писал, что «горлицкий староста издал распоряжение, в соответствии с которым руснаки могут записываться только как «русини» или «украинцы», но не могут быть записаны как «русские». Тут мы и увидели, что беспокоит Польшу, — констатировал лемковский корреспондент. — Украинцем ты можешь быть, русином тоже, но русским человеком не смеешь, ибо свет узнал бы тогда, что в Горлицком округе живет тот же народ, что и в Москве».⁹⁰⁷ По мнению галицких русофилов, в целом в течение 1920-х гг. польские власти поддерживали на Лемковине украинцев. Орган галицких москвофилов «Русский голос» отмечал в сентябре 1925 г., что «поборники украинской идеи находят всемерную поддержку в Польше».⁹⁰⁸ С конца 1920-х гг. Варшава меняет акценты в своей национальной политике, направляя основные усилия на ослабление украинского движения.⁹⁰⁹

Для противодействия русофилам на Лемковине польские власти уже в 1919 г. начали кампанию по выявлению лиц непольской национальности в полиции, погранохране и среди почтовых служащих. Данные лица переводились с территории Лемковины в центральные регионы Польши, а их места занимались этническими поляками. Кроме того, Варшава с самого начала стремилась изолировать лемковские церковные приходы от грекокатолического духовенства из Восточной Галиции, связанного с украинским национальным движением. Активизация украинского движения в соседней Чехословакии в 1920-е гг. побудила Варшаву уделить самое пристальное внимание грекокатолическому духовенству на Лемковине. С 1919 г. местные старосты по поручению руководства воеводств пристально изучали на строения местного грекокатолического духовенства, условно разделив его на старорусскую, москвофильскую и украинскую ориентации.⁹¹⁰

Развитие русофильского движения на Лемковине в межвоенный период находилось в тесной связи с политическими процессами в Восточной Гали-

⁹⁰⁷ Русь. 3 ноября 1921. №№ 2–3.

⁹⁰⁸ Русский голос. 13 сентября 1925. № 130.

⁹⁰⁹ Moklak J. Łemkowszczyzna w Drugiej Rzeczypospolitej. S. 148.

⁹¹⁰ Ibidem. S. 147.

ции. По словам польского исследователя Я. Моклака, у лемков «не было общественной или политической организации, которая бы имела свои корни исключительно в местных традициях. Организации, в которых они активно участвовали, появились в результате инициатив львовских общественных деятелей».⁹¹¹ Иначе говоря, русофильское движение на Лемковине являлось составной частью общегалицкой русофильской традиции, которая была подорвана в Восточной Галиции в результате массовых преследований со стороны австрийских властей во время Первой мировой войны. Резкое снижение влияния русофилов в Восточной Галиции привело к тому, что лемки, по-прежнему ощущавшие себя частью единого русского народа, оказались в условиях идеологической и культурной изоляции. По словам российского историка М. Дронова, это обстоятельство в еще большей степени способствовало кристаллизации собственной идентичности русинов-лемков, отличной от идентичности украинцев соседней Восточной Галиции.⁹¹² Лемковина, оставшаяся бастионом русофильских настроений, в условиях падения влияния москвофилов в Восточной Галиции в межвоенный период стала играть для них значительно более важную роль, чем раньше. «В какой бы уголок Галицкой Руси ни заглянуть, везде можно было слышать, что из всех русских галичан самый стойкий и закаленный в борьбе за свои народные права — это Лемко. Он сохраняет традиции отцов своих, ... он любит далекий русский мир — он тверже той карпатской скалы, которую собственным тяжелым трудом обрабатывает»,⁹¹³ — писал орган галицких москвофилов «Русский голос». «Москвофилы, потеряв почву под ногами в Восточной Галиции, обратили свое внимание на Лемковину, где москвофильские села, с небольшими исключениями, все еще образуют цельную и достаточно дисциплинированную массу»,⁹¹⁴ — признавал в 1930-е годы украинский публицист.

Несмотря на массовые репрессии в годы Первой мировой войны, галицкое москвофильство сумело возродиться в составе Польши в межвоенный период. Уже в мае 1919 г. члены распушенной 4 августа 1914 г. Русской Рады во Львове, русофильской организации, основанной еще в 1870 г., обратились во Львовское наместничество с просьбой о разрешении возобновить свою деятельность. В 1919 г. галицкие русофилы создали Галицко-Русскую Народную Организацию (ГРНО), в рамках которой был образован районный комитет для лемковских областей. Вскоре в рамках ГРНО возникло правое и левое крыло, симпатизировавшее КПЗУ. В 1923 г. правое крыло ГРНО

⁹¹¹ Ibidem. S. 45.

⁹¹² См.: Дронов М. Лемки и Лемковщина. Страницы истории и культуры самой западной Руси // Вестник Юго-Западной Руси. 2006. № 1.

⁹¹³ Русский голос. 12 февраля 1926. № 143.

⁹¹⁴ Лемківська проблема. Написав Лемко. Львів, 1933. С. 6.

образовало Русскую Народную Организацию (РНО), под влиянием которой было русофильское культурное общество имени Качковского, институт «Народный дом» и Ставропигийский институт. РНО издавала еженедельную газету «Русский голос», выходившую во Львове.

Программа РНО включала требования автономии для «русских земель в Польше», а также поддержки русского образования и создания отдельного русского университета. Идеологическим фундаментом РНО была мысль о существовании единого русского народа в составе великороссов, малороссов и белорусов и пропаганда общерусского культурного единства. «Только в глубоком сознании национального и культурного единства всех ветвей русского народа покоится ... сила и национальная мощь как всего русского народа, так тем более его малорусской разновидности, в особенности той части русского народа, которая живет в пределах современной Польши»,⁹¹⁵ — писал в феврале 1925 г. орган РНО «Русский голос», выражая кредо галицких москвофилов. Одним из руководителей РНО был этнический русский Н. Себреников, депутат сейма, которому было предоставлено право представлять интересы «галицко-русского населения» в польском парламенте.⁹¹⁶ Представителем Лемковины в руководстве партии был грекокатолический священник К. Чайковский, активно участвовавший в распространении православия в Перемышльской епархии. На съезде РНО во Львове 29 июля 1926 г. звучала резкая критика польского правительства за «поддержку сепаратизма украинцев и белорусов».⁹¹⁷

Спустя два года на съезде РНО 7 июля 1928 г. было принято решение об изменении названия партии на «Русскую Селянскую Организацию» (РСО), которая в качестве главной политической структуры москвофилов в Галиции просуществовала вплоть до 1939 года. Идеология РСО по-прежнему исходила из тезиса о существовании единого русского народа, состоящего из великороссов, малороссов и белорусов, что делало данную партию антагонистом украинских политических партий и организаций Восточной Галиции. РСО активно содействовала распространению православия среди галицких русинов, которое приобрело особый размах на Лемковине, занимая оппозиционное отношение к политике Варшавы и откровенно враждебное — к украинским организациям. На территории Лемковины РСО имела отделения в саноцком и кросненском округах Львовского воеводства. Массовые съезды, которые периодически организовывала РСО, «по количеству участников не уступали украинским...».⁹¹⁸

⁹¹⁵ Русский голос. 1 февраля 1925. № 109.

⁹¹⁶ Moklak J. Łemkowszczyzna w Drugiej Rzeczypospolitej. S. 48–49.

⁹¹⁷ Ibidem. S. 49–50.

⁹¹⁸ Матвеев Г. Ф. Русинский вопрос в Чехословакии и Польше в межвоенные годы. С. 98.

В межвоенный период на Лемковине продолжала успешно развиваться деятельность русофильского общества им. Качковского, противостоявшего украинской «Просвите» и традиционно имевшего сильное влияние на местное население. К 1921 г. восстановили свою деятельность все читальни общества им. Качковского, закрытые во время Первой мировой войны. Динамика роста читален общества им. Качковского на Лемковине во второй половине 1920-х годов была сравнима с показателями «Просвиты». В 1920-е годы наиболее успешным для русофилов был 1927 г., когда было основано 12 читален общества Качковского на территории Лемковины. Самый благоприятный период для культурно-просветительской деятельности русофилов на Лемковине наступил в 1932–1935 гг., что было связано с благосклонностью польских властей, которые, стремясь изолировать Лемковину от Восточной Галиции и воспрепятствовать украинской пропаганде, стали ограничивать деятельность «Просвиты», отдавая предпочтение обществу им. Качковского. Пользуясь благоприятной внутривнутриполитической конъюнктурой, общество им. Качковского основало 15 читален в 1934 г. и 16 — в 1935 г. Однако во второй половине 1930-х годов в связи с некоторой нормализацией польско-украинских отношений и утратой интереса со стороны Варшавы к поддержке русофилов на Лемковине динамика роста численности читален общества им. Качковского падает. Так, в 1936 г. было основано 5 читален общества, а в 1937 г. — только одно.⁹¹⁹ Примечательно, что развитие сети читален общества им. Качковского в различных районах Лемковины было неравномерным, отражая степень влияния в них русофилов и украинофилов. Если в западной и центральной Лемковине, настроенных в основном русофильски, доминировали читальни общества им. Качковского, то в восточной Лемковине, главным образом в Саноцком районе, где ощущалось сильное культурное влияние украинской Восточной Галиции, были популярны читальни «Просвиты».⁹²⁰

15 июня 1928 г. польский сейм по предложению депутатов украинского клуба принял закон об официальном введении названия «украинец» и «украинский» вместо употребляемого до этого традиционного названия «русский», что вызвало бурю негодования среди лемковской русофильской интеллигенции и многочисленные протесты. «Одним росчерком пера, без какой-либо дискуссии сейм Польши, состоящий из польских и украинских националистов, ... ликвидировал русский народ в Польше, поставив на его место украинского идола, который ... через 11 лет во время гитлеровской оккупации вонзил свой кровавый меч в сердце поляка»,⁹²¹ — так эмо-

⁹¹⁹ Moklak J. *Łemkowszczyzna w Drugiej Rzeczypospolitej*. S. 83.

⁹²⁰ Ibidem. S. 84.

⁹²¹ Лемкин И. Ф. История Лемковины. С. 164–165.

ционально комментировал решение польского парламента лемковский историк и общественный деятель И. Ф. Лемкин. Реагируя на активизацию украинского движения в Польше, делегаты первого окружного съезда РСО на Лемковине, состоявшегося 2 февраля 1929 г. в г. Санок, резко критиковали украинских политиков за упразднение терминов «Русь» и «русин» и их вытеснение из публичной сферы. В целом давление на русинов-лемков со стороны украинцев в межвоенной Польше было сильнее, чем в Чехословакии, поскольку в состав Польши входила Восточная Галиция, окончательно ставшая в межвоенный период «украинским Пьемонтом» и активно выступавшая в роли экспортера кадров профессиональных интеллектуалов-украинизаторов не только в западногалицкую Лемковину, но также в Подкарпатскую Русь, входившую в то время в состав ЧСР, и на Советскую Украину, где в 1920-е годы проходила кампания украинизации.⁹²²

Эффективным орудием украинизации Лемковины в межвоенной Польше стала грекокатолическая церковь. Глава Перемышльской епархии епископ Й. Коцьоловский широко практиковал отправку молодых грекокатолических священников-украинцев из Восточной Галиции, выступавших в роли «будителей» украинского самосознания, в лемковские приходы, часть которых пустовала, так как многие священники-лемки были убиты или погибли в австрийских концлагерях во время Первой мировой войны. «Вместо слова Божьего верующие должны были слушать лекции об Украине, — саркастически замечал по этому поводу лемковский историк. — Народ разрешил эту проблему таким образом, что стал порывать с грекокатоличеством и переходить в православие».⁹²³ Русофильская пресса Галиции резко критиковала епископа Коцьоловского за его намерение ввести в Перемышльской епархии обязательное безбрачие униатского духовенства, усматривая в этом стремление латинизировать грекокатолическую церковь. «Недоброе дело затеял епископ Коцьоловский. Он принялся творить волю тех, кто уже шестьсот с лишним лет заинтересован в денационализации русского народа и кто считает, что постепенная латинизация восточного обряда нашей церкви — самое верное средство в этом отношении»,⁹²⁴ — писал «Русский голос» в феврале 1925 г. Православное движение на Лемковине всячески поддерживалось русофильскими политическими структурами Галиции, в первую очередь Русской Селянской Организацией (РСО). Весьма сочувственно относились к распространению православия на Лемковине и русофилы Подкарпатской Руси, также усматривавшие в деятельности грекокатолической церкви в Галиции инструмент украинизации местного населения. «Лем-

⁹²² См.: Борисенко Е. Ю. Феномен советской украинизации. М., 2006.

⁹²³ Лемкин И. Ф. Указ. соч. С. 161–162.

⁹²⁴ Русский голос. 1 февраля 1925. № 109.

ковские крестьяне считают себя русскими и не желают, чтобы грекокатолическое духовенство переделывало их на украинцев, — писал в декабре 1933 г. «Карпаторусский голос». — В 25 селениях на Лемковщине в уездах Горлице, Ясло, Кросно население покинуло грекокатолическую церковь и перешло в православие в некоторых местах и на 50%...».⁹²⁵

Украинские деятели Восточной Галиции воспринимали успехи православного движения на Лемковине крайне болезненно, пытаясь его всячески дискредитировать. По словам некоторых украинских публицистов, православная агитация москвофилов на Лемковине являлась «сознательной преступной деятельностью», которая вела часть местного «украинского» народа к полной национальной гибели, поскольку, по мнению галицких украинских деятелей, это вызывало «усталость от душевной борьбы» и разочарование, что в конечном счете облегчало латинизацию и полонизацию лемков.⁹²⁶ Украинская пропаганда обвиняла москвофилов в том, что они обещали лемкам спасение от украинизации путем перехода из грекокатоличества в православие, но при этом скрывали от лемков имевшую место борьбу за украинизацию православной церкви в Польше, которая, по мнению галицких деятелей, была неизбежной.⁹²⁷

Массовый переход лемков в православие⁹²⁸ встревожил римскую курию и польские власти, побудив Варшаву уделить самое пристальное внимание лемковскому вопросу. Выработке национальной политики Варшавы в отношении лемков предшествовало широкомасштабное изучение населения Лемковины в начале 1930-х гг., которым руководил чиновник по особым поручениям при Президиуме Совета министров Польши В. Вельгорски. В обширном документе, направленном в польское правительство в 1933 г., Вельгорски подробно изложил результаты исследования русинского населения Лемковины, сделав практические рекомендации в отношении польской политики на Лемковине и высказав ряд любопытных наблюдений. Вельгорски, в частности, отмечал незначительную численность лемковской интеллигенции, подчеркивая однослойный, преимущественно крестьянский облик социальной структуры лемков, готовность лемковского общества к защите своей групповой индивидуальности, а также крайний консерватизм лемков и их приверженность традициям.⁹²⁹ Характеризуя отношение лемков к польскому государству, Вельгорский констатировал, что оно не является

⁹²⁵ Карпаторусский голос. 15 декабря 1933. № 270.

⁹²⁶ Лемківська проблема. Написав Лемко. С. 2–3.

⁹²⁷ Там же. С. 7.

⁹²⁸ По некоторым данным, к началу 1930-х гг. в православие перешло около 25 тысяч лемков. См.: Лемківщина. Земля–люди–історія–культура. Нью-Йорк, 1988. С. 190.

⁹²⁹ Moklak J. Łemkowszczyzna w Drugiej Rzeczypospolitej. S. 154–155.

ни враждебным, ни дружеским, а скорее отстраненным и индифферентным. По мнению польского чиновника, лемки имеют определенную склонность к лояльному отношению к Польше в том случае, если украинская пропаганда не успела изменить в них это отношение. Вельгорски обращал особое внимание на сильное ощущение лемками своей принадлежности к восточнославянскому миру и его культуре, что находило свое выражение в доминировании на Лемковине москвофилов и старорусского направления.⁹³⁰

Касаясь политики в области просвещения, польский чиновник подчеркивал необходимость набора учительских кадров либо из поляков, либо из местных лемков, категорически отвергая возможность использования украинской интеллигенции из Галиции в качестве педагогов. Для усиления культурного барьера между населением Лемковины и украинцами Восточной Галиции Вельгорски предлагал использовать местный лемковский диалект в качестве языка обучения, высказываясь за издание учебных пособий на этом диалекте и рекомендуя поддержку старорусского направления в сфере просвещения. В экономической сфере Вельгорски предлагал принять действенные меры для ограничения влияния украинских кредитно-торговых учреждений на Лемковине путем строительства дорог, развития лесного хозяйства и инфраструктуры региона в целом для более тесной интеграции Лемковины с этнически польскими областями. Вельгорски также рекомендовал изменить границы Санокского повета таким образом, чтобы исключить из его состава северные территории, населенные в основном украинцами. Цель этого предложения состояла в административном объединении населенных лемками областей для облегчения проведения единой государственной политики в отношении Лемковины.

Рекомендации Вельгорски были учтены польским правительством в его практической деятельности. С марта 1934 г. начал действовать Комитет по делам национальностей во главе с Вельгорски при Президиуме Совета министров Польши. В рамках данного органа был образован Комитет по делам Лемковины в составе представителей МВД, Министерства обороны, а также кураторов Краковского и Львовского образовательных округов.⁹³¹ Кроме того, в 1934 г. была создана специальная Лемковская секция при правительственной Комиссии по изучению восточных территорий, финансируемая государством. В состав секции, возглавляемой Е. Смоленским, вошли ученые Ягеллонского университета в Кракове и сотрудники польской Академии наук. Цель секции состояла в выработке практических рекомендаций правительству Польши в вопросах, касающихся Лемковины. В рамках

⁹³⁰ Ibidem. S. 155.

⁹³¹ Ibidem. S. 157.

работы Лемковской секции был осуществлен ряд успешных исследовательских проектов на территории Лемковины в области этнографии, языкознания и антропологии. Современные лемковские исследователи полагают, что рекомендации секции, судя по всему, повлияли на решение польского правительства поддержать в 1930-е годы идею существования отдельного от украинцев лемковского народа.⁹³² Возросшее внимание Варшавы к Лемковине вскоре проявилось в лемковской общественной жизни.

В декабре 1933 г. в г. Санок на общелемковском съезде был создан Лемко-Союз, возглавивший борьбу лемков против украинизации. Организационной базой, на основе которой возник Лемко-Союз, стали сформированные ранее политические структуры старорусинского (русинофильского) направления, представленные созданной в 1928 г. Русской аграрной партией земельных и безземельных крестьян в Польше (РАП). Данная партия, ориентированная на конструктивное сотрудничество с польскими властями и пользовавшаяся благосклонностью Варшавы, в феврале 1931 г. была переименована в Русскую аграрную организацию. Первоначально Лемко-Союз, во главе которого встали М. Трохановский и О. Гнатышак, пользовался серьезной финансовой поддержкой польских властей. Декларируя свою лояльность польским властям, в том числе «пану Президенту и пану Маршалку Пилсудскому», Лемко-Союз обратился к правительству Польши с просьбой запретить украинским учителям и украинскому духовенству «распространять вредоносную агитацию в школах и в церкви»⁹³³ на территории Лемковины. Лемко-Союз требовал введения лемковского языка в качестве языка обучения в школах Лемковины и устранения украинских священников и учителей из церквей и школ. Одно из главных требований Лемко-Союза заключалось в образовании независимой от Перемышльской епархии грекокатолической церковной структуры для лемков с целью остановить украинизацию Лемковины, которая активно осуществлялась с помощью украинского грекокатолического духовенства из Восточной Галиции.

Данное требование было с пониманием воспринято Варшавой, обеспеченной как усилением украинофилов, так и распространением православия на Лемковине. Для удержания лемков в грекокатолической вере в феврале 1934 г. часть западных приходов Перемышльской епархии была выделена в отдельную церковно-административную единицу — Апостольскую Администрацию Лемковины, подчиненную непосредственно Ватикану. Наибольшим противником новой церковной структуры стало украинское грекокатолическое духовенство во главе с перемышльским епископом Коцьоловским.

⁹³² Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition. P. 291.

⁹³³ Moklak J. Op. cit. S. 75.

Руководители Апостольской Администрации Лемковины из числа лемковского духовенства подвергались преследованиям со стороны украинских радикалов. Так, первый Апостольский Администратор Лемковины о. В. Масцюх был отравлен украинскими националистами; заменивший Масцюха на этом посту о. Й. Полянский часто подвергался травле и угрозам.⁹³⁴

Русинская общественность соседней Чехословакии с одобрением встретила создание новой административной церковной единицы для лемков в Польше. «Для русской Лемковины в Польше назначен русский епископ о. Масцюх со столицей в Санок. Назначением особого епископа, как и особыми учебниками и газетой для лемков польское правительство преследует цель воспрепятствовать распространению украинства с территории Восточной Галиции на запад»⁹³⁵ — с удовлетворением констатировала прешовская «Народная газета».

Польские власти, озабоченные радикализацией украинского движения в 1930-е гг., пошли навстречу Лемко-Союзу и в вопросе языка обучения в школах. В 1933 г. преподавание в местных лемковских учебных заведениях было переведено с украинского языка на лемковский диалект, что вызвало негативную реакцию не только украинских деятелей, но и галицких москвофилов. Лидеры РСО обвиняли Лемко-Союз в «лемковском сепаратизме» и критиковали руководителей Союза за игнорирование понятия «русский», которое в публичной сфере целенаправленно заменялось термином «лемко». Подобная практика воспринималась москвофилами как стремление подорвать общерусскую идентичность восточнославянского населения Лемковины.⁹³⁶ По мнению лемковского историка русофильской ориентации И. Ф. Лемкина, действительной целью польских властей была не поддержка лемковской культуры, а «отлучение лемков от русского языка. Но когда польские власти увидели, что лемковские учебники не достигают цели, ... то в последний год перед войной вместо лемковских учебных пособий были введены украинские».⁹³⁷ После запрета лемковских учебников в 1938 г. польское правительство отказалось от финансовой поддержки Лемко-Союза, который полностью прекратил свою деятельность с началом Второй мировой войны и падением Польши в сентябре 1939 г. Тем не менее, по мнению современных лемковских ученых, «пятилетний период функционирования лемковского языка в государственной школьной системе оставил заметные следы в процессе становления самосознания лемков. Когда язык лемков был заменен на украинский, лемки уже были уверены в образовательном потен-

⁹³⁴ Лемкин И. Ф. Указ. соч. С. 168.

⁹³⁵ Народная газета. 1935. №№ 3–4.

⁹³⁶ Moklak J. Łemkowszczyzna w Drugiej Rzeczypospolitej. S. 76.

⁹³⁷ Лемкин И. Ф. Указ. соч. С. 171.

циале родного языка, изучение которого было заторможено политической системой».⁹³⁸

Образовательная политика Варшавы на Лемковине имела и четко выраженные ассимиляторские тенденции, что проявлялось в кадровой сфере. С 1930 г. польские власти приступили к увеличению числа школ на Лемковине, куда в качестве учителей назначались только этнические поляки. Одновременно происходило перемещение учителей-украинцев из Лемковины в другие регионы Польши. Подобная политика вскоре привела к резкому росту числа поляков среди учителей в школах Лемковины. С 1930 по 1936 гг. количество поляков среди учителей в лемковских школах возросло с 66% до 80%, в то время как число украинских учителей за это время уменьшилось с 13% до 9%.⁹³⁹ Примечательно, что с 1928 по 1930 гг. при финансовой поддержке властей Кракова издавалась еженедельная газета на лемковском диалекте, которая печаталась на польской латинице и стремилась стимулировать пропольские настроения среди населения Лемковины, что, по замыслу инициаторов данного проекта, должно было способствовать полонизации русинского населения.⁹⁴⁰

Украинские деятели относились к Лемко-Союзу не менее критически, чем москвофилы. По мнению украинских идеологов, ориентация Лемко-Союза на местные особенности и издание лемковского букваря были «преступной затеей», направленной на нейтрализацию деятельности читален украинской «Просвиты» на территории Лемковины.⁹⁴¹ Украинские публицисты обвиняли автора лемковского букваря М. Трохановского в том, что он многое позаимствовал из аналогичных польских учебных пособий, включая иллюстрации. Главное обвинение украинских деятелей в адрес лидеров Лемко-Союза сводилось к тому, что лемковская культурно-языковая активность была задумана и поддерживалась польскими властями с целью усиления полонизации лемковского населения. «Автор лемковского букваря не хочет остановить влияние «более высокой культуры» наших соседей на новый «лемковский народ». Польская пресса уже причислила этот «народ» к полякам, а его говор — к наречию польского языка. Таково первое реальное «достижение» М. Трохановского, — отмечал украинский публицист. — «Лемковский букварь» уже вышел в школьном издательстве при львовском учебном округе, и его уже ввели в народные школы на территории всей Лемковины

⁹³⁸ *Duc -Fajfer O.* Lemkovský jazyk v edukačnom systéme Poľska // Plišková A. (ed.) *Rusínska kultúra a školstvo po roku 1989.* Prešov. 2008. S. 221.

⁹³⁹ *Stepek J. A.* Akcja polska na Lemkowszczyźnie // *Libertas. Kwartalnik społeczno-polityczny.* Paryż, 1984. № 1. S. 40.

⁹⁴⁰ *Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition.* P. 286.

⁹⁴¹ Лемківська проблема. Написав Лемко. С. 10.

с началом нового учебного года...».⁹⁴² Болезненную реакцию украинцев вызывали и меры польских властей по ограничению деятельности украинских культурных и хозяйственных организаций на Лемковине. В феврале 1936 г. украинская пресса с возмущением писала о запретах основывать отделения «Просвиты» в лемковских селах и о препятствиях в распространении украинской печатной продукции на Лемковине.⁹⁴³

Большую тревогу и озабоченность украинских деятелей вызывала активность Лемко-Союза в США и Канаде, который пользовался большой популярностью среди диаспоры русинов-лемков в Америке. Первое отделение Лемко-Союза в Северной Америке было основано еще в 1929 г. в г. Виннипег (Канада). «Среди наших братьев в Америке... врагами нашего украинского народа ведется пропаганда, направленная на ослабление нашего национального организма. Почти восьмой год выходит в Кливленде в США еженедельник «Лемко», полное название которого звучит: «Лемко. Карпаторусская Народная Газета. Орган Лемко-Союза в США и Канаде». Газета издается на русско-лемковской мешанине и пропагандирует, что лемки — не украинцы, а отдельный лемковский народ»,⁹⁴⁴ — с осуждением писал «Наш Лемко» в апреле 1935 г.

Таким образом, национальная политика польских властей на Лемковине в 1920–1930-е гг. была направлена, с одной стороны, на поддержку русинских организаций среди лемков, антиукраинские настроения и москвофильская ориентация которых использовались Варшавой для противодействия усилившемуся украинскому движению. С другой стороны, польские политики стремились не допустить окончательной победы и радикализации русинских москвофилов путем поддержки старорусинского течения, считавшего лемков не частью русских или украинцев, а отдельным восточнославянским народом.⁹⁴⁵ Политика Варшавы в отношении Лемковины, окончательно оформившаяся в 1930-е гг., базировалась на серьезном изучении «лемковского вопроса» и исходила из того, что, поскольку полонизация русинского населения Лемковины являлась трудноосуществимой, было необходимо стремиться к усилению этнокультурной и языковой изоляции лемков от украинцев Восточной Галиции, что представлялось более реальной задачей. «Польская акция» на Лемковине была достаточно продуманным, организованным и институционально оформленным проектом, который осуществлялся и координировался Комитетом по делам Лемковины, включавшим представителей Президиума Совета министров,

⁹⁴² Лемківська проблема. Написав Лемко. С. 10.

⁹⁴³ Наш Лемко. Львів. 15 лютого 1936. Число 4 (52).

⁹⁴⁴ Наш Лемко. Львів. 28 квітня 1935. Число 9 (33).

⁹⁴⁵ *Stepek J. A.* Akcja polska na Lemkowszczyźnie. S. 33.

МВД и кураторов краковского и львовского образовательных округов.⁹⁴⁶ Любопытно, что для борьбы с украинским движением в Восточной Галиции польские власти использовали не только русинские организации на Лемковине, но и соответствующие политические структуры русинов в соседней Чехословакии. Так, Варшава субсидировала деятельность некоторых русофильских организаций в Подкарпатской Руси, входившей в межвоенный период в состав Чехословакии. В частности, польский МИД финансировал политическую деятельность С. Фенцика и организованной им Русской национально-автономной партии, выплачивая Фенцику 20 тысяч крон в качестве ежемесячных дотаций.⁹⁴⁷

Украинские общественные и политические деятели резко критиковали политику польских властей, направленную на культурную изоляцию лемков от украинской Восточной Галиции и на ограничение украинской пропаганды на Лемковине. Один из украинских политиков, депутат польского парламента В. Целевич в своей речи 21 января 1936 г. констатировал, что польское правительство проводит на Лемковине «специфическую политику, идущую в трех направлениях: в направлении поддержки русофилов, в направлении создания отдельного лемковского народа и в направлении запрета украинским организациям вести свою деятельность на Лемковине... Территорию Лемковины правительство превратило в своего рода русофильскую резервацию..., что может негативно повлиять на нормализацию польско-украинских отношений».⁹⁴⁸ От имени украинской общественности Целевич обращался к польским властям со следующими требованиями: «1). Изменить административную и школьную политику в вопросе поддержки русофильства. 2). Отменить так называемый лемковский букварь и прочие лемковские пособия и вернуть в школы украинский букварь. 3). Не ставить препон в деятельности украинских просветительских и хозяйственных обществ».⁹⁴⁹ В конце 1930-х гг. польское правительство по политическим соображениям было вынуждено пойти на некоторые уступки украинским требованиям, отменив лемковские учебные пособия в школах Лемковины и прекратив финансовую поддержку Лемко-Союза.

По справедливому замечанию Г. Ф. Матвеева, и в Чехословакии, и в Польше «русины оказались объектом манипулирования со стороны властей, стремившихся добиться большей однородности своего многонационального населения, не останавливаясь при этом перед его скрытой ассимиля-

⁹⁴⁶ Ibidem. S. 34.

⁹⁴⁷ См.: *Пушкаш А.* Цивилизация или варварство. Закарпатье 1918–1945. М., 2006. С. 104–105.

⁹⁴⁸ Наш Лемко. Львів. 15 лютого 1936. Число 4 (52).

⁹⁴⁹ Там же.

цией, главным образом с помощью государственных школ. Однако вместо ожидавшегося включения русинов в состав польской и чехословацкой политических наций повсеместно наблюдался рост украинского этнического сепаратизма, открыто давший о себе знать в 1938–1945 гг.»⁹⁵⁰ К этому следует добавить, что политика польских властей в русинском вопросе в межвоенный период в целом представляется более четкой, последовательной, целенаправленной и организационно оформленной, чем политика Праги в отношении русинского населения Чехословакии. Это было результатом как значительно большей компетентности поляков в русинском вопросе, так и их солидного опыта участия в различных этнокультурных проектах, которым не могли похвастаться чехи.

⁹⁵⁰ *Матвеев Г. Ф.* Русинский вопрос в Чехословакии и Польше в межвоенные годы. С. 101.

ГЛАВА 9

**«Украинизация Подкарпатской Руси...
не встречает сочувствия в населении»****ПЕРВАНЫЙ КОНТИНУИТЕТ:
КАРПАТСКЕ РУСИНЫ В 1938–1945 ГГ.**

«Первым актом ... правительства Волошина и Ревая было негласное учреждение концентрационных лагерей. Они ... населены русскими людьми всех рангов и классов».

(Amerikansky Russky Vjestnik. Homestead, PA. June 8, 1939. № 23).

«Пряшевщина — это русский уголок под Бескидами, по воле судьбы оставшийся вне пределов воссоединенных русских исторических земель... Население Пряшевской Руси в процессе долголетнего отстаивания своих прав и национальной принадлежности твердо осознало себя как часть великого русского народа, которая, несмотря на сильную денационализацию в прошлом, без всякой посторонней помощи сохранила подлинный русский облик... Русская культура — это великое сокровище..., является национальной гордостью населения Пряшевской Руси...».

(Иван Шлепецкий, дня 19 августа 1947 г. //

Пряшевщина. Историко-литературный сборник.

Прага, 1948. С. 3.)

Драматические события в Европе в 1938–1939 гг., кардинально изменившие политическую карту европейского континента, оказали колоссальное воздействие на положение карпатских русинов. Внутриполитический кризис в ЧСР в 1938 г., вызванный национальным движением судетских немцев, и Мюнхенский сговор в конце сентября 1938 г., лишивший Чехословакию значительной части ее территории и повлекший за собой затяжной и прогрессирующий паралич власти,⁹⁵¹ сопровождалась резким ростом ак-

⁹⁵¹ Министр иностранных дел Чехословакии К. Крофта в беседе с полпредом СССР в Праге Александровским 3 октября 1938 г. сказал, что в результате Мюнхенского сговора «Чехословакия превращена в фикцию, государство без всякого значения, без собственной линии поведения... Недалеко то время, когда она превратится в безвольный придаток Германии». См.: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. М., 1991. Т. 1. С. 45.

тивности словацкого и русинского движения за автономию. В Подкарпатской Руси также активизировалось украинское национальное движение, опиравшееся на военизированную организацию «Карпатская Сич», созданную при содействии германских спецслужб.

Колоссальную роль в организации движения за автономию Подкарпатской Руси в 1938 г. сыграл основанный в США А. Геровским Карпаторусский Союз, который, предчувствуя грядущие внешнеполитические потрясения в Центральной Европе, отправил в мае 1938 г. свою делегацию в Чехословакию с целью изучения положения Подкарпатя и возможности получения автономии. Примечательно, что возглавивший делегацию Карпаторусского Союза А. Геровский, жестко критиковавший русинскую политику чехословацких властей в течение всего межвоенного периода, первоначально столкнулся с нежеланием Праги разрешить ему въезд в Чехословакию. Однако после многочисленных бюрократических проволочек со стороны чехословацкого посольства в Париже А. Геровский в итоге получил чехословацкую визу и смог попасть в Чехословакию.

Визит делегации Карпаторусского Союза в Подкарпатскую Русь в мае 1938 г. и беседы ее членов с местным населением и русинскими политиками убедили представителей американских русинов в крайне тяжелом социально-экономическом положении Подкарпатя, всевластии чешских чиновников, безвластии губернатора Подкарпатской Руси К. Грабаря и широко распространенном недовольстве местного населения политикой Праги. А. Геровский писал в своих воспоминаниях, что, когда члены делегации Карпаторусского Союза были в гостях у губернатора Грабаря в его имении в Среднем, они заметили в кустах сада скрывающихся там людей, которые оказались сыщиками, посланными вице-губернатором Подкарпатской Руси чехом Мезником для слежки за губернатором. По словам Геровского, один из сыщиков даже просил прислугу Грабаря подслушивать содержание бесед губернатора с гостями.⁹⁵²

Представителям американского Карпаторусского Союза удалось объединить русинских членов чехословацкого парламента русофильской ориентации в лице депутатов от Автономного Земледельческого союза и аграрной партии А. Бродия, П. Жидовского, П. Коссея и И. Пешака, а также сенаторов Э. Бачинского и Ю. Фельдешия. На встрече в Ужгороде 6 июня 1938 г. упомянутые русинские политики в присутствии делегации Карпаторусского Союза создали Русский Блок и приняли общую программу, начав переговоры с чехословацким правительством о получении автономии. Первоначально в состав Русского Блока не вошли украинофил Ю. Ревай,

⁹⁵² Геровский А. Карпатская Русь в чешском ярме. С. 227–229.

депутат чехословацкого парламента от социал-демократической партии, и С. Фенцик, депутат парламента и лидер Русской национально-автономной партии.

В то время как глава правительства ЧСР М. Годжа с пониманием отнесся к целям и деятельности Русского Блока, главными оппонентами автономии Подкарпатя традиционно выступили монсиньор Шрадек, лидер клерикальной народной партии, а также социал-демократы и национально-социалистическая партия президента Бенеша. Вплоть до конца сентября 1938 г., т. е. до самого Мюнхенского сговора, чехословацкое правительство противилось введению автономии Подкарпатской Руси. В своих воспоминаниях А. Геровский сравнивал политику чехословацких властей в отношении Подкарпатя в это время с поведением скупого человека, который даже перед смертью не хочет расстаться со своим богатством.⁹⁵³

В сентябре 1938 г. в разгар внутривластного кризиса в Чехословакии произошла консолидация всех русинских политических сил в борьбе за автономию края. Более решительно требование автономии стали отстаивать и такие карпаторусские политические деятели как сенатор Э. Бачинский и губернатор Подкарпатской Руси К. Грабарь, ранее послушно шедшие в русле пражской политики. Некоторое время в стороне от автономистского движения оставались С. Фенцик и местные украинофилы, которые, будучи в меньшинстве в Подкарпатской Руси и опираясь на поддержку Праги, справедливо опасались ослабления своих позиций в случае предоставления автономии Подкарпатю. Однако в конце сентября 1938 г., стремясь избежать изоляции и потери влияния в условиях углубления внутривластного кризиса в Чехословакии, они примкнули к автономистским силам, объединенным в Русском Блоке.

21 сентября 1938 г. члены Русского Блока в чехословацком парламенте направили чехословацкому правительству декларацию, в которой, напомнив о том, что Подкарпатя было присоединено к Чехословакии на основании принципа самоопределения и с условием широкого самоуправления, требовали от Праги предоставления Подкарпатской Руси давно обещанной автономии. Позднее данную декларацию подписали также С. Фенцик и представитель украинофилов Ю. Ревай, депутат парламента от социал-демократической партии.

Накануне Мюнхенского сговора отношение Праги к вопросу подкарпаторусской автономии, к русофилам в Подкарпатской Руси, а также к русским вообще резко изменилось в лучшую сторону. 29 сентября 1938 г., т. е. в день начала работы международной конференции в Мюнхене, «Американский

⁹⁵³ Геровский А. Карпатская Русь в чешском ярме. С. 250–253.

Русский Вестник» констатировал, что «никогда еще в Чехословакии так хорошо не относились к русским, как теперь. ... В представлении рядового чеха, каждый русский — их союзник. Затруднения, переживаемые Чехословакией, ... отразились на положении русского населения в Подкарпатской Руси. ... Раньше местные власти способствовали украинизации населения, теперь украинофилы лишены всякой поддержки, и движение их сходит на нет...»⁹⁵⁴

Мюнхенский сговор и последовавшие за ним паралич власти и трансформация политической системы ЧСР сделали Прагу более сговорчивой в вопросе автономии Подкарпатя. В начале октября 1938 г. карпаторусские политики — члены Русского Блока по рекомендации главы американского Карпаторусского Союза А. Геровского приступили к созданию автономного правительства Подкарпатской Руси, членами которого, по всеобщему согласию, могли быть только депутаты и сенаторы чехословацкого парламента. На совместном заседании Русского Блока и представителей Русской и Русьской (украинской) Народных рад во главе с И. Каминским и А. Волошиным, состоявшимся в Ужгороде 8 октября 1938 г., было единогласно избрано первое автономное правительство Подкарпатской Руси. Премьером правительства стал лидер влиятельного Автономного Земледельческого союза А. Бродий; в состав правительства в качестве министров вошли русофилы Э. Бачинский, И. Пещак, С. Фенцик и украинофил Ю. Ревай. По просьбе украинофилов в состав правительства в качестве исключения был также включен А. Волошин, не бывший, в отличие от остальных министров, членом чехословацкого парламента.

По воспоминаниям А. Геровского, при подписании протокола об избрании автономного правительства представитель украинофилов М. Брашайко, выразив удовлетворение по поводу обретения Подкарпатской Русью собственного правительства, одновременно признал, что это является «проигрышем Украины».⁹⁵⁵ Впоследствии украинские деятели стремились всячески преуменьшить роль русофилов в движении за автономию Подкарпатя. Так, глава подкарпаторусского отделения ООН в 1932–1940 гг. и один из приближенных А. Волошина Ю. Химинец в своих мемуарах ни словом не упомянул о роли Русского Блока и русофильских политиков в создании первого автономного правительства Подкарпатской Руси. Химинец интерпретировал данные события таким образом, как будто не русофилы, стоявшие во главе автономистского движения, пошли на уступки украинофилам при формировании правительства, а наоборот.⁹⁵⁶

⁹⁵⁴ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. September 29, 1938. № 39.

⁹⁵⁵ Геровский А. Указ. соч.

⁹⁵⁶ Химинець Ю. Закарпаття — земля української держави. Ужгород, 1991. С. 55.

Представитель Праги доктор Паркани, назначенный в это время министром по делам Подкарпатской Руси, прибыл в Ужгород уже после образования подкарпатурского правительства. Формирование первого автономного кабинета министров Подкарпатья прошло, таким образом, независимо от Праги, вызвав гневную реакцию чехословацкого премьера генерала Сыровы, который сместил Грабаря с должности губернатора и назначил на его место ставленника Праги доктора Паркани. По приказу генерала Сыровы был даже арестован прибывший из Ужгорода в Прагу 9 октября 1938 г. лидер американского Карпатурского Союза А. Геровский, которого чехословацкие власти воспринимали как крайне неудобную фигуру, препятствующую их политике в Подкарпатской Руси. Однако после негативной реакции югославской дипломатии и бывшего чехословацкого премьера М. Годжи А. Геровский был освобожден. Более того, 10 октября 1938 г. по инициативе генерала Сыровы состоялась его встреча с Геровским, на которой глава Карпатурского Союза, выражая позицию Русского Блока и правительства Подкарпатской Руси, предложил чехословацкому премьеру уволить вице-губернатора Мезника и отстранить Паркани от должности губернатора Подкарпатья и министра по делам Подкарпатской Руси. Сыровы был вынужден пойти на частичные уступки, согласившись с немедленным увольнением Мезника и последующим отстранением Паркани от занимаемых им должностей.

После переговоров Сыровы с Геровским последовала встреча чехословацкого премьера с членами правительства Подкарпатской Руси, на которой был подтвержден состав автономного подкарпатурского правительства и согласованы взаимоотношения между центральным правительством в Праге и правительством в Ужгороде. Карпатурская общественность Северной Америки заинтересованно следила за развитием событий в послевоенной Чехословакии. «Карпатурский народ уже имеет автономию. В правительство нашего автономного края вошло больше русских, чем украинцев, — с удовлетворением отмечал «Американский Русский Вестник». — Мы шлем этому правительству наши искренние пожелания. Просим их, чтобы они справедливо представляли свой народ и чтобы не продали его каким-нибудь украинцам».⁹⁵⁷ Однако надеждам «Американского Русского Вестника» было не суждено сбыться. С отъездом главы Карпатурского Союза А. Геровского из Чехословакии в Югославию и с растущей внешнеполитической зависимостью Праги от Берлина, поддерживавшего украинское движение, русофилы постепенно теряли свои позиции в Подкарпатской Руси, в то время как украинофилы усиливали свое влияние.

⁹⁵⁷ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. October 20, 1938. № 42.

Премьерство А. Бродия продолжалось менее месяца. Являясь неудобной фигурой для украинофилов и стоящего за ними Берлина, он был смещен с должности премьера и арестован 26 октября 1938 г. с помощью доноса и переданных чехословацкому руководству, вероятно, немецкими спецслужбами документов, свидетельствовавших о провенгерской деятельности Бродия и его планах присоединить Подкарпатья к Венгрии. Во время обыска в квартире Бродия были обнаружены большая сумма венгерской валюты и письмо, в котором содержалось обещание Будапешта предоставить ему титул барона после возвращения Подкарпатья в состав Венгрии.⁹⁵⁸ Примечательно, что возглавляемый Бродием Автономный Земледельческий союз, противодействуя бесчинствам галицких эмигрантов, которые нередко вели себя вызывающе по отношению к местному населению, в середине октября 1938 г. распространил по всей Подкарпатской Руси листовки, призывавшие местное население «уничтожать украинских бандитов».⁹⁵⁹

Первое автономное правительство Подкарпатской Руси во главе с Бродием успело провести три заседания. На первом заседании 15 октября 1938 г. были распределены функции между министрами и принято решение добиваться той же степени автономии, которую получили словаки. На втором заседании, состоявшемся 18 октября, С. Фенцик доложил о ситуации в русинских областях Словакии и о переговорах по поводу возможной ревизии границы между Словакией и Подкарпатской Русью. На третьем заседании 22 октября рассматривалась политическая ситуация в крае; кроме того, министр Э. Бачинский сообщил о ходе переговоров об установлении новой границы между Чехословакией и Венгрией, упомянув об обещании Риббентропа оставить Ужгород и Мукачево как города, где славянское население составляло большинство, в составе Подкарпатской Руси.⁹⁶⁰

Ревизия границы между Подкарпатской Русью и Словакией была одним из приоритетов первого автономного правительства Подкарпатья. С самого начала Бродий заявил о себе как о решительном и последовательном стороннике объединения всех русинских земель. В своем первом выступлении в качестве премьера Подкарпатской Руси 12 октября в Ужгороде Бродий объявил о готовности своего правительства «предпринять все меры для объединения всех русских территорий ... от Попрада до Тисы».⁹⁶¹ Представители правительства Подкарпатья Пещак и Фенцик выехали с этой целью в Пряшевскую Русь, где идея объединения с Подкарпатской Русью полу-

⁹⁵⁸ Švorc P. Zakletá zem. Podkarpatská Rus 1918–1946. S. 245.

⁹⁵⁹ Годьмаш П., Годьмаш С. Указ. соч. С. 103.

⁹⁶⁰ Худанич В. Діяльність автономного уряду Карпатської України в 1938–1939 рр. // Zakarpatská Ukrajina v rámci Československa (1919–1939). Prešov, 2000. С. 106.

⁹⁶¹ Magosci P. R. The Rusyn — Ukrainians of Czechoslovakia. P. 44.

чила широкую поддержку местного населения и политиков. Уже 12 октября 1938 г. была сформирована специальная комиссия по вопросу о словацко-руси́нской границе. Двумя днями позже в Братиславе начались переговоры по этой теме, которые вскоре были прерваны по инициативе премьера Словакии Й. Тисо. 13 октября в Прешове была созвана Народная Рада, активно включившаяся в подготовку объединения с Подкарпатской Русью. Однако смещение Бродия, приход к власти в Подкарпатской Руси украинофилов и последующая оккупация южной части Подкарпатя венграми резко изменили ситуацию.

Помимо оуновских интриг, за которыми угадывалась опытная рука берлинского режиссера, другой серьезной причиной отставки Бродия было недовольство Праги его жесткой позицией в вопросе будущих границ Подкарпатской Руси. На переговорах с послемюнхенской Чехословакией в октябре 1938 г. Венгрия требовала присоединения значительной части территории Словакии с городами Братислава, Кошице, Нитра и др. и южной части Подкарпатя с городами Ужгород, Мукачево и Берегово. Реализация этого требования означала утрату Подкарпатской Русью не только своей столицы Ужгорода, но и вообще всех крупных городов. В ходе совещания в Праге 25 октября 1938 г. Бродий не только выступил против этого плана, но и заявил о том, что Подкарпатская Русь будет требовать присоединения всех русинских территорий восточной Словакии (области Земплин, Шариш и Спиш) с городом Прешов. Подобные планы были неприемлемы как для Словакии, не желавшей лишаться части своей территории, так и для Праги, отчаянно пытавшейся удержать словаков в составе общего государства. В итоге 26 октября 1938 г. Бродий был смещен с должности премьера Подкарпатской Руси и арестован; в этот же день главой правительства Подкарпатя стал грекокатолический священник украинофил А. Волошин, пользовавшийся открытым покровительством Германии. По свидетельству А. Геровского, «украинствующие» предали Бродия, а тогдашний глава правительства Чехословакии генерал Сыровы арестовал Бродия и назначил на его место Волошина по прямому указанию немецкого руководства.⁹⁶²

Приход украинофилов к власти в Подкарпатской Руси означал размежевание между русинами Словакии и Подкарпатя. Примечательно, что в течение краткого периода в октябре 1938 г., когда во главе Подкарпатской Руси стояли русофилы Бродий и Фенцик, среди русинов восточной Словакии развернулась массовая кампания за воссоединение с Подкарпатской Русью. Позднее, когда обвиненный в провенгерской политике Бродий был смещен и к власти пришли украинофилы во главе с Волошиным, движение за при-

⁹⁶² Геровский А. Указ. соч. С. 258–259.

соединение к Подкарпатской Руси среди русинов Словакии пошло на убыль, хотя правительство Волошина продолжало настаивать на объединении. Так, 22 ноября 1938 г. во время заседания Прешовской Народной Рады пятнадцать из семнадцати ее членов проголосовали против объединения с Подкарпатской Русью. Украинофильское правительство, пришедшее к власти в Ужгороде, воспринималось словацкими русинами как абсолютно чуждое, а проукраинская политика Волошина и его окружения остро критиковалась на страницах издававшейся в Прешове газеты «Пряшевская Русь».⁹⁶³

2 ноября 1938 г. на международной конференции в Вене было принято решение о присоединении населенных этническими венграми территорий южной Словакии и Подкарпатя к Венгрии. Наиболее экономически развитая и богатая часть Подкарпатя с городами Ужгород, Мукачево и Берегово общей площадью 1523 кв. км, на которой проживало 173233 человека, оказалась в составе Венгрии. Столица Подкарпатской Руси переместилась из Ужгорода в небольшой городок Хуст, насчитывавший в то время около 18000 жителей, из которых примерно половину составляли русины, 5 тысяч — евреи и около полутора тысяч — венгры; при этом многие госслужащие и представители русофильской интеллигенции, разочарованные политикой Волошина, предпочли остаться в Ужгороде. С переездом правительства Подкарпатя в Хуст влияние украинских националистов на политику Волошина резко усилилось. Многие вакантные места в администрации Подкарпатской Руси, возникшие в связи с уходом старых сотрудников, были заняты галицкими эмигрантами. В новую столицу Подкарпатя, находившуюся неподалеку от Галиции, зачастили высокопоставленные эмиссары ОУН. Примечательно, что в ходе Венского арбитража в начале ноября 1938 г. министр иностранных дел Германии Риббентроп пообещал Волошину широкую политическую и экономическую поддержку со стороны германского рейха. Вскоре Германия предоставила правительству Волошина финансовую помощь в размере 100000 рейхсмарок.⁹⁶⁴

Накануне международной конференции в Вене, призванной определить новую чехословацко-венгерскую границу, резко возросла диверсионная активность венгерских вооруженных подразделений на территории Словакии и Подкарпатя. Главная цель венгерских диверсионных групп состояла в дестабилизации положения в Чехословакии, в акциях саботажа и в провенгерской пропаганде в областях возможного плебисцита. В период, предшествовавший Венскому арбитражу 2 ноября 1938 г., вооруженные стычки с венгерскими диверсантами произошли примерно в 20 местах

⁹⁶³ Magocsi P. R. The Rusyn — Ukrainians of Czechoslovakia. P. 45.

⁹⁶⁴ Švorc P. Zakletá zem. Podkarpatská Rus 1918–1946. S. 248.

Подкарпатья, в ходе которых погибло как минимум 10 чехословацких военнослужащих. Наиболее масштабная подрывная акция в Подкарпатской Руси состоялась 10 октября 1938 г., когда группа венгерских диверсантов совершила нападение на железнодорожный мост и станцию Боржава. Одновременно границу с Подкарпатской Русью в районе г. Берегово перешло несколько сотен венгерских диверсантов, вооруженных гранатами, автоматами и пулеметами. Для уничтожения этой крупной диверсионной группы чехословацкая армия и жандармерия применили танки и авиацию. К 14 октября венгерская диверсионная группа была ликвидирована; в плен было взято 305 венгерских диверсантов, включая 8 офицеров.⁹⁶⁵

С 20 октября 1938 г. к диверсионной античехословацкой деятельности Венгрии присоединилась Польша, стремившаяся помочь венграм в ходе переговоров об определении новой границы с Чехословакией, создав впечатление у великих держав, что чехословацкая администрация не контролирует ситуацию в данном регионе. Польские диверсии на территории Подкарпатья продолжались и после Венского арбитража вплоть до конца ноября, что было связано с запланированной польско-венгерской оккупацией Подкарпатской Руси, которая должна была начаться 20 ноября 1938 г. Однако данные планы Будапешта и Варшавы не получили поддержку Германии, и в итоге акция не состоялась.⁹⁶⁶

«В Подкарпатской Руси начались вооруженные столкновения с применением артиллерии. Мадьярские агенты собирают подписи под петицией о вооруженной интервенции мадьяр «для водворения порядка», — сообщал 24 ноября 1938 г. о ситуации в Подкарпатской Руси «Американский Русский Вестник». — Чешское правительство опровергает сообщения о восстании в Подкарпатской Руси, но признает наличие беспорядков...»⁹⁶⁷

Возросшая диверсионная активность со стороны Венгрии и Польши на территории Подкарпатья была использована украинскими националистами как повод для создания и усиления собственных вооруженных структур. В середине ноября 1938 г. члены военизированной «Карпатской Сичи» получили официальное разрешение носить униформу; из галицких военных консультантов был сформирован военный штаб сичевиков, находившийся в Хусте. Гарнизоны «Карпатской Сичи», укомплектованные в основном галичанами, были образованы в нескольких районах Подкарпатья. По сути, в Подкарпатской Руси создавалось двоевластие, когда наряду с действующей чехословацкой администрацией и вооруженными силами (на территории

⁹⁶⁵ Borák M. Obrana republiky na Podkarpatské Rusi v letech 1938–1939 // Vznik ČSR 1918 a Podkarpatská Rus. Sborník z mezinárodní konference v Praze. Praha, 1999. S. 89.

⁹⁶⁶ Ibidem. S. 91.

⁹⁶⁷ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. November 24, 1938. № 47.

Подкарпатья была расквартирована 12 чехословацкая стрелковая дивизия) явочным порядком при содействии Волошина и его окружения возникали параллельные силовые структуры украинских националистов. В процессе этого двоевластия А. Волошин, опиравшийся на поддержку Берлина, все более последовательно отстаивал идею галичан о Подкарпатской Руси как о Карпатской Украине, призванной стать отправной точкой в создании единой Соборной Украины.

Еще до созыва сейма, который должен был принять окончательное решение о названии Подкарпатья, правительство Волошина издало 30 декабря 1938 г. распоряжение, позволявшее «до окончательного установления названия Подкарпатской Руси», использовать наряду с официальным названием «Подкарпатская Русь» и термин «Карпатская Украина». «С этого времени каждый сознательный украинец в урядах, в бюро, в редакциях и в частной жизни никогда не будет называть наш край «Подкарпатская Русь», но только «Карпатская Украина». Это распоряжение правительства должно быть для нас императивом, наказом, чтобы мы навсегда покончили с названием, напоминающим нам рабство и унижение, — с энтузиазмом комментировала это решение правительство волошиновская газета «Новая свобода». — По-разному нас называли — русин, орос, руснак, малорос... — но настоящее название было спрятано от народа... Никому не удалось скрыть нашу правду. ... Теперь перед лицом всего мира выступает не темная и перепуганная «Мадьярская Русь», ... а национально сознательная, преданная Украине народная масса. ... Наша этнографическая территория начинается у Попрада и простирается до Кавказа...»⁹⁶⁸ В отличие от своей предшественницы — украинофильской газеты «Свобода», сохранявшей традиционное русинское этимологическое правописание, «Новая свобода» издавалась на чистом украинском литературном языке и позиционировала себя как «украинская независимая ежедневная газета». Большой объем «Новой свободы», приличное качество полиграфии, а также ее трансформация в ежедневную газету свидетельствуют о том, что недостатка в средствах этот официоз Волошина не испытывал.

Действия военизированных формирований «Карпатской Сичи», которые становились все более наступательными и активными, дестабилизировали обстановку в Подкарпатской Руси и сознательно осложняли отношения Чехословакии с соседними государствами. Так, 15 января 1939 г. группа сичевиков обстреляла венгерский пограничный пост. Для прекращения инцидента, в ходе которого были убитые и раненые, пришлось вмешаться чехословацким пограничникам. Отношения между правительством Волошина и Венгрией, оккупировавшей южную часть Подкарпатья, были крайне

⁹⁶⁸ Нова свобода. 3 січня 1939. Число 2.

напряженными. «Новая свобода» в рубрике «Из-под мадьярского ярма» подробно сообщала о насилиях венгерских властей по отношению к местному населению в оккупированной венграми части Подкарпатской Руси. «Люди, проживающие на оккупированной мадьярами территории, могут говорить на родном языке только за хорошо закрытыми дверями, — писала «Новая свобода» 3 января 1939 г. — Полиция задерживает студентов, которые совершенно не владеют венгерским языком, и при помощи переводчика выясняет, почему они не говорят по-мадьярски».⁹⁶⁹

* * *

22 ноября 1938 г. чехословацкий парламент принял конституционные законы «Об автономии Словакии» и «Об автономии Подкарпатской Руси», которые определяли их автономный статус в составе послевоенной Чехо-Словакии. Закон «Об автономии Подкарпатской Руси» провозглашал Подкарпатскую Русь автономной составной частью Чехо-Словакии и определял, что окончательное решение о названии автономного образования русинов примет сейм Подкарпатской Руси. Тем не менее еще до созыва сейма решением правительства Волошина от 30 декабря 1938 г. наряду с названием «Подкарпатская Русь» было введено второе официальное название «Карпатская Украина», которое стало постоянно использоваться в официальных документах и СМИ.

«Зеленый свет», предоставленный режимом Волошина украинским националистам, вызывал резкое недовольство большинства местного населения и политических партий, настроенных в основном русофильски. Многие партии обращались в Прагу с требованиями сместить Волошина с поста премьера Подкарпатской Руси. Так, образованная 14 ноября 1938 г. в Хусте Центральная Русская Народная Рада во главе с В. Караманом протестовала против насильственной украинизации школ, увольнений русофилов из учебных заведений и жаловалась на «украинский террор» и многочисленные эксцессы со стороны украинских националистов. Не добившись своих целей, глава Центральной Русской Народной Рады В. Караман был вынужден покинуть Подкарпатье и в январе 1939 г. переехать в восточную Словакию, где он, будучи убежденным противником режима Волошина, активно выступал против объединения словацких русинов с Подкарпатской Русью, в которой набирало силу украинское движение.⁹⁷⁰

⁹⁶⁹ Нова свобода. 3 січня 1939. Число 2.

⁹⁷⁰ Encyclopedia f Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition. P. 228.

Для укрепления своих позиций и для подавления политических оппонентов в преддверии выборов в парламент Подкарпатя 20 января 1939 г. правительство Волошина распустило все политические партии, существовавшие в Подкарпатской Руси. Это решение автоматически аннулировало мандаты депутатов и сенаторов чехословацкого парламента от Подкарпатской Руси, поскольку парламент Чехословакии избирался по партийным спискам. «Правительство Карпатской Украины (Подкарпатской Руси), исходя из необходимости сохранения общественного спокойствия и порядка, а также из того обстоятельства, что деятельность политических партий ... представляет угрозу государственной безопасности, приняло решение распустить все политические партии»,⁹⁷¹ — объяснял данное решение официоз Волошина «Новая свобода».

Сразу после этого по инициативе Волошина была образована новая партия «Украинское национальное объединение» (УНО), которое с самого начала имело тесные связи с германскими спецслужбами и позаимствовало многие элементы атрибутики немецких нацистов. Официальным органом УНО стала газета «Новая свобода». В преддверии объявленных выборов в парламент (сейм) Подкарпатской Руси руководство УНО и лично Волошин составили партийный список своих кандидатов. Одновременно распущенные Волошиным русинские политические структуры сделали попытку консолидироваться, создав собственную партию под названием «Русское национальное объединение» (РНО). Однако составленный ими партийный предвыборный список не был зарегистрирован, а руководство партии было арестовано членами «Карпатской Сичи».

Маховик антирусинских репрессий со стороны военизированных формирований «Карпатской Сичи» с приходом к власти Волошина постепенно набирал обороты. Так, многие политические оппоненты Волошина из числа местных русинов были брошены в наспех созданный концлагерь у г. Рахов. Жертвами галицких сичевиков, которые все увереннее хозяйничали в Подкарпатской Руси, нередко занимаясь разбоями и грабежами, стали многие местные жители, как евреи, так и русины. В многочисленных жалобах русинского населения на галичан сообщалось о принудительной украинизации, о срыве вывесок на карпаторусском и чешском языках и об их замене на украинские; приводились примеры насилия, террора, грабежей и драк украинских сичевиков с солдатами чехословацкой армии.⁹⁷²

Отличительными чертами режима Волошина были воинственный авторитаризм, позаимствованный у нацистской Германии принцип воз-

⁹⁷¹ Нова свобода. 22 січня 1939. Число 13.

⁹⁷² Годьмайш П., Годьмайш С. Указ. соч. С. 120.

дизма (к главе Карпатской Украины часто обращались как к «Батьке Волошину»), а также агрессивная кампания украинизации местного населения, которая, несмотря на энергичность и последовательность ее организаторов, сталкивалась с многочисленными трудностями, что были вынуждены признавать и сами украинизаторы. «Ряд фактов ... свидетельствует о незнании украинского языка мадяронским и русофильским учительством... Много недобитков осталось у нас, которые и дальше работают среди украинской молодежи... Плохое усвоение украинской мовы в школах обусловлено неискоренностью старого режима. Что же мы, к большому сожалению, вынуждены констатировать? Ужасающую неграмотность в области украинского языка»,⁹⁷³ — признавал на страницах «Новой свободы» один из украинских деятелей, тем самым невольно ставя под сомнение «украинскость» местного населения. «Было бы неверным полагать, что в 1938 г. большинство местной интеллигенции и общественности отдавали предпочтение украинскому языку. Русский язык ... занимал очень прочные позиции в Подкарпатской Руси»,⁹⁷⁴ — отмечал П. Р. Магочи.

В обстановке «охоты на ведьм» и давления со стороны властей многие представители русофильской интеллигенции, опасаясь за свою безопасность и желая сохранить работу, были вынуждены публично каяться и отречься от своих взглядов. «Заявляю, что я разрываю все отношения с «общерусской» идеологией, за которой я шел под влиянием лидеров этого направления, — писал 2 марта 1939 г. в «Новой свободе» Василий Гусар, учитель из села Солотвино. — Заявляю, что с сегодняшнего дня я буду работать исключительно в украинских обществах с щирыми работниками-украинцами, которые сердцем болеют за лучшее будущее украинского народа...».⁹⁷⁵

Политика Волошина и его ориентация на Берлин вызвали категорическое неприятие русинской общественности в Северной Америке. «Украинизация Подкарпатской Руси, произведенная под давлением Германии, далеко не встречает сочувствия в населении Подкарпатя. Оно искони тяготеет к России... Карпатороссы ... вовсе не почитают себя украинцами»,⁹⁷⁶ — писал 24 ноября 1938 г. «Американский Русский Вестник». В июне 1939 г., уже после окончательной оккупации Подкарпатя Венгрией, «Вестник» опубликовал любопытное свидетельство о положении в Подкарпатской Руси при Волошине побывавшего там в то время английского журналиста Регинальда Гю, который отмечал атмосферу всеобщего страха в столице края Хусте. «Русские при встрече молча снимают шляпы и на вопросы отвечают шепотом,

⁹⁷³ Нова свобода. 7 січня 1939. Число 4.

⁹⁷⁴ Magosi P. R. The Shaping of a National Identity... P. 144.

⁹⁷⁵ Нова свобода. 2 березня 1939. Число 46.

⁹⁷⁶ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. November 24, 1938. №47.

оглядываясь... Улицы полны украинскими провокаторами. ... Во главе всех гимназий ныне украинцы и ... в значительной части из Галиции. Местные украинцы считаются недостаточно радикальными, — писал английский журналист. — Первым актом ... правительства Волошина и Рева было негласное учреждение концентрационных лагерей. Они ... населены русскими людьми всех рангов и классов».⁹⁷⁷ Тревожная ситуация в Подкарпатской Руси привлекла внимание Всеамериканского русинского конгресса, состоявшегося в феврале 1939 г. в Нью-Йорке. Участники конгресса осудили террор против русинских крестьян и интеллигенции в Подкарпатской Руси.

12 февраля 1939 г. состоялись выборы в парламент Подкарпатя. При наличии вооруженных формирований «Карпатской Сичи» оказало сильное влияние на подготовку и проведение выборов, во многом обеспечив требования Волошину и украинским националистам результаты. Избирательная кампания носила истеричный и крайне агрессивный характер. «Один Бог на небе, один народ, один избирательный список в Карпатской Украине — список Украинского Национального Объединения. Поэтому каждый украинец в воскресенье 12 февраля голосует за Украинское Национальное Объединение»,⁹⁷⁸ — категорично провозглашал один из предвыборных лозунгов. «Все на выборы в сейм Карпатской Украины! — призывала читателей «Новая свобода» за неделю до выборов. — Тот, кто не пойдет на выборы, уподобится солдату, который убегает с фронта. Он является дезертиром и не имеет права пользоваться завоеваниями народа».⁹⁷⁹

Победителем выборов стало созданное Волошиным и ориентированное на Берлин УНО, все кандидаты которого оказались избранными в подкарпаторусский сейм. «Новая свобода» оценила итоги выборов как «триумф украинской национальной мысли» и опубликовала интервью с министром правительства Волошина Ю. Реваем, который заявил, что полученные 94% голосов стали для него «большой неожиданностью».⁹⁸⁰ Украинские деятели подчеркивали, что если чешская пресса восприняла результаты выборов крайне сдержанно, то средства массовой информации нацистской Германии освещали выборы широко и весьма сочувственно. Глава отделения ОУН в Подкарпатской Руси Ю. Химинец с удовольствием цитировал нацистскую «Фелькишер Beobachter», писавшую, что «активное участие в выборах было результатом ... национального пробуждения украинства».⁹⁸¹ С нацистскими оценками выборов в сейм Карпатской Украины вполне солидарны и некото-

⁹⁷⁷ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. June 8, 1939. №23.

⁹⁷⁸ Нова свобода. 2 лютого 1939. Число 22.

⁹⁷⁹ Нова свобода. 5 лютого 1939. Число 25.

⁹⁸⁰ Нова свобода. 14 лютого 1939. Число 32.

⁹⁸¹ Химинец Ю. Закарпаття — земля української держави. Ужгород, 1991. С. 58.

рые современные украинские ученые, по мнению которых, «выборы показали зрелость закарпатского избирателя».⁹⁸²

Чехословацкий президент Э. Гаха, имевший конституционное право назначить день открытия первой сессии сейма Подкарпатской Руси, затягивал с определением этой даты, поскольку чехословацкой разведке стало известно о подготовке в штабе «Карпатской Сичи» военного переворота в Подкарпатской Руси. Еще до выборов в сейм Прага предприняла попытку восстановить контроль над ситуацией, введя своего представителя генерала Л. Прхалу, командовавшего чехословацкими войсками в Подкарпатской Руси, в состав правительства Волошина, но переломить ход событий было уже невозможно. Процесс распада второй чехословацкой республики стал необратимым.

Кампания, организованная режимом Волошина против назначения Л. Прхалы на должность третьего министра правительства Подкарпатья, которая оставалась вакантной после увольнения чешскими властями русофила Э. Бачинского, показала, что Прага стремительно утрачивала контроль над Подкарпатской Русью. «Карпатская Украина протестует против назначения министра-чеха. Третий министр должен быть украинцем!»⁹⁸³ — писал волошиновский официоз, сообщая о многотысячных демонстрациях протеста против политики Праги в населенных пунктах Подкарпатья. Для оказания давления на Прагу окружение Волошина апеллировало к Германии и к немецкому общественному мнению. «Немецкая пресса опубликовала подробные сообщения о возмущении и сопротивлении Карпатской Украины против назначения генерала Прхалы министром, — писала «Новая свобода» в статье под названием «Немецкая пресса предостерегает Прагу». — Ведущие немецкие издания занимают негативное отношение к этому намерению пражского правительства. «Ессенер Националь Цайтунг» — орган маршала Геринга — опубликовал острую статью против назначения генерала Прхалы..., указывая на то, что генерал Прхала женат на москвке и известен как симпатизант России...».⁹⁸⁴

Ориентация волошиновской Карпатской Украины была откровенно пронемецкой, а ее пресса отличалась оголтелым пронацистским тоном и сервильностью перед Берлином. «Новая свобода» часто помещала почтительно-подобострастные материалы о Гитлере и Германии, с видимым удовольствием отмечая мощь немецкой армии и рост влияния Германии

⁹⁸² Худанюк В. Діяльність автономного уряду Карпатської України в 1938–1939 рр. // Zakarpatská Ukrajina v rámci Československa (1919–1939). Prešov, 2000. С. 112.

⁹⁸³ Нова свобода. 21 січня 1939. Число 12.

⁹⁸⁴ Нова свобода. 26 січня 1939. Число 16.

в Юго-Восточной Европе.⁹⁸⁵ По свидетельству современников, передачи местного радио начинались с неизменных приветствий Гитлеру и «бабьке Волошину».⁹⁸⁶ Германия достаточно оперативно установила прямые официальные контакты с руководством Карпатской Украины. В Хусте было создано немецкое консульство; в декабре 1938 г. между Германией и Карпатской Украиной были подписаны два торговых соглашения. Волошин, возлагавший свои надежды исключительно на помощь со стороны Германии, «практически все свои решения согласовывал с немецким консулом в Хусте Гоффманом, приступившим к выполнению своих дипломатических обязанностей 1 февраля 1939 г.»⁹⁸⁷

Руководство Карпатской Украины во главе с Волошиным демонстрировало настолько искренние и глубокие симпатии к немецкому нацизму, что это делает неубедительными попытки современных украинских историков представить контакты волошиновского режима с нацистской Германией лишь как вынужденное тактическое маневрирование и «свидетельство того, что судьба европейских держав решалась тогда в Берлине, и Волошин не был исключением».⁹⁸⁸ Примечательно, что современная украинская пропаганда изображает Волошина исключительно в идеалистических и розовых тонах как «одного из самых выдающихся борцов за украинскую идею за Карпатами», представшего «перед миром во всем своем трагическом величии» лишь после падения социализма и образования независимой Украины.⁹⁸⁹ 15 марта 2002 г. тогдашний президент Украины Л. Кучма издал указ о посмертном присвоении Волошину звания Героя Украины за «выдающуюся роль в утверждении украинской государственности».⁹⁹⁰

В ночь на 14 марта 1939 г. словацкий парламент провозгласил суверенитет и заявил о выходе Словакии из состава федеративной Чехо-Словакии. В это же время вооруженные формирования «Карпатской Сичи» в Подкарпатской Руси начали заранее согласованный с Берлином вооруженный путч, сделав попытку захватить склады с оружием, объекты инфраструктуры, административные учреждения и разоружить местную полицию и жандармерию. Сичевикам удалось захватить вокзал, почту, а также разоружить несколько военных патрулей. Поднятый по тревоге генералом Прхалой

⁹⁸⁵ См.: Нова свобода. 3 січня 1939. Число 2.

⁹⁸⁶ Krivskij I. Vliv ukrajinských emigrantů na podkarpatorusinskou komunitu // Vznik ČSR 1918 a Podkarpatská Rus. Sborník z mezinárodní konference v Praze. Praha, 1999. S. 26.

⁹⁸⁷ Konečný S. Rusíni na prelome dvoch tisícročí // Plišková A. (ed.) Rusínská kultura a školstvo po roku 1989. Prešov, 2008. S. 28.

⁹⁸⁸ Худанюк В. Діяльність автономного уряду Карпатської України в 1938–1939 рр. // Zakarpatská Ukrajina v rámci Československa (1919–1939). С. 109.

⁹⁸⁹ Мишанич О. Життя і творчість Августина Волошина. Ужгород, 2002. С. 4.

⁹⁹⁰ Там же. С. 3.

Хустский стрелковый полк и части 12 чехословацкой стрелковой дивизии получили приказ восстановить порядок; на улицы Хуста были выведены легкие танки и артиллерия. В столице Подкарпатской Руси в ночь на 14 марта «шли настоящие уличные бои сичевиков с регулярной армией Чехословакии, в рядах которой проходили службу местные русины... Фактически, ...шли бои подкарпатских русинов с галичанами, пытавшимися захватить власть...».⁹⁹¹ При поддержке бронетехники чехословацким подразделениям удалось сломить главный очаг сопротивления сичевиков в хустском отеле «Коруна», где было взято в плен около 50 повстанцев. Помимо Хуста, вооруженные столкновения чехословацкой армии с формированиями «Карпатской Сичи» произошли в Малом Березном, Торуни и других населенных пунктах Подкарпатя.⁹⁹² Путч сичевиков был в итоге подавлен, количество жертв исчислялось сотнями раненых и убитых; основные потери понесли путчисты.

Тем не менее ликвидация путча не означала стабилизацию положения и восстановление чехословацкого контроля над Подкарпатьем. В ночь на 14 марта, одновременно с попытками сичевиков захватить власть в Подкарпатской Руси, венгерские войска по договоренности с Гитлером перешли новую венгерско-чехословацкую границу на подкарпатурском участке и начали оккупацию Подкарпатя. Столкнувшись с активным сопротивлением частей 12 чехословацкой стрелковой дивизии, личный состав которой в значительной степени состоял из местных русинов, венгры на некоторое время были вынуждены прекратить продвижение. По данным чешских историков, в боях с венгерской армией на территории Подкарпатя в марте 1939 г. погибло как минимум 40 чехословацких военнослужащих и около 100–120 было ранено.⁹⁹³ С окончательной ликвидацией второй чехословацкой республики и оккупацией Чехии германским вермахтом 12 чехословацкая дивизия прекратила сопротивление, и вскоре вся территория Подкарпатской Руси была оккупирована Венгрией, вооруженные силы которой быстро подавили вооруженное сопротивление украинских сичевиков. Помимо Подкарпатской Руси, 23–24 марта 1939 г. венгерские войска заняли также часть территории восточной Словакии с городами Собранце и Снина. Правительство Словакии под дипломатическим давлением Берлина было вынуждено согласиться с переходом данной территории в состав Венгрии.

Берлин, сполна использовав оуновцев для расшатывания и дестабилизации Чехословакии, в нужный момент без сожаления пожертвовал ими в пользу более важного союзника в лице Венгрии. Просьба Волошина к Гер-

⁹⁹¹ *Годьмаш П., Годьмаш С.* Указ. соч. С. 133.

⁹⁹² *Borák M.* Obrana republiky na Podkarpatské Rusi v letech 1938–1939 // *Vznik ČSR 1918 a Podkarpatská Rus. Sborník z mezinárodní konference v Praze.* Praha, 1999. S. 92.

⁹⁹³ *Ibidem.* S. 40.

мании вмешаться и не позволить Венгрии оккупировать Карпатскую Украину не нашла понимания в немецкой столице. Консул Германии в Хусте Гофман получил инструкцию из Берлина устно рекомендовать правительству Волошина не оказывать сопротивления венгерским войскам.⁹⁹⁴

Накануне венгерской оккупации, когда части 12 чехословацкой дивизии еще продолжали оказывать сопротивление венгерским войскам, 15 марта 1938 г. в Хусте состоялось заседание сейма Подкарпатской Руси, на котором был принят конституционный закон, провозглашавший образование «независимого государства» под названием «Карпатская Украина» во главе с президентом. Большинство голосов президентом новообразованного государства был избран А. Волошин. Государственным языком Карпатской Украины был объявлен украинский язык; цветами государственного знамени — синий и желтый; государственным гимном — «Ще не вмерла Украина». «После вчерашних трагических часов, когда в столице Карпатской Украины лилась украинская кровь, мы обсуждаем сейчас под звуки артиллерийской канонады первый конституционный закон Карпатской Украины, — заявил в своем выступлении на заседании сейма 15 марта 1939 г. известный украинофильский политик М. Брацайко. — После тысячелетней неволи наша земля становится свободной, независимой и заявляет перед всем миром, что она была, есть и будет украинской. И если нашей молодой державе не суждено долго жить, то наш край уже навсегда останется украинским».⁹⁹⁵ В своих последних предсказаниях Брацайко оказался прав. «Молодой державе» действительно было не суждено долго жить; что касается украинского будущего Подкарпатя, то с присоединением к СССР в 1944–1945 гг. оно было обеспечено советской политикой украинизации карпатских русинов.

Современные украинские исследователи исключительно высоко оценивают провозглашение Карпатской Украины 15 марта 1939 г., пафосно трактуя это скорее опереточное событие, являвшееся лишь рабочим звеном «восточноевропейского проекта» гитлеровской Германии, как «победу украинской правды за Карпатами, ознаменовавшее консолидацию украинских сил и превращение этнической массы в народ».⁹⁹⁶ Между тем символическим выглядит то обстоятельство, что заседание сейма, на котором было объявлено о создании нового государства, оказалось последним, а провозглашенное на нем государство «Карпатская Украина» — мертворожденным. Показателем жизнеспособности новорожденного государства служит тот факт, что уже

⁹⁹⁴ *Švorc P.* Zakletá zem. Podkarpatská Rus 1918–1946. S. 250.

⁹⁹⁵ ОУН в світлі постанов Великих Сборів, Конференцій та інших документів з боротьби 1929–1955. Видання Закордонних Частин Організації Українських Націоналістів. 1955. С. 20.

⁹⁹⁶ *Мишанич О.* Політичне русинство і що за ним. Ужгород, 1993. С. 15.

на следующий день, утром 16 марта, новоизбранный президент «Карпатской Украины» Волошин в спешке покинул его территорию перед наступающими венгерскими войсками, эмигрировав вместе со своей свитой в Югославию через территорию Румынии. Впоследствии, после полуторамесячного пребывания в Берлине, Волошин поселился в столице протектората Богемия и Моравия в Праге, где ему была предоставлена возможность читать лекции в Украинском свободном университете.

Очень скоро те из окружения Волошина, кто пытался создать в Праге эмигрантский центр, представляющий интересы Карпатской Украины, с разочарованием обнаружили, что их усилия «противоречили интересам Германии. Во имя сохранения хороших немецко-венгерских отношений ... любящая деятельность, направленная на поддержку Карпатской Украины, с осени 1939 года была в Праге невозможной. Отношения украинской эмиграции с чехами после марта 1939 г. были осложнены отсутствием какой-либо платформы для конструктивного сотрудничества. ... Для чешской общественности, которая в ходе войны все больше склонялась к необходимости советской помощи для восстановления довоенного положения, украинское стремление к независимости становилось еще менее приемлемым, чем раньше».⁹⁹⁷

После переезда в Прагу Волошин некоторое время пытался убедить Берлин в целесообразности присоединения территории Подкарпатя к Словакии. Так, 30 ноября 1939 г. Волошин и его сторонники направили меморандум министру иностранных дел Германии Риббентропу и словацкому правительству, в котором отмечались пагубные последствия венгерской оккупации для населения Подкарпатской Руси. Авторы меморандума, указывая на венгерский террор, преследование украинской культуры и насильственную мадьяризацию, призывали присоединить Подкарпатскую Русь к Словакии, поскольку это, по их мнению, могло бы нейтрализовать растущие просоветские настроения среди населения Подкарпатя, стремившегося освободиться от мадьярского гнета, и соответствовало бы интересам как Словакии, так и Германии. Однако данная инициатива Волошина не вызвала интереса в Берлине.⁹⁹⁸

В свою очередь, после присоединения Западной Украины к СССР в сентябре 1939 г. руководство Словакии в лице президента Тисо и министра иностранных дел Дюрчанского выступало за присоединение Подкарпатя к СССР, надеясь с помощью Москвы вернуть себе словацкие территории, отошедшие к Венгрии в 1938–1939 гг. На одном из дипломатических приемов

⁹⁹⁷ Zilynskyj B. Ukrajinci v Čechách a na Moravě (1894) 1917–1945 (1994). Praha, 1995. S. 41, 44.

⁹⁹⁸ Марьина В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. С. 13–14.

9 мая 1940 г. Дюрчанский доказывал полпреду СССР в Словакии Г. М. Пушкину целесообразность занятия Советским Союзом Подкарпатской Руси и Бессарабии.⁹⁹⁹

Не только стремительное фиаско едва провозглашенного карпато-украинского государства во главе с Волошиным, но и полная ликвидация Чехословакии не вызвали сочувствия русинской общественности Северной Америки, которая усматривала причины происшедшего в политике самой Праги. «Падение Чехословакии вызвали сами чехи, когда корыстно управляли народами, входящими в состав Республики... Согнали на Подкарпатскую Русь со всего мира украинскую сволочь, чтобы те вызвали языковой спор... Чехов покарал не Гитлер, а Божье провидение...»,¹⁰⁰⁰ — резюмировал «Американский Русский Вестник» 16 марта 1939 г., комментируя известия об окончательной оккупации чешских земель нацистской Германией.

* * *

Таким образом, с середины марта 1939 г. подкарпатские русины вновь оказались под властью Венгрии, в то время как русинское население Пряшевской Руси продолжало находиться в составе Словакии. Жесткий полицейский режим, установленный Венгрией в Подкарпатской Руси, не оставил галичанам никаких шансов на продолжение их деятельности. Члены «Карпатской Сичи» были вынуждены скрываться в лесах или искать спасения в соседней Румынии. Пойманных сичевиков венгры часто передавали польским военным властям, которые расстреливали их на месте без суда и следствия. Многие из спасшихся в марте 1939 г. сичевиков и впоследствии продолжали добросовестно служить пушечным мясом для нацистской Германии, влившись в созданные немцами диверсионно-карательные батальоны «Нахтигаль» и «Роланд» и дивизию СС «Галичина».

Тяжелые условия венгерского оккупационного режима, традиционные прорусские симпатии русинского населения, а также пропаганда местных коммунистов о счастливой жизни в СССР привели к тому, что, когда в сентябре 1939 г. с присоединением Западной Украины СССР получил общую границу с Венгрией, тысячи русинов стали нелегально переходить венгерско-советскую границу в поисках счастья в Советском Союзе. «Трудно найти на Закарпатье местечко или село, откуда бы не отправились нелегально в Советский Союз десять–двадцать человек, — писал русинский современ-

⁹⁹⁹ Марьина В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. С. 14–15.

¹⁰⁰⁰ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. March 16, 1939. № 11.

ник этих событий. — ... Из села Березняки поголовно все мужчины от 18 до 35 лет ушли в Советский Союз». ¹⁰⁰¹ Нелегально уходили в СССР и многие русины северо-восточной Словакии, привлеченные слухами о хорошей работе и высоком уровне жизни в Советской России. ¹⁰⁰²

Многие из перешедших советскую границу русинов были впоследствии арестованы и оказались в сталинских лагерях. Так, к лету 1941 г. только в лагерях на территории Коми АССР находилось около пяти тысяч карпатских русинов. ¹⁰⁰³ По данным чехословацких дипломатических представителей в СССР, общая численность карпатских русинов в лагерях НКВД колебалась от 10 до 20 тысяч человек. ¹⁰⁰⁴ Среди узников лагерей оказался и ставший впоследствии известным церковным деятелем Закарпатья архимандрит Иов Кундря, также нелегально перешедший венгерско-советскую границу. ¹⁰⁰⁵

С формированием чехословацких воинских подразделений в СССР значительная часть находившихся в заключении русинов была освобождена. Как граждане Чехословакии, они получили возможность стать военнослужащими чехословацкой армейской бригады, большинство личного состава которой первоначально составляли именно подкарпатские русины. Так, к 30 октября 1943 г. в составе Первой чехословацкой бригады в СССР «из общего числа 3348 солдат 2210 были закарпатские русины-украинцы. После мобилизации на Волыни к 30 июня 1944 г. в составе чехословацкого армейского корпуса было 6864 чеха, 3177 русинов-украинцев, 2881 словак. В рядах Красной Армии воевало почти 700 человек только из числа русинов-украинцев Пряшевщины...». ¹⁰⁰⁶

Просоветские симпатии карпатских русинов проявились и в том, что осенью 1939 г. Генконсульства СССР в Праге и Братиславе посещали представители русинов, интересовавшихся у советских дипломатов, когда СССР «возьмет» Подкарпатскую Русь себе. Во время продвижения частей Красной Армии в юго-восточной Польше в сентябре 1939 г. русинское население приграничных районов Венгрии и Словакии вывешивало красные флаги. Генеральный консул в Праге Куликов, сообщая о положении в протекторате Богемия и Моравия летом 1940 г., информировал о том, что в последнее

¹⁰⁰¹ Волощук И. Карпатороссы в рядах чсл. заграничной армии // Пряшевщина. Историко-литературный сборник. Прага, 1948. С. 14.

¹⁰⁰² Lacko M. Rusínska problematika vo fondoch armádneho spravodajstva // Pamät' národa. 2007. № 3. S. 49–51.

¹⁰⁰³ См.: Довганич Е. Закарпатськ і добровольці. Ужгород, 1998.

¹⁰⁰⁴ Марьина В. В. Указ. соч. С. 32.

¹⁰⁰⁵ См.: Рачук Г. Подвижник Руси Карпатской Архимандрит Иов (Кундря). М., 2008.

¹⁰⁰⁶ Бача Ю., Ковач А., Штець М. Чому, коли і як? Запитання й відповіді з історії і культури русинів-українців Чехо-Словащини. Пряшів–Київ, 1992. С. 36.

время участились индивидуальные и коллективные посещения советского Генконсульства карпатскими русинами, которые выражали просьбу присоединить Подкарпатье к Советскому Союзу. ¹⁰⁰⁷

Национальная политика независимого словацкого государства, в составе которого оказалась Пряшевская Русь, была достаточно жесткой по отношению к русинам. В независимой Словакии русины оказались в положении «едва терпимого меньшинства, хотя в качестве собственно меньшинства они признаны не были». ¹⁰⁰⁸ В условиях крайне напряженных отношений с Венгрией, вызванных аннексией территории южной и юго-восточной Словакии Будапештом в 1938–1939 гг., словацкие власти «подозревали русинов в провенгерских и позднее в прорусских настроениях» ¹⁰⁰⁹ и стремились к «умиротворению русинского движения и фактически к словакизации русинов». ¹⁰¹⁰ Это, в частности, проявилось в ходе переписи населения в Словакии в декабре 1940 г., когда словацкие власти путем массовой пропаганды и различных манипуляций стремились всячески занижить численность русинов в северо-восточной Словакии. В известной степени им это удалось, поскольку результаты переписи 1940 г. зафиксировали лишь 72500 русинов в Словакии, что было почти на 7,5 тысячи меньше, чем в ходе предыдущей переписи. ¹⁰¹¹

Обеспокоенность словацких властей вызывала политическая неблагонадежность русинов в отношении правящего в Словакии режима, которая проявлялась в армии. Так, в 1943 г. число солдат словацкой армии, дезертировавших из своих подразделений и перешедших на сторону СССР, в процентном отношении было значительно выше среди этнических русинов, чем среди словаков. Жандармское управление в г. Медзилаборце в северо-восточной Словакии сообщало о том, что «граждане русинской народности в Медзилаборце симпатизируют СССР». ¹⁰¹² В связи с фактом дезертирства одного из уроженцев русинского местечка Вышни Орлик местные жандармы сообщали, что и у остального населения данного местечка доминируют «великорусские симпатии». ¹⁰¹³

Несмотря на явные ассимиляторские тенденции по отношению к восточнословацким русинам, выразившиеся, в частности, в ограничении

¹⁰⁰⁷ Марьина В. Указ. соч. С. 18.

¹⁰⁰⁸ Lacko M. Rusínska problematika vo fondoch armádneho spravodajstva // Pamät' národa. 2007. № 3. S. 47.

¹⁰⁰⁹ Konečný S. Rusínska otázka v období Prvej SR // Slovenská republika (1939–1945). Bratislava, 2000. S. 176.

¹⁰¹⁰ Lacko M. Op. cit. S. 47.

¹⁰¹¹ Ibidem. S. 48.

¹⁰¹² Ibidem. S. 53.

¹⁰¹³ Ibidem.

деятельности общества им. Духновича и закрытии газеты «Пришевская Русь», и стремление трактовать русинскую идентичность как «мадьярское изобретение»,¹⁰¹⁴ власти независимой Словакии, опираясь в прешовском регионе на грекокатолическую церковь, предоставили ей еще больше полномочий в области образования. В соответствии с законом номер 308/40 все начальные русинские школы были переданы под непосредственный контроль грекокатолической церкви, что было связано с клерикальным характером независимого словацкого государства. Благодаря этому обстоятельству, грекокатолическому духовенству удалось «законсервировать существующее положение и поддержать народное русофильство»,¹⁰¹⁵ сорвав ассимиляторские попытки властей. Стремление украинских эмигрантов, количество которых в восточной Словакии не превышало 200 человек, возобновить украинскую культурную деятельность встречало резко отрицательную реакцию как со стороны местных русинов, так и со стороны словацких властей. Так, попытки «украинских учителей городской школы в г. Медзилаборце возродить организацию «Просвита» вызвали недовольство и волну протестов. Государственная власть относилась к украинским эмигрантам с крайним подозрением, считая их главными носителями идеи присоединения Пришевицны к Великой Украине».¹⁰¹⁶

Планы предоставления автономии Подкарпатской Руси в рамках Венгрии по образцу закона Кароля о Руськой Крайне, принятого в декабре 1918 г., широко обсуждались в Будапеште после полной оккупации Подкарпатя в марте 1939 года. Активную деятельность, направленную на предоставление Подкарпатской Руси автономии в составе венгерского государства, развернул бежавший из Чехословакии в Венгрию А. Бродий, в мае 1939 г. ставший депутатом нижней палаты парламента Венгрии. В июне 1939 г. Венгрию посетил руководитель американского Карпаторусского Союза А. Герровский, стремившийся оказать поддержку А. Бродию и убедить Будапешт предоставить автономию карпатским русинам. Однако законопроект об автономии Подкарпатя, внесенный в венгерский парламент в июле 1940 г., не был поддержан парламентариями под давлением военных кругов и части политиков, обеспокоенных проблемой безопасности в связи с присоединением Западной Украины к СССР в сентябре 1939 г. и появлением в результате этого общей советско-венгерской границы.

¹⁰¹⁴ Так, глава восточнословацкой жупы Шариш-Земплин А. Дудаш, занимавший этот пост с 1940 г. до окончания войны, считал, что сама идея существования отдельной русинской народности была изобретена венграми. См.: *Magocsi P. R.* Op. cit. P. 45.

¹⁰¹⁵ *Ковач А.* Українці і Пришівщини і деякі питання культурної політики Словацької республіки // *Oktober a ukrajinská kultura.* Prešov, 1968. С. 406.

¹⁰¹⁶ Там же. С. 409.

В оккупированной Венгрии Подкарпатской Руси главные усилия Будапешта были направлены на борьбу с украинским влиянием. Венгерские власти вновь прибегли к открытой поддержке русинской ориентации, утверждавшей, что местное население является русинами, представляющими собой отдельную национальность, не имеющую ничего общего с украинцами. При покровительстве венгерских властей в 1940 г. в Ужгороде была опубликована грамматика угро-русинского языка, которая стремилась избегать как русской, так и украинской лексики, полностью ориентируясь на местные диалекты. Год спустя при поддержке образованного в Ужгороде Подкарпатского Общества Наук была опубликована новая грамматика Ивана Гарайды, использовавшая традиционную этимологическую русинскую орфографию и ориентированная на местные диалекты. Грамматика Гарайды, официально одобренная венгерским правительством и использовавшаяся в школах Подкарпатя при венгерском режиме, представляла собой «первый труд, устанавливавший письменный стандарт Подкарпатской Руси на базе местного разговорного языка».¹⁰¹⁷ В процессе работы над своей грамматикой Гарайда учитывал большое влияние русского литературного языка на местные культурные традиции, стремясь достичь «компромисса между разговорным и традиционным карпаторусским языком».¹⁰¹⁸ По мнению И. Попа, считающего, что период венгерской оккупации был наиболее благоприятным временем для развития русинского литературного языка, грамматика Гарайды сыграла в этот период фактически «кодификаторскую функцию».¹⁰¹⁹ После вхождения Подкарпатя в состав СССР грамматика Гарайды была запрещена. Русинское направление во время венгерской оккупации активно поддерживалось местными периодическими изданиями, которые писали о «русинско-мадьярском братстве» и о необходимости поднять «родной язык» до уровня литературного.¹⁰²⁰

Любопытно, что поддерживаемые венгерским правительством попытки создать отдельный русинский литературный язык критиковались местными русофилами, которые, в отличие от украинофилов, имели возможность высказывать свои взгляды на страницах прессы. «Русский язык ... занимал очень прочные позиции в Подкарпатской Руси и продолжал процветать в годы венгерской оккупации, когда украинизм был запрещен»,¹⁰²¹ — отмечал П. Р. Магочи. На русском литературном языке продолжали издаваться периодические

¹⁰¹⁷ *Кушко Н.* Літературні стандарти русинської мови: історичний контекст і сучасна ситуація // *Plišková A.* (zost.) *Jazyková kultúra a jazyková norma v rusinskom jazyku.* Prešov, 2007. S. 40.

¹⁰¹⁸ *Плішкова А.* Списовный язык як інструмент етнічної орьєнтації Русинів // *Русин.* 2009. № 4. С. 14.

¹⁰¹⁹ *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001. С. 428.

¹⁰²⁰ *Magocsi P. R.* The Shaping of a National Identity... P. 143.

¹⁰²¹ *Ibidem.* P. 144.

издания и разнообразная литература. В 1941 г. в Ужгороде были изданы избранные произведения А. Духновича с пространным предисловием, написанным с традиционных русофильских позиций. Единственным признаком венгерской оккупации было отсутствие в данном предисловии какой-либо критики в адрес национальной политики венгерских властей, а также утверждение о том, что толчком для национальной деятельности Духновича было «возрождающееся национальное самосознание у венгров».¹⁰²²

Несмотря на поддержку Будапешта, попытки создать отдельный угро-русинский язык не дали заметных результатов. Впрочем, все патронируемые Будапештом этнолингвистические эксперименты происходили на фоне жесткой и последовательной политики мадьяризации, которая проводилась венгерской администрацией Подкарпатя. Так, 5 из 7 существовавших в Подкарпатской Руси гимназий и 16 из 18 муниципальных школ были обязаны вести обучение на венгерском языке. Все преподаватели в Подкарпатской Руси должны были свободно владеть венгерским языком. Преподавание в большинстве начальных школ края постепенно также переводилось на венгерский язык; в 1939 г. было принято решение о введении венгерского языка в местные дошкольные учреждения.¹⁰²³ Ассимиляторские цели венгерских властей были совершенно очевидны, что не могло не дискредитировать их усилия создать отдельную подкарпатскую угро-русинскую народность с собственным литературным языком в глазах широкой русинской общественности. Большую роль в неприятии местным населением этнолингвистических экспериментов Будапешта сыграла критика подобной политики венгерских властей местной русофильской интеллигенцией, которая пользовалась авторитетом у широких народных масс.¹⁰²⁴

* * *

В марте 1944 г. в восточной Словакии был образован подпольный «Карпаторусский Автономный Союз Национального Освобождения» (КАСНО), установивший контакты с подпольным антифашистским движением в Словакии, с чехословацким армейским корпусом в СССР и впоследствии принявший участие в Словацком Национальном восстании осенью 1944 года. С освобождением северо-восточной Словакии Красной Армией 1 марта 1945 г. в Прешове была создана «Украинская Народная Рада Пряшевщины»,

¹⁰²² Избранные сочинения Александра В. Духновича. Стихи и проза. Унгарь-Ужгородь, 1941. С. 6.

¹⁰²³ *Magosci P. R.* The Shaping of a National Identity... P. 176.

¹⁰²⁴ *Ibidem.* P. 177.

название которой явно не соответствовало доминировавшим среди местного населения русофильским настроениям. Как замечает П. Р. Магочи, это был первый случай, когда прилагательное «украинский» появилось в названии прешовской региональной организации. Причина этого состояла в возросшем влиянии коммунистов, которые являлись убежденными сторонниками украинской ориентации и играли ведущую роль в послевоенном формировании местных органов власти.¹⁰²⁵

Новые послевоенные условия, потребовавшие реабилитации и привыкания к этному «украинец» и к украинской идеологии, вызывали серьезные мировоззренческие трудности у русофильски настроенной русинской интеллигенции Словакии. «На территории Закарпатской Украины и Пряшевщины живет один и тот же народ... Этот народ составляет часть малорусского — украинского народа. Ввиду того, что весь малорусский народ принял название «украинского», поэтому и мы, на Пряшевщине ... приняли название «украинский», — говорилось в статье с символическим названием «На переломе», опубликованной в первом номере газеты «Пряшевщина», выходящей в Прешове с марта 1945 г. — До сих пор мы считали себя русскими и не любили название «украинец». Не любили потому, что под этим названием часто скрывался украинский самостийник-сепаратист. Мы не желали быть сепаратистами. Украинские сепаратисты ушли с немцами... Делегаты украинских районов Пряшевщины на своем съезде дня 1 марта 1945 г., состоявшегося в Прешове, ... ясно заявили, что в будущем навсегда принимается наименование для руснаков, лемков, русинов — украинец. ... Однако принятие названия украинец не обозначает то, чтобы мы стали врагами русского народа, как это бывало у украинцев-сепаратистов. Мы любим русский народ, мы русский язык будем и в будущем изучать, мы будем за братство русского и украинского народов...».¹⁰²⁶ Содержание и тон статьи отразили как вынужденное согласие русинов адаптироваться к новым условиям, так и состояние психологического дискомфорта и некоторой растерянности русинской интеллигенции восточной Словакии, которая воспринимала признаки грядущей украинизации с явной тревогой, не скрывая своего критического отношения к украинской ориентации.

Территория Подкарпатской Руси была освобождена Красной Армией еще в октябре 1944 года. Попытки эмиссаров правительства Бенеша, во главе которых стоял чехословацкий правительственный делегат Ф. Немец, создать на освобожденной территории Подкарпатя чехословацкую администрацию и организовать здесь мобилизацию в чехословацкую армию, наталки-

¹⁰²⁵ *Magosci P. R.* The Rusyn-Ukrainians of Czechoslovakia... P. 47.

¹⁰²⁶ Пряшевщина. 1945. № 1.

вались на эффективное противодействие советского командования, опиравшегося на местных коммунистов — сторонников присоединения к СССР. По словам В. В. Марьиной, «говоря современным языком, при поддержке советских военных властей была развернута мощная «пиар-кампания» против сохранения Подкарпатской Руси в составе восстановленной Чехословацкой республики».¹⁰²⁷ Это нашло свое выражение прежде всего в местной прессе. Следует отметить, что поведение некоторых чехословацких официальных лиц на освобожденной территории Подкарпатья давало веские поводы для недовольства местного населения. Так, 23 ноября 1944 г. в газете «Закарпатська Україна» была опубликована статья учителя А. Булице, в которой осуждалось поведение бывшего чехословацкого коменданта г. Рахов, арестовавшего местного православного священника, который агитировал за вступление в Красную Армию и призывал к воссоединению Подкарпатья с Украиной. Жители Рахова провели митинг протеста, в котором участвовало более тысячи человек. В результате священник был освобожден, а чехословацкий комендант бежал из города.¹⁰²⁸

Коммунистическое движение в Подкарпатской Руси возглавил бывший офицер чехословацкого армейского корпуса И. Туряница, который вместе с несколькими десятками других чехословацких офицеров-русинов по инициативе советского командования и НКВД был демобилизован из чехословацкого корпуса и направлен в Подкарпатье. 19 ноября 1944 г. Туряница и его помощники организовали в Мукачево первую конференцию коммунистов Закарпатья, на которой был принят документ, призывавший к «воссоединению» Закарпатья с Советской Украиной и предлагавший созвать съезд представителей населения Закарпатья для решения данного вопроса.¹⁰²⁹ 26 ноября 1944 г. в Мукачево состоялся инициированный советскими властями съезд народных комитетов Закарпатской Украины, принявший решение о «воссоединении» Закарпатья с Советской Украиной. Многие исследователи небезосновательно указывают на весьма спорную легитимность мукачевского съезда, которым фактически руководили «политические органы Советской Армии»,¹⁰³⁰ а также принятых на нем решений, обращая внимание в этой связи на присутствие и активную деятельность на территории Закарпатья органов НКВД и на многочисленные недостатки практического механизма обеспечения волеизъявления населения.¹⁰³¹

¹⁰²⁷ Марьяна В. Указ. соч. С. 82.

¹⁰²⁸ Там же. С. 81.

¹⁰²⁹ Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition. P. 496.

¹⁰³⁰ Марьяна В. Указ. соч. С. 82.

¹⁰³¹ См.: Konečný S. Rusíni na Slovensku a štátoprávne zmeny v Československu do roku 1938. S. 102.

Избранная на съезде в Мукачево Народная Рада Закарпатской Украины 1 декабря 1944 г. официально проинформировала представителя чехословацкого правительства в крае Ф. Немеца о том, что Закарпатская Украина выходит из состава Чехословакии. Главой Рады стал И. Туряница, а его первыми заместителями — популярные среди населения местные русофилы П. Сова и П. Линтур, не бывшие членами компартии. По мнению некоторых исследователей, данное кадровое решение было частью игры советских органов, которые хотели продемонстрировать внешнему наблюдателю, что присоединение к СССР поддерживают не только коммунисты, но и некоммунистическое русофильское большинство местного населения.¹⁰³²

Примечательно, что образованная 1 марта 1945 г. в Прешове Украинская Народная Рада Пряшевщины (УНРП) сразу поддержала решение съезда народных комитетов Закарпатской Украины о выходе из состава Чехословакии и присоединении к СССР и Советской Украине. Авторитет Советского Союза и присоединение Закарпатья к УССР привели к тому, что среди руководства Украинской Народной Рады Пряшевщины некоторое время была популярна мысль о выходе русинских областей восточной Словакии из состава Чехословакии и их присоединении к Советскому Союзу. Это вызывало крайнее беспокойство чехословацкого руководства, обещавшего словацким русинам полное обеспечение их национальных и культурных прав. Одновременно лидеры словацкой компартии интерпретировали подобные стремления как проявление национализма. На заседании ЦК компартии Словакии 6 марта 1945 г. «были подвергнуты критике националистические тенденции части УНР Пряшевщины».¹⁰³³ Участвовавший в заседании секретарь УНРП Рогал-Илкв признал, что часть членов УНРП выступала за присоединение русинских областей восточной Словакии к Закарпатской Украине под лозунгом «От Попрада до Тисы».¹⁰³⁴ Однако советское руководство, удовлетворившись территорией Закарпатья, не проявило интерес к присоединению северо-восточных областей Словакии, что повлияло на позицию лидеров Украинской Народной Рады Пряшевщины, которая очень скоро отказалась от своих первоначальных планов присоединения к СССР.

Русинская общественность в Северной Америке была настроена в основном против возвращения карпатских русинов в состав Чехословакии после войны. В ноябре 1943 г. «Американский Русский Вестник», комментируя утверждения эмигрантского правительства Бенеша о том, что после войны Подкарпатье вновь станет частью Чехословакии, выражал неудовлетворенность подобной перспективой и сомнение в возможности ее осуществ-

¹⁰³² Švorc P. Op. cit. S. 259.

¹⁰³³ Марьяна В. Указ. соч. С. 151.

¹⁰³⁴ Там же.

вления. «В бенешовских газетах пишут, что советское правительство обещало Бенешу Карпатскую Русь. Мы в этом сомневаемся, ибо в Москве хорошо знают, как жилось русскому народу под чехами... Мы не верим, что московское правительство обещало Карпатскую Русь чехам, достойным наследникам монархии Габсбургов, — писал 4 ноября 1943 г. «Американский Русский Вестник». — В России теперь окрепло русское национальное чувство. Тысячи русских воинов умирают не за величие пана Бенеша и Чехословакии, но за свободу, а не за то, чтобы вернуть часть русского народа под чехов. Мы верим, что Россия, так как и мы, здесь в Америке, поддержит идею плебисцита в Карпатской Руси, чтобы наш народ смог сам свободно сказать, чего он хочет».¹⁰³⁵ Многие представители русинской диаспоры в США выступали не только против возвращения Карпатской Руси в состав Чехословакии, но и против ее вхождения в состав СССР, аргументируя это тем, что «в России, как и в Америке, церковь отделена от государства и наши церковные народные школы, священники и учителя не получают никакой помощи от государства, а просвещение народа совсем уйдет из их рук... Данной опасности наш народ может избежать, если получит свою собственную, ни от кого независимую страну...».¹⁰³⁶ Однако в сложившихся международных условиях подобная перспектива была наименее реальной.

Вместе с тем значительное число карпатских русинов в Северной Америке были убежденными сторонниками вхождения Карпатской Руси в состав СССР и воссоединения с русским народом. В сообщении ТАСС от 21 апреля 1945 г. сообщалось о том, что «в советское посольство продолжают поступать резолюции массовых митингов карпато-русинских организаций с просьбой оказать поддержку стремлениям карпато-русин воссоединиться с русским народом».¹⁰³⁷ К числу сторонников вхождения Подкарпатя в состав СССР первоначально относился глава американского Карпаторусского Союза А. Геровский, считавший это наиболее оптимальным вариантом решения русинского вопроса после Второй мировой войны. Но очень скоро украинизаторский курс советских властей, сразу взятый ими после освобождения Подкарпатя и его вхождения в состав УССР, побудил А. Геровского, убежденного русофила и противника украинской идеологии, пересмотреть свои взгляды и выступить против национальной политики СССР в Закарпатье, которую он постоянно критиковал на страницах американского русофильского журнала «Свободное слово Карпатской Руси».¹⁰³⁸

¹⁰³⁵ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. November 4, 1943. № 44.

¹⁰³⁶ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. February 25, 1943. № 8.

¹⁰³⁷ Марьина В. Указ. соч. С. 152.

¹⁰³⁸ Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition. P. 137.

Распространенность русофильских настроений среди русинов Подкарпатя вовсе не означала, что идея присоединения к Советской Украине пользовалась широкой популярностью среди местного населения. Любопытно, что еще до мукачевского съезда 26 ноября 1944 г., принявшего решение о «воссоединении» Закарпатя с Украиной, местная русинская интеллигенция выступила с инициативой о присоединении Подкарпатской Руси к СССР в качестве отдельной союзной «Карпаторусской Советской республики». Так, 18 ноября 1944 г. в Мукачево на собрании представителей местного православного духовенства и русофильской интеллигенции было принято обращение к Сталину с просьбой о включении Подкарпатской Руси в СССР в виде отдельной союзной республики. Объясняя свое нежелание быть в составе Советской Украины, авторы обращения указывали на несогласие русинов с «идеологией галицких украинствующих националистов» и на то обстоятельство, что с названием «Украина» и «украинский» русины познакомились лишь после Первой мировой войны «под чешским владычеством».¹⁰³⁹

Уже после съезда народных комитетов, принявшего решение о присоединении Закарпатя к Украине, русинская делегация во главе с заместителем председателя правительства и парламента Закарпатской Украины П. Линтуром в начале декабря 1944 г. посетила Москву, надеясь добиться присоединения Закарпатя не к Украине, а к России в качестве автономной единицы. Делегация действовала с санкции главы Закарпатской Украины И. Туряницы, который поручил ей добиваться присоединения к Российской Федерации. Однако и эти просьбы представителей русинской общественности были проигнорированы Москвой. Попытки русинской делегации убедить руководство СССР в том, что русины «не хотят быть украинцами, а хотят и далее быть руськими»,¹⁰⁴⁰ не имели успеха. Русофил П. Линтур сохранял свою должность вице-спикера законодательного органа Закарпатской Украины вплоть до его роспуска в январе 1946 года. В своих публичных выступлениях Линтур неизменно подчеркивал русскую основу закарпатской культуры, что вызывало негативную реакцию украинских советских функционеров. Впоследствии Линтур, не имея возможности оставаться в политике, занимался научной работой и преподавал литературу и журналистику в Ужгородском университете.

Попытки убедить советское руководство не присоединять Подкарпатя к Советской Украине предпринимал в США и А. Геровский. Осенью 1944 г. Геровский обратился в посольство СССР в США с просьбой о получении визы для поездки в Москву, где он рассчитывал найти в МИДе лю-

¹⁰³⁹ Годьмаш П., Годьмаш С. Указ. соч. С. 217–218.

¹⁰⁴⁰ Там же. С. 238.

дей, сочувствующих карпатским русинам. Однако в советском посольстве А. Геровскому было сказано, что СССР не интересуется судьбой Карпатской Руси, поскольку она входит в состав Чехословакии. Кроме того, советские дипломаты указали убежденному русофилу Геровскому на то, что в Карпатской Руси живут не русские, а украинцы и что он сам ошибочно считает себя русским, в действительности являясь украинцем.¹⁰⁴¹ Подобное поведение советских дипломатов, бывшее смесью высокомерия и некомпетентности, не могло не вызвать глубокого разочарования и неприятия у А. Геровского, посвятившего всю свою жизнь защите общерусского единства и борьбе с украинской идеологией.

В это же время А. Геровский обратился с письмом к Сталину, призывая его «не дать в обиду самой западной окраины земли Русской» и не допустить, чтобы русское племя, «удержавшееся в течение тысячи лет на юго-западных склонах Карпат, было стерто с лица земли в момент величайших побед русского оружия».¹⁰⁴² На данное обращение Сталин не отреагировал. Редактор сборника «Путями истории» О. А. Грабарь, комментируя в 1970-е гг. национальную политику советских властей сразу после освобождения Закарпаття, писал, что «исторический акт уничтожения исконно русского облика населения Закарпатской Руси, насильственно обращенного в украинцев», кажется «непостижимо нелепым... Пусть Л. И. Брежнев не будет в обиде на автора, что он напомним ему, произошло это в присутствии его, Мехлиса, Тюльпанова, Вайса, Иткина, Давидовича и других представителей советской власти, достаточно образованных, чтобы понять, чего они лишают край, ... выступая на ролях глушителей русскости».¹⁰⁴³

После установления советской власти в Закарпаття коммунисты начинают политику украинизации местного восточнославянского населения в соответствии с принятым еще в 1924 г. решением, трактующим русинов как часть украинского народа. Украинизаторский курс грекокатолического священника А. Волошина был продолжен коммунистическими властями СССР в новом идеологическом формате. Термин «Подкарпатская Русь» был полностью и окончательно заменен термином «Закарпатская Украина»; из школ и библиотек изымались русинские книги и печатные издания, написанные русской дореволюционной графикой; школы переводились на украинский язык преподавания; была ликвидирована грекокатолическая церковь. В новых советских паспортах, которые получали местные русины, указывалась украинская национальность. Кадровая политика была направ-

¹⁰⁴¹ Путями истории. Общерусское национальное, духовное и культурное единство на основании данных науки и жизни. С. 260.

¹⁰⁴² Там же. С. 289.

¹⁰⁴³ Там же. С. 245–246.

лена на всемерное укрепление «украинскости» края. Ключевые должности в администрации и в сфере образования занимали в основном присланные в Закарпаття представители других регионов Украины. Созданный в крае Ужгородский Государственный Университет был призван подвести солидную научную базу под украинскую трактовку истории, культуры и языка карпатских русинов. Пассивное сопротивление русинского населения политике украинизации и их стремление подчеркнуть свое отличие от украинцев соседней Галиции проявились в широком распространении термина «закарпатец», который многие местные жители предпочитали использовать в качестве средства самоидентификации.

С установлением Советской власти в Подкарпатской Руси многие видные представители русофильского направления подверглись репрессиям. В 1945 г. был арестован один из политических лидеров подкарпатских русофилов Э. Бачинский, в 1929–1938 гг. являвшийся сенатором чехословацкого парламента от республиканской партии и в середине 1930-х гг. возглавлявший Общество им. Духновича. В 1947 г. Э. Бачинский умер в заключении. Репрессии также коснулись той части украинофилов из грекокатолического лагеря, которые сотрудничали с нацистской Германией. Так, проживавший в Праге А. Волошин был в 1945 г. арестован советскими спецслужбами и впоследствии умер в заключении.

Украинизация русинов Подкарпатской Руси, которая превратилась в Закарпатскую Украину, имела решающее влияние на русинскую политику Праги. По мнению С. Конечного, «административное приписывание украинской национальной принадлежности населению Закарпаття, которое было связано с русинами северо-восточной Словакии тесными родственными, религиозными, культурными и политическими контактами, сделало невозможным сохранение у восточнословацких русинов какой-либо другой ориентации, кроме украинской».¹⁰⁴⁴

С приходом коммунистов к власти в Чехословакии в 1948 г. чехословацкое руководство начинает использовать советский опыт решения «русинского вопроса». В апреле 1950 г. на конференции в Прешове было принято решение о ликвидации грекокатолической церкви. Ряд грекокатолических русинских священников подвергся репрессиям, включая главу восточнословацких грекокатоликов епископа П. Гойдича, арестованного чехословацкой госбезопасностью в 1951 г. по обвинению в «подрывной антигосударственной деятельности» и в «украинском буржуазном национализме». Гойдич был приговорен к пожизненному тюремному заключению и умер в тюрьме в словацком г. Леопольдов в 1960 году.

¹⁰⁴⁴ Konečný S. Op. cit. S. 102.

Первоначально кампания украинизации русинов Пряшевщины носила достаточно мягкие формы. По словам И. Байцур, позиция Украинской Народной Рады Пряшевщины в национальном вопросе «была непоследовательной. Вместо того, чтобы руководствоваться решением 1 съезда делегатов украинских сел о том, что в восточной Словакии живут украинцы, Рада стала говорить о русско-украинском народе, тем самым еще больше запутывая вопрос национальной ориентации...».¹⁰⁴⁵ Хотя русинское население восточной Словакии было официально объявлено украинским, в школах, в прессе и в культурной жизни вплоть до начала 1950-х гг. продолжал господствовать русский язык, а местное население продолжало считать себя русинами. В то же время с 1949 г. в школах началось изучение украинского языка как предмета. С начала 1950-х гг. украинизация резко набирает обороты. В июне 1952 г. руководство компартии Словакии приняло решение о введении украинского литературного языка во все русинские школы; с 1953 г. украинский язык стал языком преподавания.

Кампания насильственной украинизации восточнословацких русинов, предпринятая властями коммунистической Чехословакии, носила крайне болезненный характер, поскольку среди русинов Пряшевщины доминировала русская ориентация, сочетавшаяся с полным неприятием украинской идеологии. В отличие от русинов Подкарпатской Руси, для восточнословацких русинов украинская самоидентификация была не только непривычной, но и абсолютно чуждой. Преимущественно негативный образ украинца, существовавший в обыденном сознании восточнословацких русинов, в конце войны был только усилен трагическим опытом общения местных жителей с бойцами УПА, прорывавшимися на Запад через территорию Чехословакии. Одновременно резко усилились и без того широко распространенные русофильские настроения, что было результатом блестящих военных побед Красной Армии. По мнению исследователей, «восточнословацкие русины в это время не делали никаких различий между русским и русинским... Никогда ранее в своей истории русины восточной Словакии не отождествляли себя настолько сильно с русскими, как в конце Второй мировой войны и сразу после ее окончания».¹⁰⁴⁶

Незадолго до начала кампании украинизации русинская интеллигенция Словакии успела издать на литературном русском языке историко-литературный сборник о Пряшевской Руси и населяющем ее народе, категорически и однозначно заявив в нем о местных русинах как о части русского народа. «Пряшевщина — это русский уголок под Beskidami, по воле судь-

¹⁰⁴⁵ *Bajcura I.* Ukrajinská otázka v ČSSR. Východoslovenské vydavateľstvo. 1967. S. 97.

¹⁰⁴⁶ *Haraksim L.* Rusinská identita a emancipácia na Východnom Slovensku // *Střední Evropa a Podkarpatská Rus. Edice statí, reportáží, vzpomínek a dokumentů.* 16 svazek. Praha, 1997. S. 68.

бы оставшийся вне пределов воссоединенных русских земель... Население Пряшевской Руси в процессе долголетнего отстаивания своих прав и национальной принадлежности твердо осознало себя как часть великого русского народа, которая, несмотря на сильную денационализацию в прошлом, без всякой посторонней помощи сохранила подлинно русский облик...», — писал 19 августа 1947 г. в предисловии к сборнику его редактор Иван Шлепецкий. — Народный говор населения Пряшевской Руси — это старинное наречие русского языка... О русской культуре населения Пряшевской Руси свидетельствует все его творчество, и общность с русским миром настолько утвердилась в его сознании, что ему неприемлем никакой сепаратизм, направленный против русской культуры, — указывал Шлепецкий, очевидно имея в виду все более явные признаки грядущей украинизации. — ... Русская культура — это великое сокровище, ... является национальной гордостью населения Пряшевской Руси. Оно ... неизменно исповедует великие идеи единства русской культуры... Слава Духновичу, Добрянскому, Павловичу и другим проповедникам и защитникам русской культуры под Beskidami. Слава Пушкину! ... Слава великим творцам русской культуры».¹⁰⁴⁷

В июне 1947 г. в русинских городах и селах северо-восточной Словакии состоялись традиционные для восточнословацких русинов массовые празднования «Дней Русской Культуры», в которых приняли участие десятки тысяч человек. Так, 22 июня 1947 г. «День Русской Культуры» прошел в восточнословацком городке Стрпков, на котором «присутствовало свыше 10000 человек со всех концов Пряшевской Руси. Это была ... всенародная манифестация за великие идеи русской культуры».¹⁰⁴⁸ По злой иронии судьбы, пик русофильских настроений среди русинов Пряшевщины, считавших себя частью русского народа, совпал с кампанией украинизации, требовавшей от русинов отказа от своей идентичности и культурного наследия.

Украинизация русинов восточной Словакии, основная фаза которой была начата властями коммунистической Чехословакии в 1952 г., осуществлялась на государственном уровне и была последовательной и всеобъемлющей. Она выразилась в переводе русинских школ с русского на непривычный для местного населения украинский литературный язык обучения, в запрете самого термина «русин» как символа отсталости и реакционности, в ликвидации грекокатолической церкви, отстаивавшей идею существования независимого русинского народа. Все это вскоре привело к массовой ассимиляции русинского населения. Кампанию украинизации и связанные с ней репрессивные меры некоторые современные публицисты и ис-

¹⁰⁴⁷ Пряшевщина. Историко-литературный сборник. Прага, 1948. С. 3.

¹⁰⁴⁸ Там же. С. 6.

следователи даже склонны трактовать как «геноцид» русинов.¹⁰⁴⁹ Не имея возможности оставаться русинами, местные жители решали дилемму «словак–украинец» чаще всего в пользу словацкой национальности, не желая принимать навязываемое властями украинство. Если в 1930 г. в восточной Словакии официально насчитывалось 95783 русинов, то к 1961 г. количество тех, кто определял себя как украинец, упало до 35435. «В широких массах преобладало русинское национальное самосознание. Чувство принадлежности к украинскому народу не существовало. Многим не было ясно, почему они внезапно стали украинцами...»,¹⁰⁵⁰ — отмечал И. Байцура. Таким образом, часть русинов приняла украинскую идентификацию, однако значительно большая часть предпочла стать словаками.

Политика украинизации означала резкий и болезненный разрыв со всей предшествующей культурно-языковой традицией Пряшевщины. Часть русинской творческой интеллигенции, не желая менять традиционное мировоззрение и язык, отказалась от продолжения литературной деятельности; та часть интеллигенции, которая решила продолжить творческую карьеру, была вынуждена срочно осваивать плохо знакомый ей украинский литературный язык. В наиболее выгодном положении в новых условиях оказались украинофилы левой политической ориентации. Так, В. Гренджа-Донський, вступив в 1945 г. в чехословацкую компартию, сделал успешную творческую карьеру в социалистической Чехословакии, добившись признания в качестве ведущего украиноязычного литератора.

Негативные последствия ускоренной кампании насильственной украинизации настолько очевидны, что современные украинские историки из Словакии признают ряд «перегибов», допущенных украинизаторами как в отношении самого этнонима «русин», так и в отношении местных русинских диалектов. «Почти тысячелетнее историческое название Русин, которое успешно ... преодолело многочисленные попытки ... ассимилировать украинское население и убергло население от национальной смерти, требовало лучшего понимания его веса и значения ... при введении в употребление нового литературного названия Украинец. Новое название — украинец — должно было интерпретироваться как более новое, современное и точное название того самого населения..., а не как название нового содержания, — пишут современные украинские историки из Словакии, указывая на минусы украинизации. — Точно так же имел место дефицит взвешенного отношения к народному языку населения. К нему — украинскому в своей основе — нужно было относиться с должным уважением..., модифицировать

¹⁰⁴⁹ *András M. Súčasně postavenie Rusínov na Slovensku. S. 95.*

¹⁰⁵⁰ *Bajcura I. Ukrajinská otázka v ČSSR. Východoslovenské vydavateľstvo. 1967. S. 133–134.*

и лексически обогащать, а не противопоставлять украинскому литературному языку и запрещать ... диалектизмы, что нанесло немалый вред ... вместо сближения населения с украинским народом и его культурой...».¹⁰⁵¹

Несмотря на жесткие формы украинизации, а также массовую словакизацию русинов Пряшевщины, русинская идентичность продолжала существовать в самосознании местного населения. Во время «Пражской весны» в 1968 г. восточнословацкие русины доказали свою жизнеспособность, заявив о себе именно как о русинах и добившись права использовать свой диалект в официальной сфере. Чехословацкие власти пошли на восстановление деятельности грекокатолической церкви и на частичную легализацию самого этнонима «русин», который стал использоваться наряду с этнонимом «украинец».

В полной мере процесс русинского возрождения развернулся после 1989 г. Современное русинское движение развивается как органичное продолжение тех процессов, которые были искусственно заморожены в период социализма. Однако в отличие от межвоенного периода, большинство современных русинских деятелей полностью отказалось от русофильских идей о русинах как части русского народа, трактуя русинское население как четвертый восточнославянский народ наряду с русскими, украинцами и белорусами и полностью ориентируясь на местные диалекты в своей языковой политике.

* * *

Для русинов-лемков в Польше Вторая мировая война и ее последствия оказались еще более трагическими, чем для русинов Чехословакии. С началом войны и оккупацией Польши Германией в сентябре 1939 г. условия соперничества русинов-лемков и украинцев на территории Лемковины резко изменились в пользу украинцев. После занятия Западной Галиции немцами сюда в массовом порядке устремились украинские националисты из Восточной Галиции, бежавшие перед советскими властями. По словам очевидца, немецкие оккупационные власти принимали украинцев-галичан «с распростертыми объятиями как союзников и назначали их на должности учителей, школьных инспекторов и информаторов... Агенты гестапо из украинских комитетов ... сновали по лемковским селам, выискивая коммунистов и «москвофилов», — отмечал И. Ф. Лемкин. — Много лемков погибло от рук гитлеровских и украинских палачей... Как во время Первой, так и в ходе Вто-

¹⁰⁵¹ *Бача Ю., Ковач А., Штець М. Чому, коли і як? Запитання й відповіді з історії і культури русинів-українців Чехо-Словащини. С. 38.*

рой мировой войны украинские националисты сыграли на Лемковине роль Каина...».¹⁰⁵² Среди жертв нацистских преследований был известный русинский общественный деятель, глава Лемко-Союза О. Гнатышак, погибший в концлагере Аушвиц.

Лемки и лемковские организации в Северной Америке внесли весомый вклад в поддержку СССР во время Второй мировой войны. Особую роль в этом сыграл Лемко-Союз в США и Канаде, симпатизировавший коммунистическим идеям и поддерживавший СССР. Многочисленная лемковская диаспора в США и Канаде при посредничестве Лемко-Союза во время войны собрала и отправила в СССР около полумиллиона долларов в качестве финансовой помощи. Многие русины-лемки служили в рядах Красной Армии.¹⁰⁵³

Окончание Второй мировой войны принесло русинскому населению Лемковины новые тяжелые испытания. Одним из первых соглашений, заключенных Польским Комитетом Национального Освобождения (ПКНО), был договор, подписанный 9 сентября 1944 г. с правительствами УССР и БССР о переселении в эти советские республики проживавших в Польше лиц русской, украинской и белорусской национальности, а также о переселении с их территории в Польшу лиц польской национальности. Договор об обмене населением предусматривал исключительно добровольный принцип переселения. Поскольку восточнославянское население Лемковины трактовалось коммунистическими властями Польши и СССР как украинское, русины-лемки были отнесены к числу потенциальных переселенцев на Украину. Планы переселения лемков были поддержаны просоветски настроенным руководством влиятельного Лемко-Союза в Северной Америке, которое считало, что тем самым будут решены национальные и экономические проблемы русинов-лемков.

Вплоть до середины 1945 г. русины-лемки, особенно из наиболее пострадавших в ходе войны восточных областей Лемковины, переселялись на Украину добровольно. Однако со второй половины 1945 г., когда число добровольцев иссякло и лемки стали отказываться покидать историческую родину, польские власти перешли к политике давления, угроз и открытого насилия, стремясь полностью очистить территорию юго-восточной Польши от русинского населения.¹⁰⁵⁴ Примечательно, что местные польские власти приветствовали договор об обмене населением с УССР, трактуя данный документ как гарантию того, что все лемковское население в итоге покинет территорию Польши. Так, руководство Краковского воеводства,

¹⁰⁵² Лемкин И. Ф. Указ. соч. С. 180–181.

¹⁰⁵³ Там же. С. 193.

¹⁰⁵⁴ Kwiek J. Przesiedlenie ludności łemkowskiej z województwa Krakowskiego na Ukrainę (1945–1946) // Studia Historyczne. 1998. R. XLI. Z. 2 (161). S. 236–238.

где проживало около 25000 русинов-лемков, игнорируя зафиксированный в договоре принцип добровольности переселения, с самого начала исходило из того, что с территории данного воеводства будут полностью выселены все лемки.¹⁰⁵⁵

В соответствии с договором между советскими республиками и Польшей об обмене населением в целом около 60% всего лемковского населения было вынуждено покинуть свою историческую родину и переселиться на Советскую Украину. Большинство лемков было расселено в Тернопольской области Восточной Галиции. Переселение сопровождалось нарастающим террором и насилием в отношении мирного лемковского населения со стороны действовавших в регионе польских военизированных формирований, вынуждавших переселяться и ту часть лемков, которая хотела остаться на родине. И. Ф. Лемкин приводит многочисленные примеры кровавого польского террора в отношении мирного русинского населения Лемковины, упоминая, в частности, о крупной банде бывшего капеллана Армии Крайовой Журавского, которая насчитывала около 1000 человек и целенаправленно истребляла русинских священников и селян.¹⁰⁵⁶ «Польские банды как бешеные псы летали по лемковским селам, принуждая население выезжать в Советский Союз. Если в каком-нибудь селе они наталкивались на сопротивление выселению, ... они поджигали село, избивали людей и грабили лемковское имущество, — писал И. Ф. Лемкин. — На лемков, переселявшихся в Советский Союз добровольно, банды нападали в дороге и грабили. ... Даже то, что вытворял Гитлер с порабощенным народом во время оккупации, не идет ни в какое сравнение с тем, как обращались с лемками польские банды...».¹⁰⁵⁷

Переселенческая акция на Советскую Украину не в полной мере оправдала ожидания польского руководства, поскольку почти половина русинского населения Лемковины продолжала оставаться на своей исторической родине. Активизация деятельности УПА в северо-карпатском регионе и убийство 28 марта 1947 г. бывшего командующего Второй Армии Войска Польского генерала К. Сверчевского украинскими националистами были использованы польским руководством как удобный предлог для окончательного «решения» лемковского и украинского вопросов. «28 марта этого года около десяти часов утра во время проведения инспекции от пуль украинских фашистов УПА на дороге Санок–Балигород погиб генерал Кароль Сверчевский, второй замминистра обороны, бывший командующий второй армии, герой боев за Нису Лужицкую...»,¹⁰⁵⁸ — говорилось в радиосообщении

¹⁰⁵⁵ Ibidem. S. 239.

¹⁰⁵⁶ Лемкин И. Ф. Указ. соч. С. 206–207.

¹⁰⁵⁷ Там же. С. 204.

¹⁰⁵⁸ Akcja «Wisła». Dokumenty/Opracował Eugeniusz Misiło. Warszawa, 1993. S. 64.

Министерства национальной обороны Польши. Уже на следующий день, 29 марта 1947 г., на заседании политбюро ЦК Польской Рабочей Партии, посвященном гибели Сверчевского, было принято решение об «оперативном переселении украинцев и смешанных семей на возвращенные территории в рамках репрессивной акции против украинского населения».¹⁰⁵⁹ При этом все восточнославянское население юго-восточных областей Польши, включая лемков, трактовалось польскими властями как априори украинское.

К 24 апреля 1947 г. польское правительство разработало механизм депортации оставшейся части коренного восточнославянского населения Лемковины в западные области Польши. Впрочем, по данным польских исследователей, идея полного выселения украинцев и русинов-лемков родилась значительно раньше убийства генерала К. Сверчевского. В частности, мысль о полном выселении украинцев и лемков из области их традиционного проживания была высказана уже в ноябре 1946 г. членом политбюро ЦК Польской Рабочей партии В. Гомулкой, который одновременно занимал должность вице-премьера польского правительства.¹⁰⁶⁰ Катализатором подобных планов польского армейского и политического руководства стало нежелание СССР продлить сроки переселения украинского населения из Польши в УССР, куда к началу августа 1946 г. уже было переселено 482 тысячи человек.¹⁰⁶¹

В качестве официальной причины выселения лемков Варшава называла необходимость ликвидации действовавших в северных Карпатах отрядов УПА, которые, по версии польских властей, пользовались широкой поддержкой среди лемковского населения. В свою очередь, лемковские историки и общественные деятели, указывая на традиционно негативное отношение русинов-лемков к украинским националистам и на отсутствие у лемков украинского самосознания, считают подобные обвинения беспочвенными.¹⁰⁶²

В ходе операции «Висла», начатой польскими силовыми структурами 28 апреля 1947 г. и продолжавшейся до 12 августа 1947 г., все оставшееся на Лемковине русинское население было насильственно депортировано в Силезию и Поморье, полностью «очищенные» к тому времени от коренного немецкого населения. Депортация лемков осуществлялась польскими армейскими и специально созданными для этой цели милицейскими подразделениями, личный состав которых насчитывал около 20000 человек.

¹⁰⁵⁹ Ibidem. S. 65.

¹⁰⁶⁰ Mokry W. Nie wojskowy, lecz polityczny cel wysiedleńczej akcji «Wisła» w 1947 roku // Problemy Ukraińców w Polsce po wysiedleńczej akcji «Wisła» 1947 roku/Pod redakcją Włodzimierza Mokrego. Kraków, 1997. S. 18.

¹⁰⁶¹ Wolosiuk L. Przebieg i skutki akcji «Wisła» // Problemy Ukraińców w Polsce po wysiedleńczej akcji «Wisła» 1947 roku. S. 23.

¹⁰⁶² Лемкин И. Ф. Указ. соч. С. 217.

Всего в ходе операции было выселено примерно 150000 человек, из которых 50000–60000 были лемками.¹⁰⁶³

Механизм депортации украинского и лемковского населения в ходе операции «Висла» опирался на предыдущий опыт переселения лемков на Украину. Ночью польские армейские подразделения окружали село, предназначенное для выселения. Жителям села давалось несколько часов на сборы, в ходе которых они должны были погрузить на подводы предметы первой необходимости, включая продукты питания. Позднее из переселенцев формировалась колонна, которая под охраной польских солдат следовала до ближайшего сборного пункта. На сборных пунктах сотрудники польских спецслужб составляли подробные списки депортируемых и проводили фильтрацию переселенцев, выявляя среди них подозреваемых в связях с УПА.¹⁰⁶⁴ После фильтрации основную массу переселенцев вместе с их скотом грузили в товарные вагоны и отправляли на территорию Поморья или Силезии, «очищенные» к тому времени от немецкого населения. Те переселенцы, которые не прошли фильтрацию и подозревались в связях с украинскими националистами, подвергались аресту и отправлялись в концлагерь в г. Явожно в южной Польше. Примечательно, что польский концлагерь в Явожно располагался в бараках, ранее относившихся к печально известному концлагерю Аушвиц.¹⁰⁶⁵ В целом около 4000 депортируемых были арестованы польскими спецслужбами и брошены в концлагерь в Явожно. Многие из заключенных этого концлагеря подверглись пыткам и физическим издевательствам; значительная часть из них погибла.¹⁰⁶⁶

В Силезии и Поморье украинцы и русины-лемки были расселены властями таким образом, чтобы как можно быстрее ассимилировать их в польскоязычном окружении. Количество лемков в отдельных населенных пунктах не должно было превышать 10% от общей численности их населения. В секретной инструкции польского правительства прямо говорилось о том, что главной целью переселения является полная ассимиляция переселенцев в новом польском окружении и что для достижения этой цели «необходимо предпринять все усилия».¹⁰⁶⁷ В целях более эффективной колонизации инструкция предусматривала изоляцию русинской интеллигенции от основной массы переселенцев. Данный аспект ассимиляционной политики польских властей в отношении русинов-лемков был вполне сравним с политикой нацистской Германии в протекторате Богемия и Моравия, где нацист-

¹⁰⁶³ Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition. P. 531.

¹⁰⁶⁴ Wolosiuk L. Przebieg i skutki akcji «Wisła». S. 29.

¹⁰⁶⁵ Ibidem. S. 29–30.

¹⁰⁶⁶ Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition. P. 217.

¹⁰⁶⁷ Mokry W. Nie wojskowy, lecz polityczny cel wysiedleńczej akcji «Wisła» w 1947 roku. S. 15.

ские власти целенаправленно подрывали и ограничивали влияние чешской интеллигенции на население, рассматривая это как существенный элемент германизации чехов. В свою очередь, русинские села на территории Лемковины были частично разрушены, частично отданы польским переселенцам. По мнению современных лемковских общественных деятелей и некоторых историков, именно соображения национальной политики Варшавы, направленной на полонизацию национальных меньшинств и создание этнически однородной послевоенной Польши,¹⁰⁶⁸ явились истинной причиной второго этапа выселения лемков, в результате которого они были лишены своей исторической родины.

Современные польские исследователи также оценивают операцию «Висла» прежде всего как политическую акцию, направленную на полную «этническую зачистку» юго-восточных областей Польши от русинско-украинского этнического элемента.¹⁰⁶⁹ По мнению польского историка В. Мокрого, «выселение русинов-украинцев сначала на Советскую Украину в 1945–1946 гг., а затем в западные и северные регионы Польши в 1947 г. было результатом заимствованной коммунистическим правительством Польши идеи национально однородного польского государства. Автором данной идеи в межвоенный период были эндеки, стремившиеся ассимилировать 5,5 миллиона украинцев, проживавших на территории Второй Речи Посполитой...».¹⁰⁷⁰

Вопреки запретам, уже в начале 1950-х гг. некоторые лемки стали нелегально возвращаться на свою историческую родину, выкупая свои дома у новых владельцев-поляков. По некоторым данным, к началу 1980-х гг. около 10000 лемков смогло вернуться на территорию Лемковины.¹⁰⁷¹

В период социализма в Польше, где, как в Советском Союзе и в Чехословакии, отрицалось существование отдельного русинского народа, а все русины были объявлены украинцами, русины-лемки были лишены возможности использовать свой традиционный этноним и развивать свою культуру. Несмотря на многочисленные попытки, лемковской интеллигенции так и не удалось зарегистрировать в период социализма в Польше ни одной своей организации.¹⁰⁷² Только с изменением политической ситуации в Польше в конце 1980-х гг. русины-лемки получили возможность заявить о себе как об особом народе, отличном от украинцев. Весной 1989 г. в Легнице

¹⁰⁶⁸ Magosci P. R. The People from Nowhere. An Illustrated History of Carpatho-Rusyns. P. 94.

¹⁰⁶⁹ Mokry W. Nie wojskowy, lecz polityczny cel wysiedleńczej akcji «Wisła» w 1947 roku... S. 16.

¹⁰⁷⁰ Ibidem. S. 17.

¹⁰⁷¹ Magosci P. R. The People from Nowhere. An Illustrated History of Carpatho-Rusyns. P. 98.

¹⁰⁷² Duc'-Fajfer O. Lemkovský jazyk v edukačnom systéme Polska // Plišková A. (ed.) Rusínska kultúra a školstvo po roku 1989. Prešov, 2008. S. 221.

было зарегистрировано Общество лемков, объединившее лемковское население на всей территории Польши. Наряду с активной культурно-просветительной деятельностью, направленной на возрождение традиционной лемковской культуры и системы ценностей, Общество лемков затрагивает наиболее болезненные для лемков и неприятные для польского общественного мнения политические проблемы, выступая с осуждением акции «Висла» и поднимая вопрос о компенсации за собственность, которую лемки потеряли в ходе депортации.

После падения социализма в Польше в 1989 г. польский сенат осудил операцию «Висла» как антигуманный акт, однако нижняя палата польского парламента (сейм) не поддержала этого решения. Польское правительство ничего не сделало и для компенсации потерь, понесенных лемками в ходе депортации. В 1996 г. польские власти приняли решение преобразовать центральные области Лемковины в национальный заповедник Бескиды, тем самым изящно закрыв вопрос о возможном возвращении лемкам их имущества и земельных владений в этом регионе.¹⁰⁷³

Наряду с Обществом лемков в постсоциалистической Польше вскоре была зарегистрирована и другая лемковская организация — Объединение лемков, включающее ту часть лемковского населения, которая восприняла украинскую идентификацию. Противостояние этих двух общественных организаций, выражающееся главным образом в активной полемике в прессе, во многом напоминает борьбу между лемковскими традиционалистами-русософилами и украинофилами в межвоенный период. Тем не менее большинство лемков сохранило свою традиционную идентичность, считая себя не украинцами, а русинами-лемками.

¹⁰⁷³ Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition. P. 532.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В межвоенный период Карпатская Русь оказалась единственным уцелевшим после Первой мировой войны и распада Российской империи островком, на котором продолжала существовать и развиваться идея общерусского этнокультурного и языкового единства. Если в СССР взгляд на восточных славян как на три отдельных народа — русских, украинцев и белорусов — был принят в качестве единственно правильного и навязывался всей мощью советской пропаганды и административной системы, то среди карпатских русинов, вошедших в межвоенный период в состав Чехословакии и Польши, сохранялась отвергнутая в СССР идея общерусского единства, а противоборство между различными национальными ориентациями протекало в более естественных условиях.

Первая половина XX века занимает особое место в истории русинского народа, политическая и культурная жизнь которого в этот период была полна драматических поворотов и протекала особенно насыщенно и интенсивно. Встретив XX век гражданами Австро-Венгрии, карпатские русины в 1919–1939 гг. находились в составе Чехословакии и Польши. С ликвидацией Чехословакии и оккупацией Польши Германией в 1939 г. русины к югу от Карпатского хребта вошли в состав Венгрии и независимого словацкого государства, а русины-лемки Западной Галиции оказались в условиях немецкой оккупации в созданном нацистской Германией на территории Польши генерал-губернаторстве. После окончания Второй мировой войны русины северо-восточной Словакии вновь вошли в состав возрожденной Чехословакии, в то время как русины Подкарпатья оказались в составе СССР. После распада Советского Союза в 1991 г. и Чехословакии в 1993 г. карпатские русины стали гражданами независимой Украины и Словакии. Наиболее трагическая участь постигла русинов-лемков в Польше, утративших свою историческую родину — Лемковину. В первые послевоенные годы часть лемков была вынуждена переселиться на Советскую Украину в рамках договора об обмене населением между правительствами Польши и СССР. Оставшаяся часть лемков в 1947 г. была депортирована польскими властями на юго-западные и северо-западные территории Польши в рамках операции «Висла».

Национальная идентичность карпатских русинов, сформировавшаяся в XIX веке под воздействием русинских будителей — убежденных русофилов, основывалась на идее о принадлежности карпатороссов к единому русскому племени от Карпат до Тихого океана и апеллировала к русскому литературному языку и русскому культурному наследию. В отличие от русинов Восточной Галиции и Буковины, подвергшихся целенаправленному этнокультурному воздействию австрийских и польских властей и к началу XX века

постепенно воспринявших украинскую самоидентификацию, карпатские русины, большинство которых находилось в это время в составе Венгрии, не только сохранили, но и развили свою традиционную идентичность.

Первые проявления политической активности карпатских русинов как в Северной Америке, так и на территории Австро-Венгрии были производной от доминировавших в их среде русофильских воззрений и исходили из необходимости вхождения всей Карпатской Руси в состав России. Однако большевистская революция и гражданская война в России, а также интересы великих держав и развитие международной ситуации в Центральной Европе обусловили вхождение Карпатской Руси в состав Чехословакии и Польши. Русинские политические деятели стремились всячески избежать присоединения к польскому государству, предпочитая вхождение в состав Чехословакии, руководство которой раздавало щедрые авансы русинским лидерам, обещая широкую автономию. Несмотря на энергичные усилия русинов-лемков избежать вхождения в состав Польши и присоединиться к Чехословакии, образовав вместе с угорскими русинами единую административную единицу в рамках ЧСР, данные планы были проигнорированы великими державами и чехословацким руководством. Вопреки воле русинов-лемков, территория Лемковины была включена в состав Польши.

* * *

Специфической чертой русинской культурной жизни был ощутимый разрыв между русинской «высокой культурой», созданной поколениями русофильской интеллигенции и ориентированной на русский литературный язык и русскую культуру, и народной «низкой» культурой, разговорные диалекты которой были весьма далеки от русского литературного языка, что создавало объективные проблемы в освоении русского культурного наследия широкими слоями русинского населения.

После пребывания в составе Венгрии с ее жесткой ассимиляционной политикой, присоединение к Чехословакии открыло перед русинами значительно более широкие возможности для политической и национально-культурной деятельности. Вместе с тем более свободные условия политического развития, возросшие возможности культурного самовыражения, а также распространение образования и ставший актуальным в этой связи вопрос языка обучения обнажили несоответствие между русофильской культурной традицией и местными культурно-языковыми реалиями, что послужило питательной почвой для возникновения украинского движения, вступившего в ожесточенное противоборство с русофилами.

В наибольшей степени объектом воздействия украинской пропаганды стали русины Подкарпатской Руси, где украинское направление в 1920-е гг. пользовалось благосклонностью чехословацких властей, а также вошедшие в состав Польши русины-лемки. В межвоенный период русинское население Лемковины стало объектом целенаправленного этнокультурного воздействия со стороны соседней Восточной Галиции, находившейся в составе Польши и ставшей в это время оплотом украинского национального движения. Если в условиях Австро-Венгрии польские власти Галиции поддерживали местных народовцев-украинофилов в противовес москвофилам, то в межвоенный период в условиях независимой Польши Варшава, наоборот, поддерживала антиукраинские национальные ориентации среди русинов-лемков, стремясь не допустить распространения среди них украинской идеологии из Восточной Галиции.

Ожидания русинских лидеров от вхождения в состав Чехословакии были чрезмерно радужными и явно завышенными. Реалии пребывания в Чехословацкой республике и опыт взаимодействия с пражскими чиновниками оказались во многом разочаровывающими, став причиной недовольства и критики чехословацких властей со стороны русинской общественности. В основе чехословацкой политики по отношению к Подкарпатской Руси лежали сугубо прагматические соображения, направленные на освоение и удержание под пражским контролем этого отдаленного, стратегически важного и не вполне политически лояльного с точки зрения чешских чиновников региона. Весомый отпечаток на политику Праги в самой восточной провинции Чехословакии наложил «дефицит понимания сложных реалий межвоенной Подкарпатской Руси»¹⁰⁷⁴ в сочетании с миссионерски-культуртрегерским отношением чехов к местному населению, которое воспринималось чешской бюрократией как пассивный объект цивилизационной деятельности Праги.

Отличительной чертой чехословацкой политики в отношении Подкарпатя в течение всего межвоенного периода стало разительное несоответствие между риторикой Праги и ее практическими делами. Двуличие Праги в русинском вопросе проявилось, прежде всего, в том, что самые важные обещания чехословацких политиков русинам остались невыполненными в период существования Первой Чехословацкой республики. Зафиксированное в Сен-Жерменском договоре и в чехословацком законодательстве обязательство Праги предоставить Подкарпатской Руси широкую автономию постоянно откладывалось по зачастую надуманным предлогам, вызывая критическую реакцию всех слоев русинского общества. Обещание

¹⁰⁷⁴ Zilynskyj B. Op. cit. S. 38.

чехословацких властей способствовать административному объединению всех русинских земель также не было выполнено. Механизм управления Подкарпатской Русью был практически полностью сосредоточен в руках чешской бюрократии, занимавшей ключевые места; роль русинских деятелей в управлении провинцией была второстепенной, что явилось еще одним важным источником разочарования Прагой. Образ межвоенной Чехословакии как вытянутого с запада на восток длинного головастика,¹⁰⁷⁵ голова которого находилась на западе в Чехии, а хвост в виде Подкарпатской Руси уныло висел на востоке, удачно отражает специфику положения Подкарпатя, бывшего отсталым и безвластным придатком межвоенной ЧСР. Символом чехословацкой политики в отношении русинов может служить конфиденциальное распоряжение Масарика чехословацкому правительству в мае 1921 г. «об обеспечении пассивности русинских деятелей».¹⁰⁷⁶

Примечательно, что наиболее принципиальные и последовательные в вопросе территориального объединения и автономии Карпатской Руси русинские общественные деятели различных национальных ориентаций, включая первого губернатора Подкарпатской Руси Г. Жатковича и А. Геровского, быстро разочаровывались в политике Праги и становились убежденными оппонентами чехословацких властей. В условиях чехословацкой политической системы, отторгавшей самых энергичных и принципиальных русинских деятелей, были востребованы лишь слабые и склонные к компромиссам фигуры, готовые за высокий статус и материальные блага мириться с существующим положением вещей, закрывая глаза на несоблюдение Прагой своих обещаний.

Наибольшее недовольство русинской общественности вызывала культурно-языковая политика чехословацких властей. С присоединением Карпатской Руси к Чехословакии и Польше несоответствие между русофильской «высокой» культурой и народной «низкой» культурой получило значительно большее пространство для своего проявления. Традиционной русофильской идентичности русинов, провозглашавшей единство с русским народом и верность русскому языку, был брошен вызов со стороны ранее почти неизвестного карпатским русинам украинского движения, объявившего русинские диалекты частью украинского языка, а самих русинов — частью украинского народа.

Противоборство русофилов и украинофилов происходило в условиях, когда той России, к единству с которой апеллировали русинские традиционалисты, уже не существовало, а в Советском Союзе проводилась полити-

ка украинизации в УССР. В этих условиях большое влияние на ход борьбы идентичностей среди русинов имела национальная политика Праги и Варшавы. Если Варшава, стремясь воспрепятствовать распространению среди русинов-лемков украинской пропаганды из Восточной Галиции, проводила политику ограничения украинского влияния и поддерживала антиукраинские идентичности среди русинов, то чехословацкие власти первоначально отдавали предпочтение украинофилам, что нашло свое выражение в сфере образования, школьной политике, а также в поддержке украинской эмиграции из Галиции. Исходя из формально-языковых критериев и трактуя местных русинов как часть украинского народа, чехословацкие власти по сути способствовали постепенной украинизации карпатских русинов, стараясь реализовывать при этом свои интересы и учитывать местную культурно-языковую специфику.

Подобный подход вызывал недовольство как со стороны русофилов, постоянно обвинявших Прагу в политике украинизации, так и со стороны украинофилов, усматривавших в учете местных культурных особенностей антиукраинские тенденции. Кроме того, стремление пражских чиновников расширить сферу применения чешского языка в Подкарпатской Руси и насаждение чешских школ в регионе вызвали обвинения русинских деятелей в чехизации русинского населения. Затягивание введения автономии в Подкарпатской Руси, балансирование Праги между различными течениями среди русинов и попытки извлекать из этого пользу, играя на их противоречиях, усиливали подозрения русинских лидеров в том, что чешские власти сознательно способствуют разобщенности русинов, создавая условия для проведения целенаправленной ассимиляционной политики.

Русинская политика чехословацких властей проделала определенную эволюцию в межвоенный период. На расстановку акцентов в политике Праги в Подкарпатской Руси влияла текущая политическая ситуация. Если в 1920-е гг. действия Праги имели ярко выраженный проукраинский характер, то в 1930-е гг. чехословацкие власти, почувствовав опасность со стороны украинского движения, делают ряд уступок русофильскому и русинфильскому течению в противовес усилившимся украинофилам, что было схоже с политикой Варшавы в русинском вопросе.

Несмотря на преференции украинофилам со стороны Праги, что особенно ярко проявилось в 1920-е гг., русофилам удалось сохранить доминирующее положение как в Подкарпатской Руси, где пражская политика поддержки украинского течения была наиболее выраженной, так и в Словакии, где местные русины были вынуждены противостоять не столько украинизации, сколько ассимиляционному давлению словацких властей. Тем не менее благоприятные условия, созданные Прагой, способствовали консолидации

¹⁰⁷⁵ См.: *Macmillanová M. Mirotvorci. Pařížská konference 1919. S. 235.*

¹⁰⁷⁶ *AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1922, krabice 401.*

и усилению украинского направления, которое завоевало своих приверженцев среди части местного русинского населения. Важную роль в распространении украинской идентичности среди русинов Подкарпатской Руси сыграли местные коммунисты и коммунистическая пресса, издававшаяся на литературном украинском языке и получавшая поддержку со стороны СССР. Украинский фактор, развившийся в Подкарпатской Руси во многом благодаря созданному в 1920-е гг. чехословацкими властями режиму благоприятствования, был в конце 1930-х гг. использован нацистской Германией для дестабилизации положения в Чехословакии и развала чехословацкого государства.

С окончанием Второй мировой войны спор между русофилами и украинофилами был насильственным путем решен в пользу украинского направления, хотя русофильские деятели Подкарпатской Руси, стремясь избежать украинизации, пытались добиться присоединения Подкарпатя в рамках СССР не к УССР, а к РСФСР. Административное навязывание украинской идентичности имело особенно негативные последствия в Пряшевской области Словакии, русинское население которой было полностью русофильским. Инициатором насаждения чуждой русинам украинской идентификации и ликвидации традиционной идентичности русинского населения Закарпатя стала Москва, примеру которой в начале 1950-х гг. последовали коммунистические власти Чехословакии и Польши. Процесс этнокультурных экспериментов, направленный на трансформацию традиционной русинской идентичности и на ее отрыв от сферы русской культуры был продолжен в новых условиях и под новым идеологическим соусом.

Дискомфорт, испытываемый русинами от нахождения в составе Украины, в известной степени сглаживался существованием СССР и доминировавшей в нем русскоязычной «высокой культурой». С распадом СССР и образованием независимой Украины русины Закарпатя оказались под растущим давлением формирующейся новоукраинской политической нации, что послужило одной из важных причин реанимации русинского движения, которое продемонстрировало свою востребованность и жизнеспособность в новых условиях.

Только русины Воевоины в составе Югославии, насчитывающие около 20000 человек, избежали насильственной украинизации, получив возможность сохранить свой этноним и развивать собственную традиционную культуру. В русинском вопросе Белград не пошел по пути Москвы, проводя самостоятельную политику в отношении своего русинского меньшинства. В Югославии русины были официально признаны отдельной национальностью и получили широкие возможности для своего культурного развития. Хотя среди части русинской интеллигенции Воевоины существовали

сильные проукраинские настроения, украинская идентичность в целом не получила здесь широкого распространения в силу географической отдаленности Воевоины от Украины, а также в силу того, что еще в 1920-е гг. местные русины создали собственный литературный язык, который активно использовался в школах и в СМИ.

* * *

По наблюдению К. Дойча, в истории любых обществ и культур выделяются определенные периоды «особенно быстрых и глубоких изменений, в ходе которых ... культурные образцы меняют свою форму, распадаются или объединяются в новом виде. Существуют «инкубационные периоды», когда формируются элементы новых образцов...».¹⁰⁷⁷

Анализируя социолингвистические стратегии славянских народов в XIX в., А. Дуличенко выделял три основных уровня: 1) Областные литературные языки; 2) Национальные литературные языки и 3) Проекты всеславянских литературных языков. По мнению Дуличенко, любое этническое сознание, которое в определенные периоды активизирует собственное этноязыковое пространство, является трехслойным, где «первый слой — это «малая родина», покрываемая говором или диалектом; второй — «большая родина», которую составляют все ... родственные диалекты, формируя тем самым цельный этнос и целостный язык; и третий слой составляет ощущение себя в близкородственном контексте, а именно в контексте славянских этносов и языков. В рамках первого слоя формируются областные, второго — общенациональные литературные языки, а третьего — проекты всеславянского языка. Этот триединый контекст — опора и защита, средство выживания этноса. Вот почему, каким бы совершенным ни был общенациональный литературный язык, находящиеся слева и справа от него части этноязыкового пространства всегда будут давать о себе знать».¹⁰⁷⁸ Устойчивость и живучесть областных литературных языков у славянских народов (областные литературные языки в Хорватии, Словении и Словакии существовали со средних веков до XX века) Дуличенко объясняет как слабостью национальных литературных языков в отдаленных регионах, так и трехслойностью этнического сознания. В определенное время и при оп-

¹⁰⁷⁷ Deutsch K. W. Nationalism and Social Communication. Cambridge (Mass.), 1969. P. 38.

¹⁰⁷⁸ Дуличенко А. К типологии социолингвистических стратегий в эпоху национального возрождения: областные — общенациональные литературные языки — всеславянские лингвопроекты // Историко-культурные и социолингвистические аспекты изучения славянских литературных языков эпохи национального возрождения. М., 1993. С. 17–18.

ределенных условиях этническое самосознание актуализирует «областной этноязыковой уровень», который в данных обстоятельствах в большей степени отвечает потребностям данной этнической общности.

Распад СССР и образование независимого украинского государства поставило восточнославянское население Закарпатья, значительная часть которого сохраняла память о традиционном этнониме и культурном наследии, перед необходимостью быть украинцами не только формально (как в бывшем СССР), но и в действительности. В ответ на действие подобных факторов у части местного населения актуализировался областной уровень этнического самосознания, оказавшийся более адекватным средством культурного самовыражения в условиях независимой Украины.

Происходящее в настоящее время возрождение русинского движения в северо-восточной Словакии, Польше и Закарпатской Украине опирается на традиционную идею об особности русинов и отрицает теорию о том, что русины — лишь этнографическая разновидность украинцев. Как и в межвоенный период, отношения между русинами и украинцами отличаются конфронтационностью и полемическим накалом. Русинское население Словакии, Польши и Украины разделилось на две части, одна из которых усвоила украинскую идентификацию, а другая выступает с традиционных русинских позиций. Так, в Словакии «Русинской Оброде» противостоит Союз Русинов-Украинцев Словакии, который трактует русинов как часть украинского народа, отрицает существование русинского литературного языка и препятствует созданию русинских школ. Украинские радикалы не признают русинов в качестве отдельного народа и нередко пытаются представить русинское движение в качестве искусственно созданного образования, вымысла враждебных Украине политических сил и результата антиукраинской деятельности спецслужб. Подобный подход является продолжением печальной традиции, когда отрицались любые естественные предпосылки русинской культурно-языковой особности, а сами русины объявлялись несуществующим народом, этаким «выдумкой» неких враждебных политических сил или государств.

Завершение кодификации русинских диалектов в Словакии, отмеченное на торжественной церемонии в Братиславе в январе 1995 г., кодификация языка русинов-лемков в Польше в 2000 г., успешная работа по созданию общерусинского литературного языка, признание русинов в качестве отдельной национальности областной радой Закарпатской области Украины в марте 2007 г., а также результаты Всемирных Конгрессов русинов свидетельствуют об устойчивости русинского национального движения. Несмотря на существующие проблемы в сфере образования, в области подготовки русинских педагогических кадров и в доступе к средствам массовой информации, русинское движение продолжает успешно развиваться.

Становление четвертого восточнославянского народа с особой культурой, языком и системой ценностей обретает все более зримые контуры. В случае успешного завершения этого процесса современная граница между Словакией, Украиной и Польшей разделит территорию компактного проживания русинского народа. Вопрос о том, захотят ли карпатские русины обзавестись в будущем собственной «политической крышей», зависит от способности Словакии, Украины и Польши удовлетворить культурные потребности этого славянского народа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Неопубликованные источники

АРХИВ ИНСТИТУТА Т. Г. МАСАРИКА (Archiv Ústavu T. G. Masaryka, AÚTGM)

1. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1918, krabice 400. Memorandum from the American National Council of Uhro-Rusins, to His Excellency Woodrow Wilson, President of the United States of America.
2. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1918, krabice 400. Report of members of Russian National Council of Carpatho-Russia.
3. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1919, krabice 400.
4. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1919, krabice 400. Rusínsko. Naprosto důvěrné. Dne 8. října 1919.
5. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1919, 22 A, krabice 403. Заявление Центральной Русской Народной Рады в Ужгороде 7 августа 1919 г.
6. A ÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1919, 22 A, krabice 403. Ze zprávy gen. insp. č. j. 4241 ze dne 30. října 1919.
7. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1920, krabice 400.
8. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1920, krabice 400. Меморандум, преподнесенный депутацией крестьянского сословия автономной Карпатской Руси.
9. A ÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1920, krabice 400. Suggested corrections to Rusin preliminary administration plan submitted by Dr. Svehla.
10. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1920, 22 A, krabice 403.
11. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1920, 22 A, krabice 403. Návrhy Presidia Ministerské Rady na úpravu poměru v Podkarpatské Rusi. Dne 20. dubna 1920.
12. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1922, krabice 401.
13. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1922, krabice 401. Resoluce velkého národního kongresu Karpatorusů, konaného dne 23. listopadu 1922 v Prešově.
14. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1922, krabice 401. Poznámky k memorandu Ústředního Výboru Ruské Národní strany v Prešově.
15. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1922, krabice 401. Poznámky k návrhům o ústavě Podkarpatské Rusi.

16. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1922, krabice 401. Generální Statut pro organizaci a administraci Příkarpatské Rusi.
17. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1922, krabice 401. Paralyzování činnosti Žatkovičovy v Americe. Dne 2. prosince 1921.
18. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1922, 22 b, krabice 403. Církev pravoslavná na Podkarpatské Rusi.
19. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1923/1, krabice 402.
20. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1923, 22 b, krabice 403.
21. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1923/1, krabice 402. Záznam ze dne 25. ledna 1923.
22. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1923/1, krabice 402. Dopis biskupa Pavlíka ing. Nečasovi.
23. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1924, krabice 403. Kandidáti seljansko-republikánské strany na úřad guvernéra Podkarpatské Rusi.
24. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1924, krabice 403. Informace Dra Frankenbergra o politické situaci na Podkarpatské Rusi.
25. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1927, krabice 403. Podkarpatská Rus.
26. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1928, krabice 403.
27. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1928, krabice 403. Důvěrné. Věc: hranice Podkarpatské Rusi.
28. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1929, krabice 403. Otázka zemského presidenta Podkarpatské Rusi.
29. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1929, krabice 403. Podkarpatská Rus. FX-30. IX. 1929.
30. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1926–1931, 22 d, krabice 403.
31. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1928, krabice 403. Podkarpatská Rus — zpráva Ing. Nečase.
32. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1931, krabice 403. Memorandum Centrální Ruské Národní Rady v Užhorodě týkající se křivdy přičiněné Podkarpatským Rusínům na poli hospodářském.
33. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1932, krabice 403.
34. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1932, krabice 403. Memorandum v záležitosti obsazení místa guvernéra Podkarpatské Rusi.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЧЕХИИ (Státní Ústřední Archiv, SÚA)

1. SÚA, fond Ministerstvo zahraničních věcí — výstřižkový archiv, sign. 902, kart. č. 1759. Podkarpatská Rus — Zakarpatská Ukrajina 1919.
2. S ÚA, fond Ministerstvo zahraničních věcí — výstřižkový archiv, sign. 871, kart. č. 1740. Slovensko — národnosti 1920–1932.
3. S ÚA, fond Předsednictvo Ministerské Rady (PMR), inv. č. 588, sign. 223, kart. č. 131. Zápis o poradě konané dne 4. prosince 1919 o vyučovacím jazyku v Podkarpatské Rusi.
4. SÚA, fond PMR, inv. č. 588, sign. 223, kart. č. 131. Jazyková otázka na Podkarpatské Rusi 1920–1938.
5. SÚA, fond PMR, inv. č. 654, sign. 294, kart. č. 150. Úprava národních a politických poměrů na Rusi a Slovensku.
6. SÚA, fond PMR, inv. č. 418, sign. 37–40, kart. č. 57. Zpráva posl. Dra Wintra o zájezdu do Varšavy 23 února 1921.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

1. Американский Русский Вестник. Гомстед, ПА. 31 октября 1919. №44.
2. Американский Русский Вестник. Гомстед, ПА. 19 декабря 1919. №1.
3. Американский Русский Вестник. Гомстед, ПА. 25 июня 1920. №25.
4. Американский Русский Вестник. Гомстед, ПА. 8 апреля 1921. №15.
5. Американский Русский Вестник. Гомстед, ПА. 31 марта 1922. №14.
6. Американский Русский Вестник. Гомстед, ПА. 28 апреля 1922. №17.
7. Американский Русский Вестник. Гомстед, ПА. 9 ноября 1923. №45.
8. Вперед. Серпень 1933. Число 3.
9. Голос Москвы. 8 (21) октября 1914 г. №231.
10. Карпаторусский вестник. 7 января 1926. №2.
11. Карпаторусский вестник. 13 января 1926. №3.
12. Карпаторусский вестник. 12 февраля 1926. №7.
13. Карпаторусский вестник. 5 марта 1926. №10.
14. Карпаторусский голос. 1 мая 1932. №1.
15. Карпаторусский голос. 18 мая 1932. №3.
16. Карпаторусский голос. 1 июня 1932. №14.
17. Карпаторусский голос. 2 июня 1932. №15.
18. Карпаторусский голос. 15 июня 1932. №24.
19. Карпаторусский голос. 10 августа 1932. №66.
20. Карпаторусский голос. 13 августа 1932. №69.

21. Карпаторусский голос. 24 августа 1932. № 76.
22. Карпаторусский голос. 25 августа 1932. № 77.
23. Карпаторусский голос. 16 сентября 1932. № 95.
24. Карпаторусский голос. 11 октября 1932. № 113.
25. Карпаторусский голос. 3 января 1933. № 2.
26. Карпаторусский голос. 18 января 1933. № 12.
27. Карпаторусский голос. 25 апреля 1933. № 89.
28. Карпаторусский голос. 24 июня 1933. № 137.
29. Карпаторусский голос. 15 декабря 1933. № 270.
30. Карпаторусский голос. 8 февраля 1934. № 483.
31. Карпаторусский голос. 14 марта 1934. № 510.
32. Карпаторусский голос. 8 сентября 1934. № 646.
33. Карпатская Русь. 26.08.1921. № 11.
34. Карпатский свет. 1928. №№ 1–2–3.
35. Карпатский свет. 1928. № 4.
36. Карпатский свет. 1929. №№ 5–15.
37. Карпатский свет. 1930. №№ 1–2.
38. Карпатский свет. 1931. №№ 5–6–7.
39. Карпатский свет. 1932. № 6.
40. Карпатська правда. 2 січня (января) 1927. Число 1.
41. Карпатська правда. 21 лютого (февраля) 1927. Число 8.
42. Карпатська правда. 10 липня (июля) 1927. Число 28.
43. Карпатська правда. 23 червня (юния) 1929. Число 3.
44. Карпатська правда. 21 липня (юлій). 1929. Число 7.
45. Карпатська правда. 8 вересня (сентября) 1929. Число 14.
46. Карпатська правда. 26 вересня (сентября) 1929. Число 17.
47. Карпатська правда. 8 червня (юния) 1930. Число 22.
48. Карпатська правда. 26 червня (юния) 1932. Число 27.
49. Народна обрана. Homestead, PA. July 1917. № 2.
50. Народна обрана. Homestead, PA. August 7, 1917. № 5.
51. Народна школа. Мукачєво, септембрия 30. 1924. № 7.
52. Народная газета. 1924. № 1.
53. Народная газета. 1925. № 3.
54. Народная газета. 1925. № 10.
55. Народная газета. 1925. № 21.
56. Народная газета. 1926. № 9.
57. Народная газета. 1927. № 17.
58. Народная газета. 1928. № 10.
59. Народная газета. 1929. № 1.
60. Народная газета. 1929. № 4.

61. Народная газета. 1930. № 1.
62. Народная газета. 1930. № 2.
63. Народная газета. 1930. № 3.
64. Народная газета. 1933. №№ 1–2.
65. Народная газета. 1933. № 3.
66. Народная газета. 1933. № 4.
67. Народная газета. 1935. №№ 1–2.
68. Народная газета. 1935. №№ 3–4.
69. Народная газета. 1935. № 26.
70. Народны новинки. 2 априля 2003. Число 13–14.
71. Народны новинки. 11 юла 2007. Число 25–28.
72. Народны новинки. 19. марца 2009. Число 9–12.
73. Наш Лемко. Львів. 28 квітня 1935. Число 9 (33).
74. Наш Лемко. Львів. 15 лютого 1936. Число 4 (52).
75. Нова свобода. 3 січня 1939. Число 2.
76. Нова свобода. 7 січня 1939. Число 4.
77. Нова свобода. 21 січня 1939. Число 12.
78. Нова свобода. 22 січня 1939. Число 13.
79. Нова свобода. 26 січня 1939. Число 16.
80. Нова свобода. 2 лютого 1939. Число 22.
81. Нова свобода. 5 лютого 1939. Число 25.
82. Нова свобода. 14 лютого 1939. Число 32.
83. Нова свобода. 2 березня 1939. Число 46.
84. Новий час. 25.4.1936.
85. Подкарпатска Русь. Часопись присвячена для познання родного краю. 1923. Число 1.
86. Пряшевщина. 1945. № 1.
87. Пряшовска Русь. 2.04.1998.
88. Речь. 2 (15) ноября 1914 г. № 296. С. 2.
89. Русин. 25.02.1923. № 11.
90. Русин. 1991. № 2.
91. Русинська бисіда. Август 1998. № 4 (8).
92. Русская земля. 19 августа 1919. Сверхочередный выпуск.
93. Русская земля. 21 августа 1919. № 5.
94. Русская земля. 15 ноября 1919. № 17.
95. Русская земля. 3 мая 1923. № 16.
96. Русская земля. 2 августа 1923. № 29.
97. Русская земля. 20 сентября 1923. № 36.
98. Русская земля. 22 ноября 1923. № 45.
99. Русская земля. 6 декабря 1923. № 47.

100. Русский голос. 1 февраля 1925. № 109.
101. Русский голос. 13 сентября 1925. № 130.
102. Русский голос. 12 февраля 1926. № 143.
103. Русский голос. 10 октября 1926. № 174.
104. Русский голос. 10 апреля 1927. № 198.
105. Русское слово. 1930. № 15.
106. Русское слово. 1931. № 2.
107. Русь. 13 октября 1921. № 1.
108. Русь. 3 ноября 1921. № 2–3.
109. Русь. 16 ноября 1922. № 37.
110. Русь. 4 января 1923. № 1.
111. Свобода. 18 февраля 1923. Число 6.
112. Свобода. 25 февраля 1923. Число 7.
113. Свобода. 6 июня 1923. Число 21.
114. Свобода. 13 декабря 1923. Число 48.
115. Свобода. 21 февраля 1929. Число 8.
116. Свобода. 29 августа 1929. Число 35.
117. Свобода. 12 июня 1930. Число 24.
118. Свобода. 21 октября 1930. Число 40.
119. Славяне. Ежемесячный журнал Всеславянского комитета. 1944. № 4.
120. Слово народа. 1932. № 5.
121. Срібна земля-фест. 19–25 вересня 1996. № 22.
122. Утро России. 16 (29) сентября 1914 г. № 222.

* * *

1. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 6 februara, 1919. № 5.
2. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 27. marca, 1919. № 12.
3. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 14 augusta, 1919. № 31.
4. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 18 septembra, 1919. № 36.
5. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 16 oktobra, 1919. № 40.
6. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. February 10, 1927. № 6.
7. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. February 24, 1927. № 8.
8. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. March 3, 1927. № 9.
9. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. March 14, 1929. № 11.
10. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. August 29, 1929. № 34.
11. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. January 23, 1930. № 4.
12. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. February 27, 1930. № 9.
13. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. June 26, 1930. № 26.

14. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. July 31, 1930. № 31.
15. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. January 15, 1931. № 3.
16. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. April 16, 1931. № 16.
17. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. May 9, 1935. № 19.
18. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. August 8, 1935. № 32.
19. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. July 1, 1937. № 26.
20. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. September 29, 1938. № 39.
21. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. October 20, 1938. № 42.
22. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. November 24, 1938. № 47.
23. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. March 16, 1939. № 11.
24. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. June 8, 1939. № 23.
25. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. February 25, 1943. № 8.
26. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. November 4, 1943. № 44.
27. Bratislava. Časopis učení spoločnosti Šafaříkovej. 1931. Roč. 5. Číslo 3.
28. Čas. 13.07.1914.
29. Čas. 1.08.1914.
30. Čas. 8.3.1921.
31. Čas. 22.3.1921.
32. Lidová demokracie. 3.09.1991.
33. Lidové noviny. 26. října 1914.
34. Lidové noviny. 7. ledna 1927.
35. Lidové noviny. 18. ledna 1938.
36. Národní listy. 13. července 1929.
37. Podkarpatské hlasy. 31. října 1929.
38. Slovanský přehled. 1901. Ročník III.
39. Slovenský denník. 31. V. 1922.
40. Slovenská politika. 24. XI. 1933.
41. Slovenský východ. 26.11.1922.
42. Venkov. 17.4.1930.

Опубликованные источники и литература

1. *Аристов Ф. Ф.* Карпато-русские писатели. Исследования по неизданным источникам. Том первый. М., 1916.
2. *Аристов Ф. Ф.* Литературное развитие Подкарпатской (Угорской) Руси. М., 1995.
3. *Байцура Т.* Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. Словацке педагогічне видавництво в Братиславі. 1971.
4. *Бача Ю., Ковач А., Штець М.* Чому, коли і як? Запитання й відповіді з історії і культури русинів-українців Чехословаччини. Пряшів–Київ, 1992.
5. *Бендин А. Ю.* Проблемы этнической идентификации белорусов 60-х гг. XIX–начала XX вв. в современной историографии // Исторический поиск Беларуси. Альманах. Минск, 2006.
6. *Бенеш Э.* Проблема славянской политики (Славянофильство и славяне во время войны) // Воля России. Журнал политики и культуры. Прага, 1926. 10.
7. *Бескид Н.* Карпатская Русь. Пряшев, 1920.
8. *Бескид Н.* Карпаторуська правда // Николай Бескид на благо русинів. Зоставитель Мгр. Гавриіл Бескид. Ужгород, 2005.
9. *Бескид Н.* Краснобродьскы ярмаркы // Николай Бескид на благо русинів/Зоставитель Мгр. Гавриіл Бескид. Ужгород, 2005.
10. *Бобраков-Тимошкин А.* Проект «Чехословакия». Конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1938). М., 2008.
11. *Болдижар М.* Закарпаття між двома світовими війнами: факти, події, люди, оцінки. Ужгород, 1996.
12. *Борисенок Е.* Феномен советской украинизации. М., 2006.
13. *Буркут И. Г.* Формирование национального самосознания русинского населения Бачки и Срема // Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX–начале XX вв. М., 1991.
14. В память Александра Духновича 1803–1923. Ужгород, 1923.
15. *Ванат І.* Нариси новітньої історії українців Східної Словаччини. І. 1918–1938. Словацке педагогічне видавництво в Братиславі. Відділ української літератури в Пряшеві. 1990.
16. Военные преступления Габсбургской монархии 1914–1917 гг. Галицкая Голгофа. Книга I. Trumbull, Conn. 1964.
17. *Волконский А. М.* В чем главная опасность? Малоросс или украинец? Ужгород, 1929.
18. *Волошин А.* Две политичне розмовы. В Ужгороді, 1923.

19. *Волоцук И.* Карпатороссы в рядах чсл. заграничной армии // Пряшевщина. Историко-литературный сборник. Прага, 1948.
20. *Геворкян А. С.* Три страны. Три мифа. Социально-экономические и политические трансформации Казахстана, Грузии, Украины. М., 2008.
21. *Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь. М., 1992. № 1.
22. *Геровский А.* Карпатская Русь в чешском ярме // Пути истории. Общерусское национальное, духовное и культурное единство на основании данных науки и жизни/Под редакцией О. А. Грабаря. Том I. Нью-Йорк, 1977.
23. *Геровский А.* Борьба чешского правительства с русским языком // Пути истории. Общерусское национальное, духовное и культурное единство на основании данных науки и жизни/Под редакцией О. А. Грабаря. Том II. Нью-Йорк. 1977.
24. *Геровский Г.* Историческое прошлое Пряшевщины // Пряшевщина. Историко-литературный сборник. Прага, 1948.
25. Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. М., 1991. Т. 1.
26. *Годьмаш П., Годьмаш С.* Подкарпатская Русь и Украина. Ужгород, 2003.
27. *Грушевский М.* Иллюстрированная история Украины. М., 2001.
28. *Гусьнай И.* Языковой вопрос в Подкарпатской Руси. Пряшев, 1921.
29. *Деникин А. И.* Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953.
30. *Добрянский А. И.* О западных границах Подкарпатской Руси со времен св. Владимира // Журнал Министерства Народного Просвещения. Т. 208. СПб., 1880.
31. *Добрянский А. И.* О современном религиозно-политическом положении австро-угорской Руси. М., 1885.
32. *Дронов М.* Лемки и Лемковщина. Страницы истории и культуры самой западной Руси // Вестник Юго-Западной Руси. 2006. № 1.
33. *Дуличенко А. Д.* Современная этноязыковая Микрославия: состояние и перспективы развития // Плїшкова А. (ед.) Русинський язык меджі двома конгресами. Пряшів, 2008.
34. *Дуличенко А. Д.* К типологии социолингвистических стратегий в эпоху национального возрождения: областные — общенациональные литературные языки — всеславянские лингвопроекты // Историко-культурные и социолингвистические аспекты изучения славянских литературных языков эпохи национального возрождения. М., 1993.
35. *Зоркий Н.* Доказано ли научно существование вполне самостоятельного «украинского языка»? Ужгород, 1924.
36. Избранные сочинения Александра В. Духновича. Стихи и проза. Унгарь-Ужгородь, 1941.

37. Интерпелляції, поданні Председателю Совета министров и министрам Чехословацкой республики депутатом Народного Собрания доктором Степаном А. Фенциком. Издание Русской национально-автономной партии. Ужгород, 1936.
38. *Кичура С.* Карпаторусская эмиграция в США // Славяне. Ежемесячный журнал Всеславянского комитета. 1943. № 4.
39. *Клочурак С.* До громадської діяльності д-ра Панькевича в Закарпатській Україні // Науковий Збірник музею української культури в Свиднику. 1969. № 4.
40. *Кміцікевич Я.* 1919 рік на Закарпатті. Спогад // Науковий збірник музею української культури в Свиднику. 1969. № 4.
41. *Ковач А.* Українці Пряшівщини і деякі питання культурної політики Словацької республіки // Oktober a ukrajinská kultura. Prešov, 1968.
42. *Крالیцкий А. Ф.* Воспоминания // Пряшевщина. Историко-литературный сборник. Прага, 1948.
43. *Красовський І.* Лемківщина у боротьбі за об'єднання з Україною. Нью-Йорк, 1964.
44. *Красовський І., Солинко Д.* Хто ми, лемки... Популярний нарис. Львів, 1991.
45. Краткая история Чехословакии. М., 1988.
46. *Кржепинский И.* Автономия Подкарпатской Руси // Восемь лекций о Подкарпатской Руси. Прага, 1925.
47. *Кушко Н.* Літературні стандарти русинської мови: історичний контекст і сучасна ситуація // Plišková A. (zost.) Jazyková kultúra a jazyková norma v rusínskom jazyku. Prešov, 2007.
48. *Ламанский В.* О Славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859.
49. Лемківська проблема. Написав Лемко. Львів, 1933.
50. *Лемкин И. Ф.* История Лемковины. Нью-Йорк, 1969.
51. *Ліхтей І.* Українське питання в діяльності політичних партій Підкарпатської Русі (1919–1939 рр.) // Zakarpatská Ukrajina v rámci Československa (1918–1939). Prešov, 2000.
52. *Лучкай М.* Історія карпатських русинів. Том I. Ужгород, 1999.
53. *Люзняк М.* Поширення української книги товариством «Просвіта» на Лемківщині у 30-х роках XX ст. // Вісник Львівського Університету. Серія історична. 1999. Вип. 34.
54. *Магочій П. Р.* Народ нивыдыкы. Ілюстрована історія карпаторусинів. Ужгород, 2007.
55. *Магочій П. Р.* Етно-географічний і історичний перегляд // Русинський язык. Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Opole. 2004.

56. Манифест Русской национально-автономной партии. Интерпелляції и открытые письма Председателю Совета министров и министрам, земскому вице-президенту и вице-губернатору Подкарпатской Руси Д-ра Степана А. Фенцика, депутата парламента. Ужгород, 1938.
57. *Маркусь В.* Політично-правова еволюція Підкарпатської Русі в Чехословаччині // Zakarpatská Ukrajina v rámci Československa. Prešov, 2000.
58. *Марьина В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. М., 2003.
59. *Матвеев Г. Ф.* Русинский вопрос в Чехословакии и Польше в межвоенные годы // Карпатские русины в славянском мире. Актуальные проблемы. М.; Братислава, 2009.
60. *Мачик К. П.* Беседа об украинизме и украинском вопросе // Народная газета. 1925. № 3.
61. *Миллер А.* Россия и Украина в XIX–начале XX вв.: непредопределенная история // Украина и Россия: общества и государства. Выпуск 1. М., 1997.
62. *Михутина И. В.* Украинский вопрос в России (конец XIX–начало XX вв.). М., 2003.
63. *Мишанич О.* Політичне русинство і що за ним. Ужгород, 1993.
64. *Мишанич О.* Життя і творчість Августина Волошина. Ужгород, 2002.
65. *Мончаловский О. А.* Житие и деятельность Ивана Наумовича. Львов, 1899.
66. *Магочи П. Р.* Культурные институции как инструмент национального развития в XIX в. в Восточной Галиции // Славянские и балканские культуры XVIII–XIX вв.: Советско-американский симпозиум. М., 1990.
67. *Надеждин Н.* Записка о путешествии по южно-славянским странам // Журнал Министерства Народного Просвещения. Т. 34. СПб, 1842.
68. *Наумович И. Г.* Апелляция к папе Льву XIII русского униатского священника местечка Скалат (Львовской митрополии в Галиции) Иоанна Наумовича против великого отлучения его от церкви по обвинению в схизме. Перевод с латинского языка. СПб., 1883.
69. *Нярадій Д. О.* Александръ Духновичъ // В память Александра Духновича 1803–1923. Ужгород, 1923.
70. Оргоскоп. Державні змагання Прикарпатської України. Відень, 1924.
71. Ответы на интерпелляції, поданні Председателю Совета министров и министрам Чехословацкой республики депутатом Народного Собрания доктором Степаном А. Фенциком. Издание Русской национально-автономной партии. Ужгород, 1936.
72. ОУН в світлі постанов Великих Сборів, Конференцій та інших документів з боротьби 1929–1955. Видання Закордонних Частин Організації Українських Націоналістів. 1955.

73. *Павлович Н.* Русская культура и Подкарпатская Русь. Ужгород, 1926.
74. *Панас И.* К вопросу о русском национальном имени. (По поводу меморандума галицких украинофилов о замене народного имени «русин» термином «украинец».) Ужгород, 1934.
75. *Пашаева Н.* Мифы украинства: И. Г. Наумович как общественный, политический и религиозный деятель Галичины второй половины XIX века // Вестник Юго-Западной Руси. 2006. № 1.
76. *Петров А.* Статьи об Угорской Руси. СПб., 1906.
77. *Петров А.* Древнейшие грамоты по истории карпаторусской церкви и иерархии 1391–1498. Прага, 1930.
78. *Плїшкова А.* (ед.) Русинський язык меджі двома конгресами. Пряшів, 2008.
79. *Плїшкова А.* Русинський язык на Словенську. Пряшів, 2008.
80. *Плїшкова А.* Списовный язык як інструмент етнічної орієнтації Русинів // Русин. 2009. № 4.
81. *Поп Д. И.* Раннефеодальные государства в Центральной Европе и подкарпатские русины // Карпатские русины в славянском мире. Актуальные проблемы. М.; Братислава, 2009.
82. *Поп И. И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001.
83. *Пряшевщина.* Историко-литературный сборник. Прага, 1948.
84. *Пути истории.* Общерусское национальное, духовное и культурное единство на основании данных науки и жизни/Под редакцией О. А. Грабаря. Том I. Нью-Йорк, 1977.
85. *Пушкаш А.* Цивилизация или варварство. Закарпатье 1918–1945. М., 2006.
86. *Рамач Я.* Історія русинів південної Угорщини. Автореферат на здобуття наукового ступеня доктора історичних наук. Ужгород, 1995.
87. *Рачук Г.* Подвижник Руси Карпатской Архимандрит Иов (Кундря). М., 2008.
88. *Рудловчак О.* Літературні стремління українців Східної Словаччини у 20–30 роках нашого століття // Oktober a ukrajinská kultura. Prešov, 1968.
89. *Русины а Москалі.* Видавництво політичного товариства «Руска Рада». Чернівці, 1911.
90. *Сімович В.* Йозеф Іречек і українська мова (до азбучної заверюхи 1859 р.). Прага, 1933.
91. *Сірка Й.* Розвиток національної свідомости лемків Пряшівщини у світлі української художньої літератури Чехословаччини. Мюнхен, 1980.

92. *Скрипник М.* Національне відродження в сучасних капіталістичних державах на прикладі Закарпатської України // Прапор марксизму. 1928. № 1 (2).
93. *Соболевский А.* Как давно Русские живут в Карпатах и за Карпатам // Живая Старина. Т. 4. СПб., 1894.
94. *Сова П.* Прошлое Ужгорода. Исторический очерк. Ужгород, 1937.
95. *Соколов Л.* Вопрос о национальной принадлежности галицких русинов в 1848 году: www.edru.org/content/view/236/47/
96. *Ставровский-Попрадов Ю. И.* Неужели писати нам абцадлом? // Пряшевщина. Историко-литературный сборник. Прага, 1948.
97. *Талергофский альманах.* Львов, 1930.
98. *Тарнович Ю.* Ілюстрована історія Лемківщини. Львів, 1998.
99. *Тімкович Й. В.* Юрій III Другет і неуспішна Краснобрідська «унія» в році 1614 // Русин. 2009. № 9.
100. *Тихий Ф.* Ужгород 1923. Перечин, 1992.
101. *Толочко П.* Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987.
102. *Федор П.* Очерки карпаторусской литературы. Ужгород, 1929.
103. *Филевич И.* Угорская Русь и связанные с нею вопросы и задачи русской исторической науки. Варшава, 1894.
104. *Филевич И.* Очерк Карпатской территории и населения // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1895.
105. *Франко Иван.* Публіцистика. Вибрані статті. Київ, 1953.
106. *Францев В.* К вопросу о литературном языке Подкарпатской Руси. Ужгород, 1924.
107. *Францев В.* Из истории борьбы за русский литературный язык в Подкарпатской Руси в половине XIX ст. Ужгород, 1930.
108. *Фурман Д., Буховец О.* Белорусское самосознание и белорусская политика // Свободная мысль. М., 1996. № 1.
109. *Химинець Ю.* Закарпаття — земля української держави. Ужгород, 1991.
110. *Худанич В.* Діяльність автономного уряду Карпатської України в 1938–1939 рр. // Zakarpatská Ukrajina v rámci Československa (1919–1939). Prešov, 2000.
111. *Чорновол І.* Польсько-українська угода 1890–1894 рр. Львів, 2000.
112. *Шевченко М. М.* Конец одного величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003.
113. *Шелепець Й.* Сенс історії культури південнокарпатських українців // Oktober a ukrajinská kultura. Prešov, 1968.

114. *Штець М.* Боротьба за літературну мову українців Східної Словаччини у 1919–1945 рр. // *Oktober a ukrajinská kultura*. Prešov, 1968.

* * *

1. Akcja «Wisła». Dokumenty/Opracował Eugeniusz Misiło. Warszawa, 1993.
2. *András M.* Súčasnité postavenie Rusínov na Slovensku // *Střední Evropa a Podkarpatská Rus*. Edice statí, reportáží, vzpomínek a dokumentů. 16 svazek. Praha, 1997.
3. *Bajcura I.* Ukrajinská otázka v ČSSR. Východoslovenské vydavateľstvo. 1967.
4. *Beneš E.* Řeč o problému podkarpatoruském a jeho vztahu k Československé republice. Užhorod, 1934.
5. *Beneš E.* Podkarpatská Rus z hlediska zahraničně-politického // *Podkarpatská Rus*. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi. V Bratislavě, 1936.
6. *Best P. J.* Moskalofilstwo wśród ludności Łemkowskiej w XX wieku // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace historyczne*. MLXXXVIII. Z. 103.
7. *Bilnja V.* Rusini u Vojvodini. Prilog izučavanju istorije Rusina Vojvodine (1918–1945). Novi Sad, 1987.
8. *Birčák V.* Dnešní stav podkarpatské literatury // *Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi/Redigoval Dr. Jaroslav Zatloukal*. V Bratislavě, 1936.
9. *Bonkalo A.* The Rusyns. N. Y., 1990.
10. *Borák M.* Obrana republiky na Podkarpatské Rusi v letech 1938–1939 // *Vznik ČSR 1918 a Podkarpatská Rus*. Sborník z mezinárodní konference v Praze. Praha, 1999.
11. *Brandejs J.* Vývoj politických poměrů na Podkarpatské Rusi v období 1918–1935 // *Podkarpatská Rus*. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi. V Bratislavě, 1936.
12. *Bugański J.* Nations in Turmoil. Conflict & Cooperation in Eastern Europe. Boulder–San Francisco–Oxford, 1993.
13. *Chinyeva E.* Russian emigres and Czechoslovak society: uneasy relations // *Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945*. Sborhík studií-2. V Praze, 1994.
14. *Chinyeva E.* Russian Émigrés: Czechoslovak Refugee Policy and the Development of the International Refugee Regime between the Two World Wars // *Journal of Refugee Studies*. Vol. 8. №2. 1995.
15. *Daniš M., Nevrlý M.* Ivan Franko. Život a dielo. Prešov, 2009.
16. *Deutsch K. W.* Nationalism and Social Communication. Cambridge (Mass.), 1969.
17. *Doubek V. T. G.* Masaryk a česká slovanská politika 1882–1910. Praha, 1999.
18. *Dmowski R.* Polityka polska i odbudowanie państwa. Warszawa, 1926.
19. *Duc'-Fajfer O.* Lemkovský jazyk v edukačnom systéme Poľska // *Plišková A.* (ed.) *Rusínska kultúra a školstvo po roku 1989*. Prešov, 2008.
20. *Encyclopedia of Rusyn History and Culture*. Revised and Expanded Edition/Edited by Paul Robert Magocsi and Ivan Pop. University of Toronto Press, 2005.
21. *Eriksen T. H.* Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives. L., 1993.
22. *Exposé Dr. G. I. Žatkoviča*, bývešego gubernatora Podkarpatskoj Rusi, o Podkarpatskoj Rusi. Homestead, 1921.
23. *Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford, 1983.
24. *Haraksim L.* Z dejin ukrajincov na vychodnom Slovensku. Martin, 1957.
25. *Harbul'ová L.* Miesto karpatoruskej otázky v zahraničnopolitických plánoch vlády A. V. Kolčaka // *Карпатские русины в славянском мире*. Актуальные проблемы. М.; Братислава, 2009.
26. *Hatalák P.* Jak vznikla myšlenka připojení Podkarpatskou Rus k Československu. Užhorod, 1935.
27. *Hlad v Podkarpatské Rusi*. V Praze, 1932.
28. *Hnat'uk V.* Rusini v Uhrách // *Slovanský přehled*. 1899. Ročník I.
29. *Horbal B.* Sprawa łemkowska na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 r. // *Wrocławskie Studia Wschodnie*. Wrocław, 2004.
30. *Horbul'ová L.* Miesto karpatoruskej otázky v zahraničnopolitických plánoch vlády A. V. Kolčaka // *Карпатские русины в славянском мире*. Актуальные проблемы. М.; Братислава, 2009.
31. *Hořec J.* Poselství Podkarpatské Rusi // *Střední Evropa a Podkarpatská Rus*. Edice statí, reportáží, vzpomínek a dokumentů. 16 svazek. Praha, 1997.
32. *Hořec J.* První kroky svobody. Podkarpatská Rus 1918–1920. Praha, 1999.
33. *Chmelář J.* Politické poměry v Podkarpatské Rusi // *Podkarpatská Rus*. Obraz poměrů přírodních, hospodářských, politických, církevních, jazykových a osvětových. Praha, 1923.
34. *Kadlec K.* O právní povaze poměru Podkarpatské Rusi k republice Československé // *Podkarpatská Rus*. Obraz poměrů přírodních, hospodářských, politických, církevních, jazykových a osvětových. Praha, 1923.
35. *Konečný S.* Rusini na Slovensku a vznik Československého státu // *Vznik ČSR 1918 a Podkarpatská Rus*. Sborník z mezinárodní konference v Praze. Praha, 1999.

36. *Konečný S.* Rusíni na Slovensku a štátoprávne zmeny v Československu do roku 1938 // *Střední Evropa a Podkarpatská Rus. Edice statí, reportáží, vzpomínek a dokumentů. 16 svazek. Praha, 1997.*
37. *Konečný S.* Rusíni na prelome dvoch tisícročí // *Plišková A. (ed.) Rusínska kultúra a školstvo po roku 1989. Prešov, 2008.*
38. *Konečný S.* Rusínska otázka v období Prvej SR // *Slovenská republika (1939–1945). Bratislava, 2000.*
39. *Korčák J.* Etnický vývoj československého Potisi // *Národnostní obzor. III. Praha, 1933.*
40. *Krivskij I.* Vliv ukrajinských emigrantů na podkarpatorusínskou komunitu // *Vznik ČSR a Podkarpatská Rus. Sborník z mezinárodní konference v Praze. Praha, 1999.*
41. *Krofta K.* Podkarpatská Rus a Československo. Praha, 1935.
42. *Kuzio T.* The Rusyn Question in Ukraine: Sorting Out Fact from Fiction // *Canadian Review of Studies in Nationalism. 2005. XXXII.*
43. *Kwiek J.* Przesiedlenie ludności łemkowskiej z województwa Krakowskiego na Ukrainę (1945–1946) // *Studia Historyczne. 1998. R. XLI. Z. 2 (161).*
44. *Lacko M.* Rusínska problematika vo fondoch armádneho spravodajstva // *Pamät' národa. 2007. №3.*
45. *Lozoviuk P.* Etnicky indiferentní skupiny — obohacení, nebo hrozba? // *Střední Evropa. 1994. №43.*
46. *Lozoviuk P.* Evropská etnologie ve středoevropské perspektivě. Pardubice, 2005.
47. *Lozoviuk P.* Moravanství a podoby jeho intersubjektivních konstrukcí // *Český lid. Etnologický časopis. Ročník 91/2004. №3.*
48. *Macmillanová M.* Mírotvorci. Pařížská konference 1919. Praha, 2004.
49. *Magocsi P. R.* The Ukrainian Question Between Poland and Czechoslovakia: The Lemko Rusyn Republic (1918–1920) and Political Thought in Western Rus'-Ukraine // *Nationalities Papers. XXI. 2. N. Y., 1993.*
50. *Magocsi P. R.* The Shaping of a National Identity. Subcarpathian Rus', 1848–1948. Cambridge (Mass.), 1979.
51. *Magocsi P. R.* The Rusyn-Ukrainians of Czechoslovakia. A Historical Survey. Wien, 1983.
52. *Masaryk T. G.* Světová revoluce. Za války a ve válce 1914–1918. Praha, 1925.
53. *Masaryk T. G.* Cesta demokracie. I. Praha, 1934.
54. *Mezihorák F.* Hry o Moravu. Separatisté, iredentisté a kolaboranti 1938–1945. Praha, 1997.
55. *Miller A.* The Ukrainian Question. The Russian Empire and Nationalism in the Nineteenth Century. Budapes–N. Y., 2003.

56. *Moklak J.* Republiki łemkowskie 1918–1919 // *Wierchy. Kraków, 1994. Rok 59.*
57. *Moklak J.* Ukraiński ruch narodowy na Łemkowszczyźnie w Drugiej Rzeczypospolitej // *Krakowskie Zeszyty Ukrainoznawcze. Tom III–IV. Kraków, 1995.*
58. *Moklak J.* Łemkowszczyzna w Drugiej Rzeczypospolitej. Kraków, 1997.
59. *Mokry W.* Nie wojskowy, lecz polityczny cel wysiedleńczej akcji «Wisła» w 1947 roku // *Problemy Ukraińców w Polsce po wysiedleńczej akcji «Wisła» 1947 roku/Pod redakcją Włodzimierza Mokrego. Kraków, 1997.*
60. *Nedzelskij E. Spolek A. V. Duchnovyče; Dr. Pankevyč I.* Spolek «Prosvita» v Užhorodě // *Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi/Redigoval Dr. Jaroslav Zatloukal. V Bratislavě, 1936.*
61. *Němcová H.* Velké problémy malé země // *Listy. Ročník XXI. Číslo 2. 1991.*
62. *Nečas J.* Uherská Rus a česká žurnalistika. V Užhorodě, 1919.
63. *Nečas J.* Politická situace na Podkarpatské Rusi (Rok 1921). Praha, 1997.
64. *Niederle L.* O kolébce národa slovanského. V Praze, 1899.
65. *Niederle L.* K sporu o ruskoslovenské rozhrání v Uhrách // *Slovanský přehled. 1903. Ročník V.*
66. *Niederle L.* Ještě k sporu o ruskoslovenskou hranici v Uhrách // *Slovanský přehled. 1904. Ročník VI.*
67. *Niederle L.* Slovanské starožitnosti. Praha, 1925. IV.
68. *Pankevič I.* Jazyková otázka v Podkarpatské Rusi // *Podkarpatská Rus. Obraz poměrů přírodních, ospodářských, politických, církevních, jazykových a osvětových. Praha, 1923.*
69. *Pankevič I.* Spolek «Prosvita» v Užhorodě // *Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi/Redigoval Dr. Jaroslav Zatloukal. V Bratislavě, 1936.*
70. *Paukovič V.* Etnická štruktúra Slovenska, jej vývoj, demografické a socialné charakteristiky // *Sociologia. Časopis Sociologického Ústavu Slovenskej Akademie Vied. Ročník 26. Bratislava, 1994.*
71. *Pernes J.* Pod moravskou orlicí aneb dějiny moravanství. Brno, 1996.
72. *Peroutka F.* Budování státu 1918–1923. Praha, 1998.
73. *Peška P.* K ústavnímu postavení Podkarpatské Rusi // *Střední Evropa a Podkarpatská Rus. Edice statí, reportáží, vzpomínek a dokumentů. 16 svazek. Praha, 1997.*
74. *Raušer A.* Připojení Podkarpatské Rusi k československé Republice // *Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi. V Bratislavě, 1936.*
75. *Rusinko E.* Straddling borders: Literature and Identity in Subcarpathian Rus'. University of Toronto Press, 2003.

76. Sborník dokumentů k vnitřnímu vývoji v českých zemích za 1. světové války 1914–1918. Svazek I. V Praze, 1993.
77. *Shevchenko K.* The Identity Crisis and Emergence of Alternative Ethnic Identities among the Eastern Slavs: the Case of the Poleshuks // Parallel Cultures. Majority/minority relations in the countries of the former Eastern Bloc. Ashgate, 2001.
78. *Sidor K.* Na Podkarpatskej Rusi. Úvahy, rozhovory a dojmy. Bratislava, 1933.
79. Slovanský svět. Praha, 1909.
80. Slovensko 2002. Súhrnná správa o stave spoločnosti. Bratislava, 2002.
81. Statistický lexikon obcí v Podkarpatské Rusi. Vydán ministerstvem vnitra a státním úřadem statistickým na základě výsledků sčítání lidu z 15. února 1921. V Praze, 1928.
82. Statistický lexikon obcí na Slovensku vydaný ministerstvom vnútra a štátnym úradom statistickým na základě výsledkov sčítania ľudu z 15. února 1921. V Prahe, 1927.
83. *Stepek J. A.* Akcja polska na Łemkowszczyźnie // Libertas. Kwartalnik społeczno-polityczny. Paryż, 1984. №1.
84. *Ströbinger R.* Dvakrát o Podkarpatské Rusi // Střední Evropa a Podkarpatská Rus. Edice statí, reportáží, vzpomínek a dokumentů. 16 svazek. Praha, 1997.
85. *Svoboda D.* Ukrajinská otázka v českém meziválečném myšlení a politice // Slovanský přehled. 2008. №4.
86. *Švorc P.* Zakletá zem. Podkarpatská Rus 1918–1946. Praha, 2007.
87. Štatistický lexikon obcí v krajine Slovenskej vydaný ministerstvom vnútra a štátnym úradom štatistickým na základe výsledkov sčítania ľudu z 1. decembra 1930. V Praze, 1936.
88. *Weinreich P.* Variations in Ethnic Identity: Identity Structure Analysis // New Identities in Europe. Vermont, 1989.
89. *Tejchmanová S.* Dokument o ukrajinské emigraci v meziválečném Československu // Slovanský přehled. 1992. №2.
90. Tóth I. Podkarpatsko: území na křižovatce zájmů // Střední Evropa a Podkarpatská Rus. Edice statí, reportáží, vzpomínek a dokumentů. 16 svazek. Praha, 1997.
91. Traité entre Les Principales Puissances Alliées et Associées et La Tchéco-Slovaque Signé a Saint-Germain-en-Laye Le 10. Septembre 1919. Smlouva mezi čelnými mocnostmi spojenými a přidruženými a Československem podepsaná v Saint-Germain-en-Laye dne 10. září 1919. Příloha k tisku 1630. Zasedání Národního shromáždění československého roku 1919.

92. *Trubetzkoj N.* The Common Slavic Element in Russian Culture. Columbia University, 1952.
93. *Třeštík D.* Vznik Velké Moravy. Moravané, Čechové a Střední Evropa v letech 791–871. Praha, 2001.
94. Ústava Československé Republiky. Praha, 1921.
95. *Vološin A.* Počátky národního probuzení na Podkarpatské Rusi // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi. V Bratislavě, 1936.
96. *Vykoupil L.* Slovník českých dějin. Brno, 2000.
97. *Urban O.* České a slovenské dějiny do roku 1918. Praha, 2000.
98. *Wolosiuk L.* Przebieg i skutki akcji «Wisła» // Problemy Ukraińców w Polsce po wysiedleńczej akcji «Wisła» 1947 roku. Pod redakcją Włodzimierza Mokrego. Kraków, 1997.
99. *Zatloukal J.* Za hlubším a objektivním poznáním Podkarpatské Rusi // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi. V Bratislavě, 1936.
100. *Zilynskyj B.* Ukrajinci v Čechách a na Moravě (1894) 1917–1945 (1994). Praha, 1995.

Интернет-ресурсы

1. <http://www.perepis2002.ru>
2. <http://www.uzhgorod.ua/novosti/20432>
3. <http://www.edrus.org/content/view/236/47/>

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1	42
КАРПАТСКИЕ РУСИНЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА: КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	
ГЛАВА 2	63
<i>«Я русин был, емь и буду»</i> КАРПАТСКИЕ РУСИНЫ В XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.	
ГЛАВА 3	105
РАСПАД АВСТРО-ВЕНГРИИ И КАРПАТСКИЕ РУСИНЫ В 1918–1919 ГГ.	
ГЛАВА 4	142
<i>«Наша автономия существует лишь на бумаге»</i> ПОДКАРПАТСКАЯ РУСЬ В СОСТАВЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1920–1930-Е ГОДЫ	
ГЛАВА 5	192
<i>«Русский народ не достиг того, что ему было обещано»</i> ПОЛОЖЕНИЕ РУСИНОВ СЛОВАКИИ В 1920–1930-Е ГОДЫ	
ГЛАВА 6	220
<i>«Украинские стремления поддерживаются членами правительства»</i> КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВЛАСТЕЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ В РУСИНСКОМ ВОПРОСЕ В 1920–1930-Е ГОДЫ	
ГЛАВА 7	269
<i>«Чи мы сыны...»</i> РУСИНЫ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ: РУСОФИЛЫ, УКРАИНОФИЛЫ И РУСИНОФИЛЫ	
ГЛАВА 8	305
<i>«Лемки ошиблись в своих надеждах»</i> ПОЛОЖЕНИЕ РУСИНОВ-ЛЕМКОВ В МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ	
ГЛАВА 9	340
<i>«Украинизация Подкарпатской Руси... не встречает сочувствия в населении»</i> ПРЕРВАННЫЙ КОНТИНУИТЕТ: КАРПАТСКИЕ РУСИНЫ В 1938–1945 ГГ.	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	383
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	393

К. В. Шевченко

СЛАВЯНСКАЯ АТЛАНТИДА

**КАРПАТСКАЯ РУСЬ И РУСИНЫ
В XIX–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВВ.**

Рецензенты:

Латтева Л. П.,

доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ;

Айратов О. Р.,

кандидат исторических наук, доцент исторического факультета МГУ;

Рандин А. В.,

кандидат исторических наук, преподаватель Университета
им. Коменского, Братислава, Словакия.

REGNUM

Издательский Дом «Регнум»

115088, г. Москва, 2-й Южнопортовый проезд, д. 16, стр. 1, офис 227

www.ridr.ru

Серия SELECTA

под редакцией *М. А. Колерова*

Подписано в печать 09.07.2010. Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,25. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «МТК press».

Ярославль, ул. Промышленная, дом 1, стр. 5.